К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1974

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
49

3К1

М $\frac{10101-307}{079(02)-74}$ Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сорок девятый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит четыре экономические работы К. Маркса: 1) «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства»; 2) «Форма стоимости»; 3) фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала» и 4) рукопись первого варианта второго тома «Капитала» — «Вторая книга. Процесс обращения капитала». Эти работы написаны Марксом в период с июля 1863 по ноябрь 1875 г., когда было завершено первое французское издание I тома «Капитала».

Создание «Капитала» потребовало от автора многолетних упорных исследований, напряженного неустанного творчества. Главному произведению Маркса предшествовали такие теперь широко известные труды, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Нищета философии», «Наемный труд и капитал» и другие. Из предварительных работ наиболее крупным обобщением и в известной мере итогом занятий Маркса политэкономией с конца 1843 г. являются экономические рукописи 1857—1859 гг., которые мы вправе рассматривать в качестве первого чернового варианта всего «Капитала». В настоящем издании эти рукописи составляют 46 том Сочинений. В 1859 г., на основе лишь одной части этих рукописей, Маркс подготовил к печати и издал книгу «К критике политической экономии. Первый выпуск» (настоящее издание, т. 13, стр. 1—167).

В течение августа 1861 — июня 1863 г. Маркс создает новую рукопись объемом около 200 печатных листов под общим заглавием «К критике политической экономии». Эта рукопись в 23 тетрадях отражает дальнейшие усилия Маркса и может быть оха-

рактеризована как более или менее систематическая, хотя тоже еще черновая и незаконченная, разработка всех четырех томов «Капитала». Бóльшая ее часть известна под названием «Теории прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. I—III), остальная часть составляет содержание 47 и 48 томов настоящего издания. В течение следующих двух с половиной лет, т. е. с июля 1863 и до конца 1865 г., Маркс создает новую рукопись — теперь это уже расчлененные на книги, более законченные варианты текста трех *теоретических* томов «Капитала». В январе 1866 г. он приступил к окончательной отделке первого тома «Капитала» для печати, а в сентябре 1867 г. этот том вышел в свет.

Таким образом, между 1863 и 1867 гг. Маркс не только подготовил для печати рукопись первого тома, но и вчерне завершил второй и третий тома «Капитала».

После выхода в свет первого немецкого издания I тома Маркс продолжает работать над II и III томами своего главного труда.

Кроме того, в 1872 г. вышли в свет второе существенно переработанное автором немецкое и первое русское, а в 1872 — 1875 годах — французское издание I тома «Капитала».

Рукопись, которой открывается настоящий том и которая озаглавлена «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства», представляет собой единственную, дошедшую до нас, часть того чернового текста первого тома «Капитала», который был написан Марксом в период с июля 1863 примерно по июнь 1864 года. Публикуемые здесь, кроме того, отдельные разрозненные страницы, относящиеся к другим несохранившимся главам этого варианта первого тома «Капитала», написаны в разное время на протяжении 1863—1867 годов. Прямые или косвенные доказательства более точной их датировки отсутствуют.

Рукопись «Глава шестая» представляет огромный историко-теоретический интерес и не может не привлечь внимания читателей, глубоко интересующихся многосложным творческим процессом развития экономической теории марксизма. Эта глава была задумана автором как завершающая часть первого тома «Капитала». В ней подводится итог всестороннему исследованию процесса производства капитала и намечен переход к анализу процесса обращения капитала, т. е. к основному предмету второго тома.

В рукописи преобладают положения, которые встречаются в известных вариантах «Капитала», но здесь они исследованы в иных аспектах и связях, раскрывающих новые стороны процессов или явлений экономической жизни,

Большое значение имеют ценнейшие обобщения, весьма актуальные и важные для понимания противоречивой природы капитализма, его исторической обреченности, для уяснения того, как в рамках буржуазных отношений постепенно вызревают объективные и субъективные предпосылки неизбежной победы более высокого общественного строя, коммунизма.

В первом разделе рукописи, где исследуется «Товар как продукт капитала», Маркс рассматривает товар уже не как исходный пункт и предпосылку капиталистического производства, а как непосредственный результат капиталистического производства. В поле зрения — не отдельный товар, не элементарная форма буржуазного богатства, а совокупность товаров, товарная масса, в которой воплощено определенное количество общественно необходимого труда, воспроизведена стоимость авансированного капитала и прибавочная стоимость, безвозмездно присваиваемая владельцами средств производства. Помимо производства продуктов в собственном смысле, Маркс раскрывает и другой результат, другую сторону капиталистического процесса. Он показывает, что обращение товаров есть процесс обращения капитала, процесс воспроизводства условий его существования. Капиталистическое производство есть не только производство материальных вещей, включающих в себя также и прибавочный продукт, но вместе с тем и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более увеличивающемся масштабе (настоящий том, стр. 22).

Во втором разделе рукописи дается обобщающая характеристика капиталистического строя, как строя, при котором «производство прибавочной стоимости... выступает как определяющая цель, движущий интерес и *конечный* результат капиталистического процесса производства» (там же, стр. 33). В другом месте рукописи, дополняя эту характеристику, Маркс устанавливает, что «самовозрастание капитала — создание прибавочной стоимости — есть, следовательно, определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютный импульс [Trieb] и содержание его деятельности» (там же, стр. 47).

Отмечая, что необходимым условием образования капитала и непременной предпосылкой капиталистического производства является система наемного труда, Маркс подчеркивает *безразличие* рабочего к характеру, содержанию своего труда, и поэтому *перемена труда* занимает рабочего лишь постольку, поскольку каждый особый, каждый новый вид труда требует иного развития рабочей силы. «Чем более развито капиталистическое производство в данной стране, — пишет Маркс, — тем больше требование *изменчивости*, предъявляемое к рабочей

силе, тем безразличнее рабочий к *особому содержанию* своего труда...» (там же, стр. 69).

Особого внимания экономистов и философов заслуживают своим оригинальным и предельно четким изложением те страницы марксовой рукописи, где речь идет о производстве капитала, как процессе отчуждения рабочим результатов его собственного труда.

В литературе имеются утверждения, что проблемой отчуждения Маркс занимался лишь в самый начальный период своих экономических исследований, в частности и главным образом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», и что в дальнейшем он будто бы начисто отказался от этой категории, традиционной для немецкой классической философии.

Буржуазные критики Маркса нередко упрощают содержание этой чрезвычайно емкой социально-экономической категории, отождествляя ее с передачей из рук в руки производимого продукта, которая в свою очередь обусловливается свойственным всем развитым способам производства разделением труда, распределением обязанностей во всех сферах человеческой деятельности. Иначе говоря, такие критики Маркса совершенно выхолащивают категорию «отчуждение труда», придают отчуждению труда неисторический характер, объявляют его одинаково действительным как в условиях капитализма, так и в условиях социалистической системы.

Между тем Маркс не оставляет сомнений в том, что и в его зрелый период, а именно в 1864 г., категория отчуждения остается у него в научном обороте и что в сущности своей она есть господство вещи над человеком, мертвого труда над живым трудом, возникающее на основе частнокапиталистической собственности, господство капиталиста над рабочим. Это господство в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни Маркс сравнивает с тем извращением в области религии, где, как показал еще Фейербах, человек наделяет бога чертами своей собственной сущности и таким образом происходит извращение действительного положения вещей, идея завладевает ее творцом, происходит подмена, превращение субъекта в объект. Вместе с тем извращенное истолкование человеком своей родовой сущности в форме религии является столь же необходимым переходным этапом истории человечества, как и господство мертвого труда над живым трудом. Изменение обстоятельств жизни, развитие производительных сил, а вместе с ним и революционные преобразования производственных, всех общественных отношений кладут конец извращенным формам сознания и отчуждению труда.

В рукописи обстоятельно рассмотрены все существенные аспекты формального и реального подчинения труда капиталу, в ней содержится дополнительный материал, показывающий исторический процесс возникновения и развития капиталистических отношений (там же, стр. 74—93).

В период зарождения и на ранней ступени капитализма, — указывает Маркс, — процесс труда технологически совершается так же как и раньше, однако он уже подчинен капиталу, ибо капиталист, монополизировав условия труда и противопоставив их рабочей силе как чужую собственность, вступает в процесс труда как его управляющий, его руководитель. Такое положение Маркс называет формальным подчинением труда капиталу. При этом в самом способе труда все остается прежним; иным становится только метод принуждения к труду, метод выколачивания прибавочной стоимости. «Чем в большей степени эти *условия труда* противостоят ему (рабочему. — *Ред.*) как чужая собственность, тем полнее формально имеет место *отношение капитала и наемного труда,* тем полнее, следовательно, формальное подчинение труда капиталу» (там же, стр. 81).

В самом процессе производства,— пишет Маркс,— развивается *экономическое* отношение господства и подчинения, потребление рабочей силы капиталистом и под управлением капиталиста, и, кроме того, усиливается непрерывность и интенсивность труда, что ведет к росту производства, превращению отношения владельцев условий труда и рабочих «в чистое *отношение купли и продажи,* или *в денежное отношение,* и *освобождает* отношение эксплуатации от всяких патриархальных и политических, а также религиозных пут» (там же, стр. 82). Когда на базе формального подчинения труда капиталу появляются крупные промышленные капиталисты и капиталистическое производство, развиваясь, охватывает все отрасли, тогда наступает *реальное* подчинение труда капиталу.

Развившийся таким образом собственно капиталистический способ производства «не связывается, — как указывает Маркс,— предопределяющими и предопределенными границами потребностей» (там же, стр. 92), причем производство вступает в противоречие с производителем, действительный производитель становится простым средством производства, а цель производства состоит в том, «чтобы отдельный продукт и т. д. содержал возможно *больше неоплаченного труда»* (там же, стр. 93).

Если выражением формального подчинения труда капиталу служит,— как отмечал Маркс,— производство *абсолютной* прибавочной стоимости, то выражением *реального* подчинения труда капиталу служит производство *относительной* приба-

вочной стоимости (см. там же, стр. 80). Если *формальное* подчинение труда капиталу — подчеркивает далее Маркс — несет с собой *возникновение* свойственных капитализму противоречий, то *реальное* подчинение труда капиталу приводит *к полному развитию* этих противоречий.

Далее во втором разделе рукописи излагаются результаты исследования производительного и непроизводительного труда, критериев производительного и непроизводительного работника, первоначально изложенные им в рукописи 1861—1863 годов. В анализируемой рукописи категории производительного и непроизводительного труда рассматриваются Марксом как с точки зрения процесса труда вообще, так и в специфических условиях капиталистического производства в частности. Подлинно научное исследование этой проблемы требует именно такого разграничения. Буржуазные же экономисты, считающие капиталистическую форму производства абсолютной, естественной и вечной, смешивают производительный труд с точки зрения капитала с производительным трудом вообще.

Маркс установил, что если рассматривать процесс труда как таковой, то производителен всякий труд, результатом которого является товар. «С точки зрения просто *процесса труда* вообще, — пишет Маркс, — нам представляется *производительным* тот труд, который реализуется в *продукте,* точнее — в *товаре*».

Иной вывод вытекает из анализа капиталистической формы. «С точки зрения капиталистического процесса производства здесь применимо более конкретное определение, а именно, что производителен тот труд, который непосредственно увеличивает стоимость капитала, или производит прибавочную стоимость» (там же, стр. 93—94).

Резюмируя учение о прибавочной стоимости, Маркс указывает здесь на особенности капиталистической системы эксплуатации, подчеркивает противоречия этого способа производства, в частности, «производство ради производства» прибавочной стоимости, вследствие чего производство постоянно стремится выйти за пределы платежеспособного спроса общества. «Отсюда кризисы, перепроизводство и т. д.» (там же, стр. 92). Другим существенно важным фактом является то, что производство оказывается в противоречии с производителем. «Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещное богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет» (там же).

В третьем разделе рукописи, посвященном анализу капиталистического производства как производства и воспроизводства

специфически капиталистического производственного отношения, Маркс формулирует ряд общих положений, характеризующих процесс накопления капитала. Капитал — отмечает Маркс — производит не только капитал, но и рабочих как наемных рабочих, «капитал регулирует это производство самой рабочей силы, производство эксплуатируемой им людской массы сообразно его эксплуататорским потребностям» (там же, стр. 115).

В процессе капиталистического производства воспроизводятся не только средства производства и рабочая сила, но также капиталистические производственные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу. Капиталистическое производственное отношение «лишь по *форме* отличается от других более прямых форм порабощения труда и *собственности на труд* со стороны владельцев условий производства» (там же, стр. 117). Эти отношения увековечиваются, воспроизводятся при все более благоприятных условиях для одной стороны, для капиталистов, и при все более неблагоприятных условиях для другой стороны, для наемных рабочих (см. там же, стр. 116).

Важное теоретическое значение имеет приведенный в публикуемой рукописи вариант формулировки всеобщего закона капиталистического накопления: «Капиталистическое производство есть не просто воспроизводство этого отношения, оно есть его воспроизводство в постоянно возрастающем масштабе. В той же мере, в какой вместе с капиталистическим способом производства развивается общественная производительная сила труда, растет противостоящее рабочему накопленное богатство, как *господствующее* над ним *богатство,* как *капитал,* расширяется противостоящий рабочему мир богатства как чуждый ему, господствующий над ним мир. В противоположность этому в той же мере растет нищета, нужда и зависимость рабочего. *Обнищание* рабочего и *обогащение* капиталиста соответствуют друг другу, идут нога в ногу. Вместе с тем увеличивается масса этих живых средств производства капитала, трудящийся *пролетариат*. Поэтому *возрастание капитала* и *рост пролетариата* являются связанными между собой, хотя и полярно разделенными *продуктами* одного и того же процесса» (там же, стр. 115—116). Эту формулировку можно рассматривать также как исходную основу общей марксистской теории обнищания рабочего класса при капитализме. Как видно из приведенных положений, дело не сводится, вопреки уверениям буржуазных схоластов, к размерам и объему вынужденно отпускаемых рабочему материальных благ, к абсолютному сокращению их

с сегодня на завтра, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год: Главное здесь — неравноправие, углубление социальной пропасти между капиталистами и рабочими, постоянная социальная необеспеченность рабочих.

Весьма ценным является содержащееся в рукописи экономическое обоснование неизбежности социалистического переустройства общества.

Рассматривая капиталистический способ производства *исторически,* Маркс подчеркивает, что капитализм является «необходимым этапом ...создания неограниченных [rücksichtslosen] производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества» (там же, стр. 47).

Воспроизводство капиталистических производственных отношений сопровождается — отмечает Маркс — созданием таких новых материальных производительных сил, которые ведут к наступлению «полной экономической революции» (там же, стр. 118). Эта революция создаст реальные условия для нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистических отношений, иными словами, создаст «материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации» (там же, стр. 119).

В рамках капитализма — резюмирует Маркс — не только воспроизводятся его отношения, но «вместе с тем в нем создаются материальные условия его разложения и тем самым упраздняется его *историческое правомочие* как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства» (там же).

Причем вместе с процессом создания материального базиса нового, социалистического общества происходит процесс роста и развития пролетариата — могучей общественной силы, способной революционным путем осуществить переход от капитализма к социализму; оба эти процесса, взятые в совокупности, представляют собой подготовку объективных и субъективных условий социалистического переворота в способе производства.

Характеризуя пролетариат, как могучую силу общественного прогресса, Маркс обосновывает его всемирно-историческую миссию объективными условиями его положения в производстве и обществе.

Таким образом, рукопись «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» обогащает теоретическую сокровищницу марксизма и полностью сохраняет свое значение не только как выдающийся документ истории экономической

и философской мысли, но также для научного анализа современного государственно-монополистического капитализма, для критики его новейших апологетов, для творческой разработки актуальных проблем международного рабочего и коммунистического движения, экономического соревнования двух противоположных миров, в частности, в связи с современной научно-технической революцией.

Отдельные страницы из других глав рукописи первого тома «Капитала», публикуемые в настоящем томе вслед за текстом «Главы шестой», содержат ряд важных положений, дополняющих в какой-то степени соответствующие разделы «Капитала», в которых исследуются проблемы стоимости рабочей силы, заработной платы, положение пролетариата при капитализме, задачи профсоюзов и другие. Представляет значительный интерес замечание Маркса о том, что при капитализме рабочий постоянно вынужден сокращать свои потребности, ограничивать их крайним минимумом средств существования. Кроме человека — пишет Маркс — «нет ни одного животного, которое было бы способно до такой невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться таким минимумом условий своей жизни» (там же, стр. 122).

Работа Маркса «*Форма стоимости*», написанная 17—22 июня 1867 г. и впервые опубликованная в качестве приложения к главе I («Товар и деньги») первого немецкого издания I тома «Капитала», содержит детальную разработку одного из сложнейших и очень важных разделов экономического учения Маркса — исторического процесса образования денег. Этот вопрос весьма важен и с теоретической, и с практической точек зрения. Дело в том, что не только высшая форма стоимости, деньги, но даже «простейшая форма товара, в которой его стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, но лишь в виде *отличия* от его собственной натуральной формы, заключает в себе *всю тайну денежной формы* и тем самым, в зародыше — тайну *всех буржуазных форм продукта труда*» (настоящее издание, т. 31, стр. 260).

Как свидетельствует сам Маркс в послесловии ко второму изданию I тома «Капитала», совет написать это приложение исходил от Л. Кугельмана, который, прочитав весной 1867 г. первые корректурные листы книги, убедил гостившего тогда у него Маркса, что «для большинства читателей необходимо дополнительное, более дидактическое выяснение формы стоимости» (настоящее издание, т. 23, стр. 12). Энгельс тоже считал, что данная Марксом трактовка формы стоимости в первой главе первого издания получилась недостаточно популярной и нагляд-

ной, что изложение этой темы выиграло бы, если бы Маркс дал его в более развернутом виде и расчленил его по примеру гегелевской «Энциклопедии философских наук в сжатом очерке» на краткие параграфы, подчеркивая каждый диалектический переход особым заголовком (настоящее издание, т. 31, стр. 257).

Маркс, придававший большое значение первой главе своей книги, охотно последовал совету своих друзей. Прочитав написанное Марксом приложение, Энгельс выразил полное удовлетворение и поздравил друга с удачей (там же, стр. 290).

В анализируемой работе Маркс более обстоятельно, чем в первой главе, рассмотрел и яснее, доходчивее изложил процесс развития форм стоимости от простой до денежной формы. Расчленение текста, заголовки и подзаголовки, введенные Марксом в этой работе, облегчили восприятие и усвоение сложного предмета.

Для второго и последующих изданий первого тома «Капитала» Маркс заново переработал и объединил основной текст раздела о форме стоимости из первой главы и указанное приложение к ней (настоящее издание, т. 23, стр. 56—80). При этой переработке некоторые места приложения были опущены и поэтому оно сохраняет известное самостоятельное значение, наряду с более поздним объединенным текстом.

Исследуя относительную и эквивалентную формы стоимости товара, Маркс в «Приложении» подчеркивает их нераздельность и в то же время полярность. Убедительно и ярко излагается суть товарного фетишизма.

Большое значение имеет изложенное здесь положение о соотношении между абстрактным и конкретным, выдвинутое в связи с анализом особенностей эквивалентной формы.

«Приложение» представляет немалый интерес и как этап в развитии мысли Маркса по одному из весьма сложных и в полном смысле новаторских разделов его экономического учения.

Публикуемые далее в настоящем томе фрагменты из авторизованного французского издания I тома «Капитала» представляют собой совершенно переработанные Марксом части текста указанного труда. Первое авторизованное французское издание I тома «Капитала» было осуществлено в Париже отдельными выпусками (частями) в период с сентября 1872 по ноябрь 1875 года.

Хотя перевод на французский язык первоначально был выполнен уже известным переводчиком, знатоком обоих языков Ж. Руа, тем не менее он в общем не удовлетворил Маркса. Он был убежден также в необходимости частичной переработки

оригинала соответственно особенностям французского читателя, с учетом данного уровня французской теоретической мысли, в частности, в области политэкономии и философии, с учетом, не в последнюю очередь, тогдашнего уровня французского рабочего движения, уроков и опыта Парижской Коммуны, которая только что пала в кровавой схватке с озверевшей реакционной буржуазией. Поэтому Маркс «был вынужден переделывать целые куски французского текста, чтобы сделать их доступными для французской публики» (настоящее издание, т. 33, стр. 402). Не случайно на титульном листе этого издания указано: «полностью переработанный автором».

Маркс основательно изменил структуру произведения по сравнению не только с первым немецким, но и с более совершенным вторым немецким изданием (1872 г.), а также внес существенные изменения и дополнения в текст.

Проделывая эту, по определению самого Маркса, «адскую» работу, он считал, что подготовленное таким образом французское издание облегчит в дальнейшем перевод книги на английский и романские языки.

Характеризуя текст французского издания, Маркс отмечал, что в нем «много важных изменений и добавлений» (настоящее издание, т. 34, стр. 277), и рекомендовал пользоваться им, наряду с оригиналом.

Французское издание I тома «Капитала» Маркс считал лучшим и в отношении структуры, названий глав и разделов.

Публикуемые фрагменты из этого издания либо существенно отличаются от соответствующих пассажей, либо вовсе отсутствуют в других изданиях «Капитала», в том числе в четвертом немецком издании 1890 г., вышедшем под редакцией Ф. Энгельса и обычно используемом в качестве оригинала для всех иностранных переводов, хотя, впрочем, при подготовке четвертого немецкого издания Энгельс внес в него из французского издания «несколько новых добавлений» (настоящее издание, т. 23, стр. 35).

Изменения и дополнения внесены Марксом в целый ряд разделов его труда. Так, представляется предпочтительной новая редакция знаменитого параграфа о фетишистском характере товарного мира. Прежде всего, текст стал более популярным и ясным. Без всякого ущерба Маркс упростил отдельные формулировки и выражения, уточнил отдельные определения, снял трудные для восприятия широкого читателя примечания и т. д. Философское наследие Гегеля, его специфический язык были тогда еще мало известны во Франции и Маркс, естественно, учитывал это, создавая французский текст своего главного

труда. Здесь мы фактически не встречаем внешних следов влияния великого философа на стиль и язык «Капитала», хотя по существу во французском переводе столь же блестяще, как и в оригинале, представлена материалистически переработанная диалектика.

Дополняя и развивая свое учение о производительном и непроизводительном труде, Маркс в публикуемых фрагментах совершенно четко определяет, что «с того момента, когда индивидуальный продукт превращается в продукт общественный, в продукт совокупного работника, различные члены которого участвуют в весьма различной степени в обработке предмета, непосредственно или издали, или даже совсем не соприкасаясь с ним, с этого момента определения *производительного труда, производительного работника* необходимо приобретают более широкое значение. Чтобы быть производительным, вовсе не обязательно непосредственное приложение рук к предмету; достаточно быть органом совокупного работника или выполнять какую-либо из его функций» (настоящий том, стр. 190).

В томе публикуются также фрагменты, раскрывающие важные стороны воздействия технического прогресса на развитие производительных сил общества. Внедрение новой техники в производство, отмечает Маркс, сказывается не только на понижении цены рабочей силы, но также на эффективности производства средств производства, на массе и ценах средств производства. Прогресс науки и техники позволяет заменять изношенные средства труда другими, «более эффективными и относительно более дешевыми» (там же, стр. 217). «Следовательно, ...непрерывный прогресс науки и техники сообщает капиталу способность к расширению, не зависящую в известных пределах от величины тех приобретенных богатств, из которых он состоит» (там же, стр. 218).

Много изменений и дополнений имеется в седьмом отделе, в котором исследуются проблемы *накопления капитала*. Некоторые из публикуемых отрывков представляют собой новый текст Маркса. Заново написаны, например, фрагменты, трактующие проблему относительного *перенаселения в связи с техническим* прогрессом. С ростом накопления капитала увеличивается и переменный капитал, однако увеличивается он в уменьшающейся пропорции. Согласно открытому Марксом закону прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала, т. е. спроса на труд, класс наемных рабочих, производя капитал, тем самым — как пишет Маркс — «производит орудия своего вытеснения из производства» (там же, стр. 222). Капиталистическое производство «образует *про-*

мышленную резервную армию, которая принадлежит капиталу настолько абсолютно, как будто он вырастил и организовал ее на свой собственный счет» (там же, стр. 223). Эта резервная армия труда постоянно имеется наготове и может быть в распоряжении капитала, чтобы подвергнуться им эксплуатации.

Представляют большой научный интерес положения о циклическом характере развития капиталистической экономики, о возможной деформации в будущем цикла капиталистического воспроизводства.

Циклический характер развития капиталистического промышленного производства в пору его зрелости связан, указывает Маркс, с быстрым и все более ускоряющимся техническим прогрессом. И напротив, цикл, включающий периоды «активности, производства под высоким давлением, кризис и стагнацию», был невозможен в период детства капиталистического производства. «Тогда, — продолжает Маркс, — благодаря тому, что технический прогресс происходил медленно и еще медленнее становился всеобщим, изменения в строении общественного капитала едва ощущались» (там же, стр. 223).

В эпоху крупной промышленности, пишет Маркс, ее новые технические средства, развитый кредит и мировой рынок содействуют тому, что торговые превратности сочетаются с переменными движениями общественного капитала и в конечном счете содействуют внезапному расширению или столь же внезапному сокращению масштабов производства. «Расширение производства путем прерывистых движений есть первая причина его внезапного сокращения» (там же, стр. 224). Именно такой беспокойной, внутренне противоречивой, спазматичной является жизнь современной промышленности с ее неизбежно повторяющимися кризисами и другими потрясениями (там же).

Особый интерес представляет в наши дни предвидение Марксом того, что продолжительность циклов в будущем будет уменьшаться.

«До сих пор, — писал Маркс, — периодическая продолжительность ...циклов составляла десять или одиннадцать лет, однако нет никаких оснований считать это число постоянным. Напротив, изложенные нами законы капиталистического производства позволяют сделать вывод, что это число изменяющееся и что период циклов будет постепенно укорачиваться» (там же, стр. 224—225).

Наконец, четвертой работой, составляющей примерно половину настоящего тома, является рукопись, которую Маркс озаглавил «*Вторая книга. Процесс обращения капитала*». Эта

рукопись представляет собой первый авторский вариант второго тома «Капитала», «первую самостоятельную, — как писал Ф. Энгельс, — но более или менее отрывочную обработку книги II в ее настоящем построении» (настоящее издание, т. 24, стр. 7).

Первый вариант, или первая «обработка книги II», т. е. второго тома «Капитала», явился непосредственным продолжением работы над первой книгой, которую Маркс завершил (в составе рукописи 1863—1865 гг.) в середине 1864 года.

Из замечания Маркса к структуре «Главы шестой» следует, что один из разделов этой главы, а именно — «Товары, как продукт капитала, капиталистического производства», должен был послужить *переходом* ко второй книге «Капитала», посвященной проблемам обращения индивидуального и всего общественного капитала или, иначе говоря, проблемам реализации и воспроизводства капитала. Поэтому есть все основания предполагать, что публикуемая здесь рукопись II тома была разработана сразу же после «Главы шестой».

Первую научную попытку решения сложнейших в экономической теории проблем обращения и воспроизводства общественного продукта предприняли французские физиократы. Однако позднейшая политэкономия не только не развила их достижений, но по существу совершила попятное движение. Ошибочные доктрины выдвинули экономисты-романтики (Сисмонди), А. Смит и другие. Марксу в этой области пришлось начинать почти с чистого листа. Общепризнано, что и в этой области он совершил научный подвиг.

Первые результаты исследования процесса обращения капитала Маркс частично изложил в рукописи 1857—1858 гг.; в рукописи 1861—1863 гг. они были расширены. Рукопись «Вторая книга. Процесс обращения капитала» является не только продолжением этих исследований, но и первым систематическим изложением теории обращения капитала.

Оставленный Марксом рукописный материал ярко свидетельствует о том, с какой несравненной добросовестностью, с какой строгой самокритикой он старался разработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем предложить их вниманию читателей.

Первый вариант рукописи второго тома «Капитала» (рукопись I), включенный в настоящий том, состоит из трех глав. В первой главе, имеющей четыре раздела, исследуются проблемы обращения капитала. Помимо анализа метаморфозов денежного, производительного и товарного капиталов, занимающего преобладающую часть текста, здесь исследованы также время производства и время обращения, а также издержки обращения,

Во второй главе анализируются проблемы оборота капитала. Особенно обстоятельно в этой рукописи рассмотрены основной и оборотный капитал, влияние времени оборота на создание продукта и производство прибавочной стоимости.

В заключительной, третьей главе исследуются проблемы воспроизводства, причем обстоятельнее других рассмотрены реальные условия обращения, воспроизводства постоянного капитала и денежное обращение, опосредствующее накопление.

В публикуемой рукописи блестяще показана диалектика взаимосвязи индивидуального и всего общественного капитала. Подобно тому, как метаморфоз отдельного товара является звеном в цепи превращений целого товарного мира, так и метаморфоз отдельного капитала является частью большого кругооборота общественного капитала. Движение общественного капитала представлено как сумма, или совокупность, оборотов многих индивидуальных капиталов.

В этом анализе Маркс вплотную подходит к им же самим предложенному делению всего общественного производства на два подразделения и к его знаменитым схемам воспроизводства, которые стали классической иллюстрацией марксистской экономической теории воспроизводства. Вся рукопись Маркса, даже с неизбежными скидками на ее предварительный характер, является великолепным образцом того, что на современном языке принято называть макроэкономическим анализом всех структур и взаимосвязей народного хозяйства.

Характеризуя рукописи второго тома «Капитала», Энгельс отмечал, что они «содержат почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования процессов, которые происходят внутри самого класса капиталистов» (настоящее издание, т. 36, стр. 55). Он называл эти рукописи «чудесными исследованиями», в которых развиты теории «высокого порядка».

Хотя круг проблем, рассмотренных в «Рукописи I» и в изданном Ф. Энгельсом втором томе «Капитала» (настоящее издание, т. 24), в значительной мере совпадает, текст данной рукописи отличается от текста книги. Эта рукопись имеет самостоятельную научную ценность. Ее значение состоит не только в том, что она является известным этапом в истории экономического учения Маркса и, следовательно, в истории экономической мысли в целом, но и в том, что многие ее положения дают солидную исходную основу для творческой разработки современных проблем товарного и денежного обращения и воспроизводства, а также помогут в развертывании научной критики новейших концепций буржуазной политэкономии.

* * *

Составившие содержание настоящего тома работы расположены согласно проблемно-хронологическому принципу.

Перевод на русский язык работ «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» и «Вторая книга. Процесс обращения капитала» сделан с авторской рукописи; перевод работы «Форма стоимости» — с текста первого немецкого издания первого тома «Капитала»; наконец, перевод фрагментов из французского издания I тома «Капитала» сделан с книги: Le Capital. Paris, 1872—1875.

При этом были заново проверены фактические данные и ссылки на источники.

Включенные в том первые три работы Маркса были в разное время опубликованы на русском языке: «Глава шестая» — в 1933 г. в издании «Архив Маркса и Энгельса», том II (VII), «Форма стоимости» — впервые в 1872 г. в составе первого русского издания I тома «Капитала», а второй раз в 1967 г. в журнале «Вопросы философии» № 9; фрагменты из авторизованного французского издания первого тома «Капитала» частично были опубликованы в 1972 г. в журнале «Вопросы экономики» № 6. Рукопись первого варианта II тома «Капитала» публикуется впервые.

Редакционные заголовки, отдельные слова или выражения, поясняющие труднопереводимые места текста, названия и выходные данные работ, там, где Марксом упоминается только их автор или только название периодического органа, а также названия и страницы русских переводных изданий цитированных Марксом произведений, заключены в квадратные скобки. В квадратных же скобках указаны цифры, обозначающие страницы рукописей Маркса.

Научно-справочный аппарат настоящего тома состоит из примечаний, аннотированного указателя имен, указателя цитируемой и упоминаемой литературы, указателя русских переводов цитируемых Марксом книг и предметного указателя.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

[1

К. МАРКС

[КАПИТАЛ

КНИГА ПЕРВАЯ]

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА[1]

Написано К. Марксом в июле 1863 — июне 1864 г.

Впервые опубликовано на русском языке в «Архиве Маркса и Энгельса», том II (VII) в 1933 г.

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

[КАПИТАЛ]

КНИГА ПЕРВАЯ

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ГЛАВА ШЕСТАЯ. РЕЗУЛЬТАТЫ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРОЦЕССА ПРОИЗВОДСТВА

[441] [2] В этой главе следует рассмотреть три вопроса:

1) *Товары* как *продукт капитала*, капиталистического производства;

2) Капиталистическое производство есть *производство прибавочной стоимости;*

3) Оно есть, наконец, *производство и воспроизводство всего отношения*, благодаря которому этот непосредственный процесс производства характеризуется как *специфически капиталистический.*

Из этих трех разделов первый должен быть при последней обработке для печати поставлен в конце, а не в начале, так как он составляет *переход* ко второй книге — к процессу обращения капитала. Ради удобства здесь мы начинаем с первого раздела.

1) ТОВАРЫ КАК ПРОДУКТ КАПИТАЛА

Товар как элементарная форма буржуазного богатства был нашим исходным пунктом, предпосылкой возникновения капитала. С другой стороны, *товары* теперь выступают как *продукт капитала.*

Этот ход нашего изложения соответствует также и *историческому развитию* капитала, для которого *обмен товаров, торговля товарами* является одним из условий его возникновения, которое, однако, в свою очередь создается на основе различных ступеней производства; общим для всех этих ступеней является то, что капиталистическое производство пока еще совсем не существует или существует только спорадически,

С другой стороны, развитый обмен товаров и *форма товара* как всеобще необходимая общественная форма продукта сами суть только *результат капиталистического способа производства*.

Если мы рассматриваем, с другой стороны, общества с *развитым капиталистическим производством*, то там товар выступает как в качестве постоянной элементарной предпосылки капитала, так и в качестве непосредственного результата капиталистического процесса производства.

Товар и деньги суть элементарные предпосылки капитала, но они развиваются в капитал только при известных условиях. Образование капитала не может иметь места, кроме как на основе обращения товаров (которое включает и денежное обращение), следовательно, на уже данной, в известной мере развитой ступени торговли, между тем как, наоборот, производство товаров и обращение товаров отнюдь не предполагают капиталистического способа производства в качестве предпосылки своего существования; напротив, как я уже раньше разъяснил [1], они относятся также «к добуржуазным формам общества». Они — *историческая предпосылка* капиталистического способа производства. [442] Однако, с другой стороны, лишь на основе капиталистического производства товар становится *всеобщей формой продукта*; всякий продукт должен принять форму товара; купля и продажа охватывают не только излишек производства, но и основную массу произведенного, и различные условия самого производства выступают в качестве *товаров*, которые из обращения входят в процесс производства. Поэтому, будучи, с одной стороны, предпосылкой образования капитала, *товар*, с другой стороны, поскольку он есть *всеобщая элементарная форма продукта*, выступает по существу как продукт и результат капиталистического процесса производства. На более ранних ступенях производства продукты *частично* принимают форму товаров. Капитал, напротив, производит свой продукт необходимо как *товар* [2]. Поэтому по мере развития капиталистического производства, т. е. капитала, всеобщие законы товара, например законы, касающиеся стоимости, реализуются в особой форме денежного обращения.

Здесь обнаруживается, как даже относящиеся к более ранним эпохам производства экономические категории приобре-

---

[1] [*К. Маркс*]. К критике политической экономии. [Первый выпуск]. Берлин, 1859, стр. 74 [настоящее издание, т. 13, стр. 79].

[2] *Sismondi*.

тают на основе капиталистического способа производства специфически отличный, исторический характер.

Превращение денег, которые сами суть лишь превращенная форма товара, в капитал имеет место лишь с тех пор, когда рабочая сила превратилась в товар для самого рабочего и, следовательно, категория товарной торговли уже овладела сферой, которой она прежде не касалась или касалась только спорадически. Лишь с тех пор как трудящееся население перестало либо само еще принадлежать к числу *объективных* условий труда, либо само выступать на рынке как товаропроизводитель, лишь с тех пор как оно продает не продукт своего труда, а самый труд свой или, точнее, свою рабочую силу, производство во всем своем объеме, во всей своей глубине и широте становится *товарным производством,* весь продукт превращается в товар, и вещные условия каждой отдельной сферы производства сами вступают в нее как товар. Только на основе капиталистического производства товар действительно становится *всеобщей элементарной формой богатства.* Если, например, капитал еще не овладел земледелием, то большая часть продукта еще будет производиться непосредственно как жизненные средства, а не как товар; большая часть рабочего населения еще не превратится в наемных рабочих и большая часть условий труда еще не превратится в капитал. Сюда включено также и то, что развитое разделение труда, как оно выступает *случайным* внутри общества, и капиталистическое разделение труда внутри мастерской взаимно обусловливают и производят друг друга. Ибо *товар* как необходимая форма продукта, и поэтому отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения, предполагает вполне развитое *разделение общественного труда,* между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно, также *капиталистического разделения труда* внутри мастерской, весь продукт необходимо принимает форму товара, и все производители поэтому необходимо суть производители товаров. Поэтому только при капиталистическом производстве становится всеобщим то, что потребительная стоимость опосредствуется меновой стоимостью.

Три пункта.

1) Только капиталистическое производство делает товар всеобщей формой всех продуктов.

2) Товарное производство необходимо приводит к капиталистическому производству, как только рабочий перестал быть частью условий производства (рабство, крепостничество), или перестает быть базисом первобытная община (Индия), с того

момента, как сама рабочая сила повсюду [allgemein] становится товаром.

3) Капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен между владельцами товаров или обмен эквивалентов. Обмен капитала и рабочей силы становится формальным.

С этой точки зрения совершенно безразлично также, в какой форме сами условия производства входят в *процесс труда,* передают ли они, как это происходит с постоянным капиталом, машинами и т. д., свою стоимость продукту постепенно или, как сырой материал, переходят материально в продукт; употребляется ли часть [443] продукта, как например, семена в земледелии, опять самим производителем прямо, как средство труда, или продукт сначала продается и потом снова превращается в средство труда. Все произведенные средства труда функционируют теперь, независимо от их служебного назначения как потребительных стоимостей в процессе производства, вместе с тем как элементы *процесса увеличения стоимости.* Если они не превращаются в действительные деньги, то они превращаются в счетные деньги, рассматриваются как меновые стоимости, и точно вычисляется элемент стоимости, который они тем или иным образом прибавляют к продукту. Например, в той мере, в какой земледелие становится отраслью производства, ведущейся капиталистически, — капиталистическое производство внедряется и в деревне, — в той мере, в какой земледелие производит для рынка, производит *товары,* предметы для продажи, а не для собственного непосредственного потребления, в той самой мере оно исчисляет свои издержки, рассматривает каждую их часть как товар, (покупает ли оно ее у третьих лиц или у самого себя, *у производства*) и поэтому, как *деньги,* поскольку товар рассматривается как самостоятельная меновая стоимость. Так как, следовательно, пшеница, сено, скот, всевозможные семена и т. д. *продаются* как товары, — а без продажи они вообще не считаются продуктами, — они и в производство входят как *товары* или как деньги. В той же мере, как и *продукты,* становятся, естественно, *товарами и условия производства, элементы продуктов,* которые суть вещи, тождественные с этими продуктами; и, поскольку речь идет о процессе увеличения стоимости, они входят в расчет в самостоятельной форме меновой стоимости, как *денежные величины.* Непосредственный процесс производства здесь постоянно представляет собой нераздельно *процесс труда и процесс увеличения стоимости,* а продукт — *единство потребительной сто-*

имости и меновой стоимости, т. е. *товар.* Отвлекаясь от этой формулы, отметим: в той же мере развивается торговля; фермер, например, для своих *нужд производит покупки [Auslagen],* между тем как свои доходы он реализует путем *продажи;* стало быть, развивается торговля семенами, торговля удобрением, торговля племенным скотом и т. д., следовательно, также для отдельного фермера эти условия производства действительно из обращения входят в его процесс производства, обращение фактически становится предпосылкой его производства, так как условия производства все более и более суть действительно *купленные (или могущие быть купленными)* товары. Товарами они и без того являются для него как вещи, средства труда, которые вместе с тем образуют *части стоимости* его капитала. (Поэтому он зачисляет их проданными самому себе *как производителю,* когда он снова в натуре возвращает их производству.) И это развивается именно по мере того, как развивается капиталистический способ производства в земледелии, стало быть, по мере того, как оно все более и более ведется фабричным способом.

Товар как *всеобщая необходимая форма продукта,* как специфическая особенность капиталистического способа производства наглядно обнаруживается в производстве в широком масштабе, которое создается развитием капиталистического производства, в односторонности и *массовости продукта,* которая неизбежно придает ему общественный и тесно связанный с общественными отношениями характер; напротив, его непосредственное отношение в качестве потребительной стоимости к удовлетворению потребностей производителя выступает как нечто совершенно случайное, безразличное и несущественное. Этот массовый продукт должен быть реализован как меновая стоимость, должен претерпеть метаморфоз товара не только как необходимость для поддержания жизни производителя, который производит как капиталист, но также как необходимость для возобновления и непрерывного продолжения самого процесса производства. Поэтому он становится также достоянием торговли. Его покупатель — не [444] непосредственный потребитель, а купец, который занимается метаморфозом товаров как самостоятельным делом [3]. Наконец, продукт раскрывает свой характер в качестве товара и тем самым свой характер в качестве меновой стоимости тем, что вместе с капиталистическим производством постоянно умножается разно-

[3] *Sismondi,* [Nouveaux Principes d'Économie Politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Paris, 1827, t. I, p. 136, 139, 140. Русский перевод, т. I, стр. 207—209].

образие сфер производства, следовательно, и сферы обмена продукта [4].

Мы исходим из товара, этой специфически общественной формы продукта, как основы и предпосылки капиталистического производства. Мы берем в руки отдельный продукт и анализируем определенности формы, которые он содержит как товар и которые накладывают на него клеймо товара. До капиталистического производства большая часть продукта производится не как товар, не становится товаром. С другой стороны, следовательно, большая часть продуктов, входящих в производство, суть не товары, они входят в производственный процесс не как товары. Превращение продуктов в товары имеет место только в отношении отдельных из них, касается только излишка производства или же отдельных его сфер (мануфактурные продукты) и т. д. Продукты во всем своем объеме не входят в процесс как предметы торговли и не выходят во всей своей массе из него как таковые [5]. Тем не менее обращение товаров и денежное обращение в определенных границах, а потому и определенная степень развития торговли, есть *предпосылка, исходный пункт образования капитала* и капиталистического способа производства. Как такую предпосылку рассматриваем мы товар, исходя из него, как из простейшего элемента капиталистического производства. Но, с другой стороны, *товар* есть продукт, результат капиталистического производства. То, что сначала было элементом капиталистического производства, позднее оказывается его собственным продуктом. Только на его основе товар становится всеобщей формой продукта, и чем больше развивается капиталистическое производство, тем больше все составные части производства входят в его процесс как товар.

Товар, как он выходит из капиталистического производства, определенно отличается от товара, который служит элементом, предпосылкой капиталистического производства. Мы исходили из отдельного товара как самостоятельного предмета, в котором овеществляется определенное количество рабочего времени и который поэтому имеет меновую стоимость данной величины.

Теперь товар выступает в следующем двояком определении:

---

[4] Ср. [*К. Маркс.*] К критике политической экономии. [Первый выпуск. Берлин, 1859], стр. 17 [настоящее издание, т. 13, стр. 26]. См. также *Wakefield* [3].

[5] Смотри *французское сочинение,* вышедшее около 1752 г., где утверждается, что (здесь в рукописи Маркс оставил место для вставки. *Ред.*) во Франции только пшеница считалась предметом торговли [4].

1) В нем овеществлено — отвлекаясь от его потребительной стоимости — определенное количество общественно необходимого труда; но в то время как относительно товара как такового остается совершенно неизвестным (и фактически безразлично), чей этот овеществленный труд и т. д., *товар* как *продукт капитала* содержит частью оплаченный, частью неоплаченный труд. Ранее было отмечено, что это выражение является неточным постольку, поскольку сам труд прямо не покупается и не продается. Но в товаре *овеществлена* совокупная масса труда. Одна часть этого овеществленного труда (если отвлечься от постоянного капитала, за который уплачен эквивалент) получена в обмен на эквивалент заработной платы, другая часть присвоена капиталистом без эквивалента. Обе части овеществлены, поэтому они налицо как части товарной стоимости. И в целях сокращения мы называем одну часть оплаченным, другую — неоплаченным трудом.

[445] 2) Отдельный товар выступает не только материально как часть совокупного продукта капитала, как кратная часть произведенной им товарной массы. Мы вообще имеем перед собой уже не отдельный самостоятельный товар, не отдельный продукт. Не отдельные товары выступают как результат процесса, а *товарная масса,* в которой воспроизведена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость — присвоенный прибавочный труд, и каждый отдельный товар есть носитель стоимости *капитала* и произведенной им прибавочной стоимости. Труд, затраченный на отдельный товар — уже вследствие оценки средним числом, т. е. идеальной оценки, применяемой к той части постоянного капитала, которая входит просто как затрата [Déchet] в стоимость совокупного продукта, как и вообще к сообща потребленным условиям производства, равно как, наконец, вследствие непосредственно общественного труда, который выравнивается и оценивается как средний труд многих работающих сообща индивидов — совершенно невозможно исчислить. Этот труд имеет лишь значение как кратная часть совокупного труда, приходящегося на него и оцененного *идеально*. При *определении цены* отдельного товара он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал.

3) Товар как таковой, — носитель совокупной стоимости капитала плюс прибавочная стоимость, в отличие от товара, который первоначально выступал перед нами самостоятельно, *как продукт капитала*, фактически как превращенная форма капитала, прошедшего свой процесс увеличения стоимости, теперь обнаруживается в *объеме, в размерах продажи,* которые

должны иметь место, чтобы реализовалась прежняя стоимость капитала и ditto * вышеназванная произведенная им прибавочная стоимость, что ни в коем случае не может быть достигнуто тем, что отдельные товары или часть их будет продаваться по их стоимости.

Мы уже раньше видели, что товар, для того чтобы быть готовым к обращению, должен получить двойственную форму существования. Он должен противостоять покупателю не только как вещь с определенными полезными свойствами, не только как определенная *потребительная стоимость,* удовлетворяющая определенные потребности, будь то индивидуального или производительного потребления. Его меновая стоимость должна получить отличную от его потребительной стоимости и определенную самостоятельную, хотя и идеальную *форму.* Он должен *выступать* как единство потребительной стоимости и меновой стоимости, но вместе с тем и как раздвоенное в этом единстве. Его меновая стоимость получает эту самостоятельную, совершенно независимую от его потребительной стоимости форму, как простое бытие материализованного общественного рабочего времени, в его *цене,* в этом выражении, в котором меновая стоимость выражена как меновая стоимость, т. е. как *деньги,* и она выражена таким образом именно в *счетных деньгах.*

В действительности имеются единичные товары, как, например, железные дороги, крупные строения и т. д., которые, с одной стороны, по своей природе неделимы, а с другой стороны, имеют такой объем, что весь продукт авансированного капитала выступает как *единичный* товар. Здесь, следовательно, имел бы силу закон, который обнаружил себя при рассмотрении единичного товара, именно, что *цена* товара есть не что иное, как выраженная в деньгах его стоимость. Совокупная стоимость капитала плюс прибавочная стоимость заключалась бы в единичном товаре и должна была бы выражаться в счетных деньгах. Определение цены такого товара не отличалось бы более ничем от ранее данного определения цены единичного товара, потому что *совокупный продукт* капитала здесь действительно был бы перед нами как *единичный* товар. Следовательно, нет нужды дольше на этом останавливаться.

Однако большинство товаров имеет дискретную природу (и даже неделимые можно обычно идеально рассматривать как дискретные величины), т. е. они, если рассматривать их как массу известных предметов, могут делиться на части, соответствующие обычно употребляемым для данной потребитель-

---

* — также. *Ред.*

ной стоимости *мерам,* [446] например, *a* квартеров пшеницы, *b* центнеров кофе, *c* аршин холста, *x* дюжин ножей, где единицей измерения служит сам единичный товар, и т. д.

Теперь перейдем к рассмотрению *совокупного продукта* капитала, продукта, который, независимо от объема и от того, делим или неделим он по своей природе, можно всегда считать *единичным* товаром, единой потребительной стоимостью, меновая стоимость которой поэтому и проявляется в *совокупной цене,* как выражение совокупной стоимости этого совокупного продукта.

При рассмотрении *процесса увеличения стоимости* обнаружилось, что часть авансированного постоянного капитала, как-то: строения, машины и т. д., передает продукту только определенные доли стоимости, которые постоянный капитал, в качестве средств труда, теряет в процессе труда, что постоянный капитал никогда не входит в продукт материально в форме своей собственной потребительной стоимости, что он в течение более долгого периода продолжает в процессе труда служить и что та часть стоимости, которую он в течение определенного периода времени передает производимому в течение этого периода продукту, определяется отношением этого определенного периода ко всему периоду, в продолжение которого он, как средство труда, изнашивается, теряет вследствие этого всю свою стоимость и переносит тем самым ее на продукт; так что, если он служит в среднем, например, в течение десяти лет, то он передает продукту одного года $^{1}/_{10}$ часть своей стоимости, прибавляет $^{1}/_{10}$ часть своей стоимости к годовому продукту капитала. Поскольку эта часть постоянного капитала, после выпуска известного количества продуктов, продолжает служить средством труда и продолжает все еще представлять по вышеупомянутой средней оценке определенную стоимость, то она не входит в образование стоимости выпущенной массы продуктов. Его совокупная стоимость вообще только постольку играет определяющую роль для стоимости выпущенной массы продуктов, той массы продуктов, для производства которой он уж послужил, поскольку передаваемая им в течение определенного периода времени стоимость оценивается как кратная часть его совокупной стоимости, определяется отношением периода времени, в течение которого он служил и передавал часть своей стоимости, ко всему периоду времени, в течение которого он служит и передает продукту всю свою стоимость. В остальном его еще продолжающая существовать стоимость не принимается в расчет при определении стоимости уже выпущенной массы товаров. Ее можно, следовательно, по отношению к последней, принять

равной нулю. Или, что то же самое, для данной цели можно ради упрощения считать, что *совокупный капитал* — также и та доля его постоянной части, которая лишь в течение более длительных периодов производства переходит в продукт полностью, — полностью содержится, растворяется в рассматриваемом нами продукте совокупного капитала.

Итак, предположим, что совокупный продукт = 1 200 аршинам холста. Пусть авансированный капитал = 100 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляют постоянный капитал и 20 ф. ст. — переменный капитал; норма прибавочной стоимости = 100%, так что рабочий в течение одной половины рабочего дня работает для себя, а в течение другой половины работает даром для капиталиста. В этом случае произведенная прибавочная стоимость = 20 ф. ст., а совокупная стоимость 1 200 аршин = 120 ф. ст., из которых 80 ф. ст. представляют стоимость, приложенную постоянным капиталом, 40 ф. ст. — вновь присоединенный труд, половина которого возмещает заработную плату, а вторая половина выражает прибавочный труд [447] или образует прибавочную стоимость.

Так как, за исключением вновь присоединенного труда, элементы капиталистического производства сами входят в процесс производства уже как товары, следовательно, с определенными ценами, то стоимость, прибавляемая постоянным капиталом, уже дана как *цена*, например, в приведенном выше случае 80 ф. ст. за лен, машины и т. д. Что же касается вновь присоединенного труда, то он, если заработная плата, определяемая необходимыми жизненными средствами = 20 ф. ст., а прибавочный труд равен количеству оплаченного труда, должен выражаться в цене, равной 40 ф. ст., ибо стоимость, которую представляет присоединенный труд, зависит от его количества, а отнюдь не от условий, при которых труд оплачивается. Итак, совокупная цена 1 200 аршин холста, произведенных капиталом в 100 ф. ст., = 120 фунтам стерлингов.

Как же теперь определить цену отдельного товара, в данном случае — аршина холста? Очевидно, деля *всю цену* совокупного продукта на число, получающееся от деления продукта на кратные части, соответственно данным мерам, деля *совокупную цену* продукта на число единиц меры, которой измеряется *потребительная стоимость*, т. е., например, в данном случае $\frac{120 \text{ ф. ст.}}{1\,200 \text{ аршин}}$; для одного аршина холста это составляет цену в 2 шиллинга. Если аршин, служащий мерой холста, развить как масштаб дальше путем его деления на более мелкие кратные части, то мы можем точно так же определить далее цену половины аршина

и т. д. Таким образом для определения цены единичного товара его потребительная стоимость исчисляется как кратная часть совокупного продукта, а его цена — как соответствующая кратная часть произведенной капиталом совокупной стоимости.

Мы видели, что, соответственно различным степеням *производительности* или *производительной силы труда*, одно и то же рабочее время представляется в весьма различном количестве продуктов, или равновеликая меновая стоимость представляется в совершенно различных количествах потребительных стоимостей. Предположим, что в вышеприведенном случае производительность льноткачества учетверяется. Постоянный капитал: лен, машины и т. д., который приводился в движение трудом, выражающимся в 40 ф. ст., был равен 80 ф. ст. Если производительность труда ткача учетверится, то он приведет в движение вчетверо большее количество постоянного капитала, т. е. на 320 ф. ст. льна и т. д. И число аршин холста учетверилось бы, возросло бы с 1 200 до 4 800 аршин. Однако вновь присоединенный труд ткача по-прежнему выражался бы в 40 ф. ст., так как его количество осталось бы неизменным. Совокупная цена 4 800 аршин холста, следовательно, теперь равна 360 ф. ст., а цена одного аршина $= \frac{360 \text{ ф. ст.}}{4\,800 \text{ аршин}} = 1^1/_2$ шиллинга. Цена одного аршина холста понизилась бы с 2 шиллингов, или 24 пенсов, до $1^1/_2$ шиллингов, или 18 пенсов, т. е. на $^1/_4$, потому что содержащийся в аршине холста постоянный капитал вобрал в себя на $^1/_4$ меньше присоединенного к нему при его превращении в холст живого труда, или то же количество труда ткача разделилось на большее количество продукта. Для данной цели, однако, еще лучше взять пример, когда совокупный авансированный капитал остается *неизменным*, производительная же сила труда вследствие только природных условий, например, благоприятного или неблагоприятного года, представляется в весьма различных количествах одной и той же [448] потребительной стоимости, например, пшеницы. Предположим, что количество труда, затраченное на акр земли, например, при производстве пшеницы, представляется в 7 ф. ст., из которых 4 ф. ст. — это вновь присоединенный труд, а 3 ф. ст. — уже овеществленный в постоянном капитале труд. Из 4 ф. ст. пусть 2 ф. ст. — заработная плата и 2 ф. ст. — прибавочный труд; согласно предположенному нами отношению $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}} = \frac{100}{100}$. Но урожай будет изменяться с изменением условий сезона.

Общее количество квартеров	Цена за 1 квар.	Стоимость или цена совокупного продукта
«Если у него 5 квартеров	— он может продать каждый за 28 шилл.	7 ф. ст.
$4^1/_2$ »	— » » » » » примерно 31 шилл.	та же
4 »	— » » » » » 35 »	»
$3^1/_2$ »	— » » » » » 40 »	»
3 »	— » » » » » 46 » 8 п.	»
$2^1/_2$ »	— » » » » » 56 »	»
2 »	— » » » » » 70 »	» »[6].

Стоимость или *цена* совокупного продукта капитала в 5 ф. ст., авансированного на 1 акр, остается здесь все той же — равной 7 ф. ст., так как авансированная сумма овеществленного и вновь присоединенного живого труда остается постоянной. Но этот же самый труд представляется в весьма различных количествах квартеров, и поэтому отдельный квартер, та же самая кратная часть совокупного продукта, имеет поэтому весьма различные цены. Это изменение в ценах единичных товаров, произведенных одним и тем же капиталом, совершенно ничего не изменяет в норме прибавочной стоимости, в отношении прибавочной стоимости к переменному капиталу, или в отношении, в котором весь рабочий день делится на оплаченный и неоплаченный труд. Совокупная стоимость, в которой представляется вновь присоединенный труд, остается неизменной, потому что к постоянному капиталу по-прежнему присоединяется такое же количество живого труда, и отношение прибавочной стоимости к заработной плате, или отношение оплаченной части труда к неоплаченной, остается неизменным, стоит ли аршин холста при различной производительности труда 2 или 1 $^1/_2$ шиллинга. Что изменилось в отношении к отдельному аршину холста, так это совокупное количество труда ткача, которое к нему присоединилось; отношение же, в котором это совокупное количество делится на оплаченный и неоплаченный труд, остается неизменным для каждой кратной части этого общего количества, содержащейся в отдельном аршине, независимо от того, будет ли она больше или меньше. Точно так же, при *данном* предположении, повышение цены квартера во втором

[6] [*J. Arbuthnot*]. An Inquiry into the connection [between the present price of provisions, and the size of farms] etc. By a farmer. London, 1773, p. 108.

случае при падающей производительности труда, явилось следствием того обстоятельства, что вновь присоединенный труд делится на меньшее количество квартеров и на каждый квартер приходится поэтому большее количество вновь присоединенного труда, [449]; это обстоятельство отнюдь не внесло бы никакого изменения в то отношение, в каком это большее или меньшее количество труда, поглощаемое отдельным квартером, делится на оплаченный и неоплаченный труд, никакого изменения ни в совокупном количестве прибавочной стоимости, которую произвел капитал, ни в той кратной части прибавочной стоимости, которая содержится в стоимости отдельного квартера, пропорционально вообще вновь присоединенной к нему стоимости. Если при данных предпосылках к определенному количеству средств труда присоединяется больше живого труда, то к этим средствам труда присоединяется оплаченного и неоплаченного труда пропорционально больше; если — меньше, то оплаченного и неоплаченного труда присоединяется пропорционально меньше; но *отношение* между этими двумя составными частями вновь присоединенного труда остается *неизменным*.

Если отвлечься от отдельных противодействующих влияний, рассмотрение которых не имеет значения для данной цели, то тенденция и результат капиталистического способа производства состоит в том, чтобы постоянно повышать производительность труда и, следовательно, постоянно увеличивать массу средств производства, превращаемых в продукты этим дополнительным трудом, чтобы постоянно, так сказать, раскладывать вновь присоединенный труд на бо̀льшую массу продуктов и понижать таким образом *цену* отдельного товара, или вообще *удешевлять* товарные цены. Но это удешевление товарных цен само по себе не заключает в себе никакого изменения ни в *массе* произведенной данным переменным капиталом прибавочной стоимости, ни в заключенном в отдельном товаре пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный и неоплаченный, или в реализованной в отдельном товаре норме прибавочной стоимости. Если определенное количество льна, веретен и т. д. при своем превращении в один аршин холста поглощает меньше труда ткача, то это отнюдь ничего не изменяет в том отношении, в котором этот больший или меньший труд ткача делится на оплаченный и неоплаченный. *Абсолютное количество* живого труда, вновь присоединенного к известному количеству уже овеществленного труда, ничего не изменяет в том *отношении*, в котором это, изменяющееся в отдельном товаре, большее или меньшее количество делится

2*

на оплаченный и неоплаченный труд. Таким образом, несмотря на вытекающее из изменения в производительной силе труда изменение в ценах товаров, или понижение товарных цен и удешевление товара, отношение между оплаченным и неоплаченным трудом, вообще реализованная капиталом норма прибавочной стоимости, может оставаться *постоянной*. Если бы изменение произошло не в производительной силе труда, вновь присоединяемого к средствам труда, а в производительной силе труда, создающего средства труда, и цены последних поэтому повысились бы или упали бы, то точно так же вызванное таким образом изменение в *товарных ценах* не изменило бы постоянного деления содержащегося в них присоединенного живого труда на оплаченный и неоплаченный.

Наоборот. Если *изменение в товарных ценах* не исключает сохранения постоянной нормы прибавочной стоимости, постоянного деления присоединяемого труда на оплаченный и неоплаченный, то *постоянство товарных цен* не исключает изменения в норме прибавочной стоимости, перемены в пропорциональном делении вновь присоединенного труда на оплаченный и неоплаченный. Предположим, упрощения ради, что в отрасли труда, о которой идет речь, не происходит никакого *изменения в производительной силе всего заключенного в ее продуктах труда*, следовательно, например, в вышеприведенном случае, в производительности труда ткача или труда, который доставляет лен, веретена и т. д. По сделанному выше предположению 80 ф. ст. вложено в постоянный капитал и 20 ф. ст. — в переменный капитал. Пусть эти 20 ф. ст. представляют 20 дней (будничных), например, 20 ткачей. По предположению, они производили 40 ф. ст., т. е. работали полдня для себя, полдня для капиталиста. Предположим далее, [450] что рабочий день равен 10 часам и удлиняется до 12, так что прибавочный труд увеличивается на 2 часа на человека. Весь рабочий день вырос бы на $^1/_5$, с 10 часов до 12. Так как $10 : 12 = 16\ ^2/_3 : 20$, то теперь нужно было бы лишь $16\ ^2/_3$ ткача, чтобы привести в движение тот же постоянный капитал в 80 ф. ст. и произвести 1 200 аршин холста. (Ибо 20 человек, работающих по 10 часов, дают 200 часов труда, а $16\ ^2/_3$ рабочих, работающих по 12 часов, дают также 200 часов труда.) Или, если мы оставим попрежнему 20 рабочих, то теперь они присоединят вместо 200 часов — 240 часов труда. И так как стоимость 200 часов ежедневно выражается в течение недели в 40 ф. ст., то стоимость 240 часов ежедневно выразится в течение недели в 48 ф. ст. Но так как производительная сила труда и т. д. осталась преж-

ней и так как на 40 ф. ст. приходится 80 ф. ст. постоянного капитала, то на 48 ф. ст. придется 96 ф. ст. постоянного капитала. Вложенный капитал составил бы, следовательно, 116 ф. ст., и произведенная им товарная стоимость = 144 ф. ст. Но так как 120 ф. ст. = 1 200 аршинам холста, то 128 ф. ст. = = 1 280 аршинам холста. Следовательно, аршин холста будет стоить $\frac{128 \text{ ф. ст.}}{1\,280} = \frac{1}{10}$ ф. ст., т. е. = 2 шиллингам. Цена одного аршина холста осталась бы неизменной, так как он по-прежнему стоил бы того же самого совокупного количества труда, овеществленного в средствах труда, и вновь присоединенного труда ткача. Но содержащаяся в каждом аршине холста прибавочная стоимость возросла бы. Раньше на 1 200 аршин холста приходилось 20 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно, на 1 аршин $\frac{20 \text{ ф. ст.}}{1\,200} = \frac{2}{120} = \frac{1}{60}$ ф. ст. $= \frac{1}{3}$ шилл. = 4 пенса. Теперь на 1 280 аршин холста приходится 28 ф. ст. прибавочной стоимости, на один аршин — $5\,^1/_3$ пенса, так как $5\,^1/_3$ пенса, помноженный на 1 280 = 28 ф. ст., что и есть действительная сумма заключенной в 1 280 аршинах холста прибавочной стоимости. Добавочные 8 ф. ст. прибавочной стоимости равны 80 аршинам холста (по 2 шиллинга на каждый аршин) и, действительно, число аршин увеличилось с 1 200 до 1 280.

Товарная цена остается здесь той же самой; производительная сила труда — также. Затраченный на заработную плату капитал также не изменился. Тем не менее сумма прибавочной стоимости повышается с 20 до 28 или на 8, что получается от деления 20 на $2^1/_2$ или на $^5/_2$, ибо $8 \times {}^5/_2 = {}^{40}/_2 = 20$, т. е. повышается на 40%. Это — то число процентов, на которое увеличилась совокупная прибавочная стоимость. Что же касается *нормы прибавочной стоимости*, то она первоначально была равна 100%, а теперь — 140%.

Эти цифры могут быть впоследствии уточнены. Пока достаточно, что при *постоянных товарных ценах* [451] прибавочная стоимость растет, потому что тот же переменный капитал приводит в движение *больше* труда, и поэтому производит не только *больше* товаров по той же *цене*, но и больше товаров, в которых содержится *больше* неоплаченного труда.

Правильное вычисление показано в нижеследующем сопоставлении, которому надо предпослать еще следующее:

Если 20 *v* первоначально = 20 десятичасовым дням (которые, как будничные дни, могут быть умножены на 6, что

ничего не изменяет), а рабочий день равен 10 часам, то этот общий труд = 200 часам.

При удлинении рабочего дня с 10 до 12 часов (и росте прибавочного труда с 5 до 7 часов), совокупный труд 20 дней равен 240 часам.

Если 200 часов труда представляются в 40 ф. ст., то 240 — в 48 ф. ст.

Если 200 часов труда приводят в движение постоянный капитал в 80 ф. ст., то 240 часов — постоянный капитал в 96 ф. ст.

Если за 200 часов производится 1 200 аршин холста, то за 240 часов — 1 440 аршин холста.

А теперь следующее сопоставление:

	c	v	m	Стоимость совокупного продукта	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости
I.	80 ф. ст.	20 ф. ст.	20 ф. ст.	120 ф. ст.	100%	20
II.	96 ф. ст.	20 ф. ст.	28 ф. ст.	144 ф. ст.	140%	28

Количество аршин холста	Цена одного аршина холста	Количество труда ткача в 1 аршине	Прибавочный труд в одном аршине	Норма прибавочного труда
1 200	2 шилл.	8 пенс.	4 пенс.	$4:4=100\%$
1 440	2 шилл.	8 пенс.	$4^2/_3$ пенс.	$4^2/_3:3^1/_3=140\%$
	7:5 = число часов увеличилось с 5 до 7.			

Вследствие повышения *абсолютной прибавочной стоимости*, т. е. вследствие удлинения рабочего дня, отношение в совокупном количестве примененного труда [между неоплаченной и оплаченной частью] повысилось с 5 : 5 до 7 : 5, со 100 до 140%, и это отношение обнаруживается так же в *каждом* аршине

холста. Совокупная масса прибавочной стоимости определяется *количеством* рабочих, применяемых при этой повышенной норме. Если бы последняя вследствие удлинения рабочего дня уменьшилась, если бы применялось то же количество труда, что прежде, т. е. если бы вследствие удлиненного рабочего дня применялось уменьшенное количество рабочих, то *неизменным* осталось бы повышение нормы прибавочной стоимости, но не повышение ее абсолютной суммы.

Теперь предположим, наоборот, что *рабочий день* остается *без изменения,* он равен 10 часам, но вследствие *увеличения производительности труда,* — не в производстве постоянного капитала, который применяет труд ткача и не в самом труде ткача, а в других отраслях промышленности, продукты которых входят в заработную плату, — необходимый труд уменьшился бы с 5 до 4 часов, так что рабочие теперь работали бы для капиталиста 6 часов вместо 5, а для себя 4 вместо 5. [452] Отношение прибавочного труда к необходимому было $5 : 5 = \frac{100}{100} = 100\%$, теперь оно $6 : 4 = 150 : 100 = 150\%$.

Как и прежде применяется 20 человек в течение 10 часов, что составляет 200 часов; они по-прежнему приводят в движение тот же постоянный капитал в 80 ф. ст. Стоимость совокупного продукта по-прежнему = 120 ф. ст., количество аршин холста = 1 200, цена одного аршина холста равна 2 шиллингам, ибо в ценах производства вообще ничего не изменилось. Совокупный продукт (по стоимости) одного рабочего был равен 2 ф. ст., а 20-ти рабочих равен 40 ф. ст. Но если 5 часов необходимого труда ежедневно в течение недели равны 20 ф. ст., то 4 часа равны 16 ф. ст., на которые он теперь покупает прежнее количество жизненных средств. Оплата 20 рабочих, каждый из которых теперь ежедневно выполняет только 4 часа необходимого труда, равна 16 ф. ст. вместо прежних 20. Переменный капитал уменьшился с 20 до 16 ф. ст., но он по-прежнему приводит в движение то же самое абсолютное количество труда. Однако это абсолютное количество труда делится на части иначе. Раньше $^1/_2$ оплачивалась и $^1/_2$ не оплачивалась. Теперь из 10 часов 4 оплачиваются и 6 не оплачиваются, т. е. $^2/_5$ оплачиваются и $^3/_5$ не оплачиваются; или вместо отношения 5 : 5 — отношение 6 : 4, т. е. вместо нормы прибавочной стоимости в 100% норма в 150%. На 50% увеличилась норма прибавочной стоимости. На аршин холста приходилось бы 3 $^1/_5$ пенса оплаченного и 4 $^4/_5$ пенса неоплаченного труда ткачей; это составляет $^{24}/_5$: $^{16}/_5$ или 24 : 16, как выше. Мы имели бы поэтому:

	c	v	m	Стоимость совокупного продукта	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости
III.	80	16	24	120 ф. ст.	150%	24

Количество аршин холста	Цена одного аршина холста	Количество труда ткача	Прибавочный труд	Норма прибавочного труда
1 200	2 шилл.	8 пенс.	$4^4/_5$ пенс.	$4^4/_5 : 3^1/_5 = 24 : 16 = 150\%$

Здесь мы замечаем, что сумма прибавочной стоимости составляет только 24, вместо 28, как в примере II. Но если бы в примере III также затратить переменный капитал в 20 ф. ст., то *совокупное количество* приложенного труда возросло бы, ибо оно остается неизменным, когда расходуется переменный капитал в 16 ф. ст. Оно, следовательно, поднялось бы на $^1/_4$, так как 20 ф. ст. на $^1/_4$ больше 16. *Повысилось бы совокупное количество приложенного труда, а не только отношение прибавочного труда к оплаченному*. Так как 16 при этой новой норме дают 40 ф. ст., то 20 дают 50 ф. ст., из которых *30* ф. ст. прибавочная стоимость. Если 40 ф. ст. равны 200 часам, то 50 ф. ст. были бы равны 250 часам. И если 200 часов приводили в движение 80 *c*, то 250 часов — 100 *c*. Если, наконец, за 200 часов производят 1 200 аршин холста, то за 250 часов — 1 500 аршин холста. Расчет был бы, следовательно, такой:

	c	v	m	Совокупная стоимость	Норма прибавочной стоимости	Сумма прибавочной стоимости
III-a.	100	20	30	150	150%	30

Количество аршин холста	Цена одного аршина холста	Количество труда ткача	Прибавочный труд	Норма
1 500	2 шилл.	8 пенс.	$4^4/_5$ пенс.	150%

Вообще следует заметить, что если вследствие понижения заработной платы (здесь — как следствие увеличенной производительной силы) необходимо *меньше переменного капитала* для применения того же количества труда, т. е. для применения *того же количества труда с большей* выгодой для капитала,

благодаря тому, что оплаченная часть этого же количества уменьшается по сравнению с неоплаченной, то в тех случаях, когда капиталист продолжает вкладывать *прежнюю* сумму *переменного капитала*, он выигрывает вдвойне, так как он получает не только *повышенную норму прибавочной стоимости* на прежнюю общую сумму, но и эксплуатирует при *этой повышенной норме прибавочной стоимости большее количество труда*, хотя его переменный капитал и не возрос в своей величине.

[453] Итак, мы выяснили:

1) при *изменяющихся товарных ценах* норма и масса прибавочной стоимости могут *оставаться постоянными;* и

2) при *постоянных товарных ценах* норма и масса прибавочной стоимости могут *изменяться*.

Товарные цены вообще, как это было показано при рассмотрении производства прибавочной стоимости, влияют на нее лишь поскольку они входят в издержки воспроизводства рабочей силы и влияют таким образом на ее собственную стоимость; воздействие, которое в более краткие периоды может быть парализовано противоположными влияниями.

Из пункта 1) следует, что вытекающее из развития производительной силы труда понижение товарных цен, удешевление товаров, — оставляя в стороне ту часть товаров, которая своим удешевлением удешевляет самое рабочую силу (или, наоборот, их вздорожание удорожает рабочую силу), — означает, что в отдельных товарах материализовано меньше труда, или что то же самое количество труда выражается в большем количестве товаров, вследствие чего на отдельный товар приходится меньшая кратная часть труда; но это удешевление само по себе не означает, что изменяется *пропорциональное деление* заключающегося в каждом отдельном товаре труда на *оплаченный* и *неоплаченный*. Два выведенных выше закона действительны вообще для всех товаров, следовательно, и для тех, которые не входят, прямо или косвенно, в воспроизводство рабочей силы, удешевление или вздорожание которых, следовательно, безразлично для определения *стоимости* самой рабочей силы.

Из пункта 2) следует (смотри примеры *III* и *III-a*), что хотя *товарные цены* остаются теми же и производительная сила живого труда, применяемого непосредственно в той отрасли производства, результатом которой являются эти товары, остается той же, *норма и масса прибавочной стоимости* могут увеличиваться. (Можно было бы точно так же развить *обратное*, что они могут уменьшаться, если сокращается совокупный рабочий день или возрастает, вследствие вздорожания других товаров, *необходимое рабочее* время при неизменном рабочем

дне.) Это происходит потому, что *переменный капитал данной величины* может применять весьма *неравные* количества *труда данной производительной силы* (а товарные цены остаются неизменными, пока не изменяется производительная сила труда) или *переменный капитал изменяющейся величины* применяет *равные* количества труда данной производительной силы. Короче, переменный капитал определенной величины стоимости отнюдь не приводит в движение всегда одни и те же количества живого труда; поэтому, поскольку он рассматривается как простой символ тех количеств труда, которые он приводит в движение, он есть символ *переменной величины*.

Это последнее замечание — (к пункту 2) и 2-й закон) показывает, что товар, как *продукт капитала*, как *кратная составная часть капитала*, как носитель капитала, который увеличился в стоимости и поэтому заключает в себе кратную часть произведенной капиталом прибавочной стоимости, должен рассматриваться иначе, чем мы его рассматривали раньше, в начале нашего исследования отдельного самостоятельного товара.

(Когда мы говорим о товарных ценах, то всегда предполагается, что *совокупная цена* произведенной капиталом массы товара равна *совокупной стоимости* этой массы, и поэтому *цена* кратной части отдельного товара равна кратной части этой совокупной стоимости. *Цена* здесь вообще только — денежное выражение *стоимости*. Цены, отличные от стоимостей, вообще до сих пор в нашем изложении не рассматривались.)

[454] [5] Мы видели, что капиталистическое производство есть производство прибавочной стоимости и как такое производство прибавочной стоимости *(при накоплении)* оно есть вместе с тем *производство капитала* и *производство* и воспроизводство всего капиталистического отношения во все более расширенном (увеличенном) масштабе. Но прибавочная стоимость производится лишь как часть товарной стоимости, она выражается в определенном количестве товара или прибавочного продукта. Капитал производит *прибавочную стоимость* и воспроизводит себя самого только как *производитель товаров*. Поэтому мы должны прежде всего вновь заняться *товаром* как его *непосредственным продуктом*. Но, как мы видели, *товары*, рассматриваемые с точки зрения их *формы* (их экономической определенности формы) суть *неполный результат*. Они должны предварительно проделать известные превращения формы — они должны опять войти в процесс труда, в котором они проделывают эти превращения формы, — прежде чем они снова смогут функционировать как богатство, в форме ли денег или как потребительные стоимости. Итак, мы должны теперь детальнее рассмотреть

товар как ближайший результат капиталистического процесса производства, а затем дальнейшие процессы, которые он должен пройти. (Товары суть элементы капиталистического производства и товары суть *продукт* последнего, суть форма, в которой капитал выступает снова в конце процесса производства.)

Отдельный товар — как продукт капитала, на деле как элементарная часть воспроизведенного и увеличившегося в стоимости капитала, — обнаруживает свое отличие от отдельного товара, из которого мы исходили как из предпосылки образования капитала, от товара, рассматриваемого *самостоятельно*, еще в том, — кроме пункта, уже рассмотренного и касающегося определения цены, — что когда товар продается по своей цене, *стоимость* авансированного на его производство капитала не реализуется и тем более не реализуется созданная этим капиталом *прибавочная стоимость*. Как простые носители капитала — не только материально, как части потребительной стоимости, из которой состоит капитал, но и как носители *стоимости*, из которой состоит капитал — товары могут продаваться по цене, соответствующей их стоимости, и тем не менее быть проданными *ниже* их стоимости, как *продукта капитала* и как *составных частей совокупного продукта, в котором теперь прежде всего существует увеличивший свою стоимость капитал*.

В вышеприведенном нами примере капитал в 100 ф. ст. воспроизводился в 1 200 аршинах холста ценой в 120 ф. ст. Согласно ранее данному объяснению и так как мы имели $\overset{c}{80}$, $\overset{v}{20}$, $\overset{m}{20}$, мы можем представить дело так, что 80 ф. ст. постоянного капитала представлены в 800 аршинах холста или в $^2/_3$ совокупного продукта; 20 ф. ст. переменного капитала или заработная плата — в 200 аршинах холста или в $^1/_6$ совокупного продукта и 20 ф. ст. прибавочной стоимости — также в 200 аршинах холста или в последней $^1/_6$ всего продукта. Если же не один аршин, а, например, 800 аршин холста продаются по их цене, равной 80 ф. ст., а две другие части не могут быть проданы, то даже из первоначальной стоимости капитала в 100 ф. ст. было бы воспроизведено только $^4/_5$. Как носители совокупного капитала, т. е. как единственный *действенный продукт* совокупного капитала в 100 ф. ст., 800 аршин холста были бы проданы *ниже их стоимости*, именно на $^1/_3$ ниже их стоимости, так как стоимость совокупного продукта равна 120, и 80 ф. ст. равны только $^2/_3$ всего продукта, а недостающее количество стоимости в 40 ф. ст. равно остальной $^1/_3$ этого продукта. Эти 800 аршин холста, рассматриваемые сами по себе, могли

бы также быть проданы *выше* своей стоимости и были бы все-таки, как носители всего капитала, проданы *по* их стоимости, например, если они сами были бы проданы за 90 ф. ст., а остальные 400 аршин холста — только за 30 ф. ст. Но мы вовсе не намерены касаться продажи отдельных частей товарной массы *выше* или *ниже* их стоимости, так как согласно нашему предположению товары вообще продаются *по* их стоимости.

[455] Здесь речь идет не только о том, что товары продаются по своей стоимости, как это имело место при анализе самостоятельного товара, но и о том, что они продаются по своей стоимости (цене) как носители авансированного на их производство капитала и поэтому как *кратная часть совокупного продукта капитала*. Если из этого совокупного продукта, 1 200 аршин холста, равные 120 ф. ст., будет продано лишь 800 аршин, то эти 800 аршин холста представляют не $^2/_3$ совокупной стоимости, а всю совокупную стоимость, и представляют, следовательно, стоимость в 120 ф. ст., а не в 80 ф. ст., и отдельный товар не равен $\frac{80}{800}=\frac{8}{80}=\frac{4}{40}=\frac{2}{20}$ ф. ст. $=2$ шилл., а $=\frac{120}{800}=\frac{12}{80}=\frac{3}{20}=3$ шиллингам. Таким образом, отдельный товар продавался бы на 50% дороже, если бы он продавался за 3 шиллинга вместо 2. Как кратная часть произведенной совокупной стоимости отдельный товар должен продаваться по своей цене и, стало быть, как *кратная часть* проданного совокупного продукта. Он должен быть продан не как самостоятельный товар, а, например, как $\frac{1}{1\,200}$ совокупного продукта, стало быть, как дополнение к остальным $\frac{1\,199}{1\,200}$. Дело заключается в том, чтобы отдельный товар продавался по своей цене, помноженной на *количество*, которое является знаменателем его как кратной части.

(Отсюда уже само собой вытекает, что необходимо постоянное *расширение* рынка, так как с *развитием капиталистического производства* и с соответствующим ему удешевлением товара растет *его масса, растет количество* товаров, которые должны быть проданы; это — потребность для капиталистического способа производства. Но этот пункт скорее относится к следующей книге.) (Этим объясняется также, почему, если капиталист продает, например, 1 200 аршин холста по 2 шиллинга за аршин, он не мог бы поставить по этой цене 1 300 аршин холста. Ибо добавочные 100 аршин, может быть, потребовали бы надлежащих изменений [Vorkehrungen] в постоянном капитале и т. д., которые были бы оправданы этой ценой при добавочном

производстве в 1 200 аршин, а не при производстве в 100 аршин холста и т. д.)

Отсюда видно, как товар, как *продукт капитала*, отличается от *отдельного товара, рассматриваемого самостоятельно*, и это различие будет все более и более обнаруживаться и все более и более влиять и на реальное определение цены товаров, чем дальше мы будем прослеживать процесс капиталистического производства и обращения.

Пункт, на который я здесь, однако, еще специально хочу обратить внимание, следующий:

В главе II, параграфе 3 этой первой книги[6] мы видели, как различные части стоимости продукта капитала — стоимость постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочная стоимость — с одной стороны, представляются, повторяются в своих *пропорциональных частях* в каждом отдельном товаре как кратной части произведенной *совокупной потребительной стоимости* и как кратной части *произведенной совокупной стоимости;* как, с другой стороны, совокупный продукт может быть разделен на известные части, доли произведенной потребительной стоимости, предмета, из которых одна часть представляет лишь стоимость постоянного капитала, другая — лишь стоимость переменного капитала, третья, наконец, — лишь прибавочную стоимость. Хотя оба эти выражения, как было показано раньше, по существу тождественны, они *противоречивы* в способе их выражения. Ибо в последнем понимании отдельные товары, принадлежащие к *первой части*, воспроизводящей только стоимость постоянного капитала, выступают так, как будто они выражают только овеществленный до процесса производства труд. Следовательно, например, 800 аршин холста, равные 80 ф. ст., равные стоимости авансированного постоянного капитала, представляют только стоимость потребленной льняной пряжи, масла, угля, машин и т. д., но не представляют никакой части стоимости вновь приложенного труда ткача, между тем как, с другой стороны, *рассматриваемый* как *потребительная стоимость,* каждый аршин холста, кроме содержащегося в нем льна и т. д., содержит определенное количество труда ткача, которое именно придало ему форму холста, и в своей *цене* в *2 шиллинга* содержит 16 пенсов, воспроизводящих потребленный им постоянный капитал, 4 пенса, возмещающих заработную плату, и 4 пенса — материализованный в нем неоплаченный труд. Это кажущееся противоречие, — неумение разрешить его, как увидим позже, дало повод к фундаментальным ошибкам в анализе, — с первого взгляда совершенно *сбивает с толку* того, кто имеет в виду

только *цену* отдельного товара, сбивает с толку так же, как несколько ранее выставленное положение, что отдельный товар или определенная доля совокупного продукта может продаваться *по* своей цене *ниже* своей цены, *выше* своей цены *по* своей цене и даже *выше* своей цены *ниже* своей цены. Пример этой путаницы — *Прудон* [7].

(Цена одного аршина холста в вышеприведенном примере определяется не изолированно, а как кратной части совокупного продукта.)

[456] (*Вышесказанное об определении цены* я изложил ранее; может быть, отдельные положения оттуда следует включить сюда).

Первоначально мы брали *отдельный товар самостоятельно*, как результат и прямой продукт определенного количества труда. Теперь, когда он — *результат, продукт капитала*, дело изменяется *формально* (позже *действительно* в ценах производства) таким образом: произведенная масса потребительных стоимостей представляет *количество труда*, равное *стоимости заключенного в продукте и потребленного постоянного капитала (определенного количества овеществленного труда, переданного* им продукту) плюс обмененное на переменный капитал *количество труда*, одна часть которого возмещает стоимость переменного капитала, а другая образует *прибавочную стоимость*. Если содержащееся в капитале рабочее время, выраженное в деньгах, равно 100 ф. ст., из которых 40 ф. ст. составляют переменный капитал, а норма прибавочной стоимости равна 50%, то совокупная масса содержащегося в продукте труда выражается в *120 ф. ст.* Прежде чем товар может войти в обращение, его *меновая стоимость* должна быть предварительно превращена в *цену*. Поэтому, если совокупный продукт не есть один неделимый предмет, когда весь капитал воспроизводится в *единичном* товаре, как например, дом, то капитал должен исчислить *цену* отдельного товара, т. е. выразить меновую стоимость отдельного товара в счетных деньгах. В зависимости от различной производительности труда *совокупная стоимость* в 120 ф. ст. будет *делиться* на большее или меньшее количество продуктов; следовательно, *цена* отдельного товара будет представлять, в *обратном отношении* к общему количеству товаров, бо̀льшую или меньшую кратную часть 120 ф. ст. на единицу товаров. Например, если совокупный продукт = 60 тоннам угля, то 60 тонн = 120 ф. ст. = 2 ф. ст. за тонну = $\frac{120}{60}$ ф. ст.; если продукт равен 75 тоннам, то тонна = $\frac{120}{75}$ = 1 ф. ст. 12 шилл.; если продукт равен 240 тоннам,

то $= \frac{120}{240} = \frac{12}{24} = \frac{1}{2}$ ф. ст. и т. д. Итак, *цена* отдельного товара $= \frac{\text{совокупная цена продукта}}{\text{общее количество продуктов}}$, т. е. совокупная цена, разделенная на общее количество продуктов, которое измеряется различными мерами, соответственно потребительной стоимости продукта.

Если, таким образом, цена отдельного товара = совокупной цене массы товаров (числа тонн), произведенной капиталом в 100 ф. ст., *разделенной* на общее количество товаров (в данном случае число тонн), то, с другой стороны, *общая цена* совокупного продукта равна цене отдельного товара, *умноженной* на *общее число* произведенных товаров. Если с ростом производительности труда возрастает масса товаров, следовательно, и их количество, то цена отдельного товара падает. Обратное происходит, когда производительность понижается; тогда один фактор — цена — повышается, а другой фактор — количество — уменьшается. Пока *затраченное количество* труда *неизменно*, оно выражается в неизменной *совокупной цене* в 120 ф. ст., сколько бы из нее ни приходилось на отдельный товар в зависимости от его количества, изменяющегося в зависимости от производительности труда.

Если часть цены, которая приходится на отдельный продукт, — кратная часть совокупной стоимости — стала меньше вследствие большего количества продуктов, т. е. вследствие большей производительности труда, то меньше будет и приходящаяся на него часть прибавочной стоимости, кратная часть совокупной цены, в которой выражается прибавочная стоимость в 20 ф. ст. и которая связана с продуктом. Но это не изменяет *отношения* той части цены отдельного товара, которая выражает прибавочную стоимость, к той части цены товара, которая представляет заработную плату или оплаченный труд.

Впрочем, при рассмотрении капиталистического процесса производства [обнаружилось], что, — оставляя в стороне удлинение рабочего дня, — с удешевлением товаров, определяющих стоимость рабочей силы, входящих в необходимое потребление рабочего, имеется налицо тенденция удешевлять самое рабочую силу и поэтому одновременно укорачивать *оплаченную* часть труда и удлинять *неоплаченную* при неизменной величине рабочего дня.

Следовательно, если при прежней предпосылке доля *прибавочной стоимости* в цене отдельного товара была пропорциональна той доле, которую эта цена составляет в совокупной стоимости, в совокупной цене, то теперь, несмотря на падение

цены продукта, часть этой цены, выражающая прибавочную стоимость, будет возрастать. Но это происходит только потому, что вследствие роста производительности труда прибавочная стоимость занимает пропорционально большее место в *совокупной цене* продукта. Та же самая причина, — возросшая производительность труда (*обратное* имело бы место при уменьшающейся производительности), вследствие которой то же количество труда, та же стоимость в 120 ф. ст. представляется в большей массе продуктов и поэтому *цена* отдельного товара понижается, — уменьшает *стоимость рабочей силы*. Поэтому хотя *цена отдельного товара падает*, хотя общее количество заключающегося в нем труда и, стало быть, его стоимость уменьшается, однако пропорциональная составная часть этой цены, состоящая из прибавочной стоимости, увеличивается, или в меньшем общем количестве труда, заключенном в отдельном товаре, например, в отдельной тонне угля, заключается *большее количество неоплаченного труда*, чем прежде, когда труд был менее производительным, масса продукта была меньше, цена отдельного товара — выше. В *совокупной цене* в 120 ф. ст. заключается теперь больше неоплаченного труда, а следовательно, его больше и в каждой кратной части этих 120 ф. ст.

[457] Подобные *загадки* сбили с толку Прудона, который обращает внимание только на цену отдельного, самостоятельного товара, а не рассматривает товар как *продукт совокупного капитала* и поэтому не рассматривает той пропорции, в которой совокупный продукт делится мысленно ценами отдельного товара.

«Так как в торговле *процент на капитал* (это только носящая особое название часть прибавочной стоимости) присоединяется *к заработной плате рабочего, чтобы вместе с этой последней составить цену товара*, то рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. Жить, работая — это такой принцип, который при господстве процента заключает в себе противоречие» («Gratuité du Crédit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon*. Paris, 1850, p. 105).

Совершенно правильно. Чтобы разъяснить вопрос, предположим, что рабочий, «l'ouvrier», о котором здесь говорится, — это весь рабочий класс. Недельная сумма денег, которую он получает и на которую ему приходится покупать жизненные средства и т. д., расходуется на товары, *цена* которых, рассматривая каждый из них отдельно и все вместе, содержит кроме части, равной заработной плате, часть, равную *прибавочной стоимости*, часть которой, относительно небольшую пропорциональную часть, может быть и составляет упоминаемый

Прудоном процент. Как же может рабочий класс с его недельным доходом, равным только заработной плате, купить массу товаров, равную заработной плате плюс прибавочная стоимость? Так как недельная заработная плата, если рассматривать рабочий класс в целом, равна лишь недельной сумме жизненных средств, то совершенно ясно, что рабочий на полученную им сумму денег *не* может купить необходимых жизненных средств. Ибо полученная им сумма денег равна недельной заработной плате, выплаченной ему недельной цене его труда, между тем как цена еженедельно необходимых жизненных средств равна недельной цене заключающегося в них труда плюс цене, в которой выражается неоплаченный прибавочный труд. Следовательно, «рабочий не может выкупить продукт своего собственного труда. *Жить, работая»* при этих предположениях заключает в себе поэтому «*противоречие*». Прудон совершенно прав, поскольку дело касается *видимости*. Но если он, вместо того, чтобы рассматривать товар самостоятельно, будет рассматривать его как продукт капитала, то он найдет, что недельный продукт распадается на одну часть, цена которой, равная заработной плате, равная израсходованному в течение недели переменному капиталу, не содержит *прибавочной стоимости* и т. д., и на другую часть, цена которой равна лишь прибавочной стоимости и т. д.; хотя цена товара заключает в себе все эти элементы и т. д., однако рабочий вновь покупает только лишь первую часть (причем для данной цели безразлично, что он при этой обратной покупке может быть обманут и его действительно обманывают лавочники и т. д.).

Так обычно обстоит дело с прудоновскими экономическими парадоксами, кажущимися глубокими и неразрешимыми. Они состоят в том, что путаницу, которую экономические явления вызывают в его голове, он изображает как закон явления.

(На деле его тезис еще хуже, потому что в нем заключается предположение, что истинная цена товара равна заключающейся в нем заработной плате, равна заключающемуся в нем количеству *оплаченного* труда, а *прибавочная стоимость,* процент и т. д. есть лишь *надбавка,* произвольная, к этой истинной цене товара.)

Но еще хуже критика его со стороны вульгарной экономии. Например, господин *Форкад* (здесь[1]) процитировать это место)[8] обращает его внимание не только на то, что его тезис, с одной

---

[1]) Forcade. [La guerre du socialisme. II. L'économie politique révolutionnaire et sociale. In: «Revue des deux Mondes», nouvelle série, tome XXIV. Paris, 1848, p. 998— 999.]

стороны, доказывает слишком много, так как, согласно этому тезису, рабочий класс вообще не мог бы существовать, но что он, с другой стороны, в выражении парадокса идет недостаточно далеко, так как ведь цена товаров, которые рабочий покупает, кроме заработной платы плюс процент и т. д. включает также и сырой материал и т. д. (короче — элементы цены постоянного капитала). Совершенно правильно, Форкад. Но что же дальше? Форкад показывает, что проблема в действительности еще труднее, чем в том виде, как ее ставит Прудон, и это для него является основанием *не* решать ее даже в том объеме, как ее поставил Прудон, а отделаться от нее ничего не говорящей фразой [9] (см. примечание № 1).

[458] В сущности в манере Прудона хорошо то, что когда он с софистическим самодовольством открыто выражает путаницу экономических явлений в противоположность вульгарным экономистам, которые стараются ее затушевать, но не способны ее понять, их теоретическое убожество вытаскивается на свет. Так, господин В. Фукидид *Рошер* [10] называет «*Qu'est-ce que la propriété?*» Прудона «запутанной и запутывающей» [11]. В слове «запутывающая» выражается чувство бессилия вульгарной экономии справиться с этой путаницей. Вульгарная экономия неспособна разрешить противоречия капиталистического производства даже в той запутанной, поверхностной и софистической форме, в какой их трактует Прудон и обрушивает на голову этих экономистов. Вульгарной экономии больше ничего не остается, как апеллировать от теоретически непреодолимой для нее софистики к «простому» здравому смыслу и ссылаться на то, что ведь все-таки дела идут своим порядком. Прекрасное утешение для людей, которые выдают себя за «теоретиков».

(N. B. Все это о Прудоне лучше, пожалуй, поместить в третьей главе 2-й книги или еще позже.)

Теперь разрешена вместе с тем трудность, о которой говорилось в главе первой. Если *товары*, составляющие продукт капитала, продаются по ценам, определяемым их стоимостью, если, следовательно, весь класс капиталистов продает товары *по их стоимости*, то каждый реализует прибавочную стоимость, т. е. он продает часть стоимости товаров, которая ему ничего не стоила, которую он не оплатил. Таким образом, прибыль, которую они получают, достигается не взаимным обманом, — этот последний может состоять только в том, что один отхватывает у другого часть приходящейся тому прибавочной стоимости, — не тем, что они продают друг другу товары выше их стоимости, а тем, что они продают их друг другу по *их стои-*

мости. Эта предпосылка, что товары продаются по ценам, соответствующим их стоимостям, составляет основу также исследований, содержащихся в следующей книге.

Ближайший результат непосредственного капиталистического процесса производства, его продукт, это — *товары*, в цене которых не только возмещается стоимость авансированного, потребленного во время их производства капитала, но вместе с тем материализован, овеществлен, как *прибавочная стоимость*, потребленный во время их производства прибавочный труд. Как *товар* продукт капитала должен войти в процесс обмена товаров и тем самым не только войти в действительный обмен веществ, но вместе с тем проделать те превращения формы, которые мы изобразили, как метаморфозы товаров. Поскольку дело касается только формальных превращений — превращения этих товаров в деньги и их обратного превращения в товары, — то этот процесс уже изображен в том, что мы назвали «простым обращением», т. е. обращением товаров, как таковых. Но эти товары являются теперь вместе с тем носителями капитала; они теперь самый капитал, увеличившийся в стоимости, чреватый прибавочной стоимостью. И в этом отношении их обращение, которое теперь вместе с тем есть процесс воспроизводства капитала, включает в себя дальнейшие определения, которые были чужды абстрактному рассмотрению товарного обращения. Поэтому теперь нам предстоит рассмотреть обращение товаров как *процесс обращения капитала*. Это делается в следующей книге.

[459] 2) КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Поскольку капитал выступает еще только в своих элементарных формах, как товар или деньги, капиталист выступает в уже известных характерных формах владельца товаров или владельца денег. Но вследствие этого последние сами по себе столь же мало суть капиталисты, как товар и деньги сами по себе — капитал. Подобно тому как товар или деньги только при определенных предпосылках превращаются в капитал, так и владельцы товаров и владельцы денег только при тех же самых предпосылках превращаются в капиталистов.

Первоначально капитал выступал как *деньги*, которым надлежит превратиться в *капитал* или которые еще только δυνάμει * капитал.

* — потенциально. *Ред.*

Экономисты, с одной стороны, делают ошибку, отожествляя эти элементарные формы капитала — товар и деньги — как таковые с капиталом, а с другой стороны, они делают ошибку, объявляя капиталом его *способ существования* в виде потребительной стоимости — *средства труда* — как таковой.

В своей первой, предварительной (так сказать) форме как *деньги* (как исходный пункт образования капитала) капитал существует еще только как деньги, т. е. как *сумма меновых стоимостей* в *самостоятельной форме меновой стоимости*, в его *денежном выражении*. Но эти деньги должны увеличить свою стоимость. Меновая стоимость должна послужить тому, чтобы создать больше меновой стоимости. *Величина стоимости* должна расти, т. е. наличная стоимость должна не только сохраниться, но и создать *прирост*, Δ стоимости, *прибавочную стоимость*, так чтобы данная стоимость, данная сумма денег представлялась как флюэнта, а прирост — как флюксия [12]. Мы вернемся к этому самостоятельному денежному выражению капитала при рассмотрении процесса его обращения. Здесь, где мы имеем дело пока еще с деньгами в качестве *исходного пункта непосредственного процесса производства*, достаточно одного-единственного замечания: капитал здесь существует еще только как *данная сумма стоимости* = *Д* (деньги), в которой всякая потребительная стоимость стерта, стало быть, в форме денег. *Величина* этой суммы стоимости ограничена *размером* или *количеством денежной суммы*, которая должна превратиться в капитал. Следовательно, эта денежная сумма становится капиталом благодаря тому, что ее *величина увеличивается*, что она превращается в *переменную величину*, что она с самого начала есть флюэнта, и должна предполагать флюксию. Лишь *в себе* эта денежная сумма есть капитал, т. е. по своему *назначению*, только потому что она должна применяться, расходоваться таким способом, который имеет целью ее увеличение, потому что она расходуется с *целью ее увеличения*. Если это по отношению к наличной сумме стоимости или денежной сумме проявляется как ее *назначение*, ее внутренняя движущая сила, тенденция, то по отношению к *капиталисту*, т. е. владельцу этой денежной суммы, в руках которого она должна выполнить эту функцию, — как *намерение, цель*. В этом первоначально простом стоимостном или денежном выражении капитала (того, что должно стать капиталом), где абстрагировано всякое отношение к потребительной стоимости, где она отпала, отпадают также и всякое нарушающее вмешательство и впоследствии запутывающие случайные факторы *действительного процесса производства* (производство товаров и т. д.), и в столь же абст-

рактно простом виде обнаруживается и *характерная специфическая природа* капиталистического процесса производства. Если первоначальный капитал есть *сумма стоимости,* равная x, то здесь эта цель и этот x становится капиталом благодаря тому, что он превращается в $x + \Delta x$, т. е. в денежную сумму или сумму стоимости, равную первоначальной сумме стоимости плюс излишек сверх первоначальной суммы стоимости, в данную денежную *величину* плюс добавочные деньги, в *данную стоимость* плюс *прибавочная стоимость.* Таким образом, *производство прибавочной стоимости,* включающее в себя сохранение первоначально авансированной стоимости, выступает как определяющая цель, движущий интерес и *конечный* результат капиталистического процесса производства, как то, благодаря чему первоначальная стоимость превращается в капитал. *Как* это достигается, действительная процедура этого превращения x в $x + \Delta x$, ничего не изменяет в цели и результате процесса. Впрочем, и без капиталистического процесса производства x может превращаться в $x + \Delta x$, но не при *данном условии* и *предпосылке,* когда конкурирующие члены общества выступают по отношению друг к другу как лица, которые противостоят друг другу лишь в качестве *товаровладельцев* и только в качестве таковых вступают друг с другом в контакт (это исключает рабство и т. д.), и, во-вторых, не при каком другом условии, когда общественный продукт производится как *товар.* (Это исключает все формы, в которых для непосредственных производителей главной целью является потребительная стоимость, а в товар превращается лишь излишек продукта и т. д.)

[460] Эта цель процесса, в котором x превращается в $x + \Delta x$, показывает далее, каким путем должно идти исследование. Это выражение должно быть функцией переменной величины или должно превратиться в таковую во время процесса. С самого начала x, как *данная сумма денег,* есть постоянная величина, прирост которой, следовательно, равен нулю. Следовательно, x должен в процессе превратиться в другую величину, содержащую переменный элемент. И речь идет о том, чтобы найти эту составную часть и вместе с тем показать, путем каких опосредствований первоначально постоянная величина становится переменной. Так как, — как обнаруживается далее при рассмотрении действительного процесса производства, — часть x в свою очередь обратно превращается в постоянную величину, а именно в средства труда, которые составляют часть *стоимости* x лишь в форме определенных потребительных стоимостей, а не в их денежной форме, перемена, которая ничего не изменяет

в постоянной природе величины стоимости, вообще ничего не изменяет в этой части, поскольку она есть меновая стоимость, то x представляется в процессе как c (постоянная величина) $+ v$ (переменная величина) $= c + v$. Теперь же разница $\Delta (c + v) = c + (v + \Delta v)$, а так как разница $c = 0$, то она $= (v + \Delta v)$. То, что первоначально представлялось как Δx, в действительности есть, следовательно, Δv. И отношение этого прироста первоначальной величины x к той части x, прирост которой он составляет в действительности, должно быть ($\Delta v = \Delta x$ (так как $\Delta x = \Delta v$)), $\frac{\Delta x}{v} = \frac{\Delta v}{v}$, что на деле есть формула для *нормы прибавочной стоимости*.

Так как совокупный капитал $K = c + v$, где c постоянно и v переменно, то K можно рассматривать как функцию v. Если v возрастает на Δv, то K становится равной K'.

Итак, мы имеем:

1) $K = c + v$.

2) $K' = c + (v + \Delta v)$.

Вычитая уравнение 1) из уравнения 2), получаем разность $K' - K$, прирост $K = \Delta K$.

3) $K' - K = c + v + \Delta v - c - v = \Delta v$.

4) $\Delta K = \Delta v$.

Следовательно, получается 3) и поэтому 4): $\Delta K = \Delta v$. Но K' минус K равно величине, на которую изменилось $K (= \Delta K)$, равно приросту K или ΔK, следовательно 4). Или прирост совокупного капитала равен приросту переменной части капитала, так что Δc или изменение постоянной части капитала равно 0. Следовательно, постоянный капитал в этом исследовании относительно ΔK или Δv предполагается равным нулю, т. е. не должен приниматься во внимание.

Пропорция, в какой возросло $v = \frac{\Delta v}{v}$ (*норма прибавочной стоимости*). Пропорция, в какой возросло $K = \frac{\Delta v}{K} = \frac{\Delta v}{c+v}$ (*норма прибыли*).

Таким образом, подлинная, специфическая *функция* капитала как капитала есть *производство прибавочной стоимости*, которое, как будет показано позже, есть не что иное, как *производство прибавочного труда, присвоение* в действительном процессе производства *неоплаченного труда*, который представляется, овеществляется как *прибавочная стоимость*.

Далее оказалось, что для превращения x в капитал, в $x + \Delta x$, необходимо, чтобы стоимость или сумма денег x превратилась в *факторы процесса производства*, прежде всего

в *факторы действительного процесса труда*. В известных отраслях промышленности бывает, что часть средств производства — *предмет труда* — не имеет никакой стоимости, не есть *товар*, хотя и есть потребительная стоимость. В этом случае часть x превращается только в средства труда, а предмет труда, поскольку речь идет о превращении x, т. е. о закупке входящих в процесс труда товаров на x, исключается из закупок средств производства. Один фактор процесса труда, предмет труда, здесь равен 0, поскольку речь идет о стоимости. Но мы рассматриваем вопрос в полной форме, где и предмет труда — товар. В том случае, когда этого нет, этот фактор, поскольку речь идет о стоимости, принимается равным нулю и в расчет вносится поправка.

Подобно тому как товар есть непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости, так и процесс производства, который есть *процесс производства товаров*, представляет собой непосредственное единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Подобно тому как *товары*, т. е. непосредственные единства потребительной стоимости и меновой стоимости, выходят из процесса как *результат*, как продукт, так они и входят в него как образующие его элементы. Вообще из процесса производства никогда не может выйти ничего такого, что не входило в него в форме условий производства.

Превращение авансированной суммы денег, которая должна увеличиться и превратиться в капитал, в *факторы процесса производства*, есть акт товарного обращения, процесса обмена, и распадается он на ряд покупок. Следовательно, этот *акт* происходит еще вне непосредственного процесса производства. Он является лишь его введением, но он есть его *необходимая предпосылка*, и когда мы рассматриваем не непосредственный процесс производства, а капиталистическое производство в целом и в его непрерывности, то это превращение денег в *факторы процесса производства*, закупка средств производства и рабочей силы, образует в свою очередь *имманентный момент совокупного процесса*.

[461] Если же мы рассмотрим форму капитала *внутри* непосредственного процесса производства, то увидим, что капитал, как и простой товар, имеет *двойственную форму потребительной стоимости* и *меновой стоимости*. Но в обе формы входят дальнейшие определения, которые отличны от определений простых, самостоятельно рассматриваемых товаров, суть более развитые определенности.

Что касается прежде всего *потребительной стоимости*, то ее особое содержание, ее дальнейшая определенность были

совершенно безразличны для определения понятия товара. Предмет, который должен был быть товаром и поэтому носителем меновой стоимости, должен удовлетворять какую-либо общественную потребность, следовательно, обладать какими-либо полезными свойствами. Voilà tout *. Иначе обстоит дело с *потребительной стоимостью* товаров, функционирующих в процессе производства. Благодаря природе *процесса труда* средства производства распадаются прежде всего на *предметы труда* и *средства труда,* или детальнее, на *сырье,* с одной стороны, *инструменты, вспомогательные материалы* и т. д. — с другой. Это — *определения формы потребительной стоимости,* которые возникают из природы самого процесса труда, и таким образом — в отношении средств производства — потребительная стоимость получает дальнейшее определение. *Определение формы потребительной стоимости* само становится здесь существенным для развития *экономического отношения, экономической категории.*

В дальнейшем, однако, в процессе труда входящие в него потребительные стоимости распадаются на два строго разграниченных в понятии момента и противоположности (точно так же, как указано выше, это происходит с *вещными* средствами производства), на одной стороне, вещные средства производства, *объективные* условия производства, на другой — действующая рабочая сила, целесообразно проявляемая рабочая сила, *субъективное* условие производства. Это — дальнейшая определенность формы капитала, поскольку он выступает *sub specie* ** *потребительной стоимости* внутри непосредственного процесса производства. В простом товаре определенный целесообразный труд — прядение, ткачество и т. д. — воплощен, овеществлен в пряже, в ткани и т. д. Целесообразная форма продукта есть единственный след, оставленный целесообразным трудом, и даже этот след может быть стерт, если продукт имеет форму продукта природы, как скот, пшеница и т. д. В товаре потребительная стоимость выступает как нечто очевидное, как то наличное, что в процессе труда проявляется лишь как *продукт.* Отдельный товар на деле есть готовый продукт, позади которого лежит процесс его возникновения, продукт, в котором фактически преображен тот процесс, благодаря которому в нем воплотился, овеществился особый полезный труд. В процессе производства возникает товар. Он постоянно отрывается от процесса как продукт, так что са-

* — Вот и все. *Ред.*
** — *в качестве. Ред.*

мый продукт выступает лишь как момент этого процесса. Часть *потребительной стоимости,* в которой капитал выступает внутри процесса производства, есть сама *живая рабочая сила,* но как рабочая сила определенной, соответствующей особой потребительной стоимости средств производства *спецификации* и как *действующая рабочая сила,* как целесообразно *проявляющаяся рабочая сила,* которая делает средства производства вещными моментами своей деятельности и *превращает* их таким образом из первоначальной формы их потребительной стоимости в новую форму продукта. Сами потребительные стоимости проделывают поэтому внутри процесса труда *действительный процесс превращения,* будь то механического, химического или физического характера. В то время как в товаре потребительная стоимость есть данная вещь с определенными свойствами, здесь она есть превращение функционирующих как сырье и средства труда вещей, потребительных стоимостей, посредством действующего через них и в них живого труда, который именно и есть рабочая сила *actu* *, в потребительную стоимость измененного образа — в *продукт.* Итак, форма, которую капитал, как *потребительная стоимость,* принимает в процессе труда, распадается, *во-первых,* на разобщенные в понятии и взаимно связанные *средства производства, во-вторых,* на [462] соответствующее понятию, из природы процесса труда вытекающее разделение между *объективными* условиями труда (средствами производства) и *субъективными* условиями труда, целесообразно действующей *рабочей силой,* т. е. самим трудом. А, *в-третьих,* если рассматривать процесс в целом, потребительная стоимость капитала выступает здесь как производящий потребительную стоимость процесс, в котором средства производства функционируют соответственно этой специфической определенности, как средства производства целесообразно действующей, соответствующей их определенной природе, *специфической рабочей силы.* Или совокупный *процесс труда* как таковой, в живом взаимодействии его объективных и субъективных моментов, выступает как совокупный образ потребительной стоимости, т. е. как *реальный* образ капитала в процессе производства.

Процесс производства капитала есть прежде всего, если рассматривать его реальную сторону — или если рассматривать его как процесс, который благодаря полезному труду над потребительными стоимостями образует новые потребительные стоимости, — *действительный процесс труда.* Его моменты как

* — *в действительности, на деле. Ред.*

таковового, его определенные, соответствующие его понятию составные части суть моменты и составные части *процесса труда* вообще, всякого *процесса труда,* на какой бы ступени экономического развития и на базисе какого бы способа производства он ни происходил. Следовательно, так как реальный образ или образ объективных потребительных стоимостей, из которых *состоит капитал,* его материальный субстрат, есть неизбежно образ средств производства,— средств труда и предметов труда, — которые служат для производства новых продуктов; далее, так как в процессе обращения, в форме товаров, следовательно, во владении капиталиста как товаровладельца, эти потребительные стоимости уже имеются налицо (на рынке), до того, как они функционируют соответственно их специфической цели в процессе труда; следовательно, так как капитал, — поскольку он представляется в *объективных* условиях труда, — по своей потребительной стоимости *состоит* из *средств производства,* т. е. сырья, вспомогательных материалов и средств труда, — инструментов, строений, машин и т. д., то отсюда делается вывод, что все *средства производства* δυνάμει *, и поскольку они функционируют как средства производства, суть *капитал* *actu* **, и что поэтому капитал есть необходимый момент *человеческого процесса труда вообще,* независимо от какой бы то ни было его исторической формы, и, стало быть, есть нечто вечное, обусловленное природой человеческого труда. Точно так же делается другой вывод: так как процесс производства капитала есть вообще *процесс труда,* то и *процесс труда как таковой,* процесс труда при всех общественных формах, есть неизбежно *процесс труда капитала.* Таким образом, капитал рассматривается как *вещь,* которая играет в процессе производства известную вещную роль, роль, присущую ему как вещи. Здесь та же логика, на основании которой заключают, что так как деньги — золото, то золото само по себе есть деньги, что так как наемный труд — труд, то всякий труд неизбежно есть наемный труд. Таким образом *тождество* доказывается тем, что фиксируется *тождественное* всем процессам производства и не учитывают их *специфических различий.* Тождество доказывается тем, что абстрагируются от различий. В этом разделе мы еще вернемся к более обстоятельному рассмотрению этого важного, имеющего решающее значение пункта. Здесь пока ограничимся лишь следующим:

Во-первых: товары, которые капиталист купил, чтобы потребить их в качестве *средств производства* в процессе производ-

* — *потенциально. Ред.*

** — *в действительности, на деле. Ред.*

ства или в процессе труда, суть его собственность. Они на деле лишь его деньги, превращенные в товары, и они суть в такой же степени бытие его капитала, в какой им были деньги; даже в еще большей степени, поскольку они имеются в такой форме, в которой они действительно функционируют как *капитал*, т. е. как средство созидания стоимости, увеличения стоимости, т. е. ее умножения. Стало быть, эти средства производства суть *капитал*. С другой стороны, капиталист на другую часть авансированной суммы денег купил рабочую силу, рабочих; или, как показано в главе IV, это *представляется* таким образом, что он купил *живой труд*. Поэтому последний принадлежит ему точно так же, как и объективные условия процесса труда. Однако здесь все же обнаруживается следующее специфическое различие: действительный труд есть то, что рабочий действительно дает капиталисту как эквивалент за превращенную в заработную плату часть капитала, за [463] покупную цену труда. Это есть затрата его жизненной силы, осуществление его производительных способностей, его движение, а не капиталиста. Если рассматривать труд как личную функцию, в его реальности, то он суть функция рабочего, а не капиталиста. Если рассматривать рабочего с точки зрения обмена, он суть то, что капиталист получает от него в процессе труда, а не то, в качестве чего капиталист выступает по отношению к нему в процессе труда. Следовательно, это составляет противоположность объективным условиям труда, таким, как капитал и постольку как бытие капиталиста противопоставляются внутри самого процесса труда субъективному условию труда, самому труду или, точнее, *рабочему*, который работает. Таким образом, выходит, что как с точки зрения капиталиста, так и с точки зрения рабочего *средство производства* как бытие капитала, в качестве *капитала*, по самому существу, противопоставляется труду, т. е. другому элементу, в который превращается авансированный капитал, и поэтому и вне процесса производства оно δυνάμει * выступает как специфический способ существования капитала. В дальнейшем это развивается, как обнаружится, отчасти из всеобщей природы капиталистического процесса увеличения стоимости (из роли, которую играют в нем средства производства как поглотитель живого труда), отчасти из развития специфически капиталистического способа производства (в котором машина и т. д. становится действительным властелином над живым трудом). Отсюда на основе капиталистического процесса производства это *неразрывное*

* — потенциально. *Ред.*

слияние потребительных стоимостей, в которых капитал существует в форме *средств производства,* и назначения этих средств производства, этих *вещей,* как *капитала,* который есть определенное общественное производственное отношение; точно так же как в рамках этого способа производства, для опутанных им лиц *продукт* сам по себе считается *товаром.* Это образует базис для фетишизма политико-экономов.

Во-вторых: средства производства из процесса обращения входят в процесс труда как определенные *товары,* например, как хлопок, уголь, веретена и т. д. Они входят в него в *образе потребительной стоимости,* который они имели, пока они еще находились в обращении в качестве товаров. Войдя в процесс, они затем функционируют с соответствующими их потребительным стоимостям, им как вещам, вещно принадлежащими свойствами хлопка как хлопка и т. д. Но иначе обстоит дело с той частью капитала, которую мы называем *переменной* и которая лишь благодаря ее обмену на *рабочую силу* действительно превращается в *переменную часть капитала.* Рассматриваемые по своему реальному образу, *деньги* — эта часть капитала, которую капиталист затрачивает на покупку рабочей силы, — представляют собой не что иное, как *находящиеся* на *рынке* (или при известных условиях выброшенные на рынок) *жизненные средства,* входящие в индивидуальное потребление рабочего. Деньги — лишь превращенная форма этих жизненных средств, форма, которую рабочий, как только он получает деньги, вновь превращает в жизненные средства. Это превращение, точно так же как и последующее потребление этих товаров как потребительных стоимостей, есть процесс, который *непосредственно* не имеет ничего общего с непосредственным процессом производства, точнее, с процессом труда; напротив, он происходит вне последнего. Ведь одна часть капитала, а благодаря этому и весь капитал, именно потому превращается в *переменную величину,* что вместо *денег,* стоимости постоянной величины, или *жизненных средств,* в которых они могут быть представлены, тоже стоимости постоянной величины, приобретаются, напротив, в обмен на элемент, на *живую рабочую силу,* которая созидает стоимость и которая в качестве элемента, творящего стоимость, может быть больше или меньше, может выражаться как переменная величина; вообще при всех обстоятельствах она входит как фактор в процесс производства лишь как *текучая, становящаяся* — и поэтому содержащаяся в переменных границах — становящаяся *величина,* а не уже *ставшая.* Правда, в действительности само потребление жизненных средств рабочими может быть так же включено (заключено)

в процесс труда, как заключено, например, в машинах потребление ими вспомогательных материалов; так что рабочий выступает лишь как купленное капиталом орудие, которое для своего функционирования в процессе труда нуждается в потреблении, в добавлении известного количества жизненных средств в качестве своих вспомогательных материалов. Это имеет место в большей или меньшей степени в зависимости от размера и жестокости эксплуатации рабочего. Однако в капиталистическом отношении это потребление не вкладывается в такое узкое понимание (дальнейшее мы увидим в *разделе 3)*[13] при воспроизводстве всего отношения). Обычно рабочий потребляет свои жизненные средства во время *перерыва* непосредственного процесса труда, тогда как *машина — во время своего функционирования* (животное?). Если же рассматривать весь рабочий класс, то часть этих жизненных средств потребляется членами семьи, которые еще не работают или уже не работают. На деле, практически различие между рабочим и машиной может свестись, в том, что касается вспомогательных материалов и их потребления, к различию между животным и машиной. Однако это не необходимо и поэтому не входит в определение понятия капитала. Во всяком случае, затраченная на заработную плату часть капитала выступает формально как часть, принадлежащая *уже не* капиталисту, а *рабочему*, как только она принимает свою реальную форму, форму входящих в потребление рабочего жизненных средств. Следовательно, *форма потребительной стоимости,* которую эта часть капитала, стало быть, имеет как товар до своего вступления в процесс производства — как *жизненные средства,* — совершенно отлична от формы, которую она принимает *внутри* этого процесса и которая есть форма *проявляющей себя в действии рабочей силы,* а потому и самого живого труда. Таким образом, данное обстоятельство особенно отличает эту часть капитала от [464] той, которая имеет форму средств производства, и это опять-таки служит причиной того, что на основе капиталистического способа производства *средства производства* по самому своему существу, в *отличие* от *жизненных средств* и в *противоположность* им, представляются сами по себе как *капитал.* Эта иллюзия — не говоря уже о том, что должно быть изложено позднее — исчезает просто потому, что *форма потребительной стоимости,* в которой капитал существует в конце процесса производства, есть форма *продукта* и этот продукт существует как в форме *средств производства,* так и в форме *жизненных средств;* следовательно, и те и другие в равной мере имеются налицо как *капитал* и, стало быть,

имеются налицо также в противоположность к живой рабочей силе.

Перейдем теперь к *процессу увеличения стоимости.*

В отношении *меновой стоимости* опять обнаруживается различие между *товаром* и находящимся в процессе увеличения стоимости капиталом.

Меновая стоимость капитала, вступающего в процесс производства, меньше, чем меновая стоимость выброшенного на рынок или авансированного капитала, так как это лишь *стоимость товаров,* которые входят в процесс как средства производства, т. е. стоимость *постоянной* части капитала, которая входит в процесс производства как *стоимость.* Вместо *стоимости* переменной части капитала мы имеем теперь *увеличение стоимости* как процесс, имеем труд, находящийся in actu * по увеличению стоимости, труд, который постоянно реализуется как стоимость и который, созидая стоимость, постоянно выходит за рамки данных стоимостей.

Что же касается прежде всего сохранения *старой стоимости,* стоимости постоянной части, то это зависит от того, что *стоимость* входящих в процесс средств производства не больше, чем необходимо, т. е. что товары, из которых они состоят, например, строения, машины и т. д., содержат в овеществленном виде лишь *общественно необходимое* для цели производства *рабочее время;* и это уже дело капиталиста при закупке этих средств производства следить за тем, чтобы они обладали соответствующей, необходимой для создания продукта средней доброкачественностью как потребительные стоимости, будь то в виде сырья, или машин, и т. д.; стало быть, чтобы они функционировали со средней доброкачественностью и не ставили труду, живому фактору, никаких необычных препятствий; например, сырье должно быть качественным; сюда относится также и то, чтобы применяемые машины и т. д. передавали товару не больше, чем стоимость среднего износа [average dechet] и т. д. Все это — дело капиталиста. Далее, сохранение стоимости постоянного капитала зависит от того, чтобы он по возможности потреблялся только производительно, не расточался, потому что в ином случае в продукте содержалось бы больше овеществленного труда, чем это *общественно необходимо.* Отчасти это зависит и от самих рабочих, и здесь начинается *надзор капиталиста.* (Он это осуществляет посредством урочной работы, вычетов из заработной платы.) Далее, чтобы работа выполнялась должным образом, целесообразно, чтобы

* — в действии. *Ред.*

превращение средств производства в продукт совершалось надлежащим образом, чтобы представляющаяся как цель потребительная стоимость действительно вышла из процесса производства, как его результат, в *удачной* форме. Здесь опять выступает *надзор* и [требование] *дисциплины* со стороны капиталиста. Наконец, [важно], чтобы процесс производства не нарушался, не прерывался и действительно давал продукт в срок (в промежуток времени), определяемый природой процесса труда и его объективными условиями. Это зависит отчасти от *непрерывности труда,* которая возникает вместе с капиталистическим производством. Отчасти же от внешних, не поддающихся контролю случайностей. Поэтому с каждым процессом производства возникает риск для входящих в него стоимостей, риск, которому они 1) подвергаются, однако, и *вне* процесса производства и который 2) свойствен *каждому* процессу производства, не только капиталистическому. (Капитал ограждает себя от него с помощью объединения *[Assoziierung]*. Непосредственный производитель, работающий при помощи своих собственных средств производства, подвергается такому же риску. Это не есть нечто, свойственное только капиталистическому процессу производства. Если в капиталистическом производстве этот риск падает на капиталиста, то только потому, что он узурпировал собственность на средства производства.)

Что же касается живого фактора процесса увеличения стоимости, то 1) *стоимость* переменного капитала должна быть сохранена тем, что она возмещается, воспроизводится, т. е. что к средствам производства прибавляется такое же количество труда, которое содержала стоимость переменного капитала или заработной платы; 2) *прирост* его стоимости, прибавочная стоимость, должен быть создан путем овеществления в продукте избыточного по сравнению с содержащимся в заработной плате количеством труда, *добавочного количества труда.*

Здесь различие между *потребительной стоимостью* авансированного капитала или товаров, в которых он существует, и *формой потребительной стоимости капитала,* находящегося в [465] процессе труда, соответствует *различию* между *меновой стоимостью* авансированного капитала и проявлением *меновой стоимости* капитала в процессе увеличения стоимости; *там* средства производства, постоянный капитал, входит в процесс в той же самой *форме потребительной стоимости,* которую раньше имели составлявшие его товары, между тем как на место готовых *потребительных стоимостей,* из которых состоял переменный капитал, вступает живой фактор проявляющей себя в новых потребительных стоимостях рабочей силы, реального

труда; *здесь стоимость* средств производства, постоянного капитала, как таковая, вступает в процесс увеличения стоимости, между тем как *стоимость* переменного капитала вовсе не вступает в него, а замещается создающей стоимость деятельностью, выступает в виде деятельности живого фактора, существующей как процесс увеличения стоимости.

Для того чтобы *рабочее время* рабочих создавало стоимость в соответствии с его продолжительностью, оно должно быть *общественно необходимым рабочим временем*. То есть рабочий должен в течение определенного времени затратить *нормально общественное* количество целесообразного труда, и поэтому капиталист принуждает его к тому, чтобы его труд обладал по меньшей мере нормально общественной *средней степенью* интенсивности. Он постарается поднять ее, насколько возможно, выше этого *минимума* и выжать из рабочего в течение данного времени как можно больше труда, ибо всякая интенсивность труда выше *средней степени* создает ему прибавочную стоимость. Далее капиталист постарается, насколько возможно, удлинить процесс труда за пределы того, сколько необходимо работать, чтобы возместить стоимость переменного капитала, заработную плату. При данной интенсивности процесса труда капиталист будет стремиться по возможности увеличить его продолжительность, а при данной его продолжительности — его интенсивность. Капиталист *принуждает* рабочего довести его труд нормальной степени интенсивности до возможно более высокой степени; он принуждает рабочего также удлинить, насколько возможно, его трудовой процесс за пределы времени, необходимого для возмещения заработной платы.

Благодаря этому своеобразному характеру капиталистического процесса увеличения стоимости дальнейшему изменению подвергается также и *реальная форма* капитала в процессе производства, его *форма как потребительной стоимости*. *Во-первых,* средства производства должны быть налицо в *количестве,* достаточном не только для поглощения необходимого труда, но и для поглощения прибавочного труда. *Во-вторых,* изменяются интенсивность и продолжительность [Extension] реального процесса труда.

Средства производства, которые рабочий применяет в действительном процессе труда, являются, правда, собственностью капиталиста и, следовательно, как было показано выше, противостоят как *капитал* труду рабочего, труду, который представляет собой собственное жизненное проявление рабочего. Но, с другой стороны, именно рабочий применяет их в своей работе. В действительном процессе труда он *использует* средство

труда как проводника [Leiter] своего труда и предмет труда как материю, в которой его труд выражается. Именно благодаря этому он превращает средства производства в соответствующую данной цели форму продукта. Однако иначе представляется дело с точки зрения процесса увеличения стоимости. Не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего. Не живой труд осуществляется в овеществленном труде как своем объективном органе, а овеществленный труд сохраняется и увеличивается путем всасывания живого, и благодаря этому становится *стоимостью, увеличивающейся в стоимости,* становится *капиталом,* функционирует как таковой. Средства производства выступают теперь только как *поглотитель* возможно большего количества живого труда. Живой труд представляется теперь только как средство увеличения наличных стоимостей и поэтому как средство их капитализации. И, оставляя в стороне изложенное раньше, именно поэтому средства производства в свою очередь выступают по отношению к живому труду éminemment * как бытие *капитала,* и притом теперь как господство прошлого, мертвого труда над живым. Живой труд именно в качестве труда, *образующего стоимость,* в процессе увеличения стоимости постоянно присоединяется к овеществленному труду. Как усилие, как затрата жизненной силы, труд есть личная деятельность рабочего. Но как *образующий стоимость,* как находящийся в *процессе своего овеществления,* труд рабочего, как только последний вступил в процесс производства, есть сам *способ существования* капитальной стоимости, он присоединен к ней. Эта сила, *сохраняющая стоимость* и создающая *новую стоимость,* есть поэтому сила капитала, и этот процесс выступает как процесс его *самовозрастания* и, напротив, как процесс обнищания рабочего, который создаваемую им стоимость создает вместе с тем как *ему самому чуждую стоимость.*

[466] На основе капиталистического производства эта способность овеществленного труда превращаться в *капитал,* т. е. превращать средства производства в средства командования живым трудом и его эксплуатации, представляется свойственной им самим по себе (как она уже δυνάμει ** связана с ними на этой основе), представляется неотделимой от них; стало быть, *свойством,* принадлежащим *им как вещам, как потребительным стоимостям, как средствам производства.* Поэтому последние представляются сами по себе как *капитал,* а отсюда капитал,

* — в высшей степени. *Ред.*
** — потенциально. *Ред.*

выражающий *определенное производственное отношение*, определенное общественное отношение, в которое внутри производства владельцы условий производства вступают с живой рабочей силой, представляется как *вещь*, совершенно так же, как стоимость представлялась как свойство вещи, а *экономическое определение* вещи как *товар*, как его вещное качество, совершенно так же, как общественная форма, которую труд приобретает в деньгах, представляется как свойства вещи. На деле господство капиталистов над рабочими есть только господство обособившихся условий труда над самими *рабочими*, *условий труда*, ставших самостоятельными по отношению к рабочему (к которым кроме объективных условий процесса производства — *средств производства* — относятся также объективные условия сохранения и действенности рабочей силы, т. е. *жизненные средства*), хотя это отношение осуществляется лишь в *действительном процессе производства*, который, как мы видели, есть в сущности *процесс производства прибавочной стоимости*, что включает сохранение старой стоимости, есть *процесс самовозрастания авансированного капитала*. В обращении капиталист и рабочий противостоят друг другу только как *продавцы товаров*, однако вследствие специфически противоположной природы товаров, которые они друг другу продают, рабочий неизбежно вступает в процесс производства как составная часть *потребительной стоимости*, *реального бытия* и *стоимостного бытия* капитала, хотя это отношение осуществляется лишь *внутри* процесса производства, и как покупатель труда, лишь δυνάμει * существующий капиталист становится *действительным капиталистом* лишь тогда, когда рабочий, превратившийся *при известных обстоятельствах [eventualiter]* благодаря продаже своей рабочей силы в наемного рабочего, в этом процессе *действительно* поступает под команду капитала. *Функции*, выполняемые капиталистом, это только с *сознанием* и *волей* выполняемые функции самого капитала, т. е. стоимости, увеличивающейся путем всасывания живого труда. Капиталист функционирует только как олицетворенный капитал, капитал как личность, подобно тому как рабочий функционирует лишь как олицетворенный *труд*, который для него только мука, напряжение, а для капиталиста — создающая и умножающая богатство субстанция; такой субстанцией труд выступает на деле как присоединенный в процессе производства к капиталу элемент, как его живой, переменный фактор. Господство капиталиста над рабочим есть поэтому господство вещи над человеком,

* — потенциально. *Ред.*

мертвого труда над живым, продукта над производителем, так как ведь на деле товары, которые становятся средством господства над рабочими (но только как средство господства самого *капитала*), суть лишь результаты процесса производства, его продукты. Это совершенно *то же самое* отношение в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни — ибо как раз этим является процесс производства, — какое в идеологической области представляется в *религии*, превращение субъекта в объект и наоборот. Рассматриваемое *исторически*, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания богатства как такового, т. е. создания неограниченных [rücksichtslosen] производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму совершенно так же, как человек должен первоначально в религиозной форме противопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы. Это — *процесс отчуждения* его собственного труда. Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем свое абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения. Поскольку процесс производства есть вместе с тем действительный процесс труда и капиталист как *надсмотрщик* и *руководитель* последнего должен выполнять определенную функцию в действительном производстве, его деятельность получает [467] на деле специфическое, разнообразное содержание. Но самый *процесс труда* выступает лишь как *средство процесса увеличения стоимости*, совершенно так же, как потребительная стоимость продукта — лишь как носитель его меновой стоимости. Самовозрастание капитала — создание прибавочной стоимости — есть, следовательно, определяющая, господствующая и всепоглощающая цель капиталиста, абсолютный импульс [Trieb] и содержание его деятельности, фактически оно есть лишь рационализированный импульс и цель собирателя сокровищ, совершенно убогое и абстрактное содержание, которое принуждает капиталиста, на одной стороне, выступать в рабских условиях капиталистического отношения совершенно так же, как рабочего, хотя и, с другой стороны, — на противоположном полюсе.

Первоначальное отношение, в котором будущий капиталист покупает труд (после главы IV мы можем сказать вместо труд

рабочую силу) у рабочего, чтобы капитализировать денежную стоимость, а рабочий продает распоряжение своей рабочей силой, свой труд, чтобы влачить свое существование, есть необходимая прелюдия и условие — собственно содержит в себе — того, что в действительном процессе производства развивается отношение, в котором владелец товаров становится капиталистом, олицетворенным капиталом, а рабочий — простым олицетворением труда для капитала. Подобно тому, как то первое отношение, в котором оба по видимости противостояли друг другу как *товаровладельцы,* есть предпосылка, оно есть так же, это мы увидим позднее, результат и продукт капиталистического процесса производства. Однако вслед за этим оба акта должны быть разграничены. Первый относится к обращению. Второй развивается на базисе первого только в действительном процессе производства.

Процесс производства есть *непосредственное* единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, так же как его непосредственный результат, товар, есть *непосредственное* единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Но процесс труда есть только средство процесса увеличения стоимости, и процесс увеличения стоимости как таковой по существу есть *производство прибавочной стоимости,* т. е. *процесс овеществления неоплаченного труда.* Этим специфически определяется весь характер процесса производства.

Когда мы рассматриваем процесс производства с двух различных точек зрения: 1) как *процесс труда,* 2) как *процесс увеличения стоимости,* то уже здесь заложено, что он есть просто единый, неделимый процесс труда. Труд не затрачивается дважды, один раз, чтобы произвести целесообразный продукт, потребительную стоимость, чтобы *превратить* средства производства в продукты, и другой раз, чтобы создать *стоимость* и *прибавочную стоимость,* чтобы *увеличить стоимость.* Труд присоединяется лишь в своей определенной, конкретной, специфической форме, виде, способе существования, в которой он есть определенная целенаправленная деятельность, которая превращает средства производства в определенный продукт, например, веретена и хлопок в *пряжу.* Присоединяется лишь труд прядильщика и т. д., который благодаря своему присоединению постоянно производит все больше пряжи. Создающим стоимость является этот *реальный* труд, поскольку он имеет нормальную определенную степень интенсивности (или *принимается в расчет* лишь поскольку он ее имеет) и поскольку этот *реальный труд* данной интенсивности материализуется в продукте в определенных, измеряемых временем количествах.

Если бы процесс труда прекратился в тот момент, когда количество присоединенного в форме прядения и т. д. труда было равно количеству труда, содержащемуся в заработной плате, то не было бы произведено никакой прибавочной стоимости. *Прибавочная стоимость* поэтому и представляется в *прибавочном продукте,* в данном случае только в том количестве пряжи, которое составляет излишек сверх того количества, стоимость которого равна стоимости заработной платы. Поэтому процесс труда выступает как процесс увеличения стоимости благодаря тому, что присоединяемый в ходе этого процесса конкретный труд есть количество *общественно необходимого труда* (благодаря его интенсивности), предполагается равным известному количеству среднего общественного труда, и благодаря тому, что это количество представляет, кроме заключенного в заработной плате, *добавочное* количество. Это есть *количественное* исчисление особенного конкретного труда как *необходимого общественного среднего труда,* исчисление, которому, однако, соответствует реальный момент, во-первых, нормальной интенсивности труда (то, что для производства определенного количества продукта применяется лишь общественно необходимое для этого рабочее время) и удлинения процесса труда за пределы его продолжительности, необходимой для возмещения стоимости переменного капитала.

[468] Из ранее изложенного следует, что выражение «*овеществленный труд*» и противопоставление *капитала* как *овеществленного труда живому труду* способны вызвать большие кривотолки.

Ранее [3)] я уже показал, что сведение товара к «*труду*» у всех предшествующих экономистов двусмысленно и неполно. Недостаточно свести товар к «труду», необходимо свести его к *труду* в двоякой форме, в которой он, с одной стороны, как *конкретный труд,* выражается в *потребительной стоимости товара,* а с другой стороны, как *общественно необходимый* труд, учитывается в *меновой стоимости.* С первой точки зрения все зависит от его особой потребительной стоимости, от его специфического характера труда, который и накладывает специфическую печать на созданную им потребительную стоимость и делает ее конкретной потребительной стоимостью в отличие от других, делает ее данным определенным предметом. Напротив, особая полезность товара, его определенная природа и

[3)] Если бы не эта путаница, то был бы вообще не возможен спор о том, содействует ли кроме труда также природа образованию продукта. Это относится только к *конкретному* труду.

характер остаются совершенно в стороне, поскольку труд принимается в расчет как *создающий стоимость* элемент, а товар — как его овеществление. В качестве такого элемента труд есть безразличный, *общественно необходимый, всеобщий* труд, совершенно равнодушный ко всякому особому содержанию, вследствие чего он и получает в своем самостоятельном выражении, в *деньгах,* в *цене* товара общее для всех товаров и различающееся только по количеству выражение. С первой стороны дело выражается в определенной *потребительной стоимости* товара, в его определенном *вещном существовании,* со второй — в *деньгах,* безразлично существуют ли последние в цене товара в виде денег или только в виде счетных денег. С первой стороны речь идет исключительно о *качестве,* со второй — только о *количестве* труда. С первой стороны различие конкретного труда представляется в разделении труда, со второй — в их лишенном различий денежном выражении труда. В процессе производства это различие выступает перед нами *активно.* Уже не мы его делаем, а оно само делается в процессе производства.

Различие между *овеществленным трудом* и *живым* выступает в *реальном процессе труда.* Средства производства, например, хлопок, веретена и т. д., это — продукты, потребительные стоимости, в которых *воплощены* определенные полезные, конкретные виды труда: машиностроение, возделывание хлопчатника и т. д., между тем как *труд прядильщика* выступает в этом процессе не только как труд, специфически отличающийся от других видов труда, содержащихся в средствах производства, но и как живой труд, как еще лишь осуществляющийся труд, постоянно отталкивающий от себя свой продукт в противоположность тем видам труда, которые уже овеществлены в их своеобразных продуктах. И с этой точки зрения обнаруживается противоположность между одной стороной, наличным бытием капитала, и другой, живым трудом, как затратой жизненных сил рабочего прежде всего. Далее в процессе труда овеществленный труд выступает как *вещный момент,* как элемент для *осуществления живого труда.*

Совершенно иначе, однако, представляется дело при рассмотрении процесса увеличения стоимости, образования и созидания новой стоимости.

Здесь труд, содержащийся в средствах производства, есть *определенное количество всеобщего общественного труда* и выражается поэтому в известной *величине стоимости* или в *денежной сумме,* фактически в *цене* этих средств производства.

Труд, который присоединяется, есть *определенное добавочное количество всеобщего общественного труда* и выражается как добавочная *величина стоимости* или *денежная сумма*. Труд, уже содержащийся в средствах производства, аналогичен вновь присоединенному. Они различаются лишь тем, что один *овеществлен* в потребительных стоимостях, а другой находится в процессе этого *овеществления*, один — прошлый труд, другой — настоящий, один мертвый, другой живой, один *овеществлен* в прошлом, другой *овеществляется* в настоящее время. В том объеме, в каком прошлый труд вводит в действие труд живой, он сам становится процессом, *увеличивается в стоимости*, становится флюэнтой, которая создает флюксию [14]. Это всасывание прошлым трудом добавочного живого труда есть процесс его *самовозрастания*, его действительное *превращение в капитал*, [469] в самовозрастающую стоимость, его превращение из *постоянной величины стоимости* в переменную и находящуюся в процессе [prozessierende] величину стоимости. Конечно, этот добавочный труд может быть присоединен к средствам производства лишь в виде конкретного труда и поэтому лишь в их специфическом виде, в качестве особых потребительных стоимостей, а содержащаяся в этих средствах производства стоимость *сохраняется* только благодаря их потреблению, как средств труда, конкретным трудом. Это, однако, не исключает того, что увеличивается не просто величина *наличной стоимости, овеществленного* в средствах производства труда, — увеличивается исключительно величина овеществленного в переменном капитале труда, и увеличивается лишь в той степени, в какой он приводит в действие живой труд и в какой этот последний овеществляется как *деньги*, как *всеобщий общественный труд*. Поэтому преимущественно в этом смысле — в отношении *процесса увеличения стоимости*, подлинной цели капиталистического производства, — капитал как *овеществленный* труд (накопленный труд, ранее существовавший труд и т. д.) противостоит *живому* труду (непосредственному труду и т. д.) и противопоставляется ему экономистами. Однако экономисты (даже Рикардо) здесь постоянно впадают в противоречия и двусмысленность, так как они не разработали проблемы сведения товара к труду в двойственной его форме.

Лишь благодаря первоначальному процессу обмена между капиталистом и рабочим — как товаровладельцами — живой фактор, рабочая сила, вступает в процесс производства как момент реального образа капитала. Но лишь в самом процессе производства *овеществленный труд* благодаря всасыванию

живого труда превращается в *капитал* и *поэтому труд превращается в капитал* *.

[469a] Капиталистический процесс производства есть единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Чтобы превратить деньги в капитал, их превращают в товары, составляющие *факторы процесса труда*. На деньги необходимо купить, во-первых, *рабочую силу* и, во-вторых, *вещи*, без которых рабочая сила не может быть *потреблена*, т. е. не может *работать*. В *процессе труда* эти вещи не имеют другого назначения, кроме как служить *жизненными средствами труда, потребительными стоимостями труда*, — в отношении к самому живому труду его материалом и средством, в отношении к продукту труда его средствами производства, в отношении к тому, что эти средства производства сами уже продукты, — продуктами, являющимися средствами производства нового продукта. Но эти вещи играют эту роль в процессе производства не потому, что капиталист их покупает, что они суть превращенная форма его денег, а наоборот, он их покупает именно потому, что они играют эту роль в процессе труда. Например, для процесса прядения, как такового, безразлично, что хлопок и веретена *представляют* деньги капиталиста, следовательно, *капитал*, что затраченные деньги по своему назначению суть капитал. Материалом труда и средством труда они становятся лишь в руках работающего прядильщика, и становятся они таковыми благодаря тому, что он прядет, а не потому, что он из хлопка, принадлежащего другому лицу, при помощи веретена, принадлежащего тому же другому лицу, прядет пряжу для того же другого лица. Благодаря тому, что товары затрачиваются в процессе труда или производительно потребляются, они становятся не капиталом, а элементами процесса труда. Поскольку эти вещные элементы процесса труда куплены капиталистом, они представляют его капитал. Но это относится и к труду. Он тоже представляет его капитал, ибо покупателю рабочей силы труд принадлежит точно так же, как и купленные им вещные условия труда. И ему принадлежат не только отдельные элементы процесса труда, но и весь процесс труда. Капитал, ранее существовавший в форме денег, теперь существует в форме процесса труда. Однако оттого, что капитал овладел процессом труда, что рабочий, таким образом, работает для капиталиста, вместо того, чтобы работать для самого себя, процесс труда

* Вслед за этой фразой в тексте рукописи имеется следующая оговорка автора: «Изложенное на стр. 96—107 в подразделе «*Непосредственный процесс производства*» относится сюда; это следует соединить с предыдущим и то и другое выправить. Сюда относятся также стр. 262—264 этой книги» [15]. *Ред.*

не изменяет своей *всеобщей природы*. Оттого, что деньги при своем превращении в капитал превращаются в факторы процесса труда, следовательно, неизбежно принимают также образ материала труда и средства труда, материал труда и средства труда не становятся *капиталом* по своей природе, как золото и серебро не становятся *деньгами* по своей природе от того, что деньги, между прочим, представляются в золоте и серебре. Однако те же самые современные экономисты, которые смеются над наивностью монетарной системы, когда она на вопрос: «что такое деньги?» отвечает: «золото и серебро — деньги», не стесняются на вопрос: «что такое капитал?» отвечать: «капитал — это хлопок». Именно это они говорят, утверждая, что материал труда и средства труда, средства производства или продукты, употребляемые для нового производства, короче — *вещные условия труда* суть по природе *капитал*, суть капитал, поскольку они и потому что они благодаря своим вещественным качествам служат в процессе труда потребительными стоимостями. Это в порядке вещей, когда другие добавляют: «капитал — это мясо и хлеб», ибо хотя капиталист и покупает рабочую силу за деньги, эти деньги представляют на деле лишь хлеб, [469в] мясо, словом — средства существования рабочего[127]. Стул на четырех ножках под бархатным покрывалом при известных условиях представляет из себя *трон*, но это не значит,

[127]) «*Капитал* — это та часть богатства страны, которая применяется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин и т. д., необходимых для того, чтобы привести в действие труд» (*Ricardo*. [On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821], p. 89 [Русский перевод, том I, стр. 86]). «*Капитал*... есть часть национального богатства, которая применяется ради воспроизводства или предназначена для такого применения» (*G. Ramsay*. [An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836], p. 21). «*Капитал*... особый вид богатства... предназначенный... для получения других полезных предметов» (*R. Torrens*. [An Essay on the Produktion of Wealth. London, 1821, p 5]). «*Капитал*... продукты... как средства нового производства» (*Senior*. [Principes fondamentaux de l'économic politique, tirés de leçons édites et inédites etc. Paris, 1836], p. 318). «Когда деньги предназначаются для материального производства, они получают наименование *капитала*» (*Storch*. Cours d'Économie Politique. Tome I, Paris, 1823, p. 207). «*Капитал* есть та часть *произведенного* богатства, которая предназначена для воспроизводства» (*Rossi*. Cours d'Économie Politique. Année 1836—1837. Bruxelles, 1843, p. 364). Росси мучается над «затруднением», можно ли и «сырье» считать капиталом. Можно, дескать, различать «капитал-сырье» и «капитал-орудие», но «является ли оно (сырье) действительно орудием производства? Не является ли оно скорее тем предметом, на который должны воздействовать орудия производства?» (там же, стр. 367). Он не видит, что когда он смешивает капитал с его вещественной формой проявления и поэтому называет вещные условия труда попросту капиталом, то хотя они в отношении к труду различаются как материал труда и средство труда, но в отношении продукта они одинаково являются средствами производства; капиталом он потом, на стр. 372, называет также «средства производства» вообще. «Нет никакой разницы между *капиталом* и любой другой частью богатства. Только благодаря особому применению *вещь* становится *капиталом*, т. е. она становится капиталом тогда, когда она применяется в акте производства в качестве сырья, орудия или фонда жизненных средств» (*Cherbuliez*. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, p. 18).

что этот стул, вещь, служащая для сиденья, становится троном благодаря природе своей потребительной стоимости. Существеннейшим фактором процесса труда является сам рабочий, а в процессе производства в древности этот рабочий — раб. Из этого вовсе не следует, что рабочий суть *раб* от природы, — хотя *Аристотель* не совсем далек от такого мнения[16], — что веретена и хлопок — *капитал* от природы, так как они ныне в процессе труда потребляются *наемным рабочим*. Надо сойти с ума, чтобы определенное *общественное производственное отношение,* выражающееся в вещах, принимать за вещное природное свойство самих этих вещей; это помешательство бросается нам в глаза, когда мы раскрываем первое попавшееся руководство по политической экономии и на первой же странице читаем, что элементы процесса производства, сведенные к их самой общей форме, это — земля, *капитал* и труд[128)]. С тем же основанием можно было бы сказать, что они — *земельная собственность,* ножи, ножницы, веретена, хлопок, зерно, короче — *материал труда* и *средства труда,* и — *наемный труд*. С одной стороны, мы называем элементы процесса труда, спаянные со *специфическим общественным характером,* которым они обладают на определенной *исторической* ступени развития, а с другой стороны, мы добавляем элемент, присущий *процессу труда* независимо от всех определенных общественных форм, как вечному процессу взаимодействия человека и природы вообще. В дальнейшем мы увидим, что эта иллюзия экономиста, которая смешивает присвоение процесса труда капиталом с самим процессом труда и поэтому превращает *вещные элементы* простого процесса труда в капитал, так как капитал, между прочим, превращается также в вещные элементы процесса труда, — что эта иллюзия, которая у экономистов-классиков остается лишь до тех пор, пока они рассматривают процесс капиталистического производства исключительно с точки зрения процесса труда, и которую они в дальнейшем изложении исправляют, вытекает из самой природы капиталистического процесса производства. Однако сразу же выясняется, что это очень удобный метод для того, чтобы доказывать вечность капиталистического способа производства или что *капитал — непреходящий естественный элемент* человеческого производства вообще. Труд есть вечное естественное условие человеческого существования. Процесс труда есть не что иное, как самый труд, рассматриваемый в момент его творческой

[128)] См., например, *John Stuart Mill*, Principles of Political Economy. [London, 1848], v. I, b. I, [p. IX].

деятельности. Всеобщие моменты процесса труда поэтому независимы от какого-либо определенного общественного развития. Средства труда и материал труда, часть которых составляют уже продукты прежнего труда, играют свою роль в любом процессе труда во все времена и при всех обстоятельствах. Поэтому если бы я привесил им название *капитал* в уверенности, что «semper aliquid haeret» [17], то я *доказал бы*, что существование капитала есть вечный естественный закон человеческого производства и что киргиз, который срезает ситник [18] украденным у русских ножом и из этого ситника делает себе лодку, точно такой же капиталист, как г-н фон Ротшильд. Таким же образом я бы мог доказать, что греки и римляне причащались, потому что они пили вино и ели хлеб, и что турки ежедневно кропят себя католической святой водой, потому что они ежедневно моются. Такого рода наглое и пустое вранье извергается с самодовольной важностью не только каким-то Ф. Бастиа или в экономических трактатиках *Общества по распространению полезных знаний* [19], или в книжках для маленьких детей некоей матушки Мартино, [469c] но даже и настоящими писателями по специальным вопросам. Вместо того, чтобы этим путем доказать, в соответствии с поставленной целью, вечную естественную необходимость капитала, таким образом, наоборот, *отрицается* его необходимость даже для определенной исторической ступени развития общественного процесса производства, так как утверждению, что капитал есть не что иное, как материал труда и средство труда, или что вещные элементы процесса труда суть от природы капитал, по праву противопоставляется ответ, что, следовательно, нужен капитал, а не капиталисты, или что капитал есть не что иное, как изобретенное для надувательства масс *название* [129)].

[129)] «Нам говорят, что труд и шагу не может ступить без капитала, что капитал подобен лопате в руках землекопа, что капитал столь же необходим для производства, как и самый труд... Рабочий все это знает: эта истина ежедневно перед его глазами; но эта взаимозависимость капитала и труда не имеет ничего общего с отношениями между капиталистом и рабочим и не доказывает, что первый должен жить за счет последнего. Капитал есть не что иное, как непотребленные продукты производства, и весь капитал, который существует в данный момент, существует независимо от какого-либо отдельного лица или отдельного класса и никоим образом не идентичен с каким-либо особым лицом или особым классом; и если бы внезапно все капиталисты и все богачи Великобритании вымерли, то ни единая частица богатства или капитала не исчезла бы вместе с ними и нация не обеднела бы ни на один фартинг. Не капиталист, а капитал имеет существенное значение для операций производителей. Между капиталом и капиталистом существует такая же большая разница, как между грузом корабля и накладной, сопровождающей этот груз» (*J. F. Bray*. Labour's Wrongs and Labour's Remedy etc. Leeds, 1839, p. 59 [Русский перевод, стр. 84—85]).

«*Капитал* — это своего рода *каббалистическое слово*, как церковь или государство, или какое-либо другое из тех общих терминов, которые те, кто стрижет остальное человечество, изобрели с целью скрыть руку, держащую ножницы» («Labour defended

Неспособность понять процесс труда как самостоятельный процесс и вместе с тем как сторону капиталистического процесса производства обнаруживается еще более ярко, когда, например, господин *Ф. Уэйленд* нам рассказывает, будто сырье это — *капитал*, и благодаря его переработке оно становится продуктом. Так, кожа будто бы есть *продукт* кожевника и капитал сапожника. Сырье и продукт — это назначения, получаемые *вещью* в связи с *процессом труда;* и оба они сами по себе ничего общего не имеют с назначением вещи быть *капиталом*, хотя оба, сырье и продукт, представляют *капитал*, поскольку процесс труда присваивается капиталистом [130]. Г-н *Прудон* использовал это со своей обычной «глубиной».

«Почему *понятие продукта* вдруг превращается в *понятие капитала?* Благодаря *идее стоимости*. Это значит, что продукт, для того чтобы стать капиталом, должен подвергнуться точной оценке, должен быть куплен или продан, его цена должна быть обсуждена и фиксирована своего рода законным соглашением. Например, шкура, поступающая из бойни, представляет собой *продукт мясника*. Что произойдет, если эту шкуру купит кожевник? Последний тотчас включает ее или ее стоимость в свой производственный фонд. Благодаря труду кожевника этот *капитал* снова становится *продуктом*» [«Gratuité du Crédit. Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon*». Paris, 1850, p. 178—180].

Для г-на Прудона характерен аппарат ложной метафизики, благодаря которой он обыкновеннейшие элементарные представления сначала заносит в свой «производственный фонд» как капитал, а затем высокопарно предлагает публике как «продукт». Вопрос, каким образом *продукт* превращается в *капитал*, сам по себе — бессмыслица; ответ же достоин вопроса. На деле г-н Прудон сообщает нам лишь два довольно известных факта: во-первых, что продукты иногда перерабатываются как сырье, и, во-вторых, что *продукты* вместе с тем суть *товары*, т. е. обладают *стоимостью*, которая до своей реализации должна

---

against the claims of Capital» etc. London, 1825, p. 17 [Русский перевод, стр. 18]). Автор этого анонимного сочинения *Т. Годскин*, один из значительнейших современных английских экономистов. Цитированное сочинение его, важность которого еще и теперь признается (см., например, *John Lalor*. Money and Morals. London, 1852, [p. XXIV]), вызвало через несколько лет после своего появления анонимное контрпроизведение лорда Брума, которое является столь же поверхностным, как и все прочие экономические произведения этого гения болтовни.

[130] «Материал, который мы приобретаем для того, чтобы объединить его с *нашим собственным* (!) трудом и преобразовать в продукт, называется *капиталом*; когда же труд выполнен и создана стоимость, он называется *продуктом*. Таким образом, один и тот же предмет может быть *продуктом* для одного лица и *капиталом* для другого. Кожа — продукт кожевника и капитал сапожника» (*F. Wayland*. [The Elements of Political Economy. Boston, 1843], p. 25). (Затем следует вышеприведенное дерьмо из Прудона, причем необходимо цитировать: «Gratuité du Crédit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon*. Paris, 1850, p. 179, 180, 182.)

пройти через огонь дебатов между покупателем и продавцом. Тот же самый «философ» замечает:

«Для общества не существует различия между капиталом и продуктом. Это различие — совершенно субъективное представление отдельных лиц» [там же, стр. 182].

Абстрактную общественную форму он называет «субъективной», а свою субъективную абстракцию — «обществом».

Если сначала экономист, пока он рассматривает капиталистический процесс производства лишь с точки зрения *процесса труда,* объявляет капитал просто *вещью,* сырьем, инструментом и т. д., то затем, когда ему опять приходит на ум, что процесс производства есть также и процесс увеличения стоимости, эти вещи в отношении процесса увеличения стоимости рассматриваются им лишь как *стоимость.*

«Один и тот же капитал существует то в форме суммы денег, то в форме сырья, инструмента, готового товара. Эти *вещи,* собственно, не *капитал;* он гнездится в *стоимости,* которую они имеют» [131].

Поскольку эта стоимость

«сохраняется, больше не пропадает, умножается... отрывается от товара, [469 d] который ее создал, всегда остается, подобно метафизическому и лишенному субстанции качеству, во владении одного и того же производителя (т. е. капиталиста)» [132],

постольку то, что только что еще объявлялось *вещью,* теперь объявляется «*коммерческой идеей*» [133].

Продукт капиталистического процесса производства не есть ни простой *продукт* (потребительная стоимость), ни простой *товар,* т. е. продукт, имеющий меновую стоимость. Его *специфическим продуктом* является *прибавочная стоимость.* Его продукт это — *товары,* имеющие бóльшую меновую стоимость, т. е. представляющие больше труда, чем было авансировано на их производство в форме денег или товаров. В капиталистическом процессе производства *процесс труда* выступает только как *средство,* а *процесс увеличения стоимости* или *производство прибавочной стоимости* — как цель. Как только экономист

---

[131] *J. B. Say.* [Traité d'économie politique. Troisième édition, Paris, 1817], T. II, p. 429, примечание. Когда Кэри говорит: «*Капитал...* это все предметы, обладающие меновой стоимостью» (*H. C. Carey.* Principles of Political Economy. Part I, the first. Philadelphia, 1837, p. 294), то это следует отнести к разъяснению понятия капитал, которое уже упоминалось нами в первой главе: «капитал — это товары»; это — объяснение, которое относится только к проявлению капитала в процессе обращения.

[132] (*Sismondi.* Nouveaux Principes [d'Économie Politique. Second edition], t. I, [Paris, 1827], p. 89 [Русский перевод, том I, стр. 185]).

[133] «Капитал есть коммерческая идея» (*Sismondi.* Etudes [sur l'économie politique]. Tome II, [Bruxelles, 1838], p. 273).

об этом вспоминает, капитал объявляется богатством, которое применяется в производстве, чтобы приносить «прибыль» [134].

Мы видели, что превращение денег в капитал распадается на два самостоятельных процесса, принадлежащих к совершенно различным сферам и существующих раздельно один от другого. Первый процесс принадлежит к сфере *обращения товаров* и совершается поэтому на *товарном рынке*. Это — *купля и продажа рабочей силы*. Второй процесс есть *потребление купленной рабочей силы* или самый *процесс производства*. В первом процессе капиталист и рабочий противостоят друг другу лишь как владелец денег и владелец товара, и их сделка, подобно сделке между всеми покупателями и продавцами, есть обмен эквивалентов. Во втором процессе рабочий выступает *pro tempore* * как живая составная часть самого капитала и категория обмена здесь совершенно исключена, так как капиталист путем купли присвоил себе все факторы процесса производства, вещественные и личные, еще до начала этого процесса. Но хотя оба процесса существуют рядом самостоятельно, они взаимно обусловливаются. Первый служит введением ко второму, а второй приводит в исполнение первое.

Первый процесс, *купля и продажа рабочей силы*, показывает нам капиталиста и рабочего лишь как покупателя и продавца товара. Рабочего отличает от других продавцов товаров лишь *специфическая природа, специфическая потребительная стоимость* проданного им товара. Но особая потребительная стоимость товаров отнюдь не изменяет ничего в экономической определенности формы сделки, ничего не изменяет в том, что покупатель представляет деньги, а продавец — товар. Поэтому для *доказательства* того, что отношение между капиталистом и рабочим есть не что иное, как отношение между товаровладельцами, которые обмениваются друг с другом деньгами и товаром, к обоюдной выгоде и по свободному договору, достаточно изолировать первый процесс и остановиться на его формальном характере. Этот простой фокус — отнюдь не колдовство, но он образует весь запас мудрости вульгарной политэкономии.

Мы видели, что капиталист должен превращать свои деньги не только в рабочую силу, но и в вещные факторы процесса

---

[134] «*Капитал* есть та часть запасов страны, которую сохраняют или используют в процессе производства и распределения богатства с целью получения прибыли» (*T. R. Malthus*. Definitions in Political Economy. A new edition, [with a preface, notes, and supplementary remarks] by John Cazenove. London, 1853, p. 10). «Капитал — это часть богатства, используемая для производства и, как правило, с целью получения прибыли» (*Th. Chalmers*. On Political Economy [in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society]. 2nd. edition. London, 1832, p. 75).

* — *временно. Ред.*

труда, в средства производства. Но если мы рассматриваем, с одной стороны, совокупный капитал, следовательно, совокупность покупателей рабочей силы, с одной стороны, и совокупность продавцов рабочей силы, совокупность рабочих, с другой, то рабочий именно вынужден вместо какого-нибудь товара продавать свою собственную рабочую силу как товар, потому что все средства производства, все вещные условия труда, равно как и все жизненные средства, деньги, средства производства и [469 e] жизненные средства, противостоят ему как чужая собственность, потому что, стало быть, все *вещное богатство противостоит* рабочему как собственность *товаровладельцев*. Предполагается, что он работает как несобственник и что *условия его труда* противостоят ему как *чужая собственность*. Что капиталист № I является владельцем денег и покупает у капиталиста № II, владеющего средствами производства, эти средства производства, между тем как рабочий на деньги, полученные от капиталиста № I, покупает у капиталиста № III жизненные средства, совершенно ничего не изменяет в том обстоятельстве, что капиталисты № I, II и III вместе являются исключительными владельцами денег, средств производства и жизненных средств. Человек может жить, только поскольку он производит свои жизненные средства, и он может производить свои жизненные средства, только поскольку он владеет средствами производства, владеет вещными условиями труда. Следовательно, само собой понятно с самого начала, что рабочий, лишенный средств производства, лишен жизненных средств, как и, наоборот, человек, лишенный жизненных средств, не может создать средств производства. Следовательно, то, что уже в первом *процессе*, прежде чем деньги или товар действительно превратились в *капитал*, заранее придает им *характер капитала* — это не их природа как денег и не их природа как товара и не вещественная потребительная стоимость этих товаров, предназначенных служить жизненными средствами и средствами производства, а то обстоятельство, что эти деньги и этот товар, эти средства производства и жизненные средства как *самостоятельные силы*, олицетворенные в их владельцах, противостоят лишенной всякого вещного богатства *рабочей силе*, что, следовательно, необходимые для осуществления труда вещные условия *отчуждены* от самого рабочего и выступают, более того, как одаренные собственной волей и собственной душой *фетиши*, что *товары* фигурируют как *покупатели людей*. Покупатель рабочей силы есть только олицетворение *овеществленного* труда, которое отдает часть самого себя в форме жизненных средств рабочему, чтобы приобщить

живую рабочую силу к своей другой части и путем этого приобщения сохранить себя целиком и перерасти свои первоначальные размеры. Не рабочий покупает жизненные средства и средства производства, а жизненные средства покупают рабочего, чтобы приобщить его к средствам производства.

Жизненные средства есть особая вещественная форма существования, в которой капитал противостоит рабочему, прежде чем последний присвоит их себе путем продажи своей рабочей силы. Но как только начинается процесс производства, рабочая сила уже продана, следовательно, жизненные средства, по крайней мере юридически, перешли в фонд потребления рабочего. Эти жизненные средства не составляют элемента процесса труда, который наряду с действующей рабочей силой сам не имеет других предпосылок, кроме материала труда и средства труда. На деле рабочий должен поддерживать свою рабочую силу при помощи жизненных средств, но это его частное потребление, которое вместе с тем есть воспроизводство его рабочей силы, лежит вне процесса производства товара. Возможно, что в капиталистическом производстве все время, имеющееся в распоряжении рабочего, фактически поглощается капиталом, что, следовательно, потребление жизненных средств фактически выступает всего лишь как момент самого процесса труда, как потребление угля паровой машиной, масла колесом или сена лошадью, как все частное потребление работающих рабов; в этом смысле *Рикардо*, например, перечисляет (см. выше примечание 127), наряду с сырьем, орудиями и т. д., «пищу и одежду» как предметы, которые «содействуют труду» и поэтому служат как «капитал» в процессе труда. Как бы [469 f] это, однако, ни представлялось *фактически*, жизненные средства, поскольку их потребляет свободный рабочий, суть товары, которые он *купил*. Как только они переходят в его руки, — стало быть, тем более, как только они им потребляются, — они перестают быть капиталом. Следовательно, они не образуют ни одного из *вещественных элементов*, в которых *капитал* выступает в *непосредственном процессе производства*, хотя они образуют *вещественную форму существования переменного капитала*, который выступает на *рынке*, в *сфере обращения*, как покупатель рабочей силы [135].

Если капиталист из 500 талеров 400 превращает в средства производства и 100 расходует на покупку рабочей силы, то эти

---

[135]) Это—то правильное, что лежит в основе полемики *Росси* против причисления жизненных средств к составным частям производительного капитала. Однако как неправильно он понимает дело и до какой путаницы он поэтому доходит в своих рассуждениях, мы увидим в одной из следующих глав [20].

100 талеров составляют его *переменный* капитал. На эти 100 талеров рабочие покупают жизненные средства то ли у того же самого капиталиста, то ли у другого. 100 талеров есть лишь *денежная форма* этих жизненных средств, которые, следовательно, на деле образуют *вещественное содержание* переменного капитала. В *непосредственном процессе производства* переменный капитал больше не существует ни в форме денег, ни в форме товаров; но он существует в форме *живого труда*, который он себе присвоил путем купли рабочей силы. И вообще только благодаря этому превращению переменного капитала в труд авансированная в виде денег или товаров сумма стоимости превращается в *капитал*. Таким образом, хотя купля и продажа рабочей силы, обусловливающие превращение одной части капитала в переменный капитал, есть отделенный от *непосредственного процесса производства* и самостоятельный, ему предшествующий процесс, этот процесс составляет *абсолютную основу* самого капиталистического процесса производства и *момент* этого процесса производства, если мы его рассматриваем как *целое*, а не только во время непосредственного производства товаров. Только потому, что рабочий, чтобы жить, продает свою рабочую силу, вещное богатство превращается в капитал. Только по отношению *к наемному труду предметы*, являющиеся вещными условиями труда, т. е. *средства производства*, и *предметы*, являющиеся вещными условиями поддержания жизни самого рабочего, т. е. *жизненные средства*, становятся *капиталом*. Капитал — не *вещь*, равно как и деньги — не *вещь*. В капитале, как и в деньгах, определенные *общественные производственные отношения* людей представляются отношениями *вещей* к людям, или определенные общественные отношения выступают как *общественные природные свойства* вещей. Без *наемного труда* нет производства прибавочной стоимости; коль скоро индивиды противостоят друг другу как свободные лица, без производства прибавочной стоимости нет капиталистического производства, следовательно, нет капитала и нет капиталиста! Капитал и наемный труд (так называем мы труд рабочего, который продает свою собственную рабочую силу) выражают только два фактора одного и того же отношения. Деньги не могут стать капиталом, не обменявшись на рабочую силу, как на товар, проданный самим рабочим. С другой стороны, труд может выступить как наемный труд лишь тогда, когда его *собственные* вещные условия противостоят ему как своекорыстные силы, как чужая собственность, как для себя сущая и прочно обособившаяся стоимость, короче — как капитал. Следовательно, если капитал со своей вещественной стороны или со стороны потре-

бительных стоимостей, в которых он существует, может состоять только лишь из вещных условий труда, то со стороны его формы эти вещные условия должны противостоять труду как *чуждые, самостоятельные* силы, как стоимость — овеществленный труд, который относится к живому труду только как к средству своего собственного сохранения и увеличения. Таким образом, наемный труд или система наемного труда есть необходимая общественная форма труда для капиталистического производства, точно так же как капитал, возведенная в степень стоимость, есть необходимая общественная форма, которую должны принять вещные условия труда, для того чтобы последний был наемным трудом. Наемный труд, следовательно, есть необходимое условие образования капитала и постоянная необходимая предпосылка капиталистического производства. Поэтому хотя первый процесс, обмен денег на рабочую силу, или продажа рабочей силы, не входит, как таковой, в непосредственный процесс производства, но зато он входит в производство отношения в целом [136)].

Если мы теперь от первого процесса, купли и продажи рабочей силы, который предполагает, что средства производства и жизненные средства стали самостоятельными по отношению к действительному рабочему, т. е. предполагает *персонифицированные* средства производства и жизненные средства, которые как покупатели заключают контракт с рабочими как продавцами, — если мы от этого процесса, происходящего в *сфере обращения,* на *товарном рынке,* перейдем к самому *непосредственному процессу производства,* то этот последний есть прежде всего *процесс труда.* В процессе труда рабочий, как рабочий, вступает в нормальное, определенное природой и целью самого труда, деятельное отношение к средствам производства. Он владеет ими и обращается с ними только как со средствами и материалом своего труда. Самостоятельное, обособленное [469 g],

---

[136)] Отсюда можно заключить, какое понятие имеет *Ф. Бастиа* о сущности капиталистического производства, если он объявляет, что наемный труд — внешняя по отношению к капиталистическому производству и безразличная формальность, и делает открытие, «что не *форма вознаграждения* создает для него (рабочего) эту зависимость» («Harmonies économiques». Paris, 1851, p. 378).

Это «открытие», — к тому же еще переврапный плагиат у действительных экономистов — достойно этого невежественного краснобая, который в том же сочинении, следовательно в 1851 г., открыл: «что имеет более решающее значение и что еще более непреложно, так это — *исчезновение больших экономических кризисов* в Англии» (стр. 396).

Хотя Ф. Бастиа в 1851 г. декретировал устранение в Англии кризисов, Англия уже в 1857 г. опять пережила большой кризис, а в 1861 г., как об этом говорится даже в официальных отчетах английских торговых палат, избежала промышленного кризиса неслыханных доселе масштабов лишь благодаря началу американской Гражданской войны [21].

своенравное существование этих средств производства, их отрыв от труда теперь фактически *снимается*. Вещные условия труда выступают теперь в их нормальном единстве с трудом как простая материя и как органы его творческой деятельности. Со шкурой, которую рабочий дубит, он обращается как с простым предметом своей производительной деятельности, не как с капиталом. Ведь не капиталисту же он дубит кожу [137]. Поскольку процесс производства есть просто *процесс труда*, рабочий потребляет в этом процессе средства производства просто как жизненные *средства труда*. Но поскольку процесс производства есть вместе с тем *процесс увеличения стоимости*, капиталист потребляет в нем рабочую силу рабочего или присваивает себе живой труд как жизненные соки капитала. Сырье, вообще предмет труда, служит только для того, чтобы *всасывать* чужой труд, а орудие труда служит только как кондуктор, проводник для этого *процесса всасывания*. Поскольку живая рабочая сила присоединяется к вещным составным частям капитала, последний становится чудовищем, получившим жизнь, и начинает действовать, «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти» [22]. Так как труд только в определенной полезной форме создает стоимость и так как каждый особый полезный вид труда требует материала и средств, обладающих специфической потребительной стоимостью, — веретен, хлопка и т. д. для труда прядильщика, наковальни, молота и железа для труда кузнеца и т. д., — то труд может всасываться, лишь поскольку капитал принимает форму специфических средств производства, требуемых определенными процессами труда, и только в этой форме он может всасывать живой труд. Таким образом, отсюда понятно, почему капиталист, рабочий и *политико-эконом*, который способен мыслить процесс труда только как присвоенный капиталом процесс труда, считают вещественные элементы процесса труда *капиталом* в силу их вещественных свойств, и почему политико-эконом неспособен отделить их вещественное существование в качестве простых факторов процесса труда от слившегося с ними *общественного* свойства, делающего их *капиталом*. Он не может сделать этого, ибо действительно тот же самый идентичный процесс труда, для которого средства производства, благодаря своим вещественным свойствам, служат просто как жизненные средства труда,

---

[137] «Мы видим далее из рассуждений самого экономиста, что капитал, результат труда, в *процессе производства* тотчас же снова становится субстратом, материалом труда; что, следовательно, произведенное на миг *отделение капитала от труда* тотчас же снова *уничтожается в единстве их обоих*» (*Ф. Энгельс*. [Наброски к критике политической экономии] в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher». [Париж, 1844, стр. 99. Настоящее издание, том I, стр. 557]).

превращает эти самые средства производства в простые средства всасывания труда. В процессе труда, если его рассматривать сам по себе, рабочий применяет средства производства. В процессе труда, который есть вместе с тем капиталистический процесс производства, средства производства применяют рабочего, так что труд выступает лишь как средство, с помощью которого определенная *величина стоимости,* т. е. определенное количество *овеществленного* труда, всасывает живой труд, чтобы сохраниться и увеличиться. Таким образом, процесс труда выступает как *процесс самовозрастания стоимости* овеществленного труда при посредстве живого труда[138]. Капитал применяет *рабочего,* а не рабочий применяет *капитал,* и лишь *вещи,* которые *применяют рабочего,* которые поэтому в лице капиталиста обладают *самостью,* собственным сознанием и собственной волей, суть *капитал*[139]. Поскольку процесс труда есть только средство и реальная форма *процесса увеличения стоимости,* т. е. поскольку он есть процесс, состоящий в том, чтобы кроме труда, овеществленного в заработной плате, овеществить в товарах *излишек неоплаченного труда,* прибавочную стоимость, т. е. чтобы *произвести прибавочную стоимость,* то исходный пункт всего этого процесса есть обмен *овеществленного труда* на *живой труд,* обмен меньшего количества *овеществленного труда* на большее количество *живого труда.* В самом процессе обмена одно количество труда, овеществленного в деньгах как товаре, обменивается на равное ему количество труда, овеществленного в живой рабочей силе. [469 h] Соответственно закону стоимости,

---

[138] «*Труд* есть тот *фактор,* благодаря которому *капитал* оказывается способным производить... прибыль» (*John Wade.* [History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835], p. 161). «В буржуазном обществе живой труд есть лишь средство увеличивать накопленный труд» ([*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*]. Манифест Коммунистической партии. Лондон, 1848, стр. 15 [настоящее издание, том 4, стр. 439]).

[139] Определенное *экономическое* свойство *жизненных средств* — покупать себе рабочих, или *средств производства,* кожи и колодок, — *применять* сапожных подмастерьев, это извращение отношения между вещью и человеком, следовательно, *капиталистический характер* так неразрывно *сросся* в капиталистическом производстве и поэтому в фантазии политико-экономов с *вещественным* характером элементов производства, что, например, *Рикардо,* когда он считал необходимым подробнее охарактеризовать вещественные элементы капитала, употребляет как *само собой разумеющееся,* без всяких сомнений и оговорок, такие экономически *правильные* выражения, как «*капитал* или *средства применения труда*» (следовательно, не «средства, применяемые трудом», а «средства применения труда») ([*D. Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821], p. 92), «количество труда, применяемого капиталом» (там же, стр. 419), «фонд, имеющийся для того, чтобы давать им (рабочим) занятие» (там же, стр.252) и т. д. [Русский перевод, том I, стр. 89, 185, 286]. Так и на современном немецком языке капиталист, олицетворение *вещей,* берущих труд, называется *работодателем,* а действительный рабочий, отдающий труд, «*работополучателем*». «В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен» ([*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*]. Манифест Коммунистической партии. [Лондон], 1848, [стр. 16. Настоящее издание, том 4, стр. 439]).

действующему при обмене товаров, обмениваются эквиваленты, *равные количества* овеществленного труда, хотя одно количество овеществлено в предмете, а другое — в живом человеке. Но этот обмен служит только введением в *процесс производства,* посредством которого на деле получают в обмен больше труда в живой форме, чем было израсходовано в овеществленной форме. Поэтому большая заслуга классической политической экономии состоит в том, что она представила весь процесс производства как такой процесс между *овеществленным трудом* и *живым трудом* и таким образом представила капитал, в противоположность живому труду, лишь как *овеществленный труд,* т. е. как *стоимость, увеличивающуюся* посредством живого труда. Ее недостаток заключается здесь лишь в том, что экономисты, во-первых, были неспособны показать, что этот обмен большего количества живого труда на меньшее количество овеществленного труда соответствует закону *товарообмена,* определению товарных стоимостей рабочим временем, и, во-вторых, в том, что они поэтому обмен определенного количества *овеществленного* труда на рабочую силу непосредственно в *процессе обращения* смешивают с происходящим в процессе производства всасыванием живого труда *овеществленным* трудом, имеющимся налицо в форме средств производства. Процесс обмена между переменным капиталом и рабочей силой они смешивают с процессом всасывания живого труда постоянным капиталом. Этот недостаток также вытекает из их «капиталистической» ограниченности, так как самому капиталисту, который оплачивает труд лишь после того, как он был применен для производства стоимости, обмен меньшего количества овеществленного труда на большее количество живого труда представляется *единым неопосредствованным процессом.* Итак, если современный экономист противопоставляет капитал как *овеществленный труд* живому труду, то он понимает под овеществленным трудом не *продукты труда,* имеющие потребительную стоимость и являющиеся воплощением определенных полезных работ, а продукты труда, являющиеся материализацией определенного *количества* всеобщего общественного труда, а значит — *стоимостью,* деньгами, которые сами увеличивают свою стоимость благодаря процессу присвоения чужого живого труда. Это присвоение опосредствуется происходящим на *товарном рынке* обменом между переменным капиталом и рабочей силой, но совершается оно только в действительном процессе производства[140].

[140] Поэтому непосредственный труд и овеществленный труд, настоящий и прошлый труд, живой и накопленный труд и т. д. суть те формы, в которых экономисты выражают отношение между капиталом и трудом.

Подчинение процесса труда капиталу сначала ничего не изменяет в действительном способе производства и практически обнаруживается лишь в следующем: рабочий поступает под командование, руководство и верховный надзор капиталиста, конечно, лишь в отношении своего труда, который принадлежит капиталу. Капиталист следит, чтобы он не растрачивал времени и, например, каждый час давал продукт одного рабочего часа, затрачивал бы на производство продукта только среднее необходимое рабочее время. Поскольку капиталистическое отношение есть господствующее в производстве отношение, следовательно, на рынке рабочий постоянно выступает как продавец, а капиталист постоянно выступает как покупатель, то и самый процесс труда в общем и целом *непрерывен* и не прерывается, как это имеет место, когда рабочий как независимый товаропроизводитель зависит от продажи [469 i] своих товаров отдельным клиентам, ибо минимум капитала должен быть достаточно велик, чтобы постоянно обеспечивать работой рабочих и чтобы капиталист имел возможность ждать продажи товаров [141)].

«Труд и капитал ... первый — *непосредственный* труд... второй — *накопленный труд*» (*James Mill*. Elements of Political Economy. London, 1821, p. 75). «Прошлый труд (капитал)... настоящий труд» (*E. G. Wakefield*. В его издании: *A. Smith*. [An Inquiry into the nature and Causes of the Wealth of Nations], vol. I, London, 1835, p. 230—231, примечание). «Накопленный труд (капитал)... непосредственный труд» (*R. Torrens*. [An Essay on the Production of Wealth. London, 1821], ch. I, [p. 31]). «Труд и капитал, т. е. накопленный труд» (*Ricardo*. [On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd. ed. London, 1821], p. 499 [Русский перевод, том I, стр. 338]). «Специфические вложения капиталистов состоят не из сукна (вообще не из потребительных стоимостей), а из труда» (*Malthus*. The Measure of Value [Stated and Illustrated]. London, 1823, p. 17, 18).

«Так как всякий человек должен потреблять, прежде чем производить, бедняк-рабочий находится в *зависимости* от богача и не может ни жить, ни работать, если он не получит от него съестных припасов и наличных товаров в обмен на те, которые он обещает произвести своим трудом... Чтобы заставить его (т. е. богача) согласиться на это, необходимо было согласиться, что каждый раз, когда будет обмениваться *прошлый труд на будущий труд*, последний (капиталист) получит стоимость высшую, чем первый (рабочий)» (*Sismondi*. De la Richesse Commerciale. Genève, 1803, t. I, p. 36, 37).

Господин В. Рошер, который явно не имеет даже понятия о том, что говорят английские экономисты, и, кроме того, некстати вспоминает о том, что Сениор окрестил капитал «воздержанием», делает следующее профессорское замечание, «удачное» и в грамматическом отношении: «Школа Рикардо обыкновенно подводит под понятие труда и капитал, как «сбереженный труд». Это неискусно (!), потому что (!) владелец капитала ведь (!) все же (!) совершил больше (!), чем простое (!) производство (!) и сохранение его (!); именно воздержание от собственного наслаждения, за что он, например, требует процента» (*W. Roscher*. [Die Grundlagen der Nationalökonomie, 3. Aufl., Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 82]).

141) «Если с течением времени в их (рабочих) экономическом положении наступает изменение и они становятся рабочими капиталиста, который выдает им их заработную плату вперед, то имеют место две вещи: во-первых, они *могут* теперь работать непрерывно, и, во-вторых, здесь появляется лицо, обязанность и интерес которого заключается в том, чтобы *заставлять* рабочих действительно непрерывно работать... Здесь имеет место возросшая непрерывность труда всего этого класса людей. Они работают ежедневно с утра до ночи и не прерывают труда, чтобы ждать или искать покупателя... Но непрерывность труда, ставшая таким образом возможной, еще более обеспечи-

Наконец, капиталист принуждает рабочих как можно больше удлинить продолжительность процесса труда за пределы рабочего времени, необходимого для воспроизводства заработной платы, так как именно этот *излишек труда* доставляет ему *прибавочную стоимость* [142]).

Подобно тому как товаровладельца потребительная стоимость товара интересует лишь в качестве носителя его стоимости, так капиталиста процесс труда интересует лишь в качестве носителя и средства процесса увеличения стоимости. И в процессе производства — поскольку он есть процесс увеличения стоимости — средства производства продолжают быть только денежной стоимостью, безразличной к особой вещественной форме, к особой потребительной стоимости, в которой эта меновая стоимость представлена, точно так же, как самый труд в этом же процессе принимается в расчет не как производительная деятельность определенного полезного характера, а как созидающая стоимость субстанция, как общественный труд вообще, который овеществляется и у которого единственно интересным главным обстоятельством является его количество. Каждая особая сфера производства поэтому имеет значение для капитала только как особая сфера, в которую вкладываются деньги, чтобы сделать из них больше денег, чтобы сохранить наличную стоимость и увеличить ее, или чтобы присвоить себе прибавочный труд. В каждой особой сфере производства процесс труда и поэтому также факторы процесса труда различны. С помощью веретена, хлопка и прядильщика нельзя сшить сапог. Однако вложение капитала в ту или иную сферу производства, количества, в каких совокупный капитал общества

вается благодаря надзору капиталиста. Он авансировал заработную плату рабочих, он должен получить продукты их труда. В его интересах и его привилегия — следить, чтобы они не работали с перерывами или медленно» (*R. Jones.* [Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852], p. 37—38 [Русский перевод, стр. 314—315]).

[142]) «Общим признанием экономистов пользуется та аксиома, что всякий труд должен оставлять некоторый излишек. Для меня это положение является универсальной и абсолютной истиной; это — необходимое следствие закона пропорциональности (!), который можно рассматривать как итог всей экономической науки. Но пусть извинят меня экономисты: в пределах их теории положение, что *всякий труд должен оставлять некоторый излишек,* не имеет смысла и не поддается никакому *доказательству*» (*Proudhon.* [Système des contradictions économiques, ou] Philosophie de la misère. [Tome I, Paris, 1846, p. 73]). В работе «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты г-на Прудона»». Париж, 1847, стр. 76—91 [настоящее издание, т. 4, стр. 117—127], я доказал, что господин Прудон не имеет ни малейшего понятия о том, что такое этот «*излишек труда*», а именно — *прибавочный продукт,* в котором представлен прибавочный труд или неоплаченный труд рабочего. Так как фактически он в капиталистическом производстве находит, что каждый труд оставляет такой «излишек», он пытается объяснить себе этот факт каким-то таинственным природным свойством труда и выбраться из затруднения с помощью sesquepedalia verba [пустословия], вроде: «необходимое следствие закона пропорциональности» [23].

распределяется по различным сферам производства, наконец, отношение, в котором он переходит из одной сферы производства в другую, — все это определяется изменяющимся отношением, в каком общество нуждается в продуктах этих особых сфер производства, т. е. в потребительных стоимостях товаров, которые они создают; ибо, хотя оплачивается лишь меновая стоимость товара, покупается товар всегда лишь из-за его потребительной стоимости. Так как непосредственный продукт процесса производства есть *товар,* то капиталист может реализовать капитал, существующий в конце процесса в форме товара, а стало быть и содержащуюся в нем *прибавочную стоимость,* лишь постольку, поскольку он находит покупателей для своих товаров.

Но капитал сам по себе безразличен к *особенности* каждой сферы производства, и только большей или меньшей трудностью продажи товаров той или иной сферы производства определяется, где он вкладывается, как он вкладывается и в каком размере он переходит из одной сферы производства в другую, или изменяет свое распределение между различными сферами производства. В действительности эта текучесть капитала наталкивается на препятствия, которые здесь не подлежат рассмотрению. Но, как увидим дальше, капитал, с одной стороны, создает себе средства, чтобы преодолеть эти препятствия, поскольку они возникают только из природы самих производственных отношений, а с другой стороны, он устраняет с развитием присущего ему способа производства все установленные законом и внеэкономические препятствия своему свободному движению в различных сферах производства. Прежде всего он опрокидывает все установленные законом или традиционные преграды, которые препятствуют ему по своему усмотрению покупать тот или иной вид рабочей силы, или любым образом присваивать себе тот или иной вид труда. Далее, хотя рабочая сила в каждой особой сфере производства имеет особую форму, как способность к прядению, сапожному делу, кузнечному и т. д., и поэтому для каждой особой сферы производства требуется такая рабочая сила, которая получила развитие в каком-то одном определенном направлении, стала *особенной* рабочей силой, однако эта текучесть капитала предполагает его безразличие к особому характеру процесса [469 k] труда, который он себе присваивает, предполагает такую же текучесть или *изменчивость* в труде, т. е. в умении рабочего применять свою рабочую силу. Мы увидим, что сам капиталистический способ производства создает эти противостоящие его собственной тенденции экономические препятствия, но он устраняет все установлен-

ные *законом* и *внеэкономические* препятствия этой изменчивости [143]. Подобно тому, как капиталу, в качестве самовозрастающей стоимости, безразлична особенная вещественная форма, в которой он выступает в процессе труда, будь то паровая машина, навозная куча или шелк, точно так же и рабочему безразлично *особое содержание* его труда. Его труд принадлежит капиталу, он есть только потребительная стоимость товара, который он продал, и он продал его только для того, чтобы присвоить себе деньги и с помощью денег — жизненные средства. Перемена вида труда интересует его только потому, что каждый особый вид труда требует иного развития рабочей силы. Если его безразличие к особому содержанию труда не делает его способным изменять по команде свою рабочую силу, то он выражает это безразличие тем, что бросает своих заместителей, подрастающее поколение, сообразно требованию рынка, из одной отрасли труда в другую. Чем более развито капиталистическое производство в данной стране, тем больше требование *изменчивости*, предъявляемое к рабочей силе, тем безразличнее рабочий к *особому содержанию* своего труда, и тем интенсивнее [flüssiger] движение капитала из одной сферы производства в другую. Классическая политическая экономия предполагает *изменчивость* рабочей силы и *текучесть* капитала как аксиому; и она имеет право на это, поскольку это — тенденция капиталистического способа производства, упорно прокладывающая себе путь несмотря на все препятствия, создаваемые большей частью самим же капиталистическим способом производства. Чтобы представить в чистом виде законы политической экономии, абстрагируются от препятствий [Friktionen], подобно тому как в чистой механике абстрагируются от особых трений, которые нужно преодолеть в каждом отдельном случае ее применения [144].

---

[143] «Каждый человек, если бы его не ограничивал закон, переходил бы от одного занятия к другому, как того требовали бы различные изменения в состоянии дел» («Considerations concerning Taking off the Bounty on Corn exported» etc. London, 1753, p. 4).

[144] Нигде текучесть капитала, изменчивость труда и безразличие рабочего к содержанию своего труда не выступают в большей степени, чем в Соединенных Штатах Северной Америки. В Европе, даже в Англии, капиталистическое производство все еще страдает от остатков феодализма и искажается ими. Например, то обстоятельство, что хлебопечение, сапожное дело и т. д. лишь теперь начинают вестись в Англии *по-капиталистически*, всецело обязано тому, что английский капитал имел также феодальные предрассудки относительно «респектабельности». Было «респектабельно» продавать негров в рабство, но не было «респектабельно» производить колбасы, сапоги или хлеб. Поэтому из Соединенных Штатов исходят также все машины, которые подчиняют капиталистическому способу производства европейские «нереспектабельные» отрасли деятельности. С другой стороны, человек нигде не проявляет такого безразличия к виду труда, который он выполняет, как в Соединенных Штатах, нигде не сознает в такой степени, что его труд доставляет всегда один и тот же продукт, деньги, и нигде

Хотя капиталист и рабочий противостоят на рынке только как *покупатель,* деньги, и *продавец,* товар, однако это отношение благодаря специфическому содержанию их торговой сделки с самого начала своеобразно окрашено, тем более, что при капиталистическом способе производства предполагается, что это выступление обеих сторон на рынке с *тем же самым* противоположным назначением *постоянно* повторяется или является постоянным. Если мы рассматриваем отношение на рынке между товаровладельцами вообще, то один и тот же товаровладелец выступает попеременно как продавец и покупатель товара. То что два товаровладельца отличаются друг от друга как покупатель и продавец, это только постоянно исчезающее различие, так как все попеременно играют одни и те же роли по отношению друг к другу в сфере обращения. И рабочий после того, как он продал свою рабочую силу, превратил ее в деньги, также становится покупателем, и капиталисты противостоят ему просто как продавцы товаров. Но деньги в руках рабочего только средство обращения. На собственно *товарном рынке* рабочий на деле, как всякий другой владелец денег, отличается только как покупатель от владельца товаров как продавца. Но на *рынке труда,* напротив, *деньги* противостоят ему всегда как денежная форма *капитала,* и поэтому владелец денег — как персонифицированный капитал, *капиталист,* между тем как он, со своей стороны, противостоит владельцу денег [469 I] как простая персонификация рабочей силы и, следовательно, труда, как *рабочий* [145]. Противостоят друг другу не просто покупатель и просто продавец, в сфере обращения, на рынке, противостоят друг другу *капиталист* и *рабочий* как *покупатель* и *продавец.* Их отношение как *капиталиста* и рабочего есть предпосылка их отношения как *покупателя* и *продавца.* Это не есть, как у других товаровладельцев, отношение, которое вытекает просто из природы самих товаров, а именно из того, что никто не производит продукты непосредственно для своих жизненных потребностей, а каждый произ-

---

не проходит с одинаковым безразличием [Nonchalance] через самые разные отрасли труда. Эта «изменчивость» рабочей силы выступает здесь поэтому как совершенно определенное свойство свободного рабочего, в противоположность работающему рабу, рабочая сила которого стабильна и может применяться только лишь традиционным в данной местности способом. «Недостаток рабской системы труда состоит главным образом в ее неподвижности... если производится табак, табак становится единственной отраслью производства, и табак производится, каково бы ни было состояние рынка и каковы бы ни были почвенные условия» (*Cairnes.* [The Slave Power: its character, career and probable desings. London, 1862], p. 46—47).

[145] «Отношение фабриканта к рабочему есть...чисто экономическое отношение. Фабрикант есть «капитал», а рабочий — «труд»» (*Ф. Энгельс.* Положение рабочего класса [в Англии. Лейпциг, 1845], стр. 329 [настоящее издание, т. 2, стр. 497]).

водит определенный продукт как *товар,* благодаря продаже которого он в состоянии затем присваивать себе продукты других. Это не есть то *общественное разделение труда* и обособление различных отраслей труда по отношению друг к другу, которое, например, сапожника делает продавцом сапог и покупателем кожи или хлеба. Это то *разделение* взаимосвязанных *элементов* самого *процесса производства* и их доходящее до взаимной персонификации обособление, благодаря которому *деньги* как всеобщая форма *овеществленного труда* становятся покупателем рабочей силы, живого источника *меновой стоимости* и, следовательно, богатства. Действительное богатство, рассматриваемое со стороны меновой стоимости — *деньги,* и рассматриваемое со стороны потребительной стоимости — *жизненные средства* и *средства производства,* противопоставляется, как лицо, *возможности* богатства, т. е. рабочей силе, как другому лицу.

[469 m] Так как прибавочная стоимость является специфическим продуктом процесса производства, то его продукт есть не только товар, но и *капитал.* В процессе производства труд превращается в капитал. Деятельность рабочей силы, т. е. труд, *овеществляется* в процессе производства, становится таким образом стоимостью, но так как труд еще до того, как он начинается, перестал принадлежать самому рабочему, то все то, что овеществляется, есть для него *овеществление чужого труда,* и следовательно, есть стоимость, самостоятельно противостоящая рабочей силе, есть *капитал. Продукт* принадлежит капиталисту, и он точно так же представляет по отношению к рабочему капитал, как и *элементы производства.* С другой стороны, наличная стоимость — или деньги — становится *действительно* капиталом только тогда, когда она, во-первых, представляется как возрастающая стоимость, как стоимость, *совершающая процесс,* и как таковая она представляется тогда, когда деятельность рабочей силы, труд, в процессе производства действует как приобщенная к нему и принадлежащая ему энергия, и во-вторых, тогда, когда она, как *прибавочная стоимость,* отличается от самой себя как первоначально предпосланной *стоимости,* что, в свою очередь, есть результат овеществления прибавочного труда.

В процессе производства труд становится *овеществленным трудом* в противоположность живой рабочей силе, т. е. капиталом, и, кроме того, благодаря тому же самому всасыванию и присвоению труда в процессе производства предпосланная стоимость становится стоимостью, *совершающей процесс,* и поэтому стоимостью, которая создает отличную от себя приба-

вочную стоимость. Лишь благодаря тому, что труд в процессе производства превращается в капитал, предпосланная сумма стоимости, которая была капиталом только δυνάμει *, осуществляется как *действительный капитал* [146]).

[...] ** [263] т. е. получить в результате производства бо̀льшую стоимость, чем сумма стоимостей, которую капиталист в него вкладывает и на него (производственный процесс) авансирует. Само производство товаров выступает лишь как средство для этой цели, как вообще процесс труда выступает лишь как средство процесса увеличения стоимости. Процесс увеличения стоимости следует здесь понимать не в прежнем смысле как процесс образования стоимости, а как процесс образования прибавочной стоимости.

Однако этот результат достигается, поскольку живой труд, который должен совершить рабочий и который поэтому и овеществляется в продукте его труда, больше, чем труд, содержащийся в переменном капитале или израсходованный на заработную плату, или, что то же самое, больше, чем труд, необходимый для воспроизводства рабочей силы. Поскольку лишь

---

* — потенциально. *Ред.*

146) «Они (рабочие) обменивают свой труд (следует говорить:свою рабочую силу) на хлеб (то есть на жизненные средства). Этот хлеб становится для них доходом (т. е. идет на их личное потребление)... между тем как их *труд* сделался *капиталом* для их хозяина» (*Sismondi.* Nouveaux Principes [d'Économie Politique. Seconde édition]. Tome I, [Paris, 1827], p. 90 [Русский перевод, том I, стр. 186]). «Обменивая свой труд, рабочие *превращают* его *в капитал*» (там же, стр. 105) [Русский перевод, том I, стр. 193][24].

**) [«Хозяин заинтересован в том,чтобы снижать цену труда, но пока эта цена остается той же самой, пока при данных расходах он получает данное количество выполненного труда, его положение остается неизменным. Если фермер может вспахать поле за 12 ф. ст., ему безразлично, платит он всю сумму] трем опытным рабочим или четырем обыкновенным. ...Если бы троих можно было нанять по 3 ф. ст. 10 ш. за человека, а на четырех потребовалось бы по 3 ф.ст. за человека, то хотя заработная плата трех первых была бы выше, однако цена выполненного ими труда была бы ниже. Верно, что причины, повышающие размер заработной платы рабочего, часто поднимают вместе с тем и норму прибыли капиталиста. Если благодаря возросшей интенсивности один человек выполняет работу двух, то размер заработной платы и нормы прибыли обыкновенно повышается. Но норма прибыли повышается не вследствие повышения заработной платы, а *вследствие того, что добавочное предложение труда понижает его цену* или сокращает период, в течение которого прежде необходимо было платить эту цену. Рабочий, с другой стороны, заинтересован главным образом в *размере заработной платы*. При данном размере заработной платы он несомненно заинтересован в том, чтобы *цена труда была высока,* но напряжение, к которому его при этом принуждают, еще более повышается» [*N. W. Senior.* Three lectures on the rate of wages. London, 1830, p. 14, 15]. Начало этой цитаты в оригинале отсутствует, здесь оно дается в квадратных скобках. *Ред.*

Из того же сочинения:

«...положение рабочего зависит не от суммы, которую он получает каждый данный раз, а от его средней получки за данный период... чем больше взятый период, тем точнее будет подсчет» (там же, стр. 7). «В качестве периода лучше всего взять *год.* Он охватывает летнюю и зимнюю заработную плату» (там же, стр. 7).

благодаря производству прибавочной стоимости авансированная стоимость становится капиталом, само возникновение капитала, как и процесс капиталистического производства, покоятся прежде всего на двух моментах:

Во-первых, *купля и продажа рабочей силы* есть акт, который относится к сфере обращения, но, если рассматривать *процесс капиталистического производства в целом,* то он составляет не только момент и предпосылку, но и постоянный результат последнего. Эта купля и продажа рабочей силы предполагает отделение вещных условий труда — т. е. *жизненных средств и средств производства* — от живой рабочей силы, так что последняя есть единственная собственность, которой располагает рабочий, и единственный товар, который он имеет для продажи. Отделение заходит так далеко, что эти условия труда противостоят рабочему как *самостоятельные лица,* ибо капиталист как их владелец есть лишь их персонификация в противоположность рабочему как владельцу одной лишь рабочей силы. Это отделение и обособление есть предпосылка для того, чтобы происходила купля и продажа рабочей силы, следовательно, чтобы вообще живой труд присоединялся к мертвому труду как средство его самосохранения и самоувеличения, т. е. самовозрастания. Без *обмена* переменного капитала на рабочую силу не происходило бы никакого самовозрастания совокупного капитала, а следовательно, и никакого образования капитала или превращения средств производства и жизненных средств в капитал. Второй момент есть действительный процесс производства, т. е., следовательно, действительный процесс потребления рабочей силы, купленной владельцем денег или товаров.

[264] В действительном процессе производства вещные условия труда — материал и средства труда — служат не только для того, чтобы живой труд овеществлялся, но для того, чтобы овеществлялось *больше* труда, чем содержалось в переменном капитале. Следовательно, они служат средством поглощения и средством выжимания прибавочного труда, который представляется в прибавочной стоимости (и прибавочном продукте). Таким образом, если рассматривать оба момента: во-первых, обмен рабочей силы на переменный капитал и, во-вторых, действительный процесс производства (в котором живой труд присоединяется к капиталу как действующий фактор), то весь процесс выступает как процесс, в котором 1) меньшее количество овеществленного труда обменивается на большее количество живого труда, поскольку то, что капиталист действительно получает за заработную плату, есть живой труд, и 2) вещные формы, в которых капитал непосредственно пред-

ставляется в процессе труда, средства производства (т. е. опять-таки овеществленный труд) как средства выжимания и поглощения этого живого труда, — все это как процесс, совершающийся между овеществленным и живым трудом, процесс, который не только превращает живой труд в овеществленный, но вместе с тем превращает овеществленный труд в капитал, и следовательно, также и живой труд — в капитал. Таким образом, это — процесс, в котором производится не только товар, но и прибавочная стоимость, а стало быть и *капитал*. (Сравни стр. 96—107.)

Средства производства представляются здесь не только как средства осуществления труда, но в совершенно равной мере как *средства эксплуатации чужого труда* [25].

[469] Относительно стоимости или денег, как овеществления всеобщего общественного среднего труда, нужно заметить еще следующее. Пусть, например, труд прядильщика сам по себе стоит *выше* или *ниже* уровня общественного среднего труда. То есть пусть известное количество труда прядильщика будет равно или будет больше или меньше количества общественного среднего труда, например, рабочего времени равной величины (продолжительности), овеществленного в известном количестве денег. Но если труд прядильщика выполняется с нормальной в его *сфере* степенью интенсивности, то есть если, например, труд, затрачиваемый на производимую за один час пряжу, дает нормальное количество пряжи, т. е. то, которое доставляет в среднем при данных общественных условиях один час труда прядильщика, то труд, овеществленный в пряже, есть *общественно необходимый труд*. В качестве такового он находится в количественно определенном отношении к общественному среднему труду вообще, который служит мерой; так что труд, овеществленный в пряже, выражает равное, большее или меньшее количество последнего. Он сам, следовательно, выражает *определенное количество* общественного среднего труда.

Формальное подчинение труда капиталу

Процесс труда становится средством процесса увеличения стоимости, процесса самовозрастания стоимости капитала — производства прибавочной стоимости. Процесс труда подчиняется капиталу (это — его *собственный* процесс), и капиталист вступает в этот процесс как управляющий, как руководитель; этот процесс есть для него, вместе с тем, непосредственно процесс эксплуатации чужого труда. Это я называю *формальным подчинением труда капиталу*. Это — *всеобщая* форма

всякого капиталистического процесса производства; но это есть вместе с тем *особенная* форма наряду с развитым *специфически-капиталистическим способом производства,* так как последний заключает в себе первую, между тем как первая вовсе не обязательно заключает в себе последнюю.

[470] Процесс производства сделался процессом самого капитала. Это — процесс, происходящий с *факторами процесса труда,* в которые превратились деньги капиталиста, и притом процесс, происходящий под его руководством и с целью сделать из денег больше денег.

Когда прежде независимый крестьянин, производивший для самого себя, становится поденщиком, который работает на арендатора, когда иерархическое расчленение, имевшее место при цеховом способе производства, исчезает, уступая место простой противоположности между капиталистом и ремесленниками, которых он заставляет работать на себя как наемных рабочих; когда прежний рабовладелец применяет своих прежних рабов как наемных рабочих и т. д., то процессы производства с иными общественными определениями уже превратились в процесс производства капитала. При этом происходят перемены, о которых говорилось выше. Прежде независимый крестьянин становится, как фактор процесса производства, зависимым от капиталиста, который руководит этим процессом, и самое занятие этого крестьянина зависит от контракта, который он в качестве товаровладельца (владельца рабочей силы) предварительно заключил с капиталистом как владельцем денег. Раб перестает быть орудием производства, принадлежащим тому, кто его применяет. Отношение мастера и подмастерья исчезает. Мастер относился к подмастерью, как мастер в своем ремесле. Теперь же мастер противостоит подмастерью лишь как владелец капитала, а подмастерье противостоит мастеру лишь как продавец труда. До процесса производства они противостоят друг другу в качестве товаровладельцев и между ними существует лишь *денежное отношение,* в процессе же производства они противостоят друг другу как персонифицированные функционеры факторов этого процесса, капиталист как «капитал», а непосредственный производитель как «труд», и их отношение определяется трудом, как простым фактором самовозрастающего капитала.

Далее, капиталист заботится о том, чтобы труд обладал нормальной степенью доброкачественности и интенсивности, и он по возможности максимально удлиняет процесс труда, так как благодаря этому растет производимая им прибавочная стоимость. Растет *непрерывность* труда, ибо зависевшие прежде

от отдельных клиентов производители, теперь, не имея уже товаров для продажи, приобретают в лице капиталиста постоянного казначея.

Возникает также и имманентная *капиталистическому отношению* мистификация. Способность труда сохранять стоимость выступает как способность капитала к самосохранению, способность труда создавать стоимость — как способность капитала к самовозрастанию, и в целом, по существу понятия, *овеществленный* труд выступает как фактор, применяющий *живой* труд.

Несмотря на все это с указанной переменой с самого начала отнюдь еще не наступает существенное изменение в реальном характере процесса труда, действительного процесса производства. Наоборот, вполне в порядке вещей, что когда наступает подчинение процесса труда капиталу — на основе *наличного процесса труда,* существовавшего до этого подчинения его капиталу, сложившегося на основе прежних различных процессов производства и других условий производства, — капитал подчиняет себе *данный наличный процесс* труда, т. е., например, ремесленный труд, способ земледелия, соответствующий мелкому самостоятельному крестьянскому хозяйству. Если возникают изменения в этих традиционных и поставленных капиталом под свою команду *процессах труда,* то эти модификации могут быть лишь постепенным *следствием* уже происшедшего подчинения капиталу данных традиционных процессов труда. Тот факт, что труд становится интенсивнее или увеличивается продолжительность процесса труда, что труд становится более непрерывным и под наблюдением заинтересованного капиталиста более упорядоченным и т. д., сам по себе не изменяет характера самого реального процесса труда, реального способа труда. Таким образом, это составляет большой контраст развивающемуся, как показано, в дальнейшем ходе капиталистического производства специфически *капиталистическому способу производства* (труд в крупном масштабе и т. д.), который одновременно с отношениями различных агентов производства *революционизирует* способ этого труда и реальный характер всего процесса труда. Именно в противоположность последнему мы называем рассмотренное выше подчинение процесса труда капиталу (подчинение капиталистическому отношению способа труда, развившегося еще до появления этого отношения) *формальным подчинением труда капиталу*. Капиталистическое отношение как *отношение принуждения,* имеющего своей целью посредством удлинения рабочего времени выжать прибавочный труд, — отношение принужде-

ния, не покоящееся ни на каких отношениях личного господства и зависимости, но вытекающее просто из различных экономических функций, — является общим для обоих способов, но специфически капиталистический способ производства знает еще другие способы выжимания прибавочной стоимости. На базисе же наличного способа труда, т. е. *данного* развития производительной силы труда и соответствующего этой производительной силе способа труда, прибавочная стоимость может производиться лишь путем *удлинения рабочего времени*, стало быть в форме *абсолютной прибавочной стоимости*. Поэтому формальному подчинению труда капиталу соответствует только эта форма производства прибавочной стоимости.

[471] Всеобщие моменты процесса труда, как они излагаются в главе II, то есть, например, разделение вещных условий труда на материал и средства труда в их отношении к живой деятельности самих рабочих и т. д., являются независимыми от любого исторического и специфически общественного характера процесса производства, одинаково истинными для всех возможных форм развития последнего определениями, на деле неизменными естественными условиями человеческого труда. Ярким подтверждением этого служит то, что они имеют силу для производителей, работающих независимо, не обменивающихся с обществом, а обменивающихся только с природой, как Робинзон и т. д. Следовательно, это фактически абсолютные определения *человеческого* труда вообще, как только он перестает носить чисто животный характер.

То, чем отличается с самого начала процесс труда, еще только формально подчиненный капиталу, и благодаря чему он все более и более отличается, даже на базисе старого, традиционного способа труда, это — *масштаб*, в котором он выполняется; стало быть, с одной стороны, объем авансированных средств производства, с другой стороны, количество рабочих, которыми распоряжается один и тот же наниматель. То, что, например, на базе цехового способа производства представляется максимумом (например, в отношении числа подмастерьев), едва может составить минимум для капиталистического отношения. Ибо на деле это отношение может возникнуть даже совершенно номинально лишь там, где капиталист применяет по меньшей мере столько рабочих, чтобы производимой ими прибавочной стоимости хватало в качестве дохода для его личного потребления и в качестве фонда накопления и чтобы таким образом он сам был освобожден от непосредственного труда и работал лишь как *капиталист*, выполняя в качестве

главного надзирателя и руководителя процесса функцию словно наделенного волей и сознанием капитала, который вовлечен в процесс увеличения своей стоимости. Это расширение *масштаба* труда и образует реальный базис, на котором возникает специфически капиталистический способ производства при прочих благоприятных исторических условиях, как, например, условия XVI века, хотя *спорадически,* как негосподствующий в обществе, он, конечно, может появляться в отдельных пунктах и внутри прежних общественных форм.

Всего яснее становится отличительный характер *формального подчинения труда капиталу* при сравнении с условиями, когда капитал уже существует в определенных подчиненных функциях, но еще не в своей господствующей функции непосредственного покупателя труда и непосредственного присвоителя процесса производства, функции, определяющей всеобщую общественную форму. Например, *ростовщический капитал,* поскольку он авансирует непосредственным производителям, как, например, в Индии, сырье, орудия труда или то и другое в форме денег. Чудовищные проценты, которые он взимает, проценты, которые он, оставляя в стороне их величину, вообще таким образом выжимает из непосредственного производителя, суть лишь другое название для прибавочной стоимости. Он на деле превращает свои деньги в капитал тем, что выжимает из непосредственного производителя неоплаченный труд, прибавочный труд. Но он не вмешивается в самый процесс производства, который по-прежнему протекает рядом с ним своим традиционным способом. Ростовщический капитал отчасти развивается вследствие *упадка* этого способа производства, отчасти же он представляет собой средство его *разложения и прозябания* и при самых неблагоприятных условиях — средство, ведущее к его хирению. Здесь *еще не* имеет места формальное подчинение труда капиталу. Другой пример это — *торговый капитал:* он дает заказы ряду непосредственных производителей, затем собирает их продукты и продает их; причем, он может также авансировать сырье и т. п. или предоставлять денежные авансы и т. д. Отчасти именно из этой формы развилось современное капиталистическое отношение, и она все еще то там, то здесь составляет переходную форму к собственно капиталистическому отношению. Здесь также еще не имеет места формальное подчинение труда капиталу. Непосредственный производитель все еще остается одновременно и продавцом своих товаров и лицом, применяющим свой собственный труд. Однако здесь больше элементов перехода, чем в отношении ростовщического капитала. Внутри капиталистического спо-

соба производства обе эти формы, к которым мы в дальнейшем при подходящем случае вернемся, воспроизводятся как побочные и переходные формы.

[472] *Реальное подчинение труда капиталу, или специфически капиталистический способ производства*

В *главе III* было подробно показано, как с *производством относительной прибавочной стоимости* (стимулируемым для отдельного капиталиста, поскольку он проявляет *инициативу,* тем, что стоимость равна общественно необходимому рабочему времени, овеществленному в продукте, что, следовательно, для него создается *прибавочная стоимость,* как только *индивидуальная* стоимость его продукта оказывается *ниже* его общественной стоимости и поэтому продукт может продаваться выше его индивидуальной стоимости) изменяется вся реальная форма способа производства и возникает специфически *капиталистический способ производства* (также и технологически), лишь на базисе которого и одновременно с развитием которого развиваются также соответствующие капиталистическому процессу производства *производственные отношения* между различными агентами производства и в особенности между капиталистом и наемным рабочим.

Общественные производительные силы труда, или производительные силы непосредственно *общественного, обобществленного* (совместного) труда, благодаря кооперации, разделению труда внутри мастерской, применению *машин* и вообще превращению процесса производства в сознательное *применение* естествознания, механики, химии и т. д. для определенных целей, *технологии* и т. д., равно как соответствующее всему этому *производство в крупном масштабе* и т. д. (только этот обобществленный труд способен применить к *непосредственному* процессу производства *всеобщие* продукты человеческого развития, как математику и т. д., между тем как, с другой стороны, развитие этих наук предполагает определенный уровень материального процесса производства), это развитие производительной силы *обобществленного труда* в противоположность более или менее изолированному труду одиночек и т. д. и вместе с тем *применение науки,* этого *всеобщего* продукта общественного развития, к *непосредственному процессу производства,* — все это представляется *производительной силой капитала,* а не производительной силой труда, или производительной силой труда лишь постольку, поскольку он тождествен капиталу, и во всяком случае не является ни производительной силой отдель-

ного рабочего, ни производительной силой комбинированных в процессе производства рабочих. Мистификация, заложенная в капиталистическом отношении вообще, теперь развивается гораздо дальше, чем это было и могло быть при только формальном подчинении труда капиталу. С другой стороны, лишь здесь с особой яркостью выступает (специфически выступает) также и историческое значение капиталистического производства, и именно благодаря преобразованию самого непосредственного процесса производства и развитию общественных производительных сил труда.

Выше было доказано (глава III), как «общественное» и т. д. в труде рабочего не только «в воображении», но и «фактически» противостоит рабочему не только как нечто чуждое, но и как враждебное и противоположное, как овеществленное и персонифицированное в капитале.

Подобно тому как производство абсолютной прибавочной стоимости может рассматриваться как материальное выражение формального подчинения труда капиталу, так производство относительной прибавочной стоимости может рассматриваться как выражение реального подчинения труда капиталу.

Во всяком случае, обеим формам прибавочной стоимости — абсолютной и относительной, — если их рассматривать самостоятельно в раздельном существовании, — а абсолютная прибавочная стоимость всегда предшествует относительной, — соответствуют две различные формы подчинения труда капиталу, или две различные формы капиталистического производства, из которых первая всегда предшествует второй, хотя более развитая форма, вторая, в свою очередь, может составлять базис для внедрения первой в новых отраслях производства.

[473] *Дополнение о формальном подчинении труда капиталу*

Прежде чем мы продолжим дальнейшее рассмотрение реального подчинения труда капиталу, еще следующие дополнения из моих тетрадей [26].

Покоящуюся на абсолютной прибавочной стоимости форму я называю *формальным подчинением труда капиталу,* ибо она лишь *формально* отличается от прежних способов производства, на основе которых она непосредственно возникает (вводится) и при которых производитель или является самостоятельным или же непосредственные производители вынуждены отдавать другим прибавочный труд. Иным является только применяемое *принуждение,* т. е. метод, с помощью которого выколачивается

прибавочный труд. Существенно при *формальном подчинении* следующее:

1) чисто денежное отношение между тем, кто присваивает прибавочный труд, и тем, кто его поставляет: поскольку возникает *подчинение,* оно возникает из *определенного содержания* продажи, а не из предшествующего *ей подчинения,* благодаря которому производитель был бы поставлен в иное, чем денежное, отношение (отношение товаровладельца к товаровладельцу) к эксплуататору его труда вследствие политического и т. д. отношения; именно *лишь* в качестве владельца условий труда покупатель ставит здесь продавца в *экономическую* зависимость от себя; это уже не политическое и социально фиксированное отношение господства и подчинения;

2) в первом отношении уже заключается то, — ибо в противном случае рабочему не приходилось бы продавать свою рабочую силу, — что его *объективные условия труда* (средства производства) и *субъективные условия труда* (жизненные средства) противостоят ему как капитал, как условия, монополизированные покупателем его рабочей силы. Чем в большей степени эти *условия труда* противостоят ему как чужая собственность, тем полнее формально имеет место *отношение капитала и наемного труда,* тем полнее, следовательно, формальное подчинение труда капиталу, условие и предпосылка *реального* подчинения.

В самом способе производства здесь еще нет различия. *Процесс труда,* рассматриваемый *технологически,* совершается точно так же, как и раньше, только теперь — как *подчиненный* капиталу процесс труда. Однако в самом процессе производства развивается, как было ранее показано: 1) *экономическое* отношение господства и подчинения, при котором происходит потребление рабочей силы капиталистом, и стало быть, под наблюдением и руководством капиталиста; 2) получает развитие большая непрерывность и интенсивность труда и возрастает экономия в применении условий труда, так как прилагаются все усилия, чтобы продукт представлял *лишь общественно необходимое* (или лучше, еще меньшее) *рабочее время,* и это делается как в отношении живого труда, применяемого для его производства, так и в отношении *овеществленного* труда, который, как стоимость употребленных средств производства, входит в него как образующий стоимость фактор.

При *формальном подчинении* труда капиталу *принуждение к прибавочному труду* — а тем самым, с одной стороны, к созданию потребностей и средств удовлетворения этих потребностей, как и массы производимого сверх меры традиционных потребностей рабочего — и создание *свободного времени* для

развития, независимо от материального производства, принимают *только иную* форму, чем при прежних способах производства, но форму, которая повышает непрерывность и интенсивность труда, увеличивает производство, благоприятствует развитию *разновидностей рабочей силы* и тем самым дифференциации видов труда и родов заработка, наконец, превращает самое отношение владельцев условий труда и рабочих в чистое *отношение купли и продажи*, или в *денежное отношение*, и *освобождает* отношение эксплуатации от всяких патриархальных и политических, а также религиозных пут. Впрочем само производственное отношение порождает новое *отношение господства и подчинения* (которое, в свою очередь, создает для себя *политические* и т. д. выражения). Чем меньше капиталистическое производство выходит за пределы формального отношения, тем меньше развито денежное отношение, так как формальное отношение предполагает только мелких капиталистов, которые по своему образованию и роду занятий лишь немногим отличаются от самих рабочих.

[474] Различие в *характере* отношения господства и подчинения, не касаясь еще самого способа производства, более всего обнаруживается там, где *земледельческие* и *домашние* побочные работы, выполнявшиеся только для потребностей семьи, превращаются в самостоятельные капиталистические отрасли труда.

Различие труда, *формально* подчиненного капиталом, от прежнего способа применения труда выступает в таком же объеме, в каком возрастает *величина капитала*, прилагаемого отдельным капиталистом, т. е. в каком, следовательно, возрастает число *одновременно занятых у него рабочих*. Лишь при известном минимуме капитала сам капиталист перестает быть рабочим и оставляет за собой только руководство процессом труда и торговлю произведенными товарами. Вместе с тем *реальное* подчинение труда капиталу, *собственно капиталистический способ производства*, возникает лишь там, где капиталы известной величины овладевают непосредственно производством — когда купец становится промышленным капиталистом, или же когда на базисе *формального подчинения* образуются крупные промышленные капиталисты [a].

---

[a] [474a] Это а) *относится не к последнему пункту*, а к предыдущему [27].

«Свободный рабочий обычно может свободно переменить своего хозяина: эта свобода в такой же мере отличает раба от свободного рабочего, в какой английский матрос на торговом судне отличается от матроса на военном судне... Положение рабочего выше положения раба, ибо рабочий *считает* себя *свободным*; и это убеждение, как оно ни ошибочно, имеет немалое влияние на характер населения» (*T. R. Edmonds*. Practical, Moral and Political Economy etc. London, 1828, p. 56—57). «Мотив, который принуж-

Если отношение господства и подчинения возникает вместо рабства, крепостничества, вассальных отношений, патриархальных и т. д. форм подчинения, то происходит только *изменение формы этого отношения.* Форма *становится свободнее,* потому что она имеет вещный характер, формально добровольная, *чисто экономическая.*

[475] Или отношение *господства и подчинения* в процессе производства заступает место прежней *самостоятельности* в процессе производства, как, например, у всех самостоятельных крестьян, фермеров, которые должны были платить лишь ренту продуктами, будь то государству или лендлорду, в сельских домашних побочных промыслах или в *самостоятельных ремеслах.* Здесь, следовательно, налицо потеря прежней *самостоятельности* в процессе производства, и само отношение господства и подчинения есть продукт введения капиталистического способа производства.

Наконец, отношение капиталиста и наемного рабочего может заступить место отношения *цехового мастера,* его *подмастерьев*

дает свободного человека работать, намного сильнее мотива, который движет рабом: свободному человеку приходится выбирать между тяжелым трудом и *голодом (это место проверить),* а рабу — между... и хорошей поркой» (там же, стр. 56). «Различие между положением раба и рабочего при денежной системе весьма незначительно; ...хозяин раба слишком хорошо понимает свои собственные интересы, чтобы ослаблять своих рабов, недодавая им пищи; но хозяин свободного человека дает ему так мало пищи, как только возможно, потому что *несправедливость в отношении рабочего падает не только на одного этого хозяина, но на весь класс хозяев»* (там же).

«В древние времена заставить людей работать сверх того, что необходимо для удовлетворения их собственных потребностей, заставить часть *населения* работать для того, чтобы *содержать остальных бесплатно,* можно было только путем рабства: поэтому рабство было введено повсюду. Рабство было тогда также необходимо для роста производства, как теперь оно было бы пагубно для него. Причина ясна. *Если людей не принуждать к труду, то они будут работать только на самих себя;* и если у них мало потребностей, то будет мало работы. Но когда образуются государства и появляется нужда в праздных людях для защиты государств от насилий их врагов, то во что бы то ни стало необходимо добыть пищу (VII-26) для тех, кто не работает; а так как, по предположению, потребности работников невелики, то необходимо найти способ *увеличения их труда сверх размеров их потребностей.* На достижение этой цели и было рассчитано *рабство.* Рабов заставляли обрабатывать землю, которая кормила как их, так и праздных свободных людей, как это имело место в Спарте; или они занимали все рабские должности, занимаемые в настоящее время свободными людьми; они также использовались, как в Греции и Риме, для снабжения промышленными изделиями тех, чья служба была нужна государству. Здесь, следовательно, применялся *метод насилия, чтобы заставить людей трудиться* над добыванием пищи... Люди тогда принуждались к труду потому, что *были рабами других;* люди теперь принуждаются к труду потому, что они *рабы собственных потребностей»* (*J. Steuart.* [An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy]. Vol. I, Dublin, [1770] p. 38—40).

«В XVI столетии», — говорит тот же *Стюарт,* — «в то время как, с одной стороны, лорды увольняли своих слуг, фермеры», превратившиеся в промышленных капиталистов, «увольняли праздные рты». Из *средства существования* земледелие превратилось в предпринимательство. Следствием было «изъятие... некоторого количества рабочих из мелкого земледелия тем путем, что *вынуждали земледельцев работать интенсивнее,* и *тяжелым трудом на малой площади* достигался *такой же результат, как легким трудом на большом пространстве»* (там же, стр. 105).

и *учеников,* — переход, который частично проделывает при своем возникновении городская мануфактура. *Средневековое цеховое отношение,* которое в аналогичной форме развилось также в узких кругах в Афинах и в Риме и которое имело столь решающе важное значение в Европе, с одной стороны, для образования капиталистов, с другой стороны — для образования свободного рабочего сословия, есть *ограниченная,* еще неадекватная форма отношения капитала и наемного труда. Здесь, с одной стороны, существует отношение покупателя и продавца; выплачивается жалованье, и мастер, подмастерье и ученик противостоят друг другу как свободные лица. Технологическим базисом этого отношения является *ремесленное предприятие,* где более или менее искусное владение *орудием труда* составляет решающий фактор производства, а самостоятельная личная работа и, стало быть, профессиональное развитие работника, требующее более или менее продолжительного времени обучения, определяет результат труда. Мастер здесь, правда, является владельцем условий производства, ремесленных инструментов, сырья (хотя ремесленный инструмент может принадлежать и подмастерью), ему принадлежит и продукт. Постольку он — *капиталист.* Но как капиталист — он не *мастер.* Во-первых, он прежде всего сам *ремесленник,* и предполагается, что он должен быть мастером в своем ремесле. В самом процессе производства он фигурирует ремесленником точно так же, как и его подмастерья, и он посвящает своих учеников в тайны ремесла. Его отношение к своим ученикам совершенно такое же, как отношение профессора к своим студентам. Его отношение к ученикам и подмастерьям, следовательно, не есть отношение капиталиста как такового, а есть отношение *мастера* в данном ремесле, который в качестве такового занимает в корпорации, а поэтому и по отношению к ним, более высокое положение, которое должно покоиться на его собственном *мастерстве* в ремесле. Поэтому его капитал, как по своей *вещественной* форме, так и по *величине* своей *стоимости,* есть еще связанный капитал, который еще отнюдь не обрел свободной формы капитала. Это не *определенное количество овеществленного труда,* не вообще стоимость, могущая принимать и принимающая любым образом ту или иную форму условий труда, смотря по тому, на какую форму живого труда она обменивается для присвоения прибавочного труда. Лишь после того как мастер пройдет предписанные ступени ученика, подмастерья и т. д., сам представит образец своего искусства, он может в *этой определенной* отрасли труда, в своем собственном ремесле, обратить деньги частично в объективные условия

ремесла, частично на куплю подмастерьев и на то, чтобы держать учеников. Лишь в своем собственном ремесле он может превратить свои деньги в капитал, т. е. применять их не только как средство своего собственного труда, но и как средство эксплуатации чужого труда. Его капитал связан с определенной формой *потребительной стоимости* и поэтому не противостоит его рабочим как *капитал*. Методы труда, которые он применяет, основаны не только на опыте, но и на цеховых правилах, — они считаются необходимыми, и таким образом и с этой стороны не меновая стоимость, а потребительная стоимость труда выступает как последняя конечная цель. Не от его свободного выбора зависит то или иное качество труда, а все цеховое производство направлено на обеспечение *определенного качества*. Как метод труда, так и процесс труда не зависят от его воли. *Ограниченная* форма, препятствующая функционированию его имущества в качестве *капитала*, обнаруживается далее в том, что на деле *максимум* для величины стоимости его капитала предопределен. Он не имеет права держать больше *известного числа подмастерьев*, так как цех должен обеспечить всем мастерам определенную долю прибыли от их ремесла. Наконец, отношение мастера к другим мастерам как членам того же цеха; как таковой, он принадлежал к корпорации, имевшей известные совместные условия производства (цеховая касса и т. д.), политические права, участие в городском управлении и т. д. Он работал на заказ — за исключением его работы на купцов — для создания непосредственной потребительной стоимости, и соответственно этому определялось правилами и число мастеров. Он не противостоит своим рабочим как *простой* купец. Еще в меньшей степени может купец превращать свои деньги в производительный капитал; он может лишь «перемещать» [verlegen] товары, но сам не может их производить. *Соответствующее его положению существование*, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое, — выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда. Здесь решающим является *инструмент*. Сырье здесь во многих отраслях труда (например, в портняжном деле) доставляется мастеру самими заказчиками. Ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон. Производство, следовательно, отнюдь не регулируется границами самого капитала. В капиталистическом отношении ограничения исчезают вместе с социально-политическими путами, в которых здесь еще движется капитал и который поэтому здесь еще не выступает как *капитал*.

[476] Чисто формальное превращение ремесленного предприятия в капиталистическое, где, следовательно, первоначально

технологический процесс остается неизменным, состоит в *отпадении всех этих ограничений,* вследствие чего изменяется также отношение господства и подчинения. Мастер теперь уже не потому капиталист, что он мастер, а наоборот, потому мастер, что он капиталист. Граница его производства теперь не обусловлена границей его капитала. Капитал (деньги) может любым образом обмениваться на *всякого рода* труд и, стало быть, на всякого рода условия труда. Сам мастер может перестать быть ремесленником. С быстрым расширением торговли и вместе с тем спроса на товары со стороны торговцев, цеховое производство, вышедшее из своих границ, само формально превращается в капиталистическое производство.

По сравнению с самостоятельным ремесленником, работающим на незнакомых заказчиков, здесь, естественно, увеличивается непрерывность [труда] рабочего, работающего на капиталиста; и границей труда рабочего является не случайная потребность отдельных заказчиков, а лишь потребность применяемого им капитала эксплуатировать рабочего. По сравнению с трудом раба этот труд производительнее, ибо он интенсивнее, так как раб работает лишь побуждаемый внешним страхом, а не ради *своего существования,* которое ему не принадлежит, но тем не менее ему *гарантировано;* свободного рабочего, наоборот, побуждают его потребности. Сознание (или, вернее, *иллюзия*) свободного самоопределения, свободы, и связанное с этим чувство (сознание) *ответственности* делает свободного рабочего намного лучшим работником, чем раб; рабочий, подобно каждому продавцу товаров, ответствен за товар, который он поставляет, и его товар должен обладать определенным качеством, иначе он будет вытеснен с рынка другими продавцами товаров того же рода. *Непрерывность отношения* раба и рабовладельца есть отношение, в котором раба удерживает прямое принуждение. Наоборот, свободный рабочий сам должен сохранять отношение с капиталистом, так как его существование и существование его семьи зависит от постоянного возобновления продажи капиталисту своей рабочей силы.

У раба *минимум заработной платы* выступает как независимая от его собственного труда, постоянная величина. У свободного рабочего *стоимость его рабочей силы* и соответствующая ей *средняя заработная плата* представляются не в таких предопределенных границах, не зависимых от его собственного труда, определяемых только его физическими потребностями. Здесь *средняя* для всего *класса* более или менее *постоянна,* подобно стоимости всех товаров; но она не существует в такой

непосредственной реальности для *отдельного* рабочего, заработная плата которого может быть выше или ниже этого минимума. *Цена труда* то падает ниже, то подымается выше *стоимости рабочей силы*. Большая арена (в узких пределах) для *индивидуальности* рабочего; отсюда различие заработной платы частью в *различных отраслях труда*, частью в *одной и той же* отрасли труда, в зависимости от работоспособности, искусности, силы и т. д. рабочего; и это различие отчасти определяется именно мерой его собственной, личной выработки. Таким образом изменяющаяся величина заработной платы представляется результатом его собственного труда и индивидуального качества этого труда. В развитом виде это имеет место при *сдельной оплате труда*. Хотя последняя, как показано, ничего не изменяет в общем отношении между капиталом и трудом, между прибавочным трудом и необходимым трудом, но здесь это отношение выражается для отдельного рабочего различным образом, а именно соразмерно с его личной выработкой. У раба особая сила или искусность могут увеличить *продажную цену* его личности, но от этого ему нет никакого проку. Иначе обстоит дело со свободным рабочим, который является собственником своей *рабочей силы*.

[477] Более высокая стоимость рабочей силы должна быть уплачена ему самому и выражается она в более высокой заработной плате. Здесь, таким образом, больше имеют место различия в заработной плате, смотря по тому, требует ли особая работа более развитой рабочей силы, требующей больших издержек производства, или нет; этим, с одной стороны, открывается простор для индивидуальных различий, а с другой стороны, дается стимул развитию собственно рабочей силы. Хотя и несомненно, что совокупный труд состоит из более или менее необученного труда, а поэтому и сумма заработной платы определяется *стоимостью простой рабочей силы*, тем не менее отдельные индивиды могут благодаря особой энергии, таланту и т. д. подняться в более высокие сферы труда, совершенно так же, как существует абстрактная возможность того, что тот или иной рабочий сам станет капиталистом и эксплуататором чужого труда. Раб принадлежит определенному *хозяину*; рабочий вынужден продавать себя капиталу, но не какому-то определенному капиталисту; в пределах определенной сферы он может выбирать, кому он должен продаться, и следовательно, он может менять своих хозяев. Все эти изменившиеся отношения делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря уже о том, что они делают его самого

способным к совершенно другой исторической акции. Раб получает необходимые для его содержания жизненные средства в *натуральной форме,* которая является фиксированной как по характеру, так и по объему, — в *потребительных стоимостях.* Свободный рабочий получает их в форме *денег, меновой стоимости,* в абстрактной социальной форме богатства. Хотя заработная плата есть на деле не что иное, как *серебряная* или *золотая* или *медная* или *бумажная* форма необходимых жизненных средств, в которые она постоянно должна обращаться, — *деньги* здесь функционируют как лишь мимолетная форма меновой стоимости, как простое *средство обращения,* — тем не менее целью и результатом его труда остается *абстрактное богатство, меновая стоимость,* а не определенная, традиционно и локально ограниченная потребительная стоимость. Рабочий сам превращает деньги в те или иные потребительные стоимости, покупает на них угодные ему товары, и *как владелец* денег, как покупатель товаров он находится в совершенно таком же отношении к продавцам товаров, как все другие покупатели. Условия его существования, равно как и величина стоимости заработанных им денег, вынуждают его, естественно, тратить их на довольно ограниченный круг жизненных средств. Однако здесь возможны некоторые вариации, — так, например, газеты входят в необходимые жизненные средства английского городского рабочего. Он может немного сберегать, копить. Он может также транжирить свою заработную плату на водку и т. д. Но он поступает таким образом как свободный человек, ему самому приходится расплачиваться за это; он отвечает перед самим собой за то, каким образом он тратит свою заработную плату. *Он учится владеть самим собой в противоположность рабу,* которому нужен хозяин. Правда, это верно лишь в том случае, когда рассматривается превращение крепостного или раба в свободного наемного рабочего. Капиталистическое отношение представляется здесь подъемом на более высокую социальную ступень. Обратное имеет место там, где самостоятельный крестьянин или ремесленник превращается в наемного рабочего. Как велико различие между «гордыми йоменами Англии», о которых говорит Шекспир [28], и английскими поденными земледельческими рабочими! Так как цель труда наемного рабочего — только заработная плата, деньги, определенное количество меновой стоимости, в котором стирается всякое своеобразие потребительной стоимости, то он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому роду своей деятельности, между тем как эта деятельность при цеховой или кастовой системе считается деятельностью

по призванию, а у раба, как у рабочего скота, она является лишь определенным, навязанным ему и традиционным родом деятельности, осуществления его рабочей силы. Поэтому, поскольку разделение труда не сделало рабочую силу совершенно односторонней, свободный рабочий *принципиально* предрасположен и готов ко всякой перемене своей рабочей силы и своей трудовой деятельности (как это обнаруживается всегда у избыточного сельского населения, которое постоянно переходит в города), если она сулит более высокий заработок. Если сложившийся рабочий более или менее неспособен к этой перемене, то он считает ее всегда открытой для новой смены, и подрастающее поколение рабочих постоянно может распределяться и поступать в распоряжение новых отраслей труда или особо процветающих отраслей труда. В Северной Америке, где наемный труд более чем где-либо свободен от пережитков старого цехового строя и т. д., обнаруживается также особенно и эта *изменчивость,* это совершенное безразличие к определенному содержанию труда, и здесь особенно распространен переход из одной отрасли в другую. Поэтому эта *изменчивость* в противоположность однообразному, традиционному характеру *рабского труда,* который не изменяется соответственно требованиям производства, а наоборот, требует, чтобы производство приспособлялось к однажды введенному и по традиции унаследованному способу труда, подчеркивается всеми писателями Соединенных Штатов, как значительная характеристика свободного наемного труда на Севере по сравнению с рабским трудом на Юге. (Смотри *Кернс*[29].) Постоянное образование *новых видов* труда, это — постоянная перемена, — соответствующее разнообразие потребительных стоимостей, а отсюда и действительное развитие меновой стоимости, — а потому прогрессирующее разделение труда в *обществе в целом* возможно только при капиталистическом способе производства. Эта перемена начинается со свободного ремесленно-цехового производства, когда оно не ограничивается окостенелостью каждой его определенной отрасли.

[478] После этого дополнения относительно *формального подчинения труда капиталу* мы приходим теперь к

Реальному подчинению труда капиталу

Общая характерная черта *формального подчинения* остается, а именно — *прямое подчинение процесса труда капиталу,* каким бы технологическим способом он ни происходил. Однако на этом базисе возникает технологически и в других отношениях

специфический, преобразующий реальную природу процесса труда и *его реальные условия, способ производства — капиталистический способ производства*. Лишь с возникновением последнего возникает *реальное подчинение труда капиталу*.

«*Потребительское земледелие*... сменилось *торговым земледелием*... *улучшение национальной территории*... пропорционально этой *перемене*» (*A. Young*. Political Arithmetic etc. London, 1774, p. 49, примечание).

Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые порождают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной.

С реальным подчинением труда капиталу происходит полная (и постоянно продолжающаяся и повторяющаяся)[a] революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении капиталиста и рабочего.

При реальном подчинении труда капиталу наступают все ранее изложенные нами изменения в самом процессе труда. Развиваются *социальные производительные силы труда*, и вместе с трудом в крупном масштабе развивается применение науки и машин в непосредственном производстве. С одной стороны, *капиталистический способ производства*, который теперь складывается как способ производства sui generis *, создает измененную форму материального производства. С другой стороны, это изменение материальной формы составляет базис для развития капиталистического отношения, адекватная форма которого поэтому соответствует определенной степени развития производительных сил труда.

Мы уже видели, что определенный и постоянно *растущий минимум капитала* в руках отдельного капиталиста есть, с одной стороны, необходимая предпосылка, с другой стороны — постоянный результат *специфически* капиталистического способа производства. Капиталист должен быть собственником или владельцем средств производства в *общественном масштабе*; он должен владеть стоимостью такой величины, которая не идет ни в какое сравнение со стоимостью, необходимой для производства средствами одиночки или одиночки и его семьи. Этот *минимум капитала* в данной отрасли хозяйства тем больше, чем более капиталистически она ведется, чем выше развита в ней общественная производительность труда. В том же объеме капитал должен увеличиваться в стоимости и принимать общественные размеры, следовательно, целиком сбросить *индивидуальный* характер. Именно производительность труда, масса

[a] [*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*]. Манифест Коммунистической партии. [Лондон], 1848, [стр. 5—6. Настоящее издание, т. 4, стр. 426—427].

* — особого рода. *Ред.*

продукции, масса населения, масса избыточного населения, которые развивает этот способ производства, постоянно вызывают к жизни вместе с высвобожденным капиталом и трудом новые отрасли хозяйства, в которых капитал снова может работать в малом масштабе и снова проходить различные стадии развития до тех пор, пока и эти новые отрасли хозяйства не будут вестись в общественном масштабе. Этот процесс носит постоянный характер. В то же время *капиталистическое производство* имеет тенденцию завоевать все *отрасли производства*, которыми оно пока еще до сих пор не [479] овладело, и где еще существует лишь *формальное подчинение*. Овладев земледелием, горнорудной промышленностью, производством основных видов тканей для одежды и т. д., капиталистическое производство охватывает другие сферы, где имеет место пока еще лишь *формальное* подчинение или где еще существуют самостоятельные ремесленники. Уже при рассмотрении машинного производства было замечено, как введение машин в одной отрасли влечет за собой их применение в других отраслях и вместе с тем введение других видов машин в той же отрасли. Например, машинное прядение ведет к машинному ткачеству; машинное прядение в хлопчатобумажной промышленности — к машинному прядению шерсти, льна, шелка и т. д. Широкое применение машин в угольных копях, на хлопчатобумажных фабриках и т. д. сделало необходимым крупное производство в самом машиностроении. Не говоря уже о возросших средствах сообщения, которых требовал этот способ производства в крупном масштабе, с другой стороны, только введение машин в самом машиностроении — особенно первичного двигателя колоссальной мощности — делает возможным введение пароходов и железных дорог, переворот во всем судостроении. Крупная промышленность бросает в неподчиненные ей до этого отрасли такие массы людей или вызывает в них такое относительное избыточное население, какое требовалось для превращения ремесла или мелкого формально-капиталистического предприятия в крупную промышленность. Приводим здесь следующую торийскую иеремиаду:

«В добрые старые времена, когда «живи и жить давай другим» было общим девизом, каждый человек довольствовался одним занятием. В хлопчатобумажном деле были ткачи, хлопкопрядильщики, белильщики, красильщики и различные другие независимые отрасли; все жили на доход от своего собственного дела, и все, как могло бы быть доказано, были довольны и счастливы. Мало-помалу, однако, когда упадок в делах достиг известных размеров, сначала одна отрасль была захвачена капиталистом, потом другая, до тех пор, пока весь народ не был вытеснен и выброшен на рынок труда добывать жизненные средства любым доступным способом.

Таким образом, хотя *никакая хартия* не обеспечивает этим людям права быть хлопкопрядильщиками, ткачами, набойщиками и т. д., однако ход событий дал им монополию на все... Они сделались мастерами на все руки, и поскольку страна увлечена бизнесом, следует опасаться, что они ни в одном деле не являются мастерами» («Public Economy Concentrated» etc. Carlisle, 1833, p. 56).

Материальный результат капиталистического производства, помимо развития *общественных производительных сил труда*, состоит в *повышении массы продукции* и *увеличении количества* и *разнообразия сфер производства* и их ответвлений, и лишь вместе с этим соответственно развивается *меновая стоимость* продуктов, та сфера, в которой они действуют или реализуются как *меновая стоимость*.

«Производство ради производства» — производство как самоцель — появляется, правда, уже вместе с *формальным подчинением труда капиталу*, как только вообще непосредственной целью производства становится производить *возможно бо́льшую и возможно больше прибавочной стоимости*, как только вообще меновая стоимость продукта становится решающей целью. Однако эта *имманентная* капиталистическому отношению тенденция *реализуется адекватным образом* — и сама становится *необходимым условием*, также и *технологически*, — лишь тогда, когда развился *специфически капиталистический способ производства* и вместе с ним *реальное подчинение труда капиталу*.

[480] Этот последний момент уже раньше настолько подробно разбирался по существу, что здесь можно быть совершенно кратким. Это — производство, которое не связывается предопределяющими и предопределенными границами потребностей. (Его противоречивый характер включает *границы производства*, за которые оно постоянно стремится выйти. Отсюда кризисы, перепроизводство и т. д.) Это одна сторона, в отличие от прежнего способа производства; если угодно, положительная сторона. Другая — отрицательная сторона, или противоречивый характер: *производство* в противоречии с *производителем*, и не заботящееся о нем. Действительный производитель выступает как простое средство производства, а вещное богатство — как самоцель. Отсюда и развитие этого вещного богатства в противоположность человеку и за его счет. *Производительность труда* вообще означает *максимум продукта* при *минимуме труда*, отсюда возможное удешевление товаров. Это становится при капиталистическом способе производства *законом*, независимо от воли отдельных капиталистов. И этот закон осуществляется, лишь включая в себя другой, согласно которому масштаб производства определяется не данными потребностями, а,

наоборот, количество продуктов определяется предписываемым самим способом производства и постоянно растущим масштабом производства. Цель производства в том, чтобы отдельный продукт и т. д. содержал возможно *больше неоплаченного труда*, и это достигается только *производством ради производства*. Это выступает, *с одной стороны*, как закон, поскольку капиталист, производящий в слишком малом масштабе, воплощал бы в продуктах большее, чем общественно необходимое, количество труда. Это выступает, следовательно, как адекватное осуществление *закона стоимости*, который вполне развивается лишь на основе капиталистического способа производства. Но, *с другой стороны*, это выступает как побуждение отдельного капиталиста, который, чтобы сломить этот закон или *перехитрить* его к своей собственной выгоде, старается понизить *индивидуальную стоимость* своего товара *ниже* ее общественно-определенной стоимости.

Всем этим формам производства (относительной прибавочной стоимости), помимо *растущего минимума капитала, необходимого для производства*, присуще то общее, что общие условия труда многих непосредственно кооперируемых рабочих, как таковые, обеспечивают *экономию*, в противоположность раздроблению этих условий при производстве в малом масштабе, ибо действенность *этих общих условий производства* не требует пропорционального роста их массы и их *стоимости*. Их *общее, одновременное употребление* понижает их *относительную* (по отношению к продукту) стоимость, как бы сильно ни росла абсолютная масса их стоимости.

Производительный и непроизводительный труд

Здесь мы вкратце коснемся этого, прежде чем продолжим рассмотрение *изменившегося образа капитала*, как результата капиталистического способа производства.

Так как непосредственная цель и *собственно продукт* капиталистического производства есть *прибавочная стоимость*, то лишь тот *труд производителен*, который производит непосредственно *прибавочную стоимость*, и лишь тот обладатель рабочей силы [Ausüber von Arbeitsvermögen] есть *производительный рабочий*, который непосредственно *производит прибавочную стоимость*; следовательно, это — лишь тот труд, который *потребляется* в процессе производства непосредственно для увеличения стоимости капитала.

С точки зрения просто *процесса труда* вообще нам представлялся *производительным* тот труд, который реализуется

в *продукте,* точнее — в *товаре.* С точки зрения капиталистического процесса производства здесь применимо более конкретное определение, а именно, что производителен тот труд, который непосредственно увеличивает стоимость капитала, или производит прибавочную стоимость, который, следовательно, без эквивалента для рабочего, для исполнителя *реализуется* в прибавочной стоимости, выраженной в прибавочном продукте, т. е. в *избыточном приращении товаров* для того, кто монополизировал средства труда, для *капиталиста;* производителен лишь тот труд, благодаря которому обеспечивается рост переменного капитала, а потому и совокупного капитала $K+\Delta K=$ $=K+\Delta v$. Следовательно, это — труд, который служит капиталу непосредственно *фактором* его *самовозрастания,* средством производства прибавочной стоимости.

Капиталистический процесс труда не снимает всеобщих определений процесса труда. Он производит продукт и товар. Поэтому производительным остается тот труд, который овеществляется в *товарах* как единстве потребительной стоимости и меновой стоимости. Но процесс труда есть лишь средство для процесса увеличения стоимости капитала. Следовательно, производителен тот труд, который представлен в *товарах.* Если рассматривать отдельный товар, то производителен только тот труд, который в соответствующей доле товара представляет *неоплаченный* труд, или, если рассматривать совокупный продукт, производителен только труд, который в соответствующей доле *совокупной товарной массы* представляет неоплаченный труд, т. е. представляет *продукт,* который ничего не стоит капиталистам.

Тот *рабочий производителен,* который выполняет производительный труд, и тот труд производителен, который непосредственно создает *прибавочную стоимость,* т. е. *увеличивает стоимость* капитала.

[481] Только буржуазная ограниченность, которая считает капиталистическую форму производства абсолютной его формой, а потому единственной естественной формой производства, может смешивать вопрос о том, что́ такое *производительный труд* и *производительный рабочий* с точки зрения капитала, с вопросом о том, что́ такое вообще *производительный* труд, и поэтому удовлетворяться тавтологическим ответом, что производителен всякий труд, который вообще производит, дает продукт или какую-либо потребительную стоимость, или вообще результат.

Лишь тот рабочий производителен, процесс труда которого равен *производительному процессу потребления* рабочей

силы — носителя этого труда — капиталом или капиталистом.

Отсюда сразу же вытекают два следствия:

Во-первых, так как с развитием *реального подчинения труда капиталу* или *специфически капиталистического способа производства* не отдельный рабочий, а все более и более *общественно комбинированная рабочая сила* становится *действительным исполнителем* совокупного процесса труда, и различные рабочие силы, которые объединяются и образуют совокупную производительную машину, весьма различным образом участвуют в непосредственном процессе создания товаров, или, здесь лучше сказать, продуктов, — один больше работает руками, другой больше головой, один как управляющий, инженер, технолог и т. д., другой как надсмотрщик, третий непосредственно как рабочий физического труда или даже как простой подручный, — то все большее количество *функций рабочей силы* входит в непосредственное понятие производительного труда, а их носители все больше относятся к категории *производительных рабочих,* непосредственно эксплуатируемых капиталом и *подчиненных* его процессу увеличения стоимости и процессу производства вообще. Если рассматривать *совокупного рабочего,* из которого состоит цех, то его *комбинированная деятельность* воплощается непосредственно в *совокупном продукте,* который вместе с тем есть *совокупная масса товаров,* причем совершенно безразлично, находится ли функция отдельного рабочего, который является только одним из звеньев этого совокупного рабочего, дальше или ближе к непосредственному ручному труду. Но далее: деятельность этой совокупной рабочей силы есть ее *непосредственное производительное потребление капиталом,* т. е., следовательно, есть процесс самовозрастания капитала, непосредственное производство прибавочной стоимости, и поэтому — более подробно это будет показано позже — *непосредственное превращение прибавочной стоимости в капитал.*

Во-вторых, более конкретные определения производительного труда сами собой вытекают из данных характерных признаков капиталистического процесса производства. *Во-первых,* владелец рабочей силы противостоит капиталу или капиталисту как ее *продавец,* в иррациональном выражении, как мы видели, как прямой продавец *живого труда, а не товара.* Он есть *наемный рабочий.* Это — *первая предпосылка.* А во-вторых, пройдя этот вводный, предварительный процесс, принадлежащий сфере обращения, рабочая сила и труд рабочего, как *живой фактор,* приобщаются непосредственно к процессу производства капитала, сами становятся одной из его *составных частей,* а именно

изменяющейся, которая не только частью сохраняет, частью воспроизводит авансированные капитальные стоимости, но вместе с тем *увеличивает* их и, создавая прибавочную стоимость, превращает их в возрастающую стоимость, в капитал. Этот труд *овеществляется* непосредственно во время процесса производства в качестве *текучей величины стоимости.*

Первое условие может *иметь место, когда не имеет места второе.* Рабочий может быть *наемным рабочим,* поденщиком и т. д. Это имеет место каждый раз, когда отсутствует второй момент. Всякий производительный рабочий есть наемный рабочий, но отсюда не следует, что всякий наемный рабочий — производительный рабочий. Когда труд покупается, чтобы быть потребленным как *потребительная стоимость,* как *услуга,* — а не для того, чтобы в качестве живого фактора занять место стоимости переменного капитала и приобщиться к капиталистическому процессу производства, — то в этом случае труд не есть производительный труд, а наемный рабочий не есть производительный рабочий. Его труд в этом случае потребляется из-за его *потребительной стоимости,* а не как *создающий меновую стоимость,* он *непроизводителен,* он потребляется непроизводительно. Капиталист, стало быть, противостоит ему не как капиталист, не как представитель капитала. Он обменивает на труд свои деньги как *доход,* а не как *капитал.* Это потребление конституирует не *Д — Т — Д'*, а *Т — Д — Т* (последнее — труд, или сама услуга). Деньги здесь функционируют лишь как средство обращения, а не как капитал.

[482] Подобно тому как *товары,* которые капиталист покупает для своего личного потребления, не потребляются производительно, не становятся *факторами капитала,* точно так же не становятся ими и *услуги,* которые он покупает для своего потребления добровольно или по принуждению (у государства и т. д.) из-за их *потребительной стоимости.* Эти услуги не становятся фактором капитала. Они поэтому не есть производительные виды труда, а их носители не есть *производительные рабочие.*

Чем больше развивается производство вообще как производство товаров, тем более каждый должен и хочет стать *продавцом товаров,* делать деньги, будь то из своего продукта, или из своих *услуг,* если его продукт в соответствии с его естественными свойствами существует только в форме услуги; и это *делание денег* выступает как конечная цель всякого вида деятельности. (Смотри: *Аристотель*)[a]. При капиталистическом

---

[a] *Aristoteles.* [De republica, edit. Bekker, кн. I, гл. 8, 9, в разных местах][30],

производстве становится абсолютным [правилом], с одной стороны, производство продуктов как товаров, с другой стороны, форма труда как *наемного труда*. Масса функций и родов деятельности, которые были окружены ореолом святости, считались самоцелью, выполнялись даром или оплачивались окольными путями (как все специалисты, врачи, адвокаты и т. д. в Англии, где адвокат и врач не могли или не могут предъявлять иск относительно оплаты), превращаются, с одной стороны, непосредственно в *наемных рабочих*, как бы различно ни было содержание и оплата этих функций [b)]. С другой стороны, они подпадают — их оценка, *цена* этой различной деятельности от проститутки до короля — *под те же законы, которые* определяют *цену наемного труда*. Подробное рассмотрение этого последнего пункта относится не сюда, а к специальному разделу о наемном труде и заработной плате. Тот факт, что с развитием капиталистического производства все *услуги* превращаются в *наемный труд*, а все люди, оказывающие их, превращаются в *наемных рабочих*, следовательно, имеют этот общий с производительными рабочими *характер*, тем более дает повод к смешению тех и других, что это есть факт, характеризующий *капиталистическое производство* и созданный им самим. С другой стороны, оно дает апологетам повод превращать производительного рабочего — на том основании, что он наемный рабочий, — в рабочего, который обменивает на *деньги* только свои *услуги* (т. е. свой труд как потребительную стоимость). Таким путем счастливо обходят differentia specifica * этого «производительного рабочего» и капиталистического производства как производства прибавочной стоимости, как процесса самовозрастания капитала, к которому лишь живой труд присоединяется как исполнитель. Солдат — наемный рабочий, наемник, но из этого не следует, что он производительный рабочий.

Дальнейшее заблуждение вытекает из двух источников. *Во-первых:* в рамках капиталистического производства товаропроизводящие работы всегда частично выполняются способом, присущим *более ранним способам производства*, где, следовательно, фактически еще не существует *отношение капитала и наемного труда* и поэтому совершенно неприменима соответствующая капиталистической точке зрения категория *производительного* и непроизводительного труда. Но соответствующие господствующему способу производства отношения, в действительности ему еще не подчиненные, подчиняются ему идеально.

b) [*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*]. Манифест Коммунистической партии. [Лондон, 1848, стр. 5. Настоящее издание, т. 4, стр. 427].

* — специфическое отличие. *Ред.*

Например, самостоятельный работник выступает как его же собственный наемный рабочий, его собственные средства производства в представлении противостоят ему как капитал. Как капиталист для самого себя, он применяет самого себя в качестве наемного рабочего. Такого рода аномалии представляют желанный материал для разглагольствований о производительном и непроизводительном труде.

[483] *Во-вторых:* некоторые *непроизводительные работы* могут быть случайно связаны с процессом производства, а их цена может даже входить в цену товара, стало быть, израсходованные на них деньги могут в известной степени составлять *часть авансированного капитала* и, таким образом, этот труд может выступать как труд, который обменивается не на *доход,* а прямо на *капитал.*

Возьмем сейчас последний случай, *налоги,* цену за правительственные услуги и т. д. Это относится к *faux frais de production* *, это — собственно *случайная* для капиталистического процесса производства и никоим образом не *обусловленная* им, необходимая, имманентная ему форма. Если, например, все *косвенные* налоги превратить в *прямые,* то налоги по-прежнему будут уплачиваться, но они уже будут не авансированием капитала, а расходованием дохода. Возможность этого превращения формы показывает, что она является внешней, безразличной и случайной для капиталистического процесса производства. Наоборот, с превращением формы производительного труда не стало бы дохода от капитала и перестал бы существовать сам капитал.

Далее, например, [судебные] процессы, дела о материальных интересах и т. д. Все это имеет отношение лишь к договорам между товаровладельцами как покупателями и продавцами товаров и не имеет ничего общего с отношением капитала и труда. Функционеры благодаря этому могут стать наемными рабочими капитала, но от этого они не становятся производительными рабочими.

Производительный труд есть лишь сокращенное выражение для всего отношения и того способа, каким рабочая сила и труд фигурируют в капиталистическом процессе производства. Таким образом, если мы говорим о *производительном труде,* то мы говорим об *общественно определенном труде,* о труде, который включает совершенно определенное отношение между покупателем и продавцом труда. Производительный труд обменивается прямо на *деньги как капитал,* т. е. на деньги,

* — *непроизводительным издержкам производства. Ред.*

которые сами по себе суть капитал, имеют назначение функционировать как капитал и противостоят рабочей силе, как капитал. Следовательно, производительный труд есть такой труд, который для рабочего воспроизводит лишь заранее определенную стоимость его рабочей силы, но зато как создающая стоимость деятельность, этот труд увеличивает стоимость капитала и *противопоставляет* созданные им стоимости самому рабочему как капитал. Специфическое отношение между *овеществленным* и *живым трудом* делает первый капиталом, последний — *производительным трудом*.

Специфический продукт капиталистического процесса производства, прибавочная стоимость, создается лишь благодаря обмену на *производительный труд*. Его *специфическую потребительную стоимость* для капитала образует не его определенный полезный характер, так же как и не особые полезные свойства продукта, в котором он овеществляется, а его характер как элемента, создающего меновую стоимость (прибавочную стоимость).

Капиталистический процесс производства есть не просто производство товаров. Это — процесс, который поглощает неоплаченный труд, делает средства производства средствами всасывания неоплаченного труда.

Из предыдущего изложения следует, что быть *производительным трудом* есть назначение труда, которое само по себе абсолютно ничего общего не имеет с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью, или своеобразной потребительной стоимостью, в которой он выражается.

[484] Поэтому труд *одного и того же содержания* может быть производительным и непроизводительным.

Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай», был непроизводительным работником. Наоборот, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является производительным работником. Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действенное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. и таким образом стал продавцом товара. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является производительным работником, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой риск и страх, — непроизводительный работник. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером,

который, чтобы загребать деньги, заставляет ее петь, — производительный работник, ибо она *производит* капитал. Учитель, обучающий других, — непроизводительный работник. Но учитель, который занят в учебном заведении вместе с другими как наемный работник, чтобы своим трудом увеличивать деньги владельца этого заведения, торгующего знаниями, — производительный работник. Тем не менее большинство этих видов труда, если рассматривать их со стороны формы, едва формально подчинены капиталу; они принадлежат к переходным формам.

В целом те работы, которые могут быть потреблены лишь как услуги и не могут быть превращены в отделимые от рабочих и, стало быть, в продукты, существующие вне их как самостоятельные товары, но которые все же могут непосредственно *капиталистически* эксплуатироваться, составляют ничтожную величину по сравнению с массой товаров капиталистического производства. Поэтому их следует оставить совершенно в стороне и рассмотреть лишь при исследовании наемного труда, в разделе о том наемном труде, который не является производительным трудом.

Одна и та же работа (например, садоводство, портняжное дело и т. д.) может быть выполнена одним и тем же рабочим, находящимся на службе или у промышленного капиталиста, или у непосредственного потребителя и т. д. В обоих случаях он наемный рабочий или поденщик, но в первом случае он *производительный*, во втором — *непроизводительный* рабочий, потому что в первом случае он производит капитал, во втором — нет; потому что в первом случае его труд составляет момент процесса самовозрастания капитала, а в другом — нет.

Значительная часть годового продукта, который потребляется как доход и больше не входит вновь в производство как средство производства, состоит из продуктов (потребительных стоимостей), удовлетворяющих самые фатальные, самые низкие прихоти, капризы и т. д. Это содержание совершенно безразлично для определения производительного труда (хотя, конечно, если бы непропорционально большая часть воспроизводилась таким образом, вместо того чтобы снова превращаться в средства производства и жизненные средства, которые вновь входят в воспроизводство будь то товаров или самой рабочей силы, — словом, которые потребляются производительно, — то рост богатства, конечно, был бы приостановлен). Вид производительного труда, который производит эти потребительные стоимости, овеществляется в продуктах, которые предназначаются только для непроизводительного потребления,

не имеют в своей реальности предметов никакой *потребительной стоимости* для процесса воспроизводства. (Они могут ее получить только путем *обмена веществ*, путем обмена на потребительные стоимости, необходимые для воспроизводства; но это — лишь перемещение. Где-нибудь они должны быть потреблены не как воспроизводимые. Иные из этого рода предметов, относящихся к процессу непроизводительного потребления, могут, в случае необходимости, вновь функционировать как капитал. Подробнее об этом — в III главе II книги о процессе воспроизводства. Здесь предварительно хотелось бы сделать только следующее замечание: вульгарная политическая экономия не в состоянии сказать что-либо вразумительное о границах производства предметов роскоши с точки зрения самого капиталистического производства. Но дело оказывается весьма простым, если разобрать как следует моменты процесса воспроизводства. Если процесс воспроизводства тормозится, или, если его рост, поскольку он обусловливается уже естественным ростом народонаселения, задерживается непропорциональным применением такого *производительного труда*, который выражается в предметах, не служащих для воспроизводства, то следовательно, воспроизводится слишком мало необходимых жизненных средств или слишком мало средств производства и т. д., и тогда роскошь достойна осуждения с точки зрения капиталистического производства. В остальном же она есть абсолютная необходимость для способа производства, который производит богатство для тех, которые ничего не производят, когда роскоши, стало быть, неизбежно придаются такие формы, в которых она присваивается лишь теми, кто потребляет богатство.) Для самого рабочего этот производительный труд, как всякий другой, есть лишь средство воспроизводства необходимых ему жизненных средств; для капиталиста же, которому природа потребительной стоимости и характер примененного конкретного труда сами по себе совершенно безразличны, труд — только средство выколачивать деньги, средство производства прибавочной стоимости.

[485] Стремление определять *производительный* и *непроизводительный* труд его *вещественным* содержанием проистекает из трех источников:

1) Свойственное капиталистическому способу производства и вытекающее из его сущности фетишистское представление, согласно которому *экономические* определенности формы — *товар*, *производительный* труд и т. д., — рассматриваются как свойство, присущее вещественным носителям этих определенностей формы или категорий самим по себе.

2) Что, если рассматривать процесс труда как таковой, то только тот труд *производителен*, результатом которого является *продукт* (материальный продукт, ибо здесь речь идет лишь о материальном богатстве).

3) Что в *действительном* процессе воспроизводства, — если рассматривать его *реальные* моменты, — существует большое различие, в отношении образования и т. д. богатства, между трудом, который выражается в предметах, служащих для воспроизводства, и трудом, который выражается лишь в предметах роскоши.

(*Пример*. Покупаю ли я брюки или покупаю ткань и приглашаю на дом портного, которому я плачу за его *услугу* (т. е. за его портняжную работу), для меня совершенно безразлично. Я покупаю брюки у торговца одеждой, потому что так они обходятся дешевле. В обоих случаях я превращаю расходуемые деньги не в капитал, а в потребительную стоимость, которая идет на мое индивидуальное потребление и должна удовлетворить мою индивидуальную потребность. Портной оказывает мне одинаковую *услугу*, работает ли он для меня у портного-капиталиста или у меня на дому. Наоборот, услуга, которую тот же портной, работая у портного-капиталиста, оказывает этому капиталисту, состоит в том, что он работает 12 часов, а плату получает только за 6. Таким образом, услуга, которую портной оказывает капиталисту, состоит в том, что он 6 часов работает даром. Что это происходит в форме производства брюк, только *скрывает* действительную сделку. Поэтому капиталист старается при первой возможности превратить брюки в деньги, т. е. в форму, в которой совершенно исчез определенный характер портняжного труда, и оказанная ему услуга выражается в том, что из одного талера получилось два.

Услуга есть вообще лишь выражение *особой потребительной стоимости* труда, поскольку она полезна не как вещь, а как деятельность. Do ut facias, facio ut facias, facio ut des, do ut des [31] — здесь совершенно безразличные формы одного и того же отношения, между тем как в капиталистическом производстве do ut facias выражает весьма специфическое отношение между вещным богатством и живым трудом. Поэтому, так как в этой *купле услуг* совершенно не содержится специфического отношения между трудом и капиталом, — здесь оно либо полностью изгладилось, либо вовсе отсутствовало, — то она, естественно, для Сэя, Бастиа и всей их компании является излюбленной формой для выражения *отношения между капиталом и трудом*.)

Рабочий также покупает на деньги *услуги*; это есть способ расходования денег, но не способ превращать деньги в капитал.

Ни один человек не покупает врачебных или юридических «услуг» в качестве средства превращения израсходованных этим путем денег в капитал.

Большая часть *услуг,* например услуги кухарки и т. д., относится к издержкам потребления товаров.

Различие между *производительным* и *непроизводительным трудом* состоит лишь в том, обменивается ли труд на *деньги как деньги* или на *деньги как капитал.* Если я, например, покупаю у самостоятельного работника, ремесленника и т. д. его товар, то об этой категории вообще не может быть речи, потому что здесь нет прямого обмена между деньгами и каким-либо видом труда, а есть обмен между *деньгами и товаром.*

[486] (При нематериальном производстве, даже если оно ведется исключительно для обмена, производит товары, возможны два случая:

1) оно имеет своим результатом товары, которые существуют отдельно от производителя, следовательно, могут, в промежуток между производством и потреблением, обращаться как товары, например, книги, картины, все произведения искусства, которые существуют отдельно от художественной деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо лишь в очень ограниченной мере. Эти люди, поскольку они как скульпторы и т. д. не держат подмастерьев и т. д., работают большей частью (если они не самостоятельны) на торговый капитал, например, на книготорговцев; это — отношение, которое само составляет только переходную форму к лишь *формально капиталистическому способу производства.* То обстоятельство, что именно в этих переходных формах имеет место наибольшая эксплуатация труда, нисколько не меняет существа дела;

2) продукт неотделим от производительного акта. И здесь капиталистический способ производства имеет место лишь в ограниченных рамках и по самой природе вещей может иметь место только в некоторых сферах. (Я нуждаюсь во враче, не в его посыльном.) Например, в учебных заведениях учителя могут быть лишь наемными рабочими для предпринимателя фабрики обучения. Но подобные случаи не должны приниматься во внимание при рассмотрении капиталистического производства в целом.)

«Производительный работник — тот, кто непосредственно увеличивает *богатство своего хозяина»* (*T. Malthus.* Principles of Political Economy. 2 nd. ed., London, 1836, [p. 47]) [32].

Различие между *производительным* и *непроизводительным трудом* важно в отношении накопления, так как обмен на

производительный труд есть одно из условий обратного превращения прибавочной стоимости в капитал.

Капиталист, как представитель капитала, находящегося в процессе увеличения своей стоимости, — *производительного капитала*, — выполняет *производительную* функцию, которая именно в том и состоит, чтобы управлять производительным трудом и эксплуатировать его. В противоположность к другим потребителям *прибавочной стоимости*, которые не находятся в таком непосредственном и активном отношении к ее производству, его класс суть par excellence * *производительный класс* [b)]. (Как управляющий процессом труда, капиталист может выполнять *производительный труд* в том смысле, что его труд включен в совокупный процесс труда, который воплощается в продукте.) Пока мы знаем лишь капитал, участвующий в непосредственном процессе производства. Как обстоит дело с другими функциями капитала — и какими средствами он пользуется в рамках этих функций — может быть показано лишь позднее.

Итак, определение *производительного труда* (а следовательно, и *непроизводительного*, как его противоположности) покоится на том, что производство капитала есть производство прибавочной стоимости и что труд, им применяемый, есть труд, производящий прибавочную стоимость.

[487] *Валовой и чистый продукт*

(Может быть, лучше отнести это к книге III, главе III.)

Так как целью капиталистического производства (а потому и *производительного* труда) является не существование производителей, а производство прибавочной стоимости, то весь необходимый труд, который не производит прибавочного труда, излишен и не представляет ценности для капиталистического производства. Это положение имеет силу и по отношению к капиталистической нации в целом. Весь тот *валовой продукт*, который лишь воспроизводит рабочего, но не заключает в себе *чистого продукта* (прибавочного продукта), так же излишен, как и сам производящий его рабочий. Или, если рабочие на известной ступени развития производства были необходимы для производства чистого продукта, то на более развитой ступени производства они становятся уже излишними, в них больше не нуждаются. Иными словами, необходимо только то коли-

---

* — по преимуществу. *Ред.*

b) См. *Ricardo*. [On the Principles of Political Economie, and Taxation. Third edition. London, 1821, p. 243. Русский перевод, том I, стр. 227].

чество людей, которое может принести прибыль капиталу. То же относится и к нации капиталистов.

«С точки зрения реального интереса нации» (как и интереса частного капиталиста, которому безразлично, «доставляет ли его капитал занятие для 100 или для 1 000 человек», если только прибыль на его капитал, равный 20 000, «во всех случаях» «не падает ниже 2 000 ф. ст.»), «если только ее чистый и реальный доход, ее рента и прибыль не изменяется, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или из 12 миллионов жителей? ...Если 5 миллионов человек могут производить столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 миллионов человек, то пища и одежда для 5 миллионов являются чистым доходом. Разве страна получила бы какую-нибудь выгоду от того, что для производства того же самого чистого дохода понадобилось бы 7 миллионов человек, или, иначе говоря, что труд 7 миллионов человек был бы применен для производства пищи и одежды в количестве, достаточном для 12 миллионов? Пища и одежда для 5 миллионов человек по-прежнему будет составлять чистый доход» [33].

Даже филантропия ничего не может возразить против этого положения Рикардо. Ибо во всяком случае лучше, если из 10 миллионов лишь 50 процентов будут прозябать в качестве машин, занятых исключительно производством для других 5 миллионов, чем из 12 миллионов — 7 миллионов или $58^3/_4$ процента.

«Какую пользу имело бы современное государство от целой провинции, земля которой, как бы хорошо она ни обрабатывалась, разделена, по древнеримскому образцу, между мелкими независимыми крестьянами? Какой цели служила бы эта земля, кроме той единственной, что на ней производились бы люди, что само по себе составляет самую бесполезную цель?» (*Arthur Young*. Political Arithmetic etc. London, 1774, p. 47).

То, что целью капиталистического производства является *чистый продукт,* выступающий фактически только в форме *прибавочного продукта,* в котором представлена *прибавочная стоимость,* означает, что капиталистическое производство по самому существу своему есть *производство прибавочной стоимости.*

Это положение находится в противоречии, например, со взглядами, соответствующими старым, более ранним способам производства, согласно которым городские магистраты запрещали, например, изобретения, чтобы не лишать рабочих куска хлеба, ибо рабочий как таковой считался самоцелью, а соответствующий его положению заработок — его привилегией, в сохранении которой был заинтересован весь старый строй. Оно противоречит также воззрению протекционистской системы (в противоположность фритредерству), которая имела национальную окраску и согласно которой следовало охранять от иностранной конкуренции и т. д. национальную промышленность и т. д., являющуюся источником существования для значительной

массы людей. Но оно противоречит также и взгляду А. Смита, по которому, например, вложение капитала в сельское хозяйство «более производительно», так как в нем тот же капитал занимает большее количество людей. Все это для развитого капиталистического способа производства — воззрения устарелые и неверные, ложные. Большой валовой продукт (поскольку речь идет о переменной части капитала) по сравнению с небольшим чистым продуктом равнозначен незначительной производительной силе труда, а стало быть, и капитала.

[488] Однако по традиции с этим различием между валовым и чистым продуктом связаны всякого рода путаные представления. Они исходят отчасти от *физиократов* (см. книгу IV), отчасти от А. Смита, который то тут то там все еще смешивает капиталистическое производство с производством для непосредственных производителей.

Когда отдельный капиталист переводит деньги за границу, где он получает 10% прибыли, в то время как внутри страны он мог бы дать работу какой-то массе избыточного населения, то он с капиталистической точки зрения заслуживает гражданской короны, так как этот добродетельный буржуа выполняет закон, распределяющий капитал, как на мировом рынке, так и в пределах определенного общества, в соответствии с нормой прибыли, которую доставляют отдельные сферы производства, именно таким образом уравнивая их и устанавливая пропорции в производстве. (При этом безразлично, предоставляются ли деньги, например, русскому императору для войн с Турцией и т. д.) Действуя таким образом, отдельный капиталист следует лишь имманентному закону, а следовательно, и морали капитала — производить максимально возможную прибавочную стоимость. Но с рассмотрением непосредственного процесса производства это не имеет ничего общего.

Далее, при этом часто противопоставляют *капиталистическому производству некапиталистическое*, например, потребительское земледелие, в котором заняты рабочие руки, — торговому земледелию, которое доставляет *рынку* гораздо больше продуктов и поэтому позволяет из лиц, которые ранее были заняты в земледелии, выжимать чистый продукт в промышленности. Но эта противоположность не есть определение *внутри* самого капиталистического способа производства.

В общем мы видели, что законом капиталистического производства является увеличение постоянного капитала по отношению к переменному капиталу, увеличение прибавочной стоимости, чистого продукта; во-вторых, увеличение чистого продукта по отношению к той части продукта, которая возмещает

капитал, т. е. возмещает заработную плату. Эти же две вещи смешиваются. Если совокупный продукт называть валовым продуктом [Brutto-Produkt], то при капиталистическом способе производства он возрастает по отношению к чистому продукту [Netto-Produkt]; если же называть чистым продуктом ту часть продукта, которая распадается на заработную плату плюс чистый доход, то чистый продукт возрастает по отношению к валовому продукту. Лишь в земледелии (благодаря превращению пахотной земли в пастбища и т. п.) чистый продукт часто возрастает за счет валового (совокупного продукта) вследствие известных присущих ренте определений, которые здесь не должны рассматриваться.

В остальном же учение о *чистом продукте*, как о конечной и высшей цели производства, есть лишь грубое, но верное выражение того, что *возрастание капитала* и, следовательно, создание прибавочной стоимости, не считаясь с рабочим, есть движущая душа капиталистического производства.

Высшим идеалом капиталистического производства — соответственно относительному росту чистого продукта — является максимально возможное сокращение числа людей, живущих на заработную плату, и максимально возможное увеличение числа людей, живущих за счет чистого продукта.

[489] *Мистификация капитала и т. д.*

Так как живой труд — в процессе производства — уже приобщен к капиталу, то все *общественные производительные силы труда* представляются *производительными силами*, свойствами капитала совершенно так же, как в деньгах — всеобщий характер труда, поскольку он образует стоимость, представляется свойством вещи. Это тем более становится очевидным, когда мы примем во внимание следующие моменты:

1) если труд, как *проявление рабочей силы*, как усилие, принадлежит *отдельному рабочему* (это то, чем он реально платит капиталисту, то, что он ему дает), несмотря на то, что овеществленный в продукте труд принадлежит капиталисту; то *общественная комбинация*, в которой отдельные рабочие функционируют лишь как особые органы совокупной рабочей силы, составляющей мастерскую в целом, *напротив*, не принадлежит рабочим, а противостоит им как *капиталистическая организация*, *навязывается* им;

2) эти *общественные производительные силы* труда или *производительные силы общественного труда* развиваются исторически лишь вместе со специфически-капиталистическим

способом производства, т. е. выступают как нечто имманентное капиталистическому отношению и от него неотделимое;

3) *объективные условия труда* с развитием капиталистического способа производства принимают измененную форму благодаря масштабу, в котором они применяются, и экономии, с которой они применяются (совершенно оставляем в стороне форму машин и т. п.). Они становятся более совершенными как концентрированные средства производства, представляющие *общественное* богатство, и это, собственно, всецело выражается в количестве и эффективности *производственных условий общественно*-комбинированного труда. Оставляя в стороне самое комбинацию труда, этот *общественный характер условий труда,* — к чему, между прочим, относится их форма как машин и основного капитала в любой форме — представляется как нечто совершенно самостоятельное, существующее независимо от рабочего, как *способ существования капитала* и, стало быть, как нечто, устроенное *капиталистами* независимо от рабочих. В еще большей мере, чем *общественный характер* их собственного труда, *общественный характер,* который принимают условия производства в качестве *общих* условий производства комбинированного труда, представляется как *капиталистический* характер, присущий этим условиям производства как таковым независимо от рабочих.

К пункту 3 мы хотим здесь же заметить следующее, что отчасти предвосхищает дальнейшее.

Прибыль, в отличие от прибавочной стоимости, может возрастать благодаря экономному использованию *совместных* условий труда, например, благодаря экономии на зданиях, отоплении, освещении и т. д., что стоимость первичного двигателя [Prime Motor] возрастает не в такой степени, как его мощность; благодаря экономии на цене сырья, использованию отходов, сокращению административных расходов, экономии на складских помещениях при массовом производстве и т. д.; все эти способы *относительного* удешевления постоянного капитала при абсолютном росте его стоимости покоятся на том, что эти средства производства, как средства труда, так и материал труда, применяются *совместно* и это *совместное* применение имеет своей абсолютной предпосылкой *совместную* работу объединенных рабочих, следовательно, есть, в свою очередь, лишь *вещное* выражение *общественного характера труда* и вытекающей из этого *общественной* производительной силы, подобно тому как и особая форма этих условий труда, например машин, такова, что в большинстве случаев они могут применяться не иначе, как при комбинированном труде. По отношению

же к рабочему, который действует в этих условиях, они выступают как *данные, независимые* от него условия, как *форма капитала.* Поэтому, например, и экономия последних (и вытекающий из нее рост прибыли и удешевление товаров) выступает как нечто совершенно отличное от *прибавочного труда* рабочего, как прямое *действие* и *творение* [*Veranstaltung*] *капиталиста,* который здесь вообще функционирует как олицетворение *общественного* характера труда, *мастерской в целом,* как таковой. *Наука,* как всеобщий духовный продукт общественного развития, здесь точно так же выступает прямо приобщенной к капиталу (применение ее в материальном процессе производства, как науки, отделенной от знаний и умения отдельных рабочих), и развитие общества в целом, вследствие того, что оно эксплуатируется капиталом в противоположность труду, действует как производительная сила капитала в противоположность труду, представляется *развитием капитала,* и это тем более, что для огромного большинства это идет в ногу с *опустошением рабочей силы.*

[490] [34] Сам капиталист является властителем лишь в качестве персонификации капитала (поэтому в итальянской бухгалтерии он фигурирует всегда как двойственная фигура, например, как дебитор своего собственного капитала).

Производительность капитала состоит прежде всего, если рассматривать *формальное* подчинение, лишь *в принуждении к прибавочному труду;* принуждение, которое капиталистический способ производства разделяет с прежними способами производства, но осуществляет его в более благоприятной для производства форме.

Даже если рассматривать всего лишь *формальное* отношение, *всеобщую* форму капиталистического производства, которая является общей как для более развитой, так и для менее развитой стадии этого способа производства, то и в этом случае *средства производства, вещественные условия труда* выступают не как подчиненные рабочему; наоборот, рабочий подчинен им. Капитал *применяет* труд. Уже это простое отношение есть персонификация вещей и овеществление лиц.

Это отношение, однако, становится еще более сложным и кажется еще более таинственным вследствие того, что с развитием специфически капиталистического способа производства не только эти вещи — эти продукты труда, и как потребительные стоимости и как меновые стоимости — выступают против рабочего, противостоят ему в качестве *«капитала»,* но вместе с тем общественная форма труда представляется как *форма развития капитала,* и поэтому развившиеся таким образом

производительные силы общественного труда представляются как *производительные силы капитала*. Как такие общественные силы, они по отношению к труду *«капитализированы»*. На деле общественное единство труда в кооперации, комбинация в разделении труда, применение природных сил и науки, продуктов труда как *машин* — все это самостоятельно противостоит отдельным рабочим как нечто *чуждое им самим, вещное, заранее созданное* без их участия, а часто и вопреки ему, как всего лишь форма бытия независимых от них и *господствующих* над ними *средств труда*, поскольку они вещны, а воплощенные в капиталисте или его подручных (представителях) разум и воля мастерской в целом, хотя они созданы собственной комбинацией рабочих, представляются как *функции* капитала, который живет в капиталисте. Общественные формы собственного труда рабочих (субъективно-объективно) или форма их собственного общественного труда представляют собой такие отношения, которые образовались совершенно независимо от рабочих, взятых отдельно друг от друга; рабочие, находясь в подчинении у капитала, становятся элементами этих общественных образований, но принадлежат эти общественные образования не им. Рабочим они противостоят поэтому как *образы*, принимаемые самим капиталом, как такие сочетания, которые в отличие от рабочей силы каждого из этих рабочих в отдельности, составляют принадлежность капитала, возникают из него и включены в его состав. И это принимает все более реальную форму, по мере того как, с одной стороны, сама рабочая сила этих рабочих претерпевает под воздействием указанных форм такие изменения, что она, в своем самостоятельном существовании, т. е. *вне* этой капиталистической связи, становится бессильной, ее самостоятельная способность к производству уничтожается, а с другой стороны, с развитием машинного производства условия труда выступают как силы, господствующие над трудом также и технологически, одновременно с этим заменяя труд, угнетая его, делая его излишним в его самостоятельных формах.

В этом процессе, в котором *общественные* черты труда рабочих противостоят им как нечто, в известном смысле, *капитализированное* (как, например, в машинном производстве осязаемые продукты труда выступают как властители труда), то же самое, естественно, происходит с силами природы и с наукой, этим продуктом всеобщего исторического процесса развития, абстрактно выражающим его квинтэссенцию; силы природы и наука противостоят рабочим как *силы* капитала. Они фактически отделяются от искусства отдельного рабочего и его знания

дела, и хотя они — если их проследить до самого их источника, — представляют собой опять-таки продукты труда, всё же они всюду, где *входят* в процесс труда, выступают как *включенные* в состав капитала. Капиталист, применяющий машину, не обязан понимать ее устройство. (См. Юра [35].) Но *в машине* сама реализованная наука противостоит рабочим в качестве *капитала*. И в самом деле, все эти основанные на *общественном труде* применения науки, сил природы и огромных масс продуктов труда выступают только как *средства эксплуатации* труда, как средства присвоения прибавочного труда, а следовательно, как *силы*, принадлежащие капиталу и противостоящие труду. Капитал, конечно, применяет все эти средства лишь для того, чтобы эксплуатировать труд, но для эксплуатации труда капиталу неизбежно приходится применять эти средства в процессе производства. И таким образом развитие *общественных* производительных сил труда и условия этого развития выступают как такое *деяние капитала*, которое не только совершается помимо воли отдельного рабочего, но и прямо направлено против него.

Сам капитал имеет двойственный характер, так как он состоит из товаров.

1) *Меновая стоимость* (деньги); но это — *самовозрастающая стоимость*, такая стоимость, которая — благодаря тому, что она есть стоимость — создает стоимость, *возрастает* как *стоимость*, получает приращение. Это возрастание стоимости сводится к обмену данного количества овеществленного труда на большее количество живого труда.

2) *Потребительная стоимость*. Здесь капитал проявляется со стороны тех определенных отношений, которые присущи ему в процессе труда. Но именно здесь капитал не остается таким материалом труда и таким средством труда, которым принадлежит просто лишь *труд*, включенный ими в свой состав: вместе с трудом капитал включил в свой состав также и *общественные сочетания* труда и ту ступень развития средств труда, которая соответствует этим его общественным сочетаниям. Капиталистическое производство впервые в крупном масштабе развивает как вещные, так и субъективные условия процесса труда, отрывая их от отдельного самостоятельного работника, но развивает их как такие силы, которые господствуют над *отдельным рабочим* и являются *чуждыми* для него.

Все это делает капитал каким-то весьма таинственным существом.

[491] Условия труда растут как *социальные силы* по отношению к рабочему, и в этой форме они *капитализированы*.

Таким образом капитал *производителен*,

1) как *принуждение к прибавочному труду*. *Труд производителен* именно как создатель [Verrichter] этого прибавочного труда, благодаря разности между стоимостью рабочей силы и стоимостью, получаемой от ее использования;

2) как *персонификация и представитель*, овеществленная форма «общественных производительных сил труда» или производительных сил общественного труда. Каким образом закон капиталистического производства — создание прибавочной стоимости и т. д. — принуждает к этому, уже было показано выше. Закон проявляется как принуждение, которое капиталисты осуществляют по отношению друг к другу и к рабочим, — т. е. фактически как закон капитала по отношению к тем и другим. Общественная природная сила труда развивается не в *процессе увеличения стоимости* как таковом, а в *действительном процессе труда*. Поэтому эта сила представляется как свойства, присущие капиталу как вещи, как его потребительная стоимость. Производительный труд, — как труд, производящий стоимость, — всегда противостоит капиталу как труд *отдельных* рабочих, в какие бы общественные комбинации эти рабочие ни вступали в процессе производства. В то время как капитал представляет таким образом по отношению к рабочим общественную производительную силу труда, производительный труд представляет по отношению к капиталу всегда лишь труд *отдельных* рабочих.

При рассмотрении *процесса накопления* мы видели, каким образом момент, благодаря которому прошлый труд в форме произведенных производительных сил и условий производства увеличивает воспроизводство, как потребительной стоимости, так и меновой стоимости, — увеличивает как массу стоимости, которая *сохраняется* определенным количеством живого труда, так и *массу потребительных стоимостей*, которые он производит заново, — каким образом этот момент выступает как *имманентная капиталу сила*, так как овеществленный труд всегда функционирует по отношению к рабочему капитализированным.

«Капитал есть по преимуществу власть демократическая, филантропическая и эгалитарная» (*F. Bastiat*. Gratuité du crédit etc. Paris, 1850, p. 29).

«Капитал обрабатывает землю, капитал применяет труд» (*A. Smith*. [An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations] Edit. D. Buchanan, [Edinburgh,] 1814, v. III, b. V, ch. II, p. 309 [Русский перевод, стр. 605]).

«Капитал есть... коллективная сила» (*John Wade*. History of the Middle and Working Classes. 3 ed. London, 1835, p. 162). «Капитал означает лишь иное наименование цивилизации» (там же, стр. 164).

«Класс капиталистов, рассматриваемый в целом, находится в нормальном положении в том отношении, что его благосостояние растет вместе с социальным прогрессом» (*Cherbuliez*. Richesse ou pauvreté. [Paris, 1841,] p. 75). «Капиталист — общественный человек по преимуществу; он является представителем цивилизации» (там же, стр. 76).

Плоско:

«*Производительная сила капитала* есть не что иное, как количество реальной производительной силы, которой капиталист может распоряжаться посредством своего капитала» (*J. St. Mill*. Essays on some unsettled questions of Political Economy. London, 1844, p. 91).

«Накопление *капитала, или* средств *для* применения труда... должно во всех случаях зависеть от производительных сил труда» (*Ricardo*. On the Principles [of Political Economy, and Taxation]. Third ed. [London,] 1821, p. 92 [Русский перевод, том I, стр. 89]).

Один комментатор Рикардо замечает по этому поводу:

«*Если производительные силы труда означают незначительные размеры той доли продуктов, которую получают лица, произведшие ее своим трудом*, то это суждение является почти тавтологией» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy». London, 1821, p. 74).

Постоянная подмена [transposition] труда капиталом хорошо выражена в следующих наивных положениях Дестюта де Траси:

«Те, кто живет на прибыли» (промышленные капиталисты), «кормят всех остальных людей», и «только они умножают общественное богатство и создают все наши предметы наслаждений. Это так и есть, *ибо труд есть источник всякого богатства*, и только они одни дают полезное *направление* живому труду, употребляя с пользой накопленный труд» (*Destutt de Tracy*. Élémens d'idéologie. Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826], p. 242).

Так как труд есть источник всякого богатства, то капитал умножает всякое богатство.

«Наши способности — единственное наше первоначальное богатство; наш труд производит все остальное богатство и всякий хорошо направленный труд производителен» (там же, стр. 243).

Наши способности — единственное наше прирожденное богатство. Поэтому рабочая сила не есть богатство. Труд производит все остальные богатства, т. е. он производит богатства для всех, кроме самого себя, и не труд сам есть богатство, а лишь его продукт. Всякий хорошо управляемый труд производителен; это значит, что всякий производительный труд, всякий труд, который приносит прибыль капиталисту, является хорошо управляемым.

Подмена общественных производительных сил труда вещными свойствами капитала настолько укоренилась в представлении, что преимущества машин, применения науки, изобретений и т. д. представляются в этой их *отчужденной* форме как *необходимая* форма и поэтому все это представляется *свойствами*

капитала. Основанием здесь служит: 1) форма, в которой это дело представляется на базисе капиталистического производства, а следовательно, и в сознании людей, опутанных этим способом производства; 2) тот исторический факт, что это развитие впервые, и в отличие от прежних способов производства, имеет место при *капиталистическом* способе производства и поэтому *противоречивый* характер этого развития *представляется* ему имманентным.

3) [КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЕСТЬ ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО СПЕЦИФИЧЕСКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ]

[492] Продукт капиталистического производства есть не только *прибавочная стоимость*, но и *капитал*.

Капитал, как мы видели, есть *Д — Т — Д'*, *самовозрастающая стоимость*, стоимость, которая порождает стоимость.

Прежде всего авансированная денежная сумма или сумма стоимостей, даже после ее превращения в факторы процесса труда: в средства производства — *постоянный* капитал, и в *рабочую силу*, в которую превратился переменный капитал, есть капитал лишь *в себе*, лишь δυνάμει * и *только* таковым она в еще большей степени является до своего превращения в факторы действительного процесса производства. Лишь в действительном процессе производства, благодаря *действительному* присоединению живого труда к вещным формам бытия капитала, лишь благодаря действительному всасыванию добавочного труда, происходит превращение не только *этого труда* в капитал, но происходит превращение авансированной суммы стоимости из возможного капитала, из капитала по назначению — в действующий и действительный капитал. Что произошло в течение процесса в целом? Рабочий продал право распоряжаться его рабочей силой за необходимые ему жизненные средства, за данную стоимость, которая определяется стоимостью его рабочей силы. Итак, каков результат, если рассматривать рабочего? Исключительно лишь воспроизводство его рабочей силы. Что отдал он за это? Деятельность, которая сохраняет, создает и увеличивает стоимость, — свой труд. Таким образом, он выходит из этого процесса — оставляя в стороне износ его рабочей силы — таким же, каким он в него вступил, просто как субъективная рабочая сила, которая должна снова пройти этот же процесс, чтобы сохраниться.

* — потенциально. *Ред.*

Наоборот, капитал выходит из процесса не таким, каким он в него вступил. Лишь *в* нем он превратился в действительный капитал, в самовозрастающую стоимость. Совокупный продукт — вот теперь та форма, в которой он существует как осуществившийся капитал, и в качестве такового он вновь противостоит труду как собственность капиталиста, как самостоятельная, созданная самим трудом сила. Таким образом, процесс производства был не только процессом его воспроизводства, но и процессом его производства как капитала. Прежде условия производства противостояли рабочему как капитал, поскольку он *находил* их *обособившимися* по отношению к нему. Теперь это продукт его собственного труда; он находит этот продукт как превращенные в *капитал* и противостоящие ему условия производства. То, что было предпосылкой, теперь стало результатом процесса производства.

То, что процесс производства создает *капитал*, есть лишь другое выражение того, что он создал *прибавочную стоимость*.

Но на этом дело не останавливается. *Прибавочная стоимость* превращается обратно в добавочный капитал, она служит для образования нового капитала или возросшего капитала. Таким образом *капитал* создал *капитал*, а не только реализовался как капитал. *Процесс накопления* есть лишь имманентный момент капиталистического процесса производства. Он включает в себя все снова и снова *создание наемных рабочих,* средств осуществления и увеличения наличного капитала, то ли путем подчинения ему той части населения, которая — как, например, женщины и дети — до сих пор не была охвачена капиталистическим производством, то ли путем подчинения ему рабочей массы, увеличившейся вследствие естественного прироста населения. При ближайшем рассмотрении оказывается, что капитал *регулирует* это производство самой рабочей силы, производство эксплуатируемой им людской массы сообразно его эксплуататорским потребностям. Следовательно, капитал производит не только капитал, он производит возрастающую массу рабочих, материал, при помощи которого он только и может функционировать как добавочный капитал. Следовательно, не только труд производит в противоположность себе в постоянно расширяющемся масштабе условия труда как *капитал*, но и капитал производит в постоянно расширяющемся масштабе *производительных наемных рабочих,* которые ему необходимы. Труд производит свои условия производства как *капитал,* а капитал производит труд как средство своего осуществления в качестве капитала, как наемный труд. Капиталистическое производство есть не просто воспроизводство этого

отношения, оно есть его воспроизводство в постоянно возрастающем масштабе. В той же мере, в какой вместе с капиталистическим способом производства развивается общественная производительная сила труда, растет противостоящее рабочему накопленное богатство, как *господствующее* над ним *богатство,* как *капитал,* расширяется противостоящий рабочему мир богатства как чуждый ему, господствующий над ним мир. В противоположность этому в той же мере растет нищета, нужда и зависимость рабочего. *Обнищание* рабочего и *обогащение* капиталиста соответствуют друг другу, идут нога в ногу. Вместе с тем увеличивается масса этих живых средств производства капитала, трудящийся пролетариат.

[493] Поэтому *возрастание капитала* и *рост пролетариата* являются связанными между собой, хотя и полярно разделенными *продуктами* одного и того же процесса.

Отношение не только воспроизводится, не только производится во все более массовом масштабе, не только создает себе больше рабочих и постоянно охватывает также ранее ему не подчиненные отрасли производства, но, как показано при изложении специфически капиталистического способа производства, оно воспроизводится при все более благоприятных условиях для одной стороны, для капиталистов, и при все более неблагоприятных условиях для другой стороны, для наемных рабочих.

С точки зрения непрерывности процесса производства заработная плата есть только *часть* постоянно производимого рабочим продукта, которая обращается в жизненные средства и таким образом в средства сохранения и увеличения рабочей силы, необходимой капиталу для его самовозрастания, для его жизненного процесса. Таким образом, это сохранение и увеличение рабочей силы, как результат процесса, выступает в свою очередь лишь как воспроизводство и расширение принадлежащих ему условий воспроизводства и условий накопления. (См. янки.)

Вместе с этим исчезает также *видимость,* которой обладало это отношение на поверхности, а именно, что на товарном рынке в обращении противостоят друг другу равноправные *товаровладельцы,* которые подобно всем другим *товаровладельцам* отличаются друг от друга только вещественным содержанием их товаров, особенной потребительной стоимостью товаров, которые они продают друг другу. Или эта *первоначальная* форма отношения остается только как *видимость* лежащего в ее основе *капиталистического* отношения.

Здесь необходимо различать два момента, которыми *воспроизводство самого отношения* во все расширяющемся масштабе

как *результат процесса капиталистического производства* отличается от первой формы; с одной стороны, как оно выступает *исторически,* а с другой стороны, как оно постоянно все вновь представляется на поверхности развитого капиталистического общества.

1) *Во-первых, по отношению к предварительному процессу,* который происходит в рамках процесса обращения, *купле и продаже рабочей силы.*

Капиталистический процесс производства есть не только *превращение* в капитал стоимости или товара, который капиталист частично выносит на рынок, частично в процессе труда удерживает у себя; эти *превращенные* в капитал продукты не есть *его* продукты, а продукты рабочего. Капиталист постоянно продает рабочему за его труд часть его продукта — необходимые жизненные средства — для сохранения и умножения рабочей силы, самого *покупателя,* и постоянно предоставляет ему в долг другую часть его продукта, объективные условия труда, как средства самовозрастания капитала, как *капитал.* В то время как рабочий воспроизводит таким образом свои продукты как *капитал,* капиталист воспроизводит рабочего как *наемного рабочего* и поэтому как продавца своего труда. Отношение простых продавцов товаров включает в себя то, что они обменивают *свой* собственный *труд,* воплощенный в различных потребительных стоимостях. Купля и продажа рабочей силы как постоянный *результат* капиталистического процесса производства включает в себя то, что рабочий должен постоянно *покупать обратно* часть своего собственного продукта за свой живой труд. Таким образом *исчезает иллюзия* простого *отношения товаровладельцев.* Эта постоянная купля и продажа рабочей силы и постоянное противопоставление произведенного самим рабочим товара как *покупателя* его рабочей силы и как постоянного капитала выступает лишь как *опосредствующая форма* его подчинения капиталу, как живой труд, который служит простым средством сохранения и умножения *овеществленного* труда, приобретшего самостоятельность по отношению к живому труду. Это увековечение отношения между капиталистом как покупателем и рабочим как продавцом труда есть имманентная этому способу производства *форма* опосредствования, но это есть форма, которая лишь по *форме* отличается от других более прямых форм порабощения труда и *собственности на труд* со стороны владельцев условий производства. Она *скрывает,* будучи простым *денежным отношением,* действительную сделку и беспрерывную зависимость, которая постоянно возобновляется вследствие этого опосредствования

купли и продажи. Постоянно воспроизводятся не только условия этой *сделки;* но результатом [494] процесса является то, на что один покупает и чтó другой должен продавать. Постоянное возобновление этого отношения *купли и продажи* опосредствует лишь постоянный характер специфического отношения зависимости и придает ему обманчивую *видимость* сделки, договора между равноправными и одинаково свободно противостоящими друг другу *товаровладельцами.* Это *предварительное* отношение само выступает теперь как имманентный момент создаваемого в капиталистическом производстве господства овеществленного труда над живым.

Следовательно, ошибаются:

как те, которые рассматривают наемный труд, продажу труда капиталу, и тем самым форму *наемного труда* как *несущественную* для капиталистического производства; она есть *существенная* и постоянно вновь воспроизводимая самим капиталистическим производственным отношением *форма* его опосредствования;

так и те, которые в этом поверхностном отношении, в этой *существенной формальности,* в *видимости* капиталистического отношения находят самую его *сущность* и пытаются поэтому характеризовать это отношение подчинением рабочих и капиталистов всеобщему взаимоотношению *товаровладельцев* и тем самым апологизируют это отношение, стирают его differentia specifica *.

2) Для того чтобы капиталистическое отношение вообще возникло, необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в капиталистическое отношение. Но они должны быть развиты лишь настолько, чтобы имело место формальное подчинение труда капиталу. На базисе же этого изменившегося отношения развивается специфически измененный способ производства, который, с одной стороны, создает новые материальные производительные силы, с другой стороны, сам развивается лишь на их основе и тем самым на деле создает себе новые реальные условия. Вместе с тем наступает полная экономическая революция, которая, с одной стороны, впервые создает реальные условия для господства капитала над трудом, завершает, придает ему соответствующую форму, а с дру-

* — специфическое отличие. *Ред.*

гой стороны, в развитых ею противостоящих рабочему производительных силах труда, в условиях производства и сообщения создает реальные условия нового способа производства, снимающего противоречивую форму капиталистического способа производства, создает, таким образом, материальный базис по-новому устроенного общественного процесса жизни и тем самым — новой общественной формации.

Это понимание существенно отличается от воззрений находящихся в плену капиталистических представлений буржуазных экономистов, которые, правда, видят, как осуществляется производство *в рамках* капиталистического отношения, но не видят, как создается само это *отношение* и как вместе с тем в нем создаются материальные условия его разложения и тем самым упраздняется его *историческое правомочие* как *необходимой формы* экономического развития, производства общественного богатства.

Напротив, мы показали не только, каким образом капитал производит, но и каким образом он сам производится и как он выходит из производственного процесса существенно изменившимся по сравнению с тем, каким он в него вступил. С одной стороны, он преобразует способ производства; с другой стороны, этот измененный характер способа производства и особая ступень развития материальных производительных сил образуют основу и условие, предпосылку его собственного образования.

[495] *Результат непосредственного процесса производства*

Не только вещные условия процесса производства выступают как его результат, но также и их *специфически общественный* характер; производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом процесса общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами *производственные отношения* [36].

[ОТДЕЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ДРУГИХ ГЛАВ РУКОПИСИ I ТОМА «КАПИТАЛА»] [37]

[24] (временное распоряжение) его рабочей силой. Как только его труд действительно начинается, он уже перестает ему принадлежать, следовательно, не может более им *продаваться* [38].

Своеобразная природа этого специфического товара, рабочей силы, обусловливает то, что лишь с заключением контракта

между покупателем и продавцом проданный товар действительно переходит как потребительная стоимость в руки покупателя. Меновая стоимость этого товара, как и всякого товара, определена до того, как он вступает в обращение, так как он продается как способность, как сила, и требовалось определенное рабочее время, чтобы произвести эту способность, эту силу. Таким образом меновая стоимость этого товара существует до его продажи, а его потребительная стоимость заключается лишь в последующем проявлении силы. Поэтому отчуждение силы и ее действительное проявление, т. е. ее бытие, как потребительной стоимости, не совпадают по времени. Дело обстоит так же, как с домом, пользование которым продано мне на один месяц. Потребительная стоимость отдана мне лишь после того, как *я* прожил месяц в этом доме. Точно так же потребительная стоимость рабочей силы отдана мне лишь после того, как я использовал ее, действительно заставил ее поработать на меня. Но в отношении таких потребительных стоимостей, когда формальное отчуждение товаров путем продажи и действительная передача ее потребительной стоимости покупателю не совпадают по времени, деньги покупателя, как мы видели раньше, выступают большей частью как *платежное средство*. Рабочая сила *продается* на день, на неделю и т. д., но она *оплачивается* лишь после потребления ее в течение дня, недели и т. д. Во всех странах с развитыми капиталистическими отношениями рабочая сила оплачивается лишь после того, как она уже функционировала. Следовательно, рабочий везде *авансирует* капиталисту потребление своего товара, предоставляет его покупателю для потребления, отдает его в кредит, прежде чем он получает оплату меновой стоимости этого товара. Во времена кризисов и даже при единичных банкротствах обнаруживается, что это постоянное кредитование капиталистов рабочими, которое вытекает из особого характера продаваемой потребительной стоимости, вовсе не пустой вымысел [52]).

---

[52]) «Рабочий... *ссужает* свою производительную силу» (*Storch.* Cours d'Économie Politique. Pétersbourg, 1815, t. II, p. 36), но, добавляет *Шторх* лукаво, он «*не рискует ничем*», кроме «*потери своего заработка*... так как рабочий не вносит в производство *ничего материального*» (там же, стр. 37).

«Всякий труд оплачивается лишь по его окончании» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand» etc. London, 1821, p. 104). Другие практические выводы, вытекающие из этого определяемого, впрочем, самой природой отношения способа оплаты, не входят в рамки нашего исследования. Однако уместно привести один пример. В Лондоне существуют двоякого рода булочники: «full priced», продающие хлеб по его *полной стоимости*, и «*undersellers*», продающие его *ниже* стоимости. Последняя категория булочников составляет около $^3/_4$ общего их числа (стр. XXXII в «Report» правительственного комиссара *Х. С. Трименхира* относительно «Grievances complained of by the Journeymen Bakers» etc. London, 1862). Эти «undersellers» продают почти исключительно хлеб с примесями квасцов, мыла, поташа,

Между тем сам характер товарообмена нисколько не изменяется от того, функционируют ли деньги в качестве покупательного средства или в качестве платежного средства. Цена рабочей силы устанавливается контрактом при покупке, хотя она реализуется лишь позднее. Эта форма оплаты также мало что изменяет в том, что это определение цены относится к *стоимости рабочей силы,* а не к *стоимости продукта* и не к *стоимости труда,* который как таковой вообще не является товаром.

Меновая стоимость рабочей силы, как было показано, оплачивается, если оплачивается цена жизненных средств, которые обычно необходимы при данном состоянии общества для того, чтобы рабочий мог вообще применять свою рабочую силу с надлежащей степенью силы, здоровья, жизнеспособности и чтобы он себя увековечивал, создавая себе заместителей [53)].

извести, дербиширской каменной муки и другими столь же приятными питательными и здоровыми ингредиентами (см. цитированную выше Синюю книгу, а также отчет «Committee of 1855 on the Adulteration of Food» и сочинение доктора Хасселла «Adulterations Detected», 2-nd edition. London, 1861). *Сэр Джон Гордон* заявил в своих показаниях перед комитетом 1855 г., что «вследствие такой фальсификации бедняк, дневное пропитание которого составляют два фунта хлеба, в действительности не получает теперь и четвертой части питательных веществ, содержащихся в таком же количестве нефальсифицированного хлеба, не говоря уже о вредности примесей для его здоровья». На вопрос, почему же «значительная часть рабочего класса», будучи прекрасно осведомлена относительно этой фальсификации, все же покупает квасцы, каменную муку и т. д., Трименхир (вышеупомянутый «Report», стр. XLVIII) отвечает, что рабочие «вынуждены брать у своего пекаря или в своей «лавочке» [«chandler's shop»] такой хлеб, какой соблаговолят им предложить». Так как труд их оплачивается лишь в конце рабочей недели и они «лишь в конце недели могут оплатить хлеб, потребленный их семьями в течение недели», и, добавляет Трименхир, подтверждая это свидетельскими показаниями, «несомненно установлено, что *хлеб с такими примесями изготовляется специально для покупателей этого рода*».

53) *Петти* определяет *стоимость* дневной заработной платы как стоимость «дневного пропитания», которое достаточно для рабочего, «чтобы жить, трудиться и размножаться» («Political Anatomy of Ireland. (1672)». Edit. London, 1691, p. 64 [Русский перевод, стр. 122]), цитирую по *Дюро де Ля Маль.*

«Цена труда всегда составляется из цены жизненных средств». Рабочий не получает надлежащей заработной платы, «если... получаемый рабочим заработок не дает ему возможности содержать, сообразно его низкому званию и положению как рабочего, такое семейство, какое зачастую имеют многие из них» (*Jakob Vanderlint.* Money answers all Things. London, 1734, p. 15).

«Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет *лишь* столько, сколько ему удается получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда *должен иметь место* и *действительно имеет место* тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, чтó ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (*Turgot.* Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses. 1766. «Oeuvres» edition Daire. Tome I, Paris, 1844, p. 10 [Русский перевод, стр. 97—98]).

«Цена жизненных средств есть в действительности стоимость производства труда» (*Malthus.* An Inquiry into the Nature and Progress of Rent [and the Principles by which it is regulated]. London, 1815, p. 48, примечание). «Из сравнительного обзора цен на хлеб и заработных плат, начиная со времен Эдуарда III, т. е. за 500 лет, следует, что заработки за один день работы в Англии чаще были ниже, а не выше одного пека пшеницы (= $^1/_4$ бушеля); что один пек пшеницы представляет собой своего рода среднюю точку, находящуюся, однако, несколько выше той середины, вокруг которой

Если человек отличается от всех остальных животных безграничностью своих потребностей и их способностью к расширению, то, с другой стороны, нет ни одного животного, которое было бы способно до такой невероятной степени сокращать свои потребности и ограничиваться таким минимумом условий своей жизни; словом, нет ни одного животного, которое обладало бы талантом жить так, как живут в *Ирландии*. Не о таком *физическом минимуме* средств существования [25] идет речь, когда говорится о *стоимости* рабочей силы. Как и цена каждого товара, цена рабочей силы может подниматься *выше* ее стоимости или падать *ниже* ее, стало быть, отклоняться в ту или другую сторону от той цены, которая есть лишь денежное выражение стоимости. Сам уровень жизненных потребностей, совокупная стоимость которых образует стоимость рабочей силы, может повышаться или понижаться. Однако анализ этих колебаний относится не сюда, а к учению о заработной плате. В дальнейшем ходе настоящего исследования будет показано, что для анализа капитала совершенно безразлично, высок или низок предполагаемый уровень потребностей рабочих. Как в теории, так, впрочем, и на практике исходят из *стоимости* рабочей силы как *данной величины*. Так, например, владелец денег, который хочет превратить свои деньги в капитал, например, в производительный капитал хлопчатобумажной фабрики, прежде всего наводит справки о среднем уровне заработной платы в том месте, где он намеревается основать фабрику. Он знает, что как цены на хлопок, так и заработная плата постоянно отклоняются от среднего уровня, но он знает также, что эти колебания уравниваются. Поэтому в его сметную калькуляцию заработная плата входит как *стоимость данной величины*. С другой стороны, *стоимость рабочей силы* составляет сознательную и известную основу [требований] *тред-юнионов*, значение которых для английского рабочего класса едва ли можно преувеличить. *Тред-юнионы* имеют своей целью не что иное, как препятствовать *падению уровня* заработной платы ниже

колебались выраженные в пшенице заработные платы, меняясь в соответствии со спросом и предложением» (*Malthus*. Principles of Political Economy etc. 2 nd. edition. London, 1836, p. 254).

«Естественная цена любого товара это то ..., что затрачено на его производство... Естественная цена труда... соответствует такому количеству предметов необходимости и жизненных удобств, которое по условиям климата и по жизненным привычкам данной страны необходимо для поддержания самого рабочего и для того, чтобы дать ему возможность содержать такую семью, которая способна обеспечить неослабевающее предложение труда *на рынке*. Естественная цена труда... хотя она различается в зависимости от различия климатических условий и различия стадий национального развития, может считаться в данном месте и в данное время почти постоянной» (*R. Torrens*. An Essay on the External Corn Trade. London, 1815, p. 55—65 и в др. местах) [39].

традиционной в различных отраслях хозяйства отметки, препятствовать снижению *цены* рабочей силы ниже ее *стоимости*. Они, конечно, знают, что изменение соотношения спроса и предложения вызывает изменение рыночной цены. Но, с одной стороны, наступление такого изменения имеет место отнюдь не всегда, когда покупатель, в данном случае капиталист, односторонне утверждает, что такое изменение наступило. С другой стороны, существует

«большая разница между уровнем заработной платы, определяемым спросом и предложением, т. е. уровнем, который вытекает из честного (справедливого) акта товарообмена, *когда покупатель и продавец договариваются как равные,* и уровнем заработной платы, на которую продавец, рабочий, вынужден согласиться, когда капиталист договаривается с каждым рабочим *в отдельности* и диктует снижение заработной платы, эксплуатируя случайную нужду отдельных рабочих (независимо от общего соотношения спроса и предложения)... Рабочие *объединяются,* чтобы *стоять* до некоторой степени *на равной ноге* с капиталистом *при заключении договора о продаже своего труда.* Это — рациональная (логическая) основа тред-юнионов» [54].

Они ставят себе целью,

«чтобы случайная непосредственная нужда рабочего не принуждала его довольствоваться более низкой заработной платой, чем та, которая была *ранее* установлена спросом и предложением в данной отрасли труда» [55],

снижая, таким образом, вообще *стоимость* рабочей силы в определенной отрасли ниже ее обычного уровня. Эта *стоимость* рабочей силы рассматривается самими рабочими, как *минимум заработной платы,* а капиталистами, как *«единообразная... заработная плата* для средних рабочих данного производства» [56]. Юнионы поэтому никогда не разрешают своим членам работать за плату *ниже* этого минимума [57]. Они представляют собой

---

[54] *T. J. Dunning* (секретарь Лондонского объединенного союза переплетчиков). Trades' Unions and Strikes: their philosophy and intention. London, 1860, p. 6, 7.

[55] Там же, стр. 7.

[56] Там же, стр. 17.

[57] Понятно, что капиталисты шельмуют этот *«единообразный уровень заработной платы»* как посягательство на личную свободу рабочего, которое мешает капиталисту следовать велению своего сердца и особо оплачивать особый талант и т. д. Г-н *Даннинг,* — только что цитированная работа которого не только попадает в точку, но и освещает вопрос с меткой иронией, — отвечает, что тред-юнионы позволяют капиталисту «платить за высокую квалификацию или трудоспособность настолько больше, насколько ему угодно», но мешают ему понижать заработную плату в 99 случаях из 100, т. е. заработную плату «середняка», среднего рабочего на каждом предприятии, ниже *«минимальной заработной платы»,* т. е. ниже обычной стоимости средней рабочей силы. Что эти объединения рабочих против деспотизма капитала шельмуются обозревателем из «Edinburgh Review» (1860. О профессиональных союзах) [40] как рабство, которому эти рожденные свободными британцы добровольно подчинились вследствие непонятного ослепления, — вполне в порядке вещей. На войне всякий желает, чтобы вражеская армия не подчинялась деспотизму дисциплины. Но морально негодующий *обозреватель* раскрывает еще более несносное. Тред-юнионы совершают святотатство, так

созданные самими рабочими страховые общества. Поясним примером цель этих объединений рабочих, созданных для защиты *стоимости* рабочей силы. На всех предприятиях Лондона есть так называемые «*выжиматели пота*».

«*Выжиматель пота* это — тот, который обязуется выполнить определенное количество работы для первого встречного предпринимателя за обычную заработную плату, но заставляет произвести эту работу других за более низкую цену; эта разница, которая составляет его прибыль, получена путем *выжимания пота* из тех рабочих, которые действительно произвели работу» [58],

и представляет собой не что иное, как разницу между *стоимостью* рабочей силы, которую *платит* первый предприниматель, и ценой, которая *ниже* стоимости рабочей силы и которую *выжиматель пота* платит действительным рабочим [59]. Между прочим весьма характерно... [41]

[379 (73)] *К пункту в)* [42] *Различная централизация средств производства у разных народов*

«Хотя искусность и технические знания имеют большое значение, но преобладание *живого элемента существенно для развития промышленности*. Система *парцеллирования,* препятствуя быстрому росту населения, таким образом косвенно задерживала развитие промышленности. Она приводила к этому результату также и прямым путем. Она удерживала значительную часть населения прикреплением к земле, на которой оно работало. Обработка земли это — основное занятие этих людей, которое выполняется с гордостью и удовлетворением; между тем как прядение, ткачество и тому подобное, это — их вспомогательные занятия, необходимые для поддержания их существования. Их сбережения предназначены

как они нарушают законы *свободной торговли!* Какой ужас! Г-н Даннинг отвечает между прочим: «Это не было бы *свободным обменом ударами,* если у одной стороны одна рука была бы бессильна или связана, в то время как другая сторона могла бы свободно пользоваться обеими руками... Предприниматель желает договариваться со своим рабочим в одиночку, чтобы, когда ему будет угодно, платить «потогонную» цену за их труд; правая рука рабочих, как продавцов, связана необходимостью для них продавать свой труд. Это предприниматель называет *свободной торговлей,* но свобода тут только на его стороне. Называйте это *торговлей,* если вам угодно, но это не свободный обмен» (там же, стр. 47).

[58] Там же, стр. 6.

[59] «В Лондоне образовалась филантропическая ассоциация, которая ставит себе целью заключать договоры на пошивку военной одежды по таким же ценам, какие правительство в настоящее время платит подрядчикам, и тем не менее обеспечить умирающим с голоду швеям 30-процентную надбавку к их нынешней заработной плате. Этот результат достигается именно путем устранения «посредника», прибыли которого отныне должны поступать в пользу того человеческого материала, из которого он эту прибыль до сих пор выкраивал. При всех преимуществах, которые общество может гарантировать, швея не может заработать более 1 шиллинга за 10 часов непрерывной работы над военными рубашками (именно за две рубашки в день), а при шитье частей одежды — не более 1 шилл. 6 пенсов в день, при 12-часовом труде. При нынешних договорных отношениях заработная плата швей колеблется от 5 до 8 пенсов за 10-часовой труд, причем они должны еще сами поставлять нитки и т. д.» («Times», March 13, 1862, [p. 10]).

для увеличения наследства и они не склонны уходить с родных мест на поиски новых занятий или для приобретения новых навыков» [«Reports of the Inspectors of Factories. 31st Oktober 1855». London, 1856, p. 67].

(Следовательно, как раз здесь, где уровень сбережений или накоплений относительно высокий и их наличие возможно при данных обстоятельствах, *образованию капитала,* относительному, разумеется, и *развитию капиталистического производства,* по сравнению с Англией, мешают именно те экономические условия, которые благоприятствуют накоплению и т. д.)

«Быть собственником, владеть домом, участком земли, составляет также основную цель фабричного рабочего и почти каждого бедняка, не владеющего еще собственностью; в сущности, все стремятся к земле... Из этого описания характера и занятий весьма многочисленного класса французского народа с очевидностью вытекает, что промышленность Франции, в отличие от английской, представлена мелкими предприятиями» (там же)

(отсюда видно, как необходима экспроприация земли для развития крупной промышленности),

«одни из которых приводятся в движение паром и водой, для других двигательной силой служит сила животных; многие же фабрики все еще применяют исключительно ручной труд».

Характеристика французской промышленности в связи с системой землевладения хорошо дана бароном Ш. Дюпеном. Он говорит:

«Так как Франция — страна распыленной земельной собственности, мелких земельных участков, то она также — *страна раздробленной промышленности и мелких мастерских*» (там же, стр. 67—68).

Тот же фабричный инспектор (А. Редгрейв) дает (за 1855 г.) обзор французской *текстильной* промышленности, различного значения, из которого следует, что (двигательная сила *пара* — 2 053 (лошадиных сил), *воды* — 953 и *других механических двигателей* — 2 057) (см. там же, стр. 69) [a]. Он сравнивает эти данные с данными о количестве фабрик и т. д., представленными Палате общин в 1850 г., и показывает «следующую примечательную разницу между системой текстильной промышленности

[a] То, что выступает в качестве предварительного (первоначального) накопления капитала, есть на деле лишь обособление условий производства — их отделение от самостоятельного производителя и его превращение в наемного рабочего. В тексте это показано на примере мануфактуры. Но это ясно также, например, и из отношений фермера-капиталиста и крестьянина и т. д. «Крупное хозяйство не требует большей массы капитала, чем мелкое или среднее; напротив, оно требует меньше капитала, но в этих различных системах капиталы должны быть различным образом распределены; в крупном хозяйстве применяемые капиталы должны находиться в руках незначительного количества людей, оплачивающих нанимаемых ими рабочих» (*Mathieu de Dombasle*. Annales agricoles de Roville. [Paris], 1825, 2-ème livraison, p. 217).

в Англии и системой текстильной промышленности Франции». А именно:

[380 (74)] «*Число* фабрик во Франции *втрое больше* числа фабрик в Англии, между тем как количество занятых на них рабочих *лишь на* $^1/_5$ больше; весьма различное соотношение машин и людской силы лучше всего видно из следующего сопоставления:

	Франция	Англия	
Число фабрик	12 986	4 330	
Количество занятых лиц	706 450	596 082	Во Франции к фабрикам причисляются предприятия, которые в Англии совершенно не относят к этой категории
Среднее количество лиц на каждой фабрике	54	137	
Среднее количество веретен на каждое занятое лицо	7	43	стало быть, в Англии в 6 раз больше, чем во Франции
Среднее количество лиц, занятых на каждый станок (паровых и ручных станков вместе) .	2	2	(только паровых станков)

Таким образом, во Франции занято *больше* лиц, чем в Англии, но это объясняется лишь тем, что из английского отчета исключены все ручные ткачи; но в среднем на одно предприятие в Англии приходится в два с лишним раза больше рабочих, чем во Франции $\left(\frac{54}{136}=\frac{27}{68}=\frac{13}{34}=\text{почти}\,\frac{1}{3}\right)$, стало быть, имеет место большая агломерация лиц под командой одного и того же капитала. Во Франции имеется втрое больше фабрик, но на них занято лишь на $^1/_5$ больше лиц, следовательно, занято *меньше* лиц по отношению к *числу предприятий*. Далее, в отношении количества машин, приходящихся на одно лицо: в Англии на одного занятого приходится в 6 раз больше веретен, чем во Франции. Если бы все эти лица были прядильщиками, то во Франции было бы 4 945 150 веретен, в Англии — на $^1/_5$ меньше. Таким образом, в Англии 1 паровой станок, а во Франции 1 паровой или 1 ручной станок приходится на 2 рабочих.

Лиц	596 082
	43
	1 788 246
	23 843 28
	25 631 526

В Англии 25 631 526 веретен. Далее, применяемая на фабриках Великобритании паровая сила = 108 113 л. с.; в отношении к числу занятых лиц это составляет около 5 $^1/_2$ человек на одну паровую л. с.; соотношение во Франции, основанное на этом же исчислении, дало бы паровую силу = 128 409 л. с., между тем как *вся* паровая сила во Франции была равна в 1852 г. лишь 75 518 л. с., мощности, которую дали 6 080 паровых машин со средней мощностью меньше, чем в 12$^1/_2$ л. с. на каждую машину; между тем как количество паровых машин, применяемых на текстильных фабриках Франции, в *1852 г.*

составляло 2 053, а мощность этих машин равнялась 20 282 л. с. и распределялась она следующим образом:

	Фабрики	Мощность в л. с.
Занятые только прядением	1 438	16 494
» » ткачеством	101	1 738
» » отделкой и т. д.	242	612
» другими процессами	272	1 438
	2 053	20 282 »

([«Reports of the Inspectors of Factories. 31st October 1855», London, 1856], p.70).

«Отсутствие во Франции костей и мускулов промышленности, угля и железа, неизбежно задерживает ее развитие как промышленной страны» (там же).

На одного рабочего на английских фабриках приходится гораздо больше рабочих машин и машин-двигателей (механической силы) и, стало быть, английский рабочий за *тот же* промежуток времени обрабатывает гораздо больше сырья, чем французский рабочий. Производительная сила труда английского рабочего, как и капитал, который его применяет, поэтому гораздо больше. Число предприятий в Англии гораздо меньше, чем во Франции. Число рабочих, занятых в среднем на одном предприятии, гораздо больше в Англии, чем во Франции, хотя общее число занятых рабочих во Франции больше, чем в Англии, правда, не намного по сравнению с числом предприятий.

Из вышеприведенных данных ясно видно, что вследствие исторических и т. д. условий, которые различным образом влияли на *относительные размеры концентрации средств производства*, в соответствии с относительно бо̀льшей или меньшей *экспроприацией* массы непосредственных производителей, производительные силы и *капиталистический способ производства* вообще находятся на весьма разных ступенях развития. Но развитие производительных сил и капиталистического способа производства находится как раз в обратном отношении к «сбережениям» и «накоплениям» самих непосредственных производителей, которые во Франции очень велики по сравнению с Англией. Уровень развития, при котором прибавочный труд производителя может «сберегаться», «накопляться», «аккумулироваться» и собираться в больших количествах, т. е. *концентрироваться*, применяться в качестве капитала, точно соответствует степени, в какой их прибавочный труд накапливается и т. д. их нанимателями, а не ими самими; стало быть, соответствует степени, в какой значительная часть действительных производи-

телей лишена возможности и условий «сберегать», «накоплять», «аккумулировать», словом, лишена какой бы то ни было возможности присваивать в сколько-нибудь значительном размере свой собственный прибавочный труд, потому что у них более или менее полно *экспроприированы их средства производства*. Капиталистическое накопление и концентрация основаны на способности и соответствуют способности *присвоения* в *больших количествах чужого прибавочного труда* и соответствующей невозможности для работающих присваивать свой собственный прибавочный труд. Следовательно, это нелепейшая иллюзия, заблуждение или обман — объяснять и обосновывать капиталистическое накопление путем смешения его с процессом и, поскольку дело касается фразеологии, превращения его в процесс, совершенно противоположный капиталистическому накоплению, исключающий его и соответствующий способу производства, на развалинах которого только и может возвыситься капиталистическое производство. Это одно из заблуждений, старательно поддерживаемых политической экономией. Верно, что в этом буржуазном обществе каждый рабочий, если он исключительно умен, пронырлив, наделен буржуазными инстинктами, если судьба ему исключительно благоприятствует, может и сам превратиться в *эксплуататора чужого труда*. Но там, где нет труда, который можно эксплуатировать, там не будет ни капиталиста, ни капиталистического производства.

[259 (75)] Форма *сдельной заработной платы* применяется, например, в английских гончарных мастерских, чтобы нанимать за низкую поштучную заработную плату малолетних учеников (начиная с 13 лет); таким образом они, «к большей выгоде их хозяев», работали сверх меры как раз в период их возмужания. Это официально признается одной из причин вырождения населения, работающего на гончарных фабриках [41].

Когда рост совокупной заработной платы (например, недельной) в тех отраслях производства, где только что введена сдель-

---

[41] «У фабриканта работает много подростков, принятых в качестве учеников в возрасте 13—14 лет и занятых изготовлением глиняной посуды. В течение первых двух лет они получают от 2 шилл. до 3 шилл. 6 пенсов в неделю. После этого они начинают работать по *сдельной системе труда*, получая заработок поденщика. «Практика», по заявлению Лонга, «применять труд значительного числа учеников 13—14-летнего возраста очень распространена в определенной категории производств, практика, которая не только крайне вредна для интересов производства, но помимо того является, вероятно, серьезной причиной, объясняющей *скверное состояние здоровья гончаров*. Эта система сдельной оплаты, *столь выгодная для капиталиста*, требующего скорее количества, чем качества товаров, направлена непосредственно к тому, чтобы побудить юного горшечника *работать чрезмерно продолжительное время* в течение 4 или 5 лет, причем он получает сдельно, но по весьма низкой расценке. Легко можно предвидеть последствия чрезмерной работы у горячих печей в этом раннем возрасте» («Children's Employment Commission. First Report». London, 1863, p. XIII).

ная система труда, скажем, вследствие возросшей интенсивности труда, достигает известного уровня, то это становится для хозяев основанием к снижению заработной платы, потому что они считают ее более высокой, чем это полезно рабочему. Таким образом, сдельная система труда изобличается как прямое средство снижения заработной платы [42].

Собственно, должно быть ясно, что способ, *каким* уплачивается заработная плата, сам по себе ничего не меняет в ее природе, хотя один способ оплаты, — который, впрочем, иногда зависит от технических особенностей труда, допускающих только тот или иной способ, — может, больше чем другой, благоприятствовать развитию процесса капиталистического производства.

Ясно, что *индивидуальные* различия в заработной плате, которым сдельная плата открывает бо̀льший простор, чем повременная, суть лишь отклонения от уровня заработной платы. Но сдельная плата, если она не парализуется другими обстоятельствами, имеет тенденцию понижать самый этот уровень.

Заработная плата, как *совокупная цена* дневного среднего труда, противоречит понятию стоимости. Всякая *цена* должна быть сводима к *стоимости,* так как цена сама по себе есть лишь денежное выражение стоимости, и то обстоятельство, что фактические цены стоят выше или ниже цены, соответствующей их стоимости, ничего не меняет в том, что они представляют собой — в предполагаемом случае даже слишком большое или слишком малое — *количественно* несовпадающее выражение стоимости товара. Но здесь в *цене труда* было бы *качественное* несовпадение.

Примечание 16, к стр. 244.

«Когда хлеб составляет часть средств существования рабочего, повышение естественной цены хлеба неизбежно вызывает повышение естественной цены труда; или, другими словами, когда требуется большее количество труда для того, чтобы добыть средства существования, большее количество труда, или его продукта, должно остаться у рабочего в виде его заработной платы. Но, так как большее количество его труда, или (что одно и то же) продукта его труда, становится необходимым для существования трудящегося производителя и потребляется им пока он работает, меньшее количество продукта труда остается у предпринимателя» (*R. Torrens.* An Essay on the External Corn Trade. [London,] 1815, p. 235).

---

[42] «В различных отраслях промышленности главное возражение против *сдельной работы* сводится к тому, что когда рабочие получают хороший заработок, *предприниматель стремится понизить цену за труд,* и что *эта система* часто используется в качестве средства снижения заработной платы» (*Dunning.* [Trades' Unions and strikes. London, 1860], p. 22).

[260 (76)] Так как стоимость товара равна содержащемуся в нем необходимому труду, то стоимость одного рабочего дня — когда труд выполняется при прочих равных условиях производства и со средней, *обычной* общественной мерой интенсивности и искусности — была бы равна содержащемуся в нем одному дню труда, но такой вывод является бессмыслицей и не дает никакого определения. Таким образом, *стоимость труда,* — т. е. цена труда, освобожденная (качественно) от своего денежного выражения, — есть иррациональное выражение и на деле есть лишь превращенная и извращенная форма *стоимости рабочей силы.* (*Цена,* которую нельзя свести к *стоимости,* выражает, непосредственно или при помощи ряда посредствующих звеньев, лишь случайный обмен чего-нибудь на деньги. И таким образом вещи, которые по природе своей не *товары* и поэтому в этом смысле extra commercium hominum *, могут путем своего обмена на деньги превращаться в товары. Отсюда связь между продажностью и коррупцией и денежным отношением. Так как деньги суть превращенный образ товара, то по ним не видно, откуда они — и что превращено в них — совесть, невинность или картофель.)

Но как иррациональна повременная плата в качестве наиболее непосредственной формы заработной платы, совершенно также иррациональна сдельная плата, если она должна служить непосредственно выражением стоимостного отношения. Например, в штуке товара (оставляя в стороне заключающийся в нем постоянный капитал) овеществлен один час труда, равный, скажем, 6 пенсам. Рабочий получает 3 пенса, т. е. *стоимость этой штуки* по отношению к рабочему не определяется содержащейся в ней *стоимостью,* измеряемой рабочим временем. Поэтому сдельная плата на деле не выражает *непосредственно* стоимостного отношения. Дело не в том, чтобы измерить стоимость штуки товара содержащимся в ней рабочим временем, а наоборот, в том, чтобы затраченное рабочим необходимое рабочее время измерить штукой товара. Поэтому плата, которую *он получает, есть повременная плата,* так как штука товара имеет лишь назначение измерять время, за которое рабочий получает плату, и служить гарантией того, что он затратил лишь *необходимое рабочее время,* т. е. работал с надлежащей интенсивностью, и что, кроме того, его труд (как потребительная стоимость) обладал надлежащим качеством. Следовательно, *сдельная плата* есть не что иное, как *определенная форма* повременной платы, которая, со своей стороны, есть лишь превращен-

* — вне людского общения. *Ред.*

ная форма *стоимости рабочей силы*, или *цен рабочей силы*, количественно соответствующих этой стоимости или отклоняющихся от нее. Если сдельная плата имеет тенденцию предоставлять большой простор индивидуальности рабочего, т. е. поднимать заработную плату отдельного рабочего в большей или меньшей степени выше общего уровня, то она в точно такой же степени ведет к понижению заработной платы других рабочих ниже этого уровня и к понижению самого этого уровня вследствие обостренной и крайне напряженной конкуренции среди рабочих.

Поскольку интенсивность труда — при прочих равных обстоятельствах — измеряется количеством продукта, которое рабочий доставляет в определенное время, то необходимо, если сравнивать повременную плату (например, оплату рабочего дня данной продолжительности) в различных странах, одновременно сравнить отношение этих плат, если они выражены в форме сдельной платы. Только таким образом можно выяснить истинное отношение между необходимым и прибавочным трудом или между заработной платой и прибавочной стоимостью. При этом часто оказывается, что хотя видимая повременная плата выше в богатых странах, сдельная плата выше в бедных странах; т. е. в бедных странах рабочему в действительности требуется бо̀льшая часть рабочего дня для воспроизводства своей заработной платы, чем в богатых странах; т. е. норма прибавочной стоимости в бедных странах меньше, чем в богатых, и относительная заработная плата поэтому больше. Таким образом на деле реальная цена труда в бедных странах выше, чем в богатых странах. Если рассматривать различные нации, то окажется — помимо продолжительности и независимой от отдельного рабочего производительности — что интенсивность обусловливает столь же большое различие, как и продолжительность рабочего дня. Более интенсивный национальный рабочий день считается равным менее интенсивному $+x$. Если взять рабочий день стран, производящих золото и серебро, в качестве единицы измерения международного рабочего дня, то более интенсивный английский 12-часовой рабочий день, например, выразится в большем количестве золота, чем менее интенсивный испанский; т. е. он будет выше по отношению к среднему реализованному в золоте и серебре рабочему дню. Более высокая национальная заработная плата, если рассматривать совокупный рабочий день данной продолжительности, выше не только по потребительной стоимости, но и по меновой стоимости, а следовательно, и в денежном выражении (при данной стоимости золота и серебра более высокое денежное выражение всегда

должно выражать больше стоимости, а более низкое всегда — меньше стоимости; если рассматривать денежную заработную плату рабочих различных наций *одновременно*, то стоимость *золота и серебра* всегда предполагается данной, так как даже *изменение* в этой стоимости происходит *одновременно* для различных наций, следовательно, поскольку дело касается их *взаимного* отношения, то не происходит *никакого* изменения), на деле, стало быть, не означает более высокой *цены труда*, чем цена за определенное количество труда. При большей продолжительности труда, как и при большей интенсивности труда, что одно и то же в международном масштабе, заработная плата может в одной стране быть выше, чем в другой, но, во-первых, составлять тем не менее меньшую часть совокупного рабочего дня, т. е. быть относительно меньше, и, во-вторых, представлять меньшую *цену труда*. Например, если рабочий получает ежедневно 3 шиллинга за 12 часов, то это меньше, чем если его дневная заработная плата составляет $2^1/_2$ шиллинга за 11 часов. Ибо этот один час прибавочного труда означает гораздо большую изнашиваемость, стало быть необходимость более быстрого воспроизводства рабочей силы. Различие было бы еще большим, если бы $2^1/_2$ шиллинга рабочий получал за 10, а 3 за...

75 [43] *Рикардо*, в сущности, утешает рабочих тем, что вследствие повышающейся производительности труда увеличивается весь капитал по отношению к его переменной составной части, а также растет потребляемая как доход часть прибавочной стоимости, и поэтому возрастает спрос на домашних прислуг (*Ricardo*. On the principles [of political economy, and taxation. 3ed. London, 1821], p. 475 [Русский перевод, том I, стр. 323]).

[76] «Собственность... необходима, чтобы предохранить простого необученного рабочего от падения до состояния части машины, покупаемой по *минимальной* рыночной цене, по которой она может быть произведена, т. е. по цене, при которой рабочие могут существовать и продолжать свой род; до такого состояния рабочий рано или поздно *неизбежно* будет низведен в условиях, когда интересы капитала и труда совершенно различны; и регулирование их интересов предоставлено исключительно действию закона спроса и предложения» (*Samuel Laing*. National Distress; [its Causes and Remedies. London], 1844, p. 45—46).

[77] *Ирландия. Эмиграция*. Поскольку действительный прирост или убыль рабочего населения в десятилетнем цикле промышленности может оказывать какое-то заметное влияние на рынок труда, то это могло бы быть только в Англии, — и мы берем ее в качестве образца, потому что в ней капиталистический способ производства развит, а не развивается, как на континенте Европы, большей частью еще на почве не соответствующего ему крестьянского хозяйства, — и могло бы быть только

благодаря влиянию, которое оказывают на усиление или ослабление эмиграции потребности увеличения стоимости капитала. Прежде всего следует заметить, что эмиграция капитала, т. е. та часть годового дохода, которая как капитал вкладывается за границей, именно в колониях и Соединенных Штатах Америки, гораздо больше в сравнении с ежегодным фондом накопления, чем число эмигрантов в сравнении с ежегодным приростом населения. Часть эмигрантов на деле следует лишь за капиталом. Далее, эмиграция из Англии, если говорить об основной части этой эмиграции, о земледельцах, состоит преимущественно не из рабочих, а из сыновей арендаторов и т. д. До сих пор они с избытком возмещались иммиграцией из Ирландии. Периоды стагнации и кризиса, когда стремление к эмиграции всего сильнее, это именно те периоды, когда за границу отправляется больше избыточного капитала, а периоды, когда эмиграция уменьшается, это те периоды, когда сокращается эмиграция избыточного капитала. Таким образом, колебания в эмиграции мало затрагивают абсолютное отношение между *применяемыми* в стране капиталом и рабочей силой. Если бы эмиграция в Англии приняла серьезные размеры по отношению к ежегодному приросту населения, то это сказалось бы на положении Англии на мировом рынке. Ирландская эмиграция с 1848 г. опрокинула все ожидания и предсказания мальтузианцев. Во-первых, они объявили невозможной эмиграцию, которая превышает размеры прироста населения. Ирландцы эту проблему разрешили, несмотря на свою бедность. Эмигрировавшая часть в большинстве своем ежегодно высылает оставшимся дома средства для их эмиграции. А во-вторых, эти самые господа предсказывали, что голод, унесший миллион жизней, и последовавший за ним «Exodus» [44] будут иметь точно такое же влияние в Ирландии, какое имела «черная смерть» [45] середины XIV столетия в Англии. Произошло как раз обратное. Производство падало быстрее, чем убывало население, как и средства занятости сельскохозяйственных рабочих, хотя их заработная плата, принимая во внимание различие цен на жизненные средства, теперь не выше, чем была в 1847 году. Население же за 15 лет уменьшилось с 8 миллионов до примерно $4^1/_2$ миллионов. Впрочем, несколько возросло производство скота, и лорд Дафферин, который хочет превратить Ирландию в сплошное пастбище для овец, совершенно прав, говоря, что население все еще слишком многочисленно. Между тем ирландцы перевозят в Америку не только собственные кости, но и самих себя: и «exoriare aliquis ultor» [46] и ужасно станет по ту сторону Атлантического океана.

Урожай основных культур за последние два года, 1864 и 1865:

	1864	1865	Уменьшение
Пшеница	875 782 квартеров	826 783 квартеров	48 999 квартеров
Овес	7 826 332 »	7 659 727 »	166 605 »
Ячмень	761 909 »	732 017 »	29 892 »
Бэрз[47]	15 160 »	13 989 »	1 171 »
Картофель .	4 312 388 тонн	3 865 990 тонн	446 398 тонн
Турнепс .	3 467 659 »	3 301 683 »	165 976 »
Лен	64 506 »	39 561 »	24 945 »

(«Agricultural Statistics. Ireland». Dublin, 1866, p. 4).

Это не мешает обогащению отдельных субъектов при быстром разорении страны. Так, например,

число лиц, имевших от 900 до 1 000 ф. ст. ежегодного дохода, в 1864 г. составляло 59, а в 1865 г. — 66; число лиц, имевших от 1 000 до 2 000 ф. ст., в 1864 г. равнялось 315, в *1866 г.* — 342; далее получили

		1864 г.	1865 г.
доходов	от 3 000 до 4 000 ф. ст.	46 человек	50 человек
	» 4 000 » 5 000 » »	19 »	28 »
	» 5 000 » 10 000 » »	30 »	44 »
	» 10 000 » 50 000 » »	23 »	25 »

и три лица, каждый из которых имел в среднем 87 706 ф. ст. в 1864 г., получил 91 509 ф. ст. в 1865 г. («Income and Property Tax Return». 7. August 1866).

Лорд Дафферин, который принадлежит к числу этих «сверхкомплектных», справедливо находит, что в Ирландии все еще слишком много жителей.

[145 (79)] «Лишь при Фридрихе II подданным (крестьянам) большинства провинций королевства Пруссии было обеспечено право наследования и право собственности. И это постановление помогло покончить со страданиями сельского населения, грозившими *обезлюдить страну.* Так как именно в прошлом (18-м) столетии, с того времени, как помещики стали размышлять *о повышении дохода своего хозяйства,* они нашли выгодным *прогонять отдельных своих подданных и присоединять крестьянские пашни к господской земле.* Изгнанники, становясь бездомными людьми, впадали в нищету; вследствие этого бремя повинностей оставшихся подданных становилось совершенно невыносимым, так как теперь помещики требовали от них, чтобы они возделывали еще и бывшие крестьянские пашни, владельцы которых до этого своим трудом облегчали им возделывание господской земли. Этот *«сгон крестьян с земли»* был особенно сильным в *Восточной Германии.* Когда Фридрих II захватил *Силезию,* там было много тысяч крестьянских хозяйств без хозяев; хижины были разрушены, пашни находились в руках помещиков. Все *присоединенные участки* необходимо было вновь освоить, на каждый из них посадить хозяина, снабдить скотом и орудиями и передать крестьянам в качестве их наследуемого и собственного владения. На *Рюгене* подобное злоупотребление еще в юности Морица Арндта вызывало восстания сельского населения. Туда посылались солдаты, мятежники были заключены в тюрьмы; крестьяне мстили за это, они подстерегали отдельных дворян и убивали их. Подобное злоупотребление

было причиной восстания в *курфюршестве Саксонии* еще в 1790 г.» (*G. Freitag*. [Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes. Leipzig, 1862, S. 38—39]).

Это ярко показывает, чтó означали фактически «благородные чувства» феодалов!

[144 (80)] Хотя образование капитала при капиталистическом способе производства по существу покоится не только на уничтожении феодального способа производства, но и на *экспроприации* крестьян, ремесленников, вообще на уничтожении способа производства, покоящегося *на частной собственности непосредственных производителей на их условия производства;* хотя капиталистический способ производства, когда он уже введен, развивается в той же мере, в какой уничтожается эта частная собственность и основанный на ней способ производства и, следовательно, происходит *экспроприация* этих непосредственных производителей под названием *концентрации капитала* (централизации); хотя этот *процесс экспроприации,* систематически повторяющийся впоследствии в форме «очистки имений», является отчасти, как насильственный акт, *введением* в капиталистический способ производства, тем не менее не только *теория капиталистического способа производства* (*политическая экономия,* философия права и т. д.), но и сам капиталист в своем *представлении* любят смешивать форму собственности и присвоения, развитие которой покоится на присвоении чужого труда и в своей основе — на экспроприации непосредственного производителя, с тем *способом производства,* который, наоборот, предполагает *частную собственность непосредственного производителя на его условия производства,* — предположение, при котором был бы невозможен капиталистический способ производства в земледелии и в промышленности и т. д., — и поэтому любят также изображать всякое посягательство на капиталистическую *форму присвоения,* как посягательство на заработанную собственность, и *вообще на всякую собственность.* При этом, конечно, всегда возникает большое затруднение, когда приходится изображать экспроприацию собственности у трудящейся массы как условие существования покоящейся на труде собственности. (Впрочем, при частной собственности в этой форме всегда существует по крайней мере *рабство* членов семьи, которыми полностью пользуется и которых эксплуатирует глава семьи.) Поэтому всеобщее *юридическое* представление — от Локка до Рикардо — это представление *мелкобуржуазной собственности,* между тем как изображаемые ими производственные отношения относятся к *капиталистическому способу производства.* Это становится возможным благодаря тому, что отношение *продавца и покупателя*

остается *формально* тем же в обеих формах. У всех этих писателей мы находим двоякое:

1) *Экономически* они против *покоящейся на труде частной собственности,* доказывают преимущества *экспроприации масс* и *капиталистического способа производства.*

2) *Идеологически* и *юридически идеология частной собственности, покоящейся* на *труде,* переносится без дальнейших околичностей на собственность, покоящуюся на *экспроприации непосредственных производителей.*

[146 (81)] Такова, например, фраза о перенесении тягот настоящего на будущие поколения посредством государственных долгов. *А* может выдать *Б,* который действительно или для видимости поставляет ему в долг товары, долговую расписку на *продукты будущего,* ведь бывают же потенциальные поэты и музыканты. Но *А* и *Б* вместе не потребляют ни единого атома продукта будущего. Каждая эпоха сама оплачивает свои военные расходы. Наоборот, рабочий может в этом году выполнить работу последующих трех лет.

«Заявляя, что расходы сегодняшнего дня они отодвигают в будущее, и уверяя, что можно обременять потомство в целях удовлетворения потребностей нынешнего поколения, они [защитники системы государственных долгов] утверждают нелепость, будто можно потреблять то, что еще не существует, будто можно питаться хлебом еще до того, как произведен посев... Вся мудрость наших государственных мужей сводится к перенесению в больших размерах собственности от одной группы лиц к другой, к созданию громадного фонда для вознаграждения за спекуляции и казнокрадство» (*Piercy Ravenstone.* Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, p. 8—9).

[147 (82)] *Углекопы*

Как действует эта жилищная зависимость углекопов от эксплуататоров, обнаруживается во время каждой стачки. Например, стачка в Дергеме в ноябре 1863 года. В самую суровую погоду рабочих с женами и детьми выгоняли на улицу, выбрасывали их мебель и проч. Таким образом, в холодные ночи нужно было прежде всего найти приют. Большая часть этих людей спала под открытым небом; часть врывалась в свои пустовавшие теперь жилища и занимала их на ночь. В ответ на это хозяева копей на следующий день приказывали запереть и заколотить окна и двери, чтобы лишить выброшенных на улицу «роскоши» спать в морозную ночь на голом полу пустых домов. Тогда люди стали прибегать к постройке деревянных будок, торфяных шалашей, но собственники полей сносили эти постройки. Масса детей умирала, погибала во время этого похода труда против капитала («Reynolds's Newspaper». 29 ноября 1863 г.).

К. МАРКС

ФОРМА СТОИМОСТИ [48]

Написано К. Марксом
17—22 июня 1867 г.

Впервые опубликовано
в качестве приложения
к первому немецкому изданию
I тома «Капитала»,
вышедшему в свет в сентябре 1867 г.

Печатается по тексту
издания 1867 г.

Перевод с немецкого

Анализ товара показал, что он есть нечто двойственное, потребительная стоимость и стоимость. Поэтому для того, чтобы какая-нибудь вещь обладала формой товара, она должна иметь двойственную форму, форму потребительной стоимости и форму стоимости. Форма потребительной стоимости есть форма самого товарного тела, железа, холста и т. д., его осязательно-чувственная форма бытия. Это — натуральная форма товара. Форма стоимости товара есть, напротив, его общественная форма.

Каким же образом выражается стоимость товара? Другими словами, как получает она собственную форму проявления? Посредством отношения различных товаров. Чтобы правильно анализировать форму, содержащуюся в таком отношении, мы должны начать с самого простого, наименее развитого ее проявления. Самое простое отношение товара есть, очевидно, его отношение к одному-единственному другому товару, все равно к какому. Поэтому отношение двух товаров представляет собой простейшее выражение стоимости для какого-нибудь товара.

I. ПРОСТАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ [49]

20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят 1 сюртука.

Тайна всякой формы стоимости заключается в этой простой форме стоимости. Поэтому ее анализ представляет главную трудность.

§ 1. ДВА ПОЛЮСА ВЫРАЖЕНИЯ СТОИМОСТИ: ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

В простом выражении стоимости два вида товаров, холст и сюртук, очевидно, играют различные роли. Холст есть тот товар, который выражает свою стоимость в товарном теле, отличном от него самого, в сюртуке. С другой стороны, товар сюртук служит тем материалом, в котором выражается стоимость. Один товар играет активную, другой — пассивную роль. О том товаре, который выражает свою стоимость в другом товаре, мы говорим: его стоимость представлена как относительная стоимость, или он находится в относительной форме стоимости. О другом товаре (в данном случае — сюртуке), который служит материалом для выражения стоимости, мы, напротив, говорим: он функционирует как эквивалент первого товара, или находится в эквивалентной форме.

Уже и без более глубокого анализа ясны с самого начала два следующих пункта:

а) Нераздельность обеих форм.

Относительная форма стоимости и эквивалентная форма суть два друг с другом связанные, взаимно обусловливающие друг друга, нераздельные момента одного и того же выражения стоимости.

b) Полярность обеих форм.

С другой стороны, обе эти формы суть противоположные, друг друга исключающие крайности, то есть полюсы одного и того же выражения стоимости. Они распределяются всегда на различные товары, которые выражение стоимости сопоставляет друг с другом. Например, я не могу выразить стоимость холста в холсте. «20 аршин холста = 20 аршинам холста» не есть выражение стоимости, а выражает только определенное количество предмета потребления, холста. Стоимость холста может, следовательно, быть выражена только в другом товаре, то есть только относительно. Относительная форма стоимости холста предполагает, следовательно, что какой-нибудь другой товар противостоит ему в эквивалентной форме. С другой стороны, этот другой товар (здесь сюртук), фигурирующий как эквивалент холста и находящийся, следовательно, в эквивалентной форме, не может одновременно находиться в относительной форме стоимости. Не он выражает свою стоимость. Он представляет только материал для выражения стоимости другого товара.

Конечно, выражение «20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят 1 сюртука» заключает в себе и обратное отношение: «1 сюртук = 20 аршинам холста, или: 1 сюртук стоит 20 аршин холста». Но в этом случае я должен перевернуть уравнение, чтобы выразить стоимость сюртука относительно, и как только я это сделаю, холст станет эквивалентом вместо сюртука. Один и тот же товар, следовательно, не может выступать в одном и том же выражении стоимости одновременно в обеих формах. Более того: последние полярно исключают друг друга.

Представим себе меновую торговлю между производителем холста *A* и производителем сюртука *B*. Прежде чем они сторгуются, *A* говорит: «20 аршин холста стоят 2 сюртуков (20 аршин холста = 2 сюртукам)»; напротив, *B* утверждает: «1 сюртук стоит 22 аршин холста (1 сюртук = 22 аршинам холста)». В конце концов, после долгой торговли они приходят к взаимному соглашению. *A* говорит: «20 аршин холста стоят 1 сюртука», а *B* говорит: «1 сюртук стоит 20 аршин холста». Здесь оба товара, и холст, и сюртук, находятся одновременно и в относительной форме стоимости и в эквивалентной форме. Но, nota bene *, это имеет место для двух различных лиц и в двух различных выражениях стоимости, которые лишь появляются одновременно. Для *A* его холст, — ибо для него инициатива исходит от его товара, — находится в относительной форме стоимости, товар другого, сюртук, напротив, находится в эквивалентной форме. Обратное имеет место с точки зрения *B*. Итак, один и тот же товар никогда, даже и в этом случае, не обладает обеими формами одновременно в одном и том же выражении стоимости.

с) Относительная стоимость и эквивалент есть лишь формы стоимости.

И относительная стоимость, и эквивалент есть только формы товарной стоимости. Находится ли товар в той или другой из этих полярно противоположных форм, это зависит исключительно от места, занимаемого им в выражении стоимости. Это ясно видно в рассматриваемой нами здесь в первую очередь простой форме стоимости. По своему содержанию оба выражения:

1) 20 аршин холста = 1 сюртуку, или: 20 аршин холста стоят 1 сюртука.

2) 1 сюртук = 20 аршинам холста, или: 1 сюртук стоит 20 аршин холста, — ничем не отличаются друг от друга. По своей форме они не только различны, но даже противоположны.

---

* — заметьте хорошенько. *Ред.*

В выражении № 1 стоимость холста выражена относительно. Холст находится поэтому в относительной форме стоимости, между тем как в то же время стоимость сюртука выражена как эквивалент. Сюртук находится поэтому в эквивалентной форме. Перевернув выражение № 1, я получаю выражение № 2. Товары меняются местами, и тотчас сюртук оказывается в относительной форме стоимости, а холст, напротив, в эквивалентной форме. Так как в одном и том же выражении стоимости эти товары поменялись местами, то они поменялись и формой стоимости.

§ 2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

a) Отношение равенства.

Так как выражать свою стоимость должен холст, то инициатива исходит от него. Холст вступает в отношение к сюртуку, то есть к другому товару, отличному от него самого. Это отношение есть отношение приравнивания. Основой выражения «20 аршин холста = 1 сюртуку» в действительности есть выражение: «холст = сюртуку», а это последнее равенство, если его выразить словами, означает только, что товар «сюртук» имеет одинаковую природу, одинаковую субстанцию с отличным от него товаром «холст». В большинстве случаев этого не замечают потому, что все внимание обращено на количественное отношение, то есть на определенную пропорцию, в какой один товар приравнивается к другому. Забывают, что величины различных вещей делаются количественно сравнимыми только после сведения их к одному и тому же единому началу. Только как выражения одного и того же единого начала они являются одноименными, а потому и соизмеримыми величинами. В приведенном выше выражении холст относится, следовательно, к сюртуку как к себе подобному, или сюртук относится к холсту как вещь той же самой субстанции, как нечто по существу одинаковое с ним. Сюртук, следовательно, качественно приравнивается к холсту.

b) Стоимостное отношение.

Сюртук лишь постольку есть то же самое, что и холст, поскольку оба они — стоимости. Следовательно, то, что холст относится к сюртуку как к себе подобному, или что сюртук приравнивается к холсту как вещь той же субстанции, выражает, что сюртук в рамках этого отношения признается стоимостью. Он приравнивается к холсту, поскольку последний также есть стоимость. Отношение равенства есть, следовательно, стоимостное отношение, а стоимостное отношение есть

прежде всего выражение стоимости или стоимостного бытия того товара, который выражает свою стоимость. Как потребительная стоимость, или товарное тело, холст отличается от сюртука. Напротив, его стоимостное бытие выступает наружу, выражается отношением, в котором другой товар, сюртук, приравнивается к нему, или признается по существу одинаковым с ним.

c) Качественное содержание заключенной в стоимостном отношении относительной формы стоимости.

Сюртук есть стоимость лишь постольку, поскольку он есть вещное выражение человеческой рабочей силы, затраченной на его производство, то есть сгусток абстрактного человеческого труда, — абстрактного потому, что здесь имеет место абстрагирование от определенного, полезного, конкретного характера труда, содержащегося в сюртуке; человеческого потому, что труд идет здесь в счет только как затрата человеческой рабочей силы вообще. Холст, следовательно, не может относиться к сюртуку как к стоимостной вещи, или не может быть отнесен к сюртуку как к стоимости, если он не отнесен к нему как к такому предмету, все вещество которого состоит из человеческого труда. Но как стоимость холст есть сгусток того же самого человеческого труда. Таким образом, в рамках этого отношения тело сюртук представляет субстанцию стоимости, общую для него с холстом, то есть человеческий труд. В этом отношении сюртук, следовательно, имеет значение только как образ стоимости, а потому также и как стоимостной образ холста, как чувственная форма проявления стоимости холста. Таким образом, посредством стоимостного отношения стоимость одного товара выражается в потребительной стоимости другого товара, то есть в каком-нибудь другом, отличном от него самого товарном теле.

d) Количественная определенность заключенной в стоимостном отношении относительной формы стоимости.

20 аршин холста представляют собой, однако, не только стоимость вообще, то есть сгусток человеческого труда, но и стоимость определенной величины, то есть в них овеществлено определенное количество человеческого труда. Поэтому в стоимостном отношении холста к сюртуку товар сюртук приравнивается к холсту не только качественно, как стоимостное тело вообще, то есть как воплощение человеческого труда, но и как определенное количество этого стоимостного тела: 1 сюртук, а не 1 дюжина и т. д., поскольку в 1 сюртуке содержится ровно столько субстанции стоимости, или человеческого труда, сколько в 20 аршинах холста.

e) Относительная форма стоимости в целом.

Посредством относительного выражения стоимости стоимость товара, следовательно, во-первых, получает форму, отличную от его собственной потребительной стоимости. Потребительной формой товара является, например, холст. А формой стоимости товар этот обладает в своем отношении равенства с сюртуком. Благодаря этому отношению равенства другое, чувственно от него отличное товарное тело становится зеркалом его собственного стоимостного бытия, образом его собственной стоимости. Так товар приобретает независимую и самостоятельную стоимостную форму, отличную от его натуральной формы. А во-вторых, как стоимость определенной величины, как определенная стоимостная величина, товар измеряется количественно, посредством количественно определенного отношения, или пропорции, в которой к нему приравнивается другое товарное тело.

§ 3. ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

a) Форма непосредственной обмениваемости.

Как стоимости все товары суть равнозначащие, заменимые друг другом или обмениваемые одно на другое выражения одного и того же единого начала — человеческого труда. Поэтому один товар может вообще обмениваться на другой товар, если он обладает такой формой, в которой он выступает как стоимость. Одно товарное тело может непосредственно обмениваться на другой товар, если его непосредственная форма, то есть его собственная телесная, или натуральная форма, представляет по отношению к другому товару стоимость или служит образом стоимости. Этим свойством обладает сюртук в стоимостном отношении холста к нему. Иным способом стоимость холста не могла бы быть выражена в вещи сюртук. Итак, утверждение, что товар имеет вообще эквивалентную форму, означает лишь следующее: благодаря месту, занимаемому им в выражении стоимости, его собственная натуральная форма имеет значение формы стоимости для другого товара, или он обладает формой непосредственной обмениваемости на другой товар. Ему, следовательно, нет надобности принимать форму, отличную от его непосредственной натуральной формы, для того чтобы перед другим товаром выступать как стоимость, признаваться стоимостью и действовать на этот другой товар как стоимость.

b) Эквивалентная форма не содержит в себе количественной определенности.

Если вещь, имеющая форму сюртука, непосредственно обменивается на холст, или если вещь, имеющая форму золота, непосредственно обменивается на все другие товары, то в этой эквивалентной форме вещи не содержится никакой количественной определенности. Противоположное ошибочное мнение возникает по следующим причинам:

Во-первых: товар, например сюртук, служащий материалом для выражения стоимости холста, в таком выражении всегда определен количественно: например, 1 сюртук, а не 12 сюртуков и т. д. Но почему? Потому что 20 аршин холста в своем относительном выражении стоимости не только выражены как стоимость вообще, но вместе с тем измерены как определенное количество стоимости. Но то, что 1 сюртук, а не 12 сюртуков, содержит столько же труда, сколько 20 аршин холста, и потому приравнивается к 20 аршинам холста, это не имеет никакого отношения к отличительному свойству товара сюртук непосредственно обмениваться на товар холст.

Во-вторых: если 20 аршин холста, как стоимость определенной величины, выражены в 1 сюртуке, то и наоборот, величина стоимости 1 сюртука выражена в 20 аршинах холста, следовательно, тоже измерена количественно, но только косвенно, посредством перевертывания выражения, и не тогда, когда сюртук играет роль эквивалента, а напротив, тогда, когда он выражает относительно свою собственную стоимость в холсте.

В-третьих: формулу «20 аршин холста = 1 сюртуку», или: «20 аршин холста стоят 1 сюртука» мы можем выразить также и следующим образом: «20 аршин холста и 1 сюртук суть эквиваленты, или оба суть равновеликие стоимости». В этом случае мы не выражаем стоимость какого-нибудь из обоих товаров в потребительной стоимости другого. А потому ни тот, ни другой товар не находится здесь в эквивалентной форме. «Эквивалент» здесь означает только равенство величин, после того как обе вещи предварительно были молчаливо сведены в нашей голове к абстракции «стоимость».

с) Особенности эквивалентной формы.

а) Первая особенность эквивалентной формы: потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости.

Натуральная форма товара становится формой стоимости. Но, nota bene *, это quid pro quo ** происходит для товара *B* (для сюртука, пшеницы, железа и т. д.) только в пределах

* — заметь хорошо. *Ред.*

** — появление одного вместо другого. *Ред.*

того стоимостного отношения, в которое вступает с ним какой-нибудь другой товар *A* (холст и т. д.), только в рамках этого отношения. Сам по себе, рассматриваемый отдельно, сюртук, например, — совершенно так же как и холст, — есть только полезная вещь, потребительная стоимость, и потому его сюртучная форма есть лишь форма потребительной стоимости, или натуральная форма определенного товара. Но так как никакой товар не может относиться к самому себе как к эквиваленту и, следовательно, не может делать свою собственную натуральную оболочку выражением своей собственной стоимости, то ему приходится относиться к другому товару как к эквиваленту или делать натуральную оболочку другого товара своей собственной формой стоимости.

Для большей наглядности проиллюстрируем это на примере одной из тех мер, которые присущи товарным телам как товарным телам, то есть как потребительным стоимостям. Будучи физическим телом, голова сахара обладает тяжестью и поэтому имеет вес, но ни у одной головы сахара нельзя непосредственно увидеть или почувствовать ее вес. Поэтому мы берем различные куски железа, вес которых заранее определен. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, совершенно так же не есть форма проявления тяжести, как и телесная форма головы сахара. Тем не менее, чтобы выразить голову сахара как тяжесть или вес, мы ставим ее в весовое отношение с железом. В этом отношении железо фигурирует как тело, которое ничего не представляет кроме тяжести или веса. Поэтому определенные количества железа служат мерой веса сахара и по отношению к физическому телу сахара представляют лишь образ тяжести, форму проявления тяжести. Эту роль железо играет только в пределах того отношения, в которое вступает с ним сахар, или какое-нибудь другое тело, вес которого подлежит определению. Если бы обе вещи не обладали тяжестью, то они не могли бы вступить в это отношение, и одна из них не могла бы поэтому служить выражением тяжести другой. Если мы положим обе вещи на чаши весов, то мы действительно увидим, что, как тяжесть, они суть одно и то же и потому, взятые в определенной пропорции, имеют также один и тот же вес. Подобно тому как здесь физическое тело железо по отношению к голове сахара представляет только тяжесть, так в нашем выражении стоимости физическое тело сюртук представляет по отношению к холсту только стоимость.

b) Вторая особенность эквивалентной формы: конкретный труд становится формой проявления своей противоположности, абстрактно-человеческого труда.

В выражении стоимости холста сюртук имеет значение тела стоимости, его телесная или натуральная форма имеет поэтому значение формы стоимости, то есть воплощения лишенного различий человеческого труда, человеческого труда вообще. Но труд, создавший полезную вещь «сюртук» и давший ей определенную форму, есть не абстрактно-человеческий труд, не человеческий труд вообще, а определенный, полезный, конкретный вид труда — труд портного. Простая относительная форма стоимости требует, чтобы стоимость товара, например холста, была выражена только в одном-единственном другом товаре. Но для простой формы стоимости совершенно безразлично, каков этот другой товар. Вместо того чтобы быть выраженной в товаре сюртук, стоимость холста могла бы быть выражена в товаре пшеница, или вместо пшеницы она могла бы быть выражена в товаре железо и т. д. Но будет ли это сюртук, пшеница или железо, эквивалент холста всегда имеет для холста значение тела стоимости, а потому — воплощения человеческого труда вообще. И в то же время определенная телесная форма эквивалента, будет ли это сюртук, пшеница или железо, всегда остается воплощением не абстрактно-человеческого труда, а определенного, конкретного, полезного вида труда, будь то труд портного, крестьянина или рудокопа. Поэтому в выражении стоимости определенный, конкретный, полезный труд, производящий товарное тело эквивалента, всегда с необходимостью должен иметь значение определенной формы осуществления или формы проявления человеческого труда вообще, то есть абстрактно-человеческого труда. Например, сюртук может иметь значение тела стоимости и потому воплощения человеческого труда вообще только тогда, когда труд портного имеет значение определенной формы, в которой расходуется человеческая рабочая сила или в которой осуществляется абстрактно-человеческий труд.

В пределах стоимостного отношения и заключенного в нем выражения стоимости дело обстоит не так, что абстрактно-всеобщее имеет значение свойства, принадлежащего конкретному, чувственно-действительному, а наоборот, так, что чувственно-конкретное имеет значение всего лишь формы проявления или определенной формы осуществления абстрактно-всеобщего. Труд портного, содержащийся, например, в эквиваленте сюртук, не обладает в выражении стоимости холста всеобщим свойством быть также и человеческим трудом вообще. Наоборот: быть человеческим трудом признается его сущностью, а быть трудом портного признается только формой проявления или определенной формой осуществления этой его

сущности. Это quid pro quo * неизбежно, потому что труд, представленный в его продукте, лишь постольку образует стоимость, поскольку он есть лишенный различий человеческий труд; так что труд, овеществленный в стоимости одного продукта, нисколько не отличается от труда, овеществленного в стоимости какого-нибудь другого, отличного от него продукта.

Это извращение, в силу которого чувственно-конкретное получает значение всего лишь формы проявления абстрактно-всеобщего, вместо того чтобы абстрактно-всеобщему быть свойством конкретного, характеризует выражение стоимости. Оно вместе с тем затрудняет его понимание. Когда я говорю: и римское право, и германское право есть право, то это совершенно понятно. Если же я скажу: право, эта абстракция осуществляет себя в римском праве и в германском праве, в этих конкретных правах, то связь становится мистической.

c) Третья особенность эквивалентной формы: частный труд становится формой своей противоположности, трудом в непосредственно общественной форме.

Продукты труда не становились бы товарами, если бы они не были продуктами самостоятельных частных работ, выполняемых независимо друг от друга. Общественная связь этих частных работ существует вещественно, поскольку они суть звенья естественно сложившегося общественного разделения труда и потому своими продуктами удовлетворяют различные потребности, из совокупности которых состоит тоже естественно сложившаяся система общественных потребностей. Но эта вещественная общественная связь частных работ, выполняемых независимо друг от друга, опосредствуется только обменом их продуктов и потому осуществляется только благодаря этому обмену. Поэтому продукт частного труда имеет общественную форму лишь постольку, поскольку он имеет стоимостную форму, а следовательно, и форму обмениваемости на другие продукты труда. Непосредственно общественную форму он имеет в том случае, когда его собственная телесная, или натуральная, форма есть в то же время форма его обмениваемости на другой товар или когда он имеет значение стоимостной формы для другого товара. А это происходит, как мы видели, с продуктом труда только тогда, когда он в результате стоимостного отношения к нему другого товара находится в эквивалентной форме, или играет по отношению к другому товару роль эквивалента.

* — появление одного вместо другого. *Ред.*

Эквивалент имеет непосредственно общественную форму, поскольку он имеет форму непосредственной обмениваемости на другой товар, и он имеет эту форму непосредственной обмениваемости постольку, поскольку он для другого товара имеет значение стоимостного тела и потому чего-то равного. Поэтому и содержащийся в нем определенный полезный труд имеет значение труда в непосредственно общественной форме, то есть труда, обладающего формой равенства с трудом, содержащимся в другом товаре. Определенный, конкретный труд, например, труд портного, может обладать формой равенства с трудом другого рода, содержащимся в товаре другого рода, например, в холсте, лишь постольку, поскольку его определенная форма служит выражением чего-то такого, что действительно образует равенство разных видов труда, или составляет нечто равное в них. Равны же они лишь постольку, поскольку они представляют собой человеческий труд вообще, абстрактно-человеческий труд, то есть затрату человеческой рабочей силы. Так как, стало быть, определенный конкретный труд, содержащийся в эквиваленте, как уже показано, имеет значение определенной формы осуществления или проявления абстрактно-человеческого труда, то он обладает формой равенства с другим трудом, и потому он, будучи частным трудом, как и всякий другой труд, производящий товары, есть тем не менее труд в непосредственно общественной форме. Именно поэтому он и представлен в продукте, который может непосредственно обмениваться на другой товар.

Обе последние особенности эквивалентной формы станут для нас еще более понятными, если мы обратимся к великому исследователю, впервые анализировавшему форму стоимости наряду со столь многими формами мышления, общественными формами и естественными формами, и притом в большинстве случаев удачнее, чем это делали его позднейшие последователи. Это — Аристотель.

Прежде всего, Аристотель совершенно ясно указывает, что денежная форма товара есть лишь дальнейшее развитие простой формы стоимости, то есть выражения стоимости одного товара в каком-либо другом товаре; в самом деле он говорит: «5 лож = 1 дому» («κλιναι πέντε αντι οικιας») «не отличается» от: «5 лож = такому-то количеству денег» («κλιναι πεντε αντι... οσου αι πεντε κλιναι») [50].

Он понимает, далее, что стоимостное отношение, в котором заключается это выражение стоимости, свидетельствует, в свою очередь, о том, что дом качественно приравнивался к ложу и что эти чувственно различные вещи без такого тождества их

сущности не могли бы относиться друг к другу как соизмеримые величины. «Обмен», — говорит он, — «не может иметь места без равенства, а равенство — без соизмеримости» («ουτ' ισοτης μη ουσης συμμετριας»). Но здесь он останавливается в затруднении и прекращает дальнейший анализ формы стоимости. «Однако в действительности невозможно («τῇ μὲν ουν ἀληθεια ἀδυνατον»), чтобы столь разнородные вещи были соизмеримы», то есть качественно равны. Такое приравнивание может быть лишь чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно лишь «искусственным приемом для удовлетворения практической потребности».

Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это — отсутствие понятия стоимости. В чем заключается то одинаковое, то есть та общая субстанция, которую представляет дом для ложа в выражении стоимости ложа? Ничего подобного «в действительности не может существовать», — говорит Аристотель. Почему? Дом противостоит ложу как что-то одинаковое, поскольку он представляет то, что действительно одинаково в них обоих — и в ложе, и в доме. А это — человеческий труд.

Но того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражены как равный человеческий труд и потому как равнозначные, — этого факта Аристотель не мог вычитать из формы стоимости товаров, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их работ. Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они суть человеческий труд вообще, — эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка. А это возможно лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда и, стало быть, отношение людей друг к другу как товаровладельцев является господствующим общественным отношением. Гений Аристотеля обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства. Лишь исторические границы общества, в котором он жил, помешали ему раскрыть, в чем же состоит «в действительности» это отношение равенства.

d) Четвертая особенность эквивалентной формы: фетишизм товарной формы разительнее в эквивалентной форме, чем в относительной форме стоимости.

То, что продукты труда, — такие полезные вещи, как сюртук, холст, пшеница, железо и т. д., — представляют собой стоимости, определенные величины стоимости и вообще товары, суть, конечно, такие свойства, которые они обретают

только в нашем общении, а не от природы, каковыми являются, например, свойства быть тяжелым, удерживать тепло или питать. Но в сфере нашего общения эти вещи относятся друг к другу как товары. Они суть стоимости, они измеримы как величины стоимости, и общее им свойство быть стоимостью ставит их в стоимостное отношение друг к другу. Равенство, например, «20 аршин холста = 1 сюртуку», или: «20 аршин холста стоят 1 сюртука» выражает только следующее: 1) различные виды труда, необходимые для производства этих вещей, признаются равными как человеческий труд вообще, 2) затраченное на их производство количество труда измеряется по определенным общественным законам и 3) портной и ткач вступают в определенное общественное производственное отношение. Именно в рамках определенного общественного отношения производителей они приравнивают друг к другу свои различные полезные виды труда как человеческий труд вообще. И точно так же именно в рамках определенного общественного отношения производителей они измеряют величину своего труда продолжительностью расходования человеческой рабочей силы. Но в сфере нашего общения эти общественные характеристики их собственного труда представляются им как общественные природные свойства, как предметные определения самих продуктов труда; равенство различных видов человеческого труда представляется им как стоимостное свойство продуктов труда; мера труда, определяемая общественно необходимым рабочим временем, представляется им как величина стоимости продуктов труда; и, наконец, общественное отношение производителей благодаря их работам представляется им как стоимостное отношение или общественное отношение этих вещей, продуктов труда. Именно поэтому продукты труда выступают перед ними как товары, как чувственно-сверхчувственные или общественные вещи. Так световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Но при зрительных восприятиях свет действительно отбрасывается одной вещью, внешним предметом, на другую вещь, глаз. Это — физическое отношение между физическими вещами. Между тем, товарная форма и стоимостное отношение продуктов труда не имеют решительно ничего общего с их физической природой и вытекающими из нее отношениями вещей. Только определенное общественное отношение самих людей принимает здесь для них фантастическую форму отношения вещей. Поэтому, чтобы найти аналогию, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного

мира. Здесь продукты человеческой головы представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью и находящимися в определенных отношениях друг с другом и с людьми. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства.

Этот фетишистский характер резче проявляется на эквивалентной форме, чем на относительной форме стоимости. Относительная форма стоимости товара есть нечто опосредствованное, а именно, она опосредствована отношением данного товара к другому товару. Посредством этой формы стоимости стоимость товара выражена как нечто совершенно отличное от его собственного чувственного бытия. Здесь вместе с тем заложено указание на то, что стоимостное бытие вещи есть отношение, чуждое самой вещи, и что поэтому ее стоимостное отношение к другой вещи может быть только формой проявления некоторого скрытого в них общественного отношения. Обратное имеет место в эквивалентной форме. Она именно в том и состоит, что телесная или натуральная форма какого-нибудь одного товара служит непосредственно общественной формой, формой стоимости для другого товара. Следовательно, в сфере нашего общения в качестве общественного природного свойства вещи, в качестве свойства, присущего ей от природы, выступает то, что она обладает эквивалентной формой и потому в том виде, в каком она существует чувственно, может непосредственно обмениваться на другие вещи. А так как в пределах выражения стоимости товара *A* эквивалентная форма присуща товару *B* от природы, то и вне этого отношения кажется, что она принадлежит товару *B* от природы. Отсюда проистекает, например, загадочный характер золота, которое, наряду со своими другими природными свойствами — наряду со своим цветом, удельным весом, неокисляемостью в воздухе и т. д., — как будто от природы обладает еще эквивалентной формой, или общественным качеством быть непосредственно обмениваемым на все другие товары.

§ 4. КОГДА СТОИМОСТЬ ВЫСТУПАЕТ САМОСТОЯТЕЛЬНО, ИМЕЕТ ФОРМУ МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ

Выражение стоимости имеет два полюса: относительную форму стоимости и эквивалентную форму. Прежде всего, что касается товара, функционирующего как эквивалент, то для

другого товара он имеет значение воплощения стоимости, тела в непосредственно обмениваемой форме — меновой стоимости. Что же касается товара, стоимость которого выражена относительно, то он обладает формой меновой стоимости, 1) потому, что его стоимостное бытие обнаруживается способностью другого товара обмениваться на него, 2) потому, что величина его стоимости выражена пропорцией, в какой на него обменивается другой товар.

Меновая стоимость есть, следовательно, вообще самостоятельная форма проявления стоимости товаров.

§ 5. ПРОСТАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ ТОВАРА ЕСТЬ ПРОСТАЯ ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ СОДЕРЖАЩИХСЯ В ТОВАРЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ: ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ И МЕНОВОЙ СТОИМОСТИ

В стоимостном отношении холста к сюртуку натуральная форма холста имеет значение только как воплощение потребительной стоимости, а натуральная форма сюртука имеет значение только как форма стоимости, или воплощение меновой стоимости. Следовательно, содержащаяся в товаре внутренняя противоположность потребительной стоимости и стоимости находит свое выражение во внешней противоположности, то есть в отношении двух товаров, из которых один непосредственно имеет значение только потребительной стоимости, а другой — непосредственно только меновой стоимости, или где два противоположные определения, потребительная стоимость и меновая стоимость, полярно распределены между товарами.

Если я говорю: как товар холст есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то это — мое суждение о природе товара, добытое анализом. Напротив, в выражении: «20 аршин холста = 1 сюртуку», или: «20 аршин холста стоят 1 сюртука», сам холст говорит, что он есть, во-первых, потребительная стоимость (холст), во-вторых, отличная от нее меновая стоимость (нечто равное сюртуку), и, в-третьих, единство той и другой, то есть товар.

§ 6. ПРОСТАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ ТОВАРА ЕСТЬ ПРОСТАЯ ТОВАРНАЯ ФОРМА ПРОДУКТА ТРУДА

Форма потребительной стоимости представляет нам продукт труда в его натуральной форме. Ему нужна, следовательно, только еще форма стоимости, чтобы обладать товарной формой,

то есть чтобы выступать в качестве единства противоположностей: потребительной стоимости и меновой стоимости. Поэтому развитие стоимостной формы тождественно с развитием товарной формы.

§ 7. ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ТОВАРНОЙ ФОРМОЙ И ДЕНЕЖНОЙ ФОРМОЙ

Если вместо выражения:

«20 аршин холста = 1 сюртуку», или: «20 аршин холста стоят 1 сюртука», поставить такую форму:

«20 аршин холста = 2 ф. ст.», или: «20 аршин холста стоят 2 ф. ст.», то с первого же взгляда видно, что денежная форма есть не что иное, как дальнейшее развитие простой формы стоимости товара, то есть простой товарной формы продукта труда. Так как денежная форма есть лишь развитая товарная форма, то, очевидно, она проистекает из простой товарной формы. Поэтому, коль скоро понята последняя, то остается только рассмотреть тот ряд метаморфозов, через который должна пройти простая товарная форма — «20 аршин холста = 1 сюртуку», чтобы принять вид: «20 аршин холста = 2 ф. ст.».

§ 8. ПРОСТАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ И ЕДИНИЧНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Выражение стоимости холста в сюртуке дает холсту такую форму стоимости, посредством которой только он как стоимость отличается от самого себя как потребительной стоимости. Эта форма ставит его в отношение только к сюртуку, то есть к какому-нибудь единичному, отличному от него самого товару. Но как стоимость холст есть то же самое, что и все другие товары. Его форма стоимости должна быть поэтому также и такой формой, которая ставит его в отношение качественного равенства и количественной пропорциональности ко всем другим товарам.

Простой относительной форме стоимости одного товара соответствует единичная эквивалентная форма какого-нибудь другого товара. Иными словами, тот товар, в котором выражена стоимость, функционирует здесь только как единичный эквивалент. Так, например, сюртук в относительном выражении стоимости холста обладает эквивалентной формой, или формой непосредственной обмениваемости, только по отношению к этому единичному товару, холсту.

§ 9. ПЕРЕХОД ИЗ ПРОСТОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ В РАЗВЕРНУТУЮ ФОРМУ СТОИМОСТИ

Простая форма стоимости обусловливает, что стоимость данного товара выражена только в одном, но все равно каком, товаре другого рода. Если стоимость холста выражена в железе или пшенице и т. д., то получается такое же простое относительное выражение стоимости холста, как и тогда, когда она выражена в товаре сюртук. Следовательно, смотря по тому, вступает ли холст в стоимостное отношение с этим или другим товаром, получаются различные простые относительные выражения стоимости холста. Потенциально холст имеет столько же различных простых выражений стоимости, сколько существует отличных от него товаров. Следовательно, на самом деле его полное относительное выражение стоимости состоит не в одном единичном простом относительном выражении стоимости, а в сумме его простых относительных выражений стоимости. Таким образом получается:

II. ПОЛНАЯ, ИЛИ РАЗВЕРНУТАЯ, ФОРМА СТОИМОСТИ

20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 фунтам чая, или = 40 фунтам кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = $^1/_2$ тонны железа, или = и т. д.

§ 1. БЕСКОНЕЧНОСТЬ РЯДА

Этот ряд простых относительных выражений стоимости по самой природе своей всегда может быть продолжен, или никогда не кончается, так как постоянно появляются новые товары, а каждый новый товар образует материал для нового выражения стоимости.

§ 2. РАЗВЕРНУТАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

Стоимость данного товара, например холста, выражается теперь во всех других элементах товарного мира. Каждое другое товарное тело становится зеркалом стоимости холста. Таким образом, только теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишенного различий человеческого труда. Ибо труд, образующий стоимость холста, теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому

другому человеческому труду, независимо от того, какой натуральной формой обладает последний и в чем овеществляется он — в сюртуке, пшенице, железе, золоте и т. д. Поэтому благодаря своей форме стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только единичным товаром другого вида, а со всем товарным миром. Как товар, он — гражданин этого мира. В то же время в бесконечном ряду выражений товарной стоимости кроется то, что она безразлична к каждой особой форме потребительной стоимости, в которой она проявляется.

§ 3. ОСОБЕННАЯ ЭКВИВАЛЕНТНАЯ ФОРМА

Каждый товар — сюртук, чай, пшеница, железо и т. д. — в выражении стоимости холста выступает в качестве эквивалента и потому в качестве стоимостного тела. Определенная натуральная форма каждого из этих товаров есть теперь особенная эквивалентная форма наряду со многими другими. Равным образом многообразные, определенные, конкретные виды полезного труда, содержащиеся в различных товарных телах, выступают теперь лишь в качестве особенных форм осуществления, или форм проявления, человеческого труда вообще.

§ 4. НЕДОСТАТКИ РАЗВЕРНУТОЙ, ИЛИ ПОЛНОЙ, ФОРМЫ СТОИМОСТИ

Во-первых, относительное выражение стоимости холста является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Во-вторых, оно состоит из пестрой мозаики разрозненных и разнородных выражений стоимости. Наконец, если, как это и должно произойти, в этой развернутой форме выражается относительная стоимость каждого товара, то относительная форма стоимости каждого товара есть бесконечный ряд выражений стоимости, отличный от относительной формы стоимости всякого иного товара.

Недостатки развернутой относительной формы стоимости отражаются и на соответствующей ей эквивалентной форме. Так как натуральная форма каждого отдельного вида товаров является здесь особенной эквивалентной формой наряду с бесчисленными другими особенными эквивалентными формами, то существуют вообще лишь ограниченные эквивалентные формы, каждая из которых исключает другую. Равным образом определенный, конкретный, полезный вид труда, содер-

жащийся в каждом особенном товарном эквиваленте, является лишь особенной, следовательно, не исчерпывающей формой проявления человеческого труда. Правда, последний получает свою полную, или исчерпывающую, форму проявления в совокупности этих особенных форм проявления. Тем не менее он не обладает здесь единой формой проявления.

§ 5. ПЕРЕХОД ОТ ПОЛНОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ К ВСЕОБЩЕЙ ФОРМЕ СТОИМОСТИ

Однако полная, или развернутая, относительная форма стоимости состоит только из суммы простых относительных выражений стоимости, или уравнений первой формы, например:

20 аршин холста = 1 сюртуку

20 аршин холста = 10 фунтам чая и т. д.

Но каждое из этих уравнений содержит и тождественное с ним обратное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста

10 фунтов чая = 20 аршинам холста и т. д.

В самом деле: если владелец холста обменивает свой товар на многие другие товары и, следовательно, выражает стоимость своего товара в целом ряде других товаров, то и многие другие товаровладельцы должны обменивать свои товары на холст и, следовательно, должны выражать стоимость своих различных товаров в одном и том же третьем товаре, холсте.

Поэтому если мы перевернем ряд: «20 аршин холста = 1 сюртуку, или 10 фунтам чая, или = и т. д.», то есть если мы выразим обратное отношение, уже содержащееся в этом ряду в скрытом виде, то получится:

III. ВСЕОБЩАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ

$$\left.\begin{array}{l} 1 \text{ сюртук} = \\ 10 \text{ фунтов чая} = \\ 40 \text{ фунтов кофе} = \\ 1 \text{ квартер пшеницы} = \\ 2 \text{ унции золота} = \\ {}^1/_2 \text{ тонны железа} = \\ x \text{ товара } A = \\ \text{и т. д. товара} = \end{array}\right\} \text{ 20 аршинам холста.}$$

§ 1. ИЗМЕНЕННЫЙ ВИД ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ

Относительная форма стоимости имеет теперь совершенно измененный вид. Все товары выражают свою стоимость, во-первых, просто, то есть в одном-единственном другом товарном теле, и, во-вторых, единообразно, то есть в одном и том же другом товарном теле. Их форма стоимости проста и обща им всем, то есть всеобща. Для всех разнородных товарных тел холст имеет теперь значение общего им всем и всеобщего воплощения стоимости. Форма стоимости какого-нибудь товара, то есть выражение стоимости этого товара в холсте, теперь не только отличает этот товар как стоимость от его бытия как предмета потребления, то есть от его собственной натуральной формы, но и ставит его как стоимость в отношении ко всем другим товарам, ко всем товарам как к равным ему. Поэтому в этой форме стоимости товар обладает всеобщей общественной формой.

Только благодаря своему всеобщему характеру форма стоимости соответствует понятию стоимости. Форма стоимости должна была быть такой формой, в которой товары выступают по отношению друг к другу только как сгустки лишенного различий, однородного человеческого труда, то есть как вещные выражения одной и той же субстанции труда. Это теперь достигнуто. Ибо все товары выражены как материализация одного и того же труда, а именно труда, содержащегося в холсте, или как одна и та же материализация труда, а именно — в виде холста. Таким образом, качественно они приравнены друг к другу.

В то же время они подвергнуты количественному сравнению, или представлены по отношению друг к другу как определенные величины стоимости. Например, 10 фунтов чая = 20 аршинам холста и 40 фунтов кофе = 20 аршинам холста. Следовательно: 10 фунтов чая = 40 фунтам кофе. Или: в одном фунте кофе содержится только четвертая часть того количества субстанции стоимости, труда, которое содержится в 1 фунте чая.

§ 2. ИЗМЕНЕННЫЙ ВИД ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ФОРМЫ

Особенная эквивалентная форма развилась теперь во всеобщую эквивалентную форму. Или товар, находящийся в эквивалентной форме, есть теперь всеобщий эквивалент.

Так как натуральная форма товарного тела холст получает значение воплощения стоимости всех других товаров, то она

есть теперь форма его безразличия, или непосредственной обмениваемости на все элементы товарного мира. Поэтому натуральная форма холста есть в то же время его всеобщая общественная форма.

Для всех других товаров, хотя они суть продукты самых различных видов труда, холст имеет значение формы проявления труда, содержащегося в них самих, следовательно — воплощения однородного, лишенного различий человеческого труда. Ткачество, этот особенный конкретный вид труда, играет теперь — в силу стоимостного отношения товарного мира к холсту — роль всеобщей и непосредственно исчерпывающей формы осуществления абстрактно-человеческого труда, то есть затраты человеческой рабочей силы вообще.

Именно поэтому содержащийся в холсте частный труд выступает также и как такой труд, который находится непосредственно во всеобщей общественной форме, или в форме равенства со всеми другими видами труда.

Следовательно, если какой-нибудь товар обладает всеобщей эквивалентной формой, или функционирует как всеобщий эквивалент, то его натуральная, или телесная, форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда.

§ 3. РАВНОМЕРНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ФОРМЫ

Степени развития относительной формы стоимости соответствует степень развития эквивалентной формы. Однако — и это важно отметить — развитие эквивалентной формы есть только выражение и результат развития относительной формы стоимости. Инициатива исходит от последней.

Простая относительная форма стоимости выражает стоимость какого-нибудь товара только в одном-единственном другом товаре, безразлично в каком. Товар получает здесь форму стоимости только в отличие от своей собственной формы потребительной стоимости, или натуральной формы. И эквивалент его получает тоже только единичную эквивалентную форму. Развернутая относительная форма стоимости выражает стоимость какого-нибудь товара во всех других товарах. Поэтому последние получают форму многих особенных эквивалентов, или особенную эквивалентную форму. В конце концов товарный мир обретает единую, всеобщую относительную форму стоимости, выделяя из своей среды один-единственный товар, в котором все другие товары выражают свою стоимость. Вследствие

этого выделенный товар становится всеобщим эквивалентом, или эквивалентная форма становится всеобщей эквивалентной формой.

§ 4. РАЗВИТИЕ ПОЛЯРНОСТИ МЕЖДУ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМОЙ СТОИМОСТИ И ЭКВИВАЛЕНТНОЙ ФОРМОЙ

Полярная противоположность, или нераздельная взаимная связь и столь же постоянное взаимное исключение относительной формы стоимости и эквивалентной формы, — так что 1) какой-нибудь товар не может находиться в одной форме без того, чтобы другой товар не находился в противоположной форме, и 2) коль скоро какой-нибудь товар находится в одной форме, он не может в то же время внутри того же выражения стоимости находиться в другой форме, — эта полярная противоположность обоих моментов выражения стоимости развивается и закрепляется в той же самой мере, в какой развивается или совершенствуется форма стоимости вообще.

Уже в форме I обе формы исключают одна другую, но только формально. Смотря по тому, читаем ли мы уравнение слева направо или справа налево, каждый из двух товаров, — например, холст и сюртук, — одинаковым образом находится то в относительной форме стоимости, то в эквивалентной форме. Здесь еще довольно трудно уловить полярную противоположность.

В форме II какой-нибудь товар всякий раз может полностью развернуть свою относительную стоимость, или сам он обладает развернутой относительной формой стоимости, лишь потому и постольку, поскольку все другие товары противостоят ему в эквивалентной форме.

Наконец, в форме III товарный мир обладает всеобщей общественной относительной формой стоимости лишь потому и постольку, поскольку все принадлежащие к нему товары исключены из эквивалентной формы, или формы непосредственной обмениваемости. Наоборот, товар, находящийся во всеобщей эквивалентной форме, или фигурирующий в качестве всеобщего эквивалента, исключен из единой и потому всеобщей относительной формы стоимости товарного мира. Для того чтобы холст, — то есть какой-нибудь товар, находящийся во всеобщей эквивалентной форме, — участвовал в то же время также и во всеобщей относительной форме стоимости, он должен был бы относиться к самому себе как к эквиваленту. В та-

ком случае получилось бы: «20 аршин холста = 20 аршинам холста», то есть получилась бы тавтология, в которой не выражаются ни стоимость, ни величина стоимости. Чтобы выразить относительную стоимость всеобщего эквивалента, мы должны перевернуть форму III. Всеобщий эквивалент не обладает общей с другими товарами относительной формой стоимости, а его стоимость выражается относительно в бесконечном ряде всех других товарных тел. Таким образом, развернутая относительная форма стоимости, или форма II, оказывается теперь специфической относительной формой стоимости того товара, который играет роль всеобщего эквивалента.

§ 5. ПЕРЕХОД ОТ ВСЕОБЩЕЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ К ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ

Всеобщая эквивалентная форма есть форма стоимости вообще. Следовательно, она может принадлежать любому товару, но всегда только при том условии, что этот товар выталкивается из среды всех других товаров.

Однако уже одно только различие формы между формой II и формой III показывает нечто своеобразное, чего не было в формах I и II. А именно, в развернутой форме стоимости (форме II) один товар исключает все другие товары, чтобы в них выразить свою собственную стоимость. Это исключение может быть процессом чисто субъективным, например, процессом владельца холста, оценивающего стоимость своего собственного товара во многих других товарах. Напротив, во всеобщей эквивалентной форме (форме III) какой-нибудь товар находится лишь потому и постольку, поскольку он сам как эквивалент исключается всеми другими товарами. Исключение есть здесь независимый от исключаемого товара объективный процесс. Поэтому в историческом развитии товарной формы всеобщая эквивалентная форма может принадлежать попеременно то одному, то другому товару. Но тот или иной товар никогда не функционирует действительно в качестве всеобщего эквивалента, разве только, если его исключение, а следовательно, его эквивалентная форма, не есть результат объективного общественного процесса.

Всеобщая форма стоимости есть развитая форма стоимости и потому — развитая товарная форма. Продукты труда, вещественно совершенно различные, не могут обладать законченной товарной формой и потому не могут функционировать в процессе обмена в качестве товаров, если они не представлены как вещные выражения одного и того же одинакового человеческого

труда. Это значит: для того, чтобы получить законченную товарную форму, они должны получить единую, всеобщую относительную форму стоимости. Но эту единую относительную форму стоимости они могут приобрести только благодаря тому, что они выделяют из своей собственной среды какой-то определенный товар в качестве всеобщего эквивалента. И лишь с того момента, когда это выделение окончательно ограничится одним специфическим товаром, единая относительная форма стоимости приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость.

Отныне специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Исполнение в товарном мире роли всеобщего эквивалента делается его специфической общественной функцией, а следовательно, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров, которые в форме II фигурировали как особенные эквиваленты холста, а в форме III все выражали свою относительную стоимость в холсте, исторически завоевал себе определенный товар, а именно золото. Поэтому если мы в форме III на место товара холст поставим товар золото, то получится:

IV. ДЕНЕЖНАЯ ФОРМА

20 аршин холста =	2 унциям золота
1 сюртук =	
10 фунтов чая =	
40 фунтов кофе =	
1 квартер пшеницы =	
$^1/_2$ тонны железа =	
x товара A =	
и т. д. товара =	

§ 1. ОТЛИЧИЕ ПЕРЕХОДА ВСЕОБЩЕЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ К ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЕ ОТ ПРЕЖНИХ ПЕРЕХОДОВ

При переходе от формы I к форме II и от формы II к форме III имеют место существенные изменения. Напротив, форма IV отличается от формы III только тем, что теперь вместо холста формой всеобщего эквивалента обладает золото. В форме IV золото остается тем же, чем холст был в форме III, — всеобщим эквивалентом. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей обмениваемости, или всеобщая экви-

валентная форма, теперь окончательно срослась в силу общественной привычки со специфической натуральной формой товара золото.

Золото лишь потому противостоит другим товарам как деньги, что оно раньше уже противостояло им как товар. Подобно всем другим товарам, оно функционировало и как эквивалент — как единичный эквивалент в единичных актах обмена, и как особенный эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент. Как только оно завоевало себе монополию на это место в выражении стоимостей товарного мира, оно сделалось денежным товаром, и лишь с того момента, когда оно уже стало таким денежным товаром, форма IV начинает отличаться от формы III, другими словами — всеобщая форма стоимости превращается в денежную форму.

§ 2. ПРЕВРАЩЕНИЕ ВСЕОБЩЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ СТОИМОСТИ В ФОРМУ ЦЕНЫ

Простое относительное выражение стоимости товара, например холста, в товаре, уже функционирующем как денежный товар, например в золоте, есть форма цены. Следовательно, форма цены холста такова:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если 2 ф. ст. представляют собой монетное название двух унций золота:

20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов.

§ 3. ПРОСТАЯ ТОВАРНАЯ ФОРМА ЕСТЬ ТАЙНА ДЕНЕЖНОЙ ФОРМЫ

Мы видим, что собственно денежная форма сама по себе не представляет никаких трудностей. После того как постигнута всеобщая эквивалентная форма, уже совершенно не надо ломать голову, чтобы понять, что эта эквивалентная форма закрепляется за таким специфическим товаром, как золото; понять это тем легче, что всеобщая эквивалентная форма по самой своей природе обусловливает общественное выделение одного определенного товара всеми другими товарами. Дело теперь только в том, что это выделение приобретает объективно общественную консистенцию и всеобщую значимость; поэтому оно не оказывается попеременно уделом различных товаров

и имеет отнюдь не только местное значение и не только в каких-то особенных сферах товарного мира.

Трудность, заключающаяся в понятии денежной формы, ограничивается трудностью понимания всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы стоимости вообще, формы III. Но форма III разрешается ретроспективно в форму II, а конституирующим элементом формы II является форма I: «20 аршин холста = 1 сюртуку», или «x товара A = y товара B». Если мы знаем, что́ такое потребительная стоимость и что́ такое меновая стоимость, то мы найдем, что эта форма I есть самый простой, самый неразвитый способ представить любой продукт труда, например холст, как товар, то есть как единство противоположностей потребительной стоимости и меновой стоимости. Вместе с тем мы легко найдем тогда ряд тех метаморфозов, через которые должна пройти простая товарная форма: «20 аршин холста = 1 сюртуку», для того чтобы приобрести свою законченную форму: «20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов», то есть чтобы приобрести денежную форму.

К. МАРКС

[ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОРИЗОВАННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА»][51]

Перевод полностью переработан К. Марксом в сентябре 1872 — ноябре 1875 г.

Печатается по тексту первого издания 1872—1875 гг.

Перевод с французского

LE CAPITAL

PAR KARL MARX

Traduction de M. J. Roy, entiérement revisée par l'auteur. Paris. Editeurs Maurice Lachatre et Cie

(Карл Маркс. **Капитал.** Перевод г-на Ж. Руа, полностью переработанный автором. Париж. Издатели Морис Лашатр и К[0]).

СОДЕРЖАНИЕ

Четвертый отдел

ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Глава двенадцатая. Относительная прибавочная стоимость

Глава тринадцатая. Кооперация

Глава четырнадцатая. Разделение труда и мануфактура

I. Двоякое происхождение мануфактуры

II. Частичный рабочий и его орудие

III. Общий механизм мануфактуры. Ее две основные формы: гетерогенная мануфактура и серийная мануфактура

IV. Разделение труда внутри мануфактуры и внутри общества

V. Капиталистический характер мануфактуры

Глава пятнадцатая. Машины и крупная промышленность

I. Развитие машин и машинного производства

II. Стоимость, переносимая машиной на продукт

III. Ближайшие действия машинной промышленности на рабочего

IV. Фабрика

V. Борьба между рабочим и машиной

VI. Теория компенсации

VII. Отталкивание и притяжение рабочих фабрикой. Кризисы в хлопчатобумажной промышленности

VIII. Революционизирование крупной промышленностью мануфактуры, ремесла и работы на дому

IX. Фабричное законодательство

X. Крупная промышленность и земледелие

Пятый отдел

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Глава шестнадцатая. Абсолютная прибавочная стоимость и относительная прибавочная стоимость

Глава семнадцатая. Изменения в соотношении между величинами прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы

I. Дано: Продолжительность и интенсивность труда постоянны. Производительность переменна

II. Дано: Продолжительность и производительность труда постоянны. Интенсивность переменна

II. Последовательные изменения в строении капитала по мере роста накопления и относительное уменьшение той части капитала, которая обменивается на рабочую силу
III. Возрастающее производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии
IV. Формы существования относительного перенаселения. Всеобщий закон капиталистического накопления
V. Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления

Восьмой отдел

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

Глава двадцать шестая. Тайна первоначального накопления

Глава двадцать седьмая. Экспроприация сельского населения

Глава двадцать восьмая. Кровавое законодательство против экспроприированных с конца XV столетия. Законы о заработной плате

Глава двадцать девятая. Генезис капиталистических фермеров

Глава тридцатая. Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капитала

Глава тридцать первая. Генезис промышленного капиталиста

Глава тридцать вторая. Историческая тенденция капиталистического накопления

Глава тридцать третья. Современная теория колонизации

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

ТОВАР И ДЕНЬГИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

II. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ПРЕДСТАВЛЕННОГО ТОВАРОМ ТРУДА

...Более значительное количество потребительной стоимости образует явственным образом большее *материальное богатство;* двумя сюртуками можно одеть двух человек, одним — только одного и т. д. Однако возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение его стоимости. Это противоречивое движение возникает из двойственного характера труда. Эффективность полезного труда в пределах данного времени зависит от его производительной силы. Следовательно, полезный труд оказывается более или менее обильным источником продуктов в прямой зависимости от увеличения или уменьшения его производительной силы. Напротив, изменение этой последней никогда не затрагивает прямо труда, представленного в стоимости. Так как производительная сила принадлежит конкретному и полезному труду, то она уже не затрагивает труда, как только оставляют в стороне полезную форму. Каковы бы ни были изменения производительной силы труда, один и тот же труд, функционируя в течение одного и того же времени, фиксируется всегда в одной и той же стоимости. Но он приносит за определенное время бо̀льшую потребительную стоимость, если его производительная сила увеличивается, и меньшую, если она уменьшается. Всякое изменение производительной силы, которое увеличивает плодотворность труда и, следовательно, массу доставляемых им потребительных стоимостей, уменьшает стоимость этой увеличенной массы, если сокращается общее время, необходимое для ее производства. И наоборот.

Из предыдущего следует, что если в товаре и нет, собственно говоря, двух видов труда, то все-таки один и тот же труд в нем

противопоставляется себе самому, смотря по тому, относят ли его к потребительной стоимости товара, как его продукту, или к стоимости этого товара, как чисто объективному его выражению. Всякий труд есть, с одной стороны, расходование человеческой силы в физиологическом смысле, и в этом качестве одинакового человеческого труда он образует стоимость товаров. С другой стороны, всякий труд есть расходование человеческой силы в той или иной производительной форме, преследующей достижение какой-либо особой цели, и в этом качестве конкретного и полезного труда он производит потребительные стоимости, или полезности. Подобно тому, как товар должен быть прежде всего полезностью, чтобы быть стоимостью, так и труд должен быть прежде всего полезным, чтобы считаться расходованием человеческой силы, человеческого труда в абстрактном смысле слова [стр. 18] [52].

IV. ФЕТИШИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ТОВАРА И ЕГО ТАЙНА

На первый взгляд товар кажется тривиальной и понятной вещью. Наш анализ, напротив, показывает, что это очень сложная вещь, полная метафизических тонкостей и теологических ухищрений. Как потребительная стоимость, он не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы рассматривать его с той точки зрения, что он своими свойствами удовлетворяет человеческие потребности или что эти свойства были приданы ему человеческим трудом. Очевидно, что человек своей деятельностью видоизменяет вещества, доставленные природой, таким образом, чтобы они были ему полезны. Форма дерева, например, изменяется, если делают из него стол. Тем не менее стол остается деревом, обыденной и чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он начинает выступать как товар — тут уже совсем другое дело. В одно и то же время он чувственно воспринимаемый и чувственно невоспринимаемый; ему уже недостаточно стоять ногами на земле; он уже становится, так сказать, на свою деревянную башку перед лицом других товаров и предается капризам более причудливым, чем если бы он пустился в пляс.

Мистический характер товара, следовательно, не проистекает из его потребительной стоимости. Он не проистекает также из свойств, которые определяют стоимость. Во-первых, на самом деле, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда или производительной деятельности, это физиологическая истина, что они являются прежде всего функциями человеческого

организма и что всякая такая функция, каковы бы ни были ее содержание и ее форма, есть, в сущности, затрата человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, что касается того, что служит для определения количества стоимости, то есть продолжительности этой затраты, или количества труда, то нельзя отрицать, что это количество труда совершенно отчетливо отличается от его качества. При всех общественных укладах человека должно было интересовать то время, которое необходимо для производства средств потребления, хотя и не одинаково на различных ступенях цивилизации [1]). Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд тем самым получает общественную форму.

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только он приобретает форму товара? Очевидно, из самой этой формы.

Равенство различных видов человеческого труда приобретает форму качества — стоимости продуктов труда; измерение индивидуальных видов труда их продолжительностью приобретает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, отношения производителей, в которых проявляется общественный характер их труда, приобретают форму общественного отношения продуктов труда. Вот почему эти продукты превращаются в товары, то есть в такие вещи, которые воспринимаются и не воспринимаются нашими чувствами, то есть в общественные вещи. Так световое воздействие какого-нибудь предмета на глазной нерв представляется не как субъективное раздражение самого нерва, а как чувственно воспринимаемая форма какой-либо вещи, которая существует вне нашего глаза. Следует добавить, что в акте видения свет действительно отбрасывается одним внешним предметом на другой предмет, на глаз; это физическое отношение между физическими вещами. Но форма стоимости и отношение стоимости продуктов труда абсолютно ничего общего не имеют с их физической природой. Это только определенное общественное отношение людей между собой, которое приобретает здесь фантастическую форму отношения вещей. Чтобы найти аналогию этому явлению, надо было бы забраться в туманные области религиозного мира. Там продукты человеческого мозга представляются самостоятельными предметами, одаренными собственной жизнью, имеющими связь с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире това-

[1]) У древних германцев арпан земли измеряется трудом одного дня; отсюда название арпана: Tagewerk, Mannewerk и т. д. (Jurnale или jurnalis, terra jurnalis или diurnalis). Между прочим, выражение «journal» земли существует все еще в некоторых частях Франции.

ров с продуктами человеческих рук. Это можно назвать фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они выступают как товары, фетишизмом, который неотделим от этого способа производства.

Вообще предметы потребления становятся товарами только потому, что они суть продукты частных работ, выполняемых независимо одна от другой. Совокупность этих частных работ образует общественный труд. Так как производители вступают в общественный контакт лишь путем обмена своих продуктов, то и общественный характер их частных работ проявляется прежде всего только в рамках этого обмена. Другими словами, частные работы фактически выступают как звенья общественного труда лишь благодаря тем отношениям, которые обмен устанавливает между продуктами труда и косвенно между производителями. Поэтому последними отношения их частных работ воспринимаются как они есть, то есть не как непосредственные общественные отношения лиц в самом их труде, а как общественные отношения между вещами.

Лишь в обмене продукты труда приобретают в качестве стоимостей идентичное и единообразное общественное существование, отличное от их вещественного и многообразного существования в качестве предметов потребления. Это расщепление продуктов труда на предмет потребления и предмет стоимости расширяется на практике с того момента, когда обмен приобретает распространение и значение, достаточное для того, чтобы предметы потребления производились ради обмена, чтобы стоимостной характер этих предметов имелся в виду уже при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей получают на деле двойной общественный характер. С одной стороны, они должны быть полезным трудом, удовлетворяющим общественные потребности и проявляющимся, следовательно, в качестве составных частей совокупного труда, звеньев общественного разделения труда, которое складывается стихийно; с другой стороны, они удовлетворяют разнообразные потребности самих производителей, и поэтому каждый вид полезного частного труда может быть обменен на все другие частные виды полезного труда, то есть он имеет репутацию равного с ними. Равенство работ, которые toto coelo * отличаются друг от друга, может состоять лишь в отвлечении от их реального неравенства, в сведении их к их общему характеру затраты человеческой силы, человеческого труда вообще. И только обмен осуществляет это сведение, ставя лицом

* — во всех отношениях. *Ред.*

друг к другу на равных условиях самые различные продукты труда.

Двойственный общественный характер частных работ отражается в голове производителей только лишь в той форме, которую этим работам придает торговая практика, обмен продуктов. Когда производители вступают в контакт друг с другом и благодаря этому отношению продукты их труда становятся стоимостями, то это происходит не потому, что они видят в стоимостях простую оболочку, под которой скрывается однородный человеческий труд. Как раз наоборот: приравнивая в обмене свои различные продукты друг к другу, они тем самым приравнивают друг к другу свои различные работы. Они это делают, не сознавая этого [1]. Таким образом у стоимости не написано на лбу, что̀ она такое. Более того, она превращает каждый продукт труда в иероглиф. Только со временем человек начинает стремиться расшифровать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну общественного творения, которое он сам создает. А превращение полезных предметов в стоимости есть продукт общества точно так же, как и язык.

Сделанное позже научное открытие, что продукты труда как стоимости представляют собой простое выражение человеческого труда, затраченного при их производстве, знаменует эпоху в истории развития человечества, но отнюдь не рассеивает фантасмагории, в силу которой общественный характер труда кажется характером вещей, самих продуктов. Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что общественный характер самых различных работ состоит в их равенстве как человеческого труда и что этот специфический общественный характер приобретает объективную форму, форму стоимости продуктов труда. Этот последний факт для людей, захваченных механизмом и отношениями товарного производства, представляется, как после, так и до открытия природы стоимости, столь же неизменным и естественным, как газообразная форма воздуха, которая остается все такой же как после, так и до открытия его химических элементов.

Практически лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: сколько они получат при обмене своих продуктов, то есть пропорция, в которой продукты обмениваются между собой. Когда эта пропорция приобретает известную прочность и становится привычной, тогда кажется, что

---

[1] Поэтому, когда Галиани говорит: стоимость есть отношение между двумя лицами, «La Ricchézza è una ragione tra due persone» (*Galiani*. Della Moneta, p. 221, том III, издания Кустоди: «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna, Milano, 1803), то он должен был бы добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой,

она проистекает из самой природы продуктов труда. Кажется, что в самих этих вещах заложено свойство обмениваться в заведомо определенных пропорциях подобно тому, как в определенной пропорции происходит соединение химических элементов.

Стоимостный характер продуктов труда выявляется на деле только тогда, когда они определятся как величины стоимости. Эти последние изменяются непрерывно, независимо от желания и предвидения производителей, в глазах которых их собственное общественное движение принимает, следовательно, форму движения вещей, движения, которое управляет производителями вместо того, чтобы производители им управляли. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта возникла научная истина: частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья общественной и естественно выросшей системы разделения труда, постоянно приводятся к своей общественной пропорциональной мере. А каким образом? В случайных и постоянно меняющихся меновых отношениях общественно необходимое время труда для производства продуктов пробивает себе путь как естественный регулирующий закон подобно тому, как закон тяготения дает о себе знать, когда нам на голову обрушивается дом[1]. Определение величины стоимости продолжительностью труда есть поэтому тайна, скрывающаяся под очевидным движением товарных стоимостей. Открытие этой тайны, показывающее, что величина стоимости не определяется случайно, как это может казаться, не устраняет, однако, той формы, которая представляет эту величину как количественное отношение между самими вещами, между продуктами труда.

Размышление над формами общественной жизни, а значит и их научный анализ следуют путем, который совершенно противоположен действительному движению. Оно начинается задним числом, когда налицо уже совершенно устоявшиеся данные, результаты развития. Формы, налагающие на продукты труда печать товара и уже вследствие этого определяющие их обращение, обладают, таким образом, устойчивостью естественных форм общественной жизни еще до того, как люди сделают первую попытку понять, не исторический характер этих форм, которые им кажутся довольно неподвижными, а их внутреннее содержание. Следовательно, лишь анализ товарных цен привел

[1] «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно» (*Фридрих Энгельс*. Наброски к критике политической экономии; в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. Париж, 1844 [настоящее издание, т. I, стр. 561]).

к количественному определению стоимости, и только общее денежное выражение товаров дало возможность фиксировать их характер как стоимостей. Но эта приобретенная и фиксированная форма товарного мира, денежная форма товаров, вуалирует, вместо того чтобы раскрывать, общественный характер частных работ и общественные отношения производителей. Когда я говорю: пшеница, сюртук, сапоги относятся к холсту как всеобщему воплощению абстрактного человеческого труда, то ложность и странность этого выражения сразу же бросается в глаза. Но когда производители этих товаров сопоставляют их с холстом или, что не меняет дела, с золотом и серебром как всеобщим эквивалентом, то отношение между их частными работами и совокупным общественным трудом представляется им именно в этой нелепой форме.

Категории буржуазной политической экономии представляют собой теоретические формы, которые имеют значение объективных истин, поскольку они отражают действительные общественные отношения, но эти отношения принадлежат только к той исторически определенной эпохе, когда товарное производство является способом общественного производства. Поэтому как только мы обратимся к другим формам производства, мы сразу же увидим исчезновение всего этого мистицизма, который затемняет продукты труда в настоящий период.

Так как политическая экономия любит робинзонады [1)], то прежде всего отправимся к Робинзону на его остров.

Естественно, он скромен, но тем не менее и он должен удовлетворять различные потребности и ему приходится выполнять *различные виды полезного труда,* изготовлять, например, мебель, делать орудия, приручать животных, рыбачить, охотиться и т. д. О его молитве и других подобных пустяках нам нечего сказать, так как наш Робинзон находит в них для себя удовольствие и рассматривает деятельность этого рода как подкрепляющее отвлечение. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что они суть лишь различные формы его деятельности, то есть просто различные способы человеческого труда. В силу необходимости он должен распределять свое время между различными занятиями. Больше или меньше места

[1)] Даже у Рикардо есть своя робинзонада. Первобытный охотник и первобытный рыбак являются для него торговцами, которые обменивают рыбу и дичь сообразно рабочему времени, заключенному в их стоимостях. В этом случае он впадает в анахронизм, состоящий в том, что охотник и рыбак используют для оценки своих орудий труда таблицы аннуитетов, действовавшие на Лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы» г-на Оуэна [53], кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазного общества.

займет в его совокупном труде то или иное занятие, это зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший при кораблекрушении часы, гроссбух, перо и чернила, как истый англичанин, начинает вести учет всем своим ежедневным действиям. Его инвентарный список содержит перечень полезных предметов, которыми он располагает, различных трудовых операций, которые необходимы для их производства, и, наконец, там указано рабочее время, которого ему в среднем стоят определенные количества этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, которые составляют его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что г-н Бодрийяр мог бы понять их без слишком большого напряжения ума. И все же здесь уже заключены все существенные определения стоимости.

Давайте теперь перенесемся со светлого острова Робинзона в мрачное европейское средневековье. Вместо независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Эта личная зависимость характеризует как общественные отношения материального производства, так и все другие сферы жизни, для которых оно служит фундаментом. И именно потому, что общество покоится на личной зависимости, все общественные отношения представляются как отношения между лицами. Различным работам и их продуктам вследствие этого нет нужды принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они выступают в виде повинности, барщины и натурального оброка. Натуральная форма труда, его особенность, а не его всеобщность, его абстрактный характер, как при товарном производстве, — это тоже общественная форма. Барщина тоже измеряется временем, как и труд, производящий товары, но каждый отбывающий барщину знает, не прибегая к Адаму Смиту, что на службе своему господину он затрачивает определенное количество своей личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто более отчетливое, чем благословение попа. Таким образом, как бы ни оценивались те маски, которые носят люди в этом обществе, общественные отношения лиц в их труде ясно проявляются как их собственно личные отношения, а не облекаются в форму общественных отношений вещей, продуктов труда.

Для рассмотрения общего, то есть непосредственно общественного, труда нам нет надобности возвращаться к той его естественной первобытной форме, которую мы имели на пороге

истории всех цивилизованных народов[1]. Совсем близкий пример дает нам деревенское патриархальное производство крестьянской семьи, которая производит для собственных нужд скот, хлеб, холст, пряжу, одежду и т. д. Эти различные предметы противостоят семье как различные продукты ее труда, а не как взаимно обменивающиеся товары. Различные работы, создающие эти продукты — обработка пашни, уход за скотом, ткачество, изготовление одежды и т. д., — с самого начала обладают формой общественных функций потому, что они суть функции семьи, которая подобно товарному производству имеет свое разделение труда. Различия естественных условий, которые вызываются изменением времен года, а также различия возраста и пола регулируют в семье распределение труда и его продолжительность для каждого. Измерение затрат индивидуальной рабочей силы рабочим временем выступает здесь непосредственно как общественный характер самих работ потому, что индивидуальные рабочие силы функционируют лишь как органы общей рабочей силы всей семьи.

Представим себе, наконец, объединение свободных людей, работающих общими средствами производства и расходующих по заранее согласованному плану свои многочисленные индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу. Здесь повторится все, что мы говорили только что о труде Робинзона, но в общественном, а не в индивидуальном виде. Все продукты Робинзона были исключительно его личным продуктом и, следовательно, предметами потребления для него самого. Совокупный продукт объединенных трудящихся является общественным продуктом. Одна его часть снова служит средством производства и остается общественной, но другая часть потребляется и, следовательно, должна распределяться между всеми. Способ распределения будет изменяться соответственно производственному организму общества и степени исторического развития трудящихся. Представим себе, чтобы сравнить это положение вещей с товарным производством, что доля каждого трудящегося определяется его рабочим временем. При этом рабочее время играло бы двоякую роль.

[1] В последнее время получил распространение смехотворный предрассудок, что первобытная форма общей собственности является формой специфически славянской или исключительно русской. Это—форма, которую мы встречаем у римлян, германцев, кельтов и различные образцы которой еще и сегодня, хотя в фрагментарном и обломочном виде, можно найти у индийцев. Углубленное изучение форм общей собственности в Азии и особенно в Индии показало бы, как из них вышли различные формы разложения этой собственности. Так, например, различные своеобразные типы частной собственности в Риме и у германцев могут быть выведены из различных форм индийской общей собственности.

С одной стороны, его распределение в обществе регулирует в точности отношение различных функций к различным потребностям; с другой — им измеряется индивидуальная доля каждого производителя в общем труде и вместе с тем доля, которая причитается каждому из всей части общего продукта, предназначенной для потребления. Общественные отношения людей в процессе их работ и их отношения к тем полезным предметам, которые производятся в этом процессе, остаются здесь простыми и ясными как в производстве, так и в распределении.

Религиозный мир есть лишь отражение действительного мира. Общество, где продукт труда принимает обычно форму товара и где вследствие этого самое общее отношение между производителями заключается в сравнении стоимостей их продуктов и в сравнении друг с другом под этой вещной оболочкой их частных работ как одинакового человеческого труда, такое общество находит в христианстве с его культом абстрактного человека, и особенно в его буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д., самое подходящее религиозное дополнение. При способах производства древней Азии, античного мира вообще, превращение продукта в товар играет лишь подчиненную роль, которая, однако, приобретает все большее значение по мере разложения общинного уклада. Собственно торговые народы существуют лишь в межмировых пространствах античного мира наподобие богов Эпикура [54] или как евреи в порах польского общества. Эти древние общественные организмы в отношении производства бесконечно более просты и более ясны, чем буржуазное общество, но они покоятся на незрелости индивидуального человека, не отрезанного еще историей, так сказать, от пуповины, которая связывает его с естественной общностью первобытного рода или с условиями деспотизма и рабства. Низкая ступень развития производительных сил труда, которая их характеризует и которая, следовательно, накладывает свой отпечаток на весь образ материальной жизни, обусловливает ограниченность отношений людей как между собой, так и с природой, отражается идеально в древних национальных религиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда условия труда и практической жизни будут являть человеку картину ясных и разумных отношений с себе подобными и с природой. Общественная жизнь, основу которой составляют материальное производство и связанные с ним отношения, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда она станет продуктом свободной ассоциации людей, действующих сознательно и являющихся хозяевами их собственного общест-

венного движения. Но для этого необходима в обществе совокупность определенных условий материального существования, которые сами могут быть лишь продуктом долгого и мучительного развития.

Правда, политическая экономия анализировала, хотя и недостаточно, стоимость и величину стоимости [1]. Но она никогда не задавалась вопросом, почему труд представлен в стоимости, а мера труда, выражаемая его продолжительностью, — в величине стоимости продуктов. Формы, которые с первого же взгляда демонстрируют свою принадлежность к такому общественному периоду, когда производство и его отношения управляют чело-

---

[1] Знаменитый Франклин, один из первых экономистов, который после Уильяма Петти раскрыл подлинное содержание *стоимости*, может дать нам пример того, как буржуазная политическая экономия осуществляет свой анализ. Он говорит: «Вообще торговля является не чем иным, как обменом труда на труд, и поэтому стоимость всех вещей наиболее точно оценивается трудом» («The Works of *Benjamin Franklin* etc., edited by Sparks». Boston, 1836, v. II, p. 267). То, что вещи имеют стоимость, Франклин находит столь же естественным, как и то, что тела имеют тяжесть. С его точки зрения, дело заключается просто в том, как наиболее точно можно оценить эту *стоимость*. Заявляя, что «стоимость всех вещей наиболее точно оценивается трудом», он даже не замечает, что тем самым он абстрагируется от различия обмениваемых работ и сводит их к одинаковому человеческому труду. В противном случае он должен был бы сказать: так как обмен башмаков или сапог на столы есть не что иное, как обмен сапожного ремесла на столярное, то с помощью труда столяра с наибольшей точностью оценивают стоимость башмаков. Употребляя слово «труд» вообще, он абстрагируется от полезного характера и конкретных форм различных видов труда.

Недостаточность рикардовского анализа величины стоимости — а это наилучший из ее анализов — будет показана в третьей и четвертой книгах этой работы. Что же касается стоимости вообще, то классическая политическая экономия никогда не различала ясно и определенно труд, как он представлен в стоимости, и тот же труд, как он представлен в потребительной стоимости продукта. Фактически она, конечно, делает это различие, так как рассматривает труд то с точки зрения качества, то с точки зрения количества. Но ей и в голову не приходит, что чисто количественное различие работ предполагает их единство или их качественное равенство, то есть сведение их к абстрактному человеческому труду. Рикардо, например, заявляет, что он согласен со следующими словами Дестюта де Траси: «Так как вполне очевидно, что наши физические и духовные способности есть единственное первоначальное богатство, то применение этих способностей, то есть какой-нибудь труд, является нашим единственным первоначальным сокровищем и что всегда благодаря этому применению получаются вещи, которые мы называем благами... очевидно в то же время, что все эти блага представляют лишь труд, который их породил, и если они имеют стоимость или даже две различные стоимости, то они могут получить эти стоимости только от стоимости труда, который их произвел» (*Destutt de Tracy*. Élémens d'idéologie, IVe et V^{e} parties. Paris, 1826, p. 35, 36). Добавим лишь, что Рикардо приписывает словам Дестюта чересчур глубокий смысл. Правда, Дестют, с одной стороны, говорит, что вещи, составляющие богатство, представляют труд, который их создал, но, с другой стороны, он утверждает, что они обретают две свои различные стоимости (потребительную стоимость и меновую стоимость), отличные от стоимости труда. Тем самым он впадает в скудоумие вульгарной политической экономии, которая берет первоначально стоимость одного товара (труда, например) для того, чтобы определять стоимость других товаров.

Рикардо это понимает так, как если бы Дестют говорил, что труд (а не его стоимость) представлен как в потребительной стоимости, так и в меновой стоимости. Но сам он настолько плохо различает двойственный характер труда, что на протяжении всей своей главы «Стоимость и богатство» вынужден то и дело заниматься пошлостями Ж. Б. Сэя. А к концу он уже весьма удивлен, что по вопросу о труде как источнике стоимости согласен с Дестютом, у которого на стоимость те же взгляды, что и у Сэя.

веком вместо того, чтобы человек управлял ими, представляются буржуазному сознанию представителей политической экономии столь же естественной необходимостью, как и сам производительный труд. Нет ничего удивительного, что политическая экономия обращается с формами общественного производства, предшествующими буржуазному производству, так же, как отцы церкви обращаются с формами религии, предшествовавшими христианству [1].

Длинный и нелепый спор по поводу той роли, которую природа играет в создании меновой стоимости, демонстрирует среди прочих вещей иллюзию, созданную у большинства экономистов фетишизмом, который присущ товарному миру, или вещной видимостью общественных определений труда. Эта стоимость, являясь не чем иным, как специфическим общественным способом учета труда, примененного в производстве

---

[1] «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существует только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодальные институты — искусственные, буржуазные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два рода религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога... Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» (*Карл Маркс*. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона, 1847, стр. 113 [настоящее издание, том 4, стр. 142]). Еще более смешон Бастиа, который воображает себе, что греки и римляне жили только грабежом. Ведь если люди на протяжении нескольких столетий живут грабежом, то должно быть всегда в наличии что-нибудь такое, что можно взять, или, иначе говоря, должен быть налицо постоянно возобновляемый предмет грабежа. Надо думать поэтому, что греки и римляне имели свое производство, какую-то, следовательно, экономику, которая составляла материальный базис их общества подобно тому, как буржуазная экономика составляет базис нашего общества. Или же Бастиа полагает, что способ производства, основанный на рабском труде, является системой воровства? В таком случае он становится на опасный путь. Но если такой исполин мысли, как Аристотель, ошибался в своей оценке рабского труда [55], то почему мы должны ожидать правильной оценки наемного труда от такого экономиста-карлика, как Бастиа? Я пользуюсь этим случаем, чтобы сказать несколько слов в ответ на возражения, которые были сделаны мне одной немецко-американской газетой в связи с моей работой «К критике политической экономии», вышедшей в 1859 году. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и вытекающие из него общественные отношения, одним словом, экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, что способ производства материальной жизни вообще определяет развитие социальной, политической и интеллектуальной жизни, — этот взгляд, по мнению газеты, является справедливым в отношении современного мира, в котором господствуют материальные интересы, но не применим ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к Афинам и Риму, где господствовала политика. Прежде всего странно, что газета апеллирует к кому-то, кто, как она предполагает, незнаком с этими старыми и избитыми фразами о средних веках и античном мире. Ясно, что ни средние века не могли жить католицизмом, ни античный мир — политикой. Напротив, тогдашние экономические условия объясняют, почему в одном случае католицизм, а в другом политика играли главную роль. Даже небольшие знания истории Римской республики, например, позволяют увидеть, что секрет этой истории заключается в истории земельной собственности. С другой стороны, каждый знает, что уже Дон-Кихот должен был поплатиться за свою веру в то, что странствующее рыцарство совместимо со всеми экономическими формами общества.

данного предмета, содержит вещных элементов не больше, чем, например, вексельный курс.

В нашем обществе самая общая и самая простая экономическая форма, которую приобретают продукты труда, товарная форма, столь привычна для всех, что никто здесь не видит ничего худого. Посмотрите на другие более сложные экономические формы. Откуда происходят, например, иллюзии меркантилистской системы? Очевидно, из фетишистского характера, который форма денег придает благородным металлам. А современная политическая экономия, которая щеголяет своим вольнодумством и без устали пережевывает пошлые остроты против фетишизма меркантилистов, не является ли она в такой же мере жертвой обманчивой видимости? И не ее ли первая догма состоит в том, что вещи, например, орудия труда, по природе своей суть капитал и что, желая раскрыть их чисто общественный характер, люди тем самым-де совершают преступление против самой природы? Наконец, физиократы, которые во многих отношениях были несравненно выше, разве им не казалось, что земельная рента не дань, отнятая у людей, а, напротив, дар самой природы собственникам? Но не будем забегать вперед и ограничимся еще одним примером относительно самой товарной формы.

Товары сказали бы, если бы они могли говорить: наша потребительная стоимость может весьма интересовать людей; мы же, как предметы, на нее не обращаем никакого внимания. То, что нас занимает, — это наша стоимость. Это доказывается нашим отношением друг к другу как вещей для продажи и купли. Мы рассматриваем друг друга только как меновые стоимости. Не считаете ли вы, что экономист заимствует свои слова у самой души товара, когда он говорит: «Стоимость (меновая стоимость) есть свойство вещей, богатство (потребительная стоимость) есть свойство человека. В этом смысле стоимость необходимо предполагает обмен, богатство — нет» [1]. «Богатство (потребительная стоимость) есть атрибут человека, стоимость — атрибут товаров. Человек или общество богаты, жемчуг или алмаз обладают стоимостью, они обладают ею как таковые» [2]. До сих пор ни один химик не открыл меновой стоимости в жемчуге или в алмазе. Экономисты, которые открыли или изобрели химическую субстанцию этого рода и которые известным образом

[1] «Value is a property of things, riches of men. Value, in this sense, necessarily implies exchange, riches do not» («Observations on certain verbal disputes in Political Economy, particularly relating to value, and to Demand and Supply». London, 1821, p. 16).

[2] S. *Bailey*. A. Critical dissertation on the nature etc. of Value. London, 1825, p. 165.

афишируют свою претензию на глубину, находят, что потребительная стоимость вещей принадлежит им независимо от их материальных свойств, тогда как их стоимость принадлежит им как вещам. Их укрепляет в этом мнении то странное обстоятельство, что потребительная стоимость вещей реализуется для человека без обмена, то есть в непосредственном отношении между вещью и человеком, тогда как их стоимость, напротив, реализуется только в обмене, то есть в известном общественном отношении. Как не вспомнить тут добряка Догбери и урок, который он давал ночному сторожу Сиколю: «Приятная наружность — это дар фортуны, а уменье писать и читать дается природой» [1]. («To be a well favoured man is the gift of fortune; but to write and read comes by nature» (Шекспир))[56] [стр. 28—33].

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБМЕН

Мы уже видели, что форма денег или монеты есть лишь отражение отношений стоимости различных товаров в одном-единственном товаре. Что сами деньги являются товаром — это, следовательно, может быть открытием лишь для того, кто берет за исходный пункт совершенно законченную форму товара с тем, чтобы потом отсюда перейти к его анализу. Процесс обмена сообщает товару, который он превращает в деньги, не стоимость, а специфическую стоимостную форму. Смешение этих двух столь различных вещей привело к тому, что серебро и золото стали считать чисто воображаемыми стоимостями. Тот факт, что деньги в некоторых своих функциях могут быть заменены простыми знаками денег, породил другую ошибку, т. е. представление, будто деньги — это только простые знаки.

С другой стороны, правда, эта ошибка заставила почувствовать, что под видимостью внешнего предмета, монеты, скрывается на деле общественное отношение. В этом смысле каждый товар представлял бы собой только знак, ибо стоимостью он является лишь как вещная оболочка человеческого труда, затраченного при его производстве. Но считая только простыми

---

[1] Автор «Observations» и С. Бейли обвиняют Рикардо в том, что он чисто относительную меновую стоимость сделал чем-то абсолютным. Совсем наоборот: видимую относительность, которой предметы, например, жемчуг и алмазы, обладают как меновые стоимости, он свел к действительному отношению, скрытому под этой видимостью, к их относительности как простых выражений человеческого труда. Если рикардианцы отвечали Бейли грубо и не убедительно, то это просто потому, что у самого Рикардо они не нашли ничего такого, что проясняло бы им внутреннее отношение между стоимостью и ее формой, то есть меновой стоимостью.

знаками те общественные отношения, в которые облачены вещи, или тот вещный характер, который приобретают общественные определения труда на базе специфического способа производства, тем самым придают этим общественным отношениям и определениям смысл условной фикции, санкционированной так называемым всеобщим согласием людей. Таков был способ объяснения, принятый в XVIII веке; не будучи в состоянии проследить ни происхождение, ни развитие загадочных форм общественных отношений, от них просто отмахиваются, когда заявляют, что они не упали с неба, а являются человеческим изобретением [стр. 36—37].

Мы уже видели, что в наиболее простом выражении стоимости — x товара $A = y$ товара B — предмет, в котором выражена величина стоимости другого предмета, по видимости обладает своей эквивалентной формой независимо от этого отношения как неким общественным свойством, данным от природы. Мы проследили эту ложную видимость вплоть до момента ее закрепления. Это закрепление совершилось, когда всеобщая эквивалентная форма связывается исключительно с одним особым товаром, или кристаллизуется в форме денег. Создается впечатление, что один товар становится деньгами отнюдь не потому, что другие товары выражают в нем свои стоимости. Совсем наоборот, эти последние, кажется, выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Движение, которое играло опосредствующую роль, исчезает в своем результате и не оставляет никакого следа. Без всякого постороннего содействия товары находят воплощение их собственной стоимости и фиксируют ее в виде другого товара, который существует наряду с ними и вне их. Эти простые вещи, серебро и золото, в том самом виде, в котором они выходят из недр земных, фигурируют как непосредственное воплощение всякого человеческого труда. Отсюда магическая сила денег [стр. 38].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДЕНЬГИ, ИЛИ ОБРАЩЕНИЕ ТОВАРОВ

III. ДЕНЬГИ

До сих пор мы рассматривали благородный металл в двояком аспекте — меры стоимости и средства обращения. Первую функцию он выполняет как идеальные деньги; во второй функции он может быть представлен символами. Но существуют функции, в которых он должен выступать в своей металлической плоти

как реальный эквивалент товаров или как денежный товар. Существует еще другая функция, которую он может выполнять или собственной персоной или через заместителей, но здесь он перед лицом обычных товаров всегда выступает как единственное в своем роде адекватное воплощение их стоимости. Во всех этих случаях мы говорим, что он функционирует как деньги в собственном смысле в противоположность его функциям меры стоимости и средства обращения [стр. 53].

ВТОРОЙ ОТДЕЛ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ВСЕОБЩАЯ ФОРМУЛА КАПИТАЛА

Самостоятельные формы, то есть денежные формы, которые стоимость товаров приобретает в простом обращении, только опосредствуют обмен продуктов и исчезают в конечном результате движения. В обращении *Д — Т — Д*, напротив, и товар и деньги функционируют лишь как различные формы самой стоимости таким способом, что в одном случае мы имеем всеобщую форму, в другом — особенную, так сказать, скрытую [1]. Стоимость постоянно переходит из одной формы в другую, не утрачиваясь в этом движении. Если задержаться на одной или на другой из этих форм, в которых проявляется стоимость от превращения к превращению, то придем к двум определениям: капитал есть деньги, капитал есть товар [2]. Однако на самом деле стоимость представляется здесь как некая наделенная собственной жизнью автоматическая субстанция, которая, меняя непрестанно свои формы, изменяет также свою величину; первоначальная стоимость самопроизвольно производит новый прирост, прибавочную стоимость, и в конце концов сама по себе увеличивается. Одним словом, кажется, что стоимость, потому что она есть стоимость, приобрела таинственную способность порождать стоимость, порождать детенышей или, по меньшей мере, класть золотые яйца.

Поскольку стоимость становится капиталом, подвергается постоянным изменениям формы и величины, она нуждается

---

[1] «Не сама по себе данная материя составляет капитал, а стоимость этой материи» (*J. B. Say*. Traité d'économie politique, 3 édition. Paris, 1817, t. II, p. 429).

[2] «Деньги (currency!), употребленные с производственной целью, суть капитал» (*Macleod*. The Theory and Practice of Banking. London, 1855, v. I, ch. I, [p. 55]). «Капитал — это товар» (*James Mill*. Elements of Political Economy. London, 1821, p. 74).

прежде всего в такой форме, в которой было бы констатировано ее тождество с нею же самой. И этой формой она обладает лишь в виде денег. В форме денег она начинает, кончает и снова начинает процесс самопроизвольного возрастания. Она была равна 100 ф. ст., теперь она равна 110 ф. ст. и т. д. Но сами деньги составляют только одну форму стоимости, а их здесь две. Не принимая товарной формы, деньги не становятся капиталом. Здесь перед нами двукратное изменение места одним и тем же товаром: сперва во время купли, когда он замещает авансированные деньги, затем во время продажи, когда деньги снова возвращаются; именно это двойное перемещение обусловливает возвращение денег к исходному пункту вместе с прибавкой тех денег, которые не были брошены в обращение. Таким образом, деньги здесь не занимают враждебной позиции по отношению к товару, как это имеет место в случае накопления сокровищ. Капиталист знает очень хорошо, что всякие товары, как бы они ни выглядели и как бы они ни пахли, есть «в духе и истине» деньги и, более того, — они чудотворное средство делать деньги [стр. 64].

ПЯТЫЙ ОТДЕЛ

ДАЛЬНЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

АБСОЛЮТНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

Человек создает продукт, приспосабливая внешний предмет к своим потребностям, и в этой операции физический труд и труд умственный соединяются нерасторжимыми узами подобно тому, как в природе рука и голова не могут обходиться одна без другой.

Однако с того момента, когда индивидуальный продукт превращается в продукт общественный, в продукт совокупного работника, различные члены которого участвуют в весьма различной степени в обработке предмета, непосредственно или издали, или даже совсем не соприкасаясь с ним, с этого момента определения *производительного труда, производительного работника* необходимо приобретают более широкое значение. Чтобы быть производительным, вовсе не обязательно непосредственное приложение рук к предмету; достаточно быть органом совокупного работника или выполнять какую-либо из его функций. Первоначальное определение производительного труда, возникшее из самой природы материального производства, остается всегда верным по отношению к совокупному работнику, рассматриваемому как одно лицо, но оно неприменимо больше к каждому из его членов, взятому в отдельности... [стр. 219] [57].

СЕДЬМОЙ ОТДЕЛ

НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА

ВВЕДЕНИЕ

Превращение известной денежной суммы в средства производства и рабочую силу, это первое движение стоимости, предназначенной функционировать в качестве капитала, происходит на рынке, в сфере обращения.

Процесс производства, вторая фаза движения, заканчивается с превращением средств производства в товары, стоимость которых превышает стоимость их составных частей, или заключает в себе кроме авансированного капитала прибавочную стоимость.

Товары должны быть затем брошены в сферу обращения. Надо их продать, реализовать в деньгах их стоимость, затем снова превратить эти деньги в капитал и так снова и снова.

Это и есть то круговое движение с последовательными фазами, которое составляет обращение капитала.

Первое условие накопления заключается в том, чтобы капиталисту удалось продать свои товары и снова превратить в капитал бо̀льшую часть полученных за них денег. В дальнейшем изложении предполагается, что капитал нормальным образом совершает процесс своего обращения, анализом которого мы займемся позже, во второй книге.

Капиталист, производящий прибавочную стоимость, то есть высасывающий непосредственно из рабочих неоплаченный и фиксированный в товарах труд, первым ее присваивает, но отнюдь не остается ее единственным владельцем. Напротив, он должен затем поделиться ею с другими капиталистами, которые выполняют другие функции в общественном производстве, взятом в целом, с земельным собственником и т. д.

Прибавочная стоимость раздробляется, таким образом, на различные части, доли, которые достаются лицам различных категорий и приобретают различные формы, по видимости независимые одна от другой, такие, как промышленная прибыль, процент, торговая прибыль, земельная рента и т. д. Но это деление не меняет ни природы прибавочной стоимости, ни условий, в которых она становится источником накопления. Какова бы ни была та доля прибавочной стоимости, которую капиталистический предприниматель удерживает для себя, и та, которую он передает другим, всегда именно он в первую очередь присваивает прибавочную стоимость всю целиком и он единственный превращает ее в капитал. Не задерживаясь на распределении и превращениях прибавочной стоимости, исследование которых относится к третьей книге, мы будем рассматривать здесь промышленного капиталиста, т. е. фабриканта, фермера и т. д., как единственного владельца прибавочной стоимости, или, если угодно, как представителя всех участников дележа этой добычи.

Опосредствующее движение обращения и разделение прибавочной стоимости на различные части, приобретающие различные формы, усложняют и затемняют основной процесс накопления. Поэтому для упрощения анализа необходимо пока что оставить в стороне все те явления, которые маскируют внутреннюю игру механизма накопления, и исследовать накопление с точки зрения производства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ПРОСТОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО

Какова бы ни была общественная форма, которую приобретает процесс производства, он должен быть непрерывным, или, что то же самое, он должен периодически проходить одни и те же фазы. Так же, как общество не может перестать потреблять, так не может оно и перестать производить. Следовательно, всякий процесс общественного производства, рассматриваемый не в своем изолированном аспекте, а в потоке своего непрерывного возобновления, есть в то же время процесс воспроизводства.

Условия производства суть также условия воспроизводства: Общество не может воспроизводить, т. е. непрерывно производить, не превращая непрерывно часть своих продуктов в средства производства, в элементы новых продуктов. При прочих равных условиях, оно может поддерживать свое богат-

ство на неизменном уровне, лишь замещая средства труда, сырье, вспомогательные материалы, одним словом, средства производства, потребленные в течение, например, одного года равным количеством других предметов того же рода. Следовательно, эта часть годового продукта, которую необходимо регулярно выделять для постоянного включения снова и снова в процесс производства, принадлежит производству. Предназначенная с момента своего появления для производительного потребления, она состоит большей частью из таких вещей, самый способ существования которых делает их непригодными в качестве средств личного потребления.

Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство будет иметь такую же форму. Здесь процесс труда служит средством создания прибавочной стоимости; он служит средством воспроизводства или увековечения капитала, т. е. стоимости, воспроизводящей авансированную стоимость.

Характерная экономическая роль капиталиста присуща данному лицу только потому, что его деньги функционируют как капитал. Если в этом году, например, он авансирует 100 ф. ст., превращает их в капитал и извлекает 20 ф. ст. прибавочной стоимости, то он должен будет повторить ту же самую операцию и в следующем году.

Как периодическое приращение авансированной стоимости, прибавочная стоимость приобретает форму *дохода,* возникающего из капитала [1].

Если капиталист применяет свой доход исключительно как фонд потребления, периодически расходуя его и получая, то при прочих равных условиях будет иметь место простое воспроизводство, или иначе говоря, капитал будет функционировать, не увеличиваясь. Периодически возобновляющийся процесс производства будет проходить в определенный промежуток времени те же самые фазы, но он будет всегда повторяться в том же самом масштабе. Тем не менее эта повторяемость или непрерывность придает ему определенные новые черты или,

[1] «Но эти богатые, которые потребляют продукт труда других, могут его получить только путем обмена. Если они, однако, свое приобретенное и накопленное богатство отдают в обмен на новые продукты, являющиеся предметом их прихоти, то создается впечатление, что они вскоре исчерпают свои запасные фонды; они совсем не работают, говорили мы, они даже не могут работать; полагали поэтому, что их старые богатства будут уменьшаться с каждым днем и что когда у них ничего не останется, им нечего будет предложить в обмен рабочим, которые работают исключительно на них... Но в [современном] общественном строе богатство приобрело способность воспроизводиться посредством чужого труда, без участия в нем собственника. Богатство, подобно труду и при помощи труда, каждый год доставляет плод, который каждый год можно уничтожить, не делая богатого менее богатым. Этот плод есть доход, возникающий из капитала» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris, 1819, t. I, p. 81, 82 [Русский перевод, том I, стр. 181, 182]).

точнее говоря, устраняет те черты, которые кажутся характерными для него, если его рассматривать как единичный акт.

Сначала рассмотрим часть капитала, авансированную на заработную плату, или переменный капитал.

Прежде чем начать производить, капиталист покупает на определенное время рабочую силу и возобновляет эту сделку по истечении обусловленного срока, после определенного периода производства, через неделю, месяц и т. д. Но он платит только после того, как рабочий уже функционировал и прибавил к продукту как стоимость своей собственной рабочей силы, так и известную прибавочную стоимость. Следовательно, кроме прибавочной стоимости, фонда потребления капиталиста, рабочий произвел фонд для своей собственной оплаты, *переменный капитал,* произвел его раньше, чем этот последний возвращается к нему обратно в форме заработной платы, и он имеет работу лишь до тех пор, пока продолжает его воспроизводить. Отсюда формула экономистов (см. гл. XVII), изображающая заработную плату как долю готового продукта [1]. Действительно, известная доля товаров, которые рабочий постоянно воспроизводит, постоянно к нему возвращается в форме заработной платы. Разумеется, эта часть выплачивается ему деньгами, но эти деньги есть лишь форма стоимости [figure — valeur] товаров.

В то время как рабочий занят превращением в новый продукт части средств производства, продукт его прошлого труда обращается на рынке, где он превращается в деньги. Следовательно, его сегодняшний труд или его труд в будущем полугодии оплачивается за счет той части труда, которую он выполнил на прошлой неделе или в прошлом полугодии.

Иллюзия, создаваемая обращением товаров, сразу же исчезает, как только мы вместо отдельного капиталиста и его рабочих станем рассматривать класс капиталистов и класс рабочих. Класс капиталистов регулярно выдает классу рабочих в денежной форме векселя на известную часть продуктов, произведенных рабочими и присвоенных капиталистами. Класс рабочих столь же регулярно возвращает эти векселя классу капиталистов для получения некоторой части своего собственного продукта. Товарная форма продукта и денежная форма товара маскируют эту сделку.

---

[1] «Заработную плату... точно так же, как и прибыль, следует рассматривать всегда как долю готового продукта» (*Ramsay.* An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836, p. 142). «Доля продукта, причитающаяся рабочему *в форме* заработной платы и т. д.» (*J. Mill.* Élémens d'Économie Politique. Traduits de l'anglais par Parisot. Paris, 1823, p. 34).

Итак, переменный капитал [1] есть лишь особая историческая форма так называемого *фонда содержания труда* [2] *[fonds d'entretien du travail]*, который работник должен сам постоянно производить и воспроизводить во всех возможных системах производства. Если при капиталистической системе этот фонд достается рабочему в форме заработной платы, в форме средств платежа за его труд, то это только потому, что его собственный продукт постоянно удаляется от него в форме капитала. Но это нисколько не меняет того факта, что это лишь часть прошлого и уже овеществленного труда рабочего, которую он получает как аванс от капиталиста [3].

Возьмем, например, барщинного крестьянина, который со своими средствами производства три дня в неделю работает на своем собственном поле, а в течение следующих трех дней отбывает барщину на господском поле. Фонд для содержания самого себя, который этот крестьянин воспроизводит постоянно и единственным владельцем которого он является, никогда не принимает по отношению к нему форму средств платежа, авансируемых ему каким-либо третьим лицом, но зато и его вынужденный и даровой труд никогда не принимает форму труда добровольного и оплаченного. Предположим теперь, что его поле, его рабочий скот, его семена, одним словом, его средства производства будут отняты у него его господином, которому отныне он будет вынужден продавать свой труд. При прочих равных условиях, он будет работать по-прежнему шесть дней в неделю, три дня для содержания самого себя и три дня для своего бывшего господина, ставшего нанимателем. Он продолжает использовать те же самые средства производства и переносить их стоимость на продукт. Определенная часть продукта, как и прежде, входит в воспроизводство. Но с того момента, как крепостная система превратилась в наемную, фонд содержания бывшего барщинного крестьянина, который он по-прежнему продолжает сам воспроизводить, сразу же принимает форму капитала, который вышеупомянутый сеньор авансирует, оплачивая наемный труд.

Буржуазный экономист, не способный отличать форму от сущности, закрывает глаза на тот факт, что даже у земледельцев

[1] Переменный капитал здесь рассматривается исключительно как фонд заработной платы. Известно, что в действительности он становится переменным только с того момента, когда купленная им рабочая сила уже функционирует в процессе производства.

[2] Англичане говорят *трудовой фонд* [*labour fund*], буквально — *фонд труда* [*fonds de travail*]; такое выражение по-французски было бы двусмысленно.

[3] «Когда капитал употребляется на авансирование рабочим их заработной платы, то это ничего не прибавляет к фонду содержания труда» (Кейзнов в примечании к его изданию работы Мальтуса «Definitions in Political Economy». London, 1853, p. 22).

континентальной Европы и Северной Америки фонд содержания труда лишь в виде исключения носит форму капитала [1]), форму аванса непосредственному производителю со стороны капиталистического предпринимателя.

Переменный капитал утрачивает, однако, характер *аванса* [2]) из собственного фонда капиталиста только благодаря периодическому возобновлению процесса производства. Но прежде чем возобновиться, этот процесс должен был начаться и продолжаться определенный отрезок времени, в течение которого рабочий еще не может ни быть оплачен за счет своего собственного продукта, ни питаться воздухом. Не следует ли предположить, что при своем первом появлении на рынке труда класс капиталистов своим трудом и своей бережливостью уже накопил сокровища, которые в форме денег употребляются для авансирования средств существования рабочих? Предварительно мы примем это решение проблемы, резервируя более подробное рассмотрение в главе о так называемом первоначальном накоплении.

Во всяком случае, делая функционирование одного и того же капитала непрерывным, или повторяя без перерыва процесс производства в постоянном масштабе, воспроизводство вызывает другое изменение, которое меняет первоначальный характер и переменной и постоянной частей авансированного капитала.

Если капитал в 1 000 ф. ст. приносит периодически, скажем, ежегодно, прибавочную стоимость в 200 ф. ст., которые капиталист потребляет каждый год, то ясно, что после пятикратного повторения процесса годового производства сумма прибавочной стоимости будет равна 5×200 или 1 000 ф. ст., т. е. всей стоимости авансированного капитала. Если бы годовая прибавочная стоимость потреблялась лишь частично, например наполовину, то тот же результат получился бы по истечении десяти лет, так как $10 \times 100 = 1\ 000$. Вообще говоря, *деля авансированный капитал на потребляемую ежегодно прибавочную стоимость, мы получаем число лет или периодов производства, по истечении которых первоначальный капитал будет потреблен капиталистом, и, следовательно, исчезнет.*

[1]) «На большей части земного шара средства существования работников не авансируются им капиталистами» (*Richard Jones.* Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852, p. 36 [Русский перевод, стр. 313]).

[2]) «Хотя хозяин *авансирует* мануфактурному рабочему его заработную плату, последняя в действительности не стоит ему *никаких издержек,* так как стоимость этой заработной платы обычно возвращается ему вместе с прибылью в увеличенной стоимости того предмета, к которому был приложен труд рабочего» (*Adam Smith.* Recherches sur la Nature et les causes de la Richesse des Nations. Paris, 1802, t. II, ch. III, p. 311 [Русский перевод, М., 1962, стр. 244]).

Капиталист представляет себе, несомненно, что он потребил прибавочную стоимость и сохранил капитальную стоимость, но эта точка зрения нисколько не меняет того факта, что, спустя определенный период, принадлежавшая капиталисту капитальная стоимость будет равна сумме прибавочной стоимости, которую он безвозмездно присвоил в течение того же периода, и что сумма потребленной им стоимости будет равна сумме авансированной стоимости. От старого капитала, который он авансировал из своего собственного фонда, не остается ни одного атома стоимости.

Правда, в его руках сохраняется капитал, величина которого не изменилась и часть которого, здания, машины и т. д., уже была налицо, когда он пустил в ход свое предприятие. Но здесь дело идет о стоимости капитала, а не его вещественных элементах. Когда человек проедает все свое имущество, наделав долгов, стоимость его имущества представляет только сумму этих долгов. Точно так же, когда капиталист проел эквивалент своего авансированного капитала, то стоимость этого капитала представляет лишь сумму присвоенной им прибавочной стоимости.

Абстрагируясь от всякого накопления в собственном смысле, мы можем сказать, следовательно, что простое воспроизводство достаточно для превращения рано или поздно всего авансированного капитала в накопленный капитал, или в капитализированную прибавочную стоимость. Этот капитал, если даже при своем вступлении в процесс производства он был приобретен благодаря личному труду предпринимателя, по истечении более или менее продолжительного периода становится стоимостью, приобретенной без эквивалента, материализацией чужого неоплаченного труда.

В начале нашего анализа (второй отдел) мы видели, что для появления капитала недостаточно товарного производства и товарного обращения. Необходимо еще, чтобы человек с деньгами нашел на рынке других людей, свободных, но вынужденных добровольно продавать свою рабочую силу, потому что у них нет ничего другого для продажи. Отделение продукта от производителя, отделение лиц, которые имеют все необходимое для овеществления труда, от лиц, у которых нет ничего, кроме их рабочей силы, — таков исходный пункт капиталистического производства.

Но то, что первоначально было исходным пунктом, впоследствии благодаря простому воспроизводству становится постоянно возобновляющимся результатом. С одной стороны, процесс производства не перестает превращать вещественное богатство

в капитал и средства потребления для капиталиста; с другой стороны, рабочий выходит из этого процесса в том же виде, в каком вступил в него, как персонифицированный источник богатства, лишенный собственных средств овеществления [труда]. Его труд, уже отчужденный, ставший собственностью капиталиста и включенный в капитал еще до начала процесса, явно не может быть овеществлен иначе, как в продуктах, уплывающих из его рук. Капиталистическое производство, будучи в то же время потреблением рабочей силы капиталистом, непрерывно превращает продукты наемного труда не только в товары, но и в капитал, в стоимость, которая высасывает силу, создающую стоимость, в средства производства, которые господствуют над производителем, в средства существования, которые покупают самого рабочего. Таким образом, сама непрерывность или периодическая повторяемость процесса капиталистического производства воспроизводит и увековечивает основу, работника в качестве наемного рабочего [1].

Потребление работника бывает двоякого рода. В акте производства *он потребляет своим трудом* средства производства для того, чтобы превратить их в продукты с более высокой стоимостью, чем стоимость авансированного капитала. Это — его *производительное потребление,* которое в то же время является потреблением его силы капиталистом, которому она принадлежит [2]. Но деньги, отданные на покупку этой силы, истрачиваются работником на жизненные средства, и это составляет его *индивидуальное потребление.*

Следовательно, производительное потребление и индивидуальное потребление работника совершенно различны между собой. В первом он функционирует как движущая сила капитала и принадлежит капиталисту; во втором он принадлежит самому себе и выполняет жизненные функции вне процесса производства. Результатом первого является существование капитала, результатом второго — существование самого рабочего.

---

[1] «Это правда, конечно, что впервые введенная мануфактура дает работу многим беднякам, но последние не перестают быть таковыми, и дальнейшее ведение мануфактурных предприятий делает бедняками многих других» («Reasons for a Limited Exportation of Wool». London, 1677, p. 19). «Абсурдно утверждение фермера, будто он содержит бедных. На самом деле бедные содержатся в нищете» («Reasons for the late Increase of the Poor-rates; or a Comparative View of the Prices of Labour and Provisions». London, 1777, p. 31).

[2] «Это весьма примечательная особенность производительного потребления. То, что потреблено производительно, является капиталом и становится капиталом благодаря потреблению» (*James Mill.* [Éléments d'Économie Politique. Paris, 1823, p. 242]). Если бы Дж. Милль понял производительное потребление, он не находил бы ничего удивительного в «этой весьма примечательной особенности».

Правда, в главах о рабочем дне и крупной промышленности на многочисленных примерах было показано, что рабочий вынужден превращать свое индивидуальное потребление в простой эпизод процесса производства. В этом случае поддерживающее его силы питание играет ту же роль, что вода и уголь, питающие паровую машину. Оно служит ему только для целей производства, или иначе говоря, его индивидуальное потребление сливается с его производительным потреблением. Однако это представляется как злоупотребление, к которому капиталистическое производство прибегает только в крайних случаях [1].

Однако иначе выглядит дело, если брать не отдельного капиталиста и отдельного рабочего, а класс капиталистов и рабочий класс, не изолированные акты производства, а капиталистическое производство в целом с его непрерывным возобновлением и в его общественном масштабе.

Превращая в рабочую силу часть своего капитала, капиталист обеспечивает поддержание и увеличение стоимости всего своего капитала. Но это не все. Он одним ударом убивает двух зайцев. Он извлекает прибыль не только из того, что получает от рабочего, но еще и из того, что дает ему.

Капитал, отчуждаемый на приобретение рабочей силы, обменивается рабочим классом на жизненные средства, потребление которых служит воспроизводству мускулов, нервов, костей, мозга и т. д. работников, уже имеющихся налицо, и формированию новых. В строго необходимых границах индивидуальное потребление рабочего класса представляет собой, следовательно, превращение жизненных средств, которые он покупает, продавая свою рабочую силу, в новую рабочую силу, в новый материал эксплуатации капиталом. Это — производство и воспроизводство самого необходимого капиталисту орудия, т. е. самого работника. Индивидуальное потребление рабочего, которое имеет место внутри и вне мастерской, составляет, таким образом, элемент воспроизводства капитала подобно чистке машин, происходящей во время процесса труда или во время перерывов.

Верно, что работник осуществляет свое индивидуальное потребление ради самого себя, а не ради капиталиста. Но ведь вьючное животное тоже ест для своего удовольствия, но кто

---

[1] Экономисты, которые считают нормальным это совпадение индивидуального потребления и производительного потребления, должны неизбежно относить жизненные средства рабочего к числу вспомогательных материалов, таких, как масло, уголь и т. д., которые потребляются орудиями труда и составляют вследствие этого элемент производительного капитала. Росси восстает против этой классификации, забывая при этом, что если не жизненные средства входят в производительный капитал, то сам рабочий является его частью.

станет утверждать, что его пропитание не является заботой фермера? Капиталисту здесь нет нужды осуществлять надзор; он может смело довериться инстинкту сохранения и размножения свободного работника.

Таким образом, капиталист весьма далек от того, чтобы подражать грубым шахтовладельцам Южной Америки, которые принуждают своих рабов потреблять более питательную пищу вместо менее питательной [1]; единственная его забота — ограничивать индивидуальное потребление рабочих только тем, что совершенно необходимо.

Вот почему идеолог капитала, политико-эконом, считает производительной только ту часть индивидуального потребления, которая необходима для поддержания рода и для увеличения численности рабочего класса и без которой капитал вообще не нашел бы рабочей силы, пригодной для потребления, или же нашел бы ее в недостаточном количестве. Все, что работник может истратить на рынке сверх того для удовольствия, физического или духовного, есть непроизводительное потребление [2]. Если накопление капитала вызывает повышение заработной платы, которое увеличивает расходы рабочего, не давая в то же время капиталисту возможности увеличить потребление рабочей силы, то добавочный капитал потребляется непроизводительно [3]. В самом деле, потребление работника непроизводительно для него самого, так как оно воспроизводит лишь индивидуума с его потребностями; оно производительно для капиталиста и для государства, так как оно производит силу, создающую их богатство [4].

Итак, с общественной точки зрения рабочий класс является, как и всякое другое орудие труда, принадлежностью капитала,

[1] «Рабочие рудников Южной Америки, ежедневный труд которых (быть может, самый тяжелый в мире) состоит в том, чтобы вытаскивать на своих плечах на поверхность земли груз руды в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов, питаются хлебом и бобами; они предпочли бы питаться одним хлебом, но их господа находят, что на одном хлебе они не смогут работать так интенсивно и принуждают их есть бобы; бобы значительно богаче фосфором, чем хлеб» (*Liebieg*. Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agrikultur und Physiologie. 7. Auflage, 1862, I. Theil, S. 194, примечание [Русский перевод, том I, стр. 211]).

[2] *James Mill*. Élémens d'Économie Politique, p 238 и след.

[3] «Если бы цена труда поднялась так высоко, что несмотря на увеличение капитала нельзя было бы применить больше труда, то я сказал бы, что такое увеличение капитала потребляется непроизводительно» (*Ricardo*. On the Principles of Political Economy. 3 ed. London, 1821, p. 163 [Русский перевод, том I, стр. 130]).

[4] «Единственно производительным потреблением в собственном смысле слова является только потребление или разрушение богатства» (Мальтус имеет в виду потребление средств производства) «капиталистом с целью воспроизводства... Рабочий является производительным потребителем для лица, применяющего его, и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (*Malthus*. Definitions in Political Economy. London, 1853, p. 30).

процесс воспроизводства которого в известных пределах включает в себя даже индивидуальное потребление работников. Отнимая постоянно у труда его продукт и перемещая его на противоположный полюс, к капиталу, этот процесс не дает одаренным сознанием орудиям производства убежать от капитала. Индивидуальное потребление, которое поддерживает и воспроизводит эти орудия, в то же время уничтожает их жизненные средства и, таким образом, вынуждает их постоянно появляться на рынке. Римский раб был прикован цепями; наемный рабочий привязан к своему собственнику невидимыми нитями. Только этот собственник — не индивидуальный капиталист, а класс капиталистов.

Еще недавно этот класс прибегал к узаконенному принуждению, стремясь осуществить свое право собственности на свободного работника. Вплоть до 1815 г. машинным рабочим запрещалось под угрозой сурового наказания эмигрировать из Англии.

Воспроизводство рабочего класса включает в себя накопление его искусства, передаваемого из поколения в поколение[1]. То, что это искусство фигурирует в инвентарном списке капиталиста, который в существовании рабочих видит лишь способ существования его переменного капитала, это совершенно достоверный факт, и капиталист не стесняется публично признаваться в этом с того момента, когда какой-нибудь кризис начинает грозить ему утратой этой ценной собственности...

Итак, процесс капиталистического производства сам воспроизводит отделение работника от условий труда. Тем самым он воспроизводит и увековечивает условия, которые принуждают рабочего продавать себя, чтобы жить, и позволяют капиталисту покупать его, чтобы обогащаться[2]. Теперь уже не простой случай противопоставляет на рынке рабочего и капиталиста как продавца и покупателя. Механизм самого процесса постоянно выбрасывает на рынок рабочего как продавца своей рабочей силы и постоянно превращает его продукт в средства купли для капиталиста. Работник принадлежит на деле классу капиталистов еще до того, как он продаст себя отдельному капиталисту. Его экономическое рабство обусловливается и в то же

---

[1] «Единственная вещь, о которой можно сказать, что она накопляется и подготовляется заранее, есть искусство рабочего. Накопление искусного труда, эта важнейшая операция осуществляется, если рассматривать большую массу рабочих, без всякой затраты капитала» (*Hodgskin*. Labour Defended etc., p. 12, 13 [Русский перевод, стр. 13, 14]).

[2] «Рабочий требовал средств существования, чтобы жить, хозяин требовал труда, чтобы иметь выгоду» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris, 1819, t. I, p. 91 [Русский перевод, том I, стр. 186]).

время маскируется периодическим возобновлением этого акта продажи, фикцией свободного договора, переменой его индивидуальных хозяев и колебаниями рыночных цен на труд [1].

Следовательно, процесс капиталистического производства, рассматриваемый в своей непрерывности, или как воспроизводство, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и увековечивает общественное отношение между капиталистом и наемным рабочим [стр. 246—253].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ В КАПИТАЛ

I. ВОСПРОИЗВОДСТВО В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ. КАК ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ТОВАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СТАНОВИТСЯ ПРАВОМ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРИСВОЕНИЯ

В предыдущих отделах мы видели, как прибавочная стоимость возникает из капитала; теперь посмотрим, как капитал возникает из прибавочной стоимости.

Если прибавочная стоимость вместо того, чтобы быть израсходованной, авансируется и используется в качестве капитала, то создается новый капитал и он присоединяется к прежнему. Происходит накопление путем капитализации прибавочной стоимости [2].

Рассмотрим сначала этот процесс с точки зрения отдельного капиталиста.

Пусть, например, прядильный фабрикант авансирует капитал в 250 000 франков, в том числе $^4/_5$ в виде хлопка, машин и т. д. и $^1/_5$ в виде заработной платы. Допустим, что ежегодно он производит 240 000 фунтов пряжи стоимостью в 300 000 франков. Прибавочная стоимость в 50 000 франков заключена в чистом продукте в 40 000 фунтов, что составляет $^1/_6$ *валового продукта*. Эта прибавочная стоимость будет превращена в результате продажи в сумму в 50 000 франков. 50 000 франков есть 50 000 франков. Их характер, как прибавочной стоимости, указывает,

---

[1] Напомним, что в отношении труда детей и т. д. отпадает необходимость даже в этой формальности личного участия в продаже.

[2] «Накопление капитала — это употребление части дохода в качестве капитала» (*Malthus*. Definitions etc., ed. Cazenove, p. 11). «Превращение дохода в капитал» (*Malthus*. Principles of Political Economy. 2 edition. London, 1836, p. 320).

каким путем они попали в руки капиталиста, но нисколько не меняет их природы, как стоимости или денег.

Далее, прядильный фабрикант, чтобы капитализировать эту новую сумму в 50 000 франков, должен при прочих равных условиях авансировать $^4/_5$ ее на закупку хлопка и т. д. и $^1/_5$ на покупку добавочных рабочих-прядильщиков, которые найдут на рынке жизненные средства, стоимость которых он им авансировал. Затем этот новый капитал в 50 000 франков будет функционировать в прядильном деле и в свою очередь принесет прибавочную стоимость в 10 000 франков и т. д.

Капитальная стоимость была первоначально авансирована в денежной форме; напротив, прибавочная стоимость вначале существует как стоимость определенной части валового продукта. Если этот последний продается, обменивается на деньги, то капитальная стоимость снова приобретает свою первоначальную форму, а прибавочная стоимость изменяет свою первоначальную форму бытия. Однако, начиная с этого момента, и капитальная стоимость и прибавочная стоимость суть денежные суммы, и последующее превращение в капитал происходит совершенно одинаковым способом для обеих сумм. И ту и другую сумму прядильный фабрикант авансирует на покупку товаров, которые дают ему возможность снова начать изготовление своего продукта, и на этот раз уже в расширенном масштабе. Но чтобы закупить эти товары, он должен найти их на рынке.

Его собственная пряжа обращается лишь потому, что он выносит свой годовой продукт на рынок, как это делают со своими товарами и все другие капиталисты. Но прежде чем эти товары попали на рынок, они уже заключались в фонде годового производства, как и другие всякого рода изделия, в которые превращается в течение года сумма отдельных капиталов, или общественный капитал, и лишь какая-то доля которого находится в руках каждого отдельного капиталиста. Операции, совершающиеся на рынке, осуществляют лишь перемещение или смену владельцев этих составных частей годового производства, не увеличивая при этом суммы годового производства и не меняя природы произведенных предметов. Как будет употреблен совокупный годовой продукт, это зависит, таким образом, от самого состава последнего, а отнюдь не от его обращения.

Прежде всего годовое производство должно доставить все предметы, способные возместить в натуре вещественные составные части капитала, которые были потреблены в течение года. За вычетом этой части остается чистый продукт, в котором заключается прибавочная стоимость.

Но из чего состоит этот чистый продукт?

Конечно, из предметов, предназначенных для удовлетворения потребностей и желаний класса капиталистов, из предметов, входящих в потребительный фонд этого класса. Но если бы было только это, то прибавочная стоимость была бы растрачена вся без остатка, и имело бы место всего лишь простое воспроизводство.

Чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал. Но, не совершая чуда, можно превращать в капитал лишь такие предметы, которые могут функционировать в процессе труда, т. е. средства производства, а также предметы, которые способны поддерживать жизнь работника, т. е. жизненные средства. Следовательно, часть годового прибавочного труда должна быть употреблена на изготовление добавочных средств производства и жизненных средств сверх того их количества, которое необходимо для возмещения авансированного капитала. Одним словом, прибавочная стоимость лишь потому может быть превращена в капитал, что прибавочный продукт, стоимостью которого она является, уже заключает в себе вещественные элементы нового капитала [1].

Но чтобы обеспечить функционирование этих элементов в качестве капитала, классу капиталистов необходимо иметь добавочное количество труда, которым он может располагать, помимо более экстенсивной или более интенсивной эксплуатации уже занятых рабочих, лишь за счет привлечения добавочной рабочей силы. И об этом также позаботился сам механизм капиталистического производства, воспроизводя рабочий класс как класс наемных рабочих, обычный уровень заработной платы которых обеспечивает не только поддержание его сил, но и размножение.

Теперь остается только соединить эти добавочные рабочие силы различных возрастов, ежегодно доставляемые самим рабочим классом, с добавочными средствами производства, уже заключенными в продукте годового производства.

Следовательно, накопление капитала, рассматриваемое конкретно, сводится к воспроизводству его в возрастающем масштабе. Круговорот простого воспроизводства расширяется и превращается, по выражению Сисмонди [2], в спираль.

---

[1] Мы отвлекаемся здесь от внешней торговли, посредством которой нация может превратить предметы роскоши в средства производства или жизненные средства первой необходимости, и *наоборот*. Для того чтобы предмет общего анализа был в чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства.

[2] Анализ накопления у Сисмонди имеет тот крупный недостаток, что он слишком поспешно довольствуется фразой «превращение дохода в капитал» и не исследует глубоко материальные условия этой операции.

Вернемся теперь к нашему примеру. Это — старая история: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и т. д. Первоначальный капитал в 250 000 франков приносит прибавочную стоимость в 50 000 франков, которая капитализируется. Новый капитал в 50 000 франков приносит прибавочную стоимость в 10 000 франков, эта прибавочная стоимость также капитализируется, т. е. превращается во второй добавочный капитал, который опять-таки приносит новую прибавочную стоимость в 2 000 франков, и т. д.

Мы отвлекаемся здесь от той части прибавочной стоимости, которая проедается самим капиталистом. Столь же мало нас интересует здесь вопрос, присоединяется ли добавочный капитал к первоначальному или же отделяется от него и самостоятельно функционирует; использует ли его тот же самый капиталист, который его накопил, или же он перейдет в руки другого капиталиста. Мы не должны только забывать, что наряду с новообразованными капиталами первоначальный капитал продолжает воспроизводить себя и производить прибавочную стоимость и что то же самое можно сказать о каждом накопленном капитале в его отношении к созданному им добавочному капиталу.

Первоначальный капитал образовался путем авансирования 250 000 франков. Откуда достал эту сумму их владелец? Они созданы его собственным трудом и трудом его предков! — единодушно отвечают нам представители политической экономии [1], и это их предположение действительно кажется тем единственным предположением, которое согласуется с законами товарного производства.

Совершенно иначе обстоит дело с добавочным капиталом в 50 000 франков. Его генеалогия нам точно известна. Это — капитализированная прибавочная стоимость. С самого своего рождения он не заключал в себе ни единого атома стоимости, который не возник бы из чужого неоплаченного труда. Средства производства, к которым присоединяется добавочная рабочая сила, как и жизненные средства, при помощи которых она поддерживает самое себя, есть не что иное, как составные части чистого продукта, той дани, которую класс капиталистов ежегодно вырывает у рабочего класса. Если класс капиталистов на часть этой дани закупает добавочную рабочую силу, даже по справедливой цене, так что эквивалент обменивается на эквивалент, то все же он поступает в этом случае как завоеватель,

[1] «*Первоначальный труд,* которому его капитал обязан своим возникновением» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris, 1819, t. I, p. 109 [Русский перевод, том I, стр. 196]).

покупающий товары побежденных на у них же награбленные деньги.

Если добавочный капитал дает занятие тому самому рабочему, который его произвел, то этот последний, продолжая увеличивать стоимость первоначального капитала, должен снова покупать продукт своего прежнего неоплаченного труда при помощи большего дополнительного труда, чем стоит этот продукт. Если рассматривать это как сделку между классом капиталистов и классом рабочих, то суть дела нисколько не изменится от того, что за счет неоплаченного труда уже занятых рабочих будут наняты дополнительные рабочие. Новый капитал может также пойти на покупку машин, чтобы выбросить на мостовую и заменить детьми взрослых рабочих, произведших его. Во всяком случае, рабочий класс своим прибавочным трудом в течение данного года создает добавочный капитал, который в следующем году даст занятие добавочному количеству труда [1]; в этом суть того, что обозначается формулой: капитал создается капиталом.

Накопление первого капитала в 50 000 франков предполагает, что сумма в 250 000 франков, авансированная как первоначальный капитал, была взята из собственных фондов его владельца, созданных в результате его «первоначального труда». Напротив, предпосылкой второго добавочного капитала в 10 000 франков является не что иное, как предшествующее накопление капитала в 50 000 франков, которые представляют собой лишь капитализированную прибавочную стоимость. Следовательно, чем больше капиталист накопил, тем больше он может накоплять. Другими словами: чем больше он присвоил неоплаченного чужого труда в прошлом, тем больше он может присвоить в настоящем. Здесь отсутствует даже видимость обмена эквивалентов, обмена продуктов труда.

Однако этот способ обогащения, который столь сильно контрастирует с изначальными законами товарного производства, возникает, и это необходимо уяснить, не из нарушения этих законов, а напротив, из их применения. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить беглый ретроспективный взгляд на последовательные фазы движения, которое приводит к накоплению.

Сперва мы видели, что первоначальное превращение суммы стоимости в капитал совершалось в полном согласии с законами обмена. Один из обменивающихся продает свою рабочую силу,

---

[1] «Труд создает капитал, прежде чем капитал применяет труд» (*E. G. Wakefield.* England and America. London, 1833, v. II, p. 110).

другой покупает ее. Первый получает стоимость своего товара, и тем самым потребление этого товара, труд, отчуждается другому. Затем этот другой превращает средства производства, уже принадлежащие ему, при помощи также принадлежащего ему труда, в новый продукт, который точно так же будет принадлежать ему по праву.

Стоимость этого продукта заключает в себе, прежде всего, стоимость потребленных средств производства, но полезный труд не может потребить эти средства производства, не перенося в то же время их стоимость на продукт; и рабочая сила может быть предметом продажи лишь в том случае, если она способна доставить полезный труд той отрасли промышленности, где имеется в виду ее применить.

Стоимость нового продукта заключает в себе, кроме того, эквивалент рабочей силы и прибавочную стоимость. И это как раз потому, что рабочая сила, проданная на определенный срок — на день, на неделю и т. д., — обладает меньшей стоимостью, чем та стоимость, которую создает ее потребление в течение этого срока. Но получая меновую стоимость своей рабочей силы, работник отчуждает ее потребительную стоимость, как это имеет место при каждой купле и продаже товара.

Общий закон товарного производства ничуть не затрагивается тем обстоятельством, что потребление этого особенного предмета, рабочей силы, состоит в том, чтобы доставлять труд и, следовательно, создавать стоимость. Итак, если сумма стоимости, авансированная на заработную плату, вновь оказывается в продукте, но увеличенной, то это проистекает отнюдь не из того, что продавец терпит ущерб, — он ведь получил эквивалент своего товара, — а лишь из потребления этого товара покупателем.

Закон обмена предусматривает равенство лишь для меновых стоимостей взаимно отчуждаемых предметов, но он предполагает различие их потребительных стоимостей, их полезностей, и не имеет ничего общего с их потреблением, которое начинается лишь тогда, когда сделка уже совершена.

Следовательно, первоначальное превращение денег в капитал совершается в соответствии с экономическими законами товарного производства и вытекающим отсюда правом собственности.

Тем не менее оно приводит к тому, что

1) продукт принадлежит капиталисту, а не производителю;

2) стоимость этого продукта заключает в себе стоимость авансированного капитала и прибавочную стоимость, которая стоила труда рабочему и ничего не стоила капиталисту, становящемуся ее правомерным собственником;

3) рабочий сохранил свою рабочую силу и может снова продать ее, если найдет покупателя.

Простое воспроизводство есть лишь периодическое повторение первой операции; каждый раз она становится первоначальным превращением денег в капитал. Непрерывность действия закона составляет, очевидно, противоположность его нарушения.

«Несколько последовательных обменов лишь сделали последнего представителем первого» [1].

И, тем не менее, простое воспроизводство, как мы видели, радикально меняет характер первого акта, рассмотренного в изолированном аспекте.

«Среди лиц, между которыми распределяется национальный доход, одни» (рабочие) «*ежегодно приобретают на него новое право при помощи затраты нового труда:* другие» (капиталисты) «*уже раньше приобрели на него постоянное право при помощи первоначальной затраты труда*» [2].

Впрочем, сфера труда не единственная сфера, где первородство творит чудеса.

Ну, а что изменится, если простое воспроизводство будет заменено воспроизводством в расширенном масштабе или накоплением?

В первом случае капиталист проедает всю прибавочную стоимость, во втором он обнаруживает свою гражданскую добродетель в том, что проедает лишь часть прибавочной стоимости, превращая остальное в деньги.

Прибавочная стоимость есть его собственность, она никогда не принадлежала кому-либо другому. Если он авансирует, то делает это, как и в первый день своего появления на рынке, из собственного фонда, хотя на этот раз этот его фонд происходит из неоплаченного труда его рабочих. Если рабочий *B* нанимается за счет прибавочной стоимости, произведенной рабочим *A*, то, во-первых, *A* создал эту прибавочную стоимость, получив до последней копейки всю справедливую цену за свой товар, во-вторых, это дело вообще не касается рабочего *B*. Все, чего *B* требует и имеет право требовать — это чтобы капиталист уплатил ему стоимость его рабочей силы.

«Оба еще даже выиграли: рабочий потому, что ему были авансированы плоды труда» (следовало сказать: неоплаченного труда других рабочих) «раньше, чем последний был выполнен»

(следовало сказать: раньше, чем его труд принес свои плоды);

---

[1] *Sismondi.* Nouveaux Principes d'Économie Politique. Paris, 1819, t. I, p. 70 [Русский перевод, том I, стр. 175].

[2] Там же, стр. 111 [Русский перевод, том I, стр. 197].

«хозяин потому, что труд этого рабочего стоил больше, чем его заработная плата»

(следовало сказать: произвел больше стоимости, чем стоимость заработной платы) [1].

Правда, дело выглядит совершенно иначе, когда мы рассматриваем капиталистическое производство в непрерывном потоке его возобновления и вместо отдельного капиталиста и отдельных рабочих берем класс капиталистов и класс рабочих. Но тем самым мы применили бы критерий, совершенно чуждый товарному производству.

В товарном производстве противостоят друг другу лишь независимые продавец и покупатель, взаимные отношения между которыми прекращаются после обусловленного договором платежа. Если сделка повторяется, то уже благодаря новому договору, который столь мало связан со старым, что лишь случайно тот же покупатель может заключить его с тем же продавцом.

Итак, если товарное производство рассматривать соответственно его собственным экономическим законам, то мы должны каждую сделку брать изолированно, вне всякой связи с предшествующими и последующими сделками. Более того, так как купли и продажи совершаются всегда между отдельными индивидуумами, то не следует искать здесь отношений между классами.

Какой бы длинный ряд периодических воспроизводств и предшествующих накоплений ни проделал функционирующий в настоящее время капитал, он сохраняет всегда свою первоначальную девственность. Если даже предположить, что при каждой сделке, взятой в отдельности, соблюдаются законы обмена, способ присвоения может совершенно измениться, нисколько не затрагивая права собственности, соответствующего товарному производству. Право собственности сохраняет свою силу как вначале, когда продукт принадлежит производителю и когда последний, обменивая эквивалент на эквивалент, может обогащаться лишь за счет собственного труда, так и в капиталистический период, когда богатство во все возрастающем масштабе становится достоянием тех, кто постоянно вновь и вновь присваивает неоплаченный труд других [2].

Этот результат неизбежен с тех пор, как рабочая сила свободно продается самим работником как товар. Но лишь начиная

---

[1] *Sismondi*. Nouveaux Principes d'Économie Politique, t. I, p. 135 [Русский перевод, том I, стр. 206].

[2] Собственность капиталиста на продукт труда работника «является неукоснительным следствием закона присвоения, основным принципом которого было, напротив, исключительное право каждого работника на продукт своего труда» (*Cherbuliez*. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, p. 58). — Автор чувствует диалектическое противоречие, но неверно его объясняет.

с этого момента, товарное производство принимает всеобщий характер и становится типичной формой производства; лишь с этого момента каждый продукт все больше и больше производится для продажи, и все богатство проходит через сферу обращения. Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее не только навязывает себя всему обществу, но и впервые может развернуть также все скрытые в нем потенции. Утверждать, что появление наемного труда искажает характер товарного производства — все равно, что сказать: для того чтобы товарное производство оставалось в чистом виде, оно не должно развиваться. В той самой мере, в какой товарное производство превращается в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности товарного производства превращаются в законы капиталистического присвоения. Насколько же иллюзорны представления некоторых социалистических школ, которые воображают, что можно сокрушить капиталистический режим, применив к нему вечные законы товарного производства!

Известно, что первоначально авансированный капитал, даже когда он своим существованием обязан труду его владельца, рано или поздно превращается, благодаря простому воспроизводству, в накопленный капитал, или капитализированную прибавочную стоимость. Но, кроме того, весь авансированный капитал оказывается затерянным как капля во все растущем потоке накопления. Этот факт настолько признан экономистами, что они любят определять капитал как

«накопленное богатство, которое снова применяется для производства прибавочной стоимости» [1], а капиталиста — как «владельца чистого продукта» [2].

Этот же взгляд, но лишь в иной форме, выражают, когда говорят, что весь наличный капитал есть накопленный или капитализированный процент, потому что процент есть лишь часть прибавочной стоимости.

«Капитал, пишет лондонский *«Economist»* [58], со сложными процентами на каждую часть сбереженного капитала является настолько всепоглощающим, что все богатство, дающее доход, давно уже стало во всем мире просто процентом на капитал».

«Economist» в действительности слишком сдержан. Идя вслед за доктором Прайсом, он мог бы путем точных подсчетов до-

[1] «Капитал, т. е. накопленное богатство, употребляемое с целью получения прибыли» (*Malthus*. Principles of Political Economy, [p. 262]. «Капитал... состоит из богатства, сбереженного из дохода и употребленного с целью получения прибыли» (*R. Jones*. Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852, p. 16 [Русский перевод, стр. 295]).

[2] «Владелец чистого продукта, т. е. капитала» («The Source and remedy of the national difficulties» etc. London, 1821).

казать, что нужно было бы присоединить к этому земному миру другие планеты, чтобы отдать капиталу все, что ему причитается.

II. ОШИБОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ [59]

Очевидно, что товары, покупаемые капиталистом для собственного потребления на часть прибавочной стоимости, не служат ему в качестве средств производства и *увеличения стоимости* [1]; так же и труд, покупаемый им с той же целью, не является производительным трудом. Купля этих товаров и этого труда не обогащает его, а, наоборот, уменьшает его богатство. Он растрачивает таким образом прибавочную стоимость как доход вместо того, чтобы использовать ее как капитал.

В противоположность феодальному дворянству, которое стремилось потребить больше того, что имело, выставляя напоказ свою роскошь, свою многочисленную и праздную челядь, буржуазная политическая экономия должна была проповедовать накопление как первую гражданскую обязанность и неустанно поучать, что накопление требует мудрости, что надо не проедать весь доход, а львиную долю его расходовать для найма добавочных производительных работников, дающих больше, чем они получают.

Кроме того, политической экономии пришлось бороться с народным предрассудком, который смешивает капиталистическое производство с накоплением сокровищ и считает поэтому, что накоплять — значит ограждать от потребления те предметы, которые составляют богатство, или уберегать деньги от риска обращения. Хранение денег под замком — самый надежный способ избавления их от капитализации; накоплением товаров с целью накопления сокровищ может заниматься только сумасшедший скупец [2]. Накопление товаров, когда это не является случайным эпизодом в процессе их обращения, есть результат переполнения рынка или перепроизводства [3].

В повседневном житейском языке еще происходит смешение капиталистического накопления, которое является производственным процессом, с двумя другими экономическими явле-

[1] Мы полагаем, что термин «*valorisation*» наиболее точно выражает движение, благодаря которому стоимость становится средством своего собственного увеличения.

[2] Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек уже потерял рассудок, когда он начинает накоплять товары с целью накопления сокровищ.

[3] «Накопление товаров... приостановка обмена... перепроизводство» (*Th. Corbet*. [An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals. London, 1841, p. 104]).

ниями, а именно: с увеличением накопленных в потребительном фонде богачей медленно потребляемых благ [1] и с образованием запасов, которое свойственно всем способам производства.

Следовательно, классическая политическая экономия вполне права, когда подчеркивает как самый характерный момент накопления то обстоятельство, что люди, живущие за счет прибавочного продукта, должны быть производительными работниками, а не непроизводительными [2]. Но здесь же начинается и ее ошибка. Ни одна теория Адама Смита не получила такую силу бесспорной истины, как следующая: накопление есть не что иное, как потребление прибавочного продукта производительными работниками или, что то же самое, капитализация прибавочной стоимости сводится всего лишь к превращению ее в рабочую силу.

Послушаем, например, Рикардо:

«Необходимо понять, что все продукты страны потребляются, но величайшая разница, какую только можно себе представить, заключается в том, потребляются ли они теми, кто производит новую стоимость, или же теми, кто ее не воспроизводит. Когда мы говорим, что доход сберегается и прибавляется к капиталу, мы подразумеваем тем самым, что часть дохода, которая присоединилась к капиталу, потребляется производительными работниками, а не непроизводительными. Нет большего заблуждения, чем предположение, что капитал увеличивается от непотребления» [3].

Не может быть большего заблуждения, чем представление, будто «та часть дохода, которая присоединилась к капиталу, потребляется производительными работниками». Согласно этой точке зрения, вся прибавочная стоимость, превратившаяся в капитал, становится переменным капиталом и может авансироваться только на заработную плату. Напротив, она как и та капитальная стоимость, которая ее создает, разделяется на постоянный капитал и переменный капитал, на средства производства и рабочую силу. Для того чтобы прибавочный продукт мог послужить для приобретения дополнительной рабочей силы, он должен содержать в себе излишек предметов первой необходимости. Но чтобы эта дополнительная рабочая сила могла

---

[1] Именно в этом смысле Неккер говорит о «предметах роскоши, *накопление*» которых «увеличивается с течением времени», и о том, что «по законам собственности они сосредоточиваются у одного класса общества» («*Oeuvres de M. Necker*. Paris et Lausanne», 1789, t. II. «De l'Administration des finances de la France», p. 291).

[2] «Ни один экономист нашего времени не может под сбережением разуметь простое накопление сокровищ; но вне этой ограниченной и недостаточной операции для данного термина в его применении к народному богатству можно представить себе только одно значение, а именно то, которое исходит из различного употребления сбереженного и основывается на реальном различии между видами труда, оплачиваемого за счет сбережений» (*Malthus*. Principles of Political Economy, [p. 38, 39]).

[3] *Ricardo*. On the Principles of Political Economy, 3rd. ed. London, 1821, p. 163, примечание [Русский перевод, том I, стр. 129—130].

быть использована, прибавочный продукт должен содержать в себе также и дополнительные средства производства, которые не входили бы в сферу личного потребления как работников, так и капиталистов.

Поскольку дополнительная сумма стоимостей, возникающая из накопления, превращается в капитал так же, как и любая другая сумма стоимостей, то очевидно, что ошибочность теории накопления А. Смита вытекает из основной ошибки в его анализе капиталистического производства. И действительно, он утверждает, что, хотя весь индивидуальный капитал разделяется на постоянную и переменную части, на заработную плату и стоимость средств производства, с суммой индивидуальных капиталов, с *капиталом общественным*, дело обстоит иначе. Стоимость последнего равна сумме заработной платы, которую он выплачивает; иначе говоря, общественный капитал — это не что иное, как переменный капитал.

Например, фабрикант сукон превращает 200 000 франков в капитал. Одну часть этих денег он расходует на наем ткачей, другую часть — на покупку шерстяной пряжи, машин и т. д. Деньги, перешедшие таким образом к фабрикантам пряжи, машин и т. д., оплачивают, прежде всего, прибавочную стоимость, содержащуюся в их товарах. За вычетом этого деньги идут, в свою очередь, на оплату труда рабочих и на покупку средств производства, изготовленных другими фабрикантами и *так далее*. Следовательно, 200 000 франков, авансированные фабрикантом сукон, постепенно затрачиваются на заработную плату: одна часть — им самим, другая — фабрикантами, у которых он покупал средства производства, *и так далее*, пока, наконец, вся сумма, помимо последовательно изымаемой прибавочной стоимости, не будет целиком авансирована на заработную плату, или пока весь продукт, представленный этой суммой, не будет целиком потреблен производительными работниками.

Вся сила этого аргумента заключается в словах «*и так далее*», которые отсылают нас от Понтия к Пилату, не давая нам возможности увидеть капиталиста, в руках которого окончательно исчезает постоянный капитал, т. е. стоимость средств производства. Адам Смит обрывает свое исследование как раз там, где начинается его трудность [1)].

Пока мы рассматриваем фонд совокупного годового производства, ежегодный процесс воспроизводства очень понятен.

---

1) Несмотря на свою «Логику» [60], г-н Джон Стюарт Милль никогда не подозревает ошибок в анализе своих учителей; он довольствуется воспроизведением этих ошибок с догматизмом школьника. Так поступает он и в этом случае: «Сам капитал в течение длинного процесса, в конце концов, целиком уходит, — говорит он, — на заработную

Но все составные части годовой продукции должны быть вынесены на рынок. Там движения капиталов и личных доходов перекрещиваются, смешиваются, теряются во всеобщем перемещении — в обращении общественного богатства, — которое обманывает взор наблюдателя и ставит перед исследованием весьма сложные проблемы. Большая заслуга физиократов заключается в том, что они в своей *«Экономической таблице»* 61 впервые сделали попытку дать картину годового воспроизводства в том виде, в каком оно выходит из обращения. Их изложение во многом ближе к истине, чем изложение их преемников.

Сведя все общественное богатство, которое функционирует как капитал, к переменному капиталу или фонду заработной платы, Адам Смит должен был неизбежно прийти к поистине фантастической догме, которая и сегодня является краеугольным камнем политической экономии: необходимая цена товаров складывается из заработной платы, прибыли (включая и процент) и земельной ренты; другими словами — из заработной платы и прибавочной стоимости. Исходя из этого, Шторх по меньшей мере наивно признается: «Невозможно разложить необходимую цену на ее простейшие элементы» [1].

Само собой разумеется, что политическая экономия не преминула использовать в интересах класса капиталистов положение Адама Смита, согласно которому вся превратившаяся в капитал часть чистого продукта потребляется рабочим классом.

III. РАЗДЕЛЕНИЕ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. ТЕОРИЯ ВОЗДЕРЖАНИЯ

До сих пор мы рассматривали прибавочную стоимость то как фонд потребления, то как фонд накопления капиталиста. Она есть в одно и то же время и то и другое. Часть прибавочной стоимости расходуется как доход [2], другая ее часть накопляется как капитал.

плату, и даже когда он возмещается при продаже продукта, он затем снова превращается в заработную плату» [*J. St. Mill.* Principles of Political Economy with some of their Applications to social Philosophy. London, 1848, v. II, p. 173].

[1] *Storch.* Cours d'Économie Politique, édit. de Pétersbourg, 1815, t. I, p. 141, примечание.

[2] Читатель заметит, что слово «доход» («revenue») употребляется в двояком смысле: во-первых, для обозначения прибавочной стоимости как продукта, периодически возникающего из капитала, во-вторых, для обозначения части этого продукта, периодически потребляемой капиталистом или присоединяемой им к своему потребительному фонду. Мы сохраняем этот двоякий смысл, так как он соответствует обычной терминологии английских и французских экономистов.

При данной массе прибавочной стоимости одна из этих частей будет тем больше, чем меньше другая. При прочих равных условиях отношение, в котором происходит это деление, определяет *величину накопления*. Это деление производит собственник прибавочной стоимости, капиталист. Оно, стало быть, является актом его воли. Относительно той части собранной им дани, которую он накопляет, говорят, что он *сберегает* ее, так как он ее не проедает, т. е. так как он выполняет здесь свою функцию капиталиста, именно функцию самообогащения.

Лишь постольку, поскольку капиталист функционирует как персонифицированный капитал, он имеет историческое значение, историческое право на существование и социальный смысл. И лишь постольку преходящая необходимость его собственного существования заключается в преходящей необходимости капиталистического способа производства. Следовательно, определяющим мотивом его деятельности являются не потребительная стоимость и потребление, а меновая стоимость и ее непрерывное увеличение. Как фанатик накопления, он беспощадно и безудержно понуждает людей к производству ради производства и, следовательно, толкает их инстинктивно к развитию производительных сил и материальных условий, которые одни только могут создать реальный базис нового и более высокого общества.

Лишь как персонификация капитала капиталист пользуется почетом. В этой роли он тоже как собиратель сокровищ одержим слепой страстью к абстрактному богатству, к стоимости. Но то, что у собирателя сокровищ выступает как индивидуальная мания, то для капиталиста есть действие общественного механизма, в котором он является только одним из колесиков.

Развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью, а конкуренция навязывает каждому индивидуальному капиталисту имманентные законы капиталистического производства как внешние принудительные законы. Она не позволяет ему консервировать свой капитал, не увеличивая его, и он может непрерывно увеличивать его лишь посредством прогрессирующего накопления.

Поскольку воля и сознание капиталиста отражают только потребности капитала, которые он представляет, постольку его собственное личное потребление представляется ему чем-то вроде воровства, по меньшей мере заимствованием из накопления; и на самом деле в бухгалтерии личные расходы записываются в пассив, как долг капиталиста по отношению к его капиталу.

Наконец, накоплять — это значит завоевывать мир общественного богатства, расширять область личного господства

капиталиста [1], увеличивать число его подданных, приносить жертвы своему ненасытному честолюбию.

Но первородный грех действует везде и все портит. С развитием капиталистического способа производства, с развитием накопления и богатства капиталист перестает быть простым воплощением капитала. Он чувствует «человеческие побуждения» своего собственного Адама, своей плоти, и становится настолько цивилизованным, настолько скептичным, что дерзает осмеивать суровый аскетизм как предрассудок старомодного собирателя сокровищ. В то время как капиталист старого закала клеймит всякие индивидуальные расходы, которые не являются необходимыми, видя в них лишь нанесение ущерба накоплению, современный капиталист уже способен видеть в процессе капитализации прибавочной стоимости препятствие своим вожделениям. Потреблять, говорит первый, значит «воздерживаться» от накопления; накоплять, говорит второй, значит «отказаться» от наслаждений. «Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!» [2].

При зарождении капиталистического производства — а каждый промышленный выскочка индивидуально проделывает эту историческую стадию — скупость и жажда обогащения господствуют абсолютно. Но прогресс производства создает не только новый мир наслаждений; с развитием спекуляции и кредитного дела он открывает тысячи источников внезапного обогащения [стр. 254—260].

IV. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РАЗМЕРЫ НАКОПЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМО ОТ ТОЙ ПРОПОРЦИИ, В КОТОРОЙ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ ДЕЛИТСЯ НА КАПИТАЛ И ДОХОД. СТЕПЕНЬ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА. УВЕЛИЧЕНИЕ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ ПРИМЕНЯЕМЫМ КАПИТАЛОМ И ПОТРЕБЛЯЕМЫМ КАПИТАЛОМ. ВЕЛИЧИНА АВАНСИРОВАННОГО КАПИТАЛА

Известно, что норма прибавочной стоимости зависит прежде всего от *степени эксплуатации рабочей силы* [3]. Рассматривая

---

[1] На примере ростовщика — этой хотя и старомодной, но постоянно возрождающейся формы капиталиста — Лютер очень хорошо и наглядно показывает, что жажда власти есть один из побудительных мотивов проклятой страсти «к золоту» [62].

[2] Слова Фауста из Гёте [63].

[3] Ускорение накопления путем повышения производительной силы труда и его ускорение за счет повышения эксплуатации работника — это два совершенно разных процесса, которые экономисты часто смешивают.

производство прибавочной стоимости, мы постоянно предполагали, что рабочий получает нормальную заработную плату, то есть равную стоимости его рабочей силы. Однако на практике вычеты из заработной платы играют слишком важную роль, чтобы хоть вкратце не остановиться на этом. Вследствие вычетов необходимый фонд потребления рабочего в определенной мере фактически превращается в фонд накопления капитала [стр. 262].

Другим важным фактором накопления является уровень производительности общественного труда.

При данной прибавочной стоимости масса прибавочного продукта, представляющего эту стоимость, соответствует производительности применяемого труда. По мере развития производительных сил труда прибавочный продукт все больше содержит средств потребления и накопления. В этом случае та часть прибавочной стоимости, которая капитализируется, может даже увеличиваться за счет той ее части, которая составляет доход, не уменьшая при этом потребления капиталиста, так как отныне меньшая стоимость реализуется в большей сумме потребительных стоимостей.

За вычетом дохода, остаток прибавочной стоимости функционирует как добавочный капитал. Удешевляя продукты питания, развитие производительных сил приводит к тому, что работники тоже падают в цене. Развитие производительных сил сказывается также на эффективности, массе и на ценах средств производства. Итак, дальнейшее накопление, производимое в свою очередь новым капиталом, сообразуется не только с абсолютной стоимостью этого капитала, но и с количеством рабочей силы, оборудования, сырья и вспомогательных материалов, которыми он располагает.

Обычно более совершенные технология [les combinaisons, les procédés] и орудия труда применяются в первую очередь благодаря введению нового добавочного капитала.

Что касается старого капитала, то он частично состоит из средств труда, которые постепенно изнашиваются и требуют своего воспроизводства лишь через довольно длительные промежутки времени. Однако ежегодно значительная их масса приходит к своему жизненному финалу, подобно тому как отживают свой век дряхлые старики. Таким образом, прогресс науки и техники, происходящий в период активной службы этих средств, позволяет заменять изношенные их экземпляры другими, более эффективными и относительно более дешевыми. Помимо тех мелких модификаций, которые с течением времени претерпевает старое оборудование, бóльшая его часть ежегодно

полностью обновляется и становится таким образом более производительной.

Что касается другой постоянной части старого капитала, т. е. сырья и вспомогательного материала, то она воспроизводится большей частью по крайней мере ежегодно, если она земледельческого происхождения; и в более короткие промежутки времени, если она является продуктом добывающей промышленности и т. д. Следовательно, всякое улучшение технологии, которое не влечет за собой изменения оборудования, воздействует почти одновременно и на добавочный капитал, и на старый капитал.

Открывая новые полезные вещества или новые полезные свойства уже известных веществ, химия расширяет сферы приложения накопленного капитала. Создавая технологию, позволяющую вводить в кругооборот воспроизводства отходы производства и общественного потребления, она делает без всякого содействия капитала эти нестоимости [non-valeurs] дополнительными факторами накопления.

Следовательно, как и эластичность рабочей силы, непрерывный прогресс науки и техники сообщает капиталу способность к расширению, не зависящую в известных пределах от величины тех приобретенных богатств, из которых он состоит.

Несомненно, развитие производительной силы труда, происходящее без содействия уже функционирующего капитала, но благодаря обновлению его формы, ведет к его относительному обесценению в течение того периода, когда он функционирует в своей прежней форме. Так капитал, затраченный на приобретение машин, теряет в своей стоимости с появлением лучших машин того же вида. С того момента, однако, когда конкуренция делает это обесценение ощутимым для капиталиста, он стремится возместить ущерб путем снижения заработной платы.

Труд переносит на продукт стоимость потребленных им средств производства. С другой стороны, стоимость и масса средств производства, приводимых в движение данным количеством труда, растут пропорционально увеличению производительности труда. Следовательно, хотя то же самое количество труда и присоединяет к своему продукту всегда одну и ту же сумму новой стоимости, с развитием промышленности растет та старая капитальная стоимость, которая при этом переносится на продукт [стр. 264—265].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

III. ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ ИЛИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ

Абсолютный спрос на труд, который вызывается капиталом, связан не с абсолютной величиной капитала, а с его переменной частью, которая только и обменивается на рабочую силу. Относительный спрос на труд, который вызывается капиталом, то есть отношение между самой величиной капитала и количеством труда, который он поглощает, определяется относительной величиной переменной части капитала. Мы только что показали, что увеличивающее общественный капитал накопление уменьшает одновременно относительную величину его переменной части и уменьшает, таким образом, относительный спрос на труд. Теперь возникает вопрос: а каково влияние этого движения на положение класса наемных рабочих?

Ясно, чтобы решить эту проблему, необходимо прежде всего исследовать, каким образом уменьшение переменной части капитала, происходящее в процессе накопления, влияет на абсолютную величину этой части и, следовательно, каким образом относительное уменьшение спроса на труд воздействует на абсолютный, или действительный, спрос на труд.

До тех пор, пока величина капитала не меняется, всякое относительное уменьшение его переменной части есть в то же время ее абсолютное уменьшение. Чтобы избежать это, необходимо относительное уменьшение [переменной части капитала] уравновесить увеличением общей суммы авансированной капитальной стоимости. Следовательно, переменная часть, функционирующая как фонд заработной платы, уменьшается прямо пропорционально уменьшению ее относительной величины и обратно пропорционально одновременному увеличению всего капитала. Исходя из этой предпосылки, мы получаем следующие комбинации.

Во-первых: если относительная величина переменного капитала уменьшается обратно пропорционально возрастанию всего капитала, абсолютная величина фонда заработной платы не меняется...

Во-вторых: если относительная величина переменного капитала уменьшается в большей мере, чем увеличивается весь капитал, фонд заработной платы претерпевает абсолютное

уменьшение, несмотря на абсолютное увеличение авансированной капитальной стоимости.

В-третьих: если относительная величина переменного капитала уменьшается в меньшей мере, чем увеличивается весь капитал, фонд заработной платы претерпевает абсолютное увеличение, несмотря на его относительное уменьшение.

С точки зрения общественного накопления эти различные комбинации оказывают влияние на форму и столь же на последовательные фазы, которые массы общественного капитала, распределенного между различными сферами производства, проходят одна за другой, часто в разном направлении, а также и на различные условия, одновременно представленные различными сферами производства...

В главе о крупной промышленности мы подробно рассмотрели причины, в силу которых, несмотря на противодействующие тенденции, ряды наемных рабочих с ростом накопления расширяются. Напомним здесь в нескольких словах то, что непосредственно касается нашей темы.

То же развитие производительной силы труда, которое вызывает уменьшение, не только относительное, но часто абсолютное, числа рабочих, занятых в определенных крупных отраслях промышленности, позволяет этим отраслям сбывать по дешевке постоянно возрастающую массу продуктов. Они, следовательно, стимулируют другие отрасли промышленности, те, которым они доставляют средства производства, и те, от которых они получают сырье, орудия труда и т. д.; они расширяют эти отрасли. Действие, производимое на рынок труда этих отраслей, будет весьма значительным, если у них доминирует ручной труд...

Новые отрасли производства, порождаемые экономическим прогрессом, образуют для труда дополнительные возможности найма. При своем возникновении они принимают форму ремесла, мануфактуры или, наконец, крупной промышленности. В первых двух случаях надо будет пройти трансформацию в машинное производство, в последнем — централизация капитала позволяет поставить на ноги огромные промышленные армии, которые поражают взор и создают впечатление, будто они появились из-под земли. Но какой бы большой не представлялась масса рабочих, получивших таким образом работу, их относительное число, уже с самого начала небольшое по сравнению с массой вовлеченного в дело капитала, уменьшается сразу же как только укореняются эти отрасли промышленности.

Наконец, имеются интервалы, на протяжении которых технические перевороты менее чувствительны, а накопление представляется прежде всего как движение количественного расши-

рения на новой уже достигнутой технической основе. В этом случае, каково бы ни было действительное строение капитала, начинает в большей или меньшей степени проявляться закон, по которому спрос на труд увеличивается в той же пропорции, что и капитал. Но в то самое время, как число рабочих, привлеченных капиталом, достигает своего максимума, продукты становятся столь избыточными, что при малейшем препятствии на пути их сбыта общественный механизм кажется остановившимся; сразу вступает в действие отталкивание труда капиталом в самых огромных масштабах и самым насильственным способом; само расстройство навязывает капиталистам крайние усилия для экономии труда. Постепенно накапливаемые детальные усовершенствования концентрируются, так сказать, под этим высоким давлением; они воплощаются в технических изменениях, которые революционизируют строение капитала по всей периферии крупных сфер производства. Гражданская война в Америке [64] подтолкнула английских прядильщиков оснастить свои предприятия более мощными машинами и сократить в них число работников. Наконец, продолжительность тех интервалов, в течение которых накопление более всего благоприятствует спросу на труд, прогрессивно сокращается.

Итак, с того момента, когда машинная промышленность одерживает верх, рост накопления удваивает силы, которые обладают тенденцией уменьшать относительную величину переменного капитала, и уменьшает те силы, которые обладают тенденцией к увеличению его абсолютных размеров. Переменный капитал увеличивается с увеличением общественного капитала, частью которого он является, но увеличивается в уменьшающейся пропорции [1].

Действительный спрос на труд регулируется не только величиной уже пущенного в оборот переменного капитала, но также и средней величиной его непрерывного возрастания; предложение труда остается нормальным, пока оно следует за этим движением. Но когда переменный капитал опускается в среднем на более низкую ступень своего возрастания, то самое предложение труда, которое до тех пор было нормальным, становится отныне ненормальным, избыточным, так что более или менее значительная часть рабочего класса перестает быть необходимой

[1] Яркий пример этого убывающего увеличения представляет движение фабричного производства художественных тканей. Вот сравнительные цифры: в Англии эта промышленность экспортировала в 1851 г. 577 867 229 ярдов (один ярд равен 0,914 метра) стоимостью 10 295 621 ф. ст., а в 1861 г. — 828 873 922 ярда стоимостью 14 211 572 ф. ст. Число наемных рабочих, составлявшее в 1851 г. 12 098, увеличилось к 1861 г. только до 12 556, то есть всего на 458 человек, или за весь десятилетний период имело место увеличение примерно на 4 %.

для процесса возрастания стоимости капитала, теряет свое право на существование, становится излишней, избыточной. Поскольку это продолжает повторяться вместе с ростом накопления, то мы будем иметь возрастающее перенаселение.

Закон относительного уменьшения переменного капитала и соответствующее уменьшение относительного спроса на труд имеют, таким образом, своим неизбежным следствием абсолютное возрастание переменного капитала и абсолютное увеличение спроса на труд в уменьшающейся пропорции и, наконец — производство относительного перенаселения. Мы называем его *«относительным»* потому, что оно проистекает не из фактического увеличения численности рабочего населения, которое выходит за границы накопляемого богатства, а наоборот, из ускоренного возрастания общественного капитала, которое позволяет ему обходиться без более или менее значительной части своих рабочих. Поскольку это перенаселение существует только по отношению к данным потребностям капиталистической эксплуатации, оно может совершенно внезапно расширяться и сокращаться.

Производя накопление капитала и по мере своего преуспеяния в этом деле, сам класс наемных рабочих, следовательно, производит орудия своего вытеснения из производства, или своего превращения в относительное перенаселение. В этом состоит *закон народонаселения,* который характеризует капиталистическую эпоху и соответствует ее специфическому способу производства. В действительности каждый исторический способ общественного производства имеет присущий ему закон народонаселения, закон, который применим только к данному способу производства и который вместе с ним теряет силу и имеет вследствие этого только историческую значимость. Абстрактный и неподвижный закон населения существует лишь для растений и животных, и то лишь постольку, поскольку они не подвержены воздействию человека.

Закон прогрессивного уменьшения относительной величины переменного капитала и то действие, которое он оказывает на положение наемных рабочих, скорее угадывали, чем понимали некоторые видные экономисты классической школы. Наибольшая заслуга в этом отношении принадлежит Джону Бартону, хотя он и смешивает постоянный капитал с основным капиталом, а переменный капитал с оборотным капиталом...

Итак, если накопление, увеличение богатства на капиталистической основе, необходимо производит перенаселение рабочих, это последнее становится, в свою очередь, мощнейшим рычагом накопления, условием существования капиталистичес-

кого производства в его интегральном развитии. Оно образует *промышленную резервную армию,* которая принадлежит капиталу настолько абсолютно, как будто он вырастил и организовал ее на свой собственный счет. Она поставляет для его меняющихся потребностей самовозрастания, и притом независимо от естественного прироста населения, всегда пригодный для эксплуатации и всегда имеющийся в распоряжении человеческий материал.

Наличие этого промышленного резерва, его переход, иногда частичный, иногда полный, в активное состояние, затем его восстановление в более широких рамках — все это происходит в глубине той беспокойной жизни, которую проделывает современная промышленность с ее примерно десятилетним регулярным циклом — помимо других нерегулярных потрясений — циклом, который включает периоды обычной активности, производства под высоким давлением, кризис и стагнацию.

Этот своеобразный путь промышленности, которого не было в предшествующие эпохи человечества, был также невозможен и в период детства капиталистического производства. Тогда благодаря тому, что технический прогресс происходил медленно и еще медленнее становился всеобщим, изменения в строении общественного капитала едва ощущались. В то же время расширение недавно созданного колониального рынка, соответствующее умножение потребностей и средств их удовлетворения, появление новых отраслей промышленности увеличивали вместе с накоплением и спрос на труд. Хотя и не быстро с точки зрения нашей эпохи, но рост накопления наталкивается на естественные границы народонаселения, и позже мы увидим, что только с помощью государственных переворотов удается расширить эти границы. Только при режиме крупной промышленности производство избыточного населения становится регулярным двигателем производства богатств.

Если этот режим наделяет общественный капитал силой внезапного расширения, удивительной эластичностью, то это потому, что под воздействием благоприятных обстоятельств кредит обусловливает приток в производство огромных масс растущего общественного богатства, новых капиталов, владельцы которых нетерпеливо выжидают подходящего случая для производительного их применения; и, с другой стороны, потому, что технические средства крупной промышленности позволяют очень быстро превращать огромный прирост продуктов в дополнительные средства производства и более быстро перевозить товары с одного конца мира на другой. Если низкая цена этих товаров сначала открывает им новые рынки сбыта и расширяет старые, то их

изобилие вызывает мало-помалу сокращение рынка в целом вплоть до такого состояния, когда они будут внезапно вытеснены с него. Торговые превратности сочетаются, таким образом, с переменными движениями общественного капитала, который в ходе своего накопления то претерпевает коренные изменения в своем строении, то увеличивается на уже достигнутом техническом базисе. Все эти влияния способствуют внезапному расширению и сокращению масштабов производства.

Расширение производства путем прерывистых движений есть первая причина его внезапного сокращения; последнее, правда, вызывает, в свою очередь, первое, но разве было бы возможно чрезмерное расширение производства, образующее исходный пункт, без резервной армии в распоряжении капитала, без увеличения количества работников независимо от естественного прироста населения? Это увеличение получается при помощи весьма простого процесса, которым каждый день рабочие выбрасываются на мостовую, при помощи методов, которые, делая труд более производительным, уменьшают спрос на него. Следовательно, постоянно возобновляющееся превращение части рабочего класса в рабочих, занятых половину времени или совсем безработных, придает движению современной промышленности его типичную форму.

Как небесные тела, однажды выброшенные на свою орбиту, вращаются на ней неопределенно долгое время, так и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, повторяет это движение с механической необходимостью. Следствия становятся, в свою очередь, причинами, и перипетии, сначала нерегулярные и по видимости случайные, оказывают все большее и большее воздействие на форму нормальной периодичности. Но все это оказывает решающее влияние на все национальное производство только с наступлением эпохи, в которую машинная промышленность пустила достаточно глубокие корни; благодаря ей внешняя торговля начала первенствовать над торговлей внутренней; мировой рынок постепенно распространился на обширные территории Нового Света, Азии и Австралии; наконец, промышленные нации, вступившие в борьбу, стали достаточно многочисленными; и только с этой эпохи начинаются повторяющиеся циклы, последовательные фазы которых охватывают ряд лет, циклы, которые заканчиваются всегда всеобщим кризисом, представляющим собой конец одного цикла и исходный пункт другого. До сих пор периодическая продолжительность этих циклов составляла десять или одиннадцать лет, однако нет никаких оснований считать это число постоянным. Напротив,

изложенные нами законы капиталистического производства позволяют сделать вывод, что это число изменяющееся и что период циклов будет постепенно укорачиваться.

Когда периодичность промышленных превратностей уже бросилась всем в глаза, даже среди экономистов появились такие, которые готовы были признать, что капитал не может обходиться без резервной армии, формируемой за счет «*низкого плебса*» избыточного населения...

Промышленный прогресс, который сопутствует накоплению, не только сокращает все больше и больше число рабочих, необходимое для использования возрастающей массы средств производства, он увеличивает в то же время количество того труда, который должен доставлять отдельный рабочий. Развивая производительные силы труда и обеспечивая меньшим трудом производство большего продукта, капиталистическая система развивает также средства извлечения все большего труда из наемных рабочих как путем удлинения рабочего дня, так и путем повышения интенсивности труда, или же прибегает к кажущемуся увеличению числа занятых работников, замещая рабочую силу более высокого качества и более дорогую рабочей силой менее высокого качества и дешевой, мужчину — женщиной, взрослого — подростком и ребенком, одного янки — тремя китайцами. Таковы методы уменьшения спроса на труд и создания избыточного предложения, одним словом, производства избыточного населения.

Вынужденный чрезмерный труд той части класса наемных рабочих, которая работает в данное время, увеличивает ряды резерва и, увеличивая давление, которое конкуренция последнего оказывает на первую, делает эту работающую часть более послушной капиталу.

Обречение одной части класса наемных рабочих на вынужденную праздность не только принуждает другую его часть к чрезмерному труду, обогащающему индивидуальных капиталистов, но в то же время идет на пользу и всему классу капиталистов, оно поддерживает промышленную резервную армию в равновесии с ростом накопления. Возьмем, например, Англию: это же поразительно, какую массу, какое множество современных технических ресурсов применяет она ради экономии труда! Однако, если бы труд был сведен завтра к нормальной мере, соответствующей возрасту и полу наемных рабочих, то нынешнего рабочего населения было бы недостаточно, далеко недостаточно для целей национального производства. Волей-неволей пришлось бы превращать так называемых «непроизводительных работников» в «производительных работников»... [стр. 276—281].

IV. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ. ВСЕОБЩИЙ ЗАКОН КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Промышленная резервная армия тем больше, чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его накопления, чем больше, следовательно, также абсолютная численность рабочего класса и производительная сила его труда. Те же самые причины, которые обусловливают развитие силы расширения капитала, приводят к появлению свободной рабочей силы. Промышленная резервная армия должна увеличиваться вместе с ростом богатства. Но чем больше увеличивается резервная армия по сравнению с активной армией труда, тем больше увеличивается также постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна тяжелому вынужденному труду. Наконец, чем больше увеличивается этот нищенский слой класса наемных рабочих, тем больше увеличивается также и официальный пауперизм. Таков всеобщий, абсолютный закон капиталистического накопления. Действие этого закона, как и всякого другого, модифицируется, естественно, частными обстоятельствами [65].

Понятна поэтому вся глупость той экономической мудрости, которая не перестает проповедовать работникам, чтобы они сообразовывали свою численность с потребностями капитала. Разве сам механизм капитала не осуществляет постоянно это вожделенное соглашение, первое слово которого есть создание промышленной резервной армии, а последнее — растущее проникновение нищеты вплоть до самых глубин активной армии труда, мертвый груз пауперизма.

Закон, согласно которому все бо́льшая масса составных элементов богатства может, благодаря непрерывному развитию коллективных потенций труда, быть приведена в действие все уменьшающимися затратами человеческой силы, этот закон, который дает возможность общественному человеку производить больше с меньшим трудом, в капиталистических условиях, где не средства производства на службе работника, а работник на службе средств производства, превращается в противоположный закон, то есть возникает такое положение, при котором чем больше у труда ресурсов и силы, чем больше давление работников на средства их занятости, тем более ненадежными становятся условия существования наемных рабочих, условия продажи их силы [стр. 284—285].

ВОСЬМОЙ ОТДЕЛ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ [66]

Итак, сущностью первоначального накопления капитала, сущностью его исторического генезиса является экспроприация непосредственного производителя, уничтожение собственности, основанной на личном труде ее владельца.

Частная собственность, как антитеза коллективной собственности, существует лишь там, где орудия и другие внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется облик самой частной собственности. Бесконечные оттенки ее форм, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния между этими двумя крайностями.

Частная собственность работника на средства его производительной деятельности является неизбежным следствием мелкого производства, земледельческого или промышленного, и оно образует питомник общественного производства, школу, где вырабатывается физическая споровка, изобретательность и свободная индивидуальность работника. Правда, этот способ производства встречается и в условиях рабства, крепостничества и других форм зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, обретает цельную и классическую форму лишь там, где работник является свободным собственником условий труда, которые он сам применяет: крестьянин — земли, которую он обрабатывает, ремесленник — инструментов, которыми он владеет как виртуоз.

Этот производственный строй мелких независимых производителей, работающих на свой страх и риск, предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию этих средств, так и кооперацию в крупном масштабе. Он исключает разделение труда в мастерской и в поле, применение машин, научное господство человека над природой, свободное развитие общественных сил труда, согласованность и единство целей, средства и усилия коллективной деятельности. Он совместим лишь с неразвитым состоянием производства и общества. Увековечение его означало бы, как справедливо заметил Пеккёр, «декретирование всеобщей посредственности»[67] Но на известном уровне развития производственный строй мелких независимых производителей сам порождает материальные средства своего разложения. С этого момента в недрах общества начинают действовать силы и страсти, которые он сковывает. Он должен быть уничтожен, и он уничтожается. Разрушительный процесс, который превращает средства индивидуального и раздробленного производства в средства общественно концентрированного производства, карликовую собственность многих в колоссальную собственность немногих, болезненная, ужасная экспроприация трудящегося народа — таково происхождение, таков генезис капитала. Этот процесс включает целую серию насильственных методов, из которых мы рассмотрели лишь наиболее значительные в разделе о методах первоначального накопления.

Экспроприация непосредственных производителей совершается с самым беспощадным вандализмом, которым разжигаются чувства самые подлые, страсти самые гнусные и в своей низости самые отвратительные. Частная собственность, основанная на личном труде, эта собственность, которая так сказать связывает изолированного и автономного работника с внешними условиями труда, вытесняется частной капиталистической собственностью, основанной на эксплуатации труда других, на наемном труде [1)].

Когда этот процесс превращения достаточно разложил снизу доверху старое общество, когда производители превратились в пролетариев, а их условия труда — в капитал, когда, наконец, капиталистический строй стал держаться на одной только экономической силе вещей, тогда дальнейшее обобществление труда, а также постепенное превращение земли и других средств

[1)] «Мы вступили в совершенно новый общественный строй..., мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Économie Politique. [Paris, 1827], t. II, p. 434 [Русский перевод, том II, стр. 208]).

производства в общественно эксплуатируемые средства, в общие средства, тогда, одним словом, дальнейшее уничтожение частной собственности приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не независимый работник, а капиталист, предводитель армии или команды наемных рабочих.

Эта экспроприация совершается в результате действия имманентных законов капиталистического производства, которые ведут к концентрации капиталов. Соответственно этой централизации, экспроприации многих капиталистов немногими, развивается во все возрастающем масштабе приложение науки к технике, методичная и совокупная [avec méthode et ensemble] эксплуатация земли, превращение орудий в могущественную силу только благодаря одному их совместному использованию, стало быть, развивается экономия средств производства, все народы вовлекаются в сеть мирового рынка, а отсюда и международный характер, присущий капиталистическому строю. По мере сокращения числа властелинов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого периода общественной эволюции, возрастают нищета, угнетение, рабство, вырождение, эксплуатация, но вместе с тем и сопротивление рабочего класса, который становится все более многочисленным и благодаря самому механизму капиталистического производства все более и более дисциплинированным, сплоченным и организованным. Монополия капитала становится препятствием для способа производства, который рос и процветал вместе с ней и под ее покровительством. Обобществление труда и централизация его материальных средств достигают такого пункта, когда их уже невозможно удержать в их капиталистической оболочке. Эта оболочка взрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы в свою очередь экспроприируются.

Капиталистическое присвоение, соответствующее капиталистическому способу производства, составляет первое отрицание этой частной собственности, которая является лишь неизбежным следствием независимого и индивидуального труда Но само капиталистическое производство с фатальностью метаморфозов природы порождает свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность работника, а его индивидуальную собственность, основанную на достижениях капиталистической эры, на кооперации и общем владении всеми средствами производства, включая землю.

Для превращения частной и раздробленной собственности, предмета индивидуального труда, в капиталистическую

собственность, необходимо, естественно, больше времени, усилий и труда, чем этого потребует превращение в общественную собственность капиталистической собственности, которая фактически основывается уже на коллективном способе производства. Там речь шла об экспроприации массы кучкой узурпаторов; здесь речь идет об экспроприации кучки узурпаторов массой [стр. 341—342].

К. МАРКС

[КАПИТАЛ]

ВТОРАЯ КНИГА

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА [68]

Написано К. Марксом в 1864 г.
Публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ВТОРАЯ КНИГА

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Первая глава. Обращение капитала

1) *Метаморфозы капитала. Денежный капитал. Производительный капитал. Товарный капитал*
2) *Время производства и время обращения*
3) *Издержки обращения*

Вторая глава. Оборот капитала

1) *Понятие оборота*
2) *Основной капитал и оборотный капитал. Циклы оборота. Влияние времени оборота на производство продукта и стоимости и на производство прибавочной стоимости*

Третья глава * [69]

---

* На обратной стороне первого листа рукописи имеются нижеследующие пометки Маркса.

«*Риск. Стр. 14, 15.*

Различие величин одного и того же капитала в зависимости от того, с какой скоростью обращения он функционирует. Стр. 16.

Создание запаса. Стр. 24, 25.

Время производства и рабочее время. Стр. 30—32.

Оборот (время обращения) и физическая природа товаров. Стр. 35». *Ред.*

[1] ВТОРАЯ КНИГА
ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

ПЕРВАЯ ГЛАВА
ОБРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА

1) МЕТАМОРФОЗЫ КАПИТАЛА

Нам предстоит исследовать те новые *определенности формы,* которые принимает капитал в самом процессе обращения, причем по-прежнему предполагается, что товары продаются по *стоимостям,* сложившимся ныне и определяемым их ценой; другими словами, что они продаются по их стоимостям. Из изложенного ранее следует, что их продажа *ниже* или *выше* их стоимости не имеет ничего общего с *производством прибавочной стоимости,* а выражает всего лишь *перемещение* имеющихся стоимостей, иное распределение, как стоимости товаров вообще, так и содержащейся в них прибавочной стоимости, между различными капиталистами, членами класса капиталистов. Чтобы понять эти формы в их чистом виде, важно прежде всего отвлечься от моментов, которые как таковые не имеют ничего общего со сменой форм и образованием форм. Поэтому особенно в этой первой главе мы оставляем в стороне многие, даже для процесса обращения важные, *реальные* определения, рассматриваемые в третьей главе этой книги.

При рассмотрении процесса обращения как *действительного* процесса воспроизводства и процесса накопления, как это делается в третьей главе, помимо формы рассматриваются также следующие *реальные* моменты:

1) способ, каким воспроизводятся и обусловливают друг друга потребительные стоимости, необходимые для реального воспроизводства (включающего в себя накопление; здесь имеется в виду лишь воспроизводство в расширенном масштабе);

2) обусловленность воспроизводства моментами, конституирующими данные *отношения стоимости и цены,* которые

могут меняться, если товары продаются *по их стоимости;* его обусловленность *изменениями действительных стоимостей товаров, зависящих от изменений в производительной силе труда;*

3) отношение *постоянного капитала, переменного капитала* и *прибавочной стоимости,* выраженное как опосредствованное процессом обращения.

Напротив, в этой первой главе должны быть развиты только *новые определенности формы* (категории), образование новых определенностей формы капитала при последовательном его прохождении через весь процесс обращения.

[2] Мы видели, что совокупный продукт капитала представляется в *товарной массе,* составные части которой измеряются их естественными или условными мерами, или же *цена которых* как самостоятельных *товаров определяется* их отношением, как *соответствующих частей* совокупной стоимости совокупного продукта. Эти товары, как и всякие товары, должны претерпеть *товарные метаморфозы;* с одной стороны, они должны представить свою *меновую стоимость* как таковую в *деньгах,* т. е. должны быть превращены в деньги, должны быть проданы, чтобы затем претерпеть обратное превращение в средства потребления, средства индивидуального или производительного потребления, в товары, которые покупаются из-за их *потребительной стоимости,* следовательно, для потребления. Они должны прежде всего реализовать свои *стоимости,* лишь идеально обособившиеся в своих *ценах.*

Первый метаморфоз товаров, их *превращение в деньги,* их продажа, представляется здесь, следовательно, как *первый метаморфоз* капитала, который существует теперь в форме товаров, чреватых прибавочной стоимостью.

Однако здесь сразу же возникает отличие от простого метаморфоза товаров, товаров как товаров, независимо от того, результатом какого способа производства они являются. То что было *первым* метаморфозом товаров, выступает как *второй* метаморфоз капитала. То что было *превращением* товара, выступает как *обратное превращение* капитала в его первоначальную форму. Если товарная масса, которая является продуктом капитала, где капитал выступает в качестве своего единственного продукта, продается по своей *цене,* то мы будем иметь форму *Д — Т — Д'.* Этот кругооборот опосредствован действительным *процессом производства.* Капитал существовал сначала в форме денег, или как *некоторая сумма стоимости.* Теперь он существует в форме *товаров,* чреватых прибавочной стоимостью. В результате продажи этих товаров, их превращения в деньги, капитал *обратно превращается* в деньги. Сначала

он существовал как *денежный капитал* (деньги, которые по своему *назначению* были капиталом *в себе* δυνάμει *); потом он существует как *товарный капитал,* когда товары функционируют только как носители, как способ существования увеличившего стоимость капитала; далее он снова существует как *денежный капитал,* но теперь не только по назначению, но и в результате прохождения через процесс производства, как *реализованный* капитал. *(По энтелехии* [70]*.)* Капитал возвратился к себе в первую форму, но в форме, в которой он реализован как *капитал.* Он составлял 100 талеров в своей исходной точке. Теперь, так же как и первоначально, это тоже всего лишь некая денежная сумма, но сумма отличная, дифференцированная, денежная сумма, которая не только *количественно* отличается от первоначальной, но в то же время выражает этот *количественный прирост* как *качественное* отношение, как *отношение капитала;* выражает, однако, иначе, чем в непосредственном процессе производства. Первоначальная сумма стоимости в 100 талеров относится к своему приращению, к 10 талерам, как *капитал,* как нечто производящее, как его основа или причина; она относится к этому приращению как к своему следствию или результату, своему продукту, к тому, что ею *произведено,* ею от самой себя отторгнуто. Налицо не только приращение, но первоначальная величина относится к своему приращению как *своему* приращению и как своему *приращению.* В сущности [in sich] мы имеем отношение первоначальной величины к своему приращению, ею самой обусловленному приращению. Только в этом выражении, которое является не только количественным, но и включает в себя качественное отличие, дифференцировку, первоначальная сумма стоимости в 100 талеров *выступает* как *капитал.* 100 талеров выступают как *капитал* вследствие того, что они относятся к 10 талерам, как к *прибавочной стоимости,* возникшей из первоначальной суммы, к продукту, как *увеличению ее стоимости.* Это — не только 100 талеров, которые сохраняются, но [3] 100 талеров, которые увеличились на 10 талеров, следовательно, как раз в силу этого они функционировали как *сохраняющаяся* — ибо 100 талеров опять налицо — и как *увеличивающаяся* стоимость — ибо 10 талеров представляют собой прибавочную стоимость — и поэтому выступают здесь как *капитал.* Вследствие этого 100 талеров есть не только деньги, но *денежный капитал,* деньги, проявившие себя как капитал. Это различие, разумеется, сразу исчезает вновь, как только 110 талеров авансируются как капитал, как только они

* — потенциально. *Ред.*

снова используются как капитал. В этом случае они рассматриваются как исходный пункт, а не как пункт возвращения. Они отличаются от 100 талеров только тем, что теперь в качестве капитала функционирует *больше* денег, чем прежде, функционирует капитал, представляющий *бо́льшую массу стоимости*. Но отношение между двумя его составными частями исчезло бы, точно так же как наше первоначальное представление о превращении денег в капитал осталось бы тем же, независимо от того, из какой первоначальной суммы стоимости мы будем исходить, из 100 или из 110 талеров. Если эти 110 талеров функционируют снова как капитал, то специфическое различие между 10 и 100 талерами исчезает, сливается в безразличии, и каждая часть этих 110 талеров принимается в расчет только как соответствующая их *часть*.

В выражении «100 талеров капитала и 10 талеров прибавочной стоимости», где эти 110 талеров выступают как сумма стоимости, *дифференцированная* в самой себе, *разнородная по содержанию*, выражающая *капиталистическое отношение*, выступают как отношение 100 к самим себе как к капиталу, потому что это есть отношение к 10, как к отторгнутому от капитала приращению; в этом выражении *устранено*, полностью *упразднено* то *опосредствование* (процесса производства), благодаря которому 100 талеров становятся производителем 10 талеров. Оно существует еще только в той форме, что 100 талеров есть основная сумма, а 10 — ее приращение, добавочная, производная сумма. Это *денежное выражение* капитала, — именно потому, что выражает только результат, а всякие следы опосредствующего процесса здесь исчезли, — есть *иррациональная форма капитала*. Именно к деньгам, или к фиксированной меновой стоимости (выраженной в цене), сводится всякая потребительная стоимость, а всякий товар имеет такой же вид, как и любой другой. В этой превращенной форме исчезла его первоначальная конкретная форма, а потому и его differentia specifica *.

Таким образом, различные по содержанию конкретные формы, которые имел капитал в процессе производства, бесследно исчезли, а потому бесследно исчезло также и их реальное отношение друг к другу в *процессе увеличения стоимости* капитала. *Увеличение стоимости* как таковое имеется налицо без его посредствующих промежуточных звеньев. И между частями 110 талеров господствует абсолютное тождество, т. е. неразличимость по содержанию. 10 равным образом могут составлять как $^1/_{11}$ всей суммы, так и $^1/_{10}$ всей суммы авансированного капитала.

* — специфическая отличительная черта, специфическое различие. *Ред.*

Первоначальная сумма вычитается, и какие угодно 10 талеров образуют приращение, которое как таковое не отличается от флюенты [71]. Совершенно так же как в интегральном исчислении dx, dy исчезают как приращения, как только они перестали функционировать и процесс в данной величине прекратился.

Вследствие этой *иррациональной формы,* в которой капитал выступает здесь в конце процесса в своем *денежном выражении,* 100 талеров теперь существуют и формально как капитал, даже если вообще не произведено никакой *прибавочной стоимости* (или если она произведена в каком-либо ином, не в капиталистическом процессе производства). Если владелец денег превратил 100 талеров в 110, например, путем надувательства в процессе обращения или путем дачи взаймы своих денег какому-нибудь моту и т. д., то всегда одна часть стоимости, равная 100, является основной суммой, а прирост, равный 10, представляет собой ее плод, ее приращение. Для отдельного владельца денег его авансированные деньги превратились в капитал, поскольку капиталистическое отношение выражается в *отношении основной суммы к прибавочной сумме, на которую она больше основной, к ее излишку*. Способ опосредствования, которым это осуществлено, здесь совершенно не имеет значения. Отсюда следует, что эта форма докапиталистических ступеней производства может быть общей с капиталистической, и что внутри капиталистического производства, даже этого способа производства как такового, в этой форме могут выражаться чужие отношения.

[4] *Во-вторых,* следует повторить уже сказанное в главе шестой книги первой.

При простом товарном обращении речь идет только о том, что различие определенности формы представляется в его бытии как товара и денег и т. д. Но *товарная масса* как носитель капитала, чтобы превратиться в *денежный капитал,* должна проделать этот метаморфоз во всем своем объеме. *Количество* проданного товара становится здесь существенно важным. Отдельный товар функционирует только как неотъемлемая часть всей товарной массы, в которой капитал теперь прежде всего имеется в наличии.

Итак, поскольку образование капитала исторически начинается с денег, поскольку вновь вкладываемый капитал постоянно отправляется с этого исходного пункта, поскольку мы в этом исследовании исходили из того, что метаморфоз *Д — Т — Д'*, заканчивающийся обратным превращением товаров в деньги, представляет следующий кругооборот капитала, то сначала следует рассмотреть определенности формы этого метаморфоза.

Чтобы упростить изложение, мы исходим прежде всего из предположения, что весь авансированный капитал существует теперь в *форме товаров, которые могут быть проданы,* или, что то же самое, мы абстрагируемся от той части капитала, которая не была воспроизведена в этой форме.

Если рассматривать *процесс в целом,* то он представляется под углом зрения трех различных кругооборотов, имеющих между собой то общее, что обращение, благодаря которому товары и деньги меняют своих владельцев и исходный пункт обращения всегда является в то же время его пунктом возвращения, одновременно представляет собой кругооборот *метаморфозов,* которые проходит капитал, кругооборот, содержащий в себе новые определения, по форме и по содержанию отличные от метаморфоза товаров.

I.

Первый кругооборот: Д [1)] — *Т*. (Превращение денег в *факторы* процесса труда или в *реальные* факторы процесса производства, в средства производства и рабочую силу.) [2)] *Товар в процессе. Непосредственный процесс производства.* [3)] *Товар как результат процесса.* [4)] *Обратное превращение товара в деньги*. Следовательно: [1)] *Д* — *Т* — [2)] *Процесс производства или производительное потребление Т* — [3)] *Т'* — *Д'*: обратное превращение продукта процесса в деньги.

Вот та форма, которую мы должны рассмотреть прежде всего.

II.

Второй кругооборот: [1)] *Т*. (Товар в форме средств производства.) [2)] *Товар в процессе.* Непосредственный процесс производства. *Т'* — [3)] *Д* — *Т*. Превращение произведенных товаров в деньги и их обратное превращение в товар. (Факторы процесса труда.)

Следовательно: [1)] Товар — [2)] *Процесс* — *Т'* — [3)] *Д* — *Т*.

III.

Товар в процессе[1] *производства* — $T' - \overset{2)}{Д} - T$ (Превращение товара в деньги и обратное их превращение в товары, образующие факторы процесса труда.) — *Товар в процессе*[3] *производства.*

В кругооборотах I и II процесс производства выступает как простой момент процесса обращения; в кругообороте III процесс обращения выступает как простой момент процесса воспроизводства. Если мы назовем процесс производства — *П*, а весь метаморфоз или обращение товаров — *Обр.*, то эти формы представятся так:

1) $Д \overset{1)}{-} Т \ldots \overset{2)}{П} \ldots Т' \overset{3)}{-} Д'$. (*Т′* — товар, каким он выходит из процесса производства. *Д′* — реализованный денежный капитал.)

или: 2) $\overset{1)}{Т} \ldots \overset{2)}{П} \ldots Т' \overset{3)}{-} Д' - Т \ldots П \ldots Обр.$ (*Т* как конец обращения).

3) *П. — Обр. — П.*

После рассмотрения метаморфоза товара в первой форме надлежит исследовать его метаморфозы sub specie * двух других форм.

Далее, следовало бы еще добавить кругооборот, исходящий из *Т′*, из произведенных товаров. Правда, до некоторой степени он уже содержится в форме 2), поскольку *Т*, хотя он и выступает здесь как предпосылка капиталистического процесса производства, есть результат прежнего капиталистического процесса производства. Однако ради полноты приведем здесь еще четвертую возможную форму. В ходе самого исследования будет видно, в какой мере она образует новые точки зрения.

Итак: 4) $Т' \overset{1)}{-} Д - Т \ldots \overset{2)}{П} \ldots \overset{3)}{Т'}$.

В форме 1) процесс начинается с денег (*Д*), в форме 2) процесс начинается с *товаров,* образующих факторы процесса труда, в форме 3) исходный пункт — сам непосредственный процесс производства, и в форме 4) исходный пункт — *товар как продукт* (но не как в форме 2) — как предпосылка) процесса производства. Во всех четырех формах пунктом возвращения является то, что служило исходным пунктом. N. B. **.

---

* — под углом зрения. *Ред.*

** — N. B. В изложении для печати эта схема должна быть представлена как результат, а не как исходный пункт.

[5] I. *Первая форма кругооборота:* $Д \overset{1)}{—} Т \ldots \overset{2)}{П} \ldots Т' \overset{3)}{—} Д'$. Посредством $Т'$, $Д'$ мы обозначаем стоимости Т и Д, увеличившиеся на $\Delta Т$ или $\Delta Д$, получившие какое-то приращение. Поскольку эта форма рассматривается лишь в той мере, в какой она представляет собой *форму обращения,* движется внутри товарного обращения, то она сводится к *Д — Т — Д'*, к форме капитала, с которой мы начали исследование.

Форма *Д — Т — Д'* отличается

1) *формально* от формы простого товарного обращения *Т — Д — Т* тем, что заключительный момент последней, т. е. *Д — Т*, здесь образует первый момент, а первый момент, т. е. *Т — Д*, здесь образует последний. В этой превращенной форме выражается то, что здесь *деньги* не расходуются как средство обращения, а авансируются как капитал, и потому являются лишь *денежной формой* капитала, *денежным капиталом*. Далее в ней выражается то, что меновая стоимость как таковая есть определяющая цель, самоцель движения, в то время как в *Т — Д — Т* она выступает только как мимолетная форма, имеющая целью лишь опосредствовать действительный обмен веществ товаров и превратить подлежащий продаже товар в *потребительную* стоимость для продавца, следовательно, имеющая целью лишь опосредствовать обмен веществ потребительных стоимостей.

2) В то время как в *Т — Д — Т*, форме простого товарного обращения, одна и та же меновая стоимость трижды выступает в различной форме, как цена первого *Т*, как деньги, равные этой цене, и, наконец, опять как цена последнего *Т*, форма *Д — Т — Д'* выражает рост, избыток возвратившейся денежной суммы над авансированной суммой, следовательно, выражает фактически *изменение* в величине первоначально брошенной в обращение стоимости.

В непосредственном процессе производства, в *П*, капитал лишь принимает форму, отличную от той, которую он имеет как *Т'* и *Д'*; как *производительный капитал* он отличается от них как *товарного капитала* и *денежного капитала*. Обе последние суть формы, в которых капитал выступает в процессе обращения, а форма *П* есть его форма в процессе производства. Эту форму мы знаем из книги I. Две другие нам предстоит рассмотреть более подробно в ходе дальнейшего изложения данного раздела. Однако предварительно уже можно отметить следующее: *товарный капитал* выступает двояким образом: как *Т* и как *Т'*, как предпосылка процесса и как его результат, как аванс и как полученный результат. Возможно, что какая-то часть *Т*, товара,

в котором представлены *объективные* факторы процесса труда, не была продуктом капиталистического процесса производства, а входит в капиталистический процесс производства как результат какого-либо другого процесса производства (например, хлопок, произведенный рабами, хлеб, произведенный самостоятельно хозяйствующими крестьянами, индийскими крестьянами, крепостными и т. д.). Однако это ничего не меняет в том, что когда акт *Д — Т* совершился, когда капиталист купил эти индийские, русские и т. д. средства труда, они становятся уже *формой его капитала.* Ради упрощения здесь всюду следует предполагать, что все моменты капиталистического процесса производства сами являются результатами *капиталистического,* а не какого-либо другого определенного процесса производства. Точно так же и деньги выступают дважды, один раз как капитал *в себе,* другой раз как *реализованный капитал.* Это ничего не меняет в том обстоятельстве, что оба раза они функционируют как *денежный капитал,* как денежная форма капитала.

[6] *П*, процесс производства, выступает здесь как *имманентный момент* и одновременно как *перерыв, пауза в процессе обращения.*

П находится между *Д — Т* как своим введением и *Т' — Д'* как своим необходимым заключением, так как *Т'*, *товарный капитал,* в который теперь превратился первоначальный денежный капитал, есть товар в той стадии, когда он ничего не стоит, если не превратится в деньги; в стадии, когда он должен проделать свой метаморфоз.

В простом товарном обращении, *Т — Д — Т*, этот перерыв не происходит; *Т — Д — Т* представляет собой чередование двух непосредственно дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза, продажи и купли.

Далее, *Т*, товарный капитал, в который превратился денежный капитал, выражает *реальные факторы* процесса труда, следовательно, вещественные *условия существования Т'*, товарного капитала, в той мере, в какой оно выходит из процесса производства как его результат и в какой оно должно пройти вторую фазу обращения капитала. *П* есть реальный процесс, в котором происходит не только прирост первоначальной стоимости капитала, но одновременно и его метаморфоз из формы, в которой существуют факторы труда, в форму, в которой он выступает на рынке как *продукт* процесса, как исходный пункт второй фазы. Это есть *действительное* превращение *Т* (включающего в себя и рабочую силу) в *Т'*. В $\overset{1)}{T} — Д — \overset{2)}{T'}$ $\overset{1)}{T}$ и $\overset{2)}{T'}$ представляют товары, обладающие различной потребительной стои-

мостью. Их обмен опосредствуется превращением в деньги $\overset{1)}{T}$ и превращением в товар $\overset{2)}{T'}$, или, если рассматривать только $\overset{1)}{T}$, то его обмен веществ с $\overset{2)}{T'}$, его превращение в действительные потребительные стоимости для его продавца опосредствуется превращением в деньги и обратным превращением из денег, следовательно, *формальным* метаморфозом товара. Но в этом процессе обращения не происходит никакого *реального* изменения, никакого *реального метаморфоза* ни с $\overset{1)}{T}$, ни с $\overset{2)}{T'}$. Они меняют лишь своих владельцев. В *метаморфозе* же капитала, напротив, *формальный* метаморфоз выступает только как форма *реального* метаморфоза, превращение *Т* в *Т'*, в котором первое изменяет не только величину своей стоимости, но и свою вещную форму, свою *потребительную стоимость*. Его первоначальная потребительная стоимость была потребительной стоимостью *средств производства*, его конечная потребительная стоимость есть потребительная стоимость *продукта* (нового продукта). Это действительное превращение происходит в процессе производства или оно есть сам *процесс производства*. Далее: хотя *Т'* — *Д'*, заключительная фаза обращения капитала, принадлежит только к *формальному* метаморфозу товаров, с первой фазой *Д* — *Т* дело обстоит не так. Этот метаморфоз определяется тем, что *Д* должны функционировать как капитал, следовательно, должны выражаться в элементах процесса производства. В зависимости от того, должен ли этот процесс происходить в форме шитья сапог или ткачества, *Д* должны превратиться в специфически определенную рабочую силу и в товары со специфически определенными свойствами, в пряжу или кожу и т. д.

Таким образом, *Д* — *Т* — *Д'* как форма обращения капитала включает в себя, кроме формального метаморфоза товаров, кроме этой смены форм, абстрактно определенный обмен веществ, реальный метаморфоз, с полной формой которого мы познакомимся лишь при рассмотрении других форм обращения. Этот момент внутренне связан с другим различием между простым товарным метаморфозом и метаморфозом капитала.

[7] Потребительная стоимость товара реализуется как потребительная стоимость только в процессе потребления. Следовательно, потребительная стоимость становится потребительной стоимостью только благодаря потреблению, следовательно, оказывается за пределами простого товарного обращения $\overset{1)}{T}$ — *Д* — $\overset{2)}{T}$ и является чуждым происходящему в нем

метаморфозу. $\overset{2)}{Т}$ предназначен для потребления, однако, как только он займет место $\overset{1)}{Т}$, процесс обращения и метаморфоз $\overset{1)}{Т}$ закончатся. Что он представляет собой и как он потребляется, это — вопрос, который с метаморфозом товаров как таковым не имеет ничего общего. Иначе обстоит дело с метаморфозом капитала. *Д — Т* определяется специфическим процессом производства, который должен начинаться этим обменом денег на товар. Потребительная стоимость товара, в котором представляется $\overset{1)}{Т}$, здесь абстрактно определена и потребление этого товара, его производительное потребление, тождественное с процессом производства, оказывается моментом в метаморфозе или в процессе обращения, *образует момент экономической определенности формы,* а не стоит, как нечто вещественно безразличное, вне этого процесса, как это имеет место в *Т — Д — Т*.

Из сказанного выше вытекает следующее: *П*, процесс производства, представляет собой, с одной стороны, перерыв, а с другой стороны, посредствующее звено процесса обращения или метаморфоза капитала, сопровождающего этот процесс. Это, заключенная между двумя актами обращения *Д — Т* и *Т′ — Д′*, стадия, которая должна быть пройдена. Если бы процесс производства не состоялся, то не произошли бы ни *Т′ — Д′*, ни, следовательно, *Т — Д — Т*. Если рассматривать все движение капитала, то процесс производства выступает здесь, следовательно, как момент, включенный в процесс обращения и его прерывающий, опосредствующий и обусловливающий.

Форма *Д — Т — Д′* включает в себя также своеобразное *обращение денег,* отличное от того обращения денег, каким оно представляется в простом товарном обращении, где деньги функционируют как средство обращения. В последней форме обращения деньги переходят из одних рук в другие. Их возвращение в те руки, которые их израсходовали, для этой формы обращения безразлично, оно носит по отношению к ней случайный, внешний характер и происходит поэтому *не необходимо,* а если и происходит, то в условия обращения не включается.

Напротив, *обратный приток* авансированных денег к *лицу, которое их авансировало,* является существенным выражением обращения денег как капитала. Их бросают в обращение только для того, чтобы снова извлечь оттуда. Но наряду с этим *качественным* моментом, наряду с особенным денежным обращением, возвращением денег к их исходному пункту, в котором выражается метаморфоз капитала, здесь имеет место второй, *количественный* момент, ибо *Д′* > *Д*. Из обращения, следовательно,

извлекается больше денег, чем в него бросается. Это кажется парадоксом для первой формы обращения, в которой представляется метаморфоз капитала, для рассмотренной здесь формы *Д — Т — Д'*. Так как владельцем денег является класс капиталистов, то спрашивается, как он может извлекать из обращения больше денег, чем он в него бросает? Очевидно, это лишь *кажущееся* выражение того факта, что из обращения извлекается больше *стоимости* (в какой бы форме эта стоимость ни существовала), чем в него бросают. Сам же этот факт есть опять-таки лишь другое выражение того, что капитал производит бо́льшую стоимость, увеличивает свою стоимость. В результате капиталистического процесса производства возрастает масса и стоимость товаров, авансированных для процесса производства как капитал. Обращение же не совершает ничего иного, как только опосредствует пропорции, в которых реальные формы этого прибавочного продукта, так же как и первоначальных продуктов, распределяются между различными членами класса капиталистов. Здесь нет парадокса, напротив, он разрешен путем анализа процесса производства.

[8] Что касается возмещения авансированного капитала *Д*, то эта проблема уже решена анализом простого денежного обращения. Этот анализ показал, как одна и та же денежная сумма приводит в обращение в *x* раз бо́льшую денежную стоимость, чем сумма товаров; при этом пропорция, в которой это происходит, зависит, разумеется, 1) от скорости обращения, от быстроты метаморфоза, 2) от развития денег как средства платежа и величины балансов, которые в конечном счете должны быть реализованы. В последующей форме обращения, которая включает в себя форму *Т — Д — Т'*, являющуюся простым моментом процесса обращения капитала, это выражено в самой этой *форме;* не в форме *Д — Т — Д'*, которую мы рассматриваем теперь.

Иначе, однако, обстоит дело с превращением в золото прибавочной стоимости. (Здесь мы должны неизменно предполагать металлическое обращение.)

Сто талеров авансированы. 110 талеров должны быть возвращены. Сто талеров могут быть авансированы как новый капитал, хотя находящаяся в обращении денежная масса и не увеличится. Дело лишь в *определенном* способе, каким расходуются эти сто талеров. Однако откуда берутся деньги для превращения в золото избыточной денежной стоимости в 10 талеров, коль скоро производство прибавочной стоимости само по себе не включает в себя *изменения* в скорости и экономии обращающейся денежной массы (по отношению к обращающейся товарной

массе), напротив, предполагается, что это отношение остается *постоянным?*

Выраженная совершенно абстрактно, т. е. сведенная к простейшему выражению, эта проблема — не возникавшая в простом товарном обращении, где масса и стоимость товаров предполагаются *данными* — сводится к вопросу: откуда берутся деньги для товарной массы, увеличившей массу своих потребительных стоимостей и меновых стоимостей? Это увеличение есть продукт капиталистического процесса производства.

Если рассматривать капиталиста, непосредственно производящего золото (или вообще какой угодно денежный материал), то здесь решительно нет никакой проблемы. Если производительная сила примененного этим капиталистом труда остается *неизменной,* то произведенная им прибавочная стоимость представляется непосредственно как *прибавочные деньги.* Если производительная сила труда уменьшается, то продукт этого труда, по сравнению с другими товарами, представляется деньгами увеличенной стоимости (равной первоначальной плюс избыток). И те же самые деньги, а по сути измененные, вследствие повышения их стоимости, обеспечили бы обращение и реализацию товарной массы большей денежной стоимости.

Поскольку, однако, действительно требуется *больше денег* для того, чтобы представлять возрастающую массу стоимости, то фактически это увеличение может быть достигнуто только благодаря тому, что бо̀льшая часть всего авансированного капитала общества будет вкладываться непосредственно в добычу золота, или, что то же самое, известная часть совокупного продукта, возрастающая вместе с прибавочным продуктом, будет обмениваться на золото золотодобывающих стран, на их *золотой излишек,* который затем в различных пропорциях распределялся бы между членами класса капиталистов. Если рассматривать отдельный класс капиталистов, то этот процесс кажется безразличным. Капиталист, вкладывающий свой капитал в производство золота, извлекает, как и любой другой капиталист, свой прибавочный продукт в форме того товара, который он производит вообще. Другие капиталисты придают своему прибавочному продукту денежную форму, абсолютную форму стоимости. Но весь класс капиталистов, или общество, вкладывает постепенно возрастающую часть общественной продукции в производство одного товара — золота, который как золото не может быть элементом ни производительного, ни индивидуального потребления. Это — *pro tanto* * возникающее из самой

* — *соответственно. Ред.*

формы обмена расточение средств производства и рабочей силы, которое ограничивает как потребление, так и реальное воспроизводство. Такого рода производство денежного материала образует действительно весьма значительную статью *издержек обращения*, о чем речь будет позднее, и относится к faux frais * капиталистического (и вообще покоящегося на товарном производстве) способа производства.

[9] Форма *Д — Т — Д'* создает здесь затруднения и поэтому действительно является лишь *видимой* формой, однако выражающей прирост стоимости товарной массы, первоначально брошенной в обращение.

Если бы весь прибавочный продукт действительно выражался в добавочных деньгах, то 1) ни одна из его частей не расходовалась бы как доход и капиталисты должны были бы питаться воздухом, 2) было бы невозможно воспроизводство в расширенном масштабе (следовательно, вообще производство, которое его предполагает), так как прибавочное *Д* должно быть превращено в *Т*, что, однако, невозможно, если прибавочное *Д*, как это предполагается, было бы вообще единственной реальной формой прибавочного продукта.

Часть прибавочного продукта потребляется как доход, т. е. потребляется в натуральной форме, частично непосредственно его производителем, частично посредством обмена. В том случае, если она потребляется его производителем непосредственно в натуральной форме, то перед этим она не превращается в деньги и не требует, следовательно, денег для такого превращения. Если же она потребляется посредством обмена, то следует принять в расчет следующее: метаморфоз капитала, т. е. обращающиеся для осуществления этого метаморфоза, обусловленные этим метаморфозом деньги меньше, чем обращающаяся в обществе денежная масса, необходимая для обращения всей товарной массы. Она включает в себя, разумеется, денежную массу, которая обращается между рабочими, между рабочим и капиталистом и между капиталистами. Но капиталист должен «жить». *Д — Т — Д* не заключает в себе ни одного фартинга денег для денежного обращения, в который ему обходится его личное потребление. Если он авансирует *Д* как капитал, то, согласно предположению, он еще не реализовал свои деньги как капитал, следовательно, еще не создал прибавочной стоимости, следовательно, также еще не реализовал никакого излишка денег за эту прибавочную стоимость. Но он должен иметь деньги в своих руках для *антиципации* этой прибавочной стоимости, должен расходовать деньги как доход, прежде чем

* — непроизводительным издержкам. *Ред.*

он выколотит этот доход из рабочих. И притом — будем считать, что для совершения процесса *Д — Т — Д′* требуется один год — он должен в течение всего этого года авансировать себе деньги, расходуемые на обращение своего дохода, на свое личное потребление, а для этого он должен *их иметь,* то ли как их собственник, то ли как взявший их в долг.

Помимо *Д* (денежной суммы, которую он как капитал бросает в обращение), он бросает еще, следовательно, *Д + Д′*; скажем 1 000 талеров в качестве капитала + 500 талеров в качестве дохода, следовательно, 1 500 талеров. Если, таким образом, в конце процесса, поскольку он получил 10% прибыли, он извлечет из обращения 1 500 талеров, то обращение его капи-

Д *Т*

тала представляется как 1 000 талеров — 1 000 талеров това-

Т′ *Д′*

ра — процесс производства — 1 500 талеров товара — 1 500 талеров, и, следовательно, оно представляется как превращение 1 000 талеров в 1 500 талеров. 500 талеров он сам бросил в обращение как расходователь дохода, так как он изымает их для *превращения в золото* своих 500 талеров, существующих в форме прибавочного продукта, сверх авансированного капитала в 500 талеров. Эти 500 талеров он проел, но они находятся в обращении и возвращаются к нему как превращенная в золото *прибавочная стоимость,* после того как он их израсходовал как простое средство обращения (не как капитал).

Если, напротив, часть прибавочной стоимости превращается обратно в капитал, причем прибавочная стоимость равна 700 талеров, в то время как он бросил в обращение как расходователь дохода только 500 талеров, то это предполагает, что на другой стороне существует продукт, стоимость которого на 200 талеров больше, продукт, на который капиталист обменивает добавочные товары стоимостью в 200 талеров. Эти взаимно дополняющие друг друга прибавочные продукты *могут* обмениваться между капиталистами без увеличения денежной массы.

Поскольку требуется большее количество денег, постольку необходимо увеличение *производства золота.* Если бы оно не увеличивалось, тогда увеличивалась бы *стоимость* денег. Та же денежная сумма обращалась бы в возросшей капитальной стоимости и т. д.

Детальнее мы на этом остановимся только в главе VII книги III. Все затруднение проистекает из формы *Д — Т — Д′*, в которой 1) деньги *выражены* только как мимолетный момент, как простое средство обращения, 2) капиталист — лишь лицо, авансирующее капитал, включая также и доход (не имеющий

отношения к обращению его капитала), так что различие между деньгами как капиталом и вообще авансированными деньгами не проявляется, остается незаметным.

[10] (Большая заслуга физиократов состоит в том, что они считали существенной формой процесса обращения не форму I, а форму III и форму IV.)

Мы уже отметили, что в первой фазе обращения, или метаморфоза капитала, в фазе *Д — Т*, — так как она одновременно представляет собой момент *реального* метаморфоза — *Т* по своему вещественному содержанию определяется как 1) *объективные* средства производства (товары, как производительные элементы процесса труда) и 2) *рабочая сила*, на которую обменивается *переменный капитал*. *Д* делится на часть, которая функционирует всего лишь как денежная форма постоянного капитала (элементы которого опять-таки абстрактно определены) и на другую составную часть, которая функционирует как простая денежная форма переменного капитала.

Рассмотрим обе эти части в отдельности в их отношении к *форме денежного обращения*, в которой представляется это превращение, и так как *Т* здесь распадается на *Т* (товар как таковой) и *Р* (рабочая сила), то для удобства назовем *Д — Т* — ту часть метаморфоза, в которой *Д* превращается в средства производства, и *Д — Р* — ту часть метаморфоза, в которой *Д* превращается в рабочую силу.

Обе части: *Т* и *Р* суть составные части *Т*, в которые превращается *Д*, но одно превращение происходит на собственно *товарном рынке,* другое — на *рынке труда*. Что касается прежде всего *Д — Т*, то *Т* определено здесь вещественно; это — те вещественные потребительные стоимости, из которых состоят *объективные* факторы труда, в которые должно превратиться *Д*. Это — обмен между денежным капиталом и товарным капиталом. Однако более детальное определение этих моментов может быть развито только в более поздних формах обращения. Напротив, *Д — Р* может быть рассмотрен уже здесь. Часть *Д*, денег, принимающая денежную форму переменного капитала, обменивается на рабочую силу и вкладывается в заработную плату. Рабочий покупает на нее необходимые жизненные средства, которые производит либо его собственный капиталист, либо собрат этого капиталиста. Если рассматривать весь рабочий класс и весь класс капиталистов, то первый выкупает у второго часть совокупного продукта, часть той части совокупного продукта, которая состоит из необходимых жизненных средств. Капитал выплачивает рабочим, скажем, еженедельно, в среднем определенную денежную сумму *Д*, а рабочие, выплачивая

еженедельно эти деньги обратно, выкупают соответствующие его величине товары или по *совокупной* их *цене*, выраженной в денежной величине их заработной платы.

Капиталист дает деньги рабочему, рабочий покупает на них у капиталиста часть товаров, определенную размерами его заработной платы, — необходимые жизненные средства, — и таким образом в качестве покупателя возвращает капиталисту деньги, которые он получил от капиталиста в качестве продавца; и это обращение одной и той же денежной суммы между капиталистом и рабочим в качестве денежной формы переменного капитала, затрачиваемого на заработную плату, и в качестве покупательного средства рабочего, который превращает свою заработную плату в необходимые жизненные средства, является непрерывным.

Если мы рассматриваем только *форму обращения*, то мы снова находим *Д — Т — Д*, обратный приток части капитала, затраченной капиталистом в качестве заработной платы. То, что одной рукой капиталист выплачивает рабочему, как *цену труда*, то другой рукой он получает обратно, как *цену товаров, проданных им рабочему*. (Это относится ко всему классу, какого бы рода ни было опосредствование, и будет рассмотрено *позднее*.) Капиталист выплачивает рабочему деньги, на которые последний покупает у него товары, и рабочий ditto * уплачивает капиталисту за товары деньги, на которые капиталист покупает труд.

[11] Однако, если, во-первых, рассматривать только форму, то *Д — Т — Д* отнюдь не идентична с денежным обращением *Д — Т — Д'*, которую мы рассмотрели выше и где в форме денежного обращения выступает обратный приток денег к их исходному пункту, процесс увеличения стоимости капитала, весь его метаморфоз от первоначальной его затраты в денежной форме до его обратного превращения в денежную форму.

Обратный приток денег, затраченных капиталистом в качестве цены труда, к капиталисту, как к продавцу необходимых жизненных средств, — это форма, лишь *кажется* идентичной с формой, рассмотренной выше. Если мы рассмотрим процесс детальнее и обозначим через *Р* труд (и рабочую силу, так как они в действительности идентичны), то обнаружим, что здесь происходят *два* различных, полных, а потому дополняющих друг друга в двух противоположных фазах метаморфоза, из которых *Д — Т*, первое звено формы *Д — Т — Д*, т. е. движение денежного обращения между капиталистом и рабочим, принадлежит одному из этих метаморфозов, а второе звено, *Т — Д*, — другому

* — тоже. *Ред.*

метаморфозу. Действительное обращение капитала как переменного капитала имеет следующий вид:

1) Процесс увеличения стоимости 2)

Д — *Р* ... *П* ... *Д* + Δ*Д* или *Т* (= *Д*) и Δ*Т* (= Δ*Д*), поскольку продукт существует сначала не как *Д*, а как *Т*.

Следовательно, этот процесс, результат которого *Д* — *Д′*, не является процессом, принадлежащим только обращению; он прерван и опосредствован процессом производства, действительным потреблением купленного труда, в который капиталист посредством *Д* — *Р* превратил свой переменный капитал. Он и не заканчивается непосредственным обратным притоком денег, который опосредствуется лишь вторым метаморфозом капитала, продажей *Т* + Δ*Т*.

Напротив, та же самая сделка между капиталистом и рабочим, являющаяся для капиталиста *покупкой труда* (не продажей товара рабочему) для рабочего представляется так:

Р или *Т* (поскольку *Р* есть труд, который он продает), *Р* —1) *Д* (продажа его труда), *Д* —2) *Т* (покупка товаров на его заработную плату), следовательно, *Т* —1) *Д* — *Т*, продажа его товара, труда, за деньги и покупка на эти деньги товаров (жизненных средств). Здесь со стороны рабочего осуществляется форма простого товарного обращения, так что деньги для рабочего функционируют *только* как *средство обращения,* как мимолетная форма меновой стоимости, которая превращается в жизненные средства, требуемые для удовлетворения необходимых потребностей. Но этот последний акт, *Д* — *Т*, для покупателя, рабочего, представляется, подобно всякому *Д* — *Т*, как *Т* — *Д* для продавца, в данном случае для капиталиста, как превращение его товара в деньги, так как в этом процессе капиталист и рабочий противостоят друг другу не на рынке труда, а на товарном рынке, один (капиталист) как продавец товара, другой (рабочий) как владелец денег, покупатель товара (в то время как в действительной сделке между капиталистом и рабочим первый выступает как покупатель, а второй — как продавец товара, своей рабочей силы).

[12] Этот акт *Р* (или *Т*) — *Д* — *Т*, результатом которого для капиталиста является *Д* — *Т* — *Д* (вместе с первым членом акта *Д* — *Р* — *Д* + Δ*Д*), есть простой акт обращения, в котором связи, опосредствующие его, отпали, стали незаметными, и если из этого простого акта обращения выводится отношение капиталиста и рабочего, а следовательно, и увеличение стоимости капитала, то в результате получается сущая бессмыслица,

В первом процессе капиталист покупает труд. Это — товар, в который он превращает свои деньги, которые переходят в руки рабочего, являются для последнего превращенной формой его товара.

Во втором процессе рабочий на эти же деньги покупает у капиталиста товар, однако он покупает товар на перешедшие к нему деньги капиталиста. Он забирает у последнего посредством этого второго акта столько же в форме товара, сколько отдает ему обратно в форме денег, совершенно так же как мясник, покупающий у пекаря хлеб, отдает последнему деньги, на которые тот покупает у мясника мясо.

Капиталиста обогащает или делает капиталистом не этот обратный приток денег в качестве цены его товаров, которые он израсходовал, оплачивая цену труда. В противном случае товаровладелец *А* обогащался бы благодаря тому, что он дает *Д* товаровладельцу *В*, а этот последний на это *Д* покупает у него товары. Тем самым его деньги возвратились к нему, но то, что он раньше отдал безвозмездно в форме денег, теперь он отдал безвозмездно в форме товара, и денежное обращение между ним и его покупателем лишь маскировало бы эту сделку.

Капиталист не платит рабочему за его рабочую силу дважды: один раз в форме денег, другой раз в форме товара. Вместо того, чтобы платить ему прямо товарами, он платит ему деньгами, превращенной формой как стоимости его рабочей силы (как товара), так и товаров, которые тот покупает на эти деньги. Его деньги функционируют только как билет, как чек, со стороны капиталиста на товарную массу, равную по цене заработной плате. Как только рабочий предъявляет этот чек, капиталист в обмен на него отдает *действительно товары,* равные *стоимости рабочей силы* или заработной плате. Это возвращение есть лишь погашение билета, т. е. возвращение его к тому лицу, которое его выдало. Это — *сделка,* которая лишь *маскирует* настоящую сделку, состоящую в том, что известная часть капитала, выраженная в жизненных средствах, обменивается на живой труд. Чтобы снова извлечь товары с товарного рынка, рабочий снова должен продать *Р* и т. д.

Так как денежное обращение, возвращение денег к капиталисту, не означает ничего кроме того, что он *действительно часть товаров* (на самом деле часть продукта рабочего) отдает рабочему в качестве действительной оплаты его рабочей силы, то представление, что капиталист обогащается в результате этого *возвращения,* сводится к тому, что он обогащается не в результате того, что он у рабочего берет, а в результате того, что он ему дает, не в результате деятельности труда, созидающей

стоимость, а в результате его силы, и капиталист должен был бы тем больше обогащаться, чем больше ему стоит труд, так как соответственно этому *в результате купли его* товаров рабочим к нему возвращалось бы *больше денег*.

Разумеется, здесь, как и во всем нашем исследовании, до сих пор мы исходим из той предпосылки, что товары вообще, а следовательно, и товары, продаваемые рабочему, продаются по *их стоимости*.

[13] Из этого примера видно, что хотя обращение капитала представляется в виде обратного притока денег, в этой определенной форме денежного обращения, тем не менее не всякий обратный приток денег и не всегда эта форма представляет обращение капитала как таковое; хотя постоянство обратного притока должно выражать, как в данном случае, отношение капиталиста и рабочего, так и, в любом случае, скрытое за ним специфическое отношение между покупателем и продавцом.

Таким образом, часть капитала, образующая переменный капитал, должна постоянно иметься налицо в *денежной форме*, и она функционирует сначала как денежный капитал, обращающийся между капиталистом и рабочим на рынке труда, а затем как средство обращения между рабочим и капиталистом на товарном рынке. Следовательно, если рассматривать денежное обращение, то эта часть капитала неизменно сводится к средству обращения и, в соответствии с природой сделки, должна иметь также определенную денежную форму, форму монеты, или иметься налицо в виде монет, пригодных для розничной торговли, так как свои покупки рабочий может осуществлять только в малых количествах. Для отдельного капиталиста и т. д., — поскольку не всякий капиталист продает непосредственно жизненные средства, к тому же, если он и продает часть их рабочим, то не прямо, а только окольными путями — деньги имеются налицо только тогда, когда они прошли $T' — Д'$, поскольку он продает свой товар постоянно. Следовательно, если здесь возникают заминки, то капиталист должен иметь в наличии или в своем распоряжении деньги, чтобы продолжать закупку рабочей силы (следовательно, продолжать процесс производства), не ожидая их возвращения. Эта часть *капитала*, переменная часть, должна быть постоянно в распоряжении капиталиста в денежной форме. Она образует необходимую часть его *денежного капитала* в форме *денежного капитала*. Если затоваривание рынка, или какой-либо другой кризисный момент, воспрепятствует капиталисту распорядиться этим денежным капиталом, то рабочий не сможет купить товары, потому что капиталист

не сможет продать находящиеся на рынке товары, ибо *непродающиеся* на рынке товары являются, быть может, теми товарами, в которых нуждаются рабочие. Если бы, далее, товарные рынки, инвестиционные каналы и т. д. оказались настолько переполненными, что, например, избыточный капитал в форме денег и т. д., вновь образованный *прибавочный капитал* не имел бы никаких видов на прибыльное применение или, напротив, его превращение в производительный капитал было бы сопряжено с большим риском, то этому *прибавочному капиталу* на одной стороне, соответствовал бы *прибавочный труд* на другой, и та же самая повышенная производительная сила труда, которая создает *прибавочный труд* на одной стороне, могла бы создать *прибавочный капитал* на другой, без того чтобы оба они могли друг друга уравнять.

Если бы заработная плата выплачивалась еженедельно (в среднем), например, 100 ф. ст. как недельная заработная плата 100 рабочих, то эти 100 ф. ст., при регулярном расходовании их, могли бы представлять переменный капитал в 5 200 ф. ст. (за 52 рабочие недели) и служить в качестве средства обращения товаров, приобретаемых на зарплату в сумме 5 200 ф. ст. и употребляемых в течение года. Кроме того, как увидим позже, эти 100 ф. ст. проходят еще через другие каналы. Трения, которые имеют место, в известной мере увеличивают массу средств обращения, денег, которые обращаются между рабочими и капиталистами. Образование сокровищ рабочим классом, при незначительности их совокупной заработной платы, можно почти не принимать во внимание; меньше всего его следует принимать в расчет во времена развертывания капиталистического производства, когда сбережения рабочих в сберегательных кассах и т. д. притекают к капиталисту в форме авансированного денежного капитала, поскольку деньги, израсходованные им на заработную плату, не возвращаются к нему в качестве продажной цены его товаров, проданных рабочим. Вообще *развитие кредитного дела* лишает это движение его первобытного стихийного характера, связанного со случайностями, берет его механизм под контроль и всячески его упрощает в целях сокращения издержек обращения.

[14] Продолжим мысль, прерванную в конце страницы 12.

Дело нисколько не меняется от того, что действительные цены товаров отличаются от их стоимостей; оно не меняется даже от того, что рабочий при обратном превращении денег в товары, при обмене своей квитанции может быть подвергнут надувательству, и в самом деле постоянно подвергается надувательству, будь то со стороны его непосредственного нанима-

теля, как это имеет место при применении trucksystem *, будь то со стороны лавочника, продающего ему фальсифицированный товар, домохозяина и т. д., будь то, наконец, со стороны класса капиталистов, который в лице государства обкрадывает его путем искусного налогообложения. Таким образом, получая 20 шиллингов номинальной заработной платы в неделю, рабочий может выкупить товаров только на 15 шиллингов. Но тогда его действительная заработная плата составит только 15 шиллингов. Пять шиллингов ему даются лишь pro forma, и поэтому он не может *ничего* на них купить, он возвращает их *обратно*, не *извлекая* с товарного рынка никакого товара на эту сумму. В данном случае капитал обогащается не возвращением денег, а *надувательством*. Конечно, этому надувательству способствует *форма денежного обращения*. Однако форма денежного обращения не имеет ничего общего с *сущностью отношения*, которое само по себе не заключает в себе это надувательство. Даже с капиталистической точки зрения это является *мошенническим* вычетом из заработной платы, прямым *обворовыванием*.

Далее, одна и та же форма *денежного обращения* маскирует также действительную сделку между капиталистом и рабочим, состоящую в том, что капиталист ничего не платит рабочему кроме части его собственного продукта и что эта плата сводится к тому, что рабочий получает *не все*. (В формах обращения, которые нам надлежит рассмотреть позднее, это будет показано более подробно.)

Член Института [72], г-н Дестют де Траси, с которым даже Рикардо обращается как с одним из глубоких, мыслящих экономистов, сам удивляется тем «потокам света» (см. [Destutt de Tracy. Eléméns d'idéologie. IV-e et V-e parties. Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826], p. 242 и следующие), которые он проливает на обращение.

В своей попытке показать, как промышленным капиталистам удается пожинать «ежегодно больше, чем они посеяли» (там же, стр. 240), он обнаруживает, что это происходит от того (мы как-нибудь еще вернемся к этому впоследствии), что они все продают «слишком дорого» (там же, стр. 239). И притом они поступают так, между прочим, и по отношению к рабочим:

«*наемным рабочим* — как тем, которых нанимают они сами, так и тем, которых нанимают праздные капиталисты; таким путем *они получают обратно от этих наемных рабочих всю выплаченную им заработную плату*, за исключением разве небольших сбережений рабочих» (там же).

---

* — системы оплаты товарами. *Ред.*

Совершенно излишне терять какие бы то ни было слова по поводу этого «потока света», тем более, что Дестют сам поздравляет себя:

«Откуда берутся эта гармония и этот *свет?* Из открытой нами истины. Они напоминают нам те зеркала, которые точно и с сохранением правильных пропорций между частями изображают все, что ставится перед ними в надлежащем месте, а все что находится ближе или дальше этого места, представляют неясным и расплывчатым» (там же, стр. 242—243).

[15] Рассматривая форму простого товарного обращения $\overset{1)}{Т}$ — *Д* — $\overset{2)}{Т}$, мы видим, что *Д* представляет, во-первых, реализованную цену $\overset{1)}{Т}$, его обособившуюся форму меновой стоимости и что $\overset{1)}{Т}$ может оставаться в этой денежной форме в течение неопределенного времени, до того как оно обратно превратится в $\overset{2)}{Т}$. Оно может самостоятельно пребывать как *деньги,* так что процесс его метаморфоза прерывается. Оно может, как мы говорили раньше, оставаться в форме этой денежной куколки. Но в этой форме, даже если оно существует как стоимость, как металлические деньги или как всего лишь денежный знак (знак стоимости, бумажные деньги) или как кредитные деньги, *Д* всегда представляет уже прошлый труд, потому что оно есть лишь превращенная форма товара $\overset{1)}{Т}$, этого наличного существования известного количества уже *овеществленного* или *прошлого* труда. Во-вторых, однако, *Д* функционирует в этом процессе как средство обращения, как покупательное средство по отношению к — $\overset{2)}{Т}$, как превращенная форма $\overset{2)}{Т}$ *по своему назначению.* Теперь, однако, именно потому, что $\overset{1)}{Т}$ может в течение неопределенного времени оставаться в форме куколки *Д,* именно поэтому $\overset{1)}{Т}$ — *Д* и *Д* — $\overset{2)}{Т}$, т. е. продажа и купля, могут распадаться в пространстве и во времени, $\overset{1)}{Т}$ — *Д* может совершиться сегодня, а *Д* — $\overset{2)}{Т}$ через год и т. д. Из этого следуют два обстоятельства. Так как *Д* — $\overset{2)}{Т}$ является для товара $\overset{2)}{Т}$ первой фазой его метаморфоза, он может быть в ней задержан; после того как акт $\overset{1)}{Т}$ — *Д* совершился, *Д* вновь вступает в обращение только в более позднем периоде; хотя $\overset{1)}{Т}$ — *Д* — $\overset{2)}{Т}$ в конце концов сводится к обмену $\overset{1)}{Т}$ — $\overset{2)}{Т}$, следовательно, продажа

одного товара включает в себя в конечном счете куплю другого, процесс этот не проходит гладко, $\overset{2)}{Т}$ довольно продолжительное время остается непроданным, его процесс обращения тормозится, следовательно, могут возникнуть задержки в производстве, особенно дающие себя знать, если $\overset{2)}{Т}$ должно быть продано в определенный срок, чтобы вовремя выполнить платежное обязательство. Таким образом может возникнуть заминка в процессе обращения, а потому и в процессе воспроизводства, даже если нет сцепления платежных отношений; в последнем случае заминка произойдет в более острой форме. Во-вторых, однако, *Д* по отношению к $\overset{2)}{Т}$ может представлять превращенную форму таких товаров, которых еще вовсе нет на рынке, но которые появятся на нем только *в будущем,* так как акт *Д* — $\overset{2)}{Т}$ обычно совершается лишь после того, как $\overset{2)}{Т}$ уже будет произведен вновь. Хотя *Д* по отношению к $\overset{1)}{Т}$ представляет поэтому *овеществленный труд,* уже имеющиеся налицо товары, по отношению к $\overset{2)}{Т}$ оно, т. е. *Д* может представлять цену *будущего труда,* или *настоящего труда.* Поскольку *Д* есть превращенная форма $\overset{1)}{Т}$, то с этой точки зрения оно всегда представляет *прошлый* труд, существует ли оно в форме самих денег и т. д. (короче говоря — стоимости) или же только как знак стоимости или как долговые бумаги. И поскольку *Д* существует в форме действительных денег, оно всегда, уже в своей собственной форме существования, представляет денежное выражение *прошлого, овеществленного* труда. Но в обоих случаях оно может по отношению к $\overset{2)}{Т}$ представлять еще только находящийся in actu * или также более или менее *будущий труд.* Это происходит постоянно, в определенных границах, с заработной платой. Рабочий может купить на нее сюртук, который будет сшит лишь на следующей неделе, или газету, которая появится только завтра. Так именно обстоит дело с очень большим числом необходимых жизненных средств, таких, например, как пиво, хлеб, молоко и т. д., которые, чтобы не подвергнуться порче, должны быть потреблены почти непосредственно в момент их производства. Корова, правда, не может быть произведена на следующей неделе, но на следующей неделе ее будут доить; доение же само по себе уже есть процесс производства по

* — в действии. *Ред.*

отношению к молоку. Хлеб не выращивают на этой или следующей неделе, но, возможно, уже на этой неделе будут молоть муку и каждый день следующей недели из нее будут выпекать хлеб и т. д. Таким образом, в тех деньгах, в которых рабочему выплачивается его заработная плата, он получает *превращенную* форму *будущего труда* — своего собственного или труда других рабочих. Давая рабочему часть его прошлого труда, капиталист дает ему чек на получение его же собственного *будущего* труда. Его собственный *настоящий* или *будущий* труд образует тот еще не имеющийся в наличии *запас,* из которого капиталист платит рабочему за его прошлый труд. Здесь совершенно исчезает представление об образовании запаса.

[16] Если бы банк авансировал капиталисту *А* банкноты либо под *вексель* (im disconto), который он получил в качестве платежа за свои товары, либо непосредственно под его еще не проданные товары, то эти банкноты по-прежнему представляли бы *овеществленный труд,* труд уже материализованный в товарах капиталиста *А*, превращенную форму имеющихся налицо товаров. Лишь *время,* в течение которого товары или средства платежа (векселя) превратились в деньги, было бы антиципировано для того, чтобы сократить процесс обращения, ускорить процесс воспроизводства и т. д. — антиципировано было бы лишь превращение товара в денежную куколку. В результате этого процесса и *продажа* становится независимой от *действительного спроса,* а искусственное *Т — Д — Т* может занять место реального, способствуя тем самым распространению кризисов (перепроизводства и т. д.).

Иначе, однако, обстоит дело, если банк авансирует *банкноты* капиталисту *А*, не имеющему, быть может, ни гроша, в расчете на то, что последний превратит их, как и другие деньги, в капитал и постепенно извлечет из продукта не только вложенный в него аванс, но еще и заплатит частью произведенной им прибавочной стоимости банку в форме дисконта и т. д. В этом случае *Д* действительно представляет собой не *превращенную форму* наличных товаров, а лишь *видимость* этой формы. В действительности *Д* суть *превращенная форма* тех товаров, которые еще только должны быть произведены, или того труда, который еще только будут эксплуатировать. Следовательно, это чек на *будущий труд,* который будет оплачен *рабочему,* хотя для рабочего безразлично, что *Д* имеет форму, денежную форму товаров, прошлого труда, и действует как таковая. Отсюда видно, что̀ получается из представления, будто капиталисты накапливают средства труда и существования для рабочих. Отсюда видно одновременно, как эта «*антиципированная денежная*

форма будущего труда» (не так, как упомянутая выше *антиципированная денежная форма* прошлого труда) должна приятно действовать на развитие «порядка» в производстве. Позднее эту «антиципированную денежную форму будущего труда» нужно будет рассмотреть еще с другой стороны.

Таким образом, мы видели, как те же самые деньги, из которых состоит переменный капитал, превращают в деньги ту часть *товарной массы,* которая образует реальную форму существования переменного капитала, обратно превращают ее в деньги благодаря тому, что рабочий покупает на эти деньги указанные товары. Это действительно в отношении заработной платы, в отношении всего класса капиталистов к рабочему классу. В действительности в первой фазе *Д — Т* одна часть *Д* превращается в *Р* (рабочую силу), которая образует часть стоимости. Но во второй фазе капитала, которая следует *за* процессом производства, в фазе *Т' — Д'*, одна часть этих товаров превращается в *Д* рабочих, в часть обращающихся денег (денег, находящихся в обращении), в часть денег, представляющих заработную плату.

Если иметь в виду совокупный капитал, то при этом капиталисту возвращается лишь *денежное выражение переменной части капитала.* Но если иметь в виду отдельные отрасли производства, например, отрасли, производящие только те жизненные средства, которые входят непосредственно в потребление рабочих, то в денежной форме возвращался бы весь их авансированный капитал, постоянный и переменный. (Путем опосредствования, что будет рассмотрено позднее.) Это следует *запомнить* в качестве пункта для решения вопроса: откуда и как берутся деньги, посредством которых осуществляется *Т — Д*, вторая фаза капиталистического метаморфоза, или посредством которых капитал обратно превращается в деньги.

[17] Теперь мы подходим ко второй фазе обращения капитала, к фазе *Т' — Д'*. Здесь, собственно, следовало бы (поскольку мы начинаем прежде всего с *Т'* как результата процесса производства, то лишь затем следует ретроспективно охарактеризовать весь цикл *Д — Т — Д'*) привести то, что специально нужно было бы сказать о *товарном капитале, денежном капитале* (*рынке, запасе*) и т. д. Однако об этом речь пойдет ниже, после того как мы предварительно проанализируем одну за другой, и в их различии друг от друга, различные формы обращения, — или ряды метаморфозов, — в которых представляется обращение капитала.

Т' — Д'. В зависимости от потребительной стоимости *Т'*, который выходит из процесса производства, он может либо

по необходимости снова войти в процесс воспроизводства какого-нибудь другого капитала, либо он должен войти в индивидуальное потребление; или же он может быть потреблен тем или другим способом, индивидуально или производительно. Деньги, в которые он превращается, могут, следовательно, представлять постоянный и переменный капитал, или, — поскольку последний только в руках рабочего превращается в свою действительную субстанцию, жизненные средства, — они могут представлять *доход*. (Они могут, разумеется, входить также в доход других классов.) Поскольку *Д′*, в которые превращается часть *Т′* (если под *Т′* мы понимаем весь продукт капитала), представляют заработную плату, постольку рабочий на *Д*, которые он получает в первой фазе *Д — Т*, выкупает обратно часть своего собственного продукта и возвращает капиталисту полученную от него при купле его рабочей силы часть денег.

Вообще *Т′* либо входит в общее товарное обращение, либо снова превращается в фактор капиталистического процесса производства. Ибо превращение в деньги одного капитала, его обратное превращение в деньги, есть превращение одного или нескольких других капиталов (полностью или частично, поскольку факторы труда состоят из весьма различных товаров) из их формы денежного капитала в форму товарного капитала, совершенно так же, как *Т — Д* в простом товарном обращении есть превращение *Т* в *Д* и *Д* в *Т*, только здесь последнее распределяется полярно между покупателем и продавцом.

Далее, вообще в форме *Д — Т — Д′* процесс предстает таким образом, что капитал при прохождении своих метаморфозов отталкивает от себя товарную форму, которую он принимает будучи продуктом, форму, в которой он выходит из процесса производства в качестве его результата. Поскольку часть *Т′* входит непосредственно снова в процесс производства как фактор того же процесса труда, из которого *Т′* вышло как товар, то это никоим образом ничего не меняет в ее характере. Отпадает только превращение ее стоимости в действительные деньги или в денежные знаки, или же она находит выражение лишь в счетных деньгах, входит в расчет только как выражение какого-то определенного количества денег. Это проявляется, однако, не в форме *Д — Т — Д′*. (Эта часть, далее, и по своей *стоимости* не входит в обращение, так же как часть стоимости еще *непотребленного основного капитала*.) Таким образом, в процесс производства (и в процесс увеличения стоимости) товаров входят *стоимости*, которые *не* входят в их процесс обращения. В отношении *основного* капитала мы это обнаружим позднее в самой форме; в отношении других частей капитала,

которые снова непосредственно входят как факторы в тот же самый процесс труда, из которого они выходят как товары, мы это увидим только при рассмотрении реальных моментов воспроизводства.

Форма *Д — Т — Д* есть самая непосредственная форма обращения и ряд метаморфозов капитала. Это есть выражение *ссудного капитала* (в сжатой форме *Д — Д'*) и *торгового капитала* в развернутой форме (*Д — Т — Д'*), как это мы увидим позже. Это есть форма капитала, который вкладывается вновь, будь то *вновь накопленный* в денежной форме *капитал* или же старый капитал, ранее полностью превращенный в деньги, чтобы быть примененным как прежде в других *сферах производства*, следовательно, чтобы быть перенесенным из одной сферы производства в другую (последний пункт важен). И это в самом деле для всякого капитала является одной из форм его обращения. В этой форме наиболее отчетливо выражено не только самовозрастание стоимости, превращение *Т* (его стоимости) в $T + \Delta T$ как цель капиталистического производства, но и превращение стоимости в ее денежную форму, а следовательно, возрастание капитала как денежного капитала, капитала как *денег, делающих деньги*. Это в самом деле только [18] *рационализированная форма образования сокровищ*, при которой, однако, отпадает видимость того, будто собиратель сокровищ собирает их благодаря *своему воздержанию*, или будто он превращает *в деньги свой собственный труд*. Поэтому эта форма была для *меркантилистской системы* наиболее близкой. Классическая политическая экономия, в частности, *физиократы* (большая заслуга которых состоит в том, что они понимали процесс обращения как тождественный с капиталистическим процессом воспроизводства), напротив, старается полностью абстрагироваться от важности и необходимости *денежной формы стоимости*. Она делает это и делает неверно (в этом отношении прав Ганиль, реставратор собственно меркантилистской системы) [73], потому что она хочет представить капиталистическую форму производства как *абсолютную* форму производства и поэтому абстрагируется от ее *специфической* ограниченности.

II. *Вторая форма процесса обращения*

$\overset{1)}{T} - \overset{2)}{П} - T' - \overset{3)}{Д'} - T$ (обращение) $\overset{4)}{T}$ (как результат всего метаморфоза).

Исходный пункт здесь — *товары*, которые своими потребительными стоимостями образуют *факторы процесса труда*,

с одной стороны — средства производства, средства труда и предметы труда, с другой — купленная рабочая сила. Не только та часть постоянного капитала, которая в форме *средств труда* выражает лишь последовательность производственных процессов, но и другая их часть, состоящая из сырья и вспомогательных материалов, должна для капиталистического производства быть налицо в таком количестве, которое необходимо капиталисту для обеспечения непрерывности процесса производства путем постепенного их производительного потребления. Для их хранения необходимы товарные склады и т. д., и все это образует часть объективных факторов процесса труда.

Эти факторы входят в процесс труда и их результатом является *Т'*, *товарная масса,* которая в качестве продукта имеет не только другую форму, отличную от факторов производства, но и *бо́льшую стоимость, воплощает* больше *труда,* содержит *в себе* прибавочную стоимость.

А теперь мы переходим к разбору ее отличия от формы I, к тому моменту, в котором процесс производства находился между двумя фазами *Д — Т* и *Т — Д*, опосредствуя и прерывая их. Здесь, напротив, весь собственно процесс обращения капитала, или полный ряд метаморфозов, который совершает капитал в сфере обращения, *Т' — Д' — Т*, заключен внутри процесса, как одна из его *особенных фаз,* как отдельная фаза. Собственно обращение в целом выступает здесь как простой момент совокупного процесса.

Форма обращения *Т' — Д' — Т* есть форма простого товарного обращения. Денежная форма капитала выступает здесь как простое средство для процесса увеличения стоимости капитала, как мимолетный момент, как средство обращения, но как *средство обращения капитала,* в то время как в первой форме денежный капитал выступает как самоцель. *Т'* по стоимости больше, чем первоначальное *Т*, представляет, следовательно, *больше* денег, чем было выражено в цене *Т*. Но вот известная часть прибавочной стоимости расходуется капиталистом на его личное потребление, как *доход,* поскольку он должен жить; следовательно, эта часть прибавочной стоимости расходуется на товары, которые служат его личному потреблению. Эта часть *Д'* входит в общее товарное обращение (и превращает в деньги часть тех товаров, которые как *доход* потребляются капиталистом), но не в дальнейшее обращение самого капитала. Здесь, следовательно, часть *Д'* выталкивается из обращения капитала, но не *Т'*, как это имело место в форме I. Это выталкивание части *Д* не обнаруживалось в первой форме *Д — Т — Д'*. Какая-то часть произведенных капиталистом товаров может

также непосредственно входить в его личное потребление, как это обнаружилось ранее, прежде чем некоторая часть произведенных им товаров может непосредственно снова войти в процесс производства капитала. Таким образом, эта лично потребляемая капиталистом часть вовсе не входит в обращение, не нуждается в превращении в деньги, и потому в обращении нет денег для ее превращения в деньги. (Часть средств производства, произведенных товаров, и часть средств потребления никогда, следовательно, не входит в обращение и не нуждается поэтому в деньгах для своего обращения, потому что она никогда не принимает иную денежную форму, чем форму счетных денег, т. е. только ту, которая фигурирует в качестве денег в бухгалтерском учете). Третья часть (основной капитал) входит в обращение всегда лишь частично, в той мере, в какой она постепенно переносит свою стоимость на продукт. Наконец, деньги играют роль à part *. Они не входят ни в индивидуальное потребление, ни в непосредственный процесс производства, а остаются постоянным орудием процесса обращения (если они не превращены вновь в товары).

[19] Так как в этой форме, в отличие от формы I, собственно процесс обращения в целом, т. е. процесс, происходящий в сфере обращения, тот ряд связанных между собой метаморфозов, который капитал проходит в сфере обращения, выступает как *какой-то* особенный момент, как простая фаза совокупного процесса, то здесь также обнаруживается отличие метаморфоза капитала от метаморфоза товара как такового. *Т′* превращается в деньги, однако деньги обратно превращаются в условия существования *Т′*, факторы его производства.

Поскольку мы рассматриваем только обращение капитала (следовательно, абстрагируемся от той части *Д′*, которая расходуется как доход), мы видим, что *Т′* превращается в деньги, в денежный капитал, для того, чтобы они были обратно превращены в материальные элементы производства *Т′*. *Формальный* метаморфоз товаров выступает здесь лишь как *формальное* опосредствование их *реального метаморфоза*. Следовательно, как первоначально в этой форме *Т* в результате его вхождения в процесс производства, факторы производства превращаются в продукт, товар, так и здесь товар вновь превращается в свои факторы производства.

Собственно обращение в целом выступает здесь всего лишь как момент.

Д′ равно *Д* + Δ*Д*, т. е. равно стоимости первоначального *Т* + прибавочная стоимость, в ее *самостоятельной* стоимостной

* — особенную. *Ред.*

или денежной форме. Часть $\Delta Д$ расходуется как доход и выталкивается из процесса обращения капитала. Если бы таким способом было израсходовано больше, чем $\Delta Д$, то производство не смогло бы быть возобновлено в том же масштабе. Если бы $\Delta Д$ было израсходовано таким способом полностью, то не могло бы иметь места накопление, или воспроизводство в расширенном масштабе. Известная часть $\Delta Д$ накопляется (если рассматривать капитал в целом). *Т*, которым, следовательно, начинают снова, представляет, таким образом, больше стоимости, чем первоначальное *Т*. Предположим, ради упрощения, что процесс снова начинается тем же самым *Т*, поскольку процесс накопления ничего не меняет в форме, и реальные обстоятельства, при которых накопление представляется в процессе обращения, могут быть рассмотрены только в гл. II этой книги.

Конец процесса есть, как в форме I, его предпосылка, есть *Т*, товары в той форме, в какой они образуют элементы процесса производства. Но это различие имеет место по отношению к форме I. В *Д — Т — Д' возобновление* процесса содержится в самой форме лишь постольку, поскольку *Д'* здесь представляет собой такую же простую, подлежащую капитализации денежную сумму, какой было *Д*, только бо̀льшую денежную сумму; следовательно, внутренне присущее капиталу *стремление увеличивать свою стоимость,* стремление, которое имеют деньги как капитал, действительно как для *Д'*, результата процесса, так и для *Д*, исходного пункта этого процесса. Это, однако, представляется лишь абстрактным и зависит, по-видимому, от желания отдельного капиталиста снова авансировать *Д'* в качестве капитала.

Напротив, в результате всего цикла обращения формы II назначение *Т*, как элементов производства, снова входить в процесс производства, существует также вещественно и выступает как необходимость. В этом заключается, следовательно, непрерывность процесса. Процесс обращения капитала в целом, моментом которого является процесс производства, выступает здесь как *процесс воспроизводства,* а собственно обращение *Т' — Д — Т:* всего лишь как особенный, текучий момент этого процесса воспроизводства. Превращение товара в деньги, так же как и его обратное превращение из денег, следовательно, проделанный капиталом простой товарный метаморфоз, выступает здесь как простой момент, но в то же время как *необходимый* момент процесса воспроизводства, вернее, процесса воспроизводства объективных и субъективных условий труда. (Условия производства.) Происходящее в сфере обращения превращение *Д* в *Р* выступало в форме I как одно из условий увеличения

стоимости капитала и простой момент его процесса в целом. Здесь уже в исходном пункте рабочая сила является купленной, а *реальные* условия ее воспроизводства, так же как и реальные условия воспроизводства *Т'*, не выступают.

[20] III. *Третья форма процесса обращения*

П[1)] (Процесс производства) — *Обр.*[2)] (Процесс обращения. *Т'* — *Д* — *Т*.) — *П*[3)].

Процесс производства выступает здесь как исходный и конечный пункт движения, следовательно, как *процесс воспроизводства*, а *Обр.*, собственно обращение, с его рядом метаморфозов *Т'* — *Д* — *Т*, напротив, образует лишь посредствующий момент (в моменты перерывов), в то время как в прежних формах дело обстояло наоборот.

Однако происходящий в собственно процессе обращения ряд метаморфозов выступает одновременно как необходимое условие процесса воспроизводства. *Т'* должно превратиться в деньги, функционируют ли они в форме средства обращения или же в качестве средства платежа для простого сведения балансов *). В *Т'* мы имеем не просто товарную массу, а товарную массу, в которой овеществлена *прибавочная стоимость*. Но для того чтобы эта прибавочная стоимость была реализована, *Т'* должно быть продано без остатка (за тем исключением, которое было упомянуто ранее) или же должно приобрести самостоятельную форму стоимости, *денежную форму*. В обращении стоимость не создается, но ей придается простая денежная форма, та присущая ей форма, в какой она действует как *стоимость*. Если товары продаются *ниже* их стоимости, — если только они продаются вообще, — тогда прибавочная стоимость, которая всегда представлена в прибавочном продукте, не пропадает, поскольку покупатель за ту же самую цену получает больше продукта. Однако такая продажа тормозится процессом воспроизводства капитала, так как в этом случае эксплуатация рабочего капиталом реализуется не *для самого капитала*. А деньги здесь еще больше усиливают созданную обращением видимость того, будто прибавочная стоимость проистекает из процесса обращения, принадлежит собственно сфере обращения, потому что она реализуется только в этой сфере, и без этой реализации она

---

*) См. *Th. Malthus*. [Principles of Political Economy... London, 1836, p. 38] и *Th. Chalmers*. [On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society. Second edition. Glasgow, 1832, p. 73.]

не существует для ее владельца. Но это та же самая иллюзия, будто стоимость вообще происходит из обращения, потому что она только в нем приобретает действенную денежную форму, реализуется, представляется как действенная стоимость. В приведенном случае нереализованная прибавочная стоимость (возможно, также и часть первоначальной *стоимости*) также входит в процесс осуществления купли, не *создавая стоимости*. Возможны лишь двоякого рода обстоятельства. Либо товарная масса *T'*, в которой содержится стоимость + Δ стоимость, входит в непосредственное потребление. Тогда потребитель получает за свои деньги больше товаров, чем стоят его деньги, но товаров *обесцененных, пониженных в стоимости*. Он не платит за содержащийся в них *неоплаченный* труд (может быть также и за часть содержащегося в них оплаченного труда). Он содержит больше потребительных стоимостей. *Неоплаченный* капиталистом труд ему не *оплачивается*. Каждый потребитель, следовательно, пользуется *безвозмездно* плодами этого неоплаченного труда pro rata *. Либо *T'* снова входит в *процесс производства*. Но как фактор, *созидающий стоимость, T'* входит в него только своей *наличной* стоимостью. Вообще, насколько бы не было выгодно капиталисту покупать сырье и т. д. ниже стоимости, тем не менее стоимости это сырье и пр. не образуют. (Зато они дают ему возможность экономить на капитальных затратах и позволяют ему с меньшей суммой вложенного капитала эксплуатировать такую же или бо̀льшую массу труда.) (Только если за обесценением товаров вскоре снова следует повышение их цен, произведенная у капиталиста, но не реализованная прибавочная стоимость и т. д. постоянно входит в процесс производства в качестве *стоимости*, которая капиталисту ничего не стоила. Тогда произведенная у капиталиста *A* прибавочная стоимость присваивается не капиталистом *A*, а капиталистом *B*, как если бы капиталист *A* эксплуатировал труд не для себя, а для других.) Таким образом, может произойти абсолютное *обесценение* товарного капитала, обесценение, в результате которого, каким бы полезным оно вообще ни было для покупателя, *товары* входят в собственное владение последнего только как обесцененные, независимо от того, выступает ли он в качестве потребителя или в качестве производителя. Это есть абсолютное *уничтожение* капитала — определенной его части — в его денежной форме, т. е. как *массы стоимости*, однако это является такой формой обесценения, которая лишь, поскольку она оказывает тормозящее воздействие на воспро-

* — пропорционально. *Ред.*

изводство, затрагивает форму капитала как потребительной стоимости. Такое обесценение существующих капиталов происходит, кроме того, постоянно вследствие повышения производительной силы труда, которое снижает стоимость отдельных составных частей капитала.

[21] IV. *Четвертая форма процесса обращения*

$$\overset{1)}{T'} - (T' - \overset{2)}{Д} - T) \ldots \overset{3)}{П} \ldots \overset{4)}{T}$$
$$(Обр.)$$

Если во всех трех формах, в которых процесс производства выступает лишь в качестве посредствующего звена, рассматривать процесс производства только как мимолетный момент и только как движение предпосылок, то

1) представляется как *Д — Т — Д*,
2) « как *Т — Д — Т*,
4) « как *Т' — Д — Т'*,

что совпадает с пунктом 2); так что *Д — Т — Д* и *Т — Д — Т* выступают в качестве двух форм, выражающих куплю ради продажи и продажу ради купли.

Только в форме 3) *П — Обр. — П* воспроизводство выступает в самой форме как свойство процесса. Это относится еще к форме III.

В четвертой форме исходят из *товарного капитала*, как результата процесса производства и как предпосылки, и к нему возвращаются как к концу процесса в целом.

Форма 2) фактически содержится в форме 4). Товарный капитал и форма, в которой он образует факторы процесса труда, суть сами *Т'*, продукт процесса производства, определенный только по своей потребительной стоимости. Поскольку *Т'* представляет совокупность произведенных товаров, оно представляет также товары, которые вновь образуют факторы процесса труда. И это *Т*, в качестве уже реализованного капитала, содержит в своей стоимости, как и любой другой товарный капитал, также прибавочную стоимость. Оно является продуктом труда, который частично был неоплаченным трудом, продуктом, который представляется в товарном капитале, каково бы ни было его назначение. И так как даже то, что выступает как *оплаченный труд,* в действительности является трудом, оплаченным своим собственным продуктом (частью этого собственного продукта), то особенно в форме *Т' — Д — Т... П ... Т'* исчезает видимость того, будто форма *Д — Т*, поскольку она переходит в *Д — Р*, представляет нечто иное, чем опосредствованную товарным обращением куплю рабочей силы частью ее собственного продукта.

Деньги, которыми оплачивается рабочий в *Д* — *Т* (поскольку оно = *Д* — *Р*), представляют собой часть денег, в которых представляется его продукт *Т'* в фазе *Т'* — *Д*, а продукт, который он приобретает в *Т'* — *Д*, т. е. на часть *Т'*, которую он покупает, является частью продукта рабочего класса. В этой форме поэтому совершенно исчезает видимость того, будто капиталист авансирует рабочего из своего собственного фонда. Только специфическая общественная определенность, в которой происходит процесс производства, превращает в *капитал* и противопоставляет рабочему произведенные им самим жизненные средства и средства производства. Ни в одном из исходных пунктов, т. е. ни в *Д*, деньгах, ни в *Т*, товаре, ни в форме условий его производства, *П*, в процессе производства, ни в *Т'*, товаре как результате процесса производства, рабочий не выступает в качестве исходного пункта; но в 1), 2), 4) в качестве исходного пункта выступает овеществленный труд, а в 3) — процесс производства, подчиненный владельцу этого овеществленного труда, процесс производства, в котором сам рабочий как всего лишь субъективный фактор присоединен к вещным факторам. Таким образом, если рассматривать все эти формы, то результатом процесса может быть только воспроизведение капитала в целом и его условий.

То, что товар в качестве исходного пункта формы 2) находится на рынке, есть лишь результат того, что часть *Т'* произведена в форме факторов труда. Что касается субъективной части *Т*, рабочей силы, то ее воспроизводство не является непосредственным результатом процесса воспроизводства, результатом которого является *Т'*. И это потому, во-первых, что *Т'* представляет необходимые жизненные средства, которые покупает рабочий и которые представляют материальные условия его собственного воспроизводства; потому, во-вторых, что он в конце процесса снова воспроизведен всего лишь как продавец рабочей силы, и потому, в-третьих, что его продукты снова противостоят ему как капитал.

[22] *Процесс потребления* как таковой выступает только как включенный в процесс обращения или в ряд метаморфозов капитала, поскольку он входит в *процесс воспроизводства* последнего, образует один из моментов этого процесса, поскольку, следовательно, потребление является *производительным потреблением*. (Повторное вхождение в процесс производства *отходов*, будь то индивидуального или производительного потребления, относится к рассмотрению реальных моментов процесса воспроизводства, стало быть — к главе III.) Потребление представляется в кругообороте капитала лишь постольку, поскольку

во всех формах последнего содержится *Т' — Д*, обратное превращение товара в деньги. Однако то, что для одной стороны является продажей, *Т — Д*, то является куплей, *Д — Т*, для другой; товар покупается лишь ради его потребительной стоимости, лишь для того, чтобы он в конечном счете вошел в процесс потребления, являющийся, в зависимости от специфической природы товара, индивидуальным или производительным процессом потребления.

Единственным индивидуальным процессом потребления [a], входящим в оборот капитала, является процесс потребления *рабочего*, потому что в акте *Д — Т* во всех формах заключен акт *Д — Р*, денежное обращение между капиталистом и рабочим; следовательно, в самой форме *предполагается*, что рабочий всегда имеется налицо в качестве *материала, пригодного для эксплуатации* капиталом; что, следовательно, необходимые жизненные средства превратились в его плоть и кровь; что это *Д — Т (Д — Р)*, произведено, следовательно, посредством части *Т' — Д'*, которая представляет собой продажу произведенных товаров рабочему и опосредствует их вхождение в его индивидуальное потребление. То же самое заложено в форме и в отношении капиталиста, поскольку для того чтобы функционировать в качестве капиталиста, он *должен быть налицо*, должен себя увековечивать путем сохранения себя и воспроизводства, он должен, следовательно, потреблять. Но для этого ему, как и рабочему, необходимо фактически лишь потреблять, и поэтому в простой форме этого процесса обращения капитала ничего больше не содержится.

Действительное отношение процесса потребления к капиталистическому процессу воспроизводства рассматривается *в главе III*.

Здесь, однако, важно подчеркнуть то, что вытекает из всех четырех форм. А именно, что за исключением изображенной выше видимости, будто индивидуальное потребление выступает, если рассматривать *процесс воспроизводства в целом*, как производительное потребление, — так как оно воспроизводит личные предпосылки процесса, капиталиста и рабочего, — индивидуальный процесс потребления как таковой *формально* не входит в кругооборот капитала. Когда *Т'* продано, превращено в деньги (совершенно безразлично, происходит ли это в результате функционирования денег как средства обращения или как средства платежа для сведения стоимостного баланса), оно может совершить обратное превращение в реальные факторы процесса труда, а следовательно, и процесса воспроизводства.

[a] См. *Th. Malthus*. [Principles of Political Economy. London, 1836, p. 68.]

Куплено ли T' действительным окончательным потребителем или купцом, который намерен перепродать его, это непосредственно в деле ничего не меняет. В известных границах — ибо вне известных границ это могло бы привести к переполнению рынков и тем самым к задержке самого процесса воспроизводства — процесс воспроизводства, следовательно, может совершаться в расширенном или прежнем масштабе, хотя вышедшие из него товары, — результат процесса производства, — предназначенные для индивидуального потребления, *в действительности не* перешли в эту сферу. А если этот процесс расширяется, — что включает в себя расширение производительного потребления средств производства, — то такое воспроизводство капитала может сопровождаться расширением индивидуального потребления (т. е. спроса) рабочих, потому что этот процесс входит в производительное потребление. Таким образом, производство прибавочной стоимости, а потому и преуспевание капиталиста, потребление и спрос рабочих, может возрастать, весь процесс воспроизводства может находиться в самом преуспевающем состоянии, и тем не менее весьма значительная часть товаров может перейти в сферу [23] потребления лишь по видимости, в действительности же она может оставаться непроданной в руках *перекупщиков*, следовательно, фактически все еще находиться на рынке. Но один поток товаров следует за другим, и, наконец, обнаруживается, что прежний поток лишь *по видимости* поглощен потреблением. Товарные капиталисты взаимно оспаривают друг у друга место на рынке. Прибывшие на рынок позже, чтобы продать товары, продают их по пониженной цене. Товары прежних потоков еще не превращены в наличные деньги, как уже наступают сроки платежа за них. Владельцы этих товаров вынуждены объявить себя несостоятельными и т. д. или же, *чтобы произвести платежи, продавать* по любой цене. Такая продажа не имеет ничего общего с действительным состоянием спроса. Она имеет отношение лишь к *спросу на платежи*, лишь к абсолютной необходимости превратить товары в деньги. Тогда разражается *всеобщий крах*, кризис. Он проявляется не в *непосредственном* уменьшении потребительского спроса, спроса в целях индивидуального потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал, в сужении *процесса воспроизводства капитала*. Это явление возникает потому, что *превращение товаров в деньги* совершается — благодаря мировому рынку и кредитной системе — независимо от продажи товаров конечному покупателю; следовательно, *превращение товаров в деньги* антиципируется и совершается независимо — в известных границах — от действительного индивидуального процесса потребления

этих товаров. Однако созидание форм этого *предвосхищения* совершенно необходимо и возникает само по себе из капиталистического способа производства, продукты которого определяются масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не предопределенным кругом спроса, не кругом подлежащих удовлетворению потребностей. В *кредите* капиталистический способ производства создает себе необходимую, сообразную с масштабом процесса производства форму, сокращающую *процесс обращения*, а одновременно созданный этим способом производства *мировой рынок* помогает скрыть в каждом отдельном случае действие этой формы и предоставляет вместе с тем исключительный простор для ее расширения. Объяснять кризисы злоупотреблением *кредитом* значит объяснять кризисы *формой проявления обращения капитала.*

Второй момент — следующий: массовое производство может иметь в качестве своего непосредственного покупателя только оптового *покупателя*. Следовательно, на место действительного покупателя оно ставит фикцию. Если бы этот покупатель действительно был в состоянии *купить* всю продукцию за наличные деньги, тогда богатство должно было бы удвоиться, или в действительности оно должно было бы уменьшиться наполовину, так как половина его должна была бы воспроизводиться в деньгах.

Третий момент: базис капиталистического производства остается всегда узким, потребление массы, рабочих, ограничено необходимыми жизненными средствами.

Все это заведомо учитывается, поскольку мы говорим о кредите или купеческом капитале. Но это относится сюда, поскольку *формы обращения* капитала показывают, что они не включают в себя индивидуальное потребление как таковое, могут осуществляться, и даже в расширенном масштабе, — в известных границах, — как только создана форма, которая *антиципирует* превращение товарного капитала в деньги, и эта форма — форма, сокращающая обращение, — является необходимым порождением капиталистического процесса производства и его условий.

[24] Момент *Т′ — Д — Т,* образующий третий момент в форме 2) и второй момент в форме 3), однако вовсе не появляющийся в форме 1) *(Д — Т — Д′)*, приобретает своеобразный характер, если *Т′* само состоит из товаров, которые по своей природе предназначены для того, чтобы входить в качестве средств производства в процесс воспроизводства. *Т′* представляет тогда средства производства, вещественные элементы постоянного капитала, так же как *Т*, однако формы средств производства *Т*, в которые оно превращается, являются продуктом *иного*

процесса производства, не того, из которого оно поступает. Если мы станем на точку зрения капиталиста, который продает T, тогда он должен превратить это T, по крайней мере частично, снова в *средства производства,* поступающие из другого процесса производства. Он находится, таким образом, в том же положении, что и капиталист, который продает T'. $Д$ представляет здесь, следовательно, денежную форму постоянного капитала (рассматриваемого с вещественной стороны), которым обмениваются между собой, и $Д$ есть как его денежная форма, так и *средство обращения.* В качестве такого средства обращения капитала $Д$ может — фигурирует ли оно непосредственно в форме средств обращения или средства обмена для выравнивания балансов — принимать форму особого *сорта денег,* так же как деньги, обращающиеся между капиталистом и рабочим. Деньги, постоянно переходящие от одних капиталистов к другим, не включаются в сумму денег, необходимую для того, чтобы опосредствовать обращение товаров, входящих в доход, или опосредствовать превращение дохода в денежную форму, в его денежное выражение. А. Смит уверяет, напротив, что деньги, опосредствующие денежную форму дохода, должны в конце концов обеспечить также и обращение всего постоянного капитала. Такой вывод покоится на его ложном представлении, будто стоимость товаров в конечном счете разлагается на простые формы дохода — заработную плату, прибыль, ренту; а это преогромное заблуждение. Если бы последнее было верно, если бы стоимость товаров разлагалась на стоимость переменного капитала (выступающего на стороне рабочего в качестве *дохода*) + прибавочную стоимость (прибыль, процент, рента), тогда денег, достаточных для обращения этих товаров, было бы достаточно для обращения совокупного продукта. Доказательством низкопробной недобросовестности политической экономии является то, что она вульгарнейшими отговорками и поныне санкционирует эти грубые ошибки.

До сих пор мы исходили не только из той предпосылки, что товары продаются по их *стоимости,* но и из того, что их *стоимость* в течение процесса воспроизводства остается *постоянной.* Но эта *стоимость* изменяется. Находящийся в обращении товар, T', может уменьшаться или увеличиваться в своей стоимости благодаря изменениям, которые происходят с *одним и тем же* находящимся в процессе производства товаром вследствие изменения в производительной силе труда, производящего этот товар. Его стоимость определяется *стоимостью* его *воспроизводства,* и происходящие здесь изменения представляются для товара, уже находящегося в обращении, как продажа

выше или ниже его стоимости, как повышение или понижение последней.

Стоимость воспроизводства товара, поскольку рассматривается труд, примененный в его собственном процессе производства, может оставаться *постоянной*, однако подобные изменения могут иметь место с товарами, которые входят в него в качестве элементов производства, сырья и т. д. И то и другое может происходить одновременно. В результате этого изменяется стоимость, которая с этой части переносится на его совокупную стоимость. Если повышаются *стоимости*, то производство должно сократиться или затраченный капитал — увеличиться. Если стоимости понижаются, то происходит обратное. Какое воздействие оказывает это на отдельный капитал, это зависит частично от того, в каких пропорциях он распределяется между *Т'* — *Д* и *Д* — *Т'*. При удешевлении изменяются его издержки воспроизводства, но одновременно также и та его часть, которая находится на рынке для продажи. Обратное происходит при повышении стоимости. Однако, абстрагируясь от капитала, который должен быть вложен вновь, всякий раз это вызывает *нарушения процесса воспроизводства* (а в острой форме — кризисы), так как если товары продаются по их стоимости, например за 100, и эти 100 не могут снова в тех же пропорциях совершить свой *реальный метаморфоз*, т. е. превратиться в материал труда и т. д. Это относится к реальному процессу воспроизводства. Важно лишь то, что для плавного течения метаморфоза требуется, чтобы возмещение *Т* — *Д* — *Т* было не только формальным, но и в тех же самых пропорциях. С другой стороны, при рассмотрении капиталистического производства обнаружилось, что постоянное и продолжающееся изменение этих пропорций, уже благодаря постоянным изменениям в производительной силе труда, имманентно ему и таким образом требования процесса обращения (поскольку он включает в себя метаморфозы не только формально, но и реально) и закон процесса производства противоречат друг другу. Один требует неизменных пропорций, другой производит постоянно изменяющиеся соотношения стоимостей товаров, каждого отдельно взятого товара и относительных стоимостей этих товаров.

[25] Реальный метаморфоз товаров зависит от их формального метаморфоза не только в том смысле, что *Т'* должно превращаться в деньги, а деньги в *Т*, факторы производства *Т'*. Но и в том смысле, прежде всего, что *Т' должно быть продано по своей* стоимости. Если — нет, то уменьшение стоимости *Т'* может ограничиться, поскольку оно касается только прибавочной стоимости, уменьшением индивидуального потребления капиталиста.

или уменьшением накопления, но ни то, ни другое при простом воспроизводстве не имеет места. Поэтому процесс воспроизводства этого капитала нарушен (процесс воспроизводства другого капитала может быть нарушен вследствие этого ограничения потребления и т. д.), поскольку понижение стоимости товаров не позволяет ему вновь превращать равновеликий капитал в *Т*. А во-вторых, если *Т* продается по своей стоимости, то тогда речь идет не только об обратном превращении *Д* в *Т*, но и о том, что это превращение происходит в том же или в любом другом объеме. Если же повышается цена, например, сырья, тогда *Д* будет недоставать для того, чтобы опять купить ту же самую массу средств производства, в данных пропорциях и соответственно данному объему производства. Объем производства является данным и расширяющимся. Ему соответствуют данные или расширяющиеся пропорции *масс* необходимых факторов производства (их взаимные пропорции, как и их совокупная масса, определяются объемом и характером процесса производства). Данная пропорция, однако, изменяется вследствие изменения стоимости факторов производства.

В этом исследовании мы исходим из того, что товары продаются по их *стоимостям*, но их стоимости в течение всего процесса воспроизводства изменяются, как потому что соответствующее изменение происходит в производительной силе труда, совершается в их собственном, непосредственном процессе производства, так и вследствие изменения стоимости тех товаров, которые входят в качестве факторов производства, или же в результате и того и другого. Что же касается влияния изменения рыночных цен на процесс воспроизводства и процесс обращения, то его выяснение относится к *исследованию конкуренции и т. д., выходит* за пределы данной книги.

Если мы рассмотрим теперь весь процесс обращения или совокупность ряда метаморфозов капитала, то окажется:

во-первых, сфера обращения и *сфера производства* выступают раздельно, и в соответствии с этим капитал в последней фазе определяется как *производительный капитал* по отношению к тому же капиталу в другой сфере, в которой он является *оборотным капиталом* и обращается в обеих формах — *товарного капитала* и *денежного капитала*. *Во-вторых*, однако, если рассматривать процесс в целом, обе фазы выступают как фазы *одного и того же* процесса, совершаемого капиталом, но только как различные и переходящие попеременно одна в другую, взаимно обусловливающие друг друга фазы. В форме 1) выступают обе фазы, в которых движется действительный процесс обращения, *Д — Т* и *Т — Д*; одна из них предшествует процессу

производства, другая следует за ним; процесс же производства находится между ними, прерывает и опосредствует их. В формах 2) и 4) имеет место совокупный метаморфоз, проделанный в собственно сфере обращения, *Т — Д — Т*, который как опосредствует и прерывает процесс производства, так и подготавливает и продолжает его; так же происходит и обратное. Наконец, в форме 3) выступает собственно процесс обращения, с его двумя друг друга дополняющими фазами, как всего лишь перерыв и опосредствование непрерывности процесса производства. Только в форме 1) проявляется стоимость и *воспроизводится* ее денежная форма, хотя сами деньги, поскольку они существуют в каком-то определенном товаре, сами являются товаром, равны *Т*, должны быть моментом трех других форм (они лишь воспроизводятся как самовозрастающая стоимость и воспроизводятся в этой самостоятельной форме стоимости, в денежной форме). Во всех других формах совокупность процесса обращения выступает как ряд метаморфозов, включающий также метаморфоз, который товары проделывают в процессе производства; и этот ряд является *процессом воспроизводства* капитала в его различных определенностях формы — товар, деньги, процесс производства, процесс созидания прибавочной стоимости и капитала в его различных моментах, *процесс воспроизводства* как материальной субстанции, так и различных форм капитала. Этот процесс воспроизводства является, однако, в то же время и *процессом обращения,* не только как кругооборот метаморфозов, последовательных стадий, в один из которых вступает капитал, оставляя другие и vice versa *, но и как *ряд актов обмена, в котором в различные его моменты меняются владельцы.* Рассматриваемый сам по себе, капитал проделывает движение, сопровождаемое этими актами обмена, движение, в котором он последовательно проходит эти фазы и снова возвращается к своему исходному пункту. Поэтому *процесс воспроизводства* в целом есть *процесс обращения,* а капитал как таковой есть *оборотный капитал,* обращающийся в обеих сферах — в собственно сфере обращения и в сфере производства. С другой стороны, процесс обращения есть процесс воспроизводства, так как только в этом совокупном движении, в которое входят также и движения, охваченные собственно сферой обращения, капитал может воспроизводиться как капитал; сами эти собственно акты обращения есть моменты его воспроизводства и даже акты воспроизводства капитала в его различных формах. В-третьих, однако, если таким образом капитал есть по существу

* — наоборот. *Ред.*

обращающийся капитал, поскольку процесс его обращения в целом равнозначен движению его воспроизводства через его различные фазы, то в каждый момент он является *фиксированным*. Поскольку он фиксирован как товарный капитал, он не является *денежным капиталом;* поскольку он фиксирован в сфере производства как производительный капитал, он не является ни тем, ни другим. Процесс его воспроизводства обусловлен этим различием и устранением этого различия, его *течением,* которое испытывает в большей или меньшей степени затруднения или же полностью прекращается, если он слишком долго задерживается в одной из этих сфер, или не выходит из нее или выходит, лишь преодолевая препятствия.

[26] Весь капитал выступает как обращающийся, а именно, как капитал, совершающий кругооборот фаз его различных метаморфозов. С другой стороны, выступает различие *собственно сферы обращения,* в которой капитал функционирует как *товарный* или *денежный капитал,* и *непосредственной сферы производства,* в которой он функционирует как *производительный капитал*. Поскольку он находится в одной фазе, постольку он не находится в другой. Следовательно, он выступает в каждой фазе *фиксированным*. Если нет плавного перехода из одной фазы и формы в другую, то происходит задержка процесса воспроизводства.

В-третьих, все предпосылки процесса выступают как его результат (как им самим произведенные, установленные предпосылки), и все его результаты выступают как его предпосылки. Каждый момент выступает исходным пунктом, переходным пунктом и пунктом возвращения.

Процесс кругооборота, взятый в целом, представляет собой единство процесса обращения и процесса производства, поэтому как непосредственный процесс производства выступает как посредствующий момент процесса обращения, так процесс обращения выступает как посредствующий момент процесса производства.

Следующей формой, в которой представляется дело, является форма последовательности фаз, поэтому переход капитала в другую фазу означает одновременно оставление прежней фазы. Следовательно, капитал входит, например, в процесс производства в качестве условия производства, затем переходит из этого процесса в форму товарного капитала, проделывающего фазу *Т' — Д,* затем он оставляет эту фазу, чтобы совершить акт *Д — Т,* обратное превращение в условия производства и т. д.

Однако мы видели, что весь процесс представляется в четырех формах, что весь кругооборот включает в себя четыре различных определенных кругооборота, которые все, с одной стороны, выступают только как *формальные* различия, т. е. отличаются друг от друга только тем, что наблюдатель фиксирует различные определенности формы, в которых выступает капитал, поочередно как исходные пункты, а *следовательно,* и как пункты возвращения. С другой стороны, однако, процесс кругооборота капитала в целом *есть* действительно единство этих четырех различных кругооборотов. Другими словами, это означает лишь, что в этих четырех различных формах выражается *непрерывность* процесса в целом. Так как целое есть движущийся круг, то каждый отдельный пункт проделывает свой собственный кругооборот, в котором он функционирует одновременно как исходный пункт и как пункт возвращения, так что обращение в целом представляется для каждого из этих специфических пунктов как его специфический кругооборот, а именно, это круговое движение каждой из определенностей капитала, выступающей как исходный пункт того или иного метаморфоза, обусловливает непрерывность процесса в целом, а следовательно, и кругооборот капитала в любой другой определенности. Для всего процесса воспроизводства это — необходимое условие, для того чтобы он мог быть одновременно процессом воспроизводства и, следовательно, кругооборотом каждого из его моментов.

Например, если условия производства не воспроизведены, если, следовательно, кругооборот номер 2) не описан, то процесс производства и т. д. не может быть возобновлен. Если *Т'*, продукт процесса производства, который должен функционировать в качестве *товарного капитала,* не воспроизведено, то невозможен акт *Д — Д',* невозможно, чтобы какая-либо часть *Т'* снова выступила и т. д. в виде *Т*, условий производства. [27] Эта *непрерывность* — а потому и процесс в целом как единство этих четырех форм — является, однако, возможной, *действительной* только тогда, когда капитал *одновременно* постоянно существует в различных формах, *поделен* между различными фазами, и каждая из этих частей, не весь капитал, постоянно совершает свой собственный оборот. Вследствие этого совокупное движение капитала выступает как единство всех четырех форм одновременно, причем оборот каждой из его абстрактно определенных частей представляет собой момент его оборота как совокупности этих частей.

Например. В то время как капитал в форме *Т* — условий производства — вступает в процесс производства, другая часть

капитала в форме T' оставляет процесс производства, и в то время как эта часть совершает акт $T' - Д$, другая часть капитала одновременно совершает акт $Д - T$ и т. д.

Капитал представляет *определенную* сумму стоимости, существующую (за исключением $Д$) в определенной массе потребительных стоимостей. Он может находиться, следовательно, одновременно в различных сферах только в том случае, если он ни в одной из сфер не находится *полностью*, а разделен на определенные части и находится *одновременно* в различных сферах (в своих собственных абстрактно дифференцированных фазах). Как целое, как *единство*, он разделен и находится *одновременно* в своих различных фазах, пространственно расположенных рядом. Как целое, он, таким образом, *разделен*, и в каждой из фаз он находится лишь частично, или в каждой из фаз находится лишь какая-то его часть. Но его единство, — он сам как единство этих различных частей, — заключается как раз в *процессе*, которым опосредствовано *существование этих частей рядом друг с другом; одновременность* этого его распределения между различными фазами опосредствована тем, что каждая часть непрестанно покидает свою фазу, чтобы перейти в следующую, каждая часть следует за другой и предшествует другой, и воспроизводство в одной форме обусловливает одновременно ее воспроизводство в другой; поэтому постоянно воспроизводится и это распределение, однако оно воспроизводится как раз благодаря тому, что протекает только как метаморфоз. Одновременное существование различных частей капитала рядом друг с другом обусловлено течением метаморфозов, а их течение — одновременным существованием частей капитала рядом друг с другом, распадением на отличные друг от друга части.

Одна часть капитала (всегда, однако, меняющаяся и себя возмещающая, т. е. воспроизводимая, и постоянно являющаяся новой частью) находится поэтому постоянно в процессе производства, другая часть, всегда меняющаяся, постоянно воспроизводимая, существует в виде товарного капитала, который превращается в деньги, третья — в виде денежного капитала, который обратно превращается в условия производства. Непосредственный процесс производства и собственно процесс обращения совершаются таким образом рядом друг с другом, равно как и две противоположные фазы процесса обращения, $T' - Д$ и $Д - T$. Однако такое прохождение этих различных процессов рядом друг с другом опосредствовано тем, что одна часть капитала в качестве исходного пункта формы обращения постоянно последовательно совершает метаморфоз, составляющий

ступень процесса его воспроизводства, в то время как другая часть в качестве исходного пункта другой формы обращения последовательно совершает другой метаморфоз. Позднее будет показана важность этого одновременного распределения капитала по его различным фазам, или стадиям обращения, распределения, без которого вообще невозможна *непрерывность* процесса воспроизводства.

[28] Капитал есть поэтому, во-первых, *реальное единство* различных его моментов, хотя в каждом из них он образует их *совокупность* в другой определенности формы, и все эти различные формы существования являются *его* формами существования; во-вторых, однако, благодаря переходу каждого из моментов в другой он сохраняет это единство как *текучее* единство.

Однако как *абстрактное единство* он существует только в авансированной *сумме стоимости* и как процесс, в котором эта *сумма стоимости* увеличивается, в котором она становится *самовозрастающей суммой стоимости*. Эта сумма стоимости находит свое выражение в денежной форме, выражена в *счетных деньгах,* например 5 000 ф. ст., в качестве авансированного капитала. Сумма стоимости как таковая безразлична по отношению к различным формам существования, которые она принимает в процессе воспроизводства. Как увеличивающаяся сумма стоимости, — хотя собственно акт увеличения стоимости происходит только в непосредственном процессе производства, постоянное повторение и непрерывность которого образуют поэтому собственно процесс воспроизводства капитала, — она существует, с одной стороны, *последовательно* во всех фазах, пока вся авансированная сумма не предстанет увеличенной в какой-нибудь из форм — в товаре, деньгах, условиях производства, — выступающих попеременно в качестве исходного пункта и пункта возвращения процесса в целом; пока она не будет воспроизведена как сумма + Δ сумма; с другой стороны, одна часть суммы стоимости существует в процессе, другая — в виде товара, превращающегося в деньги, и еще одна часть — в виде денег, превращающихся в товар; однако все эти части образуют общую сумму или единство капитала как единого целого. В этом смысле *Д — Т — Д'* остается господствующей, доминирующей формой процесса воспроизводства, хотя деньги — будь то металлические деньги, или кредитные деньги, или знаки стоимости — здесь не являются ни исходным пунктом, ни пунктом возвращения, как это кажется первоначально, а представляют собой просто выраженную в цене меновую стоимость, фиксированную как меновая стоимость. Важность этого опре-

деления будет показана при рассмотрении *оборота капитала* (§ 3 этой главы).

В-четвертых. Метаморфоз в поверхностном выражении, — мы предполагаем оба акта метаморфоза *Т′ — Д — Т* внутри собственно сферы обращения, — означает лишь то, что одной рукой продаются произведенные товары, а другой рукой на полученную за них выручку снова покупаются товары, которые служат в качестве условий производства. Первая часть является чисто формальной, другая — определяется природой подлежащих производству товаров как особых изделий, как потребительных стоимостей, и обратным превращением произведенных товаров, которое опосредствуется их превращением в денежную куколку, в их реальные условия существования, реальные метаморфозы. С другой стороны, однако, если рассматривать капитал, совершающий этот путь, например, хлопчатобумажную пряжу, которая снова обменивается на уголь, веретена, хлопок и т. д., то и этот метаморфоз является *формальным*, моментом процесса воспроизводства. Ибо в период движения этого капитала не воспроизводятся его собственные условия воспроизводства. Он находит их в виде товаров на рынке; это — всего лишь акт обращения $\overset{1)}{T} — Д — \overset{2)}{T}$ при простом товарном метаморфозе, где также только товар $\overset{1)}{T}$ превращается в $\overset{2)}{T}$, в потребительную стоимость для своего владельца. Но для того чтобы этот обмен происходил постоянно, необходимо, чтобы постоянно происходило действительное воспроизводство $\overset{2)}{T}$, в данном случае, условий производства, например пряжи, а капитал, воспроизводящий их, проделывал акт *Т′ — Д*, в то время как капитал, в который они входят в качестве условий воспроизводства, совершал акт *Д — Т*. Предполагаются, следовательно, параллельные процессы воспроизводства различных капиталов, их *параллелизм*, возникающий в фазе обращения, когда фаза обращения одних капиталов является противоположной фазой других. (То, что какая-то часть этих товаров производится не *капиталистически*, ничего не меняет в существе дела. Кроме того, даже эти товары выступают в капиталистическом производстве как *купеческий капитал*.) И первая фаза, *Т′ — Д*, предполагает, что *Д* является либо превращенной формой какой-то фазы другого капитала, в который *Т′* входит в качестве условий производства, либо превращенной формой дохода. Так как эти моменты в процессе воспроизводства отдельного капитала и в его обороте не выступают, ибо здесь обмениваются между собой лишь деньги и наличные

товары, то этот *процесс воспроизводства,* взятый сам по себе, обособленно, есть процесс лишь *формальный.* Реальный процесс воспроизводства и обращения может быть понят только как процесс многих капиталов, совокупного капитала, распадающегося на капиталы различных отраслей производства. Поэтому, в отличие от прежнего способа рассмотрения, этот процесс нужно рассматривать как *реальный процесс воспроизводства;* и этот процесс будет рассматриваться в главе III этой книги.

[29] *Товарный капитал* и *денежный капитал* это — две формы капитала, которые отличают его в собственно сфере обращения от самого себя в качестве *производительного капитала,* от его формы существования в собственно сфере производства. Обе формы надлежит рассмотреть здесь несколько подробнее.

Товарный капитал. Т' — Д

Акт *Т' — Д* есть в то же время акт *Д — Т;* каждая продажа для одной стороны есть одновременно купля для другой. Поскольку теперь покупатель суть *купец,* а не действительный потребитель, будь то индивидуальный или производительный, то акт *Т' — Д,* хотя он и завершен, поскольку рассматривается существующий в *Т'* отдельный капитал, он не завершен, поскольку товарный капитал *Т'* рассматривается независимо от его владельца. Процесс завершен для капиталиста, который произвел *Т'*. Но он еще должен быть осуществлен для капиталиста, который *Т'* купил. Капитал находился как товарный капитал в руках *А*, производительного капиталиста; он находится теперь как *товарный капитал* в руках *В,* капиталиста-купца, капиталиста, занимающегося торговлей товарами. Он находится на рынке при всех обстоятельствах еще как тот же самый товарный капитал, который должен по-прежнему проделать свой заключительный метаморфоз в деньги, только теперь в руках *В*, а не в руках *А*. Как только это произошло, мы имеем, следовательно, вместо акта *Т' — Д,* в котором процесс превращения *Т'* в деньги представляется как движение производительного капитала, как процесс *Д — Т — Д,* потому что капиталист *В* сначала покупает *Т'*, а затем снова продает, он покупает это *Т'*, чтобы его продать. Этот процесс может разлагаться на ряд таких процессов, вплоть до продажи *Т'* купцом конечному потребителю, покупающему *Т'* в порядке расходования своего дохода или для своего производительного потребления. Иными словами купец *В* может продать тот же

самый товарный капитал купцу *С* и т. д. Все это обращение *Т′*, представляющееся со стороны покупателя всегда как *Д — Т — Д*, есть обращение, которое завершает, осуществляет только *Т′ — Д* как фазу оборота воспроизводимого капитала. Эта фаза представляется, следовательно, как особенное движение товарно-торгового капитала, как *Д — Т — Д*, так как она проявляется как самостоятельная операция купеческого капитала, отличного от капитала производительного.

К этому же результату мы приходим, когда рассматриваем *Д — Т*, вторую фазу движения капитала в сфере обращения. Непосредственный покупатель является здесь всегда владельцем производительного капитала, движущегося через свои фазы. Продавец является купцом. Для него дело представляется как *Т — Д*, как продажа *Т*. Однако мы видели, что это *Т — Д* образует только второе звено его *Д — Т′*, его движения *Д — Т — Д*.

Таким образом, в движении капитала купеческий капитал выражает превращение товарного капитала в деньги, *Т — Д*, он выступает здесь только как функция отдельного капитала, получившая самостоятельное существование и потому как своеобразная функция отдельного капитала, вовлеченного в сферу обращения.

Форма: *продавать, чтобы покупать*, *Т — Д — Т*, также оказывается здесь не первоначальной, а производной формой товарно-торгового капитала. Первоначально эта форма появляется только там, где производитель сам продает свои товары.

Если процесс *Д — Т — Д* рассматривать как непрерывный, то он суть *Д — Т — Д — Т* и т. д. и точно так же *Т — Д — Т* выступает как постоянно повторяющийся; *это относится к главе IV книги III*.

В качестве результата непосредственного процесса производства имеется налицо *товарная масса*, масса потребительных стоимостей (изделий), в которой овеществляется кроме первоначальной стоимости капитала также прибавочная стоимость.

[30] Непосредственный продукт капиталистического процесса производства есть *товар*. Как и продукт каждого производителя, который не производит своих собственных средств существования *непосредственно*, т. е. который производит свой продукт как *товар*, этот товар должен теперь совершить свой *первый* метаморфоз, должен быть превращен в деньги, продан. Если он не будет продан или если он будет продан только частично, то не будет не только реализована *прибавочная стоимость*, но даже не будет возмещена первоначально авансированная капитальная стоимость. Для того чтобы она была возмещена,

вся произведенная товарная масса должна быть не просто *продана,* но продана по цене, определенной ее стоимостью.

Увеличение стоимости капитала, поскольку оно реализуется в товаре как продукте капитала или в его превращении в *товарный капитал,* есть одновременно *обесценение капитала.* Обесценение относится здесь, однако, к форме стоимости, к ее денежной форме, в которой капитал может постоянно обмениваться на все товары. Теперь он уже не обладает той формой, в какой он может функционировать непосредственно как *стоимость,* и должен ее снова приобрести посредством метаморфоза *Т — Д,* посредством продажи. Таким образом, если капитал, с одной стороны, при своем превращении из денег в условия производства и своем переходе из формы капитала, находящегося в покое, в процесс производства подвергается *риску* процесса *производства,* своей неудаче — риску, общему для каждого процесса производства, какой бы общественной формой этот процесс ни обладал, — то теперь он подвергается риску вторичного превращения товаров в деньги, превращения стоимости, заключенной в потребительной стоимости товаров, в денежную форму этой самой стоимости, риску, общему для всякого товарного производства, независимо от того, является ли оно капиталистическим или нет. Этот риск, присущий всякому товарному производству, — отчасти всякому производству — представляется здесь по сути дела как *риск капитала,* а следовательно, и *капиталиста,* потому что рабочему его собственный продукт (и условия производства) противостоит как *капитал* и поэтому случайности, которым подвержен рабочий, должны представляться как случайности *чуждой* ему собственности и лишь как движение ему чуждое и от него независимое.

Увеличение стоимости капитала происходит исключительно в процессе производства. Здесь производится прибавочная стоимость, эксплуатируется труд, присваивается прибавочный труд. Все это завершается, когда закончен процесс производства, когда он угас в продукте, когда капитал произведен как *товар.* Однако будет ли *реализована* и в каком объеме содержащаяся в товарах прибавочная стоимость, это зависит от *продажи товаров.* Под *реализацией* здесь следует понимать не что иное, как только превращение товара в деньги, придание меновой стоимости ее денежной формы, или реализацию меновой стоимости в ее абстрактной, самостоятельной форме. Так как прибавочная стоимость, *созданная* в процессе производства, *реализуется* только в процессе обращения, возникает *видимость* того, будто капиталист извлекает прибавочную стоимость не из эксплуатации рабочего, не из непосредственного процесса

производства, а из процесса обращения, из продажи своих товаров. В последней же сделке противостоят капиталист капиталисту, а не капиталист — рабочему. (Даже если товары продаются непосредственно рабочим, они продаются им не как рабочим, а как владельцам денег; по отношению к ним капиталист только товаровладелец, рабочие для него — покупатели, капиталист для них — продавец.) Эта видимость усиливается еще тем обстоятельством, что отдельный капиталист и т. д. продает товары выше или ниже их стоимости, в зависимости от меняющихся рыночных условий, и если предположить даже средние рыночные условия, то в зависимости от степени хитрости и т. д. покупателя или продавца один околпачивает (обсчитывает) другого. Здесь имеет место не производство прибавочной стоимости, а всего лишь перераспределение имеющихся в наличии стоимостей или получение капиталистами различных долей совокупной прибавочной стоимости, которую произвел совокупный капитал. Для отдельного капиталиста, однако, важно получение прибавочной стоимости и т. д. Для него, следовательно, *прибавочная стоимость* фактически может возникать из обращения, совершенно так же, как в этом процессе обращения он может полностью, или в большей или меньшей степени, *лишиться* произведенной на его предприятии прибавочной стоимости.

[31] Капитал называется здесь *товарным капиталом* специально не только для того, чтобы показать, что он теперь существует в специфической форме товаров. Капитал представляется дважды в форме товара, в движении капитала в сфере обращения. Он выходит из процесса производства как *Т'* и как таковой он образует исходный пункт акта *Т'* — *Д*. Во-вторых, однако, он снова становится товаром в акте *Д* — *Т*, втором акте своего собственного обращения. Если мы при этом втором акте *Д* — *Т* станем на точку зрения *продавца товара,* то этот акт равнозначен акту *Т* — *Д* и не отличается ничем от *Т'* — *Д*, с которым мы здесь имеем дело. Это есть лишь *другой* капитал, который вышел из процесса производства как *Т'* и должен пройти акт *Т'* — *Д*. И все же это *Т* представляется другим по отношению к капиталу, для которого он, *Т*, выступает в качестве результата его обращения, результата *Т'* — *Д* — *Т*. Его капитал существует теперь опять в форме товара, как и по выходе из процесса производства (при этом мы абстрагируемся от того обстоятельства, что часть этого *Т* должна быть равна *Р*, рабочей силе). Но это не та *форма товара,* в которой он вышел из процесса производства. Это — результат второго акта обращения товара, в действительности — его вто-

рой *метаморфоз*, т. е. товар, имеющийся теперь налицо, находится в той форме, в которой он в качестве потребительной стоимости должен служить своему владельцу, покупателю, в качестве *факторов процесса производства*. Напротив, первое *Т'* есть товар, который еще не претерпел метаморфоза, еще только должен проделать в качестве исходного пункта акта *Т' — Д* свой первый метаморфоз, свое превращение в деньги. У товара, выступающего в качестве окончания акта *Д — Т*, его назначение как товара *мимолетно*, он должен тут же войти в процесс производства, функционировать в качестве потребительной стоимости, должен быть производительно потреблен. Если он продолжает существовать в качестве *товара*, — либо потому, что он (в качестве постоянного капитала) частично существует дольше процесса производства, либо потому, что он имеется наготове лишь в качестве его условий и пока еще не вошел в него, либо потому, что процесс не осуществляется, — то во всех этих случаях он все же вновь будет находиться в обращении в качестве *товара*, поскольку и когда он не выполняет своего назначения в качестве фактора процесса производства.

Т', напротив, есть форма *товара*, *характерное* определение формы, в которой находится теперь капитал. В качестве товара капитал есть меновая стоимость, которая представлена в какой-то потребительной стоимости, но может сохраняться и выступать в качестве такой меновой стоимости только путем отчуждения и *сбрасывания своей формы как потребительной стоимости* (характерное для формы *Т* заключается именно в акте *Д — Т*). Капитал есть теперь κατ' ἐξοχήν* *товарный капитал*, так как в своей определенности он *функционирует как товар*. Товар как таковой, однако, не имеет никакой иной функции, кроме как превращаться в деньги, превращаться из формы существования определенной потребительной стоимости в самостоятельную и абстрактную форму меновой стоимости, в ее *денежную форму*, т. е. быть *проданным*. Он осуществляет эту функцию тем, что он отчуждается, меняет свое место, *совершает оборот*, переходит из рук продавца в руки покупателя, что в отношении его *продавца* представляет собой первый метаморфоз, смену его формы, его превращение в деньги, так что в своей первой форме он больше не имеет отношения к продавцу и, выражаясь точнее, в отношении к кругообороту капитала, он вытолкнут из него, отторгнут от него. Является ли *продажа* товара — а быть проданным есть его *функция* в каче-

* — по преимуществу. *Ред.*

стве T' — опосредствованной деньгами в качестве средства обращения или деньгами в качестве средства платежа, это для данного метаморфоза как такового безразлично. Товар может завершить свой метаморфоз в образе первоначального *товарного капитала* без того, чтобы в результате этого было закончено его обращение (а потому — и новые его метаморфозы в новых руках). Если товар куплен купцом, перекупщиком, — а это является обычным делом в капиталистическом производстве, — то этот товар и дальше должен переходить из рук в руки до тех пор, пока, наконец, не попадет в такие руки, в которых он будет функционировать в качестве потребительной стоимости, т. е. будет потреблен индивидуально или производительно. [32] Но этот его дальнейший акт обращения и повторение его первой смены формы не касаются непосредственно его первого продавца и выпадают из движения капитала, результатом процесса производства которого был этот *товар*.

Товарный капитал в точном смысле есть, следовательно, капитал, функционирующий исключительно в форме произведенного им товара и в качестве *товара*, т. е. капитал в такой форме, в которой он должен быть продан *как товар* (обрести свою денежную форму, которая присуща ему как авансированному капиталу), должен проделать свой *первый метаморфоз*.

Товарный капитал в качестве *товарного капитала* находится на *рынке*, т. е. предлагается к продаже, поскольку он функционирует в качестве товарного капитала. Товары, в которых он существует, образуют часть *всеобщего товарного рынка*, как других предлагаемых к продаже товаров, так и товаров *того же рода*, но произведенных и присвоенных другими капиталистами. Должен ли товарный капитал, чтобы его можно было предложить к продаже, сначала быть отправлен в Китай, или он может находиться на складе своего производителя и оттуда может быть взят для продажи, и может быть продан на месте, — все это ничего не меняет в его определении формы, и следовательно, пока при исследовании абстрактной формы оно должно быть оставлено без внимания (оно не имеет значения).

Рынок есть общее выражение *сферы обращения* вообще, в отличие от *сферы производства*, следовательно, сферы обращения, в которой происходит $T' — Д — T$ и в которой в качестве субъектов этого рынка выступают *товаровладельцы* (здесь капиталисты в качестве продавцов товаров) и *владельцы денег* (покупатели); в сферу обращения, однако, входят не только капиталисты, покупающие как капиталисты, но также и покупатели, покупающие товар для индивидуального потребления.

Так как купля и продажа — в отношении к одному и тому же лицу — могут не совпадать во времени и пространстве, то пространственная определенность рынка, где совершается акт *Т' — Д*, т. е. где реализуется товарный капитал, может быть отличной от *рынка*, где совершается акт *Д — Т*, т. е. где деньги обратно превращаются в условия производства, а также от рынка, где деньги превращаются в средства индивидуального потребления. *В этом отношении рынок выступает как множество рынков* (акт *Т' — Д*, *так же как и акт Д — Т может быть* совершен на различных рынках; *одна и та же пряжа* может быть продана на различных рынках, а на полученные за пряжу деньги могут быть на различных рынках куплены снова те же самые или различные другие товары). Подобно тому как *Т — Д* и *Д — Т* выступают самостоятельно рядом друг с другом и один за другим, так же разобщенно выступают и рынки, множество рынков, существующих рядом друг с другом и отделенных друг от друга, разобщенных. (Это относится, разумеется, не только к данному товарному капиталу, а к различного рода товарным капиталам.) Однако каждый отдельный рынок включает в себя продавцов товаров и покупателей товаров, и для всего цикла движения капитала рынок включает в себя как рынки, где капитал продается как товарный капитал, так и рынки, где он как денежный капитал покупает.

Как уже говорилось, товар *Т'* образует часть товарного рынка. С другой стороны, однако, он *ищет* рынок, т. е. *покупателей,* и рынок для него тем обширнее, чем больше число этих покупателей и *сумма стоимости,* которой они располагают для купли товара.

Ранее мы видели, что *сфера обмена,* а следовательно, фактически и рынок для товара тем обширнее, чем многообразнее производство, чем разнообразнее конкретные виды труда представлены в разнообразных товарах. Здесь мы не будем дольше останавливаться на этом вопросе; он относится к главе III, как и вообще все, — за исключением *пространственного определения, которое содержит в себе рынок (и которое как раз свойственно сфере обращения в ее реальности)* — что об этом может быть сказано, только другими словами, относится к моментам процесса воспроизводства и обращения.

Лишь одно следует здесь упомянуть мимоходом:

Д — Т — П — Т' — Д'

I кругооборот

Деньги 1) — Товар — Процесс 2) производства — Товар 3) — Деньги

III кругооборот

$$T' - T' - Д' - T - П - T'$$
$$T' - Обр. - П - T' \text{ (или } T'')$$

Этот кругооборот представляет собой то же самое, что и *Т* (входящее в процесс производства) — *П* — *Обр.* — *Т*, так как *Д* — *Т* для одного капиталиста есть то же, что *Т* — *Д* для другого.

II кругооборот

$$П - Обр. - П$$
$$П - T' - Д' - T - П \text{ (или } П').$$

[33] Количество и многообразие находящихся на *рынке* товаров зависит не только от *количества и многообразия продуктов*, но частично определяется и тем, как велика та часть продуктов, которая произведена как *товар* и поэтому как *товар* должна быть выброшена на рынок для продажи. Это в свою очередь зависит от *степени* развития капиталистического способа производства, производящего продукты только в качестве товаров, а также от *степени*, в которой он овладел всеми сферами производства. Поэтому возникает большое несоответствие в обмене между таким капиталистически развитым народом, как, например, Англия, и такими странами, как Индия и Китай. Это — одна из *причин кризисов*, которую оставляют совершенно без внимания ослы, довольствующиеся фазой обмена продукта на продукт и забывающие при этом, что *продукт как таковой еще отнюдь не является товаром* и, следовательно, eo ipso * продукт может быть и не обменен на другие продукты. Это является одновременно стимулом, который заставляет англичан и т. д. взламывать старый способ производства в Китае, Индии и т. д., преобразовывать его в товарное производство, в том числе и в товарное производство, основанное на международном разделении труда (т. е. в производство в той его форме, в какой оно соответствует *капиталистическому производству*). Частично это удается в отношении, например, прядильщиков шерсти или хлопка путем продажи по ценам ниже существующих и разрушения старых способов производства, которые не могут конкурировать с капиталистическим способом, производящим товары дешевле.

Хотя *товарный капитал* как таковой по своему предназначению находится на *рынке*, т. е. предложен для продажи, капиталист может (в зависимости от природы товара, на дли-

* — в силу этого. *Ред.*

тельное или короткое время) *придержать его у себя*, не вывозить на рынок, так как шансы продать плохи, или в целях спекуляции и т. д. Капиталист может *изъять* товар с товарного рынка, но в этом случае он вынужден будет выбросить его на рынок позже. Это ничего не меняет в определении понятия, хотя и является важным при рассмотрении конкуренции.

Сфера обращения, *рынок* отличается собственно и в *пространственном отношении* от сферы производства, совершенно так же как собственно процесс обращения отличается от собственно процесса производства *во времени*. Готовые товары, находящиеся на складе, в магазинах и т. д. капиталиста, который их произвел, находятся там (за исключением тех случаев, когда они тут же продаются) большей частью лишь *временно*, для того чтобы их отправить на другие рынки. Для них это лишь подготовительная стадия, с которой они позднее действительно перейдут в сферу товарного обращения, совершенно так же как имеющиеся в запасе, в качестве товаров, факторы производства ожидают лишь того, чтобы, находясь в предварительной стадии, перейти в действительный процесс производства. Одни товары поступают в качестве факторов процесса в помещения, где происходит непосредственный процесс производства, другие — удаляются оттуда в качестве результатов процесса производства. *Пространственное удаление* рынков (рассмотрение их с точки зрения местоположения) *от места процесса производства товаров*, в пределах одной и той же страны, затем вне данной страны, составляет важный элемент, особенно на основе капиталистического производства, рынком которого для большой части его продуктов является *мировой рынок*.

Товары могут покупаться также и для того, чтобы d'abord * изъять их с рынка. Но это также мало относится к данному вопросу, как и сказанное выше о *придерживании* товаров вне рынка производителем.

При капиталистическом процессе производства *непосредственной целью производства* является увеличение стоимости капитала, производство прибавочной стоимости и накопление капитала; здесь производство ведется в крупном и все расширяющемся масштабе; масштаб производства не обусловливается данным кругом существующих потребностей, а диктуется достигнутым масштабом развития производительных сил. *Рынок* поэтому должен постоянно *расширяться*. К этому присоединяется то, что в каждой отдельной сфере производства каждый

* — с самого начала. *Ред.*

отдельный капиталист производит в меру находящегося в его распоряжении капитала и т. д., не заботясь о том, что делает его сосед. Однако не *его* продукт, а совокупный продукт капитала, вложенного в эту *отдельную* сферу производства, образует *товарный капитал,* предлагаемый к продаже этой и каждой отдельной сферой. Эмпирическим фактом является то, что хотя с распространением капиталистического производства возрастает *число сфер производства,* сфер приложения капитала, и они становятся все более разнообразными, эта дифференциация в странах развитого капиталистического производства никогда не идет в ногу с накоплением самого капитала (совокупного, подлежащего вложению капитала).

[34] *Образование запаса*

Когда капитал в форме своего продукта, *товара*, находится на рынке, функционирует в качестве *товарного капитала,* — а мы видели, что он находится на рынке в качестве *Т' — Д*, товарного капитала, по виду которого нельзя заключить, входит ли он снова в сферу воспроизводства другого капитала, или в индивидуальное потребление, или же и в первое и во второе, так как определенные товары суть как средства производства, так и жизненные средства, и так как товары, постоянно образующие материальное существование переменного капитала, если рассматривать процесс воспроизводства в его совокупности, служат в обоих этих качествах и в качестве *Д — Т*, т. е. товарного капитала, по роли которого в процессе обращения видно, что он непосредственно снова входит в качестве факторов труда в процесс воспроизводства капитала, — то этот совокупный товарный капитал находится на такой стадии, когда он должен быть продан, но еще не продан, представляет собой всего лишь исходный пункт акта *Т — Д*, своего превращения в деньги. Как только товарный капитал продан, проданный товар входит либо *непосредственно* в индивидуальное или производительное потребление, либо его окончательная продажа последнему покупателю, потребителю, индивидуальному или производительному, предвосхищается купцом, и он может пройти через целый ряд актов обращения и различное число раз повторить один и тот же метаморфоз, прежде чем покинет собственно сферу обращения и перейдет либо в сферу индивидуального потребления, либо в сферу процесса производства. В обоих случаях товар находится в стадии перехода, пребывает в *промежуточной стадии* между производством и потреблением, пребывает в собственно сфере обращения, на

рынке, на складе, он предложен к продаже. Он образует таким образом *запас,* и постоянное наличие этого *запаса* является постоянным условием процесса воспроизводства. Чем более массовым становится производство, тем более массовым, при прочих неизменных условиях, должен быть *запас* находящихся на рынке товаров, как *товарный капитал* функционирующего капитала. Товарный поток, находящийся на этой промежуточной стадии, тем больших размеров и тем разнообразнее, чем громаднее поток производства. Тем более вероятно, что индивидуальный потребитель найдет необходимые ему изделия, и тем больше гарантия для каждого отдельного капитала, что он найдет на рынке в готовом виде условия своего воспроизводства. Это тем более верно, что, в соответствии с сущностью капиталистического производства, *каждый отдельный капитал*

1) производит в таком масштабе, который обусловлен не индивидуальным спросом (заказ, частная потребность и т. д.), а стремлением реализовать возможно больше прибавочного труда и доставлять данным капиталом возможно большее количество товаров;

2) стремится занять на рынке возможно большее место и вытеснить, устранить своих конкурентов. Конкуренция капиталов.

«Где производство и потребление относительно велики, там, конечно, *сравнительно большой излишек* всегда будет находиться *в промежуточной стадии,* на рынке, на пути от производителя к потребителю, если только быстрота, с которой продаются вещи, не возрастает в такой степени, чтобы свести на нет те последствия, которые без этого имело бы возросшее производство» («An Inquiry into those Principles respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, p. 6—7).

Образование запасов не является специфической особенностью капиталистического производства. Поскольку при нем производство и потребление наиболее велики, постольку и запасы здесь наиболее велики. Но сюда, помимо этого, присоединяется то обстоятельство, что при всех прежних способах производства лишь относительно небольшая часть продуктов становится *товаром* и поэтому выбрасывается на рынок как товар, а потому и может существовать в только что определенном модусе *запаса;* следовательно, находящийся на рынке запас уже по этой причине представляется незначительным по сравнению с *запасом, образуемым* в капиталистических условиях.

Это образование запаса popülariter * (а также экономистами, когда они хотят подчеркнуть заслугу капиталиста, создающего

* — в обиходе, в просторечии. *Ред.*

необходимые для воспроизводства запасы) часто смешивается с [35] *накоплением* и даже с *образованием сокровищ*.

Это «накопление» является лишь видимостью, лишь промежуточной стадией, в которой товарный капитал находится до того, как он в качестве товара попадает в потребление или воспроизводство. Это бытие товара на рынке *в качестве товара*. Как товар он налицо, собственно говоря, только в этой форме. Если это называется «накоплением», то накопление означает не что иное, как обращение, или бытие товара как товара, точнее — капитала как товарного капитала. Такого рода «накопление» было бы прямой противоположностью образованию сокровищ, которое стремится увековечить товар в его пригодном для обращения состоянии, и достигает этого лишь тем, что извлекает его из обращения в форме денег. Если производство, а значит и потребление, является многообразным и массовым, то большая масса самых различных товаров будет постоянно находиться на этой *остановке*, на этом *промежуточном этапе*, одним словом — в обращении, или на рынке. Таким образом, если рассматривать это с количественной стороны, то *образование запаса в большом объеме* означает здесь не что иное, как осуществление в больших масштабах *процесса воспроизводства*, включающего в себя процесс потребления; и как его результат, кроме товара, должны рассматриваться также и сами его *производители и потребители*, и притом в их экономически определенных характеристиках: капиталистов, наемных рабочих и т. д.

Как только товары готовы и стали пригодны для обращения, они удаляются с места их производства и распределяются по *хранилищам*, складам производителей, магазинам, складам и лавкам перекупщиков, портовым товарным складам и т. д. В этих хранилищах они задерживаются только на то время, пока они находятся в промежуточной стадии, в стадии обращения, и удаляются оттуда, как только они проданы, окончательно проданы и переходят в индивидуальное или производительное потребление, потребляются и уничтожаются как потребительные стоимости. Эта *остановка*, пребывание товаров в этом моменте процесса, их бытие на рынке, вместо бытия на фабрике или в частном доме (в качестве предметов потребления), есть лишь мимолетный, лишь короткий момент в процессе их жизни.

Если процесс воспроизводства находится в состоянии своей *текучей* непрерывности, то одни и те же товары постоянно производятся вновь в процессе производства, находятся на рынке и потребляются. Это не те же самые товары, но товары одного и того же рода; они всегда находятся *одновременно* на

этих трех этапах. В то время как один товарный капитал того же самого рода подвергается потреблению, другой — движется в *хранилища* с последующим местопребыванием на рынке, третий же образуется в процессе производства с тем, чтобы занять место товарного потока, покинувшего хранилища. *Запас* постоянно имеется налицо и в постоянно растущем объеме, потому что он постоянно *возобновляется,* и возобновляется, воспроизводится в постоянно возрастающем объеме. Железнодорожная станция всегда заполнена, но всегда другими путешественниками. Это постоянное наличие части капитала в его форме *товарного капитала,* в качестве запаса на рынке, придает этому миру товаров видимость самостоятельного, неподвижного бытия. В глаза бросается постоянное бытие этого мира, а не его текучесть. Эта видимость *самостоятельности* и *неподвижности* вводит в заблуждение не только толпу, но и вульгарную политическую экономию. Если действительно имеет место *неподвижность*, то наступает *задержка* процесса воспроизводства и обращения, переполнение рынков, как бы апоплексия, так как новый товарный поток застает хранилища еще заполненными старыми товарами. Это «скопление», накопление влечет за собой, — как говорит Корбет, — «приостановку обмена» (Non-Exchange) [74] и таким образом обнаруживает как действительная неподвижность товаров в этой фазе, вместо их движения, нарушает весь процесс воспроизводства. С другой стороны, если воспроизводство, суженное вследствие естественных или общественных помех, приостанавливается, то пустеют магазины, хранилища и т. д., и тогда сразу обнаруживается, что постоянство, которым, как кажется, обладает имеющееся в наличности богатство, есть лишь постоянство его постоянного возобновления, его постоянного возмещения, его воспроизводства, есть постоянное овеществление общественного труда, которое, однако, так же постоянно расходуется. Таким образом, это вещное богатство, особенно поражающее воображение, когда оно в больших количествах сконцентрировано в отдельных пунктах, незначительно и может быть только незначительным в сравнении с безмерным потоком процесса воспроизводства, застывшими волнами которого, застывшими лишь в данный момент, оно является.

[36] Позднее мы обнаружим, что, хотя количество *запаса* абсолютно увеличивается, запас вообще уменьшается, поскольку его пополнение все в большей мере зависит от одновременности воспроизводства, от быстроты его возобновления, следовательно, что фактически *в запасе* держится незначительное количество товаров и что, в сравнении со всей массой

продукции, *запас,* например промышленного капиталиста, уменьшается. Кроме *запаса,* который находится в общей сфере обращения, он находится также в сфере индивидуального потребления, часть этого запаса потребляется медленнее, а часть — ежедневно и ежечасно. Этот *запас,* особенно та его часть, которая сохраняется более продолжительное время, растет, увеличивается с развитием и расширением масштаба процесса воспроизводства.

«Необходимо отличать ту часть запаса, которая резервируется, чтобы обеспечить завершение всего производства (потребления), от той части, которая зарезервирована в качестве средства для воспроизводства его самого и для производства некоторого дохода» (*E. G. Wakefield.* A Commentary to A. Smith's. Wealth of Nations. V. II, p. 387).

В действительности одна часть находится в форме средств производства в производственном запасе производителей; другая часть — на *рынке,* будь то для индивидуального или производительного потребления; еще одна часть — в стадии перевозки.

[37] *Денежный капитал*

Денежный капитал представляется в следующих двух формах:

Д — Т — Д′ и
Т — Д — Т′.

Одна часть обращающихся в стране денег (будь то золото и серебро, знаки стоимости или кредитные деньги) постоянно представляет капитал или капитал в денежной форме, хотя элементы, из которых он составлен, его частички, так сказать, постоянно меняются.

Сами доли обращающегося капитала (его совокупной стоимости) могут выступать в весьма меняющихся пропорциях в форме денег или товара. Это зависит от процесса производства и различных других моментов его оборота.

Что касается золота или серебра (и т. д.), *превращающих* капитал *в деньги,* то с ними дело обстоит точно так же, как мы это видели при простом обращении, а именно, что золото относится к товарам вообще посредством какого-то количества обращающихся денег, на которые он покупает товары. Одна и та же денежная сумма представляет сегодня денежную форму одного капитала, а завтра — денежную форму другого капитала. Если процесс *Т — Д — Т′* рассматривается как процесс обращения капитала и потому различных капиталов, то ясно, что в то время как *Т* капиталиста *А* превращается в деньги,

Д капиталиста *В* превращается в товар, и наконец, капиталист *А*, чей капитал существует теперь в денежной форме, покупает на эти деньги *Т'* у капиталиста *С*, если угодно также у многих капиталистов, продающих различные товары. Тем самым одна и та же денежная сумма представила стоимость двух товарных капиталов, капиталистов *А* и *С*, и существует она дважды в качестве денежного капитала. Если капиталист *А* продает пряжу капиталисту-ткачу *В*, а хлопок и т. д. покупает у капиталиста *С*, то одно и то же *Д* представляет сначала стоимость пряжи, затем стоимость хлопка в денежной форме и существует кроме того (поскольку оно есть золото и серебро, само имеет стоимость) в качестве третьей стоимости рядом с этими двумя стоимостными массами, представленными им временно в качестве денежного капитала. Это происходит так же, как у какого-нибудь банкира. Одно лицо изымает денежную сумму x, другое — вкладывает денежную сумму y, и таким образом образуется некая средняя денежная масса, достаточная для того, чтобы служить в качестве средства платежа для капиталов неодинаковой величины стоимости.

Как и при простом обращении, здесь происходит одновременно известное число актов *Т — Д*, и для этого должна быть налицо известная масса денег (или посредством кредитных денег должно быть обеспечено их осуществление в соответствии с потребностями); с другой стороны, акты *Т — Д — Т* происходят последовательно; в этом случае, если деньги функционируют в качестве средства обращения, осуществление этих актов зависит от быстроты и степени переплетения формальных метаморфозов капитала, от того, какая сумма стоимости этих последовательных сделок может быть обеспечена одной и той же денежной суммой; или же, если деньги функционируют в качестве средства платежа, то осуществление этих актов зависит от развития техники этих платежей и от суммы взаимно погашаемых платежей.

Рассматриваемые чисто формально, деньги в формальном метаморфозе капитала, так же как и в метаморфозе товара, функционируют в качестве покупательного средства или средства платежа; когда же прерывается метаморфоз, они функционируют в качестве *денег*. Это ничего не меняет в том обстоятельстве, что деньги здесь представляют капитал (функционирующий капитал).

Арендатор делает свои основные закупки в одни определенные сроки, а свои основные продажи — в другие сроки. Его оборотный капитал представляется, следовательно, попеременно, то в бо̀льших пропорциях как денежный капитал, то как

товарный капитал. И то же самое относится, в большей или меньшей степени, ко всем промышленным капиталам. Так как эти колебания, однако, неодинаковы и происходят с различными капиталовложениями в неодинаковые сроки, то определенной, хотя и меняющейся суммы денег достаточно для того, чтобы в какой-то определенный срок представлять капитал, а в какой-то другой срок — другой капитал, преимущественно как денежный капитал.

[38] Если даже предположить непрерывность процесса производства данного капитала, то его покупки и продажи могут не совпадать во времени; например, закупка определенного запаса угля, хлопка и т. д., которых затем хватает на определенное время; точно так же не совпадают сроки, на которые приходятся платежи и в которые должны быть сделаны платежи. В целом эти движения должны уравниваться (хотя одна и та же стоимостная масса оборотного капитала существует то в большей части как товарный капитал, то в большей части как денежный капитал). Определенная денежная сумма, или *Д*, в форме денежного капитала, однако, необходима — если она вследствие *уравновешивающих друг друга течений не притекает и не утекает постоянно* — для того, чтобы иметь возможность осуществить их *функцию, уравновесить* их, т. е. уравновесить те случайности, которые неотделимы от движения капитала, уравновесить так, чтобы покупки могли осуществляться без продаж, платежи — без поступления платежей. От кредита мы здесь абстрагируемся, хотя в этом деле он сам по себе ничего не меняет. С этой точки зрения, следовательно, необходим известный резервный капитал в деньгах.

Помимо этого резервного капитала постоянно должен быть в наличии *переменный капитал* в денежной форме и он должен непрерывно воспроизводить себя в этой форме. Заработная плата выплачивается в большинстве случаев еженедельно. (*Сроки выплаты* заработной платы являются определяющим элементом для массы денег, которая необходима для того, чтобы обеспечить ее обращение.) Насколько велика или мала должна быть масса денег, необходимая для того, чтобы осуществить эти платежи, причем так, чтобы одним и тем же совереном быть может пятьдесят раз в течение года выплачивалась одна и та же недельная заработная плата, это зависит теперь — если не принимать во внимание число одновременно занятых рабочих, или *величину* переменного капитала — от того, насколько совершенен механизм, с помощью которого выплаченные рабочим деньги поступают в розничную торговлю, а из нее снова возвращаются к банкирам и от них — к нанявшему рабочих капиталисту.

С другой стороны, масса денег зависит от различия оборотов различных капиталов, главным же образом от времени производства, требуемого для производства товара, а следовательно, от времени приведения его в состояние готовности для рынка, от того насколько быстро деньги, необходимые для выплаты заработной платы, постоянно притекают обратно вследствие продажи товаров. В соответствии с этим в различных отраслях производства резервный капитал (для переменного капитала) должен быть в бо̀льших или меньших размерах. Но, абстрагируясь от этих различий, и здесь необходим известный *резервный капитал в форме денег, для уравновешивания функции таким образом, чтобы капиталист был в состоянии выдержать обычные перебои в продаже, в поступлениях* платежей и т. д. и все-таки постоянно и непрерывно авансировать переменный капитал в форме денег.

Впрочем, в непрерывном процессе производства постоянно образуется такой резервный денежный капитал, так как, например, сегодня получены платежи, а производить очередные платежи надо будет позднее, сегодня продана большая масса товара, а снова покупать большую массу товаров придется позднее; следовательно, в эти интервалы часть оборотного капитала постоянно существует в денежной форме.

Третья разновидность резервного денежного капитала образуется в результате обратного превращения в капитал превращенной в деньги прибавочной стоимости, следовательно, вообще в результате вложения нового добавочного капитала, который, например, ждет своего применения или зачастую по мере того как он постепенно расходуется как капитал и таким образом вступает в функционирование. (В качестве денег он тем временем может функционировать для других капиталов.) То же самое происходит ditto * и в том случае, если капиталы, после того как они ликвидированы, извлекаются из старой отрасли производства, и тогда наступает интервал, в течение которого они представляют собой незанятый денежный капитал.

Две характерные формы денежного капитала

1) Одна часть товарного капитала какой-либо страны обменивается ежегодно на золото и серебро стран, обладающих золотыми и серебряными приисками. (Или даже, если невозможен никакой другой выгодный оборот денежных сумм, она обменивается на золото и серебро стран, не обладающих

* — также. *Ред.*

приисками.) В качестве денежного материала золото и серебро сами по себе обладают дееспособностью капиталов, в первую очередь — *денежных капиталов*. Более подробное рассмотрение этого вопроса относится к *главе IV книги III* (если этот вопрос вообще будет рассмотрен в этой работе).

[39] 2) *Ценные бумаги* как *форма существования денежного капитала*.

Смотри об этом также § 3 настоящей главы.

[40] Поскольку *Т — Д — Т* равнозначен взаимной купле и продаже товаров между капиталистами или переплетению метаморфозов различных их товарных капиталов, то *Д* обращается в качестве *средства обращения* капиталов: оно опосредствует обмен одного товарного капитала на другой.

Но *Т'*, товарный капитал, который выходит из процесса производства, чреват прибавочной стоимостью. *Т'* является возросшим капиталом именно потому, что оно равно *стоимости* авансированного капитала плюс прибавочная стоимость. Поскольку *Т'* продается, приобретает денежную форму, то одна часть этой денежной суммы представляет первоначально авансированный капитал, другая — прибавочную стоимость. Эта прибавочная стоимость может быть обратно превращена в капитал, накопляться. Хотя и совершается этот акт, он не имеет значения для исследования в данный момент, так как капитал представляет процесс *Д — Т — Д'*. (То есть это то же самое, как если бы мы рассматривали форму, в которой новый капитал, следовательно, прежде всего, в форме денежного капитала, вкладывается или авансируется.) Здесь представляет интерес лишь следующее: одна часть денег, которая, возможно, до сих пор находилась в обращении в качестве просто денег [currency], теперь снова выбрасывается в обращение, но уже в качестве *денежного капитала*. (Возможно также, что действительно добавочные золото и серебро или банкноты *превращают* определенную часть прибавочной стоимости *в деньги*.) Единственный пункт, на который в настоящее время следует обратить внимание, это — функция одних и тех же денег в процессе обращения, выступающих попеременно, сначала в качестве *денежного капитала*, а затем опять в качестве *денег*, или простого средства обращения.

Другая часть прибавочной стоимости *расходуется как доход* капиталистом, до сих пор представляющим нам всех своих собратьев, которые вместе с ним растрачивают эту прибавочную стоимость, или вместе с которыми он позднее должен ее делить. Эта часть не превращается обратно в капитал и не входит в обращение этого капитала. Если мы возьмем этот исходный пункт,

Т — Д — Т', то это есть простое товарное обращение, а именно, определенная доля *товарной массы,* представляющая собой предназначенную для потребления часть прибавочной стоимости и превращающуюся в деньги для того, чтобы на эти деньги были куплены жизненные средства. Деньги функционируют здесь только как *монета,* средство обращения, и входят в общее обращение после того, как они все же до этого послужили тому, чтобы придать *товарному капиталу* (который чреват прибавочной стоимостью) его денежную форму. (Например, фабрикант продает на 1 000 ф. ст. пряжи, из которых 100 ф. ст. есть прибавочная стоимость, а из этих 100, скажем, 50 ф. ст. расходуются как доход. На эти 1 000 ф. ст. он получает чек и передает его своему собственному банкиру. Из банка он изымает 50 ф. ст. в соверенах или в пятифунтовых банкнотах на свои личные расходы. Это не та же самая *категория денег,* которая должна выполнять обе функции.) Известная часть денег, в которых представляется товарный капитал после его продажи, расходуется в форме монеты на то, чтобы купить жизненные средства. Как авансированный капитал лишь постепенно увеличивает свою стоимость, так и та часть прибавочной стоимости, которая должна быть израсходована в качестве дохода, постепенно изымается и расходуется, а часть, необходимая для ее превращения в деньги, постоянно изымается из обращения и постоянно мало-помалу бросается в него обратно. Там, где оборот капитала продолжается длительное время, например, свыше года, там этот доход авансируется заранее, так как нужно питаться. Таким образом, в обращение бросается также и та часть капитала, которая превращает доход в деньги.

Однако мы еще не закончили с этой формой *Т' — Д — Т,* поскольку она для капитала *А,* который мы здесь рассматриваем в качестве примера, есть всего лишь расходование части его товаров на личное потребление и *Д* представляет здесь поэтому только монету, или обращается как таковая. Это *Д* способствует одновременно тому, чтобы придать денежную форму второму *Т,* жизненным средствам, из которых состоит товарный капитал капиталиста *В*. Продавать жизненные средства непосредственно потребителю должен розничный торговец. Монета извлекается им, следовательно, из обращения в качестве денежной формы его капитала. Простую разменную монету, которую он получает, мы можем предположить, он постоянно таким же образом расходует, или постоянно получает от публики в качестве средства размена и возвращает в виде сдачи с соверенов и т. д. Монеты, по мере их поступления, он отправляет банкиру, а когда он сам должен производить значительные

платежи, то выписывает чек на своего банкира, который платит опять-таки чеком или банкнотами. Однако те же самые монеты изымаются у того же банкира индивидами, чьи деньги, которыми они реализуют свой доход, лежат у банкира, и таким образом эти монеты снова бросаются в обращение и снова возвращаются к розничному торговцу.

[41] 2) ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ

Процесс обращения *товарного капитала* — *Т'* — *Д* — *Т* — протекает во *времени* и *пространстве*.

Обращение в *пространстве* сводится к транспортировке товаров, идет ли речь о том, что произведенный товар транспортируется для продажи на рынок, или же о том, что он покупается на месте своего производства, чтобы войти в процесс воспроизводства. С одной стороны, *транспортная индустрия* составляет собственную отрасль производства, а примененный в этой отрасли капитал — одно из крупных подразделений производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается от прочих отраслей промышленности тем, что является продолжением (определенного) процесса производства *в пределах* процесса обращения и *для* процесса обращения. С этой точки зрения она играет определенную роль в *издержках обращения*. (См. § 4 этой главы.)

Здесь нам надлежит рассмотреть прежде всего *абстрактный* момент, необходимо вытекающий из метаморфоза товара, и поскольку *это последовательное прохождение* различных фаз (которые продолжаются в течение большего или меньшего времени, как, например, переход товара из одних рук в другие) имеет, как и любое движение, своей мерой время, то мы измеряем это движение *количественно*.

Пространственный момент, перемещение, которое является физическим условием этого процесса, сводится с этой точки зрения просто к *временному* моменту. Отдаленность рынков, отделение места продажи товара от места его производства важны здесь лишь постольку, поскольку тем самым затрачивается и определяется *время*, в течение которого продолжается одна из различных стадий. Пространственное определение выступает здесь само в качестве *определения временного*, в качестве момента *времени обращения*, и только с этой точки зрения нужно будет в этом разделе принимать его во внимание.

Время, которое требуется товарному капиталу для того, чтобы совершить *Т'* — *Д* — *Т*, чтобы быть проданным, превратиться в деньги, а из денег снова превратиться в условия своего

воспроизводства, в факторы своего производства, мы называем его *временем обращения*. Оно, очевидно, заключено в пределах собственно сферы обращения, сферы, в которой капитал функционирует в качестве товарного капитала и денежного капитала.

Если мы будем исходить из формы обращения *Д — Т — Д* или также из формы *П — Обр. — П,* из денег или из процесса производства (лучше — из последнего, так как здесь $\overset{1)}{П}$ — *Т'* — $\overset{2)}{Д}$ — *Т — П* и деньги в обеих фазах процесса обращения не разделены процессом производства, как в первой форме) и если мы предположим далее, что весь капитал выходит из процесса сразу же как товарный капитал, что он превращен в товарный капитал во всей своей совокупности, — это предположение *действительно* для той его части, которая выходит из процесса в качестве товарного капитала; наше предположение, следовательно, состоит в том, что мы ради упрощения абстрагируемся от остальной части, — то процесс воспроизводства, который снова выражает функции капитала как производительного капитала, зависит, очевидно, от *большей или меньшей продолжительности времени обращения,* которое, со своей стороны, само является лишь абстрактной мерой большей или меньшей скорости, с которой совершается совокупный метаморфоз товарного капитала, а потому и его переход из одной фазы в другую.

Но так как капитал только в процессе производства создает стоимость и увеличивает свою стоимость, производит прибавочную стоимость, то *время обращения,* измеряющее продолжительность его пребывания в сфере обращения на рынке, а потому и продолжительность его *непребывания* в сфере производства, измеряет и перерыв процесса производства, время, в течение которого он ни стоимости не создает, ни прибавочной стоимости не производит.

[41] Здесь обнаруживается то же самое явление, что и при накоплении (прежде всего, накоплении в форме денежного капитала). Та же самая масса средств обращения постоянно застывает и постоянно собирается, концентрируется и извлекается из обращения в форме *денежного капитала* и постоянно разделяется и бросается обратно в обращение в форме денег, средств обращения. Различные формы этих средств обращения, такие как монета, банкноты, банкноты различных наименований и т. д., в зависимости от сферы, в которой они обращаются, относятся к исследованию *кредитного дела.*

Здесь необходимо сделать только следующее замечание общего характера.

Так как для капиталистического способа производства характерно то, что весь продукт производится в форме товара, реализуется как товарный капитал и затем опять должен возмещаться другими товарными капиталами, то образуется естественное переплетение метаморфозов капитала, как его формальных, так и реальных метаморфозов; а отсюда и *развитие денег в качестве средства платежа,* образующее естественный базис для развития кредитной системы и кредитных денег в различных их формах. Мы рассматриваем здесь, однако, деньги исключительно 1) как металлические деньги и 2) преимущественно в их функции не как *средства платежа,* а как *покупательного средства.* И рассматриваем их именно так, во-первых, потому что развитие кредитной системы не входит в область нашего исследования, а скорее, это наше исследование является предпосылкой исследования развития кредитной системы; во-вторых, потому что при рассмотрении самого кредитного дела чисто металлическое обращение должно всегда служить в качестве базиса, следовательно, должно быть предварительно представлено в его чистом виде.

При рассмотрении простого обращения скорость обращения рассматривалась как момент, *причины* которого не могли быть выведены из самого простого денежного обращения. Теперь обнаруживается, что она обусловливается скоростью метаморфозов капитала или скоростью процесса его воспроизводства в целом.

В заключение следует сделать еще одно замечание.

Д — Т — Д, общая форма капитала, представляет денежную форму капитала как исходный и конечный пункт. Но, в отличие от образования сокровищ, нефункционирующие деньги здесь всегда представляют собой праздно лежащий капитал, а капитал постоянно так же усердно стремится принять денежную форму, как усердно стремится он снова ее сбросить.

[42] Наиболее отчетливо это проявляется в форме *П — Обр. — П.*

В процессе своего прохождения через товарные метаморфозы — а *время обращения* измеряет только *продолжительность* этого прохождения — товарный капитал превращается из одной *формы* стоимости в другую, без изменения своей *стоимостной величины.* Выраженная в совокупной цене товарного капитала сумма стоимости превращается в деньги, в ту же самую денежную сумму, которая уже выражена в его цене идеально; эта денежная сумма превращается, в свою очередь, в другой *товарный капитал* и реализует ту денежную сумму, которая в качестве *цены* выражает стоимость этого товарного капитала. Таким

образом, здесь имеет место *изменение формы. Одна и та же* стоимость представляется попеременно как товар, как деньги и снова как товар. Здесь не происходит никакого созидания стоимости.

Время обращения, далекое от того, чтобы быть временем, производящим стоимость, каким является рабочее время, есть поэтому, напротив, *отрезок времени,* в течение которого *прекращается,* прерывается созидание стоимости и самовозрастание стоимости капитала.

Возьмем капитал в 500 ф. ст., из которых 100 ф. ст. — переменный капитал, а норма прибавочной стоимости равна 100%; для превращения в продукт требуется один месяц. Продукт в таком случае равен 600 ф. ст. Это, например, 20 000 фунтов пряжи, если фунт пряжи стоит 12 шиллингов. Этот продукт поступает на рынок как товарный капитал в 20 000 фунтов пряжи ценой в 600 ф. ст. Предположим, что пройдет три месяца, прежде чем он будет продан и снова превратится в условия своего производства. Это будет означать, что за четыре месяца капитал произвел 600 ф. ст. стоимости и 100 ф. ст. прибавочной стоимости, а это было бы равнозначно тому, что в месяц он производил бы всего лишь 25 ф. ст. прибавочной стоимости, и всего только 150 ф. ст. стоимости. Если бы время обращения длилось только два месяца, тогда тот же самый капитал произвел бы за три месяца 600 ф. ст. стоимости и 100 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно, за один месяц — 200 ф. ст. стоимости и $33^1/_3$ ф. ст. прибавочной стоимости; если бы время обращения продолжалось всего лишь один месяц, тогда за два месяца было бы создано 600 ф. ст. стоимости и 100 ф. ст. прибавочной стоимости, а за один месяц — 300 ф. ст. стоимости и 100 ф. ст. прибавочной стоимости, следовательно, вдвое больше, чем при первой предпосылке, потому что время обращения было бы вдвое короче. То же самое, что сказано здесь в отношении стоимости, относится и к потребительной стоимости, к массе продукта и прибавочного продукта, например, к массе пряжи, произведенной в течение одного месяца.

Время обращения капитала, или продолжительность периода, в течение которого капитал совершает свои метаморфозы как товарный капитал, представляется, следовательно, как время созидания его стоимости и время, определяющее степень его самовозрастания, или производства прибавочной стоимости. Время обращения выступает как определяющий момент наряду с рабочим временем.

Однако в течение его пребывания в сфере обращения, пребывания, измеряемого временем его обращения, капитал не

эксплуатирует рабочего, вообще не находится ни в каком отношении к нему как к рабочему, — самое большее: он находится в отношении к нему, как покупатель к продавцу, вообще обменивается только с другими капиталами, или, если товар входит в потребление, он имеет дело только с покупателями и продавцами товаров, собственно говоря, только с владельцами денег. Вообще его движение в сфере обращения представляет собой опосредствованное рядом обменов и актов обращения *превращение* его формы, выступает, следовательно, как характерное, присущее ему как капиталу, денежному капиталу или товарному, движение, или функция, которое осуществляется вне сферы эксплуатации труда, вне его собственной формы существования в качестве производительного капитала. Отсюда *видимость,* что созидание стоимости и прибавочной стоимости — именно потому, что оно определяется временем обращения — возникает еще из других, присущих ему как денежному или товарному капиталу, загадочных, скрытых свойств, не имеющих ничего общего с количеством эксплуатируемого им труда, или с присвоением неоплаченного труда, вообще не признающих в качестве своей меры *рабочее время.* Позже мы увидим, как эта видимость ввела в заблуждение не только «плебс», но и лучших экономистов.

В действительности, однако, если бы время обращения было равно нулю, так что капитал совершал бы свои метаморфозы только в воображении, без затраты на них времени, так что его функция в процессе производства во всем его объеме была бы непрерывной (а при определенных обстоятельствах, например, при работе на заказ и т. д. время обращения может быть равно нулю), капитал достиг бы максимума в созидании стоимости и в самовозрастании. Если бы, наоборот, время обращения было равно бесконечности, то созидание стоимости и самовозрастание были бы равны нулю.

Время обращения, следовательно, воздействует лишь отрицательным образом на созидание стоимости и самовозрастание стоимости капитала, между тем как *рабочее время* воздействует *положительно. Время обращения* воздействует на рабочее время как *граница.* Если время обращения равно нулю, то этой границы не существует. Она расширяется в той же степени, в какой *время обращения* увеличивается, возрастает, [43] становится больше нуля.

Таким образом, время обращения действует лишь как перерыв процесса производства. Если все время, в течение которого обращается капитал, равно *П*, *П′* (время производства, рабочее время) плюс *Обр*. (время обращения), то *П*

минус *Обр.* составит время образования стоимости за весь оборот.

Образование стоимости капитала есть функция его времени обращения (слово «функция» здесь — в математическом смысле). Однако в той мере, в какой время обращения приобретает положительное приращение, образование стоимости приобретает отрицательное приращение. Одно уменьшается в той мере, в какой другое увеличивается, как это происходит с абсциссой и ординатой в определенных кривых.

Если, как в нашем предположении, совокупный капитал выходит из процесса производства сразу как товарный капитал, то возрастание стоимости увеличивается или уменьшается, очевидно, *обратно пропорционально* времени обращения и прямо пропорционально рабочему времени. Если *одна* часть капитала находится в сфере производства, в то время как другая находится в сфере обращения, то *величина* капитала, *находящегося в процессе увеличения стоимости,* а потому и степень увеличения стоимости, возрастает или уменьшается *обратно пропорционально* времени обращения.

Обстоятельства, удлиняющие или сокращающие время обращения, позднее будут рассмотрены более обстоятельно.

Пока ясно, однако, prima facie * следующее.

При всех прочих равных условиях три обстоятельства должны оказывать влияние на относительную величину времени обращения.

1) Реальная пространственная протяженность, которую товарный капитал должен преодолеть в обеих своих фазах, или отдаленность рынков от места производства, в более общем выражении — периферия рынка; возможно, что рынок представляется как масса окружностей или дуг, радиус которых, если центром считать место производства, постоянно увеличивается, так что, например, рынок может начинаться совсем по соседству и заканчиваться в самой отдаленной точке мирового рынка.

2) Относительная величина затраченного капитала и поэтому — произведенной им товарной массы. Так как ясно, что при всех прочих равных условиях, для того чтобы превратить большее количество товаров в деньги, а деньги в товары, требуется больше актов купли и продажи, чем для такого же превращения меньшего количества товаров. Эти акты могут происходить, правда, *одновременно,* пространственно рядом друг с другом, однако больше шансов на то, что они будут происходить

* — прежде всего. *Ред.*

последовательно, значит с большей затратой времени в одном случае и меньшей — в другом случае.

3) Связанная с естественными условиями *периодичность процесса производства* и относительная *продолжительность постоянных различий* этой периодичности, т. е. промежутка времени, разделяющего отдельные периоды.

Два первых пункта являются само собой разумеющимися. Что касается последнего, то в качестве примера возьмем земледелие, где, скажем, между посевом и жатвой проходит год. Новое обращение товарного капитала, например, пшеницы или овса, может, следовательно, начаться снова только через год. С другой стороны, период обращения товара, пшеницы или овса, продолжается дольше, чем целый год. Здесь товарный капитал лишь постепенно вливается в резервуары обращения, и его выход из этих резервуаров и переход в потребление или воспроизводство (при продаже, например) продолжается более года. Он покидает эти резервуары лишь небольшими частями. Поэтому *до* капиталистического способа производства, когда более или менее развилось товарное или денежное обращение, крестьянин-земледелец был вынужден продавать по крайней мере часть своего продукта, чтобы покупать другие товары и платить налоги, земледелие стало добычей *купеческого капитала,* а еще больше — *ростовщического капитала;* отсюда относительно бо̀льшая зависимость сельского производства по сравнению с городским [a]. Отсюда быстрое развитие долгового рабства у земледельческих народов, мелких крестьян в противоположность более крупной земельной собственности, как это было в Древнем Риме и в Германии во времена Карла Великого.

[44] Так как капиталистическое производство по мере своего развития *расширяет рынок,* а потому и периферию рынка, его удаленность от места производства как центра, прогрессивно увеличивает его радиус, и следовательно, удлиняет *время обращения,* то имманентное капиталу стремление к возрастанию, совершенно не говоря уже об имманентном ему законе удешевления товаров, реагирует на это развитием *средств транспорта* и *связи,* созданием этих реальных условий не только для расширения рынка, но и для сокращения *времени,* в течение которого товар проходит через рынок, а тем самым и для сокращения времени обращения. С другой стороны, *кредитное дело,* имеющее отношение также и к двум другим пунктам и необходимо вырастающее из капиталистического производства, выступает в каче-

---

[a] *Th. Corbet.* [An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals. London, 1841, p. 135].

стве средства сокращения времени обращения и поддержания непрерывности всего процесса воспроизводства.

Абстрагируясь от этих общих обстоятельств, определяющих продолжительность времени обращения, эта продолжительность зависит, при всех прочих равных условиях, очевидно, от колебания *рыночных отношений,* которые воздействуют на куплю и продажу товаров, то ускоряя их, то сдерживая. Одно и то же капиталовложение, с одним и тем же средним временем обращения, может оказаться более производительным или менее производительным по стоимости и прибавочной стоимости, а также по продукту и прибавочному продукту, в зависимости от существующей в каждый данный момент и колеблющейся рыночной конъюнктуры. Поэтому она, если рассматривать ее эффект, оказывает воздействие не как постоянная, а как переменная сила [a].

Время как таковое действует разрушающим образом (составляющая исключение земля относится к отделу о ренте, кредитные бумаги — вовсе не относятся сюда) на *потребительную стоимость* товаров и потому на их меновую стоимость. Так, не говоря уже о большем или меньшем ограничении рабочего времени временем обращения, последнее оказывает влияние не только на увеличение стоимости, но и на *сохранение стоимости* авансированного капитала. (Мы оставляем в стороне то, что он подвергается еще большему воздействию случайностей.)

Далее, чем продолжительнее время обращения, пребывание товарного капитала на рынке, тем больше шанс на сокращение времени производства товара, и следовательно, также на уменьшение *стоимости* уже обращающихся на рынке товаров, их обесценения. (Конечно, возможно и противоположное, и следовательно, возможно вытекающее отсюда повышение цен. Отсюда — спекуляция. Однако это верно лишь в целом, не принимая в расчет колебаний рыночных цен вследствие меняющихся отношений спроса и предложения, например, на сырье, в особенности, на земледельческие продукты.)

Что касается времени обращения, то необходимо исследовать еще только один вопрос. Так как обращение распадается на две фазы: *Т — Д* и *Д — Т*, то относится ли специфически отличительное к обеим этим фазам?

Во-первых. При рассмотрении простого товарного метаморфоза обнаружилось, что трудность заключается в продаже, а не в купле, ибо после осуществления первого акта товар в его

---

[a] *S. Bailey.* [A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value. London, 1825, p. 63, 64, 66].

денежной форме обладает абсолютной способностью обмениваться на все другие товары, в то время как первая сделка зависит от потребительной стоимости товара и т. д. В общем это действительно также и в отношении товарного капитала, так что время его обращения определяется главным образом посредством *Т′ — Д*. Исключения, имеющие место здесь и задерживающие обратное превращение денежного капитала в товарный капитал, в условия его существования, относятся к исследованию реальных сторон воспроизводства, но не сюда.

Здесь следует сделать лишь то общее замечание, что развитие мирового рынка, которое идет в ногу с развитием капиталистического производства, если рассматривать отдельные капиталовложения и даже капиталовложения целой страны, оказывает воздействие на *Т′ — Д* и *Д — Т* в *противоположном* направлении.

[45] С одной стороны, правда, развитие средств транспорта и связи сокращает рыночные расстояния, однако, с другой стороны, с развитием капиталистического производства не только увеличивается абсолютная протяженность сокращаемых расстояний, но постоянно возрастающая часть совокупного товарного капитала — в той мере, в какой капитал реально все более и более подчиняет себе все сферы производства и поэтому производит все товары во все большем и все возрастающем масштабе — входит в обращение мирового рынка и должна доставляться на более отдаленные рынки, чтобы превратиться в деньги. Тем самым развитие мирового рынка воздействует на *удлинение времени обращения* в фазе *Т′ — Д*.

С другой стороны, то же самое развитие мирового рынка, рассматриваемое с точки зрения производящей страны, имеет место не только по отношению к стране (чему, впрочем, способствуют в международном масштабе продавцы, стремящиеся, в свою очередь, непосредственно обеспечить получение прибылей в форме, пригодной для новой наживы), в которую из все более многочисленных и разнообразных источников направляются *товары* для продажи, а следовательно, также и средства для обратного превращения *Д* в такие товары, в которых нуждается товарный капитал для своего воспроизводства. Особенности климата, времен года, периодичности производства, специфика взаимозаменяемых продуктов смешиваются и стираются благодаря этой растущей разносторонности источников получения товаров. Те же самые причины, которые таким образом удлиняют время обращения в акте *Т′ — Д*, сокращают это время в акте *Д — Т*, т. е. время для обратного превращения денег в материальные факторы процесса воспроизводства.

Поэтому (смотри далее нижеследующее изложение) в странах с развитым капиталистическим способом производства легче осуществить новое капиталовложение, чем прибыльно использовать старый капитал.

Во-вторых. Д в акте *Д — Т* могут быть прибавочной стоимостью, превращаемой в капитал, стало быть, деньгами, которые вновь должны быть превращены в капитал (или также старый капитал, который должен быть вложен в какую-то другую, новую для него или абсолютно новую сферу производства). Если абстрагироваться от упомянутого только что обстоятельства, то для этого потребуются строения, возможно, также машины и т. д., которых нет налицо в готовом виде, но которые необходимо заказывать. Чем развитее капиталистическое производство, чем значительнее, чем больше производительная сила труда, чем больше уже произведенные производительные силы и чем больше, наконец, постоянно имеющееся под рукой, могущее впасть в подчинение избыточное население, — а все это есть лишь выражения степени развития капиталистического производства, — тем скорее могут быть выполнены такие заказы, тем быстрее, следовательно, деньги могут быть обратно превращены в условия производства, которые еще только надлежит создать. Тем короче, следовательно, акт *Д — Т,* или та часть времени обращения, то время, которое необходимо капиталу для того, чтобы превратиться из формы денежного капитала в форму товарного капитала.

[46] 3) ВРЕМЯ ПРОИЗВОДСТВА

Кроме *времени обращения,* в течение которого капитал в качестве товарного капитала совершает свои метаморфозы на рынке, ему требуется известное время для того, чтобы превратиться в *товарный капитал;* иначе говоря, с целью этого *превращения,* он задерживается на известное время в процессе производства, в непосредственной сфере производства. Сумма времени производства и времени обращения, очевидно, равна общему времени, которое необходимо капиталу для того, чтобы снова начать процесс воспроизводства, *Д — Т — Д* или *П — Обр. — П,* чтобы возобновить процесс производства. Это — общее время, в течение которого он проделывает путь от исходного пункта в определенной форме (будь то *Д*, *Т*, *П* или *Т'*) к пункту возвращения в той же самой форме. Весь процесс воспроизводства капитала, в котором период между производством и воспроизводством, другими словами, в котором периодичность производства измеряется суммой времени его произ-

водства плюс время его обращения, называется *оборотом капитала.* Таким образом, оборот капитала есть процесс воспроизводства капитала, определяемый как *периодический процесс.*

Время производства капитала никоим образом не совпадает для всех капиталов с *рабочим временем* купленной капиталом рабочей силы. Если оставить в стороне случайные нарушения процесса производства и его обычные перерывы (как, например, дни отдыха), то *рабочее время* не является непрерывным, или рабочее время не является непрерывным *в одном и том же объеме* во всех сферах производства. Перерывы имеют место там, где продукт, прежде чем он готов или после того как он готов в основном, должен подвергнуться воздействию естественных процессов, так что человеческий труд при этом участвует лишь в незначительной степени или вовсе не участвует. Например, в земледелии — семена, когда они посеяны; бродильные процессы при изготовлении вина; химические процессы при белении, дублении и т. д. Прогресс капиталистического производства состоит здесь в том, что либо эти процессы сокращаются, либо — там, где это по природе вещей невозможно, как например, в собственно земледелии — труд, или часть его, распределяется по всем сферам производства по возможности одновременно в течение всего периода производства [a], так что различные части процесса производства осуществляются в различные промежутки времени, и таким образом, непрерывность достигается посредством чередования.

Период оборота, измеряемый, естественно, суммой времени производства и времени обращения, равен времени воспроизводства, времени между его началом и его концом, независимо от того, будем ли мы рассматривать в качестве исходного пункта *Д*, *Т*, *П* или *Т'*. Здесь удобнее иметь в виду лишь следующие две формы: *Д — Т — Д* и *П — Обр. — П*. Однако относительная величина самого оборота требует, в свою очередь, другой меры. Мы видели, что при определении рабочего времени нам в качестве естественной меры времени служил *рабочий день*. Для исчисления оборотов капитала в качестве такого естественного масштаба представляется *год,* потому что год суть естественное время воспроизводства важнейших жизненных средств и продуктов земледелия, материального базиса всего производства, по крайней мере в условиях умеренного климата, следовательно, на родине капиталистического производства. О капитале, периоды воспроизводства которого повторяются несколько раз в течение года, мы поэтому говорим, что он

---

[a] *«Economist». Morton* (В отношении земледелия) [78].

совершает столько-то оборотов за год; о капитале же, периоды воспроизводства которого продолжаются более года, — что он оборачивается в течение стольких-то лет и частей года или что такая-то его часть оборачивается в течение *одного* года[b)].

Если мы рассмотрим форму воспроизводства *П — Обр. — П* или, что то же самое, $\overset{1)}{П} — Т' — \overset{2)}{Д} — Т — \overset{3)}{П}$, то увидим ту особенность, что [47] при данном времени производства капитала скорость его оборота зависит от времени обращения и при данном времени обращения, скорость его оборота зависит от времени производства.

Что касается времени производства и времени обращения, то необходимо предварительно заметить следующее. *Время обращения* лимитируется *потребительной стоимостью* товара, которая обусловливает его *долговечность*. Товары могут иметь больший или меньший максимум времени обращения (здесь, следовательно, имеется в виду время, в течение которого они находятся на рынке, в стадии *Т — Д*, до их продажи, т. е. пока функционируют в качестве *товаров*) в зависимости от того, какое время, продолжительное или короткое, они сохраняют свои свойства как потребительные стоимости, быстро или медленно они портятся; чтобы вообще оставаться *потребительной стоимостью,* они должны быстрее или медленнее входить в потребление. Производство товаров, в котором по природе вещей потребление в большей или меньшей степени должно непосредственно следовать сразу же за производством, и стало быть, превращение *Т'* в *Д* должно происходить быстро, чтобы *Т'* не потеряло вместе со своей потребительной стоимостью также и свою стоимость, такое производство может только тогда осуществляться в крупном масштабе, реально подчиняться капиталу, когда непосредственный рынок, рынок поблизости от места производства (его радиус благодаря развитию средств транспорта и связи может быть в большей или меньшей степени продлен) будет достаточно большим вследствие скопления населения и т. д. (Относительно больших размеров этот рынок может достигнуть, если, например, один-единственный капиталист монополизирует все снабжение и т. д.) Тем не менее общим законом, подтвержденным условиями самих исключений, остается то, что чем продолжительнее максимум *возможного* времени обращения какого-либо товара, — т. е. долговечность продукта в качестве товара на рынке, — тем более он пригоден для капиталистического способа производства, для производства в крупном масштабе и т. д.

---

b) «An Inquiry into those Principles etc.» [76].

Время производства, поскольку оно отличается от рабочего времени, перерывы в *процессе труда* делают товар тем более неподходящим для специфически капиталистического способа производства, для способа производства в крупном масштабе, чем менее закономерна, нормальна его продолжительность и чем меньше наступающие и нормально прерывающиеся естественные процессы поддаются предварительному точному учету, а их действие является гарантированным, регулярным. Это явилось одной из причин, в силу которых, например, хлебопечение все еще изъято из сферы собственно капиталистического способа производства.

Производство может быть непрерывным, т. е. часть капитала может непрерывно находиться в фазе производства, и поскольку определенная фаза производства равна определенному периоду производства, то может иметь место непрерывность этого периода производства или воспроизводства без непрерывности процесса труда, без непрерывности в процессе производства, или без того, чтобы непрерывность процесса производства необходимо включала в себя непрерывность процесса труда или непрерывность процесса труда в том же объеме. Процесс труда может прерываться совершенно, или же может уменьшаться его объем, т. е. в одной фазе процесса производства может быть потреблено и приведено в действие значительно меньшее количество рабочей силы, чем в другой.

Поскольку время производства *отличается* от рабочего времени, оно идентично с *прекращением рабочего времени,* с его остановкой, его перерывом. Ибо, если процесс труда не совсем прерван, а только уменьшается количество примененного труда, то это есть *абсолютное прекращение рабочего времени* для декремента, т. е. для известного количества труда, которое прекращается, или для разницы между объемом процесса труда в одной фазе и в другой. Разница между временем производства и рабочим временем сводится, таким образом, всегда или к 1) абсолютному прекращению процесса труда, или 2) к сокращению [48] объема процесса труда, следовательно, в обоих случаях — к *перерыву процесса труда,* к сокращению в большем или меньшем объеме рабочего времени.

Поэтому ясно, что в отличие от рабочего времени *время производства,* — а оно равно рабочему времени + нерабочее время (там, где нерабочее время равно нулю, там нет никакого перерыва и тогда время производства равно рабочему времени + 0, т. е. равно рабочему времени, следовательно, обе категории совпадают, являются идентичными), — не производит стоимости или прибавочной стоимости точно так же, как и *время*

обращения капитала. Это содержится в предпосылке. Если время производства и рабочее время идентичны, то не существует времени производства, отличного от рабочего времени. Если же определенная часть времени производства становится самостоятельной, обособляется от рабочего времени, то она равна нерабочему времени, равна времени, в течение которого производимый товар, а следовательно, и определенная часть производительного капитала, производящего товар, *продолжает* находиться *в процессе производства,* стало быть, неспособна оставить его, не может быть брошена на рынок в качестве готового продукта, в качестве готовой потребительной стоимости и, следовательно, в качестве товара, без того чтобы к ней был дополнительно присоединен человеческий труд, без того чтобы она прошла процесс труда. Поскольку, однако, стоимость есть не что иное, как *овеществленный труд,* измеряемый временем, в течение которого этот труд продолжается, а *прибавочная стоимость* есть не что иное, как неоплаченная часть этого овеществленного труда, то *время производства,* в отличие от рабочего времени, точно так же не может создавать стоимость или прибавочную стоимость, как и *время обращения.* Следовательно, всякое возможное сокращение этого времени производства приумножает процесс увеличения стоимости точно в такой же мере, как и сокращение времени обращения. В этом отношении необходимо отличать *сокращение времени производства* при производстве какого-либо продукта от *сокращения рабочего времени.* Последнее предполагает, что применяются определенные средства для того, чтобы *одно и то же* рабочее время овеществить в большем количестве продукта, или чтобы израсходовать меньше рабочего времени для производства того же количества продукта. *Сокращение времени производства* в первом случае предполагает, что сокращается перерыв рабочего времени, процесса труда и поэтому *увеличивается* количество труда, эксплуатируемого капиталом в данный промежуток времени.

Общим для того и для другого, для *времени обращения* и *времени производства* как такового, является то, что они не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости, следовательно, лимитируют процесс самовозрастания капитала, воздействуют на этот процесс в качестве ограничителя. Однако, с другой стороны, между ними существует значительное различие. Чтобы стать *продуктом,* чтобы в качестве потребительной стоимости найти свое определенное полезное применение, продукт должен пройти время производства. Например, семена не прорастут, если им не дать пролежать какое-то время в земле и не предоставить их воздействию сил природы; вино должно пройти

процесс брожения, и, чтобы приобрести известные качества, оно должно затем выдерживаться и т. д. Вновь построенный дом, например, требует известного времени для того, чтобы просохнуть и, таким образом, стать пригодным для жилья.

Время производства, в отличие от рабочего времени, есть, следовательно, имманентный момент в производстве потребительной стоимости товара. Процесс производства продолжается, но как естественный процесс, при котором участие человеческого труда прекращается. *Процесс же обращения,* наоборот, имеет дело только с *формой меновой стоимости* товара. Поскольку процесс обращения есть время, необходимое для продажи товара, для превращения его в деньги, то это очевидно само собой. Поскольку процесс обращения это — и акт *Д — Т,* то он также является формальным, так как

1) рассматриваемый с точки зрения *Т,* этот акт = *Т — Д,*

2) однако, хотя здесь происходит реальный обмен веществ, а в отношении первоначального *Т'* — реальный метаморфоз, а именно, его превращение в условия его производства, в факторы процесса труда, товар *Т,* представляющий как раз эти условия производства, имеется точно так же налицо (или фаза закончена лишь тогда, когда он имеется налицо), как и *Д.* Это — простой обмен товарных стоимостей, имеющихся налицо в различной форме, на одной стороне — в качестве денег, на другой — в качестве товара.

[49] *Время производства* в отличие от *рабочего времени* порождает ту же самую мистификацию в отношении «окультных» качеств капитала, что и *время обращения.* И то и другое — необходимые и имманентные факторы капиталистического процесса производства. И то и другое воздействует на самовозрастание капитала, однако *отрицательным образом,* в качестве ограничителей этого самовозрастания. Сами эти границы при поверхностном рассмотрении выступают — поскольку всякое determinatio negatio *, а следовательно, и всякое negatio determinatio ** — как факторы, воздействующие положительно; а капитал таким образом — как самостоятельный, независимый от эксплуатации труда источник стоимости и прибавочной стоимости. При рассмотрении времени производства создается иллюзия, будто этот источник возникает из свойств, присущих материальным факторам капитала, присущих им, например, как семенам и т. д., присущих им постольку, поскольку они входят в процесс производства в качестве вещей, *естественных*

---

* — ограничение есть отрицание. *Ред.*
** — отрицание есть ограничение. *Ред.*

процессов; в то время как при рассмотрении времени обращения созидание стоимости, кажется, проистекает из обращения, из самого процесса обмена, следовательно, из *изменения формы,* которому подвергается стоимость. (Эта *видимость* усиливается именно потому, что в *процессах производства,* предполагающих образование общей нормы прибыли, упомянутые выше границы самовозрастания капитала фигурируют в качестве *основ* исчисления прибыли и т. д. для капиталов в *отдельных* сферах производства.)

Если благодаря изобретениям, научным методам, применению химии и т. д. (например, при химической отбелке вместо обычной) увеличивается непрерывность процесса труда, т. е. устраняются, или по крайней мере сокращаются перерывы процесса труда во время производства товара, то тем самым, при прочих неизменных условиях, сокращается [a] *время оборота* (равное времени производства + время обращения) и тем самым за тот же промежуток времени увеличивается как масса продукта, так и стоимость. Производительность труда, следовательно, увеличивается двояким способом:

1) посредством (возьмем в качестве примера хлебопечение) того же самого присоединяемого живого труда доставляется большее количество продукта;

2) к одному и тому же количеству продукта присоединяется меньшее количество труда, *овеществленного* в составных частях *постоянного* капитала.

В отношении последнего пункта добавим еще несколько слов.

---

[a] Возникает вопрос, не следует ли весь этот § 3 первой главы посвятить просто рассмотрению *времени производства,* так же как § 2 посвящен рассмотрению времени обращения? Не следует ли изложение построить так, чтобы глава II, которая и так уже называется *«Оборот капитала»,* содержала бы все об этой определенной форме его *обращения,* а *глава I,* которая также называется *«Обращение капитала»,* была бы ограничена анализом лишь общих его моментов? *Это представляется наилучшим решением.*

Определения, на которых следовало бы остановить выбор (речь идет здесь, как и везде, об установлении категорий), следующие.

Время обращения равно *времени циркуляции,* или точнее, времени, которого требует процесс *Т — Д — Т*, метаморфоз товарного капитала на рынке.

Время производства равно времени, в течение которого определенное количество капитала находится в процессе производства для того, чтобы превратиться в продукт, и притом в продукт для продажи, точнее, чтобы превратиться в готовый продукт и удалиться из процесса производства.

Время оборота — сумма времени производства и времени обращения, т. е. время, необходимое определенному количеству капитала для совершения и, следовательно, для повторения процесса производства, оно равно периоду между двумя процессами воспроизводства, двумя повторениями процесса производства.

Хотя указанное изменение сделать следует, однако предварительно можно уже здесь *(но не позднее,* чем материал будет отправлен *в печать)* дать общий анализ оборота капитала в той мере, в какой этот анализ еще не имеет своей предпосылкой исследование различий между основным и оборотным капиталом и т. д.

Во многих процессах, происходящих при данном способе производства, во время перерыва времени труда, например, при выдерживании вина в бочке, нахождении химических соединений в аппаратах, в которых происходит процесс брожения и т. д., эта необходимая для осуществления процесса составная часть постоянного капитала постепенно изнашивается, в соответствии с заранее произведенным расчетом через определенные промежутки времени передает продукту определенные доли своей стоимости. Если время производства — в отличие от рабочего времени — сокращается, то продукту, произведенному в течение этого времени, передается соответственно меньшая доля этой составной части стоимости. Один и тот же продукт содержит, следовательно, меньше *овеществленного труда*, или производительность труда, овеществленного в этом продукте, возросла.

В силу этого возникает вопрос в отношении процесса увеличения стоимости или скорее в отношении процесса производства, поскольку он является *процессом образования стоимости*. В определенные периоды процесса производства, в течение которых материал и т. д. подвергается воздействию лишь естественного процесса, а собственно процесс труда прекращен (или pro tanto * прекращен не полностью), та часть постоянного капитала, которая не входит в продукт материально или как материальный ингредиент его производства, а функционирует просто как условие этого процесса, как например, строение, бочка, трубы, фильтровальное устройство и т. д., передает продукту, соответственно износу своей потребительной стоимости, известные доли своей меновой стоимости, хотя она сейчас не функционирует в собственно процессе труда в качестве условия (момента). В общем это составляет исключение из положений, развитых ранее. Дело, однако, в следующем: постоянный капитал вообще присоединяет к продукту стоимость только потому, что его собственная потребительная стоимость, а тем самым и его стоимость, потребляется в производстве этого продукта; ее потребление является условием производства продукта. Содержащийся в нем труд есть, следовательно, труд, без присоединения которого не может быть произведен продукт, следовательно, это *необходимый* труд, потребленный в процессе производства продукта и поэтому снова содержащийся в его *стоимости*. Происходит ли это потребление его потребительной стоимости в действительном процессе труда или в перерыве процесса труда, обусловленном самой целью процесса труда

* — соответственно. *Ред.*

и необходимостью воздействия на продукт [50] естественного процесса, ничего не меняет в существе дела, так как в обоих случаях эта часть постоянного капитала потребляется в производстве продукта. Это, однако, является единственным исключением, когда содержащаяся в условиях производства стоимость переносится на продукт, передается ему без прямого вмешательства добавочного человеческого труда.

Помимо того, что *различие* в совокупном *времени производства* может быть вызвано перерывами рабочего времени, отличным от него временем производства, в течение которого равновеликие капиталы пребывают в процессе производства, — причем такие перерывы в одной сфере производства имеют место, а в другой нет, или если они имеют место, то неодинаковой продолжительности, образуют интервалы неодинаковой величины, — такое различие может иметь место даже в том случае, когда время производства для обоих капиталов совпадает с рабочим временем или процесс производства целиком и полностью входит в процесс труда (процесс увеличения стоимости, как мы только что видели, может происходить также и *без* процесса труда), следовательно, даже тогда, когда непрерывность процесса труда не нарушается ни в той, ни в другой системе применения капитала, ни в той, ни в другой отрасли производства.

Это зависит от *неодинаковых периодов процесса труда,* необходимых для его возобновления; или от различных величин рабочего времени, требующихся для того, чтобы произвести известное количество готового продукта в различных отраслях промышленности. Например, один и тот же переменный капитал, который применяет, к примеру, 500 рабочих и равен, скажем, 500 ф. ст. еженедельно, в течение трех месяцев, превратит, например, в производстве пряжи, определенное количество хлопка, угля, машин и т. д. в продукт — пряжу и воспроизведет потребленный им постоянный капитал как товарный капитал. Тот же самый переменный капитал, постоянно обеспечивающий работу 500 рабочим, произведет, например, в строительстве железных дорог, в возведении построек и т. д. только частичный продукт, который для своего завершения нуждается в продолжении процесса труда. Воспроизводство капитала в форме *Т′* может, очевидно, начаться только тогда, когда *Т′* выйдет из процесса производства в качестве его результата. Таким образом у различных капиталов, соответственно природе доставляемых ими определенных товаров, определенных потребительных стоимостей, имеют место *различные периоды,* различная периодичность *процесса воспроизводства,* даже если мы время обращения приравняем к нулю или предположим,

что метаморфоз товара происходит лишь идеально, т. е. что он не требует затраты времени.

На первый взгляд это кажется несущественным, поскольку во внимание принимается *процесс увеличения стоимости*.

Предположим, капитал *I* имеет период воспроизводства в два месяца, капитал *II* — в двенадцать месяцев. Тогда капитал *I*, в котором процесс воспроизводства является непрерывным, должен будет, при данной предпосылке, затратить столько же переменного капитала, сколько и второй. Если издержки за два месяца = 4 000 ф. ст. (на заработную плату), то за двенадцать месяцев они = 24 000 ф. ст. И то же самое имело бы место для капитала *II*, период воспроизводства которого равен двенадцати месяцам.

При одинаковой эксплуатации труда стоимость, воспроизведенная в течение двенадцати месяцев переменным капиталом *II* плюс произведенная прибавочная стоимость, была бы точно такой величины, как и у капитала *I*, и если бы капитал *I* функционировал только в течение своего периода в два месяца, а другой — в течение своего периода в двенадцать месяцев, то воспроизведенная капиталом *II* стоимость (возмещающая затраченную заработную плату) + прибавочная стоимость были бы относительно больше, в соответствии с величиной периодов процесса производства.

Различие следующее. Только тогда, когда продукт готов, может быть реализована его стоимость. Как только она опять превращается в факторы производства, то сначала кажется безразличным — или скорее представляется преимуществом — то обстоятельство, что для капитала *II* необходимость такого обратного превращения возникает лишь через более продолжительные периоды. Однако, что касается прибавочной стоимости, то частично она расходуется как доход, частично может быть использована как фонд накопления и превращена обратно в новый капитал или в добавочную часть старого капитала. Что касается ее расходования как дохода, то ясно, что капитал *II* может его получить из своего продукта только в конце года; он должен, следовательно, авансировать себя в течение всего года, в то время как капитал *I* нуждается в этом лишь в течение двух месяцев. Что касается обратного превращения прибавочной стоимости в капитал или превращения прибавочной стоимости в фонд накопления, то у капитала *II* оно может начаться только после окончания года, а у капитала *I*, напротив, оно представляет собой непрерывный процесс через каждые 2 месяца. В конце первых двух месяцев в капитале *II*, как и в капитале *I*, заключена одна и та же прибавочная стоимость, но в такой

форме, в какой она не может быть применена для эксплуатации нового добавочного труда, т. е. не может быть применена как добавочный капитал.

[51] Кроме того, ту часть своих денег, которую он должен сам себе авансировать как доход, он не может себе авансировать как капитал, и капиталист номер *II* должен быть поэтому богаче, чем капиталист номер *I*, для того чтобы начать свое предприятие. Или он может авансировать как капитал меньшую часть своих денег, потому что бо̀льшую часть он должен авансировать как доход.

Если предположить, что некий человек вместе со своей семьей производит все или бо̀льшую часть необходимых им жизненных средств и средств производства, — как это имело место в значительных масштабах у сельского населения при докапиталистических способах производства, — то само собой очевидно, что для него было чрезвычайно важно, насколько продолжителен процесс труда вплоть до завершения производства различных продуктов, насколько, следовательно, велик период воспроизводства (хотя при этих обстоятельствах несомненно, что, например, построив однажды дом, он наподобие лондонского предпринимателя не начнет строить новые). Это зависит от того, как скоро они станут для него потребительными стоимостями, и только в качестве таковых удовлетворят его потребности. Так как он и его семья должны жить до того, как будут готовы новые продукты, величина необходимого запаса будет зависеть от большей или меньшей продолжительности времени, необходимого для воспроизводства жизненных средств, составляющих запас. С другой стороны, тот же самый человек сможет, в соответствии с более короткой продолжительностью периода, использовать часть готового продукта раньше, будь то для того, чтобы сделать более производительным труд, применявшийся прежде семьей, будь то, если семья, или потомство, не была занята полностью, для того чтобы расширить ее арену труда и тем самым увеличить объем воспроизводства. Как в отношении удовлетворения потребностей семьи, так и в отношении возможности более быстрого развития богатства семьи, большая или меньшая продолжительность периодов воспроизводства различных продуктов будет иметь здесь очень большое значение, и сама семья будет производить продукты с большим периодом производства лишь после того, как она обеспечит себе достаточный запас продуктов неотложной необходимости или, по крайней мере, выделит достаточную часть своего ежедневного и т. д. совокупного труда для выполнения этой задачи как первоочередной.

Я привел эту древнюю иллюстрацию для того, чтобы устранить проблему, которая кажется трудной.

Поскольку, как мы видели, максимум продукта — как по материальной массе, так и по стоимости — получается, если 1) время производства совпадает с рабочим временем, так что непрерывность процесса труда не нарушается; 2) процесс обращения или, точнее, время обращения, необходимое для этого процесса, равно нулю; поскольку, следовательно, непрерывность процесса труда равнозначна максимуму продукта и стоимости, то представляется противоречием то обстоятельство, что менее продолжительной *периодичности* воспроизводства, которая все-таки образует также своего рода регулярно повторяющиеся перерывы или отрезки, должна соответствовать как более продолжительной *периодичности* более значительная производительность капитала. Или кажется, что *время обращения* или пребывания продукта в сфере обращения, все же, конечно, быстрее повторяется при более короткой периодичности производства, как это явствует, например, из формулы $\overset{1)}{Т} — \overset{2)}{П} — \overset{3)}{Обр.} — \overset{4)}{Т}$ или из формулы $\overset{1)}{Д} — \overset{2)}{П} — \overset{3)}{Д}$, и воздействует оно не только отрицательно, ограничивающим образом, но и положительно, созидающим образом. Это пребывание, однако, не имеет ничего общего с присвоением или потреблением чужой рабочей силы. Если даже допустить, к примеру, что более быстрое производство продукта или его прежнее бытие в качестве *потребительной стоимости* является преимуществом с точки зрения удовлетворения потребностей, то здесь все же может показаться, в полную противоположность к ранее развитому положению, что различие в *процессе увеличения стоимости* возникает только из процесса обращения, не из процесса производства.

Наша иллюстрация показывает, однако, что если бы какая-нибудь семья сама производила все свои продукты в *натуральной форме,* для непосредственного натурального потребления, будь то в качестве жизненных средств, или в качестве средств производства, следовательно, если бы она не производила никакого *товара,* если бы не было обмена и тем более ряда обменов, опосредствованных деньгами и дополняющих друг друга в двух противоположных фазах, если бы, следовательно, не имел места метаморфоз товара, а время обращения было бы равно нулю, тогда, как уже показано, более короткой периодичности воспроизводства соответствовало бы не только более быстрое и более гарантированное удовлетворение потребностей, так что семья фактически должна была бы сначала ограничиться производством, имеющим самую короткую периодичность, но

и более быстрое развитие производительной силы, рабочей силы и вообще богатства этой семьи. Это является лучшим доказательством того, что это положение не имеет ничего общего с формой процесса воспроизводства, обусловленной своеобразием капиталистического производства.

[52] То, что там [представляется] как *необходимость запаса на более длительный срок* при более продолжительном периоде процесса производства, здесь [представляется] как более длительное авансирование дохода;

то, что там [представляется] как бо̀льшая *возможность* более быстрого развития богатства и т. д. (благосостояния), здесь выступает как бо̀льшая *способность к накоплению*. Однако ясно, что последнее происходит лишь от того, что при более коротких периодах, при прочих равных обстоятельствах, прибавочная стоимость, или какая-то ее часть, может быть быстрее превращена в средства, либо повысить производительную силу примененного труда, либо, если речь идет о непосредственном увеличении прибавочной стоимости, занять и «эксплуатировать» добавочный труд; в то время как при более длительных периодах прибавочная стоимость продолжает существовать в форме, в которой она непригодна ни для одной из этих целей.

(Периодичность не имеет ничего общего с непрерывностью процесса труда постольку, поскольку последний — насколько это допускает природа потребительной стоимости — вообще является непрерывным, при самых различных как периодах, так и оборотах вообще. Однако в таком состоянии всегда находится лишь определенная часть *всего* капитала, это — всегда часть капитала, предназначенного для процесса производства, но только часть его.) *Периодичность* относится здесь к *изготовлению* товаров, следовательно, речь идет также о периоде, в течение которого определенное количество капитала превращается в потребительную стоимость товаров, т. е. об интервалах, через которые происходит повторение этого же процесса.

Время воспроизводства в том смысле, что оно есть не что иное, как период, необходимый для изготовления каждого товара и, следовательно, для его обновления, как отрезок времени, по истечении которого производство того же товара может быть начато вновь, опосредствуется в капиталистическом производстве (и вообще в товарном производстве) метаморфозом товара. *Т' — Д* и *Д — Т* здесь суть условие и форма осуществления этого воспроизводства. Следовательно, более короткий или более продолжительный период производства того или иного товара представляется, или проявляется в том, что время этого

метаморфоза короче; данный товар, следовательно, может вновь вступать в стадию продажи раньше, чем другой, может быть продан раньше, и потому на вырученные за него деньги покупка может быть произведена опять-таки раньше. Следовательно, продажа товара повторяется быстрее. Но это не то *время,* которое необходимо, чтобы проделать метаморфоз, из которого здесь возникает бо̀льшая возможность увеличения стоимости, это лишь более быстрое повторение метаморфоза вследствие более короткого периода производства товара и вместе с ним возможность воспроизводства в расширенном масштабе, поскольку 1) имеется в виду стоимость более быстро возобновляющегося потока наличных продуктов и поскольку 2) имеется в виду потребительная стоимость.

Продолжительности периодов процесса труда (производства товаров), обусловленные отраслью производства, как уже упоминалось при рассмотрении непосредственного процесса производства, в капиталистическом производстве относительно сокращаются путем увеличения примененного капитала, а значит и массы одновременно и пространственно рядом друг с другом действующих рабочих. Например, железная дорога, дома и т. д. строятся относительно быстрее, если работа начинается и проводится одновременно во многих местах и многими рабочими. Вследствие *пространственного* расширения масштаба производства, которое является также расширением *одновременности* работ, сокращается время [Sukzession in der Zeit], продолжительность процесса труда, необходимого для изготовления определенного продукта.

В моем сочинении о деньгах и т. д. [77] уже упоминалось о том, как в связи с различием в продолжительности сроков производства различных товаров развиваются деньги как средство платежа, а затем кредит. Развитием кредитной системы является также и то, что благодаря образованию акционерных обществ и т. д. становится возможным производство таких товаров (путем капиталистического производства последних, а не производства в форме государственных строек, предприятий и т. д.), которые представляют собой результат процесса труда, продолжающегося весьма длительное время, быть может, в течение многих лет. (Смотри об этом *Уэйкфилд. О колониях,* непрерывности...) [a] Весьма растянутое возвращение этих товаров в качестве потребительных стоимостей и затянувшаяся реализация прибавочной стоимости сделали бы капитал

[a] *E. G. Wakefield.* [England and America. A comparison of the social and political state of both nations. London, 1833, v. II, p. 191, 192].

даже крупных капиталистов на многие годы праздно лежащим. (Не говоря уже об огромной массе капитала, требуемой вообще для осуществления подобных работ.)

[53] 4) ИЗДЕРЖКИ ОБРАЩЕНИЯ

Мы видели, что *время обращения* как таковое весьма далеко от того, чтобы присоединять к товару стоимость, или увеличивать стоимость капитала; напротив, оно должно рассматриваться как вычет из времени производства, как *преграда для увеличения стоимости капитала*.

Тем не менее пребывание капитала в сфере обращения и осуществление его обращения влекут за собой издержки, издержки обращения, природу которых нам надлежит теперь детальнее определить.

а) *Издержки обращения* возникают из чисто формального метаморфоза капитала совершенно независимо от действительного *обращения в пространстве и времени* и т. д. Каковы бы ни были издержки этого чисто идеального обращения, они не присоединяют к товару никакой *стоимости*, напротив, они представляют собой *вычеты* из его стоимости, а поскольку предполагается, что заработная плата равна стоимости рабочей силы, равна минимуму, то они — необходимые вычеты из *произведенной прибавочной стоимости*.

Формальный метаморфоз, или *идеальное обращение*, товара ограничивается тем, что стоимость из формы товара переходит в форму денег и из формы денег — обратно в форму товара, т. е. этот метаморфоз сводится к покупкам и продажам.

Оттого, что товар продается, или его *стоимость реализуется* в деньгах, стоимость товара не меняется. Она существует сначала в одной форме, потом в другой. Поскольку товары, по нашему предположению, продаются *по* их стоимостям, покупатели и продавцы имеют в своих руках как до, так и после процесса *ту же самую* стоимость, или *эквиваленты*. Продавец имеет вместо пряжи стоимостью в 100 ф. ст., 100 ф. ст. в деньгах, а покупатель — 100 ф. ст. уже не в форме денег, а в форме пряжи.

То, что *Т — Д* значит для продавца, то *Д — Т* — для покупателя. Следовательно, вторая часть метаморфоза капитала *Д — Т* имеет такую же силу, как и его первая часть *Т — Д*. Покупатель и продавец обладают одной и той же стоимостью как до, так и после продажи и купли.

Купля и продажа, обмен вообще, *реализация* стоимости товара в деньгах или реализация стоимости денег в товаре,

не увеличивают стоимости ни денег, ни товара, оставляют обмениваемые *стоимости* неизменными.

Но эти акты сопряжены с расходами. Во-первых, исчисление стоимости товара требует рабочего времени, однако такого рабочего времени, которое затрачивается не на создание стоимости, а только на перевод созданной стоимости в счетные деньги. Кроме живого труда, в этом процессе потребляются некоторые товары: бумага, чернила, письменный стол и т. д., материал труда и орудия труда, представляющие собой прошлый труд. Как ни необходимы эти расходы, они не присоединяют к товару никакой стоимости, но затрачиваются всего лишь для того, чтобы *реализовать уже существовавшую стоимость,* реализовать, прежде всего, идеально. Поэтому они являются вычетами из *стоимости.* При этом абсолютно ничего не меняется, если капиталист вместо своего собственного времени затрачивает время наемного рабочего. Различие лишь в том, что так как наемному рабочему оплачивается только часть его времени, то *издержки таким образом уменьшаются* для капиталиста, тем более, если он свое время может использовать с большей пользой.

Далее, покупатель и продавец должны друг друга искать, а когда они друг друга нашли, им требуется время, чтобы договориться о сделке. Они торгуются о стоимости товара пока не договорятся. Это опять-таки рабочее время, которое неотделимо от функции капиталиста, желающего превратить свой товар в деньги или свои деньги в товар. Но это не есть рабочее время, *создающее стоимость.* Обе стороны теряют во время торговли одинаковое количество времени и ни одна из сторон не может здесь причинить ущерб другой. Если капиталист *A* совершает поездку из Манчестера в Ливерпуль, чтобы купить там хлопок, то это отнюдь не является для продавца хлопка основанием продать этому капиталисту хлопок, хотя бы на один грош дешевле, чем своему постоянно находящемуся в Ливерпуле покупателю.

[54] Наконец, каждый капиталист платит одной рукой и принимает платежи другой. Подсчет денег, приходование и расходование их сто̀ит времени, но это время не является временем, *создающим стоимость,* так же, как и то время, которое требуется лендлорду для того, чтобы получать свою ренту и вести бухгалтерский учет ее поступления и расходования. Это — *необходимая функция капиталиста,* поскольку он представляет капитал обращения и поскольку метаморфозы [этого капитала и] товарного капитала на его стороне представляют собой различные функции. Поскольку эти функции сто̀ят рабочего вре-

мени и даже вызывают потребление товаров, прошлого труда, постольку они представляют собой *вычеты* из времени, создающего стоимость.

При розничной торговле дело представляется просто, но не для розничного торговца, а для покупающих у него потребителей. Время, которое они затрачивают на покупки, прочие издержки, которые могут быть вызваны этими покупками, бухгалтерский учет, который они должны вести в отношении своих доходов и расходов, ничего не меняют в цене товара, которую они должны платить, и поскольку это наносит ущерб их рабочему времени или вызывает еще кое-какие издержки, постольку это — вычеты из их дохода или из их рабочего времени.

В течение своего времени обращения капитал (или та его часть, которая задерживается в сфере обращения) не может функционировать как производительный капитал. В результате того, что особое подразделение капиталистов, *купцы*, вкладывает свой капитал (определенную часть всего капитала) исключительно в эту сферу, время, на которое прерывается пребывание всего капитала, pro parte *, в процессе воспроизводства, может быть значительно сокращено, а потому общая производительность капитала может весьма значительно повышаться. Это, однако, ничего не меняет в существе дела. Часть совокупного капитала общества, хотя вследствие такого разделения труда среди капиталистов незначительная часть этого совокупного капитала не функционирует как производительный капитал, не производит ни продуктов, ни стоимостей. Однако вместо того, чтобы каждый отдельный производительный капиталист жертвовал часть своей прибавочной стоимости, это делает совокупный производительный капитал, отдавая часть произведенной им прибавочной стоимости купеческому капиталу и возмещая ему ditto ** издержки пребывания товарного капитала в сфере обращения. (Разумеется, с образованием общей нормы прибыли всякий капитал, выполняющий в совокупном процессе воспроизводства какую-либо необходимую функцию, получает, pro parte *** своей величине, часть прибыли, независимо от массы прибавочной стоимости, произведенной им самим.)

Процесс обращения является необходимым моментом совокупного процесса воспроизводства капитала. Исполняемые в этом процессе функции капитала являются поэтому необхо-

* — в соответствующем размере. *Ред.*

** — также. *Ред.*

*** — соответственно. *Ред.*

димыми функциями, а вызванные в результате этого издержки в рабочем времени и т. д. являются необходимыми издержками, хотя они образуют не стоимости и не продукты, а только вычеты из производительного времени капитала и из произведенных им стоимостей и прибавочных стоимостей.(Купеческий капитал, поскольку он исполняет всего лишь функции капитала обращения, формальные метаморфозы, не является поэтому *производительным капиталом* в узком смысле. Чем меньше он сам по сравнению с производительным капиталом, процессы обращения которого он частично берет на себя, тем больше сумма стоимостей, прибавочных стоимостей и продуктов, в которых оба они представляются.)

b) Пребывание товаров в сфере обращения вызывает расходование труда и товаров с целью сохранения, содержания на складах и т. д. товарного капитала. Об этом уже шла речь в другом месте.

Во-первых, что касается случайного удлинения (большего или меньшего в зависимости от обстоятельств) времени пребывания отдельных товарных капиталов в сфере обращения и поэтому относительного увеличения *этих* издержек обращения, то они представляют собой чистую потерю для продавца, как это обнаруживается при спекуляции, когда товары задерживаются внутри этой сферы, чтобы позднее быть выброшенными на рынок. То, что спекулянт продает свои товары по повышенным ценам, зависит не от этих дополнительных издержек обращения, а от уровня рыночных цен в тот момент, когда он продает, независимо от того, возмещаются ли ему эти дополнительные издержки [a]. *Во-вторых,* однако, если взять средние времена обращения различных товаров, то издержки по их хранению, содержанию, защите от разрушающих воздействий и т. д. *различны.* В известной мере они представляют собой дополнительные процессы производства, так как они имеют отношение к потребительной стоимости товара, не являются просто процессами для [55] реализации его меновой стоимости. Израсходованный таким образом труд (будь то в форме живого труда или прошлого труда, в форме средств хранения и т. д.), входит поэтому в стоимость товаров. Однако он увеличивает стоимость товара лишь в той мере, в какой увеличивает ее *уменьшение производительной силы труда,* вызывающее потребление большего количества труда в производстве того же или даже меньшего количества продуктов.

---

[a] *Th. Corbet.* [An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals. London, 1841, p. 191].

c) Третья часть издержек обращения товаров состоит из *транспортных издержек* и из рабочего времени и т. д., требуемого для того, чтобы *разделить товарные массы* на такие части, в которых они могут войти в потребление, *индивидуальное или производительное*.

Что касается прежде всего *транспортных издержек*, то ясно, что *транспортная индустрия*, хотя она и имеет место только в сфере обращения товаров, может рассматриваться как индустрия *sui generis* *. Она не увеличивает массы *транспортируемых* товаров и не меняет ничего в *свойствах*, которые присущи товару как самостоятельной потребительной стоимости. Хлопок обладает одними и теми же свойствами, будь он в Алабаме или в Манчестере.

Там, однако, где транспорт имеет дело с *действительным обращением* товаров как потребительных стоимостей и отнюдь не является простым актом их формального метаморфоза, идеального обращения, там примененный в нем труд имеет своим результатом *изменение потребительной стоимости*. А именно, этим результатом является измененное *пространственное* бытие товара. И это является определением, которое относится к его потребительной стоимости. Транспортные издержки, или сама транспортная индустрия может поэтому рассматриваться как удлинение *процесса производства* товара за пределы собственно сферы производства, и происходит он *внутри* сферы обращения, хотя в то же время он является и процессом, присущим *реализации стоимости* товара. (Транспорт *внутри* мануфактуры и т. д., и транспорт *различных составных частей производительного капитала*.)

Известно, что, с одной стороны, производительный капитал тем производительнее, чем больше его рынок — потому что он может функционировать в большем масштабе — и, следовательно, чем менее локальными являются его границы. Это расширение рынка, однако, создается транспортной индустрией. С другой стороны, увеличивается разнообразие наслаждений, т. е. потребительной стоимости товара, в той мере, в какой данный товар способен к обмену с другими потребительными стоимостями, являющимися продуктом других стран, климатических условий и т. д.

С другой стороны, чем меньше транспортные издержки, или чем меньше необходимость перевозок, тем экономнее будут расходоваться рабочее время и средства труда в транспортной индустрии, тем больше будет рабочего времени и средств труда

* — *специфическая. Ред.*

для применения в непосредственном производстве [a]. Эта [закономерность], однако, у транспортной индустрии является общей с производством основного капитала. Чем меньше требуется последнего для того, чтобы произвести определенное количество продуктов, тем больше масса этих продуктов. Транспортные издержки тем меньше, чем ближе место потребления продукта от места его производства (близость, которая, однако, измеряется не только абсолютным физическим расстоянием, а скоростью и дешевизной средств, с помощью которых могут преодолеваться расстояния) [1].

[a] «Чем больше совершается обменов (дома), тем меньшее количество людей, вагонов, кораблей и моряков используется для совершения этих обменов, тем большее число лиц используется в производстве, тем больше возрастает количество производимых товаров; *объем* же обмена растет вместе с ростом объема производства, в то время как объем производства уменьшается с каждым увеличением *необходимых* расходов по обмену» (*H. C. Carey*. The Slave Trade, Domestic and Foreign etc. London, 1853, p. 244).

«Кроме того, количество капитала, необходимое для осуществления обменов, имеет тенденцию уменьшаться по мере приближения торговли к месту производства. Корабль, идущий в Китай, осуществляет за год не больше обменов, чем судно, курсирующее от города к городу, за месяц» (там же, стр. 245). «Утешение найдено в росте объема экспорта — *это, быть может, прямое следствие уменьшения возможности потреблять дома*» (там же).

[1] Кроме прямого увеличения производительной силы путем расширения рынка, который может иметь своим условием увеличение транспортных издержек (что является в таком случае минусом), сюда присоединяется то обстоятельство, что той или иной стране, провинции и т. д. требуется меньше труда, чем другим странам, провинциям для того, чтобы произвести тот или иной товар. Поэтому, несмотря на добавочную стоимость, присоединяемую к нему транспортом, товар может быть дешевле, чем если бы он был произведен дома и т. д. [b]

[b] *Рикардо,* рассматривая внешнюю торговлю, оставляет без внимания увеличение производительной силы применяемого капитала путем расширения рынка. Впрочем, он правильно подчеркивает, что транспортные издержки и т. д. оказывают точно такое же воздействие, как и все другие издержки обращения, т. е. повышают стоимость, как это происходит, если примененный труд становится менее производительным. Из этого правильного положения, однако, Рикардо не делает того правильного вывода, что весь торговый капитал относится к faux frais * производства, которые неизбежно вызываются современной системой.

Рикардо цитирует бесцветного Сэя: «Торговля дает нам возможность получать товар в том месте, где он добывается, и доставлять его туда, где он будет потреблен. Она поэтому дает нам возможность увеличить *стоимость* товара на всю разницу между ценой его в одном месте и ценой его в другом» [78]. И он замечает по этому поводу: «Верно, но каким образом эта добавочная стоимость присоединяется? Путем прибавления к издержкам производства, во-первых, издержек по доставке, во-вторых, прибыли на капитал, авансированный торговцем. Товар, следовательно, будет *стоить больше* по той же самой причине, по которой и всякий другой товар будет стоить больше, *потому что было затрачено больше труда на его производство* и доставку еще до того, как он был куплен потребителем. Но это не является одним из преимуществ торговли. Если этот вопрос будет изучен более внимательно, то обнаружится, что вся прибыль от торговли сведется к средствам, которые она нам дает для приобретения не *более дорогих предметов,* а более полезных» (*D. Ricardo.* On the Principles of Political Economy [3-rd. edition London, 1821], p. 309—310, примечание [Русский перевод, том I, стр. 219]). «Общая тенденция современной торговой политики направлена к замене отдаленных рынков близкими. Англия вывозит своих людей в Австралию, чтобы они могли заниматься там производством шерсти, которую можно было бы производить дешевле дома» (*Carey.* The Slave Trade. Domestic and Foreign etc. London, 1853, p. 246).

* — непроизводительным издержкам. *Ред.*

С одной стороны, тенденция капиталистического производства направлена на уменьшение расстояний, т. е. издержек на средства связи и транспорта. С другой стороны, однако, ему присуща также тенденция делать необходимой продажу в такой форме, в которой оно превращает массу производителей (рабочих) уже из-за особенного их положения в свой продукт.

[56] Наряду с транспортными издержками имеют место издержки (затраты труда и средств труда) на сортировку произведенных товаров по размерам, весу и т. д., с которыми они входят в производительное или непроизводительное потребление. Это — приготовление потребительной стоимости к потреблению и потому такое приготовление является непосредственно производительным трудом, который увеличивает не только *стоимость,* но и *потребительную стоимость* продукта и не составляет исключительной затраты на реализацию его предопределенной стоимости. Поскольку этот продукт предназначен для производительного потребления, его можно рассматривать как продукт, относящийся непосредственно к процессу производства; поскольку он поступает в розничное обращение, его можно рассматривать как дополнение к процессу производства, как один из процессов производства, который происходит в течение времени обращения [a].

С одной стороны, тенденция капиталистического способа производства состоит в том, чтобы производить в постоянно возрастающем, расширенном масштабе. С другой стороны, его тенденция состоит в том, чтобы все более расширять сферу распределения продукта, расширять ее по мере роста той части населения, которая едва сводит концы с концами и поэтому производит все больше и больше мелких покупок, что, следовательно, делает необходимым дробление товарной массы (деление ее на части). Какая-то доля товарной массы, которая предназначена для непосредственного потребления, для процесса потребления, и время, затраченное на эту часть товарной массы, относится к времени потребления. Чем больше сокращается таким образом время обращения, тем больше возрастает стоимость находящихся в розничной торговле товаров. Следовательно, увеличивается тенденция к привлечению труда и средств труда для *опосредствования* этого постепенного потребления. Расточительство труда и средств труда имманентно капиталистической системе производства. Для рабочего это

---

[a] *Th. Hodgskin.* [Popular Political Economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827, p. 147, примечание].

расточительство оборачивается тем, что у него крадут определенную часть номинально причитающейся ему заработной платы, и тем, что появляется промежуточная масса паразитов, живущих лишь путем обмана народной массы.

Наконец, сами *деньги,* поскольку они состоят из драгоценной субстанции, относятся к издержкам обращения, причем к большим его издержкам. Часть годового труда нации представляется без пользы в золоте и серебре, вместо того чтобы представляться в средствах производства или товарах, которые могут перейти в фонд потребления. Тенденция капиталистического производства состоит в замене денег их представителями, не имеющими никакой стоимости. Однако из необходимых условий системы вытекает, что огромная часть произведенного богатства принимает эту саму по себе бесполезную форму; она — требуемый условиями процесса обращения основной капитал [b)].

---

b) *A. Smith.* [An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Ed. E. G. Wakefield. London, 1843, vol. II, p. 187].

[57] ВТОРАЯ ГЛАВА

ОБОРОТ КАПИТАЛА

1) ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ И ОБОРОТ

Здесь следует поместить то, что в параграфе 3 предыдущей главы предварительно было сказано об общем понятии оборота.

Прежде всего мы исследуем здесь то, что характеризует оборот, не касаясь по возможности того, что должно быть рассмотрено в параграфе 2 этой главы, т. е. различие между основным и оборотным капиталом, которое выражает лишь дополнительную специфику.

Предположим, капитал равен 500 ф. ст.; из этой суммы 100 ф. ст. составляют переменный капитал, норма прибавочной стоимости равна 100%. (Продукт, безразлично какой, поскольку речь идет о потребительной стоимости, скажем, *П*, то есть продукт одного периода оборота.) Время производства этих 500 ф. ст. равно 2 месяцам, время обращения равно 1 месяцу; следовательно, время оборота равно 3 месяцам. В течение трех месяцев весь авансированный капитал обернулся бы один раз, т. е. за это время была бы полностью воспроизведена *вся* его *стоимость* + прибавочная стоимость, вся первоначальная капитальная стоимость + произведенная ею за 3 месяца прибавочная стоимость при вышеуказанном условии, следовательно, 600 ф. ст., из которых 500 ф. ст. — авансированный капитал, 100 ф. ст. — произведенная прибавочная стоимость. Продукт этого однократного оборота был бы равен *П*.

За один год этот капитал обернулся бы 4 раза. Он оборачивается за 3 месяца 1 раз, следовательно, за 12 месяцев, 3 × 4 месяца, 4 раза. Число его оборотов дано; если мы его собственное время оборота назовем буквой *о*, а год обозначим через *О*, то получим *О*/*о*, в данном случае $^{12}/_{3}$.

Следовательно, в течение года капитал произвел бы $4 \times (500 + 100) = 2\,000 + 400$, т. е. четырежды произвел бы свою первоначальную стоимость + четырежды прибавочную стоимость, которую он производит при каждом обороте. Далее он произвел бы $4П$, или продукт *одного* периода оборота, взятый четырежды.

Если мы назовем число оборотов буквой n, первоначальный капитал буквой K, прибавочную стоимость — m, то произведенная капиталом стоимость $= n\,(K + m) = nK + nm$ при этом, однако, как мы сейчас увидим, nK имеет совершенно другое значение, чем nm.

Что же касается продукта, то, если $П$ есть результат одного оборота, то $nП$ — результат n оборотов.

[58] В действительности в конце 4 оборотов первоначальный капитал в 500 ф. ст. будет находиться в руках капиталиста только один раз, а не 4 раза или не n раз; с другой стороны, если он эти 500 ф. ст. еще не проел, прибавочная стоимость m будет находиться в его руках 4 раза или n раз, так как в действительности он произвел за 4 оборота 400 ф. ст. m, вместо 100 ф. ст. прибавочной стоимости m, следовательно, авансированный переменный капитал, равный 100 ф. ст., произвел 400% прибавочной стоимости, хотя, согласно *предпосылке*, норма прибавочной стоимости и, следовательно, норма эксплуатации труда равняется только 100%. (Мы *абстрагируемся* полностью от возможного накопления части прибавочной стоимости в течение года, так как это не имеет прямого отношения к рассматриваемой форме.)

(Число оборотов $n = O/o$, если O это время, равное году, а o равно времени одного оборота. Поэтому O, или годовой оборот капитала, равен no, следовательно, в приведенном выше случае $= 4 \times 3$ месяца, или $4 \times {}^{1}/_{4}$ года. Если бы o было больше O, если, например, капитал оборачивался бы только один раз в два года, то O было бы равно 12 месяцам, а $o = 24$, следовательно, $O/o = {}^{12}/_{24}$ месяца $= {}^{1}/_{2}$, или капитал оборачивался бы лишь ${}^{1}/_{2}$ раза в год.

Ясно, что в конце первого оборота продукт $П = п + п'$, если через $п$ мы обозначим количество прибавочного продукта, в котором представляется прибавочная стоимость. $П = 600$ ф. ст., из которых $п = 500$, а $п' = 100$ ф. ст. Превращенный в деньги этот совокупный продукт $П$ теперь $= 600$ ф. ст. Из них, однако (так как здесь мы не рассматриваем накопление, вообще не интересуемся дальнейшим применением прибавочной стоимости), ${}^{1}/_{6}$ часть, равная 100 ф. ст., равна стоимости $п'$, равна прибавочной стоимости, не входит в процесс воспроизводства. Она

откладывается в сторону или потребляется и т. д. При любых обстоятельствах это есть то, что капиталист получил сверх первоначально затраченного капитала. Это — отложенный им в качестве прибавочной стоимости продукт капитала. И это повторяется четырежды. Через каждые 3 месяца продукт продается и функционирует в начале каждого нового оборота снова в своей первоначальной величине, при прочих равных обстоятельствах. Следовательно, рабочая сила, приведенная в движение посредством 100 ф. ст. для производства прибавочного труда, или прибавочной стоимости, производится и присваивается капиталистом 4 раза. Напротив, вначале всегда авансируется только старый, первоначальный капитал, равный 500 ф. ст., который поэтому может возвратиться только в конце, когда мы из стоимости совокупного продукта вычтем прибавочную стоимость. Первоначальный капитал, однако, в действительности в течение 4 оборотов, не считая прибавочную стоимость, *учетверился*. Он стал равен $4 \times 500 = 2\,000$ ф. ст., поскольку мы рассматриваем его стоимость, и он стал равен *4П* или *nП*, поскольку мы рассматриваем продукт (за вычетом той части продукта, которая представляет прибавочную стоимость, следовательно, прибавочный продукт).

Вновь восстановленный в конце оборотов (по истечении года) капитал остается здесь *таким же*, каким он был вначале. Он только воспроизведен. Прибавочная стоимость, напротив, равна прибавочной стоимости, произведенной в течение *одного* оборота, помноженной на число оборотов. Однако, несмотря на это увеличение прибавочной стоимости, доставляемой определенным переменным капиталом в результате *о* оборотов, совокупная стоимость авансированного капитала в конце года отнюдь не может быть воспроизведена. Затем, однако, он продолжает существовать в той форме, которую имел до начала процесса производства. (Более подробно это будет показано в § 2 при рассмотрении основного капитала.)

[59] В конце первого оборота *произведенная стоимость* равна 600 ф. ст., из которых сохранившийся *постоянный капитал* — 400 ф. ст., *воспроизведенный переменный* капитал — 100 ф. ст., *произведенная прибавочная стоимость* — 100 ф. ст.;

но с точки зрения товара (как потребительной стоимости) она равна *П*, в составе которого $п = 500$ ф. ст. и $п' = 100$ ф. ст.

Весь продукт *П* продан и каждая соответствующая часть товарной массы, находящаяся вообще на рынке, увеличилась.

Хотя продан весь *П*, в процесс производства снова вступает только *п*, равный *П—п'*, т. е. равный стоимости совокупного продукта минус прибавочная стоимость.

Однако на *п* обменен эквивалент, $^4/_5$ которого составляет постоянный капитал и $^1/_5$ переменный капитал.

Если бы этот обмен не имел места, то понадобился бы новый капитал в 400 ф. ст., для того чтобы купить нужный постоянный капитал, приводимый в движение новой рабочей силой, купленной вновь на 3 месяца за 100 ф. ст.; и ditto * имело бы место, если бы понадобился новый капитал в 100 ф. ст., для того чтобы купить новую рабочую силу на 3 месяца или старую рабочую силу еще на 3 месяца.

В течение первых 3 месяцев постоянный капитал в 400 ф. ст. превращен в I *П* (продукт).

В течение вторых 3 месяцев постоянный капитал в 400 ф. ст. превращен в I *П*.

В течение третьих 3 месяцев постоянный капитал в 400 ф. ст. превращен в I *П*.

В течение четвертых 3 месяцев постоянный капитал в 400 ф. ст. превращен в I *П*.

В течение 12 месяцев постоянный капитал в 1 600 ф. ст. превращен в 4*П* (в которых содержится прибавочный продукт *п'*) (в $4n + 4n'$).

Таким же образом примененная рабочая сила за 3 месяца потребила переменный капитал в 100 ф. ст., а за 12 месяцев — переменный капитал величиной 4 × 100 = 400 ф. ст. Следовательно, в действительности в течение 12 месяцев *функционировал* постоянный капитал в 1 600 ф. ст. и переменный капитал в 400 ф. ст., совокупный капитал — в 2 000 ф. ст., хотя наш капиталист не имел в своем распоряжении и не затратил больше чем 500 ф. ст. Однако полученная им совокупная прибавочная стоимость равна 100% на *функционирующий* капитал в 400 ф. ст., следовательно, равна 400 ф. ст., а не 100% на вложенный им переменный капитал в 100 ф. ст., следовательно, не 100 ф. ст. Этой сумме равна только та прибавочная стоимость, которую он производит в течение каждого трехмесячного оборота. Прибавочная стоимость определяется массой функционирующего в течение одного года переменного капитала, а не величиной переменного капитала, которым он обла-

* — то же. *Ред.*

дал первоначально и который в конце концов возвратился к нему обратно.

[60] Мы видели выше, при рассмотрении денежного обращения, что одна и та же денежная сумма, если она оборачивается *n* раз в год, представляет денежную сумму *Д*, или реализует товарную массу величиной *n* × *Д*, где *n* равно числу оборотов, а *Д* равно оборачивающейся денежной сумме. Так же обстоит дело и с денежной суммой в 500 ф. ст., первоначально авансированной как капитал. В результате 4-кратного оборота она реализует сумму стоимости в 2 000 ф. ст. При этом она пробегает 4 раза туда и обратно, 4 раза затрачивается и извлекается обратно одним и тем же лицом, которое первоначально бросило ее в обращение. В конце концов та же самая денежная сумма в 500 ф. ст. (абстрагируясь здесь от прибавочной стоимости) снова находится в его руках, после того как она реализовала товарную массу на 2 000 ф. ст. Но каким путем? Каждый раз путем превращения в продукт стоимостью в 500 ф. ст. (или 600 ф. ст.). Хотя затрачивавшийся в начале каждого оборота капитал никогда не составлял более 500 ф. ст., он произвел фактически товар стоимостью в 2 400 ф. ст.

Созданная масса продуктов равна *Пn*, если *П* — это масса продуктов *одного* оборота. Без 4-кратного оборота та же масса продуктов с тем же самым авансированным капиталом не смогла бы быть произведена. Если *n* = *n* — *x*, то совокупный продукт = *П* (*n* — *x*).

В течение одного оборота потреблен постоянный капитал, равный 400 ф. ст., в течение четырех оборотов — 1 600 ф. ст., или *nc*, где *n* — число оборотов, а *c* — потребленный в течение каждого оборота постоянный капитал.

Далее, в течение одного оборота потреблен переменный капитал, равный 100 ф. ст.; в течение четырех оборотов потреблено 400 ф. ст., или *nv* (где *n* — число оборотов, а *v* — потребленный в течение одного оборота переменный капитал).

В течение одного оборота произведено прибавочной стоимости — 100 ф. ст.; в течение четырех оборотов — 400 ф. ст., или *nm* (где *m* — произведенная в течение одного оборота прибавочная стоимость).

Таким образом, в течение года функционировал постоянный капитал, равный *4c* (4 × 400), или *nc*, и переменный капитал, равный *nc* (или 4 × 100); в целом функционировал капитал, равный (*c* + *v*) × *n*, и соответственно этому масса прибавочной стоимости равна *nm*, прибавочной стоимости, которую произвело *nv*, а не *v*. Однако затраченный капитал никогда не составлял величину бо̀льшую, чем первоначальная, потому

что вследствие 4-кратного повторения воспроизводства капитал возвращался 4 раза и таким образом 4 раза мог образовать исходный пункт нового полного цикла воспроизводства.

Если бы вместо 4 *(n)* оборотов в год имел место только *один* оборот, то следовало бы авансировать постоянный капитал в *4c (nc)*, а переменный капитал в *4v (nv)*, чтобы эксплуатировать ту же массу труда в течение года и произвести в течение того же года ту же массу продукта (и прибавочной стоимости). Допустим, вместо 400 ф. ст. нужно было бы авансировать 2 000 ф. ст., т. е. 1 600 ф. ст. на постоянный капитал и 400 ф. ст. на переменный капитал. Тогда величина функционирующего в течение одного и того же года капитала была бы такой же, но масса авансированного капиталистом капитала должна была бы увеличиться в 4 раза. Произведенная им прибавочная стоимость, однако, определяется не величиной авансированного, а величиной *функционирующего* переменного капитала, массой труда, которую капиталист в течение года приводит в движение, не величиной переменного капитала, который он авансирует, чтобы привести ее в движение. В последнем случае он авансировал бы 400 ф. ст. и произвел бы 400 ф. ст. прибавочной стоимости. Хотя масса прибавочной стоимости осталась бы той же, ее норма составила бы только $^1/_4$, как в предыдущем случае. А именно, 100%. В другом случае она составила бы $^{400}/_{100}$ × × 100% = 400%. Или она была бы равна прибавочной стоимости, полученной за один оборот, помноженной на число оборотов. Или она была бы равна 400 ф. ст., массе произведенной в течение года прибавочной стоимости, деленной на дробь, числитель которой — авансированный в течение года совокупный переменный капитал, а знаменатель — авансированный в течение одного оборота переменный капитал, т. е. была бы равна $\frac{400}{\frac{400}{100}}\ \frac{(m)}{\frac{(v)}{v}} = \frac{400}{\frac{400}{100}}$. Весь переменный капитал = 400 ф. ст. В первом случае норма прибавочной стоимости равна $\frac{400}{400} = \frac{m}{v}$ (отношение произведенной в течение года прибавочной стоимости к авансированному в течение года переменному капиталу). Во втором случае она равна $\frac{400}{\frac{400}{4}} = \frac{m}{\frac{v}{n}}$, где n = числу оборотов. Знаменатель, на который делится совокупная прибавочная стоимость, в [61] первом случае равен авансированному в течение года переменному капиталу; во втором случае он равен этому капиталу, деленному на число оборотов.

(Выраженная как норма прибыли, в последнем случае она равна $^{400}/_{2000} = {^1}/_5 = 20\%$ на авансированный капитал. В другом случае она равна $^{400}/_{500} = {^4}/_5 = 80\%$. Следовательно, норма прибыли в 4 раза больше, хотя масса прибыли в обоих случаях одна и та же. Трехмесячная норма прибыли была бы в одном случае такой же величины, как годовая — в другом. Что касается прибыли, то суть дела выражается таким образом, что должно быть авансировано больше совокупного капитала (переменного + постоянного), чтобы реализовать ту же самую прибавочную стоимость, или что должен быть авансирован тот же капитал на *более продолжительное время,* чтобы произвести ту же самую прибыль. Ибо норма прибыли исчисляется так же, как и норма прибавочной стоимости, например, на год, так что речь идет о прибыли, произведенной в течение определенного периода оборота капитала.)

Авансированным капитал называется тогда, когда он функционирует в качестве исходного пункта определенного цикла производства или воспроизводства, следовательно, в действительности в качестве исходного пункта определенного *оборота,* исходного пункта процесса увеличения стоимости этого капитала. Он всегда есть авансированная сумма стоимости, или, выраженная в качестве *меновой стоимости,* — авансированная *денежная сумма,* причем безразлично, происходит ли авансирование в форме денег или товара, в форме *Д — Т — Д* или *Т — П — Обр. — Т* и т. д. Продолжительность времени, на которое он авансирован, измеряется, очевидно, временем, которое проходит прежде, чем он возвратится к своему исходному пункту как *возросший по своей стоимости* капитал, как $Д + \Delta Д$, в какой бы то ни было форме, следовательно, продолжительность времени, на которое он авансируется, измеряется суммой его времени производства + время обращения, т. е. его *временем оборота,* следовательно, относительной величиной *его времени оборота.* Ясно, что чем продолжительнее это время оборота, тем больше должен быть авансированный капитал, чтобы привести в движение определенное количество труда (следовательно, употребить в дело определенное количество постоянного капитала) и, следовательно, произвести определенное количество прибавочной стоимости. Ибо одна и та же *авансированная* сумма стоимости, или авансированный капитал данной величины, может *снова* функционировать как капитал, снова быть авансированным и поэтому снова создавать прибавочную стоимость только тогда, когда он пройдет свое время оборота и, как капитал, увеличивший свою стоимость, снова обретет свою первоначальную форму. Если предположить,

что его *время оборота* величина данная, то масса прибавочной стоимости, которую он может произвести, зависит от величины его переменной составной части (при прочих равных условиях), величины, которая, в свою очередь, находится в определенном отношении (в различных отраслях производства по-разному) к величине постоянного капитала, а следовательно, и всего капитала. Если дано *время оборота,* то, следовательно, масса произведенной прибавочной стоимости зависит от *величины* первоначально авансированного капитала (причем предполагается, что величина всего капитала является лишь показателем величины его переменной части); или это имело бы место в том случае, если бы авансированный капитал состоял только из переменного капитала; а от величины авансированного капитала зависит величина возвращающейся суммы, так как последняя равна $K + \Delta K$, равна величине авансированного капитала + его приращению. Если, однако, дана величина авансированного капитала, то масса *произведенной прибавочной стоимости* зависит от его *времени оборота,* так как оно определяет, как часто один и тот же капитал может в течение данного промежутка времени, например в течение года, снова начинать процесс эксплуатации. Масса произведенной в данный промежуток времени прибавочной стоимости определяется, следовательно, сочетанием отношений *величины авансированного капитала* и величины *времени оборота,* или продолжительности времени, на которое авансирован капитал; или она определяется величиной *авансированного капитала* и *числом его оборотов.* (Отсюда следует, что масса произведенной прибавочной стоимости прямо пропорциональна величине капитала и обратно пропорциональна времени оборота; прямо пропорциональна *величине* и обратно пропорциональна *продолжительности* авансирования капитала.)

[62] Капиталы *одной и той же* величины (т. е. в действительности здесь речь идет только о *переменном капитале;* величина постоянного, а потому и всего авансированного капитала будет рассмотрена позже, при исследовании *прибыли*) будут поэтому производить, например, в течение года прибавочную стоимость пропорционально числу их оборотов или обратно пропорционально времени, в течение которого они авансируются, чтобы осуществить свой процесс увеличения стоимости. Поэтому, чтобы произвести ту же *прибавочную стоимость,* должны авансироваться капиталы *неодинаковой величины,* если их *время оборота различно.* (При различном времени оборота или различной продолжительности времени авансирования, при прочих равных условиях.) Чем быстрее время

оборота в течение года, или чем больше число оборотов, тем меньшая масса авансированного капитала требуется для того, чтобы эксплуатировать в течение года определенное количество труда и, следовательно, производить определенное количество прибавочной стоимости; а чем медленнее время оборота, чем, следовательно, меньше число оборотов в течение года, тем больше должна быть масса авансированного капитала для того, чтобы [эксплуатировать] в течение года то же количество труда, следовательно, произвести ту же массу прибавочной стоимости. Таким образом, *скорость* и *масса* заменяют друг друга, как при денежном обращении, в обратных пропорциях. Одна и та же масса прибавочной стоимости является в обоих случаях результатом эксплуатации одной и той же массы труда в течение *года* (при прочих равных условиях), следовательно, результатом одной и той же затраченной или функционировавшей в течение года массы переменного капитала. Однако норма прибавочной стоимости определяется отношением прибавочной стоимости к *авансированному*, а не к *функционирующему* капиталу. Норма прибавочной стоимости, следовательно, больше в одном случае, чем в другом; и в той мере больше, в какой меньше масса *авансированного* капитала. Различие между капиталом, *функционирующим* в течение года, и капиталом, *авансированным* тем же самым капиталистом в течение года, определяется числом повторений воспроизводства, числом оборотов. В одном случае 500 ф. ст. авансируются четыре раза, следовательно, в течение года функционируют 2 000 ф. ст., однако ни в одной из четвертей года не авансируется более 500 ф. ст. В другом случае в течение года *авансируются* 2 000 ф. ст., причем до конца годового оборота ни одна часть этих 2 000 ф. ст. не может быть снова авансирована в качестве капитала. *Норма прибавочной стоимости*, следовательно, в одном случае в 4 раза больше, чем в другом, и если рассматривать капитал pro rata *, то и масса прибавочной стоимости будет в 4 раза больше.

Что касается общества, то и в том и в другом случае в течение года инвестируется капитал в 2 000 ф. ст., однако в одном случае капитал в течение года по частям постоянно возвращается обществу в форме продукта, тогда как в другом случае у общества изымаются на год имеющиеся капитальные стоимости, наличные средства производства и труд и до конца года не возвращаются ему в форме продукта (и стоимости).

(Выше мы видели, что если капитал в 500 ф. ст. оборачивается 4 раза, при норме прибавочной стоимости в 100% и

* — соразмерно, пропорционально. *Ред.*

величине переменного капитала в 100 ф. ст., то произведенная в течение года прибавочная стоимость равна 400 ф. ст., а ее норма по отношению к авансированному капиталу равна 400%; годовая норма прибыли в таком случае равна 80%. Если бы капитал в 2 000 ф. ст. при том же его строении оборачивался только один раз в год, то прибавочная стоимость была бы равна 400 ф. ст., годовая же норма прибавочной стоимости равнялась 100%. Норма прибыли была бы равна $^1/_5$ или 20%. Здесь, если предположить одинаковое строение капитала, различие в норме прибыли возникает из различия в норме прибавочной стоимости, обусловленного различным временем оборота. Если бы теперь, кроме того, было бы различным и строение капитала, например, постоянная часть капитала была бы равна 2 000 ф. ст. вместо 1 600 ф. ст., то авансированный капитал составил бы 2 400 ф. ст., а прибавочная стоимость — 400 ф. ст.; норма прибавочной стоимости была бы неизменной; норма прибыли была бы равна $16^2/_3$%. Различие в норме прибыли было бы вызвано здесь двумя обстоятельствами: 1) более продолжительным *периодом авансирования* переменного капитала; 2) меньшим соотношением между авансированным переменным капиталом и авансированным совокупным капиталом.)

[63] Выше при рассмотрении как времени обращения, так и времени производства обнаружилось, какое влияние бо̀льшая или меньшая их продолжительность (во втором случае продолжительность периодичности) оказывает на производство прибавочной стоимости и т. д. Здесь обнаруживается, что *величина авансированного капитала* обратно пропорциональна величине времени оборота или *числу оборотов* в течение года, и что поэтому при одинаковой эксплуатации труда норма *прибавочной стоимости* (а относительно авансированного капитала — величина прибавочной стоимости) различна, потому что фактически, в зависимости от более быстрого или более медленного повторения совокупного процесса воспроизводства, при одинаковой степени эксплуатации, эксплуатируется *большее* или *меньшее* количество труда. Из этого следует, что авансированные капиталы одинаковой величины в определенные промежутки времени доставляют неравновеликие массы прибавочной стоимости, и это создает *видимость,* будто бы прибавочная стоимость возникает из сокровенных свойств [капитала], проявляющихся во время процесса обращения, или будто капитал является самостоятельным источником прибавочной стоимости независимо от эксплуатируемого им труда. Это относится к капиталам, вложенным в *различные* сферы производства.

Далее из этого следует, что один и тот же капитал, вложенный в *одну и ту же* сферу производства, — смотря по тому, удлиняется или сокращается его время оборота, будь то в результате изменений времени обращения или в результате изменений времени производства, — производит в течение *одного и того же* времени как неодинаковые массы продукта, так и неодинаковые массы прибавочной стоимости. Это является еще одним доказательством того, что капитал нельзя трактовать как постоянную величину в процессе его производства [a].

Наконец, важно еще несколько обстоятельнее остановиться на этом определении *авансирования* в том виде, в каком оно получило свое дальнейшее развитие.

Масса капитала, авансированного на производство (хотя и не масса доставленного производством за определенное время, доставленного циклу процесса воспроизводства готового продукта), остается *одной и той же*, оборачивается ли капитал в 500 ф. ст. 4 раза в течение одного года или только один раз в течение года. Предполагается, что оба капитала постоянно, день за днем в течение всего года (или же в течение среднего дня), приводят в движение одну и ту же массу труда, и, для упрощения дела, что одна и та же масса труда приводит в движение равновеликие массы и равновеликие стоимости постоянного капитала. В течение 3 месяцев первого оборота на 100 ф. ст. в движение приводится определенная масса труда, превращающая в продукт постоянный капитал стоимостью в 400 ф. ст. Масса продукта равна *П*. Стоимость *П* = 600 ф. ст. (Здесь, однако, мы абстрагируемся от накопления и вообще от использования 100 ф. ст., т. е. вновь созданной прибавочной стоимости.) В результате оборота возникает вновь *денежная форма* стоимости продукта, из которой 400 ф. ст. опять затрачиваются на новое сырье, а 100 ф. ст. опять — на новый дополнительный труд 3-месячной продолжительности и т. д. Снова израсходован капитал в 500 ф. ст., из которых 100 ф. ст. потреблены рабочими, 400 ф. ст. использованы в качестве средств для производства нового *П* и т. д. Таким образом, в течение 4 оборотов 400 ф. ст. потреблены рабочими, 1 600 ф. ст. потреблены как средства производства и весь вложенный капитал в 2 000 ф. ст. воспроизведен в 4 *П* стоимостью в 2 400 ф. ст. То же самое, однако, имеет место и тогда, когда капитал в 2 000 ф. ст. оборачивается только один раз в течение года. Как в одном, так и в другом случае он потреблен

a) *S. Bailey.* [A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. London, 1825, p. 20—21, 23].

в процессе производства, затрачен, авансирован на процесс производства.

Однако различие возникает здесь — вследствие различного времени оборота или различной периодичности всего процесса воспроизводства, — между величиной капитала, авансированного *на процесс производства,* и величиной *капитала, авансированного* капиталистом и для капиталиста. Для первого капиталиста, после того как он авансировал 500 ф. ст., воспроизведенная в конце первых 3 месяцев стоимость и прибавочная стоимость продолжает пребывать в процессе воспроизводства, будь то время производства или время обращения. Чтобы [64] не нарушать непрерывность процесса, он должен авансировать еще 500 ф. ст. и таким образом в начале 7-го месяца снова авансировать 500 ф. ст., в начале 10-го месяца опять авансировать 500 ф. ст. Таким образом, к концу года постепенно он вложил в процесс воспроизводства, авансировал 2 000 ф. ст. Другой капиталист, напротив, в конце первого трехмесячного оборота снова реализовал свой капитал и может поэтому *той же* суммой в 500 ф. ст. начать новый оборот, купить на них новый труд и новые факторы воспроизводства. Он не авансирует *дополнительных* 500 ф. ст., потому что он те же самые 500 ф. ст. авансирует вновь, потому что они для него уже снова воспроизведены в форме, в которой они *могут быть* вновь *использованы* как капитал, а не существовать в такой форме, в какой они не могут функционировать как капитал.

Предположим, что не происходит никакого обращения и что капиталист производит непосредственно сам как жизненные средства, так и средства производства.

Если процесс воспроизводства продолжается год, он должен иметь запас жизненных средств (для рабочих) стоимостью в 400 ф. ст. и запас средств производства, чтобы рабочие были постоянно заняты, стоимостью в 1 600 ф. ст. Таким образом, на весь год необходим капитал в форме жизненных средств и средств производства, потребляемых постепенно, частью индивидуально, частью производительно, в 2 000 ф. ст., и этот капитал обновляется только в конце года.

Если же процесс воспроизводства продолжается только 3 месяца, то жизненные средства и средства производства опять *обновятся* к началу 2-го процесса воспроизводства, в конце первых 3 месяцев; и они никогда не авансируются дольше, чем на 3 месяца — именно из-за их 3-месячного срока обновления. Если рассматривать год в целом, то за это время потреблены и воспроизведены жизненные средства на 400 ф. ст., хотя ни разу не производилось авансирование жизненных средств бо-

лее чем на 100 ф. ст., однако они обновлялись 4 раза в год и это 4-кратное обновление оказывало совершенно такое же воздействие, какое оказывал бы запас на 3 × 4 месяца; в течение года они привели бы в движение то же количество труда; произвели бы, следовательно, столько же стоимости или прибавочного продукта. С другой стороны, что касается постоянного капитала, средств производства, то их имеется в запасе всякий раз только на 3 месяца; следовательно, в действительности на каждые 3 месяца всегда авансируется постоянный капитал лишь на 400 ф. ст., а имеющейся в наличии в качестве запаса массы постоянного капитала всегда хватает только на 3 месяца, и она никогда не превышает 400 ф. ст. Однако в каждом цикле из 3 месяцев в процессе находится постоянный капитал стоимостью в 400 ф. ст.; следовательно, в течение 3 × 4 месяцев, или в течение одного года, обрабатывается постоянный капитал в 1 600 ф. ст. Однако потребленные в течение 3 месяцев средства производства постоянно в течение процесса обновляются, так что они возмещаются из части новой массы продукции, произведенной в течение 3 месяцев. Они, следовательно, всегда имеются налицо, потому что постоянно возмещаются. Если бы, однако, они возмещались не через 3 месяца, а только через 12, то они должны были бы быть налицо в течение 12 месяцев и не возмещаться. (Поэтому они постепенно из наличного запаса поступают в процесс воспроизводства.) Если бы, однако, капиталист не сам производил свои средства производства, то в течение года он 4 раза обменял бы продукт, каждый раз на 400 ф. ст. на средства производства, а если предположить, что его продукт образует запас для другого капиталиста, то последний имел бы в своем распоряжении продукт в 1 600 ф. ст., между тем как на заработную плату было бы израсходовано 400 ф. ст.; следовательно, в течение всего года капиталом в 500 ф. ст. он привел бы в движение капитал в 2 000 ф. ст. Возможно, запас образовал бы не его собственный продукт, а какой-то другой, в котором постоянно обновлялась (путем обмена) авансированная стоимость в 400 ф. ст. Различие, разумеется, заключалось бы в том, — это обнаружилось бы в конце годового цикла, — что капиталист *I* имел бы запас стоимостью в 2 000 ф. ст. (без прибавочной стоимости), капиталист *II* — запас стоимости только в 500 ф. ст. Из этого было бы видно, что, хотя в течение года эти 500 ф. ст. последовательно функционировали как капитал в 2 000 ф. ст., в действительности ни в одном из данных циклов не существовал и не был авансирован капитал больший, чем 500 ф. ст., подобно тому, как 1 талер, циркулирует ли он 1 раз или 20 раз, в конце однократного как и двадцатикратного

обращения представляет только 1 талер. Однако продукт, который создал капиталист *II*, не меньше (абстрагируясь от прибавочной стоимости) продукта, который создал капиталист *I*, и представляется поэтому как продукт функционирующего капитала в 2 000 ф. ст. Эти 500 ф. ст. функционировали 4 раза как капитал в 500 ф. ст. в течение того же времени, в которое 2 000 ф. ст. функционировали как капитал только один раз.

[65] Уже при рассмотрении первоначального накопления (книга I, гл. V, 2) было показано, что *авансирование* жизненных средств рабочим представляет собой простую, присущую капиталистическому производству форму, которой опосредствуется и прикрывается присвоение капиталистом части совокупного продукта для его индивидуального потребления. Если рассматривать процесс капиталистического воспроизводства в его непрерывности, что мы здесь и делаем, то внутри самого этого процесса *авансирование* совокупного капитала, как переменного, так и постоянного, проявляется как простая *форма,* как возвращение процесса к своему исходному пункту, или скорее как повторение процесса с его исходного пункта. Если труд рабочего представляется в продуктах, процесс воспроизводства которых возобновляется различное число раз в течение года, то это представляется как *более высокая производительность* примененного таким образом капитала, потому что он чаще *авансируется* и поэтому *величина авансирования* для каждого отдельного оборота меньше, следовательно, потому что тот же капитал в течение того же промежутка времени может быть чаще авансирован, может чаще эксплуатировать *ту же рабочую силу,* для эксплуатации которой при более продолжительном периоде воспроизводства, следовательно, при более позднем повторении авансирования, потребовался бы больший капитал. *Авансирование* сводится к обратному превращению капитала в факторы его производства и число этих обратных превращений в течение одного года обусловлено числом его оборотов или воспроизводства; (даже если капитал оборачивается только один раз в течение года, например, капитал в 2 000 ф. ст., то нет необходимости из-за этого авансировать весь капитал на весь год. Предположим, постоянный капитал в 1 600 ф. ст. состоит из машин на 400 ф. ст. и сырья и т. д. на 1 200 ф. ст. Тогда на весь год были бы авансированы только 400 ф. ст. и кроме того 300 ф. ст. на сырье. Таким же образом — с переменным капиталом в 100 ф. ст. Следовательно, на весь год были бы авансированы 800 ф. ст. На три четверти года — 400 ф. ст. На половину года — 400 ф. ст. И на одну четверть года — 400 ф. ст.

Но из самого процесса производства к капиталисту не притекает обратно ни одна из частей авансированных 2 000 ф. ст.; они закреплены в продукте. Если он, следовательно, не пользуется кредитом, он должен иметь 2 000 ф. ст. в своем распоряжении в течение всего года. То, что часть из них между тем притекает к нему из какого-либо другого предприятия, само по себе не имеет ничего общего с рассматриваемым предположением).

При рассмотрении *оборота* капитала выявляется то, что уже само по себе содержалось в исследовании различного времени обращения, времени производства и вообще всего процесса обращения и процесса воспроизводства, а именно — *новое определение прибавочной стоимости*.

В процессе производства день, рабочий день и т. д. был нашим мерилом и мы рассматривали только рабочее время (или прибавочное рабочее время), которое эксплуатирует или приводит в движение переменный капитал данной величины.

Так как, однако, величина оборота дана, а масса и норма прибавочной стоимости зависят от того, как часто в течение *года* — как масштаба оборотов — один и тот же *переменный* капитал повторяет оборот, то отсюда следует более обстоятельное определение *нормы прибавочной стоимости* как *годовой нормы прибавочной стоимости*, как прибавочной стоимости, произведенной за год при непрерывности процесса производства и более частых или более редких оборотах переменного капитала, а тем самым *нормы прибавочной стоимости. Годовая норма прибавочной стоимости* выступает поэтому различным образом при *одинаковой эксплуатации труда* в дневной, недельной норме прибавочной стоимости, потому что она в зависимости от числа оборотов в год исчисляется на больший, или на более продолжительный период, авансируемый переменный капитал.

Например, если капитал в 500 ф. ст., из которых 100 ф. ст. — переменный капитал, оборачивается при 100% прибавочной стоимости один раз в 3 месяца и 4 раза в год, то *годовая норма прибавочной стоимости* равна 400%, так как тот же самый переменный капитал в 100 ф. ст. производит прибавочную стоимость 4 раза по 100 ф. ст. Следовательно, $400 : 100 = 4 \times 100\% = 400\%$ годовой нормы прибавочной стоимости.

Если он оборачивается 3 раза в год, то *годовая норма прибавочной стоимости* = 300%.

Если он оборачивается 2 раза в год, то она = 200%.

Отсюда следует, что *переменные капиталы одной и той же величины* (так как постоянный капитал здесь приравнен к нулю, как и вообще при исчислении прибавочной стоимости) при

одинаковой эксплуатации труда имеют *различные* годовые нормы прибавочной стоимости. Потому что благодаря различной повторяемости в течение года одного и того же процесса эксплуатации, они приводят в движение различные *количества труда* при одной и той же норме эксплуатации.

(Это образует только базис категории *годовой нормы прибыли.)*

|66| 2) ОСНОВНОЙ И ОБОРОТНЫЙ КАПИТАЛ. ЦИКЛЫ ОБОРОТА. НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА

Уже выяснилось, что по своей природе *капитал* есть *оборотный* и *основной* капитал и что он постоянно находится в обоих этих состояниях, так что одно из них всегда представляет собой переход в свою противоположность.

Капитал является оборотным, поскольку он последовательно проделывает кругооборот, из фазы производства в собственно фазу обращения, последовательно проходит здесь две противоположные фазы и затем снова входит в фазу производства и т. д. Однако в то же время он *фиксируется* в каждой из этих фаз. Он движется через эти фазы только таким образом, что в каждой из них *задерживается,* следовательно, *фиксируется* в них, и задерживается в них только для того, чтобы их покинуть.

Во-вторых, однако, имеет место различие между *оборотным капиталом* и *производительным капиталом;* первый, при более точном определении, выступает в двойственном облике *товарного капитала* и *денежного капитала.* В качестве производительного капитала он находится в процессе, в процессе труда; в качестве товарного капитала или денежного капитала он обменивается, переходит из рук в руки, и принимает в этом обмене веществ попеременно формы товара и денег.

Первое различие выступает, если один и тот же капитал рассматривать, с одной стороны, как единство процесса воспроизводства, а с другой стороны, в различных текучих фазах этого процесса, в его отдельных моментах.

Второе различие фиксирует только противоречие, различительные формы, которые капитал в одной фазе — в процессе производства — принимает в противоположность другой фазе, фазе обращения.

В обоих различиях это один и тот же капитал, выступающий в различных функциях и в соответствующих им формах.

Теперь, однако, нам нужно рассмотреть новое различие между *основным* и *оборотным* капиталом, или между *инвестиру-*

емым капиталом и *текучим капиталом* [*Anlagekapital* und *flüssigen Kapital*].

При анализе *процесса увеличения стоимости* выяснилось, что, если оставить в стороне вспомогательные материалы и собственно сырой материал, *средства труда* — как общие условия осуществления процесса, строения, резервуары и т. д., так и собственно средства труда, орудия, машины и т. д. — продолжают выполнять свою функцию более или менее длительное время, так что после того, как они отслужили в определенном процессе труда или в определенном периоде процесса труда, они могут продолжать службу в более или менее часто *повторяющихся* процессах труда. Они продолжают функционировать в течение более или менее значительного ряда процессов труда в своей первоначальной натуральной форме как факторы труда, факторы производства. Поэтому мы видим, что они лишь постепенно передают свою стоимость продуктам повторяющихся процессов труда, в которых они функционируют, передают в той мере, в какой они вместе со своей потребительной стоимостью утрачивают и свою меновую стоимость, и что эта передача стоимости, или этот переход их стоимости в стоимость продукта определяется неким идеальным средним расчетом, учитывающим среднюю продолжительность их функционирования.

Таким образом, своеобразие этой части капитала заключается, во-первых, в том, что *стоимость* этого капитала в течение *более или менее продолжительного периода распределяется на массу продуктов, которые выходят из ряда повторяющихся процессов труда*. Во-вторых, в том, что этот капитал (по крайней мере, пока он выполняет свои функции; скот может в виде исключения сначала служить в качестве орудия труда и затем может быть съеден как *продукт* животноводства, вместо того чтобы потребляться в качестве его орудия) никогда не выходит в своей *натуральной форме* из фазы производства (и поэтому остается в руках у капиталиста, не отчуждается как продукт). Последнее является общим, например, с вспомогательными материалами, которые, вступив однажды в процесс производства, его больше не покидают, а в зависимости от их природы входят в продукт либо просто как *составные части стоимости*, либо как *ингредиенты*. (Собственно говоря, рассматриваемый здесь вопрос относится только к вспомогательным материалам, таким, как уголь, газ и т. д., которые не входят как материальные составные части в продукт.) Пока не придут в негодность, они остаются в своей натуральной форме, наряду с продуктом, как фактор производства,

[67] Мы коснулись этого различия, поскольку оно имеет отношение к процессу увеличения стоимости.

Таким образом, эта часть капитала ведет себя своеобразно в процессе производства и представляется в специфических потребительных стоимостях, в таких специфически *вещных*, соответствующих ее функциям формах, как здание, машина, орудие, рельсовая дорога, корабль и т. д. Она состоит из *средств труда* в отличие от *материала труда*, в который здесь включены вспомогательные материалы. Ее *вещная* форма обусловлена той соответствующей понятию ролью, которую она должна играть в действительном процессе труда. Своеобразная форма ее *реализации [Verwertung]* явилась следствием этой вещной формы, формы, которую она имеет и должна иметь в качестве этого определенного фактора производства.

Отсюда вытекает также своеобразная форма, *определенность формы*, которую принимает эта часть капитала в отличие от других составных частей капитала в совокупном *процессе обращения капитала*. И в этой определенности формы, в процессе обращения, она называется *основным капиталом*. Основной капитал это — не упоминавшийся выше фиксированный капитал, хотя он в течение всего времени своего существования в фазе производства остается *фиксированным* капиталом в собственном смысле слова, в одной из тех изменяющихся определенностей формы, которую капитал принимает во время своего оборота. Уже благодаря своему *материальному способу существования* в процессе труда основной капитал представляет собой особенную составную часть капитала, обособленную его *часть*. Он является составной частью *постоянного* капитала; но только одна часть постоянного капитала функционирует, имеется налицо в качестве *основного* капитала.

Два главных определения предстают немедленно.

Так как основной капитал передает продукту только стоимость (что является у него общим с частью вспомогательных материалов), то из фазы производства в фазу обращения переходит не он сам, а только переданная им часть стоимости как *часть стоимости продукта* (один из конституирующих элементов стоимости продукта). В фазу обращения входит только его *стоимость*, не сам он в своей натуральной форме, и не в качестве *материальной* составной части продукта. Поэтому он *обращается* и проделывает метаморфоз лишь постольку, поскольку обращается и проделывает метаморфоз существующий рядом с ним и отделившийся от него *продукт*, производству которого он содействовал. Он проделывает весь процесс только как *часть стоимости* капитала — поскольку обращается *вся стоимость*

капитала — и только до тех пор, пока в *стоимости* продукта *снова появится* его собственная стоимость. Но он проделывает этот процесс не в своей натуральной форме и не как материальная составная часть продукта, не как *потребительная стоимость* (хотя ее признаки могут существовать в форме продукта).

В конце различных процессов труда, в которых основной капитал существует в качестве средств труда и после которых он *продолжает существовать*, применяться в процессе производства, этот капитал состоит из двух составных частей: 1) *из средств труда*, продолжающих существовать в своей натуральной форме, чтобы действовать таким же образом в повторном процессе; 2) *из массы продуктов*, в которой сырой материал и т. д. принял определяющую цель форму какой-либо *потребительной стоимости*, которая теперь в качестве товара должна проделать свой метаморфоз. Сколько бы ни потеряло стоимости средство труда, оно присоединяет ее к массе продуктов и эта утраченная стоимость существует теперь как соответствующая доля стоимости массы продуктов. В остальном эта часть капитала продолжает служить в своей первоначальной натуральной форме в возобновляемых процессах производства *в пределах* фазы производства. Поэтому она не возобновляется (не воспроизводится), а возмещается новым экземпляром того же рода. Переданная продукту средством труда стоимость, которая постепенно становится равной своей первоначальной стоимости, как только средство труда износится и станет больше непригодным, превращается в деньги, или образует часть денежной суммы, в которую превращается масса продуктов. Она образует, таким образом, стоимостный фонд, из которого в конечном счете должны быть возмещены в своей натуральной форме изношенные средства труда. Но этот фонд превращается обратно в средства труда не непосредственно, после их износа, а только тогда, когда они утратили свою потребительную стоимость и вместе с ней постепенно передали массе продуктов и всю свою меновую стоимость.

Предположим, например, что основной капитал служит в течение 20 оборотов большей или меньшей продолжительности, в таком случае он постепенно передаст свою стоимость совокупному продукту этих 20 оборотов, и деньги, вырученные от продажи этого продукта, представляют собой в конце 20 оборотов его стоимость. Эта стоимость будет в конечном счете превращена обратно в средства труда, в *основной капитал* того же рода. *Действительный* процесс воспроизводства последнего *отличен*, следовательно, от процесса воспроизводства совокупного капитала. Но не в той мере, в какой его стоимость превращается

в деньги; из своей денежной формы он превращается обратно в свою товарную форму, а следовательно, и в форму потребительной стоимости.

[68] Эта часть капитала возобновляется realiter * не в тот же самый промежуток времени, что и остальные части капитала. Однако она и не нуждается в таком возобновлении, так как с окончанием одного оборота и т. д. она имеется налицо в той же самой форме, в какой была раньше, и может *возобновить* выполнение своей *функции* в прежней своей форме. Вплоть до наступления срока своего полного износа стоимость этой части капитала постепенно и беспрестанно принимает участие в первой фазе метаморфоза товара, в его превращении в денежную форму, но она участвует довольно длительное время в акте *Т* — *Д*, не участвуя в акте *Д* — *Т*.

Ее определение в качестве *основного* капитала — хотя оно основывается на своеобразной роли, которую она играет в качестве особой материальной составной части, формы существования капитала в процессе труда и в процессе увеличения стоимости — есть определение, вытекающее из процесса обращения капитала, того процесса, который в своей непрерывности заключает общую форму процесса воспроизводства или сам является абстрактной формой этого процесса воспроизводства.

Всякий другой капитал, в отличие от этого основного капитала, определяется как *оборотный капитал,* как *не основной* капитал.

Во-первых, это — *оборотная* часть *постоянного* капитала. Всякий постоянный капитал, после вычета из него *основного* капитала, есть оборотный капитал. Он состоит из сырья, вспомогательных материалов, полуфабрикатов на каждой ступени обработки, наконец, из товаров, которые, хотя и способны в их наличной форме войти в индивидуальное потребление, снова служат в качестве сырья для нового продукта. (Например, сахар в качестве сырья для изготовления рома и т. д.)

Сырой материал входит полностью (здесь мы оставляем в стороне отходы производства) в продукт, а следовательно, и в его стоимость. То же самое относится к части вспомогательных материалов, поскольку они образуют химические и т. д. составные части продукта. Та часть вспомогательных материалов, таких, как уголь, газ и т. д. (масло, которым смазывают колеса и т. д.) (эти вспомогательные материалы потребляются либо непосредственно самими машинами, либо мастерской, рассматриваемой как совокупный организм, например, освещение

* — реально, на самом деле. *Ред.*

и т. д.), которая не входит в продукт, потребляется с точки зрения его потребительной стоимости (уничтожается) в тот момент, когда она применяется в процессе производства. Ее существование в какой-либо форме прекратилось. Ее стоимость переходит, следовательно, сразу на продукт, для производства которого она была потреблена. Вся эта часть постоянного капитала, как только она выполнила свою функцию в процессе производства, существует материально в *продукте,* и ее стоимость есть *часть стоимости* этого продукта. В этой форме продукта, который является *товаром,* она должна покинуть фазу производства и пройти фазу обращения, а в ней — метаморфоз товара. Она должна функционировать как *оборотный капитал.*

Во-вторых, это — *переменный капитал;* он сводится realiter * к *жизненным средствам;* образует часть произведенных и находящихся на рынке товаров, которые входят в индивидуальное потребление.

В-третьих, это — *продукт* или совокупная *товарная масса,* которую получают в качестве результата процесса производства и затем выбрасывают на рынок, где она обращается как функционирующий *товарный капитал,* равный *оборотному капиталу;* она состоит отнюдь не только из обращающихся элементов постоянного капитала и материальных форм существования переменного капитала. Она включает в себя все другие товары, которые непосредственно входят в индивидуальное потребление *неработающих* классов или лишь путем обмена принимают форму, в которой входят в него. Все они образуют часть оборотного капитала [a)].

Ясно, что *оборотный капитал,* в противоположность *основному,* охватывает весьма разнородные вещи. Самое главное, однако, состоит в том, что *часть постоянного капитала,* его оборотная часть, входит как *оборотный капитал* в одну категорию вместе с *переменным* капиталом, и оба они, как *оборотный капитал,* противостоят *основной составной части постоянного капитала* или *основному капиталу.* Это обстоятельство прикрывает *существенное* противоречие между постоянным и переменным капиталом и дает возможность приписывать оборотному капиталу, как таковому, свойства, которые не присущи ему, как оборотному капиталу, но присущи оборотному капиталу лишь в той мере, в какой он является *переменным капиталом.*

---

* — реально, на самом деле. *Ред.*

a) Сам основной капитал в части, являющейся *продуктом,* предназначенным для продажи, т. е. товаром, есть часть оборотного капитала. Обращается ли он теперь физически, как, например, машина, или только идеально, как дом и т. д. (покупают ли его или продают), это ничего не меняет в существе дела.

[69] Та часть капитала является *постоянной*, которая никогда не присоединяет к продукту больше стоимости, чем сама имеет, следовательно, в определенном процессе производства, в который входит постоянный капитал, он функционирует как *данная, постоянная величина стоимости*, а не как возрастающая, переменная величина. Это относится к оборотной части *постоянного* капитала совершенно так же, как и к его *основной* части. Это относится eo ipso * к *товарному капиталу*, каков бы ни был его материальный субстрат, так как этот товарный капитал находится вообще не в процессе увеличения стоимости, а только в процессе, в котором содержащейся в нем стоимости придают самостоятельную форму, денежную форму.

Рассмотрим, с другой стороны, переменный капитал.

Он существует сначала как *денежный капитал*, только в форме *оборотного капитала*. В качестве денежного капитала переменный капитал является данной, постоянной величиной стоимости и сам по себе он столь же мало является переменной величиной стоимости, как и денежный капитал, который превращается в вещные факторы производства. Однако посредством обмена на живую рабочую силу он превращается в переменную стоимостную величину и называется потому *переменным* капиталом, что его назначение как раз и состоит в том, чтобы превратиться в этот переменный элемент. В своем же существе как *денежный капитал* он так же не является переменной величиной, как и любой другой денежный капитал.

Во-вторых, он существует как *товарный капитал*, как необходимые жизненные средства, находящиеся в качестве товарного капитала на рынке. В качестве такового он продается рабочим, которые превращают в него свою заработную плату. В своем материальном способе существования он обменивается, следовательно, не на рабочую силу, а на обособившуюся в деньгах цену этой рабочей силы. Его стоимость *изменяется* столь незначительно, что он скорее, как и всякий другой товарный капитал, свою стоимость, выраженную в цене, *реализует* как стоимость путем продажи, превращает в деньги. Поскольку, следовательно, переменный капитал находится на рынке в своей материальной форме существования как товарный капитал, постольку он *не* является переменным капиталом и не функционирует как таковой, хотя он служит в качестве средства сохранения и воспроизводства рабочей силы, а потому — непрерывности всего отношения, поскольку речь идет о физическом воспроизводстве рабочих.

---

* — точно так же. *Ред.*

Сам переменный капитал, поскольку он определяется как *оборотный* капитал, не является переменным. Он становится переменным капиталом, как только он из своей формы оборотного капитала, денежного капитала или товарного капитала (когда оплата производится непосредственно товарами или когда не используются окольные пути) превратится в переменную величину, а труд — в переменную часть факторов производства.

При анализе процесса производства выяснилось:

1) Собственно средство труда — часть постоянного капитала — функционирует лишь постольку, поскольку оно продолжает существовать в своей первоначальной, *самостоятельной* натуральной форме. Оно сохраняет эту *самостоятельную* форму, *способ существования* по отношению к сырому материалу и т. д., по отношению к другим частям постоянного капитала и по отношению к продукту. Поскольку в процессе производства оно подвергается материальным изменениям, то это — процесс изнашивания. Это первое определение вытекает из той специальной роли, которую оно играет в действительном процессе труда. (Как обстоит дело с удобрениями и т. д., следует рассмотреть позднее.)

2) Что касается процесса производства капитала, то средство труда лишь *постепенно* передает свою стоимость массе продуктов повторяющихся процессов труда, в которых оно участвует, между тем как стоимость других частей постоянного капитала, потребленных в процессе производства, входит в продукт *полностью* и *сразу*, присоединяет к продукту всю свою стоимость.

Эти определенности средства труда в непосредственном процессе производства придают части капитала, которая состоит из них, особенную определенность формы внутри *процесса обращения* и *процесса воспроизводства* всего капитала, и эта его определенность формы является определенностью формы, которая относится к процессу обращения и процессу воспроизводства, отличает капитал как *основной* капитал от *оборотного капитала*. Это различие вытекает из того способа, каким определенность средства труда, во время непосредственного процесса производства, *проявляется* в процессе обращения. Таким образом, это есть определение формы, принадлежащее этому процессу. Оно заключается по существу в следующем:

1) в том, что средство труда, поскольку оно функционирует как таковое, оставляет теперь *фазу производства* и заключенную в нем часть капитала превращает в твердую форму потребительной стоимости, в которой оно закрепляется в течение более или менее продолжительного ряда процессов труда и даже кругооборотов капитала;

2) что его стоимость лишь постепенно, только та часть его стоимости, которая представляет его средний износ в течение определенного промежутка времени, переходит на продукт и продуктом приводится в обращение; хотя само средство труда не обращается, обращается его стоимость, или обращается та часть его стоимости, которая перешла на продукт;

3) что та часть его стоимости, которая обращается и принимает вместе со стоимостью продукта, являющегося ее носителем, денежную форму, проделывает эту первую фазу метаморфоза товара [70] не à fur et à mesure *, в какой она принимает эту денежную форму, не превращается обратно в потребительную форму sui generis **, в заменяющий экземпляр, как это имеет место с *обращающимися* частями *постоянного* капитала, например, с сырым материалом, который, после того как он продан, заменяется новым сырым материалом. Но так как его стоимость передается лишь постепенно и поэтому находится в обращении, будучи в продукте, в то время как средство труда продолжает функционировать в своей старой форме потребительной стоимости, продолжает, следовательно, функционировать в процессе труда, в то самое время, когда часть его стоимости обращается и превращается обратно в деньги, приобретает денежную форму, оно заменяется только тогда, когда полностью изношено, и поэтому, в среднем, его совокупная стоимость постепенно превращена в деньги в то самое время, когда его потребительная стоимость уничтожена. Только тогда средство труда переходит из денежной формы *Д*, в которую оно постепенно превратилось, в *Д — Т*, или совершает вторую фазу товарного метаморфоза и заменяется *новым средством труда*, которое снова выполняет в процессе труда ту же самую функцию. Таким образом, хотя средство труда всегда обращается как стоимость и поэтому всегда превращается обратно в деньги, из денег оно вновь превращается в свою постоянную форму только тогда, когда вся его стоимость вошла в обращение и превратилась в деньги; этому соответствует (абстрактно) то, что потребительная стоимость средства труда полностью использована, и оно, следовательно, должно быть обновлено как *потребительная стоимость*, заменено новой потребительной стоимостью того же рода. Его стоимость постоянно находится в обращении как часть стоимости товара, в производстве которого оно применяется. С превращением этого товара в деньги, постоянно превращается в деньги также и его стоимость.

* — в той мере. *Ред.*
** — особого рода. *Ред.*

Так что стоимость средства труда существует двояким образом: одной своей частью как деньги и другой частью — как остающаяся стоимость все еще продолжающего функционировать основного капитала. Чем бо̀льшая часть его стоимости принимает форму денег, тем больше убывает вместе с его потребительной стоимостью его стоимость *как* основной капитал. Как только вместе с его потребительной стоимостью утрачена и его стоимость, так оно полностью превращено в деньги и превращается из денег обратно в свою форму существования как основной капитал. В процессе увеличения стоимости дело представляется таким образом, что средство труда продолжает функционировать как средство производства, в то время как оно постепенно все больше и больше стоимости передает продукту, пока, наконец, его стоимость полностью не перейдет на продукт, когда оно вместе со своей потребительной стоимостью утратит и свою стоимость и тем самым закончит свой жизненный процесс. В процессе обращения тот же самый факт представляется таким образом, что, в то время как средство труда продолжает функционировать в фазе производства, переданная им стоимость вносится товаром в обращение и превращается в деньги. В той мере, в какой изменилась его стоимость, часть его стоимости превратилась в деньги; наконец, вся его стоимость существует в деньгах; но тогда оно уже утратило всю свою стоимость и потребительную стоимость и должно быть заменено новым экземпляром, или должен быть совершен акт *Д* — *Т*. Это происходит, однако, не à fur et mesure * средство труда превращается в деньги, а наоборот, его обратное превращение из денег в другой экземпляр то̀го же рода средства труда определяется, обусловливается продолжительностью его жизненного процесса, продолжительностью времени, в течение которого оно передает стоимость и в течение которого оно утрачивает всю свою стоимость в форме изнашивания.

Поэтому мы видим, что и основной капитал постоянно находится в обращении, но:

1) как стоимость, не как потребительная стоимость; находится в обращении стоимость функционирующей машины, а не сама функционирующая машина; основной капитал постоянно совершает акт *Т* — *Д* при посредстве товара, который является носителем переданной основным капиталом части его стоимости;

2) оборотная часть его стоимости постоянно превращается в деньги, в то время как он продолжает функционировать в процессе производства, но из денежной формы он превращается

* — по мере того как. *Ред.*

обратно в *Т* только тогда, когда он перестал служить в процессе производства. Превращение основного капитала в деньги идет pari passu * с актом *Т* — *Д* и определяется этим актом, превращением товаров, выносящих его стоимость в обращение, в деньги, однако обратное превращение этих денег определяется *его собственным временем воспроизводства,* т. е. временем, по истечении которого [71] основной капитал утратил свою потребительную стоимость и подлежит замене новым экземпляром того же рода. Это есть — в среднем, по идеальному среднему исчислению — то же самое время, в течение которого он передал всю свою стоимость совокупному продукту, производству которого он содействовал, следовательно, то время, в течение которого вся его стоимость превратилась в деньги. Только тогда основной капитал обновляется, или эти деньги превращаются обратно в основной капитал того же рода.

Часть цены товаров, равная переданной части стоимости основного капитала, образует, таким образом, *фонд накопления,* который увеличивается до тех пор, пока не наступит период воспроизводства основного капитала и когда он должен *обновиться* in natura **, должен быть заменен новыми факторами труда того же рода.

Необходимый для определенного масштаба производства основной капитал должен быть *авансирован* разом, так как процесс производства может происходить в этом масштабе только тогда, когда основной капитал имеется налицо в полном объеме, обеспечивающем непрерывное осуществление процесса производства. И основной капитал должен быть не только авансирован сразу, он должен быть авансирован в подходящей форме на *всю продолжительность времени* его собственного *воспроизводства* или *периода* его *воспроизводства. Величина авансироеания* зависит от стоимости и объема примененного основного капитала, а продолжительность *времени авансирования* зависит от времени воспроизводства основного капитала. Чем продолжительнее время, в течение которого он находится в процессе производства, тем продолжительнее период, на который он должен быть авансирован. Если он находится в процессе производства 20 лет, если он, таким образом, должен быть воспроизведен только через 20 лет, то период его авансирования будет в 10 раз продолжительнее, чем в том случае, если бы основной капитал находился в процессе производства только 2 года и т. д.

Его не нужно обновлять, потому что он продолжает функционировать в своей старой форме существования, потому что он

* — в ногу. *Ред.*

** — в натуральной форме. *Ред,*

не перестал, как сырой материал и т. д., существовать в форме своей старой потребительной стоимости, не превратился в отличный от него самого продукт.

Однако вся стоимость основного капитала не является авансированной капитальной стоимостью на весь период его функционирования, равный периоду его воспроизводства. Например, если основной капитал равен 10 000 ф. ст. и должен быть заменен через 10 лет, так что его износ равен 1 000 ф. ст. в год, то в этом случае на исходе первого года его стоимость существует в виде 1 000 ф. ст. деньгами и в виде основного капитала стоимостью в 9 000 ф. ст.; на исходе 6-го года его стоимость будет равна 6 000 ф. ст. деньгами и 4 000 ф. ст. в виде основного капитала. Однако в процессе производства действительно авансирована только его стоимость как функционирующий капитал. Величина стоимости авансированного основного капитала уменьшается, следовательно, соразмерно с уже описанной им дугой времени его воспроизводства.

Из замечаний, сделанных в отношении особенностей обращения основного капитала, вытекает, что вступление в обращение основного капитала вносит новые определения в оборот капитала вообще; и бывают очень большие различия между оборотами капиталов, вложенных в различные сферы производства, где постоянный капитал делится на основной и оборотный капитал в весьма различных пропорциях, а также сказывается и то, что периоды воспроизводства, равные периодам оборота основного капитала, сами весьма различны.

(Здесь следует заметить, что обновление основного капитала отличается от обновления других элементов постоянного капитала. Например, когда тюк хлопка переработан, он заменяется другим, а если предположить, что фабрикант не имеет запаса хлопка и капитала, чтобы заменить старый хлопок, то пряжа, в которую перерабатывается, например, этот тюк, продается, и на часть ее стоимости, равной стоимости содержащегося в пряже хлопка, при прочих равных условиях, покупается новый тюк хлопка. Однако это обновление хлопка, как сырого материала процесса производства, или вступление в процесс нового хлопка, а также время, в течение которого это происходит, не имеет ничего общего *с действительным воспроизводством* хлопка, если только предположить, что хлопок постоянно находится на рынке, следовательно, постоянно воспроизводится. Обновление же основного капитала определяется... *).

* Здесь в рукописи фраза обрывается. *Ред.*

[72] Так как стоимость основного капитала существует только как *часть стоимости продукта*, которая в качестве товарного капитала постоянно поступает из фазы производства на рынок, вводится в обращение только посредством товара, то *оборот всего капитала* совершается только в оборотах этого или *оборотного капитала*. С другой стороны, так как стоимость всего капитала равна стоимости оборотного капитала + стоимость основного капитала, то необходимо большее или меньшее число оборотов оборотного капитала с тем, чтобы представить оборот всего капитала в большем или меньшем числе оборотов оборотного капитала. Если же продолжительность оборотов оборотного капитала предполагается данной, то от относительной величины основного капитала зависит, с каким числом оборотов оборотного капитала совершает свой оборот весь капитал.

Предположим, что авансированный основной капитал равен 100 000 ф. ст., авансированный оборотный капитал равен 30 000 ф. ст., из которых 5 000 ф. ст. должны представлять заработную плату или переменный капитал для рабочих, занятых в течение 3 месяцев. Норма прибавочной стоимости пусть будет равна 100%. Допустим, оборотный капитал, равный 30 000 ф. ст., оборачивается один раз в 3 месяца, следовательно, 4 раза в год. Предположим, далее, что основной капитал используется в течение 10 лет, так что это время является временем его функционирования и по истечении которого он должен быть воспроизведен. Ежегодно он передавал бы продукту 10 000 ф. ст., следовательно, каждую четверть года 2 500 ф. ст. Следовательно, в конце первого оборота имелась бы налицо товарная стоимость, равная 2 500 ф. ст. + 35 000 ф. ст. = 37 500 ф. ст. Если мы совершенно оставим в стороне прибавочную стоимость, то товарная стоимость будет равна 32 500 ф. ст. Если же она обернется 4 раза в течение года, то она будет равна 130 000 ф. ст. Хотя здесь оборотный капитал обернулся 4 раза в течение года, весь капитал обернулся только один раз.

Если бы основной капитал использовался в течение 20 лет, вместо 10, то каждый год он передавал бы продукту только 5 000 ф. ст., а каждую четверть года 1 250 ф. ст. Если мы оставим в стороне прибавочную стоимость, то стоимость продукта, созданного в конце четверти года, была бы равна 31 250 ф. ст., а после 4-кратного оборота 125 000 ф. ст. Весь капитал, следовательно, не обернулся бы в течение одного года, хотя его оборотная часть совершила 4 оборота в год. Время оборота всего капитала было бы продолжительнее, чем один год; эта разница возникла бы именно вследствие более медленного оборота стои-

мости или более продолжительного периода функционирования, а потому — времени воспроизводства (не того времени, в течение которого он может быть воспроизведен, а того времени, в течение которого он должен быть воспроизведен. В производстве зерна, скота и т. д. период воспроизводства совпадает со временем производства).

Возьмем теперь первый пример и посмотрим, что мы имеем в конце года. Если оставить в стороне прибавочную стоимость, то восстановлены 30 000 ф. ст. оборотного капитала и 10 000 ф. ст. за износ основного капитала, итого 40 000 ф. ст. А 90 000 ф. ст. продолжают существовать в форме основного капитала. Они не вступили в обращение, но капиталист по-прежнему обладает этой массой стоимости в форме основного капитала.

То, на что здесь необходимо указать, заключается в следующем: мы видели раньше, что, если капитал в 30 000 ф. ст. оборачивается 4 раза в год и функционирует как капитал в 120 000 ф. ст., поскольку дело касается производства товаров и прибавочной стоимости, он возвращается, если оставить в стороне прибавочную стоимость, только как капитал в 30 000 ф. ст. Возвращается только капитал, авансированный капиталистом, вернее, повторяется только число его оборотов, так как при каждом новом обороте только этот капитал образует исходный пункт. Количество возвращающегося капитала зависит от *авансируемой,* а не от *функционирующей* массы капитала. Теперь мы видим, что, хотя весь авансированный капитал, посредством 4-кратного оборота своей оборотной части, в первом примере (в одном случае) оборачивается в течение года, тем не менее этот авансированный капитал в 130 000 ф. ст. не возвращается. Это вытекает, впрочем, из первого предположения. Оборотный капитал в 30 000 ф. ст. обернулся 4 раза, функционирует как капитал в 120 000 ф. ст. в течение года, поскольку речь идет о массе товаров и количестве прибавочной стоимости. Однако он функционирует так только благодаря своему 4-кратному обновлению в течение года. Он возвращается, следовательно, в конце года только как аванс, как капитал, вновь начинающий очередную четверть года, т. е. как авансируемый капитал в 30 000 ф. ст. Что касается основного капитала, то он возвращается только в таком количестве, которое он передал и которое, согласно нашему предположению, составляет его $^1/_{10}$ часть. Остальные $^9/_{10}$, при прочих равных условиях, возвратятся по истечении 10 лет, в течение которых вся стоимость этого капитала поступит в обращение, т. е. *будет перенесена из сферы производства в сферу обращения.*

[73] В нашем предположении основной капитал равен 100 000 ф. ст.; норма износа: $^1/_{10}$ в год; время обращения равно 10 годам.

Оборотный капитал равен 30 000 ф. ст., из которых 5 000 ф. ст. — переменный капитал. *Норма прибавочной стоимости* равна 100%.

Число оборотов оборотного капитала равно 4.

При этих предпосылках мы установили, что весь капитал оборачивается *один раз* в год, в то время как его *оборотная часть* оборачивается *4 раза*.

Почему этот 4-кратный оборот оборотного капитала соответствовал однократному обороту всего капитала?

Сумма авансированного капитала равна 130 000 ф. ст.

Так как, однако, основной капитал присоединяет к продукту в год $^1/_{10}$ своей стоимости, или $^1/_{40}$ в четверть года, то 100 000 ф. ст. — 10 000 ф. ст. = 90 000 ф. ст., т. е. сумма основного капитала, помимо суммы его оборотного капитала, должна быть покрыта оборотом оборотного капитала, а именно:

Основной капитал	Оборотный капитал

90 000 ф. ст. + 30 000 ф. ст. = 120 000 ф. ст. Это число, разделенное на 30 000 ф. ст. = 4; 4 × 30 000 = 120 000. Остаток в 10 000 ф. ст. покрывается оборотом основного капитала — обращением его стоимости.

Отсюда следует, что если весь капитал минус износ основного капитала разделить на оборотный капитал, то мы получим число оборотов, которое необходимо для оборота всего капитала. $\frac{f-\delta+c}{c}=n$, где f — основной капитал, δ — износ, c — оборотный капитал, n — число оборотов, необходимое для того, чтобы весь капитал совершил свой оборот.

Далее: $f-\delta+c=cn$; или весь капитал минус годовой износ основного капитала равен оборотному капиталу, помноженному на число его оборотов.

Если мы примем, что $f-\delta=f'$, то ясно, что $\frac{f'+c}{c}$ тем меньше, чем меньше f' или чем больше δ, разница между f и f', т. е. чем больше износ основного капитала в течение года, или чем *меньше его время обращения* при данной его величине, тем меньше должно быть n, число оборотов оборотного капитала, чтобы весь капитал совершил свой оборот. С другой стороны, чем меньше δ, тем больше должно быть n.

Далее из той же формулы следует: если дано время обращения основного капитала (при данном износе основного капитала

в год), то $\frac{f-\delta+c}{c}$ или n тем больше, чем меньше f, и тем меньше, чем больше f. Или число оборотов определяется отношением величины оборотного капитала к основному капиталу, или отношением, в котором находятся обе части всего капитала.

Таким образом, в данный момент мы пришли к следующим положениям:

Сумма авансированного капитала минус износ (в течение года) основного капитала, деленная на оборотный капитал, дает число оборотов оборотного капитала, необходимое для того, чтобы весь авансированный капитал совершил оборот в течение года.

Если дана величина основного капитала (его *относительная* величина в сравнении со всем капиталом), то число оборотов оборотного капитала, необходимое для того, чтобы в течение года совершил оборот весь капитал, находится в обратном отношении ко времени обращения основного капитала или к величине его годового износа.

Если дано время обращения основного капитала или величина износа, то число оборотов находится в обратном отношении к относительной величине основного капитала.

[74] Если нам известно, что основной капитал передает в год 10% стоимости, или совершает в год $^1/_{10}$ своего обращения, то очевидно, что так как здесь δ является величиной данной, а именно $^1/_{10}$ основного капитала, то $\frac{f-\delta+c}{c}$ всегда $= n$, т. е. выражает число оборотов, необходимых для того, чтобы весь капитал обернулся один раз в течение года. Например, $\frac{130\,000-10\,000}{30\,000} = 4$, причем совершенно безразлично, как велико время оборота c (его время обращения в течение одного оборота). Если весь капитал должен обернуться один раз в течение года, тогда время обращения должно быть $= \frac{\text{год}}{4} = \frac{12}{4} =$ $= 3$ месяцам. (Если бы время обращения составляло только 2 месяца, тогда мы имели бы $4 \times 30\,000 = 120\,000$ ф. ст., и так как за 8 месяцев износ $= 6\,666\,^2/_3$, то обернувшаяся за 8 месяцев сумма $= 126\,666^2/_3$ ф. ст. Время обращения для всего капитала составило бы несколько больше 8 месяцев. Если бы время обращения было равно 4 месяцам, то $3 \times 30\,000 =$ $= 90\,000$ и износ $= 10\,000$; итого — 100 000 ф. ст. Капитал не обернулся бы один раз в течение года. Четырехкратный оборот оборотного капитала был бы равен 1 году и 3 месяцам, а сумма была бы равна $4 \times 30\,000 = 120\,000$ ф. ст.; однако в этом случае 120 000 ф. ст. + 10 000 ф. ст. износ + 2 500 ф. ст.

износ = 132 500 ф. ст., т. е. равна сумме большей, чем авансированная сумма, обернувшаяся в течение 1 года и 3 месяцев.)

Если его время обращения больше или меньше, то и число оборотов будет меньше или больше, чем требуется для его оборота в течение одного года; или весь капитал тогда оборачивается в течение одного года + $\frac{4}{x}$ года или в течение 1 года — $\frac{4}{x}$ года. Однако число оборотов увеличивается и уменьшается не в точном соответствии с увеличением или уменьшением времени оборота по сравнению с тем временем, которое было бы необходимо для того, чтобы он обернулся в течение года. В одном случае, если его оборот продолжается больше года, в обращение поступает бо́льшая сумма за износ основного капитала, а в другом случае — меньшая сумма, чем его годовой износ.

То, что весь капитал оборачивается в течение более продолжительного времени, чем год, может быть выражено и так, что какая-то часть оборачивается в течение года и что она оборачивается в течение года несколько раз, что в течение какой-то части года она оборачивается полностью.

В предыдущем примере время оборота всего капитала = $= {}^1/_{10}$ времени оборота основного капитала, посредством которого оборачиваются 10 000 ф. ст. (${}^1/_{10}$ стоимости всего капитала) + 4 раза время оборота оборотного капитала.

${}^1/_{13}$ = 10 000 = ${}^1/_{10}$ основного капитала; оборачивается в течение одного года = 12 месяцам.

${}^3/_{13}$ = 30 000 = оборотному капиталу; оборачиваются в течение ${}^1/_4$ года = 3 месяцам.

${}^1/_{13}$ оборачивается в течение 1 года = 12 месяцам. Следовательно, ${}^1/_{13} \times 12$ — в течение 1-го месяца; следовательно, ${}^3/_{13} \times 12$ — в течение 3 месяцев; следовательно, $\frac{1}{13 \times 4}$ в течение 3 месяцев, следовательно, ${}^1/_{52}$ всего капитала в течение 3 месяцев.

[75] Если в течение одного и того же года оборачивается ${}^1/_{10}$ основного капитала = ${}^1/_{13}$ всего капитала, а в течение ${}^1/_4$ года оборачивается оборотный капитал = ${}^3/_{13}$ всего капитала, то сколько составляет время обращения всего капитала в течение ${}^1/_4$ года и, следовательно, в течение 1 года?

Пусть основной капитал будет = f, оборотный = c, весь капитал = K.

Тогда $f = \frac{K}{13}$ и $c = \frac{3K}{13}$.

$\frac{K}{13} = f$ оборачиваются в течение 12 месяцев, следовательно, $\frac{K}{13 \times 4} = \frac{K}{52}$ в течение 3 месяцев.

Далее, $\frac{3K}{13} = c$ оборачиваются в течение 3 месяцев; следовательно, $\frac{3K}{13}$ в течение 3 месяцев.

Следовательно, в течение 3 месяцев оборачиваются $\frac{K}{52} + \frac{3K}{13}$; следовательно, в течение 3 месяцев оборачиваются $\frac{13K}{52 \times 13} + \frac{156K}{52 \times 13}$.

Итак, $\frac{13K + 156K}{52 \times 13} = \frac{169K}{52 \times 13} = \frac{169}{676}$ в течение 3 месяцев.

Следовательно, в течение *4* $\times$ *3* месяцев: $\frac{4 \times 169}{676} = \frac{676}{676} = \frac{13}{13}$.

Или весь капитал, составляющий $^{13}/_{13}$, в этом случае оборачивается в течение года.

Если, следовательно, с одной стороны, определено:

1) совокупное время обращения основного капитала, а следовательно, и время обращения соответствующей его доли в течение данного промежутка времени, например в течение года, наконец, определено отношение основного капитала ко всему капиталу, следовательно, капитал $= \frac{K}{x}$,

2) время оборота оборотного капитала, то, следовательно, какую часть года оно занимает?

Во-первых, мы рассчитываем, какая часть обращающегося в течение года основного капитала оборачивается за время оборота оборотного капитала, и тогда мы получаем уравнение $\frac{K}{x} = \frac{f}{4}$, т. е. оборачивается в течение u' времени обращения оборотного капитала.

Но $\frac{mK}{x}$ (пропорциональная часть, которую образует оборотный капитал от всего капитала) также оборачивается в течение u'. Следовательно, $\frac{K}{x} + \frac{mK}{x}$ или $\frac{K + mK}{x}$ оборачивается в течение u', и, если u' содержится в году n раз, то nu' равно годовому обращению всего капитала. Следовательно, $nu' = \frac{n(K + mK)}{x} = K$.

[76] Количество всего капитала, которое обращается в течение данного промежутка времени, равного времени оборота

оборотного капитала, определяется, следовательно, 1) временем оборота самого оборотного капитала, 2) временем обращения основного капитала, 3) относительной величиной основного капитала, в сравнении со всем капиталом. (Куда входит также пропорциональная величина оборотного капитала.) Чем меньше, при данном времени обращения, количество основного капитала, число выражающее его отношение ко всему капиталу, тем больше та часть всего капитала, которая оборачивается в течение времени оборота оборотного капитала; чем больше, при данной величине основного капитала и поэтому при данном отношении последнего ко всему капиталу, его время обращения, тем меньше та часть всего капитала, которая оборачивается в течение времени оборота оборотного капитала.

Если бы основной капитал составлял $^1/_2$ всего капитала, следовательно, к примеру 30 000 ф. ст. и оборотный капитал также 30 000 ф. ст.; если бы оборотный капитал, по-прежнему, оборачивался 4 раза в год, а основной капитал один раз в 10 лет, следовательно, $^1/_{10}$ его часть в течение 1 года, тогда оборачивалось бы 3 000 ф. ст. основного капитала в год и $^{3\,000}/_{12}$ в один месяц и $^{9\,000}/_{12}$ в 3 месяца = $^{3\,000}/_4$ = 750 ф. ст. Следовательно, в течение 3 месяцев обернулись бы 750 ф. ст. + 30 000 ф. ст. = = 30 750 ф. ст. Весь капитал обернулся бы в течение менее 6 месяцев. Почему? Потому что оборотный капитал образует половину всего капитала и часть основного капитала ditto * оборачивается в течение времени оборота оборотного капитала. Если бы основной капитал был = 60 000 ф. ст. вместо 100 000 ф. ст. и в год оборачивалось бы 6 000 ф. ст., то в месяц — $\frac{6\,000}{12}=\frac{2\,000}{4}=\frac{1\,000}{2}=500$ ф. ст., а в 3 месяца — 1 500 ф. ст. Следовательно, в течение четверти года: 1 500 + + 30 000 = 31 500 ф. ст., и весь капитал обернулся бы менее чем за 3 месяца, так как оборотный капитал = $^1/_3$ всего капитала, следовательно, он обернулся бы, если бы обращался один. Сюда, однако, относится та часть основного капитала, которая обращается в то же самое время.

Если бы, с другой стороны, время обращения основного капитала в 100 000 ф. ст. (в первом примере) было = 25 годам, вместо 10 лет, то в течение одного года в обращение вошла бы $^1/_{25}$ его часть, следовательно, = $^{100\,000}/_{25}$ = 4 000 ф. ст., следовательно, в течение одной четверти года — 1 000 ф. ст. Следовательно, в течение одной четверти года обернулись бы 1 000 *f* + 30 000 *c* ф. ст. или 31 000 ф. ст., а в течение года

* — также. *Ред.*

только 124 000 ф. ст. Для обращения всего капитала потребовался бы оборот 31 000 ф. ст. в течение 3 месяцев, следовательно, оборот 130 000 ф. ст. требует чуть меньше $12^1/_2$ месяцев.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что при данном времени оборота оборотной части капитала (мы не стали больше обращать внимания на движения этой части капитала, потому что ранее она была рассмотрена отдельно) время оборота всего капитала значительно модифицируется относительной (в сравнении с оборотным или всем капиталом) величиной и временем обращения основного капитала, и тем в большей степени, чем больше относительная величина основного капитала и чем продолжительнее его время обращения.

Вопрос теперь состоит в том (хотя этот вопрос относится лишь к следующему, третьему параграфу настоящей главы, мы рассмотрим его тут же, в той мере, в какой дело касается основного капитала), какое влияние это оказывает на образование стоимости, массы товарной продукции, массы и нормы прибавочной стоимости? (*Норму прибыли* рассмотреть здесь мимоходом для книги III, гл. I.) Если бы вместо всего капитала, состоящего из 100 000 *f* и 30 000 *c*, в обращении был бы только капитал оборотный, а *f* = *0*, следовательно, если бы обращались только эти 30 000 *c*, из которых 5 000 составляли бы переменный капитал при 100-процентной норме прибавочной стоимости, то масса произведенных товаров была бы той же, ее стоимость была бы меньше на величину износа основного капитала, прибавочная стоимость — *та же, норма прибавочной стоимости — та же*, а в исчислении на авансированный переменный капитал — в четырехкратном количестве, так как в результате четырехкратной реализации по 100% в четверть года она в течение года реализовалась бы на 400%. (Однако, что касается *нормы прибыли*, то различие было бы еще большим, ибо 20 000 ф. ст. в отношении к 30 000 ф. ст. = $66^2/_3$%, а 20 000 ф. ст. в отношении к 130 000 ф. ст. = $15^5/_{13}$%).

[77] В приведенном случае прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости остались бы теми же, а норма прибыли возросла бы (последняя в еще большей степени, чем первая, потому что увеличивается не только *авансированный* переменный капитал, но и авансированный совокупный капитал; случай 2 в сравнении со случаем 1).

Следовательно, если даны величина оборотного капитала, его время оборота, его переменная составная часть и норма прибавочной стоимости в течение времени оборота (которое здесь приравнено к соответствующей части года), то масса прибавочной стоимости и ее норма остается той же, но норма

прибыли уменьшается в той пропорции, в какой изменяется *время оборота всего капитала* соответственно относительной величине и продолжительности обращения основного капитала *).

Другое дело, если постоянную часть оборотного капитала, 25 000 ф. ст. приравняем к нулю и оставим в силе все остальные прежние условия.

В этом случае основной капитал равен 100 000 ф. ст.; из них 10 000 ф. ст. оборачиваются в течение 1 года; 5 000 ф. ст. оборачиваются четыре раза в год. Следовательно, 2 500 ф. ст. оборачиваются в 3 месяца, следовательно, 7 500 ф. ст. оборачиваются в 3 месяца, а в год — 30 000 ф. ст. В год должны были бы обернуться только $^3/_{13}$, следовательно, $^{13}/_{13}$ — в $4^1/_3$ года. В этом случае масса прибавочной стоимости была бы та же, та же была бы и ее норма, так как на 3 месяца она составляет 100%, а на 12 месяцев 400%. (Однако *норма прибыли* была бы равна 20 000 : 100 000 = $^1/_5$ = 20%, вместо 400%.) Масса созданной в течение года стоимости равна только 30 000 ф. ст., тогда как в другом случае она равна 150 000 ф. ст., т. е. 130 000 ф. ст. капитал + 20 000 ф. ст. прибавочная стоимость. Или она равна 4 × 30 000 = 120 000 + 20 000, если только оборотный капитал в 30 000 обернется четыре раза.

Если мы, напротив, будем считать весь капитал в 150 000 ф.ст. оборотным и 20 000 ф. ст. из них — переменным, и если мы предположим, что он оборачивается только один раз в год, то стоимость по-прежнему = 150 000 ф. ст., из них 130 000 ф. ст. — авансированный капитал и 20 000 ф. ст. — прибавочная стоимость. Однако норма прибавочной стоимости будет равна только $15^5/_{13}$%, как в первом случае, так как не только переменный капитал в 5 000 ф. ст. применяется 4 раза, но и 4 × 5 000 функционировал бы один раз в течение года. Вся разница состояла бы в том, что весь капитал не только обернулся бы в течение года, но полностью был бы *заменен*, так как в стоимость годового продукта вошла бы не часть износа, не $^1/_{13}$ от 130 000 и $^{12}/_{13}$ благодаря 4-кратному обороту оборотного капитала, а $^{13}/_{13}$ благодаря одногодичному обороту в 4 + $^1/_3$ раза большего оборотного капитала. В этом случае, следовательно, разница между основным и оборотным капиталом не вызывала бы никакой разницы между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли.

Таким образом, если один капитал состоит из основного и оборотного, а оборотный содержит в себе столько же перемен-

*) В этом случае норма прибавочной стоимости всегда = 400 % в год = 20 000 ф. ст., но эти 20 000 ф. ст. в одном случае берутся в отношении к 30 000 ф. ст., в другом — в отношении к 130 000 ф. ст.

ного капитала и имеет то же самое время оборота, что и другой капитал, состоящий только из оборотного капитала, имеющий одинаковое (с первым) время оборота и содержащий в себе столько же переменного капитала, то прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости будут теми же, в каких бы пропорциях первый капитал ни состоял из основного и как бы значительно ни менялось время обращения всего капитала вследствие различной продолжительности времени обращения основного капитала. Только *норма прибыли* в силу этого изменяется. (Дело *кажется* другим, потому что в большинстве случаев, где больше основного капитала, переменный капитал вообще образует меньшее отношение к постоянному, к сумме основного и оборотного постоянного капитала.) Норма прибавочной стоимости и масса прибавочной стоимости не могут определяться иначе, чем величиной переменного капитала, а именно, его долей в данном обороте части капитала и числом этих оборотов в течение года. Но образование стоимости было бы тогда весьма различным, в зависимости от величины и времени обращения основного капитала, ибо оборотный капитал входит полностью в стоимость продукта.

Напротив, если имеются равные капиталы, один из которых только оборотный, другой — основной и оборотный, и годовой оборот последнего в результате различных оборотов его оборотной части равен годовому обороту первого, который обращается только один раз в год, то более продолжительное время обращения оборотного капитала оказало бы на *норму прибыли* совершенно такое же воздействие, как и основная составная часть последнего; норма же прибавочной стоимости была бы меньше, потому что в последнем случае весь переменный капитал авансирован на один год, с тем чтобы каждую четверть года авансировалась $^1/_4$ часть этого капитала (чтобы путем 4-кратного обновления он приводил в движение такое же количество труда).

[78] Так как основной капитал вводится в обращение только посредством товара, в котором представлен оборотный капитал, или же оборотная часть всего капитала, так как переменный капитал всегда есть часть оборотного капитала (в некоторых случаях, как, например, в горнорудной промышленности, рыболовстве, в транспортной индустрии и т. д., он составляет главную часть оборотного капитала, *все* вспомогательные материалы, потребляемые машинами и т. д.), то, при данной норме прибавочной стоимости, норме эксплуатации труда, масса прибавочной стоимости и норма прибавочной стоимости, например годовая, зависят полностью от того, как часто оборачивается эта оборотная часть. Если его переменная часть такой же

величины, как и в том случае, когда постоянный капитал состоит главным образом из оборотного капитала, то прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости в течение года одинаково велики, так как она одинаково велика в течение определенного отрезка времени, одного оборота, и одинаково велико число оборотов в данный промежуток времени, или одинаково велика масса труда, приводящая в движение один и тот же капитал в течение данного года. (*Норма прибыли* меньше, потому что авансированный совокупный капитал, на основе которого она исчисляется, больше, и в каждом обороте обращается меньшая часть *всего капитала*. Присоединяемая к годовому продукту стоимость меньше, хотя она определяется двояким моментом: величиной основного капитала и его годовым износом или обращением.)

В последнем случае, когда весь капитал, равный, например, 100 000 ф. ст., из которых 90 000 ф. ст. — постоянный и оборотный капитал, 10 000 ф. ст. — переменный и оборотный, и оборотный капитал в 100 000 ф. ст. оборачивается только один раз в год, то прибавочная стоимость равна 10 000 ф. ст., норма прибавочной стоимости равна 100%, норма прибыли равна 10%, стоимость товара равна 110 000 ф. ст.

Точно так же и тогда, когда 90 000 ф. ст. — основной капитал, 10 000 ф. ст. — оборотный капитал, затраченный только на труд, и эти 10 000 ф. ст. оборачиваются только один раз в год, а $^1/_{10}$ основного капитала составляет износ, то прибавочная стоимость равняется 10 000 ф. ст., годовая норма прибавочной стоимости равна 100%, *норма прибыли* — 10%, стоимость товара равна 20 000 ф. ст. Различие в стоимости товара проистекает от того, что в первом случае в нее входит вся стоимость авансированного капитала, т. е. 100 000 ф. ст., во втором случае — только $^1/_{10}$ основной части и $^1/_{10}$ оборотного капитала.

Вопрос, который здесь возникает, заключается в следующем: при одинаковой величине и одинаковом времени оборота оборотного капитала и оборотной части основного капитала *норма прибыли* одна и та же. Разумеется, авансированный на год капитал в обоих случаях тот же и произведенная им прибавочная стоимость та же, следовательно, $\frac{m}{K} = p'$, норме прибыли. Однако при этом один капитал авансирован на 10 лет, другой — только на 1 год. Между тем на второй год в первом случае авансирован снова тот же капитал в 100 000 ф. ст., во втором случае — лишь капитал в 90 000 ф. ст. (80 000 ф. ст. — основной и 10 000 ф. ст. — оборотный), так как стоимость основного капитала уменьшилась на $^1/_{10}$. (По идее это компенсируется тем,

что потребительная стоимость основного капитала уменьшилась, основной капитал потерял в среднем расчете $^1/_{10}$ своей потребительной стоимости; он, следовательно, уже не производит одним и тем же трудом такое количество товаров, какое должно быть произведено полнокровным основным капиталом. Если, с одной стороны, вследствие продолжительного цикла производства, которое обусловливается характером основного капитала, он подвергается обесценению по сравнению с оборотным капиталом в результате новых изобретений и т. д., более короткого *времени* его *воспроизводства*, то, с другой стороны, становится возможной избыточная прибыль, как раз благодаря этому его постоянно прогрессирующему обесценению, вместе с которым всегда идеально синхронно происходит его обесценение как потребительной стоимости. Насколько верно этот идеальный подсчет отражает в каждом отдельном случае действительность — это дело случая, первоначальной добротности и т. д.) Периоды обращения те же. Следовательно, при каждом новом обороте авансируется одинаковое количество капитала. Обновляется ли в этом случае оборотный капитал ежегодно или основной капитал продолжает существовать без обновления, от этого ничего не изменяется ни в прибавочной стоимости, ни в ее норме, ни в норме прибыли. Если за время обращения одного капитала, состоящего только из оборотного и из такой же части переменного (или пропорциональной его величине), приводится в *движение* такое же количество труда, как и за время обращения основного капитала, обращающаяся часть которого является только переменной и оба капитала имеют одну и ту же величину, то одинаковы не только прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости, но также и *норма прибыли*. Если, однако, различные *величины* авансированного капитала вызывают эти различия, то в этом проявляется общее отношение между переменным и постоянным капиталом при *одинаковом времени обращения*, и это не имеет ничего общего с тем, является ли бо́льшая часть капитала *оборотным* или *основным*, не имеет ничего общего с этим определением.

Следовательно, дело лишь в том, — поскольку основной капитал изменяет время обращения всего капитала, — что, при прочих равных условиях, он изменяет *норму прибыли*, потому что одна и та же прибавочная стоимость тогда приходится на больший *авансированный* капитал и на более продолжительное время его авансирования. *Авансирование на более продолжительное время* не порождает никакого различия, если совокупным капиталам, основному и оборотному, обоим требуется

один год — одному для всего целиком, другому — для его оборотной части + износ.

[79] Закрепленность части постоянного капитала сама по себе никогда не порождает какого-либо различия в *производстве прибавочной стоимости*, а при прочих неизменных условиях, также и в норме прибавочной стоимости (при упомянутых условиях она может оказать влияние только на *норму прибыли*), так как ведь вообще при исчислении прибавочной стоимости и нормы прибавочной стоимости все существование постоянного капитала = 0, причем, таким образом, совершенно безразлично, в какой мере этот постоянный капитал является основным или оборотным. Ошибка возникает: 1) из-за смешения основного капитала с постоянным и оборотного капитала с переменной частью капитала; 2) из-за смешения прибыли и прибавочной стоимости; 3) из-за того обстоятельства, что в действительности применение большего количества основного капитала часто связано с относительно меньшим количеством переменного капитала, по сравнению с тем случаем, когда преобладает оборотная часть постоянного капитала; 4) ошибка возникает потому, что различия во времени обращения оборотной части всего капитала, вызванные более продолжительным временем производства или более продолжительным временем обращения, приписываются основному капиталу как таковому. Если имеются два равновеликих капитала, один из которых — полностью оборотный, а другой только основной и, к примеру, на $^{1}/_{4}$ всего капитала — оборотный, то оба они обернулись бы 4 раза в год.

(Основные капиталы, которые функционируют мнимо самостоятельно, будут исследованы при рассмотрении процента совершенно так же, как и оборотные капиталы, которые функционируют мнимо самостоятельно, не приводя в движение труд.)

Весьма важно, ради правильного рассмотрения вопросов прибыли, здесь, в этой книге *точно* исследовать влияние основного капитала на образование прибавочной стоимости и т. д.

Различие, поскольку оно вообще обусловлено основным капиталом, возникает лишь тогда, когда мы рассматриваем *оборотный* капитал сам по себе, такой оборотный капитал, который имеет такую же или не намного бо̀льшую величину, чем оборотная часть всего этого капитала с одинаковой переменной составной его частью. В этом случае *норма прибыли* меньше у капитала *I*.

(Чем меньше время обращения, при данной величине основного капитала, чем меньше стоимости передает он годовому продукту, тем дешевле товар. Чтобы переработать то же количество оборотного постоянного капитала (сырья и т. д.), необ-

ходимо больше труда, отсюда — больше прибавочной стоимости. Если, следовательно, величина времени обращения увеличивает авансированный совокупный капитал, то она уменьшает стоимость товара. (Удешевление товара связано здесь с уменьшением нормы прибыли.) При данном времени обращения величина присоединяемой к товару стоимости основного капитала зависит от величины этого капитала.)

Таким образом, как бы ни было различно *образование стоимости,* при различном строении постоянного капитала из основного и оборотного, *увеличение стоимости* и *степень* ее увеличения при прочих неизменных условиях, напротив, не обязательно должны быть различными. *Норма прибыли,* при равновеликих капиталах, требующих одного и того же времени обращения, также не различна. Она различна, при одинаковом времени обращения, только в том случае, если оборотная часть всего капитала, состоящая из основного, меньше, чем оборотный капитал, который не состоит из основного, или если при двух неравновеликих капиталах оборотная часть в одном случае относительно больше, чем в другом, а число оборотов то же.

Что надлежит еще подробнее рассмотреть в отношении основного капитала — вопрос об оборотном капитале как товарном капитале и денежном капитале уже изложен ранее, — так это следующее:

I. 1) *Общий период оборота* основного капитала, связанный также с его *оборотом;* вместе с тем более продолжительный жизненный цикл непрерывного процесса воспроизводства; (кризисы, непрерывность труда).

VII. 2) *Сравнение между основным и оборотным капиталом;* метаморфозы одного, занятость другого.

VIII. 3) В какой степени каждый из этих двух видов капитала является *капиталом в более полном смысле.* Развитие основного капитала вместе с капиталистическим способом производства как явление, характерное для этого способа производства; основной капитал как базис кредитной системы и т. д., поскольку он всегда представляет собой заявку на будущий труд per se *. Мистификация обоих видов капитала.

IX. 4) Основной капитал (его производство в больших масштабах); чтобы уменьшить массу существующего в жизненных средствах капитала, использовать избыточное население и т. д.

V. 5) *Различные виды основного капитала.* В какой степени *деньги* могут рассматриваться как основной капитал?

* — сам по себе. *Ред.*

Являются ли основным капиталом посевное зерно, скот, удобрения и т. д.?

VI. 6) Отношение основного капитала к потреблению. Рассматриваемый вещественно, основной капитал входит также и в потребление. Далее — все *средства потребления,* такие как ножи, вилки и т. д. (мебель в известном смысле).

II. 7) Превращение оборотного капитала в постоянный капитал. Верно ли, что всякий основной капитал, как говорит А. Смит [79], происходит из оборотного капитала?

IV. 8) Обращение основного капитала в форме продаж, ценных бумаг и т. д.

III. 9) В какой мере обращается основной капитал как таковой? Например, машина, которую покупают, и т. д.? (Эти вопросы следует рассмотреть в порядке, указанном римскими цифрами.)

[80] К пункту I. Во всех отраслях производства, ведущихся в крупном масштабе и с большим основным капиталом, *процесс функционирования* основного капитала, примененного в определенной форме и существующего в виде строений, машин, корабля и т. д., продолжается какое-то, большее или меньшее, количество лет, охватывает, следовательно, 1) много оборотов всего капитала, если последний оборачивается только один раз в год или в течение времени большего чем год и 2) если число оборотов оборотной части капитала, необходимое для оборота всего капитала, в течение одного года равно n, а число лет, в течение которых совершается обращение совокупной стоимости износа основного капитала, равно x годам, то совокупный процесс воспроизводства функционирующего капитала, который заканчивается лишь тогда, когда авансированный основной капитал будет возмещен in natura *, охватывает nx оборотов оборотной части всего капитала и x оборотов его совокупной стоимости. Такой период я называю *циклом оборотов капитала.* Совокупное обращение основного капитала обусловлено не временем, в течение которого оборачивается совокупная стоимость авансированного капитала, а временем, в течение которого совокупная стоимость основного капитала обернулась, превратилась в деньги; и поэтому, в соответствии со средним подсчетом, его потребительная стоимость уничтожена, он использован как потребительная стоимость и поэтому должен быть *возмещен* in natura, действительно воспроизведен. Его время обращения определяется, следовательно, его временем функционирования в процессе производства, вступлением его совокупной стоимости

* — в натуральной форме. *Ред.*

в процесс обращения, или оно соответствует постепенному обращению его совокупной стоимости. Только в конце этого *цикла оборотов* авансированного капитала основной капитал, в своей совокупной стоимости, превращается в деньги и должен поэтому пройти фазу обращения *Д* — *Т*, обратно превратиться в факторы производства того же рода.

Таким образом, в приведенном выше примере, где основной капитал = 100 000 ф. ст. и ежегодный износ составляет 10 процентов, время обращения, а следовательно, и цикл оборотов капитала, занятого в определенной отрасли производства, продолжается 10 лет. В течение этого времени стоимость всего капитала оборачивается 10 раз, а его оборотная часть оборачивается 4 × 10 = 40 раз.

Следовательно, различные размеры, которые приобретает основной капитал, а эти различные размеры идут в ногу с развитием капиталистического производства, являются его порождением, удлиняют, так сказать, *жизненный период* каждого отдельного капитала, вложенного в различные отрасли промышленности, а тем самым превращают непрерывность труда и процесса воспроизводства в различных отраслях промышленности в *материальную*, продиктованную самим способом производства необходимость, так как основной капитал закрепляется также пространственно, укореняется в определенных местах, то это кладет конец дальнейшему безмятежному существованию собственно мануфактуры, в отличие от земледелия *). В непрерывности процесса воспроизводства, охватывающего целый цикл оборотов, заключено то, что масштаб, в котором ведется производство, действует как перманентный закон и вместо того, чтобы руководствоваться случайными, меняющимися потребностями рынка, напротив, должен сделать условия рынка адекватными своим нуждам, должен завоевать адекватный рынок.

«Романтический» *А. Мюллер* **) говорит о дневном обороте городской промышленности, в противоположность годовому обороту в земледелии!

Если рассматривать отдельный капитал, занятый, например, в хлопчатобумажной промышленности, где основной капитал занимает большое место и обращение его стоимости растягивается, к примеру, на 12 лет, следовательно, на такое время, в течение которого, 12 лет, занят также и *оборотный капитал*

---

*) Сравни с Ричардом Джонсом [80]. См. также, что говорит Юр [81] о коротком периоде процветания и о быстром изменении в положении собственно мануфактуры, которая еще не базируется на машинах.

**) — процитировать из работы А. Мюллера [82].

данного капиталиста в этой отрасли промышленности, то ясно, что этот капитал подвержен превратностям судьбы в большей степени, чем капитал, занятый в такой отрасли, где он может быть извлечен через 3 месяца и т. д. Изменения в ценах на потребляемые сырые материалы, изменения условий рынка, денежного рынка и т. д., падение или повышение производства, вызываемое конкуренцией, изменения в производительной силе труда и т. д. сменяют друг друга, компенсируют друг друга, происходят одновременно. С этой точки зрения можно далее развить положение о том, как цикл оборотов промышленности, обусловленный основным капиталом, образует материальную основу *периодичности кризисов*.

[81] Во избежание путаницы необходимо заметить следующее.

Под периодом воспроизводства основного капитала мы понимаем время, в течение которого *продолжается* воспроизводство, следовательно, время, в течение которого функция основного капитала в процессе производства повторяется до тех пор, пока не возникает необходимость замены его *новым основным* капиталом того же рода.

Под *временем воспроизводства* основного капитала мы понимаем *рабочее время, необходимое* для его производства, не рабочее время, которое было необходимо для производства его самого и которое в нем содержится, а то время, которое необходимо для того, чтобы произвести новый экземпляр того же рода, следовательно, то, которое было бы необходимо для того, чтобы его *воспроизвести*.

Определение стоимости содержащимся в товаре необходимым рабочим временем изменяется или, если процесс воспроизводства рассматривается как целое, получает свое дальнейшее развитие в том смысле, что стоимость товара определяется трудом, (общественно) необходимым для воспроизводства товара. *Стоимость товара определяется* не рабочим временем, необходимым для того, чтобы его произвести, а тем, которое необходимо для его воспроизводства, поскольку он продается не сразу, или поскольку его *процесс обращения* составляет достаточно времени для отклонения содержащегося в нем и необходимого для его воспроизводства количества труда.

Мы видели, что если дана величина основного капитала, то стоимость, которую он присоединяет к товарной массе в течение, например, года, вообще к любой товарной массе как продукту определенного периода производства и т. д. (пусть даже в течение дня) зависит от продолжительности его собственного

обращения, или, что одно и то же, от его среднего износа в течение определенного времени производства. Чем продолжительнее, однако, его обращение, тем менее удорожает он товар.

Отношение измеряется здесь годом. Однако если *процесс труда* продолжается ежедневно 18 часов вместо 9, то это совершенно то же самое, как если бы основной капитал функционировал за один год — два года, вместо одного года. Он распределяется тогда на товарную массу, которая охватывает процесс труда продолжительностью в 2 года. И он обращается (причем здесь совершенно оставляется в стороне то обстоятельство, что он изнашивается не в той же мере быстрее за то же время, хотя он функционирует вдвойне в течение того же времени) в два раза быстрее. В предыдущем примере — за 5 лет, вместо 10. *Авансированный* капитал возрастает здесь не пропорционально оборотному капиталу, потому что в движение приводится *вдвое больше* переменного капитала и т. д. (или, что будет еще вернее, вдвое *больше труда* без удвоения переменного капитала). Если бы процесс труда в данном случае не удлинился на 100 процентов, тогда, чтобы достичь того же результата, необходимо было бы удвоить *авансированный основной капитал.* (Важное положение для *нормы прибыли.*)

Выше мы уже видели, что, хотя основной капитал (как составная часть производительного капитала) имеет в 10 раз более продолжительное время обращения, например 10-летнее, в то время как оборотный капитал той же величины (*та же* величина здесь важна только для *нормы прибыли,* не для *прибавочной стоимости,* пока переменная часть оборотного капитала остается той же, или пока капиталы различных величин делятся на составные части в равной *пропорции* (это важно для нормы прибыли) имеет только одногодичное время обращения, тем не менее это не составляет никакой разницы ни в образовании прибавочной стоимости и нормы прибавочной стоимости, ни в образовании *прибыли* и *нормы прибыли*). Причина, почему это не составляет никакой разницы в образовании прибавочной стоимости, состоит в том, что *авансированный оборотный капитал* в обоих случаях требует *одного и того же времени обращения,* чтобы привести в движение, при одинаковой норме эксплуатации, *одно и то же количество труда. Авансированный* на определенный отрезок времени, например на один год, *переменный капитал,* здесь в обоих случаях один и тот же, одинаковой величины, авансирован на *один и тот же* период времени и при одной и той же норме эксплуатации. Следовательно, невозможно, чтобы здесь возникла разница будь то в количестве или в норме прибавочной стоимости. (Однако при

указанных предпосылках может не возникнуть *никакой разницы также и в норме прибыли.*)

[82] Ибо норма прибыли, в абстрактном выражении, равна $\frac{m}{K}$, где K равно авансированному капиталу. Годовая *норма прибыли* также равна $\frac{m}{K}$, где, однако, m означает реализованную в течение года прибавочную стоимость, а K — авансированный в течение года капитал. Но согласно предпосылке $\frac{m}{K} = \frac{m}{K}$ в обоих случаях, хотя в одном случае $\frac{m}{K}$ = отношению прибавочной стоимости к авансированному в течение года оборотному капиталу, а в другом случае — к авансированному в течение года оборотному капиталу плюс износ основного капитала плюс стоимость не изношенной в течение года части основного капитала. Однако эта сумма та же, что и сумма оборотного капитала, авансированная в течение того же времени оборота. Следовательно, норма прибыли $\frac{m}{K}$ в обоих случаях не может расходиться. Все различие состоит в том, что стоимость товара, а затем оборотного капитала в одном случае больше, чем в другом случае. Тем не менее здесь имеет место цикл оборотов в 10 лет, там — только в один год, и одна часть капитала в одном случае авансирована на период в 10 раз продолжительнее, чем в другом случае, не принимая однако в расчет отношение, в котором капитал в обоих случаях авансирован для каждого *функционирующего* периода. Здесь обнаруживается то, что различие между *основным* и *оборотным* капиталом, *без дальнейших относящихся сюда определений,* ничего не меняет ни в прибавочной стоимости и норме прибавочной стоимости, ни в норме прибыли. Разумеется, оборотный капитал может быть вложен по окончании первого года в какую-либо новую отрасль производства, однако продукт основного капитала нуждается в *меньшем* рынке, потому что он создает продукт меньшей стоимости. Если он более подвержен изменениям во время собственного воспроизводства, то другой, во всей своей *совокупности,* более подвержен колебаниям в величине стоимости своих элементов в течение года и т. д.

[83] К пункту II. А. Смит говорит:

«Всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного капитала и требует постоянного пополнения из этого же источника. Все полезные машины и орудия труда первоначально возникают из *оборотного капитала,* который доставляет *материалы,* из которых они изготовляются, и *средства содержания* рабочих, которые их изготовляют. Тот же вид капитала необходим также и для их *постоянного ремонта*»[83].

Первое положение, что «всякий основной капитал первоначально возникает из оборотного капитала», наш Адам, следовательно, объясняет тем, что машины и т. д. возникают из «оборотного капитала», который доставляет их сырой материал и средства содержания рабочих, которые производят машины и т. д. Здесь он проводит различие между основным капиталом и оборотным капиталом только с точки зрения их *вещественной* формы, в которой они фигурируют в непосредственном процессе производства, в действительном *процессе труда*. Все это не касается различия между «основным» и «оборотным» капиталом как таковым, если машины и т. д. не могут быть сделаны без сырого материала, т. е. средства труда — без материала труда (который, впрочем, не обязательно должен быть сырым материалом или «капиталом» любого рода); таким же образом, однако, и материал труда не может быть произведен без средств труда. Они взаимно обусловливают друг друга и взаимно друг друга предполагают; железо точно так же первоначально происходит от машины, примененной для его производства на различных ступенях процесса и т. д., как и машина — от железа, из которого состоит ее сырой материал. В качестве *моментов процесса труда* и железо и машина одинаково существенны и одинаково первоначальны, и Смит различает их здесь только в этой форме как «машины и орудия труда» от «*материалов*», которые ими обрабатываются.

Далее, по Смиту, «оборотный» капитал должен доставлять «*средства содержания* рабочих, которые их изготовляют». Что̀ превращено в машину, так это — не «средства содержания» рабочих, а их «*труд*», совершенно так же, как он превращен в товары, доставляемые «оборотным» капиталом.

Рабочие живут за счет жизненных средств, которые они производят, но, конечно, не за счет «*формы капитала*», которую они принимают по отношению к рабочим, или не за счет капитализации этих жизненных средств. Тем, что особому роду капитала, а именно *оборотному*, в противоположность к капиталу другого рода, к *основному*, приписывается особое свойство поддерживать жизнь рабочих, тем более подтверждается мистификация того, будто рабочий живет не за счет части своих продуктов, состоящих из жизненных средств, живет не *потому*, что они являются жизненными средствами, а потому, что они противостоят ему как *капитал*.

Впрочем, здесь в основе различия, которое А. Смит проводит между основным и оборотным капиталом, лежит смешение, бессмысленно повторяемое всеми позднейшими экономистами, смешение оборотного и переменного капитала. Переменный

капитал, однако, противостоит не основному, а постоянному капиталу. Различия между основным и оборотным капиталом являются различиями, вытекающими из процесса обращения капитала, в то время как различия между постоянным и переменным капиталом являются различиями, которые относятся к процессу производства, и эти различия существенно важны для понимания капиталистического процесса производства. Часть оборотного капитала, т. е. вся та его часть, которая состоит не из жизненных средств *(necessaries)*, есть *постоянный* капитал.

Здесь, однако, у Смита есть еще одна скрытая мысль. (См. раздел 3, *Оборот и образование стоимости,* первую страницу раздела о *превращении оборотного капитала в основной капитал.*) Эта мысль заключается в том, что та часть совокупного труда, которая вкладывается в производство основного капитала, — за исключением той части основного капитала, которая возмещает изношенный в течение года или которая требуется непосредственно для *расширения* отраслей производства, непосредственно производящих жизненные средства, — в конце года не *возмещается* ни полезным продуктом, ни стоимостью, которая может быть реализована, обменена, обратима, затрачена на заработную плату, прочий оборотный капитал (и на часть изношенного основного капитала). В конце года не бросают обратно в обращение и тем самым в фонд производства и фонд потребления то, что из этих фондов было извлечено в течение года.

[84] Что касается *ремонтных работ,* которые необходимы для сохранения основного капитала, то их следует отнести к системе производства основного капитала, хотя необходимый для его сохранения труд распределяется *на всю его массу* постепенно, лишь после того, как эти работы уже стали элементами постоянного капитала, примененного в процессе производства.

К пункту III. (*Как долго обращается основной капитал как таковой?* и

к пункту IV. *Обращение основного капитала в форме продаж, ценных бумаг и т. д.*)

(Собственно говоря, сначала следовало бы рассмотреть *различные виды основного капитала.* Но это можно сделать надлежащим образом позднее.)

Часть *продукта,* — существующая в форме *средств труда* (в отличие от материала труда и т. д.), — получает определение *основного капитала* из-за особенной формы, к которой она относится (вследствие ее роли в процессе производства, процессе

увеличения стоимости) к процессу обращения. (От *вспомогательных материалов,* таких, как уголь, масло, газ и т. д., которые потребляются в течение процесса производства, не входя в продукт в качестве его материальных составных частей, эти средства труда отличаются тем, что передают свою стоимость продукту постепенно, à fur et mesure *, их *стоимость* обращается посредством продукта, в то время как стоимость вспомогательных материалов целиком (вследствие полного потребления их потребительной стоимости) переходит в продукт и, следовательно, сразу вводится им в обращение. От сырых материалов они отличаются тем, что их *потребительная стоимость* не входит в продукт и, следовательно, не обращается вместе с ним.) Вообще говоря, — за некоторым исключением, которое сейчас надлежит исследовать, — именно поэтому он обращается как продукт, как любой другой продукт, т. е. как *товар,* до того, как попадет в руки своего потребителя (*промышленного* или *производительного* потребителя), который использует его как средство труда в процессе производства.

До тех пор, пока он существует как *товар*, он сам образует составную часть движущей массы оборотного капитала и сам есть оборотный капитал для своего продавца. Основным капиталом он становится только тогда, когда он из сферы обращения перешел в сферу производства (свою сферу потребления). Из одного процесса производства он выходит как продукт, а в другой процесс производства входит как средство производства.

В известной мере было бы правильным говорить, что всякий *основной капитал* возникает из *оборотного*. (Однако так же верно и то, что оборотный капитал возникает из основного, так как основной капитал использован для своего собственного производства.) Однако это было бы превращением в другом смысле, чем имел в виду Адам Смит. Это, в частности, означало бы, что основной капитал, как *продукт капиталистического процесса производства* есть *товар* и, следовательно, есть *оборотный капитал,* составная часть товарного капитала, сам товарный капитал; что он, напротив, принимает определенную форму *основного капитала,* когда он больше уже не выходит из процесса как продукт, а функционирует *в этом процессе* как абстрактно особенное средство производства.

Если, однако, речь идет о превращении оборотного капитала в основной, то под этим подразумевается не это, а действительное материальное превращение труда (а также средств труда,

* — по мере, в данном случае: по мере износа. *Ред.*

как вспомогательных материалов, рабочей силы) и сырых материалов и т. д. в продукты, которые по своей потребительной стоимости предназначены функционировать как *средства труда,* как особая составная часть постоянного капитала, и в этом своем назначении в качестве *вещественно* предопределенных элементов производительного капитала, по их особому отношению к обращению, приобретают характер *основного капитала,* эту экономическую определенность формы. Однако *материальный* базис этой их *определенности формы, возникающей* из процесса обращения, обеспечен *вещественной* ролью, которую играют средства труда в процессе производства, так как, в свою очередь, определен особый *вещественный способ существования их потребительной стоимости* — как особый вид продуктов.

Основным капиталом они становятся только потому, что вообще становятся *капиталом,* что вытекает не в большей мере из их природы как потребительных стоимостей, как средств труда, чем из природы какого-либо другого вещественного элемента процесса труда вытекает то, что он становится *капиталом.* Дальнейшее определение формы в качестве *основного капитала* они принимают только вследствие их особой роли в *процессе обращения* всего капитала, и хотя основа этого заложена в их вещественной природе, тем не менее она не является порождением этой основы.

Однако при капиталистическом способе производства *экономические определения формы,* или *общественные определения* вещей, выступают вообще как им самим внутренне присущие свойства. Так обстоит дело с товаром, с деньгами. Как говорит А. Смит, дело обстоит так, будто оборотный капитал кормит рабочих; будто жизненные средства их не кормили бы, если бы они не противостояли рабочим как капитал; таким же образом рассматривается и особенная определенность средств труда, 1) как *капитала,* 2) в связи с возникающей в процессе обращения их *особенной формой* как *основного капитала,* как качества, присущего этим вещам как таковым. Отсюда поэтому и путаница у экономистов. С одной стороны, как мы видели, одна и та же вещь выступает и как средство труда, поскольку оно есть *товар,* и как *оборотный капитал,* и *попеременно то в одном, то в другом из этих определений.* Это ставит в тупик тех, кто рассматривает средства труда как основной капитал, как качество, присущее их способу существования, как материальную вещь. Во-вторых, однако, [86] эта путаница становится еще больше, так как *определенность формы,* которую средства труда приобретают в качестве основного капитала, с одной

стороны, имеет свой базис в их вещественной роли в процессе производства, с другой стороны, эта вещественная определенность для различных видов средств труда опять-таки совершенно различна, и поэтому то, что подходит для одного, не подходит для другого. Поэтому, если экономисты пытаются в самих этих вещах нащупать их *качество* как основного капитала, то это качество сбивает их с толку и ускользает у них из-под рук. Если, с одной стороны, их вещественная роль в процессе производства образует базис их собственного отношения в процессе обращения, то, с другой стороны, это опять-таки является только *функцией*, от которой зависит этот способ обращения, и возможно, что одна и та же вещь может *функционировать* в процессе производства как средство труда, как вещественно определенная часть постоянного капитала, — и тем самым приобретает также определенность основного капитала, — в иных случаях, однако, она может функционировать и другим способом, например, как средство обращения или как сырой материал, как, например, скот, и тем самым снова утрачивает свое определение как *основной капитал*. Заурядный экономист, который эту *экономическую определенность формы* рассматривает поверхностно, как вещные свойства, попадает поэтому, в силу диалектики этих определений, в тупик и при этом успокаивает себя тем, будто различия между основным и оборотным капиталом неуловимы или произвольны [a]. Так обстоит дело, например, с определениями дохода и капитала. Один и тот же продукт является *товарным капиталом*, а затем становится *доходом* для потребителя, который покупает этот продукт для удовлетворения своих жизненных потребностей. По вещи как таковой не видно ни экономической определенности формы капитала, ни экономической определенности формы дохода. И поэтому экономист счел разумным — не думать больше об этом различии и не путаться в софистике исключающих друг друга категорий, т. е. вообще не вдаваться в область мышления и понимания.

Чтобы стать *основным капиталом*, эта составная часть постоянного капитала предпослана как *средство труда* и должна поэтому, согласно своему вещественному существованию, согласно своей потребительной стоимости, *по возможности* обладать свойством служить в качестве средства труда. Это, однако, не означает, что одна и та же вещь не может *функционировать* также в каком-либо другом качестве. Хотя эта ее *функция* в качестве *основного капитала* связана таким образом с

---

[a] См., например, Штейн [84].

вещественным базисом, этот вещественный базис отнюдь не обязательно должен функционировать в качестве основного капитала. Например, лошадь может служить в качестве рабочего скота; в этом случае лошадь — средство труда; лошадь может служить для верховой езды, тогда она относится к фонду потребления. Одно и то же животное может служить в качестве рабочего скота и тогда оно — основной капитал; животное может служить в качестве племенного скота, тогда оно — *сырой материал* для разведения других животных; оно может служить для откорма на убой; тогда оно по своему назначению — средство потребления. Один и тот же дом может, при известных обстоятельствах, служить и в качестве работного дома, и в качестве частного жилого дома, и в качестве того и другого.

Характерным для основного капитала является его пребывание в сфере производства; капитал, закрепленный в определенном месте, также в высшей степени обладает этим качеством материально; это не препятствует другому основному капиталу быть постоянно включенным в процесс производства и тем не менее постоянно материально находиться в обращении, как, например, корабль [b)] и все средства транспорта.

Другое главное определение основного капитала состоит в том, что именно потому, что он включен в процесс производства, он не высвобождается из него в качестве *товара* и не выбрасывается в обращение; он обращается, следовательно, только благодаря своей меновой стоимости, но не потребительной стоимости. Однако это не препятствует, например, средствам транспорта *входить в индивидуальное потребление*. Если я еду по железной дороге, то я, если хотите, пользуюсь передвижением. И действительно, железнодорожные вагоны и т. д. изнашиваются вследствие этого индивидуального потребления. Тем не менее они никогда не исключаются из процесса производства, который в этих определенных случаях для пассажиров и т. д. является одновременно индивидуальным процессом потребления.

В общем, что касается этих вещей, вместе с только что упомянутым исключением (имеющим, однако, весьма значительные масштабы, так как оно в большей или меньшей степени распространяется на все средства сообщения и средства транспорта), то характерным для средства труда, *функционирующего* в качестве *основного капитала*, является то, что оно не входит в индивидуальное потребление. Однако это не означает, что *те же самые* вещи не могут функционировать в качестве средств по-

b) См. *А. Андерсон*. [85]

требления, как, например, *строения* и т. д. Сюда относятся все *орудия потребления,* такие, как нож, вилка, топор и т. д. Очень многие из этих *орудий потребления* могут служить непосредственно как *орудия производства.* Поэтому, несмотря на то, что их функция в качестве основного капитала предопределяет их вещественную определенность, их вещественная определенность никак не предопределяет их функцию как основного капитала; фетишизм же, который усматривает в них как таковых экономическую определенность формы вещей, тем самым неизбежно попадает впросак.

[87] Еще больший конфуз происходит тогда, когда допускается нарушение логики и при простом, возникающем исключительно из процесса обращения, различии между основным и оборотным капиталом уже предвосхищается различие между капиталом, который отдается взаймы как *основной* и как *оборотный,* что уже включает в себя определение *капитала, приносящего проценты,* с чем различие между основным и оборотным капиталом как таковое не имеет ничего общего; хотя, наоборот, зто *различие капитала, приносящего проценты,* разумеется, имеет отношение к различию между основным и оборотным капиталом.

Из *функции* средства труда вытекает, что оно является тем в большей степени *основным капиталом,* чем в более продолжительном ряде процессов производства оно пребывает, чем медленнее оно изнашивается и чем *продолжительнее поэтому его период воспроизводства,* т. е. период с момента его вступления в процесс производства и до его естественной смерти и замены новым экземпляром того же рода. Отсюда, однако, отнюдь не следует, что продукты, в силу того, что они, по сравнению с другими, имеют более продолжительные периоды воспроизводства, становятся основным капиталом, и по сравнению с показателем этого срока воспроизводства, в тем более высокой степени становятся основным капиталом, как, например, по Рикардо [a], сапог является основным капиталом по сравнению с овощами, масло — основной капитал по сравнению с одеждой и т. д. Это опять-таки заклейменный выше фетишизм, характерный для капиталистического способа производства, т. е. для образа мышления, порождаемого у тех, кто опутан его действием. Напротив, из определенности основного капитала, разумеется, следует, что средство труда является тем в большей степени основным капиталом, чем продолжительнее

---

[a] *D. Ricardo.* [On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821, p. 26—35. (Русский перевод, т. I, стр. 49—54)].

период воспроизводства этого средства труда. Ибо в тем большей степени выступает его качество, отличающее его от сырого материала и т. д., — обращаться не только как всего лишь *стоимость,* но постепенно входить в обращение как *стоимость,* что отличает его и от некоторой части вспомогательных материалов.

Чем продолжительнее период воспроизводства основного капитала, тем продолжительнее его период оборота; содержащаяся в нем стоимость, содержащееся и кристаллизованное в нем количество труда, а поэтому также и стоимости, извлекаемые им из годовой массы продукта для своего собственного производства, тем позднее возмещаются, следовательно, отдаются обратно обращению, снова в него бросаются. Поэтому основного капитала тем больше, чем меньше он в течение года, который мы берем в качестве масштаба оборотного капитала, возмещает свою собственную стоимость [b].

Экономист сразу же включает это в форму *дохода.* Однако основной капитал, который как таковой приносит доход, предполагает уже дальнейшие определения, не вытекающие из его определенности *как* основного капитала. Но в еще более высокой степени обладают этим качеством — изымать для своего производства стоимости, которые они не возмещают, — пирамиды, обелиски и другие непроизводительные творения.

В отношении оборота *основного капитала* и *капитала* вообще необходимо заметить еще следующее: мы рассматриваем в первую очередь оборот как оборот *всего капитала,* который складывается из основного и оборотного капитала. Но этот оборот составляется 1) из *оборотов оборотной составной части,* которая оборачивается, например, 4 раза в год, 2) из оборотов основного капитала, который, возможно, оборачивается $^{1}/_{10}$ раза в год. Во-вторых, однако, так как сам основной капитал, в свою очередь, состоит из различных элементов, различных видов основного капитала, с более продолжительным или более коротким периодом воспроизводства, то его различные части имеют различные периоды оборота, а его совокупное время оборота есть лишь *средняя величина* этих различных оборотов.

В самих *средствах труда* имеет место различие между *общими условиями процесса производства* и *средствами труда,* которые прямо и непосредственно входят в процесс производства. Например, фабричное здание является условием для процесса труда, но оно не входит непосредственно в обработку

b) «*Economist*».

материала, как машина и т. д. Отсюда *различные виды основного капитала,* смотря по тому, функционируют ли они вещественно как такие *условия осуществления процесса труда* или как непосредственные *активные орудия производства.* Железная дорога, канал, мост и даже улучшения земли, такие, как оросительные и дренажные каналы, не обладают *производительной функцией,* если не функционирует новый капитал, входящий в собственно процесс труда, например, земледельческий капитал, который действительно эксплуатирует улучшенную землю. Так обстоит дело со средствами связи и средствами транспорта, с товарами и т. д., которые действительно должны перевозиться. Эти последние виды основного капитала могут функционировать лишь постольку, поскольку они существуют не непосредственно сами собой, [88] а как процессы производства, приводимые в действие непосредственными капиталами. Рассматриваемые сами по себе, они представляют собой поэтому потребление наличных стоимостей, которые возвращаются обращению не только через довольно продолжительные периоды, но вообще лишь в том случае, если от них как таковых поступают постоянная масса продуктов и необходимые для этого капиталы. Таким образом, прежде всего может быть бесполезно израсходована значительная часть имеющихся в наличии рабочей силы и капиталов. И во всяком случае такое расходование основного капитала требует такой производительности и такого объема капиталистического производства, которые позволяют изымать из годового *процесса воспроизводства* значительную часть имеющегося богатства и наличной рабочей силы.

Обращение капитала, с одной стороны, носит чисто *абстрактный* характер, т. е. выражает лишь *прохождение через различные его метаморфозы.*

С другой стороны, обращение капитала материально и выражает действительное *обращение товаров,* перемену их места, которая связана с их переходом из рук продавца в руки покупателя.

Поскольку *основной капитал* всегда предварительно был продуктом, *товаром,* следовательно, *оборотным капиталом,* он обращается до тех пор, пока не станет основным капиталом, всегда в первом смысле. Однако он является тем в большей степени основным капиталом, чем меньше он может обращаться в последнем смысле, следовательно, *действительно фиксирован в определенном месте,* пустил свои корни в землю, в почву, укрепился в ней.

Если мы говорим об *основном капитале,* основном в меньшей или большей степени, то это следует понимать в том смысле, что

его differentia specifica * выступает тем в большей мере, чем больше увеличиваются его *отличия* от оборотного капитала, так как он является основным капиталом только в отличие от оборотного капитала.

То, что всякий основной капитал обращается, поскольку он претерпевает ряд различных метаморфозов, верно постольку, поскольку он продается как *товар*. Если он делается на заказ, то это лишь формальное различие, как и у всех товаров, которые делаются на заказ, когда деньги обращаются как средство платежа, а не покупательное средство, или же как *авансированные деньги,* а не как средство платежа.

Однако теперь мы переходим к обращению товаров во втором смысле.

Обычные орудия труда так же способны к обращению в этом смысле, как и все другие товары. Машина сама только тогда фиксируется (в определенном месте), как только она покинула рынок и как средство производства вошла в процесс производства. Она экспортируется и т. д. Однажды войдя в процесс труда, она отличается от сырого материала и т. д., предназначенного для производительного потребления и хранящегося на товарном складе, только тем, что для нее стало труднее снова быть мобильной, а для некоторой ее части — это просто невозможно. Теперь она пустила свои корни в землю и стала стационарной. Другие виды основного капитала — такие, как здания, доки, каналы, железная дорога, улучшения почвы, мосты, улучшения речных фарватеров, работы, необходимые для эксплуатации рудников, и т. д. — напротив, не только фиксируются и ограничиваются определенным местом, как только они с рынка переходят в процесс производства, но они выходят как *неподвижные* и (материально) *неспособные к обращению* вещи, как *продукты* из процесса производства, который их сам создает. В этой форме они появляются на свет. Они есть основной капитал в высшей степени, машины и т. д. следуют в различной мере во вторую очередь и т. д.

Неподвижные средства труда этого рода нельзя ни передвигать с места на место, ни отправлять за границу и т. д. Они должны функционировать в определенном месте и с той определенной целью, ради которой они были инвестированы, или же они вовсе станут бесполезны, в то время как другие товары можно отправлять оттуда, где они имеются в избытке, туда, где в них есть нужда, или их можно так же отправлять за границу и обменивать на другие товары.

* — специфическое отличие. *Ред.*

Конечно, как только они начинают функционировать в процессе производства, их *стоимость* обращается, т. е. они оплачиваются только по мере того, как происходит их износ в процессе производства. Это вообще является общим способом обращения основного капитала. Однако здесь речь идет не об этом. Речь идет о *неподвижности* этих основных капиталов как потребительных стоимостей, и при том еще до того, как они входят в процесс производства, поскольку они сами готовы как продукты.

Что из них может обращаться, внутри страны и за границей, так это — *титулы собственности* на них. Эти титулы могут обращаться на рынке, покупаться и продаваться в виде ценных бумаг. В результате этого, однако, меняется только личность собственника неподвижных основных капиталов, но отнюдь не их отношение к оборотному капиталу. Их функция, как и функция земли, оказывается ограниченной определенным местом, а их стоимость может быть реализована только в том случае, если они служат тому назначению, ради которого они были раз и навсегда инвестированы. Смена их собственников не меняет этого их характера. Отсюда та софистика, которой они опутали оборотный капитал, из-за способности к обращению *титулов собственности* на нее [a].

[89] К пунктам VII, VIII, IX. Главным различием между основным и оборотным капиталом считается то, что последний совершает постоянные метаморфозы, первый — нет. Это различие здесь надлежит исследовать подробнее.

Во-первых, поскольку оба они являются продуктом и товаром, постольку оба они проделывают одни и те же метаморфозы. Они продаются их производителями, и элементы, необходимые для их воспроизводства, вновь покупаются на вырученные от их продажи деньги. Это — настоящий, *формальный метаморфоз* капитала, общий для обоих его видов.

Во-вторых, как только, однако, продукт, который по своему назначению и по своей потребительной стоимости как *средство труда* образует вещественную форму основного капитала, вошел как таковой в процесс производства и функционирует в качестве такового, он продолжает использоваться в этой определенной форме и этим определенным способом применения (с модификациями, которые сейчас будут рассмотрены), и только его *стоимость* вносится в обращение *продуктом,* в производстве которого она оказывала содействие. Сам продукт, носитель оборотного капитала, напротив, выталкивается из

---

[a] См.: *Андерсон.* Сравни, напротив, «*Economist.*

процесса производства и переходит в сферу обращения, в которой он переходит в другие руки и либо в качестве средства потребления переходит в фонд потребления, либо в качестве сырого материала, вспомогательных материалов, незавершенного фабриката на любой ступени его производства, также входит в процесс производства как средство труда, функционирует как элемент производительного капитала. В то время как основной капитал, в качестве непрерывно, постоянно функционирующей составной части производительного капитала, остается физически в руках промышленного капиталиста (что не мешает тому, что капиталист *А* сменяется капиталистом *В;* смена собственника основного капитала ничего не меняет в этой его определенности), оборотный капитал должен отчуждаться в форме *товарного капитала* и т. д. Между тем, если процесс является непрерывным, если процесс производства должен вместе с тем постоянно представляться в качестве непрерывного процесса воспроизводства, то смена собственника также является однообразной. Это относится к *реальному метаморфозу,* который совершает капитал. В форме готового продукта он становится товаром и как таковой выбрасывается в сферу обращения; но после своего формального превращения в деньги он снова обменивается, снова превращается в свои первоначальные элементы производства, то есть в элементы существования. Пряжа снова превращается в свои составные части: хлопок, уголь, веретено и т. д. Весь метаморфоз, следовательно, сводится к соединению элементов производства в продукт и к повторному превращению продукта в те же самые (того же рода) элементы производства, так что особенный оборотный капитал, совершенно так же, как и основной капитал, находится постоянно в процессе производства в *той же* форме, с той лишь разницей, что эта непрерывность одной и той же *формы существования в процессе производства* опосредована постоянным обменом между продуктом и элементами продукта, в то время как в отношении основного капитала, в течение всего периода его воспроизводства, *такого опосредования не* происходит.

В-третьих, рассматриваемый со стороны своей вещественной формы, в качестве *потребительной стоимости,* один и тот же сырой материал — железо, зерно, растительные материалы, дерево и т. д. — пригоден к самому различному полезному применению. То же самое относится к подавляющей части вспомогательных материалов; например, уголь, газ, масла и т. д. могут служить в совершенно различных процессах производства. Одними и теми же продуктами питания можно кормить различного рода животных и приводить в действие разного

рода рабочих. Вещественные носители оборотного капитала могут, следовательно, служить в большей или меньшей степени для весьма разнообразных процессов производства и превращаться, таким образом, в различные формы производительного капитала (или еще больше в формы различных элементов фонда потребления). К незавершенным фабрикатам, полуфабрикатам и т. д. это относится в меньшей степени и только частично. Если они транспортабельны и не обязательно должны быть использованы в данном месте, они могут быть отправлены за границу и обменены на другие продукты, следовательно, превращены в такую форму, которая не имеет с их собственным назначением ничего общего, что в отношении большой части основного капитала является вещью невозможной.

Наконец, поскольку оборотный капитал превратился в форму денежного капитала, то нет поэтому необходимости воспроизводить его в прежней его форме; он может быть воспроизведен произвольно (более или менее) в любой новой форме, поскольку он вкладывается в новые материальные предметы и рабочая сила используется им в новых формах.

[90] Проще всего мы выясним причину этого различия, если рассмотрим сначала оборотный капитал в его форме денежного капитала.

Деньги как таковые всегда могут быть превращены в любую форму товаров, которые находятся на рынке или могут быть при данных условиях произведены на заказ. Это качество оборотного капитала, поскольку он есть денежный капитал, проистекает, следовательно, из его бытия в качестве денег, а не из его бытия в качестве *капитала*. И это является его определенностью как *оборотного капитала* лишь постольку, поскольку весь оборотный капитал в своей *функции* в качестве оборотного капитала временно принимает *денежную форму;* одна из его *функций как оборотного капитала* состоит даже в том, чтобы принимать денежную форму. Основной капитал принимает ее лишь постольку, поскольку переданная им стоимость сама образует часть стоимости оборотного капитала и поэтому разделяет с ним его судьбу, но не в качестве *основного капитала*, а в качестве составной части стоимости оборотного капитала. (Поскольку способность оборотного капитала к превращению равна формальной способности к превращению денег в любой другой товар.)

Что же можно сказать, с другой стороны, о способности к превращению оборотного капитала, поскольку он не является денежным капиталом; на чем основывается эта способность?

С одной стороны, она основана на подвижной природе товаров (и, следовательно, на их пригодности к экспорту), присущей им. Об этом уже говорилось выше.

С другой стороны, она основана на *изменчивости рабочей силы* и, следовательно, ее проявления, *труда,* а также на разнообразии полезного применения *продуктов,* безразлично, входят ли они в процесс производства как сырой материал, вспомогательный материал (они могут быть готовыми товарами, как зерно, и снова служить для новых полезных применений); это лишь частично относится к полуготовым фабрикатам, отчасти связанным с когда-то полученным назначением (но то, что существует по форме, существует лишь в течение короткого срока и поэтому вскоре исчезает из процесса производства, если таково намерение).

Товарный капитал состоит отчасти из *жизненных средств* рабочих, и однообразие этих жизненных средств не препятствует тому, что характер труда постоянно меняется;

отчасти же товарный капитал состоит из товаров, которые входят в процесс производства в качестве сырого материала и т. д. и здесь получают различные направления полезного применения или могут служить различным образом в различных процессах труда.

Способность оборотного капитала к метаморфозам (в этом смысле) может быть, следовательно, сведена: 1) к *изменчивости труда,* приводимого в движение переменной частью оборотного капитала, и 2) к *изменчивости полезного применения* тех частей оборотного капитала, которые могут входить в процесс производства в качестве сырья и т. д. Первое качество присуще оборотному капиталу лишь постольку, поскольку вещественные элементы переменного капитала, вследствие этой противоположности основному капиталу, подводятся под *категорию* оборотного капитала. Второй пункт сводится в действительности к различию элементов производительного капитала, часть которого (сырые материалы, вспомогательные материалы, отчасти полуфабрикаты) способна к различному полезному применению, в то время как другая часть, состоящая из средств труда, в большей или меньшей степени связана с определенным полезным применением формой своей потребительной стоимости. Эти элементы производительного капитала образуют, однако, носители оборотного капитала, в противоположность к основному капиталу. Но это происходит не потому, что они являются *оборотным* капиталом, ибо средства труда также, пока они являются *товарами,* образуют составные части оборотного капитала вообще. Это вытекает, напротив, из вещественной

противоположности между элементами *товарного капитала*, которые в качестве matières brutes * и т. д. и других его элементов или в качестве средств труда снова войдут в процесс труда. Это различие в отношении процесса труда в *вещественных носителях* оборотного капитала есть различие, существующее *внутри* самого оборотного капитала. Однако вместе с тем оно образует поэтому различие между частью капитала, функционирующей как *основной капитал*, и частью капитала, функционирующей еще как *оборотный капитал*, и поэтому в общем выступает как различие между оборотным и основным капиталом [a)].

Разумеется, и это лишь постепенно и различно. Например, фабричное здание может служить для различного рода промышленной деятельности; двигатели и передаточные механизмы могут применяться для других рабочих машин и т. д.

[91] Поскольку капитал есть *самовозрастающая стоимость*, а форма потребительной стоимости, в которой он существует, сама по себе безразлична, то *оборотный капитал* в большей мере соответствует понятию капитала, чем *основной капитал*, где стоимость есть определенная форма потребительной стоимости и определенная функция этой потребительной стоимости.

С другой стороны, *основной капитал* есть реальный базис, который создает себе специфически капиталистический способ производства, и эта форма капитала развивается и увеличивается в размерах (не только в форме собственно машин, но и

* — сырых материалов. *Ред.*

a) «В богатых и могущественных странах, где крупные капиталы затрачены на машины, внезапные изменения в ходе торговли и промышленности вызывают больше бедствий, чем в странах более бедных, где имеется пропорционально гораздо меньше основного капитала и гораздо больше оборотного и где, следовательно, более значительная часть работы производится человеческим трудом. Оборотный капитал не так трудно, как основной капитал, извлечь из той отрасли, в которой он занят. Машины, изготовленные для этой отрасли промышленности, часто совершенно не могут быть приспособлены для другой, напротив, одежда, пища и жилище рабочего одной отрасли могут служить для поддержания жизни рабочего и в другой отрасли; или тот же самый рабочий может получить ту же пищу, одежду и жилище, хотя он и переменил свое занятие». (Рикардо отождествляет здесь полностью оборотный и переменный капитал.) «Это, однако, такое зло, с которым *богатая* нация должна мириться; и жаловаться на это было бы столь же неразумно, как если бы богатый купец стал горевать по поводу того, что его корабль подвергается всем опасностям на море, тогда как хижине его бедного соседа подобного рода опасности совершенно не угрожают» (*D. Ricardo*. On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821, p. 311. [Русский перевод, том I, стр. 220]). «Однако иные утверждают, что капитал не может быть извлечен из земли, так как он затрачивается в таких формах, — удобрение, огораживание, дренаж и т. д., — в которых он неразрывно срастается с землей. До некоторой степени это верно; но капитал, который заключается в рогатом скоте, овцах, в амбарах для хлеба и сена, телегах и т. д., может быть высвобожден. Простой расчет решит, стоит ли, несмотря на низкую цену хлеба, по-прежнему употреблять эти предметы для обработки земли или их следует продать и полученную за них стоимость затратить на другое предприятие» (там же, стр. 314—315 [Русский перевод, том I, стр. 222]).

во всех возможных формах) в той же степени, в какой развивается капиталистический способ производства. Поэтому с его развитием постоянно возрастающая часть годового продукта превращается в основной капитал, и постоянно возрастающая часть этого капитала необходима для того, чтобы возмещать потребленный в течение года основной капитал, ремонтировать его и поддерживать в исправном состоянии. Поэтому в производстве основного капитала и в производстве элементов, из которых образуется основной капитал, используется (потребляется) также постоянно возрастающая часть совокупного труда. С применением же основного капитала происходит рост производительной силы труда и, следовательно, массы продукта, производимой тем же самым количеством труда. (И часть стоимости, к которой присоединяется основной капитал, должна быть по меньшей мере равна труду, который им был бы замещен, в действительности же должна быть меньше его.)

Основной капитал представляет уже произведенные производительные силы, с которыми как с материальным базисом, предпосылкой и условием, осуществляется процесс воспроизводства.

Одновременно основной капитал представляет собой воплощение прогрессивной науки, т. е. открытие средств, с помощью которых естественные предметы и естественные процессы ставятся на службу труду.

Поэтому подобно тому как А. Смит, например, как мы видели, мистифицирует оборотный капитал, выдает его за нечто такое, что *кормит* рабочих и создает благоприятные, необходимые для них условия, так мистифицируется *основной капитал*, поскольку воплощенный в нем научный прогресс рассматривается как качество, присущее этим продуктам общественного интеллекта,

1) потому, что они есть капитал, и

2) потому, что они есть капитал в особой определенности *основного* капитала. (См., например, Лодерделя[86].)

Развитие основного капитала до каких-то размеров предполагает определенную, уже более или менее высокую ступень производительной силы общественного труда, так как всякий труд, который используется непосредственно для производства основного капитала, отнимается от производства непосредственных жизненных средств; точно так же, как средство производства воспроизводится в такой форме, которая в течение года не возмещает затраченные в течение того же года продукты и стоимости. Таким образом, с общественной точки зрения, необходимо иметь в распоряжении *прибавочный труд;*

с одной стороны, применяемый в производстве оборотного капитала труд должен быть достаточно производительным и значительным для того, чтобы производить жизненные средства и т. д. для тех, кто занят в производстве основного капитала.

С другой стороны, производство основного капитала выступает таким образом (в то время как по своим последствиям, благодаря увеличению производительной силы труда или полному отказу от применения труда для определенных целей, оно является прогрессивным средством превращения рабочего населения в излишнее) в качестве средства всасывания излишнего труда, или обеспечения работой добавочного количества населения [a)], не занимая его в производстве того богатства, которое снабжает рынок жизненных средств, в том числе предметов первой необходимости для рабочих; и, следовательно, не производя избытка в этой области, избытка, который ведет к понижению цен (совершенно так же, как *внешняя торговля* и внутреннее *производство предметов роскоши* представляют собой средство придавать прибавочному продукту форму, в которой он *не* пополняет рынки предметов первой необходимости).

С развитием основного капитала возрастает 1) постоянство и непрерывность труда; 2) период воспроизводства авансированного совокупного капитала; 3) необходимость продолжать производство в определенном и постоянно расширяющемся масштабе независимо от данных рыночных условий и их временных колебаний.

Тем самым одновременно с развитием основного капитала развивается реальный элемент *перепроизводства*.

[92] В основном капитале *капиталистический способ производства* создает себе впервые свои материальные условия. Степень развития основного капитала есть поэтому показатель степени развития капиталистического способа производства, который свое differentia specifica *, как и все исторически составляющие эпоху ступени, выражает не столько в потребительных стоимостях продуктов, создаваемых им для потребления, сколько в *средствах производства*, ибо и инстинкт и простое наблюдение исследователей древности привели их к мысли делить доисторические эпохи сообразно *материалу* средств производства (следовательно, все-таки сообразно определенному качеству средств производства), т. е. делить их на каменную,

---

[a)] См. янки.

* — специфическое отличие. *Ред.*

бронзовую и железную эпохи, характеризовать эти эпохи по прогрессу и достигнутому состоянию средств производства.

Часть национального богатства, состоящая из *основного капитала,* — и в той степени, в какой этот основной капитал все больше и больше складывается как *основной* капитал, т. е. все больше и больше формирует, вырабатывает свои характерные отличия от оборотного капитала, — возмещает свою стоимость лишь постепенно, воспроизводит ее через периоды, выходящие далеко за пределы *года,* как масштаба времени воспроизводства оборотного капитала. В то время как оборотный капитал, т. е. его применение [Verwertung], основывается больше на *текущем* труде, а мы называем любой труд текущим, труде, который совершается в пределах одного года, применение основного капитала, напротив, основывается в несравненно более высокой степени на *будущем* труде, независимо от того, функционирует ли основной капитал, как, например, собственно машины, непосредственно в качестве средства труда в узком смысле, в непосредственном процессе производства, или он функционирует, как, например, здания, железная дорога, каналы и т. д., только в качестве общего условия *независимого* от него *процесса производства.* В качестве *капитала,* который должен воспроизвести свою стоимость (и более того — как будет выяснено позднее — который должен обеспечить своим собственникам долю в *прибавочной стоимости,* производимой другими капиталами), он представляет собой *заявку на будущий труд* (а во втором случае — на *прибавочный труд*). Поэтому количество *ценных бумаг* увеличивается с развитием основного капитала; *ценные бумаги,* которые представляют титул собственности не только на стоимость капитала, а следовательно, и на будущее воспроизводство этой стоимости, но в то же время и на будущее *увеличение стоимости,* т. е. титул на долю *прибавочной стоимости* (процент и т. д.), которую должен выжать из рабочего класса класс капиталистов в целом. Развитие кредитного дела приобретает, таким образом, новую материальную основу; вместе с тем, однако, оно есть развитие той *части денежного капитала,* которая представляет собой не что иное, как *накопление титулов собственности* на *будущий* труд и прибавочный труд. *Накопление* этой части денежного капитала состоит из титулов на *предполагаемое* будущее богатство и само поэтому не является элементом действительно существующего национального богатства или является таковым лишь постольку, поскольку оно представляет титул собственности на наличную стоимость (не на увеличение ее стоимости) наличного *основного капитала.* Титулы существуют, однако, всегда

до того, как эта *стоимость* произведена, и представляют непосредственно не что иное, как только ту стоимость капитала, которая расходуется или авансируется для того, чтобы произвести эту *стоимость*. И даже тогда нельзя принимать эту стоимость в расчет *дважды*, например, стоимость железной дороги и стоимость железнодорожных акций, находящихся в портфелях акционеров. Дело обстоит здесь совершенно так же, как с государственными долгами. Государственные бумаги не есть *стоимости*, за исключением той стоимости *годового продукта*, в которой эти бумаги обеспечивают какую-то долю их владельцам. Эта видимость, однако, выступает тем более, что оплата их цены, — колебания их курса — определяются обстоятельствами, которые не связаны непосредственно со стоимостями, титулами которых они являются. К этой форме *накопления* стремится, однако, весьма влиятельная часть капиталистического общества, чтобы подчинить себе действительное движение производства и накопления.

[93] К пункту V).

Деньги — это оборотный или основной капитал?

Под деньгами здесь следует понимать *золото и серебро* (товары, которые служат *мерой стоимости*), поскольку они осуществляют действительные функции денег, будь то в качестве золотой или серебряной монеты, или в качестве слитков золота или серебра.

(Во-первых, мы говорим здесь о *деньгах*, как *капитале*, хотя они постоянно обращаются и как доход. Однако при *капиталистическом способе производства*, предполагаемом как исключительно господствующий способ, *все* продукты производятся в форме товаров, и поэтому вся *масса продуктов* выступает прежде всего в форме оборотного капитала. Все доходы могут быть лишь *частями стоимости* этой товарной массы, частями стоимости, которые могут выплачиваться прежде всего в *денежной форме*. Деньги, следовательно, посредством которых части стоимости товарной массы вводятся в обращение, должны de prime abord * представлять *капитал*. Что касается, однако, капитала, находящегося в резерве, то часть этого капитала, которая, к примеру, находится постоянно в частных сейфах частных лиц, не у банкиров, может быть просто неподвижной валютой.

В исследовании о том, являются ли деньги *основным* или *оборотным капиталом*, предполагается, что они представляют собой *капитал* или, по крайней мере, что *одна и та же денежная*

* — с самого начала. *Ред.*

сумма постоянно обращается то как денежный капитал, то как доход, так что одна и та же денежная масса действует в этих двух различных функциях; одна и та же денежная масса то исполняет функции капитала, то служит для превращения дохода в серебро и золото, что отчасти является правильным. Между тем не менее правильно и то, что часть находящихся в обращении денег постоянно находится на руках и функционирует *не* как капитал. С другой стороны, часть денег представляет собой постоянно *деньги в резерве*, не резервированный капитал. Этот вопрос мы рассмотрим подробнее в книге III, гл. VII. Здесь достаточно отметить лишь то, что недоразумение или двусмысленность проистекает из того, что «капитал» понимается как синоним стоимости, что неверно.)

Мы видели, что *товарный капитал* и *денежный капитал* есть две формы *оборотного капитала*.

Далее, в то время как основной капитал постоянно включен в *сферу производства*, денежный капитал постоянно включен в *сферу обращения*.

Если, однако, рассматривать *физическую массу денег*, которая обращается для того, чтобы денежный капитал осуществлял свою функцию (обращался или находился в резерве), то эта масса денег есть всего лишь *средство труда* процесса обращения и поэтому осуществляет здесь ту же функцию, что и основной капитал в процессе производства. С этой точки зрения ее можно рассматривать как основной капитал по отношению не к отдельному капиталисту, а ко всему классу капиталистов. Чем меньше та часть годовой массы продуктов, которая должна быть для этой цели превращена в золото и серебро, тем больше масса товаров, остающаяся для реального воспроизводства.

[94] Является ли *посевное зерно*, является ли *скот* основным капиталом? *Удобрение* и т. д.

Удобрение это — вспомогательный материал.

Посевное зерно представляет собой сырой материал, который как органическое вещество лишь иначе воспроизводится. То обстоятельство, что часть продукта может в своей натуральной форме снова войти в тот же самый процесс производства, ничего не меняет в деле. Весь урожай может быть продан, а посевное зерно может быть куплено у других производителей.

Скот. В качестве *племенного скота* — сырой материал; в качестве *скота, откармливаемого на убой* — оборотный капитал; в качестве *рабочего скота* — основной капитал.

[97] 3) ОБОРОТ И ОБРАЗОВАНИЕ СТОИМОСТИ

Этот вопрос исчерпывающим образом исследован в предыдущем параграфе 2, если иметь в виду различие между *основным и оборотным* капиталом (и то, что там сказано, следует перенести сюда).

Здесь следует повторить лишь одно. Выяснилось не только то, что равновеликие капиталы в течение года производят различные суммы прибавочной стоимости (следовательно, также и *годовая норма прибавочной стоимости* должна быть для них различной), но и то, что они образуют различные *стоимостные массы* (оставляя в стороне пропорциональную часть этой стоимостной массы, которая равна прибавочной стоимости). *Норма прибавочной стоимости* может быть одна и та же, также и сумма прибавочной стоимости, хотя *ежегодно производимые стоимостные массы* — величины неодинаковые.

Например, если бы авансированный основной капитал был равен 90 000 ф. ст., *переменный капитал* равен 5 000 ф. ст. и этот переменный капитал оборачивался бы 4 раза в год, при годовой норме прибавочной стоимости в 100 процентов, то стоимость этой части годового продукта была бы равна 20 000 + + 5 000 = 25 000 ф. ст. И если норма износа равна 10 процентам, то к этой сумме прибавились бы 9 000 ф. ст., и стоимость всего продукта была бы равна 34 000 ф. ст.

(Влияние износа основного капитала на *производительность труда*.)

3) Кроме влияния отношения *оборотного* и *основного* капитала принимается во внимание различная продолжительность пребывания в *процессе производства*, которая может вызываться двоякого рода причинами. *Либо: различной продолжительностью* процесса труда, *хотя непрерывный* процесс труда продолжается более длительное время, чтобы изготовить *продукт*. Для того чтобы построить дом, требуется больше времени, чем для того, чтобы выпрясть x фунтов пряжи. Некоторые виды производства основного капитала, например, железные дороги (а также скот и т. д.), могут продолжаться более года. При этом никакая часть продукта не может вступить в обращение или служить в качестве потребительной стоимости. Весь авансированный капитал реализуется в едином продукте, процесс труда которого удлиняется за пределы года — меры времени оборота. Занятый таким образом труд не доставляет, следовательно, *никакого* продукта, который в течение года способен к обращению, или входит в *массу продуктов,* образующих годовой доход, или может в качестве элемента производства

войти в новый процесс производства. Примененная таким образом в течение года часть национального труда, следовательно, не возмещает в течение года потребленные жизненные средства рабочих или потребленные сырые материалы, машины и т. д. В течение года она не представляется ни в какой полезной потребительной стоимости и ни в какой способной к обращению форме стоимости. Это обстоятельство играет главную роль при так называемом *превращении оборотного капитала в основной капитал*. Примененный таким образом труд, каким бы производительным он ни был по своему назначению, не образует никакого элемента процесса потребления или процесса воспроизводства в течение года. Он не делает нацию способной ни к тому, чтобы жить в течение следующего года, ни к тому, чтобы возместить потребленные средства производства. Он не образует также продукта, который в течение года или по окончании года мог бы быть отправлен за границу и обменен там на жизненные средства или средства производства. Если мы возьмем, следовательно, непропорциональную часть годового совокупного труда, то в конце года существовала бы несоразмерно бо̀льшая часть труда, затраченного в такой форме, которая в данный момент является бесполезной, если брать потребительную стоимость, и нереализуемой, если иметь в виду меновую стоимость; в то же время была бы слишком мала та часть совокупного продукта, из которой должен быть возмещен капитал, которая постоянно накопляется и за счет которой возобновляется фонд потребления. За исключением некоторых предметов роскоши, именно производство основного капитала всегда превышает годичный срок. (Со скотом дело обстоит таким же образом.) В отношении основного капитала следует иметь в виду второе обстоятельство. Если он состоит из зданий, доков, мостов, железных дорог, каналов и даже мелиоративных работ (таких, как дренажные или очистительные работы, оросительные установки и т. д.), то они приносят доход особенным способом. (Однако это относится не сюда. Это замечание относится к гл. III, о *процессе воспроизводства*.)

[98] Или: *перерыв труда во время процесса производства*, но *обусловленный* последним.

γ) Различные по продолжительности сроки *возвращения* капиталов вследствие *различной отдаленности рынков от места производства*.

При изложении этого параграфа 3) является очевидным, что вопрос о следствиях различия между *оборотным* и *основным капиталом* должен рассматриваться в последнюю очередь, оба же параграфа γ) и β) в первую.

С *различным временем оборота* капиталов связаны следующие обстоятельства: 1) *во-первых,* продолжительность времени оборота *физически* лимитирована *временем, в течение которого сохраняется потребительная стоимость товаров.* Различные товары поэтому могут быть в различное время реализованы и замедление продажи оказывает на них различное воздействие.

При таком рассмотрении времени оборота речь идет просто об *интервале* между моментом, когда товар готов, и моментом, когда он продается, между его существованием на рынке в качестве товара и его превращением в деньги, его продажей. При рассмотренном здесь *различии периода оборота,* следовательно, в расчет принимается только воздействие, оказываемое на него *различием во время обращения.* (Это рассмотрение относится, очевидно, к параграфу о *времени оборота* вообще.)

2) *Во-вторых,* однако, *данные предметы* или товары, обладающие данной потребительной стоимостью, могут обладать *более или менее продолжительным* временем обращения, однако, у значительного их количества (за исключением тех, которые, как, например, вино, после первичной их обработки еще подвергаются дополнительным естественным воздействиям) потребительная стоимость портится или ухудшается в большей или меньшей степени. С ухудшением их потребительной стоимости *уменьшается их меновая стоимость.*

3) *В-третьих,* чем дольше товар находится в обращении, тем больше он подвержен *стоимостному изменению,* потому что происходит изменение в *стоимости* его *воспроизводства,* совершенно так же, как товары, ввозимые с дальних рынков, подвержены большему изменению *рыночных цен* на рынке их продажи.

4) *В-четвертых,* — и это, очевидно, относится к этому параграфу о влиянии *времени оборота на образование стоимости* — *возрастают издержки обращения,* особенно *издержки хранения и сохранения товаров,* пропорционально продолжительности их *времени обращения,* времени, в течение которого они должны находиться на рынке, пока не войдут в процесс потребления, индивидуального или производительного.

К пунктам 1) и 2). При обращении и воспроизводстве капитала важным является следующее обстоятельство: между авансированием и возвращением капитала проходит какое-то время. Этот интервал оказывает, соответственно его величине, воздействие на *потребительную стоимость.* Время разрушает потребительную стоимость. Всякий предмет (за исключением земли) портится и в конце концов приходит в негодность, теряет качества, составляющие его потребительную стоимость; с некоторыми

предметами это происходит быстрее, с другими — медленнее. Некоторые предметы должны быть проданы очень быстро, чтобы не портились, или не оказались полностью негодными; другие — могут лежать длительное время. Все товары гибнут, если по прошествии определенного времени они не входят в потребление, или, что одно и то же, если они продолжают свое существование как находящиеся в продаже товары, вместо того, чтобы использоваться как потребительные стоимости. Это таким образом *первый риск*, которому подвергается товар, а в действительности — капитал, превращенный из денег в форму товаров, предназначенных для индивидуального или промышленного потребления.

[99] К пункту 4). Сохранение товаров, поскольку они представляют собой предметы торговли, потребительные стоимости, требует затраты на них капитала и труда, в одних случаях в меньшем количестве, в других — в большем количестве.

В их *продажную цену* могут входить только *средние издержки*, которых требует сохранение данного товара в течение того времени, которое необходимо для его пребывания на рынке.

Эти средние издержки для данного товара определяются средним временем, составляющим *интервал* между его производством и потреблением, или средней продолжительностью его *пребывания* в качестве товара на рынке. Для *различных товаров* издержки хранения определяются, очевидно, не только *средним временем*, в течение которого они находятся на рынке, но также и их *средней степенью подверженности порче или расходами на предотвращение этой порчи*, в соответствии с природой различных товаров, в соответствии с различным качеством различных товаров, *в течение того же времени*. Если дано это среднее время, то издержки по хранению зависят от специфических качеств различных потребительных стоимостей. Если даны издержки по хранению, являющиеся результатом специфических качеств различных потребительных стоимостей, то среднее время зависит исключительно от различных *средних условий* обращения этих потребительных стоимостей. Тогда эти средние условия образуют определенную *статью издержек обращения* [a]. Эти издержки, если они представляют собой среднюю величину (а не индивидуальную), прибавляются, очевидно, к *стоимости* товара, потому что в течение *периода обращения* к ней присоединяется больше труда, будь то в форме прошлого или настоящего труда. В то же самое время они, если иметь в виду *производство в целом*, увеличивают стои-

a) Здесь привести примеры из Корбета [87].

мость товара, не увеличивая его количества (как *потребительной стоимости*). Это — лишь расход для того, чтобы уменьшить потери. Это — *вычет* из совокупного производства. Что касается стоимости, то эти издержки относятся к непроизводительным издержкам производства. Предположим, что *времена обращения* одинаковы и одинаков также *износ*, который происходит у различных товаров вследствие их пребывания на рынке. Износ вследствие обращения, в отличие от износа в процессе производства, а также *издержки*, связанные с тем, чтобы ограничить этот износ потребительной стоимости *минимумом*. Все эти товары, в момент их превращения в стоимость, имели бы более высокую *цену* или *стоимость*, потому что к ним еще в течение времени обращения было присоединено рабочее время в форме прошлого или живого труда. Однако поскольку этот прибавленный труд не реализован в *прибавочном продукте сверх* первоначального количества товаров, выброшенных на рынок (напротив, он уменьшился вследствие износа товаров) и поскольку он не присоединил *новой потребительной стоимости* к товарам (как, например, транспортные издержки до некоторой степени и в некотором смысле), — эта потребительная стоимость, напротив, до некоторой степени является испорченной, — то откуда же тогда берется фонд, из которого действительно оплачивается этот прибавленный труд? Очевидно, это первоначальное количество товаров, брошенное на рынок. Известная их доля жертвуется для того, чтобы сохранить остальную массу. Если не говорить о той части первоначального количества товаров, которая действительно потеряна вследствие износа, возникающего в результате длительного их пребывания на рынке, то другая часть должна быть затрачена на оплату труда, необходимого для сохранения их потребительной стоимости. Дело сводится к тому, что требуется определенное количество дополнительного труда для того, чтобы сохранить уменьшившееся количество товаров, и что этот труд сам оплатил уменьшившееся и сохранившееся таким образом количество товаров. Это — то же самое, как если бы производительная сила труда уменьшилась, а меновая стоимость товаров в силу этого увеличилась. Такая *дополнительная* затрата труда представляет собой *непроизводительные издержки производства*. Если бы время обращения и возникающие вследствие этого издержки по хранению были во всех отраслях *одинаковы*, то дело свелось бы к следующему. Предположим, что эти издержки составляют 5 процентов в год; если бы, следовательно, продукт капиталиста *A* был равен 500 ф. ст., и продукт капиталиста *B* также равен 500 ф. ст., и каждый удерживал бы 25 ф. ст. в фонд

издержек по хранению и продавал бы остальной продукт за 475 ф. ст., то это то же самое, как если бы каждый из них продавал продукт за 525 ф. ст. Добавочная стоимость в 25 ф. ст. оставляет обе стороны в том же самом положении, что и прежде, потому что, хотя оба они продают за 525 ф. ст., они получают столько же товаров, как если бы они продавали за 475 ф. ст., и тем самым они не приведут в движение больше труда, потому что стоимость труда определяется не денежной ценой, а реальной стоимостью, которая определяется стоимостью данного количества товаров.

[100] (В действительных ценах, если оставить в стороне *неравенство,* с которым эти дополнительные издержки входят в цену различных товаров, к этому присоединяется то обстоятельство, что в результате надбавки, соответственно дополнительному труду, затраченному на товар, что таким образом классы, которые покупают товары, не продавая их, вынуждены оплачивать их соответствующие доли.) Во всяком случае издержки обращения увеличиваются вместе с увеличением *продолжительности времени обращения.* То, о чем только что говорилось, относится к разделу об *издержках обращения,* т. е. к гл. I, параграфу 4 этой книги.

Весь оборот капитала замедляется или потому, что увеличивается *время обращения,* что может быть вызвано различной продолжительностью возвращений капитала, или же потому, что удлиняется *время производства.*

1) *Продолжительное пребывание в сфере производства без перерыва в процессе труда*

Так как процесс труда является здесь непрерывным, то *применяемый капитал* приводит в движение *весь* труд, следовательно, также и весь *прибавочный труд,* который этот капитал, при данной норме прибавочной стоимости, вообще может привести в движение. Если капитал, например, при постройке дома равен 100 000 ф. ст., из которых 10 000 ф. ст. затрачиваются на труд; если норма прибавочной стоимости равна 100 процентам, то в конце года данный капитал будет равен 110 000 ф. ст. Этот капитал *реализован* в доме, который еще не готов. В конце же $1^1/_2$ лет, если авансировано еще 50 000 ф. ст., причем 5 000 ф. ст. — на труд, то капитал будет равен 55 000 ф. ст. И *совокупная стоимость* произведет в конце этих $1^1/_2$ лет то, что мы будем рассматривать как время производства дома. Разумеется, к этому еще прибавилось бы время обращения, т. е. время, в течение которого дом остается *непроданным,*

если он собственно построен для продажи, спекуляции, не на заказ. Последнее, однако, не является характерным в рассматриваемом случае.

Посредством 15 000 ф. ст., которые в приведенном примере авансированы в качестве переменного капитала, создано столько *прибавочной стоимости,* сколько вообще может быть создано при данной норме прибавочной стоимости, равной 100 процентам в год, а именно — 15 000 ф. ст.; здесь мы оставляем в стороне способность к накоплению (или обратному превращению прибавочной стоимости в капитал).

Если, однако, 100 000 ф. ст. (также с 15 000 ф. ст. переменного капитала) оборачиваются один раз в год, а затем 50 000 ф. ст., которые оборачиваются один раз в течение полугода, то это то же самое, как если бы сказать, что в первом случае 150 000 ф. ст. оборачиваются 2 раза в 3 года, а во втором случае 100 000 ф. ст. 2 раза в 2 года. Мы рассмотрим этот пример в *последнем* случае. Или же сделаем два предположения: 1) что 100 000 ф. ст. обернулись *один раз* в течение года и 2) что они обернулись два раза за год. Это было бы, следовательно, не верным сравнением. За один год были бы реализованы 10 000 ф. ст. прибавочной стоимости с капиталом в 100 000 ф. ст. во втором случае, а за 2 года — 20 000 ф. ст. В другом случае за 3 года — 30 000 ф. ст. Однако действительно *авансированный* (не примененный) капитал в одном случае был равен только 100 000 ф. ст., в другом случае — 150 000 ф. ст. Сумма созданной прибавочной стоимости та же (хотя время ее реализации иное), однако сумма авансированного капиталистом капитала различна, потому что в первом случае на год авансировано не больше 100 000 ф. ст., а во втором случае — 150 000 ф. ст. на $1^1/_2$ года.

1) Различное время (различные периоды) *реализации прибавочной стоимости,* как бы ни отличались они от ее извлечения из труда, могут быть различны для различных капиталов. До тех пор пока *переменный* капитал, который они занимают, или, что одно и то же, до тех пор пока количество труда, которое они приводят в движение, остается тем же, количество прибавочной стоимости, созданной им, будет тем же, *оставляя в стороне обратное превращение прибавочной стоимости в капитал,* которое ранее, при прежнем обороте, было возможным. Это, однако, не относится к простому созданию прибавочной стоимости, независимо от *возможности накопления.*

2) *Товары,* которые выбрасываются в обращение различными капиталами, также различны. Один, как в нашем примере, бросает продукт в обращение в конце первого года,

другой — только в конце полутора лет. Это ничего не меняет в количестве созданной прибавочной стоимости, хотя в одном случае прибавочная стоимость может быть реализована раньше, чем в другом.

3) *Авансирование* жизненных средств, дохода, осуществляется в одном случае на один год, в другом — на полтора года. Однако это опять-таки ничего не меняет в количестве полученной прибавочной стоимости.

[101] Однако *норма прибавочной стоимости* в обоих случаях различна.

В первом случае *авансирован* капитал, равный 100 000 ф. ст. в первом году. На эти 100 000 ф. ст. авансированного капитала получено 10 000 ф. ст. прибавочной стоимости. В первой половине второго года, хотя продукция не реализована, авансируется половина *такого же* капитала в 100 000 ф. ст., или 50 000 ф. ст., и прибавочная стоимость составила 5 000 ф. ст. Если мы возьмем период в полтора года, то в каждую половину года авансируется 50 000 ф. ст.; прибавочная стоимость (хотя и не реализованная во второй половине года) равна 5 000 ф. ст. Следовательно, в каждой половине года 5 000 : 50 000, т. е. прибавочная стоимость равна 10 процентам, или, так как переменный капитал равен 15 000 ф. ст., то *полугодовая норма прибавочной стоимости* составила 100 процентов.

В другом случае авансируются 100 000 ф. ст. в первом году и 50 000 ф. ст. добавочного капитала в первой половине второго года или 10 000 ф. ст. переменного капитала в первом году и 5 000 ф. ст. во втором году. Это составляет для каждой из трех половин года 150 000 : 3 = 50 000 ф. ст. или, что касается переменного капитала: 15 000 ф. ст. Прибавочная же стоимость равна половине 10 000 ф. ст. Или 10 000 ф. ст. — переменный капитал. В течение второго года авансируются снова те же 10 000 ф. ст. переменного капитала. В 3-м году снова те же 10 000 ф. ст. На 10 000 ф. ст. переменного капитала, которые постоянно вновь авансируются в течение трех лет, приходится 30 000 ф. ст. прибавочной стоимости, или за три года 300 процентов прибавочной стоимости на один и тот же авансированный капитал. В другом случае 150 000 ф. ст., авансированные в первом году, или 15 000 ф. ст. переменного капитала и 15 000 ф. ст. прибавочной стоимости. 10 000 ф. ст. переменного капитала, авансированные во втором полугодии, дадут к концу полутора лет 15 000 ф. ст. прибавочной стоимости. Это составляет 30 000 ф. ст. на *авансированный* капитал в 15 000 ф. ст., или 200 процентов нормы прибавочной стоимости каждые 3 года. В одном случае норма на $^1/_3$ больше, чем в другом.

В первом случае 10 000 ф. ст. переменного капитала дают в год прибавочную стоимость в 10 000 ф. ст. и затем половина того же капитала дает опять 5 000 ф. ст.

В другом случае 10 000 ф. ст. дают в первом году 10 000 ф. ст. прибавочной стоимости, и 5 000 ф. ст. добавочного капитала дают 5 000 ф. ст. в первой половине 2-го года. Следовательно, 15 000 ф. ст. капитала дают 100 процентов в $1^1/_2$ года.

Все различие сводится, следовательно, к тому, что *вследствие различного оборота,* в одном случае, когда оборот на $^1/_2$ года продолжительнее, чем в другом, хотя *применяемые переменные* капиталы такие же, *авансированный переменный* капитал в одном случае наполовину больше, чем в другом.

На *норму прибавочной стоимости* при *данном времени оборота* здесь, следовательно, воздействует только вызванное этим различием различие между *величиной применяемого* и *величиной авансированного капитала.*

С прибылью дело обстоит иначе. Во-первых, в качестве основы для компенсации здесь могут быть различия, которые вызываются оборотом 1) при *неравном времени* обращения; 2) времени, в течение которого продукты выбрасываются на рынок и, следовательно, могут быть *реализованы* прибавочные стоимости. В действительности последнее различие заключает в себе различия в способности к накоплению.

Оставляя в стороне эти основы для компенсации, рассмотрим теперь норму прибыли в ее отношении к норме прибавочной стоимости, в чистом виде и элементарной форме. Первый оборачивает свой капитал в 100 000 ф. ст. один раз в течение первого года и приносит 10 000 ф. ст. прибавочной стоимости. *Норма прибыли* $= \frac{10\,000}{100\,000} = \frac{10}{100} = 10$ процентам.

В первой половине 2-го года 5 000 на 50 000 ф. ст. капитала составляют 10 процентов; на 50 000 ф. ст. капитала на полгода или годовая норма прибыли в 10 процентов на капитал в 100 000 ф. ст.

[102] Второй получает на 100 000 ф. ст. в течение первого года 10 000 ф. ст., составляющие 10 процентов ежегодно, и 5 000 ф. ст. на 50 000 ф. ст. капитала в первой половине 2-го года, равные также 10 процентам на капитал 100 000 ф. ст.; следовательно, второй получает 15 процентов в $1^1/_2$ года.

Однако он авансировал первые 100 000 ф. ст. на $1^1/_2$ года, и таким образом они должны быть реализованы вместе с прибылью с добавочных 50 000 фунтов стерлингов.

10 000 ф. ст. прибыли па 100 000 ф. ст. капитала в течение $1^1/_2$ лет составляет в расчете на год 6 $^2/_3$ и 10 процентов на капитал в 50 000 ф. ст. в течение половины года или 5 процентов в год на капитал 100 000 ф. ст., что составляет $11^2/_3$ процента.

15 000 ф. ст. прибавочной стоимости на капитал в 150 000 ф. ст. в течение $1^1/_2$ лет составляет — 10 процентов в течение $1^1/_2$ лет или 6 $^2/_3$ в течение 1 года.

150 000 ф. ст. по 10 процентов в год равно 15 000 ф. ст., а по 10 процентов в полгода равно 7 500 фунтам стерлингов.

Следовательно, в течение $1^1/_2$ лет — 22 500 ф. ст. Однако мы видели, что 150 000 ф. ст., несмотря на прибавочную стоимость в *x* дают только 15 000 ф. ст. в $1^1/_2$ года. *Следовательно, 10 процентов в $^3/_2$ года,* или 3 $^1/_3$ в $^1/_2$ года, или *$6^2/_3$ в 1 год.*

В другом случае, напротив, мы имеем 10 процентов в год, а именно, 10 процентов на 100 000 ф. ст. в год и 5 процентов на те же 100 000 ф. ст. в полгода.

Итак, 6 $^2/_3$ процентов относятся к 10 процентам как 100 процентов к 150 процентам. И действительно, если 150 процентов прибавочной стоимости (в течение $1^1/_2$ года) приходятся на капитал в 10 000 ф. ст. (переменный), то только 100 процентов прибавочной стоимости приходятся на капитал в 15 000 ф. ст. (переменный), (авансированный во втором случае). Разница в *норме прибыли,* следовательно, точно соответствует в этом случае разнице в *нормах прибавочной стоимости.* Различие между двумя этими выражениями — (за исключением имманентного им различия, согласно которому $m' = \frac{m}{v}$ и $p' = \frac{m}{c+v}$) — существует вообще лишь тогда, когда возникают обстоятельства, которые могут воздействовать на *норму прибыли,* но не могут воздействовать ни на *прибавочную стоимость,* ни на *норму прибавочной стоимости.*

Поэтому, если удлиненное *время оборота* для капиталов, инвестированных в определенную отрасль промышленности, возникает в результате *большей продолжительности процесса труда,* до того, как товар готов, то это (оставляя в стороне *накопление*) не оказывает никакого влияния на *абсолютную массу* производимой *прибавочной стоимости;* и это касается годовой и т. д. *нормы прибавочной стоимости* лишь постольку, поскольку удлиненная *периодичность* делает необходимым более значительное авансирование *переменного капитала,* чтобы эксплуатировать то же самое количество труда.

[103] 2) *Продолжительное пребывание в процессе производства или перерыв процесса труда*

В этом случае ясно, что пребывание в процессе производства не есть пребывание в процессе труда; следовательно, продолжительное пребывание не есть более продолжительная непрерывная эксплуатация труда. Находящийся в том же самом *периоде* процесса труда капитал эксплуатирует, очевидно, меньше труда, чем если бы перерыв в процессе труда не имел места. Следовательно, при прочих равных условиях здесь имеет место *уменьшение производимой прибавочной стоимости* и поэтому вполне определенно и уменьшение ее нормы.

[104] 3) *Продолжительное время оборота вследствие продолжительного времени возвращения капиталов или времени обращения (времени циркуляции)*

Здесь речь идет, естественно, не об индивидуальных рискованных предприятиях, имеющих целью сохранить товары на рынке и задержать их продажу или ускорить ее. Здесь речь идет также и не о таких различиях во времени обращения, которые могут возникнуть вследствие *различной величины* находящихся в обращении капиталов, вложенных в одну и ту же отрасль. Речь идет о продолжительных периодах *возвращения* капиталов вследствие отдаленности рынков от *места производства* товаров и поэтому также о затруднительности обратного притока выручки.

Ясно, что развитие средств транспорта и связи имеет в этом отношении важное значение, поскольку ими определяются *действительные расстояния,* время, необходимое для того, чтобы их покрыть. И только к этому сводится дело, не к *географическим* расстояниям как таковым.

Что касается капиталов, непосредственно занятых в этих отраслях, то ясно, что при *удлиненном времени оборота* капитала, возникшем вследствие более значительной продолжительности *времени обращения,* т. е. более значительной продолжительности акта $T' — Д — T$, должен быть применен больший капитал (*переменный* и другой), чтобы постоянно занимать равновеликое число рабочих. Это необходимо для обеспечения непрерывности процесса производства. Если, однако, мы представим себе, что непрерывность процесса производства нарушается и он вновь начинается лишь с возвращением капиталов, то ясно, что *одним и тем же капиталом* нельзя эксплуатировать то же самое количество труда, если бы он не возвращался раньше.

С увеличением времени обращения увеличивается

1) во-первых, только время обращения, а оно никогда не создает стоимости; напротив, оно должно рассматриваться всегда только как вычет из времени производства (хотя при разделении труда, *образовании купеческого сословия* оно может представляться как источник дохода определенного класса капиталистов);

2) *издержки обращения,* которые, поскольку они образуют стоимость (следовательно, не сводятся просто к потере времени и труда, *простому обмену,* к простым формальным актам купли и продажи), равнозначны, если рассматривать нацию в целом, *повышению стоимости,* возникающему вследствие уменьшения *производительности труда.*

[105] Общий результат, к которому мы пришли, сводится к следующему.

Поскольку различное *время оборота* возникает вследствие разной продолжительности времени обращения, оно включает в себя eo ipso * *уменьшение времени производства, т. е. производства стоимости и прибавочной стоимости.* Оно включает в себя, во-вторых, увеличение *издержек обращения,* которое, поскольку их следует рассматривать не просто как вычеты из произведенной стоимости и, следовательно, прибавочной стоимости, а как *образующие стоимость,* равнозначно *повышению стоимости,* возникающему вследствие уменьшения производительности труда. Так как время обращения как таковое означает уменьшение рабочего времени, то возникающее вследствие увеличения времени обращения удлинение периода оборота равнозначно уменьшению производства стоимости и прибавочной стоимости.

В общем, однако, различие периодов оборота сводится, впрочем, к следующему (оставляя в стороне *удлинение времени производства* вследствие имманентных перерывов процесса труда):

1) *Периодичность* удлиняется или, вернее, *замедляется:* тем самым должен авансироваться больший *переменный* капитал (в данном случае особенно следует подчеркнуть *переменный* капитал; для прибыли важен совокупный капитал), чтобы эксплуатировать *то же количество труда,* реализовать ту же самую *прибавочную стоимость,* например, в течение одного *года;* следовательно, *норма прибавочной стоимости* падает.

2) Поскольку сюда входит различие между *основным* и *оборотным* капиталом, более значительная масса его может

* — тем самым. *Ред.*

повлечь за собой уменьшение *образования стоимости* (ежегодно), так как основной капитал возмещается лишь в более продолжительные времена оборота. Это, однако, может компенсироваться, — если рассматривать годовой продукт, — скоростью оборота оборотной части капитала. Это менее значительное *образование стоимости* имеет отношение также к более медленно обращающейся части капитала (в противоположность *основному*) по сравнению с более быстро обращающейся частью.

Авансирование *всего капитала* (в течение года, смотри приведенные выше изменяющиеся обстоятельства) возрастает вместе с возрастанием *основного* капитала. Это касается, однако, только *нормы прибыли,* не *нормы прибавочной стоимости*. Более значительное авансирование всего капитала при неизменном авансировании переменного капитала *совершенно безразлично* для определения нормы прибавочной стоимости (хотя оно важно для определения нормы прибыли).

3) От *периодичности,* или от большей или меньшей продолжительности оборота, зависит более быстрое или более медленное обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, или способность к накоплению. Но это — момент, который находится вне *действительного* образования стоимости.

Для того, чтобы определить влияние, которое оказывает различие между *основным и оборотным* капиталом на образование прибавочной стоимости, необходимо прежде всего всегда исходить из той предпосылки, что при *различном строении постоянной* части капитала в обоих случаях *переменная,* или затраченная на заработную плату, часть оборотного капитала является *равновеликой*. Это необходимо для того, чтобы найти, в какой мере принимается во внимание различие между основным и оборотным капиталом *как таковым* при образовании стоимости и *прибавочной стоимости*. Если *переменная* составная часть различна, то различие проистекает *отсюда* и не имеет ничего общего с различием между *основным* и *оборотным* капиталом как таковым.

Не только возможным, но весьма распространенным является такое положение (за исключением некоторых отраслей промышленности, где не применяется сырой материал и т. д.), когда в отраслях, где применяется больше основного капитала, машин и т. д., *оборотная* часть постоянного капитала, следовательно, общая сумма постоянного капитала возрастает по сравнению с *переменной* частью и в отличие от других отраслей, где оборотный капитал применяется в меньшей мере. Но тогда различие в образовании прибавочной стоимости возникает из различной величины *переменной* части капитала по сравнению

с его *постоянной* частью, а не из различия между *основным и оборотным капиталом*. То, что это различие [106] здесь само по себе не имеет *ничего* общего с данным вопросом, видно сразу же из того, что если авансированный постоянный капитал, как, например, у банкира или в торговом предприятии, почти не включает в себя основного капитала и состоит почти только из оборотного, то применяемый *переменный* капитал гораздо меньше, чем в большинстве других отраслей промышленности, которые применяют относительно много основного капитала. Поэтому произведенная в *этих* отраслях прибавочная стоимость действительно относительно невелика (хотя прибыли в них могут быть очень большими).

[107] ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ОБРАЩЕНИЕ И ВОСПРОИЗВОДСТВО

1) ОБМЕН КАПИТАЛА НА КАПИТАЛ, КАПИТАЛА НА ДОХОД И ВОСПРОИЗВОДСТВО ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА

Возьмем в качестве исходного пункта годовой оборот капитала.

Пусть данный капитал равен 500 ф. ст., из которых 400 ф. ст. — *постоянный капитал; (износ основного капитала* или часть основного капитала, стоимость которой входит в продукт и потребительная стоимость которой должна быть возмещена, хотя и то и другое не обязательно должно происходить в один и тот же промежуток времени; все же для определенных частей основного капитала это ежегодное и т. д. возмещение может потребоваться в натуральной форме; однако мы совершенно не будем рассматривать ту часть основного капитала, которую не нужно ни возмещать, ни возобновлять, которая не входит в износ. С другой стороны, *вспомогательные материалы и сырые материалы);* 100 ф. ст. — переменный капитал, заработная плата. Норма прибавочной стоимости равна 100 процентам, следовательно, прибавочная стоимость равна 100 ф. ст. Совокупная стоимость годового продукта тогда равна 600 ф. ст. (Мы предполагаем, что постоянный капитал состоит из основного и оборотного капитала (сырых материалов и вспомогательных материалов), так как это есть его полная форма. Ничего не меняется от того, что в отдельных отраслях производства отсутствует один из этих элементов. В этом случае отсутствующий элемент следует приравнять к нулю, совершенно так же, как в математических формулах (аналитической форме) мы исходим, например, из одной и той же общей формы для кривых одного и того же порядка, хотя после этого тот или иной элемент должен быть для определенной формы приравнен к нулю.

Кроме того, если рассматривать капитал в целом, то он содержит в себе все эти элементы.)

Когда продукт стоимостью в 600 ф. ст. будет продан, 400 ф. ст. постоянного капитала должны быть превращены обратно в свою натуральную форму; 100 ф. ст. должны быть снова затрачены на заработную плату, или, что практически одно и то же, должны снова превратиться в натуральную форму предметов первой необходимости для рабочих. (При этом предполагается, что *производительная сила* различных отраслей производства остается неизменной. Так как подобное *изменение* ничего не меняет в предмете, который мы теперь рассматриваем, то мы *абстрагируемся* от него, или полагаем его *постоянным*.) Те 100 ф. ст., которые представляют прибавочную стоимость, капиталист (которого мы здесь, как это необходимо на нынешней стадии нашего исследования, рассматриваем не только как первого получателя, но и как лицо, расходующее всю прибавочную стоимость, т. е. как представителя всех тех категорий, с которыми он эту прибавочную стоимость должен делить) частично необходимо расходует на жизненные средства, для своего личного потребления, другая же часть накопляется и превращается обратно в капитал. Мы видели, что накопление есть воспроизводство в расширенном масштабе. Однако прежде чем рассмотреть последнее, мы, естественно, рассмотрим сначала простое воспроизводство. Поэтому мы абстрагируемся временно от обратного превращения прибавочной стоимости в капитал и рассмотрим лишь ту часть прибавочной стоимости, которая приходится на личное потребление капиталиста. Поэтому ту часть прибавочной стоимости, которая обратно превращается в капитал, мы временно приравниваем к нулю, или, что то же самое, мы абстрагируемся от нее.

До сих пор при исследовании всего процесса обращения, или процесса воспроизводства капитала, мы рассматривали моменты или фазы, которые он проходит, лишь *формально*. Теперь, напротив, нам надлежит исследовать реальные условия, при которых может происходить этот процесс.

Из того, что было рассмотрено до сих пор, следует, что деньги служат только в качестве переходного пункта; с одной стороны, они служат для того, чтобы товары вошли в общий фонд потребления, и постольку, поскольку капитал является переменным капиталом, превратились в деньги для рабочих, на которые последние покупают для своего потребления предметы первой необходимости; с другой стороны, деньги служат для того, чтобы капитал из формы готового продукта [108] превратился обратно в натуральную форму вещных элементов

своего производства. Так функционирует денежная форма капитала, как и вообще деньги в метаморфозе товара: *Т — Д — Т*, т. е. функционирует только как опосредствующая и мимолетная *форма* воспроизводства и не имеет никакого отношения к действительному процессу воспроизводства как таковому. Единственным исключением является тот случай, когда денежный капитал, или капитал в денежной форме, представляет капитал, который не занят, представляет его в том интервале, в котором он предназначен функционировать в качестве производительного капитала, но в действительности еще не функционирует в качестве такового. В этой форме, следовательно, он пока еще совершенно не входит в процесс обращения и процесс воспроизводства. Из сказанного следует поэтому: поскольку деньги действительно функционируют как форма капитала, они лишь формально и мимолетно опосредствуют действительный процесс воспроизводства. Поскольку они сохраняют свою самостоятельную форму, они вовсе не входят в процесс воспроизводства, а предназначены лишь только для того, чтобы войти в него. В обоих случаях, следовательно, при рассмотрении *реального* процесса воспроизводства от них можно пока что *абстрагироваться* (поскольку мы предположили, что именно формальное превращение капитала в деньги, периодическое приобретение им денежной формы происходит без затруднений, и это мы *предполагаем* с самого начала). В нашем исследовании мы абстрагируемся поэтому от денежного обращения (и от капитала в его форме денежного капитала). Оно будет приниматься нами во внимание лишь только в том случае, когда из исследования действительного процесса воспроизводства само выводится особое определение денежного обращения в качестве его момента. (Дальнейшие определения будут рассмотрены только в последней главе 3-й книги, после того как будут рассмотрены купеческий капитал и т. д., а также различные особые категории, на которые делится прибавочная стоимость.)

До сих пор в нашем исследовании не рассматривался индивидуальный *процесс потребления* или если рассматривался, то лишь формально. То есть предполагалось только, что часть товарного капитала переходит в фонд потребления, будь то рабочих или капиталистов, единственных потребителей, которых мы до сих пор знаем. Однако индивидуальное потребление составляет момент совокупного процесса воспроизводства, и в качестве такового оно должно быть теперь рассмотрено.

Уже говорилось, что прибавочную стоимость мы принимаем во внимание лишь постольку, поскольку она не накопляется, следовательно, служит только для индивидуального потребле-

ния капиталистов. Такое расходование прибавочной стоимости мы называем ее расходованием как *дохода*. Что касается, с другой стороны, *переменного* капитала, то он авансируется в форме денег рабочему, который отдает за них свой труд, а на полученные деньги покупает свои жизненные средства. Так как заранее предполагается, что заработная плата равняется стоимости труда или, вернее, стоимости рабочей силы, то тем самым одновременно предполагается, что рабочий расходует всю свою заработную плату на воспроизводство своей рабочей силы, а потому на покупку предметов первой необходимости. Поэтому весь переменный капитал в действительности расходуется как *доход* или превращается *для рабочего* в доход, в то время как для капиталиста он превращается в труд. В действительности, если оставить в стороне вызванное денежной формой опосредствование, переменный капитал существует, следовательно, в форме жизненных средств, которые составляют доход рабочего класса. При рассмотрении действительного процесса производства в *общую* категорию *дохода* попадают вместе как та часть продукта, которая потребляется капиталистом в качестве прибавочной стоимости, так и та его часть, которая потребляется рабочим в качестве заработной платы. *Переменный* капитал как таковой, поскольку он превращается *не* в заработную плату, а потому и *не* в доход рабочего, а в *труд* для капиталиста, в труд, равный необходимому труду + прибавочный труд, оказывается здесь, следовательно, пока что *вне* нашего исследования.

Так как, далее, предполагается, что *капиталистический способ производства* является не только господствующей, но всеобщей и исключительной формой производства, то и товары, которые образуют доход, будь то для капиталиста или для рабочего, и товары, которые образуют конституирующие элементы постоянного капитала, должны существовать прежде всего как *продукт капитала* и поэтому как *товарный капитал*. Поэтому должен иметь место и обмен товарных капиталов, которые входят в доход, на другие входящие в доход товарные капиталы, и обмен таких капиталов на товарные капиталы, которые образуют постоянный капитал, и обмен друг на друга товарных капиталов, которые образуют постоянный капитал. Исследование реальных условий этого обмена и является нашей следующей задачей.

[109] Следовательно, теперь мы должны рассмотреть как *товарные капиталы*, так и *производительные капиталы*, которые в них реализуются, под другим углом зрения, а именно, по их *потребительным стоимостям*, из которых состоят товарные

капиталы и в которых производительные капиталы представляются как в своих продуктах.

Производительные капиталы есть такие капиталы, которые создают непосредственно *жизненные средства,* или те продукты, которые приняли такую последнюю форму, в которой они могут входить в индивидуальное потребление, или в фонд потребления. Произведенные производительными капиталами *товарные капиталы* состоят из *жизненных средств* (в более узком смысле слова).

Или производительные капиталы есть такие капиталы, которые создают *средства производства,* или такие, продукты которых предназначены для того, чтобы снова войти в процесс производства, в производительное потребление. Произведенные ими товарные капиталы состоят из *средств производства.*

Один тип производительных товарных капиталов доставляет жизненные средства, на которые расходуется доход, во-первых, прибавочная стоимость и, во-вторых, заработная плата, или на которые реализуется *доход* капиталистов и рабочих. Жизненные средства, на которые рабочий расходует свою заработную плату, являются в действительности той *вещественной* формой, в которой существует переменный капитал до того, как он превратился в заработную плату, так как выплаченный капиталистом рабочему *денежный капитал* есть лишь опосредствующая форма, в которой капиталист дает рабочему ассигновку на получение определенной массы товарных капиталов, состоящей из жизненных средств, на извлечение их с рынка в фонд потребления. Товарные капиталы, в которых реализуется доход, содержат в себе, следовательно, также *вещественные элементы,* из которых состоит *переменный капитал.*

Другой тип производительных товарных капиталов доставляют средства производства, элементы *постоянного капитала,* в которые должен непрерывно превращаться товарный капитал, чтобы непрерывно возобновлять свой процесс воспроизводства, делать его непрерывным.

Наконец, третий тип производительных капиталов доставляет продукты, а тем самым, разумеется, и товарные капиталы, которые могут служить как непосредственно в качестве жизненных средств, так и в качестве элементов постоянного капитала, могут входить в своей натуральной форме как в индивидуальный процесс потребления, так и в процесс производства. Ниже в нашем исследовании будет показано, что этот третий тип может не приниматься во внимание, так как он фактически всегда входит в одну из двух сфер: в жизненные средства или средства производства.

Рассмотрим сначала первый тип производительных капиталов, производящие *жизненные средства*. Как часть всего общественного капитала назовем его капиталом *А*.

Предположим, что этот первый тип капитала, или капитал *А*, равен 500 ф. ст. (В деле ничего не изменится, если вместо 500 поставить 500 миллионов или любое другое число.)

Из этих 500 ф. ст. 400 состоят из постоянного капитала (машины, всякого рода основной капитал, вспомогательные материалы и сырые материалы), а 100 — из переменного капитала, или из капитала, затраченного на заработную плату. В 400 ф. ст. постоянного капитала включен только тот основной капитал, который потребляется в течение времени производства, например в течение года, и потому должен быть возмещен. Остальной основной капитал, который продолжает функционировать в своей прежней форме, для нашего исследования не имеет значения и потому приравнивается к нулю, или мы от него абстрагируемся.

Если норма прибавочной стоимости равна 100 процентам, то прибавочная стоимость = 100 ф. ст., а *совокупная стоимость* произведенного товарного капитала = 600 фунтам стерлингов.

Товарный капитал, в котором теперь существует авансированный капитал в 500 ф. ст., представляет, следовательно, на $^2/_3$ = 400 ф. ст. только авансированный для его производства *постоянный* капитал и должен быть обратно превращен в элементы своего постоянного капитала, в свои сырые материалы и т. д. Последняя же $^1/_3$ = 200 ф. ст. представляет, *во-первых*, заработную плату или переменный капитал и, во-вторых, прибавочную стоимость. Однако весь товарный капитал состоит из *жизненных средств*, предназначенных для индивидуального потребления.

[110] Эта $^1/_3$ совокупного товарного капитала потребляется общей массой участвующих в его производстве капиталистов и рабочих в качестве их *совокупного дохода*, и мы рассматриваем эту часть товарного капитала, состоящего из жизненных средств, как *потребленную*, как только она извлечена с рынка и перешла в фонд потребления, т. е. досталась конечным потребителям. То обстоятельство, что, с одной стороны, капиталисты этой сферы *А* производят весьма различные жизненные средства и продают свои продукты взаимно друг другу и покупают их друг у друга, стало быть, не потребляют свой доход непосредственно в той натуральной форме, в которой они его произвели, что, с другой стороны, рабочие обменивают деньги, которые они получили в качестве заработной платы, на потребляемые ими товары, превращают свой доход из денежной формы

в форму товаров (жизненные средства), это обстоятельство ничего не меняет в деле. Рассматривая процесс en bloc *, видишь, что вся масса капиталистов и рабочих потребляет $^1/_3$ своего собственного продукта, хотя если рассматривать процесс раздельно, то это потребление опосредствовано переходом соответствующих товаров из рук в руки, переходом, который опосредствован денежным обращением. Отдельный капиталист и отдельный рабочий потребляют прибавочную стоимость и заработную плату в потребительных стоимостях, которые отличаются от тех, которые они сами произвели, однако *объем стоимости* чужих продуктов, которые они потребляют, измеряется реализованной ими прибавочной стоимостью и стоимостью заработной платы. Это, следовательно, то же самое, как если бы они непосредственно расходовали свою заработную плату и прибавочную стоимость на произведенные ими самими товары.

Что касается *денежного обращения,* которое опосредствует потребление этой $^1/_3$ произведенных жизненных средств их собственными производителями, то это, следовательно, не меняет ничего в том, что они, если их рассматривать en bloc, потребляют *непосредственно* $^1/_3$ своего собственного продукта.

Рассмотрим, во-первых, это *денежное обращение* в той мере, в какой оно исходит от рабочего. Он превращает свою заработную плату из денежной формы в товарную форму. Тем самым он возвращает капиталисту деньги, которыми был авансирован *переменный капитал,* следовательно, восстанавливает денежную форму переменного капитала, или возмещает своими покупками капиталисту *денежный капитал,* который снова должен функционировать как переменный капитал. Таким образом, совокупная масса рабочих возвращает 100 ф. ст. в деньгах, и, таким образом, авансированный переменный капитал снова находится в руках капиталиста *A* в своей первоначальной денежной форме.

Что касается, во-вторых, денежного обращения между капиталистами сферы *A,* которым они взаимно опосредствуют расходование своего дохода, то мы должны сказать, что нужны 50 ф. ст. для того, чтобы реализовать в товарах их совокупную прибавочную стоимость в 100 ф. ст., опосредствовать их покупки и продажи. И здесь мы должны сделать замечание, которое следовало бы сделать уже при рассмотрении простого денежного обращения. Рассмотренное здесь денежное и товарное обращение между капиталистами является в действительности

* — в целом. *Ред.*

простым обращением, которое имеет место между ними не как капиталистами, а как взаимными потребителями их товаров. В форме *Т — Д — Т'* и т. д. капиталист *А* является продавцом *Т*, а капиталист *В* — покупателем *Д*. Тем самым деньги переходят из рук капиталиста *В* в руки капиталиста *А*. Капиталист *А* на эти деньги покупает *Т'*, и тем самым деньги переходят из его рук в руки капиталиста *С*, продавца *Т'*. Поскольку мы рассматриваем только последовательные метаморфозы, деньги перемещаются из одних рук в другие. Однако они все же должны быть всегда в *одних* руках, даже если мы рассматриваем только формальный метаморфоз. Они всегда остаются в конце каждого *Т — Д — Т'* в руках последнего продавца. Однако капиталисты *А*, *В*, *С* не только покупают товары для *своего* потребления, но и постоянно продают товары для потребления другими. Они сами ничем не отличаются от *других,* у которых застревает часть обращающихся денег, currency. Так как каждый потребитель является здесь одновременно и производителем, то он постоянно одной рукой отдает деньги и столь же постоянно другой рукой их получает. Таким образом, все находящиеся в обращении деньги постоянно находятся частями во *всех руках,* т. е. в руках всех этих производителей, являющихся в то же время потребителями. Это ведет к тому, что они не потребляют весь свой доход, а должны какой-то его частью обмениваться (опосредованно или непосредственно) с производителями золота и серебра, чтобы иметь возможность другую часть этого дохода пускать в обращение и реализовать ее в любых товарах. Они обладают этим доходом не дважды, — той частью его, которой они владеют в виде обращающихся денег, производитель золота и серебра владеет в натуральной форме. Дело нисколько не меняется и в том случае, если вместо [111] золотых и серебряных монет в обращении находятся, скажем, бумажные талеры. Той частью своего дохода, которой капиталист обладает в бумажных талерах, он обладает ее в форме жизненных средств и никогда ее в них не может реализовать. Хотя он постоянно отдает бумажные талеры, однако они так же постоянно возвращаются к нему. Он должен постоянно иметь их в кармане для того, чтобы быть в состоянии завтра, как и сегодня, удовлетворять свои ежедневные и т. д. потребности.

В этом денежном обращении, которое, таким образом, имеет место между капиталистами сферы *А*, как взаимными потребителями соответствующих их товаров, или с целью обращения их дохода, постоянно происходит распределение совокупной массы обращающихся между ними с указанной целью денег,

как бы постоянно ни менялись ее части. Они постоянно возвращают друг другу взаимно какую-то часть своего дохода в качестве денег, и каждый из них постоянно обладает какой-то частью своего дохода, но только в той форме, в которой он ее не может потребить, но в которой она потребляется другим лицом (дающим деньги).

Этот обратный ток части их дохода в денежной форме, или в виде массы денег, необходимых для того, чтобы покупать друг у друга свои жизненные средства, короче говоря, реализовать свои доходы, не имеет ничего общего с обратным током капитала. Он выражает лишь то, что капиталисты взаимно являются потребителями их товаров и что каждый из них должен постоянно обладать кроме своих товаров определенной частью своего дохода в форме денег; он выражает лишь постоянно перераспределение денег в пределах этой группы потребителей, части находящихся в обращении денег, той ее части, которая необходима для обращения их доходов.

Этот вопрос приобретет важное значение позднее, когда прибавочная стоимость будет выступать уже не просто как доход капиталистов, а распадется еще на ренту и проценты.

Что касается рабочих, то, если дело рассматривать с вещественной точки зрения, это то же самое, как если бы каждый из них получал причитающуюся ему часть своего продукта в натуре и обменивался этими продуктами взаимно друг с другом, следовательно, имел бы место обмен *дохода на доход*. Разумеется, покупая у капиталистов товары, рабочие возвращают капиталисту, — так как капиталист продает также и ту часть товаров, которая предназначена для него, и поэтому разные капиталисты обмениваются друг с другом частью своих продуктов не непосредственно — деньги, в которых была авансирована их заработная плата; путем расходования своего *денежного дохода* они возмещают, следовательно, *денежную форму переменного капитала*. Но они возмещают не сам этот капитал. Они потребляют на 100 ф. ст. товарные стоимости, которые теперь раз и навсегда перешли из рук капиталиста *A* в их руки. Они возвращают капиталисту, следовательно, только то, что он им дал, не как их окончательную долю продукта, а всего лишь как средство для того, чтобы извлечь свою долю с товарного рынка. Путем расходования своего дохода — в действительности, если рассматривать дело с вещественной точки зрения, путем обмена между собой продуктов, из которых непосредственно состоят их доходы — они *возмещают*, следовательно, одновременно *денежную форму* переменного капитала; в этом отношении их расходование дохода выступает одновре-

менно как обратное превращение их *денежного дохода* (или денежной формы их дохода) в *денежный капитал,* в котором авансируется заработная плата, или как восстановление денежной формы переменного капитала. Но, как говорилось, это касается только формы. Одни и те же деньги существуют попеременно как денежная форма заработной платы и как денежная форма переменного капитала. *Действительный* переменный капитал потреблен и возмещается не путем этого обмена между капиталистом и рабочим, а путем его нового воспроизводства.

С другой стороны, что касается обращения между капиталистами, то они обменивают доход на доход, деньги же, которые обращаются при этом обмене и постоянно между ними распределяются, не возмещают им никакой части их капитала, а возмещают лишь те деньги, которые им необходимы для реализации их доходов, или возмещают им всегда только ту часть их дохода, которая постоянно существует в форме находящихся в обращении денег.

Следовательно, если оставить в стороне явление постоянного превращения денежного дохода рабочих в денежную форму переменного капитала и vice versa *, то все потребление $^1/_3$ продукта сферы *A* сводится к обмену дохода на доход.

Предположим, что жизненные средства, которые входят в потребление рабочих, toto coelo ** отличались бы от жизненных средств, которые входят в потребление капиталистов, тогда дело обстояло бы несколько иначе, однако, в конечном счете, свелось бы к тому же. Так как рабочие сферы *A* потребляют товары на 100 ф. ст., то можно сказать, эти товары являются товарным капиталом какой-то секции капиталистов *A*. Тогда другая секция производила бы жизненные средства только для капиталистов. Секция, которая произвела на 100 ф. ст. товары для рабочих, не потребила бы ни одной части своей прибавочной стоимости в своем собственном продукте. Ее прибавочная стоимость была бы реализована в какой-то части товара на 100 ф. ст., который [112] был бы произведен другой секцией. Напротив, рабочие другой секции не покупали бы товары у своего капиталиста, но покупали бы только у производителей предметов первой необходимости для рабочих. Так как мы предполагаем, что весь капитал в 500 ф. ст. производит товары на 600 ф. ст., то капитал этой секции в 250 ф. ст. произвел бы товаров на 300 ф. ст., 200 ф. ст. из которых должны

* — наоборот. *Ред.*

** — в целом. *Ред,*

были бы возместить постоянный капитал, 50 ф. ст. — переменный капитал, а 50 ф. ст. образовали бы прибавочную стоимость. Сумма дохода равна 100 ф. ст. Из них 50 ф. ст. были бы потреблены их собственными рабочими, которые тем самым восстановили бы денежную форму их переменного капитала; 50 ф. ст. были бы потреблены рабочими другой секции, которые тем самым отдали бы им деньги стоимостью в 50 ф. ст., деньги, затраченные не ими самими, а другими капиталистами на заработную плату. На эти 50 ф. ст. они купили бы половину товаров стоимостью в 100 ф. ст. для капиталистов и, таким образом, реализовали бы свои доходы и тем самым возвратили бы другим капиталистам денежную форму их переменного капитала, в то время как в ранее приведенном случае это происходило непосредственно. Наконец, остальной товар на 200 ф. ст., как в одном, так и в другом случае, должен быть обменен на постоянный капитал. Этот кругооборот, как мы видим, ничего не изменил бы в самой сути дела.

Что же касается остатка их товарного капитала, равного 400 ф. ст., то капиталисты сферы *A* не могут его потребить. Он не может войти в их доход, поскольку он представляет только стоимость потребленного *постоянного* капитала, он должен быть обратно превращен в натуральную форму элементов этого постоянного капитала. Для этого должны состояться сделки между капиталистами сферы *A*, которые производят *жизненные средства,* и капиталистами сферы *B*, которые производят средства производства или *постоянный капитал.* Обратимся поэтому к капиталистам этой второй сферы.

Предположим, что их производительный капитал разделен в тех же пропорциях, что и капитал капиталистов сферы *A*, т. е. $^1/_5$ равна переменному капиталу, $^4/_5$ равны постоянному капиталу. Если их постоянный капитал равен 800 ф. ст. (т. е. их основной постоянный капитал, машины и т. д., и их оборотный постоянный капитал, сырой материал и т. д.; а непотребленная часть постоянного капитала по-прежнему равна 0), то их переменный капитал был бы равен 200 ф. ст., а их авансированный совокупный производительный капитал = 1 000 ф. ст. Если норма прибавочной стоимости равна 100 процентам, тогда прибавочная стоимость равна 200 ф. ст., а стоимость созданного ими совокупного товарного капитала равна 1 200 фунтам стерлингов.

Из этого товарного капитала в 1 200 ф. ст. $^1/_3$ = 400 ф. ст. представляла бы доход, а именно: 200 ф. ст., равные заработной плате, и 200 ф. ст., равные прибавочной стоимости. Эти 400 ф. ст. были бы, следовательно, израсходованы на покупку жизненных

средств, т. е. доход категории потребителей сферы *B*, — занятых здесь — был бы израсходован на товары сферы *A*, которая производит жизненные средства. Они не могут их реализовать в своем собственном продукте, поскольку последний состоит только из средств производства, которые не могут войти в индивидуальное потребление, а должны войти в производительное потребление. Таким образом, они будут покупать на 400 ф. ст. жизненных средств у капиталистов сферы *A*, а капиталисты сферы *A*, в свою очередь, стали бы покупать на эти же самые 400 ф. ст. постоянный капитал у капиталистов *B*, и, таким образом, ту часть своего товарного капитала, которая должна быть превращена в постоянный капитал, они действительно превратили бы в постоянный капитал. Это денежное обращение между сферами *A* и *B* только опосредствовало бы обмен той части товарного капитала сферы *A*, которая представляет *постоянный капитал* сферы *A*, на натуральную форму (*переменного капитала* и *прибавочной стоимости) дохода* сферы *B*.

Если мы будем рассматривать этот обмен со стороны каждого из обменивающихся, то для капиталистов *A* он представляет собой превращение капитала в капитал (из одной его натуральной формы в другую); или обратное превращение товарного капитала (pro parte *) в средства производства, или элементы его постоянной части. Он превращает ту часть своего совокупного продукта (своего *товарного капитала*), которая равна стоимости содержащегося в нем постоянного капитала, снова в натуральную форму, в которой он может функционировать (действовать) в качестве постоянного капитала. Как до, так и после обмена он по своей стоимости представляет собой только постоянный капитал. (Сфера *A* должна потребить эту *стоимостную часть* товарного капитала *промышленным способом;* однако этого нельзя сделать в натуральной форме, в форме потребительной стоимости, в которой эта часть существует; поэтому необходимо представить эту *стоимость* в товарах капиталистов сферы *B*.) Для сферы *B*, производителя продукта, который не может быть потреблен индивидуально, этот обмен, наоборот, представляет собой простое превращение дохода из одной формы в другую. (Одна часть произведенного товарного капитала представляет собой доход (заработную плату и прибавочную стоимость), однако [113] в такой *потребительной стоимости*, в которой он не может входить в индивидуальное потребление, не может быть потреблен в натуральной форме.

* — в соответствующем размере. *Ред.*

Что может потребить производитель, так это только *стоимость* этой части своего товарного капитала, и он может потребить эту часть стоимости только путем ее реализации в продуктах капиталистов *B*.) Он превращает часть своего совокупного продукта, образующую его доход, равный той части совокупного продукта, которая представляет вновь присоединенный труд, сначала в натуральную форму, в которой она может быть потреблена в качестве дохода. Как до, так и после обмена она по своей стоимости представляет только его доход.

Если мы рассмотрим отношение с обеих сторон, то капиталисты сферы *A* обменивают свой капитал на доход капиталистов сферы *B*, а капиталисты сферы *B* обменивают свой доход на капитал капиталистов сферы *A*. Доход капиталистов сферы *B* возмещает постоянный капитал капиталистов сферы *A*, а постоянный капитал капиталистов сферы *A* возмещает доход капиталистов сферы *B*.

Что касается денежного обращения (в этом обмене дохода капиталистов сферы *B* на постоянный капитал капиталистов сферы *A*), то для капиталистов сферы *B* необходимы 1) определенное количество обращающихся денег, которое они постоянно авансируют на заработную плату своим рабочим, или реализуют *денежную форму* своего переменного капитала; 2) определенное количество обращающихся денег, которое должно было бы обращаться между ними самими, если бы они производили продукты, непосредственно потребляемые ими или если бы они обменивались непосредственно друг с другом своими доходами, как капиталисты сферы *A*. Это, следовательно, то количество обращающихся денег, которое они всегда должны иметь в своем распоряжении, чтобы выплачивать заработную плату и потреблять свои собственные доходы. В руках рабочих эти деньги представляют собой просто деньги, деньги в виде монеты, на которую они обменяли свой товар (труд), чтобы затем расходовать эту монету на жизненные средства. Это, так же как и рассмотренные в сфере *A* деньги, является простым обращением монеты, выплачиваемой, расходуемой для покрытия индивидуальных потребностей. Поэтому они совершенно не отличаются от денег, обращающихся в сфере *A*, которые также являются просто деньгами. Однако рабочие сферы *B* не покупают товаров у капиталистов сферы *B*, у которых они заняты, следовательно, не возвращают им денег, которыми авансируется их заработная плата. На свои 200 ф. ст. они покупают товары, напротив, у капиталистов сферы *A*. Точно так же капиталисты сферы *B*, *расходуя свой доход*, не покупают товаров друг у друга. Они расходуют свой доход

в 200 ф. ст., напротив, на товары капиталистов сферы *A*. Таким образом, капиталисты сферы *A* получают 400 ф. ст., которыми они возмещают свой постоянный капитал посредством купли товаров у капиталистов сферы *B*. Таким образом, капиталисты сферы *B* получают обратно окольным путем деньги, которыми они, с одной стороны, снова выплачивают заработную плату, с другой стороны, реализуют свой доход, или, скорее, расходуют их для реализации своего дохода. Только этот *окольный путь* отличает движение денег, исходящих от капиталистов сферы *B*, от движения денег, исходящих от капиталистов сферы *A*. Однако имеет место еще следующее дополнительное различие. 400 ф. ст., которые капиталисты сферы *A* получают от капиталистов сферы *B* и которые являются лишь денежной формой дохода капиталистов сферы *B* (монетой, которую они постоянно затрачивают на покупку жизненных средств и на выплату заработной платы), эти деньги, брошенные в обращение капиталистами сферы *B*, являются одновременно *денежной формой*, в которую превращается та часть товарного капитала капиталистов сферы *A*, которая представляет их *постоянный* капитал. Он представляет эту часть как денежный капитал (или ее превращение в деньги *Т* — *Д*) до того, как он из этой денежной формы снова обратно превратится в товары, которые образуют вещественные элементы постоянного капитала капиталистов сферы *A*. Эта часть денег превращается, следовательно, постоянно в денежный капитал капиталистов сферы *A* и постоянно превращается обратно в денежную форму переменного капитала капиталистов сферы *B* (или в денежную форму заработной платы, *дохода* рабочих и в денежную форму дохода капиталистов сферы *B*). И эта часть всех общественных денег есть единственная (здесь мы пока не касаемся модификаций, которые привносит сюда купеческий капитал), которая подвергается этому двойственному процессу и выполняет эту двойственную функцию. Ибо деньги, обращающиеся *внутри* сферы *A*, вводят в обращение только заработную плату и доход капиталистов и рабочих сферы *A*, превращаются, однако, в денежную форму постоянного капитала или той части товарного капитала, которая потребляется теперь в качестве дохода. С другой стороны, те 400 ф. ст., на которые рабочие и капиталисты сферы *B* покупают жизненные средства у капиталистов сферы *B*, или вводят в обращение свои доходы, являются единственными деньгами, которые расходуются здесь, во-первых, для выплаты заработной платы и, во-вторых, для реализации дохода. Таким образом, эта часть находящихся в обращении общественных денег, являю-

щаяся единственной, которая предназначена для расходования дохода, представляет собой вместе с тем в качестве *денежного капитала* часть постоянного капитала общества. В заключение [114] следует заметить:

За исключением той части находящихся в обращении денег, которая превращает в деньги доход капиталистов сферы *A* и сферы *B*, остальная часть обращающихся денег представляет собой те *деньги*, посредством которых 1) выражается заработная плата, или доход рабочих как *денежный доход*, и 2) *совокупный переменный капитал* общества приобретает свою денежную форму или выступает как *денежный капитал*.

(При окончательном изложении этого параграфа будет лучше разделить его на две части: 1) *Действительный обмен веществ товарных капиталов* в совокупном процессе воспроизводства; 2) *Денежное обращение*, которым опосредствуется этот обмен веществ. В том виде, в каком этот параграф находится теперь, когда нить изложения постоянно прерывается, ограничимся рассмотрением вопросов денежного обращения.)

Рассмотрим теперь прежде всего *доход*, который потребляется в пределах *сферы A*. Что представляет собой этот доход? Он представляет собой *присоединенное* в течение года к 400 ф. ст. постоянного капитала капиталистов сферы *A* новое *количество труда*, а потому, с одной стороны, ту часть товарного капитала, в которой выражается *оплаченный труд* рабочего, или его *заработная плата*, а с другой стороны, ту часть товарного капитала, *прибавочную стоимость*, в которой выражается его неоплаченный труд, или прибавочная стоимость капиталистов. Хотя *весь продукт*, рассматриваемый с *вещественной точки зрения*, есть продукт годового труда, новая форма, которую принял постоянный капитал (использованные машины и т. д., сырой материал и т. д.) в результате труда, его *совокупная стоимость* отнюдь не является продуктом или кристаллизацией того *количества труда*, которое было вновь *присоединено* в течение года. Напротив, часть его стоимости, которая равна стоимости потребленного постоянного капитала, представляет собой *прошлый труд*, количество труда, которое не присоединено во время процесса производства в сфере *A*, или не кристаллизовано. И мы показали ранее (кн. I, гл. II, параграфы 2 и 3), что, хотя стоимость каждого отдельного товара может быть разделена на часть, которая представляет собой прошлый труд, и на другую часть, которая представляет собой дополнительный труд, хотя, далее, каждая часть товара, рассматриваемая с точки зрения ее потребительной стоимости, есть *новый продукт*, тем не менее совокупный товарный капи-

тал может быть разделен на часть, которая представляет только стоимость постоянного капитала, только *прошлый* труд, время производства прошлого труда, и поэтому должна быть *обратно превращена* в элементы постоянного капитала, и на другую часть, которая представляет только *новый, дополнительный труд* (одна часть которого является *оплаченным*, другая — *неоплаченным* трудом, одна часть, превращающаяся поэтому в заработную плату, а другая — в прибавочную стоимость или доход капиталиста). Потребленная рабочими и капиталистами в сфере *А* часть товарного капитала капиталистов сферы *А* представляет собой, следовательно, часть товарного капитала, *стоимость* которого является продуктом *дополнительного* количества труда, *вновь присоединенного* в течение года к постоянному капиталу этой сферы.

Точно так же та часть товарного капитала сферы *В*, в которой существует доход рабочих и капиталистов сферы *В*, представляет собой не что иное, как только часть их совокупного продукта, которая определяется соотношением между *вновь созданной* ими *стоимостью*, т. е. кристаллизованным в товарах *новым, дополнительным количеством труда*, и совокупной стоимостью товарного капитала. Если, следовательно, как и в предполагаемом случае, вновь присоединенный труд равен $^1/_2$ кристаллизованного в нем прошлого труда (400 : 800, ранее 200 : 400), или = $^1/_3$ содержащегося в товарном капитале совокупного количества труда, то вновь присоединенный труд *реализуется* в одной третьей части совокупного продукта (в 1 200 ф. ст.), или в той части товарной массы, которая определена $^1/_3$ совокупной стоимости, или 400 фунтов стерлингов.

Поэтому, если мы сложим часть товарного капитала сферы *А*, которая потреблена в качестве дохода, с частью товарного капитала сферы *В*, в котором представляется прежде всего доход рабочих и капиталистов сферы *В*, то совокупная часть совокупного товарного капитала, в которой представляется *доход*, будет равняться [115] совокупной части ежегодно производимого *товарного капитала, стоимость* которого определяется, или в стоимости которого кристаллизуется совокупное, *присоединенное* в течение года в сферах *А* и *В*, следовательно, во *всех* производственных сферах, *количество нового живого труда*.

Доход сферы *А* равен $^1/_3$ совокупного продукта сферы *А*, равен 200 ф. ст., а доход сферы *В* равен $^1/_3$ совокупного продукта сферы *В*, равен 400 ф. ст.; или 600 ф. ст. вместе представляют, следовательно, весь продукт, в стоимости которого *реализовано* все *дополнительное количество труда, все вновь*

присоединенное в течение года *количество труда*. Весь годовой продукт, рассматриваемый с вещественной точки зрения, есть продукт годового труда, но в такой же степени и прошлого труда, поскольку последний выражается в средствах производства и поскольку годовой труд не смог бы доставить годовой продукт без прошлого труда. Рассматриваемый, однако, с точки зрения его стоимости, — а именно это определяет, какая его часть может служить для возмещения капитала, а какая может быть потреблена в качестве дохода, — *стоимость продукта годового труда* отличается от *годового стоимостного продукта труда*.

Присоединенное в течение целого года *новое количество живого труда*, выражается, следовательно, в 600 ф. ст., которые равны стоимости совокупного годового продукта, или товарного капитала *сферы А*, или стоимости произведенных в течение года жизненных средств. Можно было бы сказать, что мы произвольно предположили, что часть товарного капитала представляет собой продукт сферы *В*, доход, равный 400 ф. ст., т. е. равный стоимости постоянного капитала сферы *А*. Между тем ясно, что (мы предполагаем, что товары продаются по своим стоимостям) этот доход должен обмениваться или должен быть реализован в товарах сферы *А*; что сфера *А*, однако, покупает товары только в сфере *В*, в той мере, в какой это необходимо для возмещения постоянного капитала, следовательно, только стоимостью в 400 ф. ст., что, следовательно, эти 400 ф. ст. образуют лимит дохода сферы *В*, поскольку действительно происходит обмен, и это предположение делается здесь потому, что мы рассматриваем только действительный обмен веществ между товарными капиталами различных сфер производства. И в таком случае стоимость постоянного капитала сферы *А* всегда равна стоимости дохода сферы *В*.

Таким образом, *во-первых*, совокупный доход общества (заработная плата и прибавочная стоимость) потребляется в товарном капитале сферы *А*, или последний образует действительный доход общества, если рассматривать этот доход с точки зрения его потребительной стоимости, т. е. образует ту часть годового продукта, которая предназначена для того, чтобы перейти в фонд потребления.

Во-вторых, *стоимость* совокупного товарного капитала сферы *А* или совокупного продукта капитала, занятого в производстве жизненных средств, равна *совокупной стоимости* (мы здесь абстрагируемся от обращения), которую произвел *совокупный, вновь присоединенный в течение года труд* или в которой он кристаллизуется. Это так, хотя постоянный капитал

сферы *A*, равный $^1/_3$ совокупной стоимости товарного капитала сферы *A* или равный $^4/_5$ совокупной стоимости капитала, авансированного сферой *A*, не состоит из *вновь присоединенного труда* (не представляет его), а, напротив, представляет прошлый труд. Однако поскольку он потребляет свой доход, стало быть, стоимость *своего вновь присоединенного труда,* то сфера *B* представляет ее в $^2/_3$ продукта сферы *A*, не в продукте, созданном им самим, а в продукте, который, напротив, возмещает постоянный капитал сферы *A*. Для него, капиталиста сферы *B*, его *вновь присоединенный труд* реализуется, следовательно, — посредством обмена, — в $^2/_3$ продукта сферы *A* (или в $^4/_5$, если мы рассматриваем не продукт, а авансированный капитал сферы *A*). Для сфер *A* и *B*, вместе взятых, стоимость продукта сферы *A* представляет, следовательно, стоимость совокупного дохода, т. е. стоимость продукта сферы *A* равна *стоимости*, в которой кристаллизуется весь вновь присоединенный в течение года труд. Если не считать $^1/_3$ продукта сферы *A*, представляющей доход капиталистов и рабочих сферы *A*, то остальные $^2/_3$ равняются стоимости постоянного капитала и должны [116] быть поэтому возмещены продуктом годового труда сферы *B*, которая доставляет только средства производства. Иными словами, доходом сферы *B*, в форме продукта сферы *B*, в которой он существует непосредственно, сфера *B* оплачивает в действительности своим вновь присоединенным трудом, который выражается полностью в той части продукта сферы *B*, который обменивается на остальные $^2/_3$ продукта сферы *A*. Совокупный продукт сферы *A* обменивается, следовательно, на доход или полностью входит в индивидуальное потребление. С другой стороны, также *весь доход* общества растворяется в продукте сферы *A*. Производители сферы *A* потребляют свой доход в сфере *A* и точно так же поступают производители сферы *B*. И никаких других сфер, кроме этих, не существует. Совокупный продукт сферы *A* потребляется, хотя в нем содержится $^2/_3$ постоянного капитала, которые не могут быть потреблены производителями сферы *A*, а должны быть обратно превращены в натуральную форму их элементов производства. *Совокупный продукт сферы A* равен *совокупному доходу общества*. Стоимость совокупного дохода общества представляет, однако, сумму рабочего времени, которое оно в течение года присоединило к наличному постоянному капиталу. Хотя стоимость совокупного продукта сферы *A* состоит на $^1/_3$ из вновь присоединенного труда и на $^2/_3$ из прошлого, или подлежащего возмещению, труда, *он может быть целиком куплен вновь присоединенным трудом,* так как $^2/_3$ этого годового совокупного труда

должны быть потреблены не в форме его собственных продуктов, а в продуктах сферы *A*. Сфера *A* возмещается $^2/_3$, т. е. бо̀льшим количеством вновь присоединенного труда, чем оно само содержит, так как эти $^2/_3$ представляют труд, присоединенный в сфере *B*, и сфера *B* может потребить стоимость этих $^2/_3$ только индивидуально в сфере *A*, подобно тому, как сфера *A* те же самые $^2/_3$ может потребить только производительно в сфере *B*. Таким образом, совокупный продукт сферы *A*, во-первых, может быть полностью потреблен в качестве дохода, и в то же время его постоянный капитал может быть возмещен. Или, вернее говоря, он потребляется полностью только в качестве дохода, так как $^2/_3$ его возмещаются производителями постоянного капитала, которые часть своего продукта, представляющую собой их доход, не могут потребить в натуре, а должны потреблять ее в сфере *A*, т. е. посредством обмена на $^2/_3$ продуктов сферы *A*.

Разумеется, поскольку мы рассматриваем $^2/_3$ продукта сферы *A*, как представителя *вновь присоединенного труда*, постольку мы рассматриваем $^1/_3$ совокупного продукта сферы *B*, равную $^2/_3$ продукта сферы *A*, которая действительно представляет часть продукта сферы *B* (его товарного капитала), часть, которая представляет продукт вновь присоединенного труда в сфере *B*, как *прошлый труд*, и как таковой он функционирует тотчас же, как только он функционирует в качестве постоянного капитала сферы *A*.

Итак, мы рассмотрели движение всего продукта сферы *A* и $^1/_3$ продукта сферы *B*. (Обмен $^1/_3$ продукта сферы *B* на $^2/_3$ продукта сферы *A* представляет обмен вновь присоединенного труда на прошлый труд, т. е. на труд, присоединенный не в течение данного года). Теперь мы должны рассмотреть другие $^2/_3$ продукта сферы *B*, или ту часть товарного капитала сферы *B*, которая представляет только стоимость использованного в ней постоянного капитала (машины, сырой материал и т. д.) и поэтому должна обратно превратиться в вещественные элементы постоянного капитала.

Мы видели, что даже состоящий из жизненных средств и предназначенный для индивидуального потребления *товарный капитал* может быть потреблен (куплен) потребителями полностью только как доход, хотя часть этого товарного капитала должна возместить постоянный капитал, потому что другая часть дохода произведена в такой форме, в которой она не потребляется в качестве дохода, а, напротив, возмещает постоянную часть капитала, производящего жизненные средства. Часть товарного капитала сферы *A*, представляющая постоянный

капитал, может потребляться как доход, так как такой же величины часть капитала сферы *B*, произведенная как доход, не потребляется как доход, а возмещает упомянутый постоянный капитал.

Что же касается $^2/_3$ товарного капитала сферы *B*, который представляет авансированную постоянную часть капитала сферы *B* и должен быть обратно превращен в него, то спрашивается, кто должен ее купить и на какие деньги? Не подлежит сомнению, что не рабочие, которые всю свою заработную плату затратили на товары сферы *A*. И не капиталисты, поскольку они являются потребителями или расходуют доход, ибо весь их доход израсходован на товары сферы *A*. И так как капиталисты сферы *A* могут и должны на свои товары покупать постоянный капитал, то это и происходит [117] путем обмена $^2/_3$ их товарного капитала, который представляет постоянный капитал, на совокупный доход капиталистов сферы *B*.

Дело обстоит здесь просто. Именно так, как оно обстояло с потребленной в сфере *A* $^1/_3$ товарного капитала, который представляет доход, так обстоит дело и с $^2/_3$ товарного капитала сферы *B*, представляющего постоянный капитал. Соответствующие доли упомянутой $^1/_3$, поскольку они не потребляются их собственными непосредственными производителями, потребляются всей массой производителей сферы *A* путем обмена этими долями друг с другом (или путем покупки друг у друга и продажи их друг другу).

Или те $^2/_3$ товарного капитала сферы *B*, которые представляют его постоянную часть, непосредственно потребляются производителями каждой из составных частей этих $^2/_3$. Это происходит в том случае, если продукт может снова войти непосредственно в качестве средства производства в идентичный процесс производства, из которого он вышел как продукт. Это происходит, например, с семенами всех растений и т. д. (несколько ниже мы займемся этим вопросом подробнее).

Или же они переходят из рук в руки капиталистов различных отраслей производства сферы *B* и переходят так, что из рук того капиталиста, для которого они не могут в своей натуральной форме снова служить в качестве постоянного капитала, они переходят в руки того капиталиста, для которого они могут служить в качестве постоянного капитала. Все обратное превращение этой части товарного капитала сферы *B* в функционирующий постоянный капитал состоит, следовательно, в их переходе из рук в руки, в различном распределении их — посредством обращения — в перемещении их из рук, где они только представляют товарный капитал, в руки, где они снова

могут служить в качестве средств производства, будь то средств труда или материала труда. Они остаются в той же самой сфере. Обращение опосредствует здесь лишь их перемещение из товарного склада или хранилища одного капиталиста в процесс производства другого капиталиста.

Та часть основного капитала, которая не использована, так же не принимается здесь в расчет, как и в сфере *A*.

Вся эта часть, т. е. согласно предположению, $^2/_3$ товарного капитала сферы *B*, рассматриваемая с точки зрения ее потребительной стоимости, есть *лишь продукт* труда, совершенно так же, как и та часть капитала сферы *B*, в которой воспроизводится заработная плата и прибавочная стоимость. Однако она представляет *прошлый*, не вновь *присоединенный* труд (ее стоимость не является продуктом вновь присоединенного труда), следовательно, она представляет некую *стоимостную часть* продукта, — и часть продукта, измеряемую посредством этой стоимостной части, — которая возместила этот прошлый труд и снова должна функционировать в качестве постоянного капитала. С другой стороны, последняя $^1/_3$ товарного капитала сферы *B*, в которой непосредственно представляется доход капиталистов сферы *B*, содержит в себе так же продукты прошлого труда, машины, сырой материал и т. д., и она так же использовала их, как и другие две трети. Однако в ней кристаллизован только вновь присоединенный труд, и только в этой сфере кристаллизован вновь присоединенный труд, а его стоимость превращается поэтому в заработную плату для рабочего и в прибавочную стоимость для капиталиста. В сфере *B* она не должна возмещать прошлый труд, хотя в сфере *A* она его возмещает.

Если, как мы видели, весь товарный капитал сферы *A* представляет собой только доход ($^1/_3$ его это — доход капиталистов сферы *A*, а $^2/_3$ это — доход капиталистов сферы *B*), то весь товарный капитал сферы *B* представляет только капитал *(постоянный)*, $^1/_3$ которого — постоянный капитал сферы *A*, а $^2/_3$ — постоянный капитал сферы *B*. Он возмещает поэтому только капитал.

Из 1 800 ф. ст., которые представляют совокупный товарный капитал сфер *A* и *B*, $^1/_3$ возмещает поэтому доход, а $^2/_3$ — капитал. (Под словом *доход* подразумевается возмещение переменного капитала, так как этот капитал только до тех пор является капиталом, пока он находится в руках капиталиста, и становится доходом, как только он переходит в руки рабочего.)

Как обстояло дело с обращением $^1/_3$ продукта сферы *B*, которая обменивается на жизненные средства, мы уже видели.

Что же касается теперь обращения между капиталистами сферы *B*, то это просто обращение между капиталистами как капиталистами, обращение капиталов, которые друг друга взаимно возмещают; деньги здесь функционируют главным образом в качестве *платежного средства* [118] для сбалансирования взаимных обязательств. (Если обращаются кредитные деньги, то эти деньги появляются и исчезают так, как того требуют потребности этого обращения.) Однако независимо от того, функционируют ли они в качестве платежного средства или средства обращения (покупательного средства), необходимые в этой сфере деньги (а мы предполагаем здесь металлические деньги) обращаются только между капиталистами сферы *B* и служат для оборота их постоянных капиталов. Одни и те же деньги могут случайно перейти в другие сферы обращения, однако определенное их количество постоянно обращается в этой сфере, постоянно в ней заключено. Они проделывают путь туда и обратно между одними и теми же капиталистами. Если, однако, мы возьмем эти деньги в их исходном пункте или в тот момент, когда к каждому из капиталистов возвратилась брошенная им в это обращение часть денег, то обнаружится, что каждый из этих капиталистов должен иметь часть своего капитала, помимо формы производительного капитала, в форме денежного капитала, следовательно, он должен был приобрести путем продажи какую-то часть вообще находящихся в обращении денег или должен был их получить как-то иначе. Подобно тому как и деньги этой сферы, в зависимости от различных условий производства, сроков платежа и оборотов, могут в разное время по-разному распределяться между различными капиталистами, так совокупное обращение этой сферы представляет свой особый денежный капитал (отличный от денежного капитала, представляющего ее переменный капитал, и от денег, необходимых для обращения ее дохода).

Мы видели, что денежное обращение в сфере *A* является просто обращением денег, которое представляет расходование дохода в сфере *A* и тем самым одновременно вновь придает авансированному в сфере *A* переменному капиталу его денежную форму. Для денежного обращения между сферами *A* и *B*, единственного обращения, имеющего место между этими двумя сферами, применяются только те деньги, которые опосредствуют расходование дохода сферы *B*, и в то же время обмен между постоянной частью товарного капитала сферы *A* и доходной частью товарного капитала сферы *B*. Эта часть находящихся в обращении денег опосредствует, следовательно, 1) расходование дохода капиталистов сферы *B*; 2) расходование

заработной платы сферы *B*, а также возвращает окольным путем денежную форму переменному капиталу, авансированному в сфере *B;* 3) сохраняет одновременно денежную форму постоянного капитала *A*.

Несмотря на эти различные функции, деньги, обращающиеся в сфере *A* и между сферами *A* и *B*, есть лишь находящиеся в обращении деньги, которые представляют доходы обеих сфер, как доходы рабочих, так и доходы капиталистов, в качестве денежных доходов. Они не выполняют, следовательно, никакой функции обращения денег, происходящего между капиталистами как владельцами постоянного капитала сферы *B*. Они не покупают и не оплачивают эту часть их товарного капитала.

Рассматриваемая в качестве *потребителей,* — т. е. в качестве расходующих доход, — совокупная масса капиталистов и рабочих сфер *A* и *B* не оплачивает и не покупает ни одной части постоянного капитала сферы *B*. Поэтому чудовищной ошибкой *А. Смита* является его утверждение, будто потребители в конце концов оплачивают всю стоимость капитала, ежегодно авансируемого на производство, и товарного капитала, ежегодно производимого ими, и будто их денежное обращение возмещает поэтому совокупное денежное обращение или придает все вновь и вновь совокупному товарному капиталу (то есть содержащейся в нем той его части, которая равна авансированному производительному капиталу) его денежную форму [a]. Его ошибка проистекает из ложного понимания отношения

[a] «Обращение каждой страны можно разделить на две части: обращение, совершающееся между коммерсантами (торговцами), (А. Смит поясняет, что под торговцами он понимает здесь не только купцов, но также промышленников и т. д., словом, всех коммерческих работников и работников промышленности данной страны) и обращение, происходящее между торговцами и потребителями. Хотя одни и те же денежные знаки — бумажные или металлические, — могут употребляться то в одной из этих двух сфер обращения, то в другой, все же, поскольку обе эти сферы обращения существуют всегда в одно и то же время и рядом друг с другом, каждая из них требует для своего совершения определенной суммы того или иного рода денег. *Стоимость товаров, обращающихся между различными торговцами, никогда не может превысить стоимость товаров, обращающихся между торговцами и потребителями, поскольку все, что торговцы покупают, в конечном счете предназначается для продажи потребителям*» [*A. Smith.* Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Paris, 1802], t. II, l. II, ch. II, p. 292, 293 [Русский перевод, том I, стр. 270—271].

В корне ложным является положение А. Смита о том, что объем торговли между торговцами и потребителями должен быть равен объему торговли между самими торговцами, фактически должен быть полностью сбалансированным (под потребителями подразумеваются индивидуальные потребители, а не производительные потребители, которых сам Смит причисляет к торговцам). Это положение покоится на том неверном положении, согласно которому весь продукт сводится к доходу и на деле означает только то, что часть товарного обмена, которая равна обмену между капиталом и доходом, приравнивается к совокупному обмену товаров. Столь же ложны, как это положение, и те практические выводы, которые отсюда делает *Тук* [88] для денежного обращения.

капитала и дохода и неправильного анализа действительного обмена веществ совокупного *товарного капитала* в процессе воспроизводства, в том виде, как мы его изложили. С этим связаны, как мы увидим позднее, другие чудовищные заблуждения (см. книгу III, гл. VI).

Ставшая рутиной бездумность, с которой *вся* позднейшая политическая экономия довольствуется тем, что повторяет как попугай эти ошибочные положения Смита об обращении и дальнейшие ложные предпосылки (как весь анализ цен товара) и то, что вместо подлинного анализа она успокаивает себя фразой о том, что то, что для одного является доходом, для другого является капиталом и т. д., обнаруживает некритическую нелепость этой так называемой науки.

Постоянный капитал сферы *B*, т. е. капиталистов, производящих средства производства, вещественные элементы постоянного капитала, никоим образом не оплачивается потребителями. Он возмещается только из товарного капитала своей сферы путем изъятия части своего собственного продукта непосредственно из произведенного ими самими товарного капитала, чтобы снова ввести его в действие в качестве средства производства в его собственной сфере вместо изношенных средств производства, [119] или возместить его посредством обмена этой части своих товарных капиталов, обмена, опосредствованного обращением. Поскольку он, таким образом, постоянно прямо или косвенно возвращается к ним из производства и стоимостная часть потребленного постоянного капитала постоянно возмещается им, то почему и кем должна эта часть оплачиваться вторично?

Большая путаница возникает здесь из-за различия между *нетто доходом* и *брутто доходом*, между чистым и валовым доходом. Капитал, авансированный сначала как деньги, а в действительности, как *производительный капитал*, есть *аванс*. В отличие от этого *продукт — товарный капитал*, в который превращается производительный капитал, можно назвать *доходом (доходом брутто)*, хотя для отдельного капиталиста он еще должен проделать свой метаморфоз. Если рассматривать страну в целом, то совокупный *товарный капитал* образует его *совокупный доход*, так как обращение лишь опосредствует распределение этого товарного капитала частью между отдельными капиталистами, как таковыми, частью между всеми потребителями. Если, однако, рассматривать слово доход в этом смысле, то под ним — как для отдельного капиталиста, так и для всех капиталистов в целом — следует понимать как капитал (постоянный и переменный), так и прибавочную

стоимость, которая может быть потреблена как доход или превращена в фонд накопления. В этом смысле категория *«доход»* не имеет никакой стоимости. Но, с другой стороны, под доходом нетто какого-либо капиталиста понимают, во-первых, то, что остается после вычета постоянного и переменного капитала, который был авансирован; следовательно, именно после *вычета* той части, которую до этого включали в понятие *доход;* а, во-вторых, то, что остается после вычета тех частей прибавочной стоимости, которые он в свою очередь снова должен отдать другим, таких, как рента и процент; следовательно, в действительности доход нетто капиталиста есть не что иное, как остающаяся у него *соответствующая доля прибавочной стоимости* (или прибавочного продукта). Сообразно с этим, следовательно, доход нетто нации отличается от дохода нетто отдельных капиталистов и от дохода нетто всех промышленных капиталистов, взятых вместе. Одно определение включает в себя все части, всю сумму прибавочной стоимости (или прибавочного продукта), другое — исключает все эти части, кроме особой части прибавочной стоимости, которая превращается в *промышленную прибыль.* В этом смысле правильно говорить, что нация может потреблять *доход брутто,* а отдельный капиталист может потреблять только свой *доход нетто.* В-третьих, однако в этом последнем смысле из *дохода нетто* и даже из *дохода брутто,* равного прибавочной стоимости, которая равна сумме прибыли, процента и ренты, исключается также заработная плата.

Весь *переменный* капитал состоит вещественно из жизненных средств, а именно, из жизненных средств рабочих. Он, как мы видели, полностью потребляется рабочими, как доход, и постоянно должен воспроизводиться. Однако в своей форме *переменного капитала,* в качестве покупателя труда (за исключением некоторых натуральных повинностей сельскохозяйственных батраков и т. д.) переменный капитал выступает по отношению к рабочему как *денежный капитал,* и это есть та форма, в которой он авансируется каждым отдельным капиталистом. В качестве действительных вещественных элементов он находится как *товарный капитал* в руках тех капиталистов, которые производят жизненные средства. Поэтому как только он действительно продается и поступает в потребление, он покупается рабочими, путем расходования их заработной платы, которая составляет их доход. *Авансируется* он только в *денежной форме* и только поскольку он авансируется для закупок в качестве переменного капитала, он функционирует в *этой* форме. Когда же, напротив, он в качестве вещественных

элементов поступает в потребление, он противостоит рабочему не как *переменный капитал,* а как *товар* (товарный капитал для капиталиста, продающего эти товары, просто товары для рабочего, который их покупает), на который он расходует свой доход. В этом отношении доход брутто нации опять-таки отличается от дохода брутто капиталистов в том смысле, что первый, т. е. доход брутто нации включает в себя переменный капитал (рассматриваемый в качестве его вещественных элементов), а второй, т. е. доход брутто капиталистов не включает в себя переменный капитал. Но даже и в этом смысле *доход брутто* нации был бы отличным от ее совокупного дохода. Отсюда видно, какая путаница может скрываться за этой терминологией! Если *продукт брутто* отличается от *прибавочного продукта,* то это нечто другое. Однако *продукт брутто* есть не что иное, как совокупный товарный капитал.

Мы видели, что *совокупная стоимость* годового продукта, как совокупного капитала, так и отдельных капиталов, делится на две части, одна из которых представляет собой *постоянный* капитал, другая — *доход* (заработную плату, следовательно, переменный капитал и прибавочную стоимость). Оставляя в стороне ту часть годового продукта, которая остается непосредственно у его производителей, будь то для их фонда потребления, будь то для их фонда производства, каждая часть этого продукта сначала продается, т. е. его стоимости придается *независимая самостоятельная форма* в деньгах. Его стоимость приобретает в деньгах *отдельную* от его потребительной стоимости и *независимую* форму. И за эту *стоимость* своего продукта каждый отдельный капиталист покупает (совершенно так же, как и рабочий за *стоимость* своей заработной платы, которая также существует самостоятельно в деньгах) ту часть совокупного продукта, в которую она превращается, будь то средства потребления или средства производства. Следовательно, здесь фактически мы имеем лишь иное выражение товарного метаморфоза и совершенно прав *Шторх,* когда он говорит:

«Ясно, что *стоимость* годового продукта делится частью на капитал и частью на прибыль и что каждая из этих частей [120] стоимости годового продукта регулярно покупает продукты, которые необходимы нации как для восстановления своего капитала, так и для возмещения своего потребительного фонда... Продукты, составляющие *капитал* нации, *не подлежат потреблению*» (*Storch.* Cours d'économie politique. Tome V: Considérations sur la nature du revenu national. Paris, 1824, p. 134—135, 150).

Мы видели, как в сфере *B* — сфере производства, в которой капитал производит средства производства, элементы постоянного капитала — вновь присоединенный труд, следовательно,

труд, возмещающий потребленный в сфере A на производство жизненных средств постоянный капитал, совершенно так же превращается в заработную плату и прибавочную стоимость, как и труд, вновь присоединенный в сфере A, и поэтому совершенно так же может быть потреблен как доход, хотя и не в форме своего непосредственного продукта, а в форме обмененной на него части капитала сферы A. В продукте сферы A, следовательно, фактически оплачивается труд, вновь присоединенный в сфере B, но за это часть продукта сферы B, стоимость которой равна кристаллизации вновь присоединенного труда, замещает постоянный капитал. Таким образом, труд, который вновь присоединен, чтобы возместить *постоянный капитал*, может быть реализован как доход (заработная плата и прибавочная стоимость), потому что часть товарного капитала сферы A, которая представляет только *прошлый труд* (постоянный капитал), может быть потреблена в своей натуральной форме; следовательно, потому что этот обмен *между* прошлым и живым трудом имеет место, между доходом сферы B и постоянным капиталом сферы A; потому что часть товарного капитала сферы A представляет только прошлый труд, следовательно, не может быть потреблена в сфере A.

Это — первое, что необходимо, чтобы понять этот процесс.

Что должно быть понято, во-вторых, — а это относится ко всем произведенным товарным капиталам, ко всем продуктам как сферы A, так и сферы B — так это следующее.

Возьмем какой-нибудь отрезок времени, скажем, один год или, если угодно, один день. Весь труд, который в течение этого времени присоединяется к постоянному капиталу, делится на оплаченный и неоплаченный труд. *Часть стоимости* продукта, в которой кристаллизуется труд, делится поэтому на *заработную плату* и *прибавочную стоимость,* или *доход* (поскольку мы оставляем в стороне обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, или накопление) и как таковая может быть потреблена. Остальная часть стоимости продукта, равная стоимости постоянного капитала, напротив, не является продуктом, не представляет собой кристаллизацию этого вновь присоединенного труда. Поэтому стоимость вновь присоединенного труда (заработная плата + прибавочная стоимость) представляется только в одной части совокупного продукта, т. е. она представляется в совокупном продукте *минус* та часть совокупного продукта, в которой теперь существует стоимость авансированного постоянного капитала. Так представляется дело непосредственным образом. Если же мы рассмотрим здесь обращение, т. е. предшествующее превращение продукта

(товарного капитала) в *деньги или самостоятельное представление его стоимости,* тогда в доход капиталистов и рабочих может превратиться только та часть стоимости, в которой кристаллизовался вновь присоединенный труд (заработная плата + прибавочная стоимость), т. е. в доход должна превратиться часть существующего товарного капитала с тем, чтобы присоединиться к их фондам потребления. Другая часть этой *стоимости* должна выкупить обратно вещественные элементы постоянного капитала. (Совершенно так же обстоит дело с деньгами, которые капиталист выручает от продажи своих товаров рабочим и которые в результате этой продажи к нему возвращаются, но не в виде дохода, а как деньги, которые должны быть снова израсходованы в качестве денежной формы переменного капитала.) Однако, несмотря на то, что *вновь присоединенный труд* представляется только в одной части *совокупной стоимости* продукта и поэтому может выкупить обратно *им созданной стоимостью* также только часть продукта, — ибо каждая часть продукта может быть куплена только тогда, когда оплачивается ее *стоимость,* — *весь продукт,* рассматриваемый с его вещественной стороны, состоит ли он из жизненных средств или из средств производства, представляет собой соединение вновь присоединенного труда (рассматриваемого также с его вещественной стороны, не как количество труда, а как действительный производительный труд) со средствами производства, представляет собой его продукт, новый продукт. Весь хлопок превращен в пряжу, принял эту новую форму продукта, или форму нового продукта, хотя, возможно, только $^1/_3$ стоимости пряжи представляет вновь присоединенный прядильный труд, остальные две трети — только стоимость хлопка, веретен и т. д. Однако этот вопрос изложен ранее, в *книге I,* гл. II (2, 3). Здесь мы видим, какие возможны заблуждения, если смешать прядильный труд, поскольку он в качестве этого определенного рода производительного труда придал новую форму *всему* продукту — пряже, с определенным количеством труда, создавшим лишь определенную часть, $^1/_3$ совокупной стоимости пряжи. Только то количество труда, которое присоединено для того, чтобы превратить хлопок в пряжу, создает *стоимость; способ* же, каким присоединяется этот труд, а потому его реальное преобразование, в результате которого потребляются средства производства, создает только *потребительную стоимость* товара, совершенно такую же, какой является функционирующая потребительная стоимость самого труда, или его определенная полезность. Но та часть продукта, которую может купить вновь присоединенный труд, определяется

только той *частью стоимости,* которую составляет присоединенная этим трудом стоимость в совокупной стоимости продукта.

[121] *В-третьих,* хотя *товарный капитал* сферы *А* — жизненные средства, в которых реализуется доход рабочих и капиталистов сфер *А* и *В*, следовательно, *всех потребителей* (так как до сих пор мы не знаем никаких других потребителей) — рассматриваемый с точки зрения стоимости, есть отчасти продукт вновь присоединенного труда, отчасти продукт *прошлого* (это верно также, если рассматривать его с точки зрения *потребительной стоимости,* так как кроме живого труда необходимы средства производства, чтобы он мог найти свое выражение в той или иной потребительной стоимости) труда, то весь *товарный капитал* можно рассматривать так, как если бы в нем представлялся *весь вновь присоединенный труд;* ибо вновь присоединенный труд в сфере *В*, равный постоянному капиталу сферы *А*, реализуется (посредством обмена) в продуктах сферы *А*. Этот товарный капитал, хотя он содержит в своем *собственном* продукте, кроме вновь присоединенного труда, также стоимость потребленных средств производства: орудий, машин, сырого материала и т. д., представляет тогда *присоединенный новый труд* не только в своем собственном продукте, но и в продукте вообще; общественно вновь произведенный труд. В действительности стоимость этого совокупного капитала равна *стоимости,* которую создал в процессе производства сам присоединенный новый труд плюс стоимость, которую создал вновь присоединенный труд в производстве средств производства. Эта стоимость (равная сумме заработной платы всех рабочих + прибавочная стоимость капиталистов) может, следовательно, купить весь этот продукт; и поэтому можно предположить, что вся его стоимость сводится к *доходу*, равному заработной плате + прибавочная стоимость. Но тогда вновь присоединенный при воспроизводстве постоянного капитала труд должен быть равен нулю, так как он не образует никакой доли этой части стоимости совокупного продукта, а совокупный продукт, поскольку он состоит из вновь произведенных вещественных элементов постоянного капитала, должен рассматриваться таким образом, будто бы в нем не был овеществлен никакой вновь присоединенный труд и 1) будто бы только сохраняется *стоимость* постоянного капитала; 2) ему придается новая форма. Трудность проистекает из того, что натуральная форма продуктов, в которой непосредственно представляется вновь присоединенный труд (жизненные средства и средства производства), отличается от продуктов,

в которых реализуется созданная таким образом стоимость (жизненные средства).

Если это не будет понято, как это не было понято до сих пор, то возникнут неразрешимые трудности. Эти трудности представляются в различных формах.

Во-первых, стоимость всего товарного капитала сводится к труду, она есть не что иное, как определенное количество овеществленного труда. Само это количество труда в свою очередь распадается на оплаченный и неоплаченный труд; первый равен заработной плате рабочих, второй — прибавочной стоимости капиталистов. Следовательно, стоимость всего товарного капитала может распадаться, косвенно или непосредственно, на заработную плату и прибавочную стоимость, на доход. Или разве где-либо совершается труд, который не распадается на заработную плату и прибавочную стоимость, а имеет лишь целью возместить потребленные в производстве стоимости, являющиеся, однако, условиями воспроизводства? Но кто выполняет этот труд, поскольку всякий труд наемных рабочих распадается на две части, — одна служит сохранению собственной производственной способности рабочих, другая образует прибавочную стоимость капитала?

Во-вторых, так как стоимость совокупного товарного капитала равна стоимости постоянного капитала + новая *стоимость,* образованная вновь присоединенным трудом (равна стоимости авансированного переменного капитала + прибавочная стоимость), то каким образом *вновь присоединенной стоимостью,* образующей лишь часть стоимости совокупного продукта, должен быть выкуплен обратно этот совокупный продукт?

В-третьих, можно прийти к ложному представлению, будто нация может каждый год съедать в качестве дохода весь свой капитал, так что в начале второго года она снова начинает процесс производства без средств производства и без жизненных средств.

«Поставим себе такой вопрос: равен ли доход семьи, которая удовлетворяет все свои потребности своим собственным трудом, чему много примеров мы имеем в России,.. равен ли *доход* такой семьи валовому продукту ее земли, ее капитала и ее труда? Может ли она жить в своих амбарах и хлевах, проедать свой семенной фонд и предназначенный для скота корм, одеваться в шкуры своего рабочего скота, пользоваться своими земледельческими орудиями для развлечения? Согласно тезису господина Сэя, пришлось бы ответить утвердительно на все эти вопросы» (*Шторх,* там же, стр. 135—136).

(Несмотря на то, что Шторх вполне правильно выступает против Сэя, который здесь бездумно повторяет А. Смита, сам

Шторх был, однако, совершенно неспособен понять и объяснить это явление. Его заслуга состоит в том, что он констатировал это явление.)

[122] В последующем будут кратко изложены трудности, возникающие в результате неправильного анализа реального обмена веществ в процессе воспроизводства.

В книге I, гл. II, 2 было показано, что каждый капитал, равный $c + v$, равный постоянной + переменной составной части капитала, выражается в продукте, равном $c + v + m$; он делится на стоимостные составные части: часть продукта представляет только стоимость постоянного капитала, часть продукта представляет только стоимость воспроизводимой переменной части капитала и, наконец, прибавочный продукт m, представляющий лишь прибавочную стоимость или приведенный в движение и кристаллизованный прибавочный труд. Части $v + m$ представляют собой части стоимости, в которых зафиксирован весь вновь присоединенный, приведенный в движение совокупным капиталом живой труд. Часть c представляет только прошлый труд, предшествовавший процессу производства, из которого вышел продукт. Теперь капиталист должен продать продукт и обменять снова часть его на элементы c. Другими словами, он должен возместить использованный в его товаре постоянный капитал. Но здесь возникает вопрос: *кто работает,* чтобы возместить этот постоянный капитал, если весь рабочий день представляется в $v + m$ и больше никакого труда не затрачивается? Где же тот труд, который возмещает этот постоянный капитал?

Стоимость готового продукта, скажем, например, холста распадается на две части, одна из которых снова идет на покупку элементов постоянного капитала, другая затрачивается на предметы потребления. Спрашивается, однако, кому продает капиталист, скажем, те $^2/_3$ своего продукта, которые представляют постоянный капитал?

Простые промежуточные операции торговли, поскольку они играют лишь опосредствующую роль, здесь совершенно должны быть оставлены без внимания. Например, если 8 аршин холста (которые представляют постоянный капитал) проходят через руки 20 купцов, то 20-й купец по отношению к покупателю представлял бы первого купца, а именно, производителя холста, а этот — последнего покупателя, который действительно платит.

Обычнейшая манера ленивого ума, склонного отмахиваться от трудностей, состоит в том, чтобы отложить вопрос в долгий ящик и тем самым предать забвению трудность, неразрешенную

проблему. Следовательно, к примеру, успокоить себя фразой, что то, что для одного является капиталом, для другого — доходом, и таким образом, в конечном счете для всех вместе взятых, *стоимость* товара должна свестись *к доходу* (заработной плате + прибавочная стоимость). Чтобы показать это на примере, предположим, что во всех сферах производства совокупный капитал состоит на $^2/_3$ — из постоянного и на $^1/_3$ — из переменного капитала, и что прибавочная стоимость пусть всюду равна 100 процентам; или же поскольку в этом вопросе нас интересует не разделение вновь присоединенного труда на оплаченный и неоплаченный, заработную плату и прибавочную стоимость, а только отношение той части стоимости товара, которая равна $v + m$, т. е. в которой воплощена совокупность вновь присоединенного труда, *весь рабочий день,* к той части продукта, которая равна c и стоимость которой определяется только вошедшим в производство *прошлым,* предшествующим трудом, то предположим, что во всех отраслях промышленности, во всех отраслях производства отношение труда, содержащегося в *постоянной* части капитала, к вновь присоединенному рабочему времени, равно 2 : 1. Следовательно, из 12 аршин холста, равные 36 шиллингам, 8 аршин, равные 24 шиллингам, возместят фабрикантам-ткачам холста постоянный капитал, 12 шиллингов возместят *вновь присоединенный труд,* который сводится к доходу, к заработной плате + прибавочная стоимость. В 12 аршинах воплощены 36 рабочих часов; тогда 24 рабочих часа воплощены в 8 аршинах, равные 24 шиллингам, а 12 часов — в 4 аршинах, равные 12 шиллингам. Четыре аршина холста, представляющие продукт, который здесь может быть потреблен, может войти в доход, могут быть, следовательно, потреблены самими их производителями; 8 аршин должны быть проданы и обратно превращены в постоянный капитал. Это происходит в отрасли производства A, продуктом которой является холст. Тем самым мы $^1/_3$ продукта превратили в доход. Чтобы облегчить себе дальнейшую задачу, предположим, что весь доход отрасли B, равный 24 шилл., расходуется на холст. Согласно предпосылке, продукт отрасли B составит тогда 72 шилл.; а именно, 12 шиллингов, равные 12 рабочим часам (прибавочной стоимости во вновь присоединенном труде), 24 шиллинга, равные 8 аршинам холста = 24 рабочим часам вновь присоединенного труда и 48 шиллингов, равные 48 рабочим часам, содержащимся в постоянном капитале. Поэтому совокупное рабочее время, содержащееся в продукте отрасли B, равняется 6 рабочим дням. Однако с продуктом отрасли B мы находимся в большем затруднении, чем с продуктом отрасли A. Так как $^1/_3$ продукта отрасли

A потребляется ее собственными производителями; напротив, производители отрасли *B* потребили весь свой доход, всю стоимость, которую они присоединили к своему постоянному капиталу — на продукт отрасли *A;* они должны, следовательно, весь свой продукт отрасли *B,* равный 72 шиллингам, равный 6 рабочим дням, продавать третьим лицам. На него теперь расходуется весь доход отрасли *C*. Таким образом, этот доход должен быть равен 72 шиллингам, равен 6 рабочим дням, и им соответствуют 12 рабочих дней, которые содержатся в постоянном капитале отрасли *C*. [123] В продукте отрасли *C* содержатся, следовательно, *18 рабочих дней,* равные 216 шилл., из которых 72 шилл. представляют заработную плату и прибавочную стоимость, т. е. вновь присоединенный труд, и 144 шилл. — стоимость 12 содержащихся в постоянном капитале рабочих дней. Весь этот продукт входит теперь снова в доход отрасли *D*. Этот доход, следовательно, должен быть равен 216 шилл., т. е. равен 18 вновь присоединенным рабочим дням, и ему соответствуют 36 рабочих дней = 432 шилл., составляющие постоянный капитал *D* и т. д. Бесполезно и дальше отсылать с этим вопросом от Понтия к Пилату. Мы попадаем, выражаясь языком Гегеля, в *прогрессию плохой бесконечности,* т. е. в прогрессию бесконечного откладывания в долгий ящик вопроса, проблемы и трудности, которая нас занимает. Мы попадаем в эту прогрессию, если стоимости всех продуктов распадаются на заработную плату + прибавочная стоимость, на вновь присоединенный труд, и не только на труд, присоединенный к данному товару, но и на труд, вновь присоединенный к постоянному капиталу в другой отрасли производства. Однако мы не только постоянно передвигали вопрос из отрасли *A* в отрасль *B,* из отрасли *B* в отрасль *C,* из отрасли *C* в отрасль *D*. Таким передвижением мы придали той же трудности еще большие количественные размеры. В отрасли *A* мы должны были отчитаться лишь за постоянный капитал, в котором кристаллизовано 2 рабочих дня. В отрасли *B* мы должны отчитаться за постоянный капитал, в котором кристаллизовано 4, в отрасли *C* — за постоянный капитал, в котором кристаллизовано 12 рабочих дней, и наконец, в отрасли *D* — за постоянный капитал, в котором кристаллизовано 36 рабочих дней, то есть в два раза больше, чем в постоянных капиталах отраслей *A*, *B* и *C,* вместе взятых. Таким образом, мы снова оказались перед нашей первоначальной проблемой, с той лишь разницей, что вместо постоянного капитала, в котором были воплощены 2 рабочих дня, теперь речь идет о постоянном капитале, в котором воплощены

2×18 рабочих дней, следовательно, в 18 раз больше. Бесполезно предполагать, что расчет получился бы иной, если бы отрасль *A*, к примеру, вложила не всю свою заработную плату + прибавочную стоимость в свой собственный продукт, холст, а частично и в продукты отраслей *B, C, D*. Размеры затрат, количество часов присоединенного труда, содержащееся в продуктах отраслей *A, B, C, D*, вместе взятых, могут всегда определять только их стоимость, реализованное рабочее время, которое равно им самим. Чем больше будет куплено одного продукта, тем меньше будет куплено другого. Это лишь запутало бы расчет и ничуть не изменило бы результата.

Следовательно, не может быть такого положения, чтобы стоимость дохода была равна стоимости всего продукта. Поскольку, однако, кроме дохода не существует никакого фонда, из которого может быть оплачен продукт, продаваемый производителем потребителю (индивидуальному), то невозможно, чтобы избыток стоимости продукта продавался, оплачивался, или потреблялся сверх содержащейся в нем стоимости дохода. С другой стороны, однако, каждый продукт должен продаваться и оплачиваться по своей стоимости.

Возможно, что в товарах отраслей *B, C, D* отношение вновь присоединенного труда (распадающегося на заработную плату + прибавочная стоимость) к труду, содержащемуся в постоянном капитале, является различным. Однако каким бы различным ни было это отношение в различных отраслях производства, мы всегда можем вычислить среднюю величину; следовательно, допустим, вновь присоединенный труд в продукте всего общества или всего класса капиталистов, в совокупном продукте капитала равен *a*, прошлый же труд, существующий в постоянном капитале, равен *b*. Или отношение 2 : 1, которое мы принимаем для отрасли *A*, производящей холст, является лишь символическим выражением отношения *a* : *b*. Если мы предположим, что в отрасли *A* сосредоточен совокупный продукт общества, то из этого совокупного продукта только $^1/_3$ может быть куплена производителями для их собственного потребления и оплачена суммой их заработной платы и прибавочной стоимости, равной сумме вновь присоединенного труда, равной сумме их совокупного дохода. Чтобы купить, оплатить и потребить остальные $^2/_3$, у них нет фонда.

Если даже не принимать во внимание то затруднение, что часть совокупного продукта состоит из потребительных стоимостей, которые по своей природе не могут войти в индивидуальное потребление, и призвать себе на помощь, как это отчасти делает А. Смит, то положение, что хотя *стоимость*

проданных товаров разлагается на вновь присоединенный труд (заработная плата + прибавочная стоимость) + постоянный капитал, однако эквивалент, покупаемый этой стоимостью, состоит только из вновь присоединенного труда, то нельзя забывать, что всякий товар, до того как он продан, является товаром, подлежащим продаже, и становится деньгами в результате всего лишь изменения формы. В качестве продаваемого товара каждый товар состоял бы поэтому из иных стоимостных элементов, чем проданный товар, а это является вздором.

[124] Далее, труд, совершенный обществом, например, в течение одного года, покрыл бы не только сам себя, — так что, если бы всю товарную массу разделить на две равные части, то одна половина годового труда образовала бы эквивалент для другой его половины, — но $^1/_3$ труда, образующая текущий труд всего годового труда, содержащегося в годовом продукте, покрыла бы $^3/_3$ труда, была бы равна величине, превышающей самое себя в 3 раза. Это — еще больший вздор.

Если подойти к делу с противоположной стороны и попытаться отчитаться о продаже 12 аршин холста (которые здесь могут быть потреблены, следовательно, вообще представляют собой продукт, образующий *доход*), распределяя их не только среди их непосредственных производителей, ткачей, но также и между прядильщиками, машиностроителями, льноводами и т. д., короче говоря, между всеми, чье производство способствовало его изготовлению, то обнаружим, что таким образом можно располагать всеми 12 аршинами и что вся их стоимость оплачивается, но только *вновь присоединенным* всеми этими производителями *трудом* (их заработной платой + прибавочная стоимость); что, однако, *стоимость* ими самими использованных постоянных капиталов, которая должна быть возмещена и которая, следовательно, требуется также и для производителей 12 аршин холста, так же не может быть куплена и оплачена *стоимостью* этих 12 аршин, как и сам холст, рассматриваемый как потребительная стоимость, не может функционировать в качестве их собственных средств производства, следовательно, не может возместить в натуре их постоянный капитал. Этот второй способ, который так же ни к чему не ведет (если им пользоваться обычным до сих пор способом), отличается от первого способа следующим: при первом способе мы отделываемся от трудности тем, что производителям третьего товара мы выплачиваем их доход в холсте и тем самым возмещаем ткачу стоимость его постоянного капитала, превращая его в *доход* для общества. При втором же способе мы рассмат-

риваем стоимость холста как произведенную всеми капиталистами, продукт которых в виде сырья, средств труда и т. д. входит в производство холста, однако, как и при помощи сменной системы, нам здесь также не удается превратить в доход весь необходимый для производства холста и потребленный в этом производстве постоянный капитал, или возместить его стоимость путем включения труда вновь присоединенного в процессе производства льна.

Мы видели, что вся дополнительная стоимость, которая производится присоединенным в течение года трудом в сфере *B* — в сфере производства средств производства — возмещает *постоянный капитал* сферы *A*, в то время как, наоборот, в той части продукта сферы *A*, которая представляет его постоянный капитал, дополнительная стоимость, вновь созданная стоимость в сфере *B* реализуется как доход, расходуется как доход, так что, следовательно, доход или созданная дополнительным трудом в сфере *B* новая стоимость (равная заработной плате + прибавочная стоимость) действительно *для ее производителей* выступает как доход в продуктах сферы *A*.

В этом обмене постоянного капитала сферы *A* на доход сферы *B* и в их взаимном возмещении одновременно устраняется и решается вопрос о том, в какой степени часть постоянного капитала, которая в течение года как такового функционирует в различных сферах производства, действительно есть лишь *измененная форма*, которую в течение того же самого года принимает функционирующий в других сферах производства *переменный капитал*. Или, вернее, не *авансированный*, а *реализованный* в продукте переменный капитал. Авансированный переменный капитал равен только стоимости заработной платы. *Реализованный* в продукте переменный капитал равен воспроизведенной стоимости заработной платы плюс вновь произведенная прибавочная стоимость, кристаллизация суммы вновь присоединенного в течение года оплаченного и неоплаченного труда. Например, холст образует часть товарного капитала сферы *A*. Определенное количество холста, следовательно, представляет собой прежде всего способ существования постоянного капитала ткача холста, количество, которое обратно превращается в конституирующие элементы его постоянного капитала, в пряжу, уголь, машины и т. д. Однако потребленные пряжа, уголь, машины и т. д., которые он возмещает из реализованной стоимости своего холста, представляют собой лишь часть пряжи, угля, машин и т. д., которая превращается в доход их производителей, или в стоимости которых реализовался авансированный ими переменный капитал. Выражение,

что то, что для одного (сферы *B*) представляется как реализованный переменный капитал, для другого (сферы *A*) — как постоянный капитал, является, следовательно, лишь другим способом выражения того, что доход сферы производства *B* обменивается на постоянный капитал сферы производства *A*. Решающим является то, что обе суммы стоимости не принимаются в расчет дважды как постоянный, или дважды как реализованный переменный капитал. В действительности только часть стоимости продукта *A* представляет собой постоянный капитал, продукт *прошлого труда*, и только часть стоимости [125] продукта *B* есть реализованный переменный капитал, кристаллизация вновь присоединенного труда, хотя вследствие обмена между сферами *A* и *B* в продукте сферы *B* постоянный капитал сферы *A* возмещается в натуре и поэтому теперь функционирует в сфере *A* в качестве постоянного капитала, в то время как часть продукта сферы *A*, представляющая ее постоянный капитал, потребляется в натуре как доход, как реализованный переменный капитал сферы *B*. Продукт прошлого труда потребляется как доход, а продукт вновь присоединенного труда функционирует как постоянный капитал. Однако это касается только изменения места *потребительных стоимостей*, в которых представляются прошлый и дополнительный труд, но не их *стоимостей*. Половина стоимости суммы этих обоих товарных капиталов, которые обменялись, представляет *постоянную часть капитала* общества, другая половина — *реализованный переменный капитал*.

В деле ничего не меняется, если продукты сфер *A* и *B*, вместо того чтобы обмениваться и возмещаться в конце года, обмениваются и возмещаются по частям *на протяжении года*, следовательно, например, пряжа, уголь и т. д. вчерашнего производства превращаются в холст, произведенный сегодня, а послезавтра производители пряжи и угля покупают холст для своего потребления. Если взять средний день года, то они могут купить друг у друга в форме холста или какого-либо другого потребляемого продукта, т. е. продукта сферы *A* больше, чем та стоимость, которую они сами своим дополнительным трудом присоединили к стоимости своих средств производства, следовательно, к своему собственному постоянному капиталу, так же как, с другой стороны, ежедневно потребляемые пряжа, уголь, машина и т. д. образуют соответствующую долю постоянного капитала ткача холста.

Точно так же ничего не изменит и то обстоятельство, если постоянный капитал сам проходит различные ступени производства и сферы производства, так что то, что для одного

является постоянным капиталом, для других — продуктом, который поэтому, если рассматривать его с точки зрения стоимости, равен сумме ими самими потребленного постоянного капитала + реализованный переменный капитал. Например, пряжа представляет собой постоянный капитал ткача холста, но она является продуктом прядильщика, собственный постоянный капитал которого состоит из льна, машин и т. д. Лен, машины и т. д. являются, в свою очередь, продуктами льновода и машиностроителя, постоянный капитал которых состоит из семян льна, удобрений, стоимости обработки земли и т. д., а также из железа, дерева, ремней, машин, угля и т. д. Изменения в результате этого могут иметь место только в обращении. Продавец холста (вообще потребляемого продукта сферы *А*) снова закупает пряжу и тем самым продукт пряжи, льна и машин и т. д., или деньги, которые льновод, машиностроитель и т. д. затрачивают на покупку жизненных средств, возмещаются ему производителем постоянного капитала, который принял последнюю форму, в которой он может функционировать как средство производства или постоянный капитал сферы *А*. Если пряжа или известные части произведенного в сфере *В* постоянного капитала входят *полностью в сферу А*, т. е. не могут снова функционировать сами в качестве средств производства в сфере *В*, то это уравновешивается тем, что другая часть произведенных в сфере *В* товаров вовсе не входит в сферу *А*, а только образует элементы постоянного капитала, входящего в сферу *А*, и капитала, который требуется для производства этих постоянных элементов. Чтобы упростить дело, предположим 400 ф. ст. прибавочной стоимости + заработная плата, или реализованный переменный капитал, которые производятся в сфере *В*, и поэтому обмениваются с продуктами сферы *А*, предположим, что необходимо возместить только продукт капиталистов типа B^1, в то время как другая группа капиталистов типа B^2 должна возместить только постоянный капитал, потребленный капиталистами типа B^1, однако *непосредственно* не должна возмещать ни одну часть постоянного капитала сферы *А*. Продукт капиталистов типа B^1 поэтому равен 400 ф. ст., и из них 300 ф. ст. представляют авансированный капитал, а именно, 200 ф. ст. — постоянный капитал, 100 ф. ст. — переменный. Продукт содержит 200 ф. ст. постоянного капитала и 200 ф. ст. — заработная плата и прибавочная стоимость. Капиталист B^1 покупает, следовательно, в сфере *А* на 200 ф. ст., точно так же и капиталист B^2 покупает на 200 ф. ст. в сфере *А*. Капиталисты сферы *А* выкупают на эти 400 ф. ст. обратно продукт у капиталистов *В* и возмещают

тем самым деньги, необходимые для расходования на заработную плату (переменный капитал) и для выплаты прибавочной стоимости. Далее капиталист B^1 выкупает на них у капиталиста B^2 постоянный капитал и возмещает таким образом капиталистам B^2 200 ф. ст., необходимые для выплаты заработной платы и получения прибавочной стоимости. Вся разница заключается лишь в том, что эти 200 ф. ст. поступают из сферы *A* к капиталистам B^2 не непосредственно, а окольным путем через капиталистов B^1. Однако общая сумма, которую сфера *B* израсходовала в сфере *A*, реализуя свой доход, составляет по-прежнему 400 ф. ст., равные стоимости реализованного в ее совокупном продукте переменного капитала или прибавочной стоимости, созданной ее вновь присоединенным трудом. Также только $^1/_3$ созданного ими продукта, состоящего из средств производства, вещественных элементов постоянного капитала, обменивается со сферой *A* и возмещает потребленный сферой *A* в ее производстве постоянный капитал. По-прежнему остаются $^2/_3$ [126] ее совокупного продукта, которые не обмениваются со сферой *A* ни в натуральной форме, ни по своей стоимости, и не могут быть проданы сфере *A;* по-прежнему это 800 ф. ст. постоянного капитала сферы *B*, которые не могут быть ни куплены, ни оплачены сферой *A*, несмотря на то, что капиталисты B^1 продали сфере *A* весь свой продукт, а капиталисты B^2 не продали сфере *A* ни одной части своего продукта. Что теперь остается добавить в отношении *обращения,* так это только то, что и в сфере *B* имеет место обращение, которое, в то время как капиталистам B^1 оно служит для покупки постоянного капитала, для капиталистов B^2 оно сводится к возвращению денег, которые они авансировали для выплаты заработной платы и расходования дохода, совершенно так же как это мы наблюдаем в сфере *A:* если производители предметов первой необходимости для рабочих образуют особую группу наряду с производителями жизненных средств для капиталистов, то имеет место подобная двойная функция денег, которые, однако, по-прежнему представляют собой деньги, необходимые только для обращения дохода. Во-вторых, однако, что касается *действительного обмена веществ,* то обнаруживается, что часть средств производства, произведенных в сфере *B*, следовательно, определенными капиталовложениями сферы *B*, входит во все возрастающее количество отраслей производства, пока продукт не достигает такой формы, в которой вся его потребительная стоимость или по крайней мере вся его стоимость не образует элемент постоянного капитала, который расходуется, потребляется в сфере *A*, т. е. используется *непосредственно* для производства

жизненных средств. (*Пряжа,* например, всей своей *потребительной стоимостью* входит в производство холста, однако часть ее стоимости состоит из потребленных угля, машин и т. д., которые своей потребительной стоимостью в ней не содержатся, следовательно, входят только своей *стоимостью* в постоянный капитал капиталиста — ткача.) Другие же средства производства, произведенные капиталистами B^2, не входят непосредственно в сферу *A;* часть из них входит в производство капиталистов B^1, следовательно, входит в производство более широкого масштаба. Имеет место, следовательно, расширяющийся масштаб производства, в то время как другая часть средств производства описывает кругооборот и снова входит в качестве *средств производства* в тот же самый процесс производства, из которого она вышла в качестве продукта.

Таким образом, если часть реализованного в течение года переменного капитала представляется в определенных сферах производства как постоянный капитал, то другая часть потребленного в течение года постоянного капитала представляется как *вещественный элемент* переменного капитала; так что одно уравновешивается другим.

Мы теперь разобрались во *всем* продукте сферы *A* и $^1/_3$ продукта сферы *B;* сфера *B* — совокупный общественный капитал, используемый для производства средств производства. $^1/_3$ продукта сферы *A* потребляется ее собственными производителями. Ее стоимость равна стоимости, которую они присоединили к своему собственному постоянному капиталу благодаря затраченному в течение года труду. Помимо этого труда, который они проедают в форме своего собственного продукта, они не затрачивают никакого другого. Другие же $^2/_3$ продукта сферы *A* возмещаются продукцией сферы *B* в натуре в качестве постоянного капитала сферы *A* и потребляются производителями сферы *B*. Их стоимость равна стоимости, в которой представляется труд, который производители сферы *B* присоединили к своему собственному постоянному капиталу. Большего количества труда они не присоединили и большего дохода они не могут потребить.

Продукт сферы *A* представляет по своей *потребительной стоимости* совокупную часть годового продукта, которая ежегодно входит в индивидуальное потребление. По своей *меновой стоимости* он представляет совокупное количество *труда, вновь присоединенного* производителями в течение года.

Однако таким образом мы сохраняем в качестве *остатка* часть совокупного продукта, те $^2/_3$ продукта сферы *B,* которые не могут принять участия ни в обмене дохода на доход, ни в об-

мене капитала на доход. Это та часть продукта сферы *В*, которая представляет стоимость потребленного в нем постоянного капитала. Эта часть не входит в доход сферы *В*, следовательно, она не может также входить в качестве конституирующей части в постоянный капитал сферы *А*. Эта часть представляет собой *промышленно потребленный* постоянный капитал, который вошел как в процесс труда, так и в процесс увеличения стоимости продукта сферы *В*, и который должен быть возмещен в натуре *новыми* продуктами того же рода, из которых он состоял первоначально. С другой стороны, он не возмещается своим новым количеством труда. Так как общее количество вновь присоединенного труда равно содержащемуся в продукте сферы *А* рабочему времени, которое возмещается только целиком, потому что сфера *В* потребляет свой доход в $^2/_3$ продукта сферы *А*, и напротив, доставляет сфере *А* средства производства, которые [127] вообще потребляются в сфере *А*. Ибо первая $^1/_3$ продукта сферы *А*, которая потребляется ее собственными производителями, состоит по их меновой стоимости только из им самим присоединенного нового труда, не содержит никакой стоимостной части постоянного капитала.

Рассмотрим теперь более обстоятельно этот остаток в $^2/_3$ продукта сферы *В*, в котором нам предстоит разобраться *).

Производители средств производства, этой $^1/_3$ продукта сферы *В*, которая в качестве постоянного капитала входит в сферу *А*, сами нуждаются в *постоянном капитале*, состоящем из всякого рода средств производства, для того чтобы производить ту $^1/_3$, которая образует их доход. Эти средства производства потреблены в указанном производстве и должны постоянно воспроизводиться, возмещаться воспроизводством. Весь их товарный капитал представляет стоимость в 1 200 ф. ст. Из них, однако, только 800 ф. ст. представляют стоимость ими самими потребленных средств производства или стоимость их собственного постоянного капитала. Следовательно, она должна быть возмещена из $^2/_3$ продукта, который они не продали сфере *А*, или эти $^2/_3$ оставшегося у них продукта должны быть обратно превращены в постоянный капитал.

(Предполагается: 1) что процесс воспроизводства должен возобновляться в *том же* масштабе, 2) что производительная сила примененного труда, следовательно, стоимость продукта, остается неизменной.) Из чего, однако, состоят эти $^2/_3$ продукта сферы *В*? Как раз *из товаров того же рода, что и те, которые*

*) Он состоит из постоянного капитала, который идет на сырье; из постоянного капитала, который идет на образование основного капитала, и, в-третьих, — из постоянного капитала, который идет на вспомогательные материалы.

они должны возместить, а именно, из сырых материалов, вспомогательных материалов, машин и прочего различного рода основного капитала. Они могут частично непосредственно снова в качестве средств производства войти в тот же самый процесс, из которого они вышли как продукты. В этом случае часть их потребляется производительно их собственными производителями. Тогда эта часть не поступает в обращение. Другая часть этих товаров не может снова войти в своей натуральной форме в тот процесс, из которого она вышла. Они, следовательно, обмениваются друг с другом как *товары,* т. е. через посредство процесса обращения, куплю и продажу, между собой или путем предварительного самостоятельного представления их *стоимостей.* Производитель того или иного средства производства продает его какому-либо другому производителю, чтобы на *стоимость* этого средства производства купить средства производства, произведенные другим производителем и т. д. О *денежном обращении,* которое имеет место здесь и которое никоим образом, так же как и *стоимости,* которые оно приводит в обращение и реализует, не покрывается в конечном счете денежным обращением товаров, потребленных *потребителями,* необходимое уже сказано ранее.

К *продуктам* сферы *В,* которые непосредственно в своей собственной натуральной форме снова входят как средства производства в тот процесс, из которого они вышли, относятся прежде всего семена всех растительных материалов, племенной скот, корм (то, что из удобрений снова входит в производство покупателей корма и т. д.) и т. д., короче говоря, все материалы, *экономическое* воспроизводство которых совпадает с *естественным* (растительным или животным). Эта большая часть годового продукта или постоянной части годового продукта служит самой себе непосредственно как материал возобновления, воспроизводит сама себя. Однако, оставляя в стороне естественное воспроизводство, многие продукты этой сферы служат сами себе в качестве средств производства; например, уголь потребляется в процессе производства угля, машины — в процессе производства машин и т. д. Продукт становится своим собственным средством производства.

С другой стороны, продукты различных отраслей сферы *В* взаимно замещаются в качестве средств производства. Например, металлы идут в качестве сырых материалов на производство машины, машина входит в качестве средства труда в производство сырых материалов. Основной капитал всякого рода, машины, орудия труда, тара и вспомогательные материалы, такие, как химические продукты и т. д., входят в качестве

средств производства в земледелие, в то время как продукты земледелия, такие, как дерево, шкуры, растительные материалы, масло, сало и т. д. входят в машины или их вспомогательные материалы и т. д.

Продукты различных сфер производства и различных видов постоянного капитала взаимно входят друг в друга в качестве условий производства, в качестве сырых материалов, вспомогательных материалов или всякого рода *основного капитала* (машины и т. д.).

Производители продуктов, которые не потребляются сразу, являются производителями постоянного капитала для производителей продуктов, потребляемых сразу. Однако вместе с тем их продукты служат им попеременно (или отчасти непосредственно, смотри выше) как элементы их собственных постоянных капиталов, т. е. они взаимно потребляют *производительно,* промышленно свои продукты. То, что в одной отрасли производства сферы *B* потреблено в качестве постоянного капитала, выходит из другой отрасли как продукт, а то, что в этой последней потреблено как постоянный капитал, воспроизведено в первой отрасли и т. д.

Стоимость этого постоянного капитала и он сам не возмещаются *новым рабочим временем,* хотя возмещаются продуктами рабочего времени, вновь затраченного в течение года.

[128] Теперь необходимо возместить постоянный капитал сферы *B* в его натуральной форме. Однако продукт сферы *B* как раз и представляет все натуральные формы постоянного капитала. И там, где продукт какой-либо особенной отрасли сферы *B* не может возместить свой собственный постоянный капитал в натуре, там купля и продажа, переход товара из рук в руки вновь ставит все на свое место.

Эта часть *продукта* капитала сферы *B* не разлагается ни на прибавочную стоимость, ни на заработную плату. Она не содержит вновь присоединенного труда. Она не обменивается на доход. Она не оплачивается потребителями ни прямо, ни косвенно. (Опосредствуется ли это возмещение постоянных капиталов между собой купцами (следовательно, также и купеческими капиталами) или нет, это ничего не меняет в существе дела.)

В земледелии наиболее очевидным является то, что определенная часть постоянного капитала арендатора постоянно возмещается путем вычета (в натуре) из его собственного продукта, который ежегодно возвращается земле, то есть производству. Эта часть, семена, остается у арендатора, не поступает в обращение, не продается и не оплачивается потребителями.

Например, мельник не должен оплачивать или возмещать *семена* арендатору, эту самим арендатором возмещенную и оплаченную часть, пекарь не должен оплачивать или возмещать мельнику, а потребитель хлеба — пекарю.

В отношении потребляемого продукта, в котором реализуется доход, с самого начала следует иметь в виду: его стоимость равна сумме стоимостей всех его элементов; *весь* продукт должен, в каких бы то ни было пропорциях, попадать в фонд потребления различных производителей, т. е. всех производителей (капиталистов + рабочих) в *качестве потребителей. Вся стоимость* этого продукта должна поэтому быть в состоянии разлагаться также на прибавочную стоимость и заработную плату, на доход, т. е. на вновь присоединенный годовой труд, хотя продукт, рассматриваемый самостоятельно, состоит из вновь присоединенного труда и постоянного капитала. Это объясняется следующим.

1) Часть постоянного капитала, необходимая для производства продукта сферы *A*, не входит в него ни с точки зрения потребительной стоимости, ни с точки зрения меновой стоимости, как, например, семена в земледелии. (Покупает ли арендатор семена или производит вычет из своего собственного продукта, это ничего не меняет в деле. Если продукт равен 120 квартерам, а продукт продавца семян также равен 120 квартерам, то первый продает на рынке, к примеру, 120—12 квартеров = 108 квартеров, если при этом он удерживает свои собственные семена; и второй также — 108 квартеров, если он также удерживает только свои собственные семена; оба продают 216 квартеров. Первый бросает на рынок 120 квартеров, а второй по-прежнему 108 квартеров (так как предполагается, что для производства продукта в 120 квартеров требуется только 12 квартеров семян). На рынке находится в обращении теперь 120 + 108 = 228 квартеров, тогда как прежде — только 216. Находящийся в обращении капитал был бы на 12 квартеров семян больше (по сравнению с прежними), находящимися в обращении. Однако арендатор должен был бы купить у торговца семенами 12 квартеров семян и поэтому обменять $^{1}/_{10}$ часть своего капитала, равную 12 квартерам, которая возмещает часть его постоянного капитала, на семена. Эти 12 квартеров вычитаются по-прежнему из потребления. Происходит лишь больше актов обращения.)

2) На всех предварительных ступенях производства, необходимых для того, чтобы производить средства производства, — а именно основной капитал, сырые материалы и вспомогательные материалы, — которые в качестве *прямых средств произ-*

водства входят в потребляемый продукт либо своей потребительной стоимостью, либо стоимостью, общая сумма ежегодно вновь присоединенного труда, равная прибавочной стоимости + заработная плата, равная совокупному доходу, равная *совокупной стоимости* постоянного капитала, непосредственно примененного в производстве потребляемого продукта, потребляется или реализуется не в продуктах самих этих отраслей, а в потребляемом продукте. Это, следовательно, то же самое, как если бы *весь потребляемый продукт* состоял только из вновь присоединенного в течение года труда, а именно, из *суммы* труда, вновь присоединенного в сфере *A* + в сфере *B*. Сумма его стоимости образована, она может распадаться на сумму труда, вновь присоединенного во всех сферах производства. Возмещенный в действительности капитал становится постоянным благодаря тому, что он постоянно вновь производится и частично непосредственно воспроизводится. Однако оплачивается часть постоянного капитала, входящая в потребляемый продукт, за счет дополнительного труда, входящего в продукты, которые *не потребляются сразу*. Так как этот труд оплачивается не своими собственными продуктами, весь потребляемый сразу продукт может превращаться в доход. Часть постоянного капитала, входящая в совокупный продукт, не входит в потребляемый продукт ни как стоимостная составная часть, ни как потребительная стоимость, а возмещается в натуре, остается постоянно включенной в производство. Таким образом, все стоимостные элементы потребляемого продукта разлагаются в сумме ежегодно вновь присоединенного труда и поэтому — в доходе; однако сначала в общей сумме вновь присоединенного труда + совокупный труд, содержащийся в постоянном капитале и увековеченный посредством воспроизводства. Доход, состоящий только из дополнительного труда, может оплатить потребляемый продукт, состоящий [129] частью из вновь присоединенного, частью из прошлого труда, т. е. вновь присоединенный труд может оплатить этим продуктом самого себя и избыток прошлого труда, так как другая часть годового продукта, также состоящая из вновь присоединенного труда + прошлый труд, возмещает только прошлый труд.

Весь годовой процесс производства совершается только для того, чтобы произвести годовой доход. Чтобы, однако, этот процесс продолжался непрерывно — представлял собой постоянный процесс воспроизводства — из совокупного годового продукта должны быть возмещены не только средства производства (постоянный капитал), необходимые для того, чтобы ежегодно воспроизводить потребляемый сразу продукт, но

также и средства производства, которые требуются для того, чтобы ежегодно воспроизводить эти средства производства; должны быть возмещены как та часть постоянного капитала, которая идет на непосредственное производство жизненных средств, так и та часть постоянного капитала, которая идет на производство постоянного капитала.

Мы предположили только две категории продуктов: категория *А* — продукты, потребляемые сразу, и категория *В* — продукты, потребляемые не сразу. Дело не меняется, если определенные продукты, рассматриваемые с точки зрения их потребительной стоимости, могут относиться к обеим категориям. Для отопления частных домов уголь потребляется индивидуально, в промышленности — производительно и т. д. Зерно может потребляться людьми и животными, пшеница может служить в качестве семян или сырого материала для выпечки хлеба, или для изготовления крахмала и т. д. Но фактически они должны всегда относиться к категории *А* или категории *В*; и то, что разделяет продукты на эти два класса (если не принимать во внимание накопление и рассматривать только простое воспроизводство), так это не только их потребительная стоимость, не только то, что они могут потребляться, но и то, что здесь границы определяются, с одной стороны, стоимостью, созданной вновь присоединенным трудом, с другой, стоимостью постоянного капитала.

Эта теория, имеющая решающее значение, сводится к двум положениям:

1) Стоимость продукта, созданного каким-либо капиталом *К*, или $П = c + \widehat{v + m}$, равна стоимости постоянного капитала или стоимости потребленных в нем средств производства плюс стоимость переменного капитала, или стоимость заработной платы плюс прибавочная стоимость, стоимостная часть, в которой кристаллизован неоплаченный труд. Созданная *новая стоимость* равна *П* минус *c*, равна стоимости продукта минус стоимость средств производства, она равна $v + m$. Новая стоимость определяется исключительно *количеством вновь присоединенного труда*. *Форма* же, в которой присоединен этот труд, прядильный труд или ткацкий труд и т. д., придает *совокупному* продукту его определенный облик и своеобразную потребительную стоимость. *Специфический облик*, отличающий определенный продукт от средств производства, есть лишь различие между ними как между различными товарами или потребительными стоимостями. Само по себе оно не имеет ничего общего с их стоимостью, благодаря которой определен-

ные количества средств производства и могут представлять *одну и ту же* стоимость, эквивалент определенных количеств своих собственных продуктов. Хотя каждая стоимостная часть продукта возникает соразмерно из стоимости средств производства и вновь созданной стоимости, прошлого труда и присоединенного, оплаченного и неоплаченного труда, продукт соответственно может быть разделен на 3 части, одна из которых представляет только c, другая — только v, третья — только m. И это обнаруживается сразу, как только товар обратно превращается в свою денежную форму. Если $c = 400$ ф. ст., $v = 100$ ф. ст. и $m = 100$ ф. ст., то денежная стоимость продукта = 600 фунтам стерлингов. Из этих 600 ф. ст. $^2/_3 = c = 400$ фунтам стерлингов. В них содержится, следовательно, только стоимость постоянного капитала. На эти 400 ф. ст., однако, я могу купить $^2/_3$ продукта; или $^2/_3$ данного продукта представляют только эту стоимость. Следовательно, какую бы форму ни принял продукт в процессе производства, он остается таким же, как если бы $^2/_3$ его представляли только стоимость содержащейся во всем продукте постоянной части капитала или израсходованный на него *прошлый труд*. С другой стороны, за 100 ф. ст., за $^1/_6$ стоимости продукта, я могу купить $^1/_6$ продукта; в этих 100 ф. ст., в заработной плате, содержится не что иное, как только то количество труда, которое рабочий затрачивает для того, чтобы воспроизвести стоимость своей рабочей силы, в которой воплощена часть его рабочего времени, *стоимость*, которую он сам получает. Это, следовательно, то же самое, как если бы эти 100 ф. ст., или $^1/_6$ продукта, представляли собой только кристаллизацию *оплаченного труда*. Наконец, m, последние 100 ф. ст., покупают ditto * $^1/_6$ продукта, в которой, следовательно, кристаллизуется только неоплаченный труд. Следовательно, я могу разделить весь продукт на 3 стоимостные части c, v и m, так что одна часть будет содержать в себе только *прошлый труд*, никакого вновь присоединенного труда; другая часть — только оплаченную, выраженную в заработной плате часть нового труда, но не будет содержать в себе ни прошлого, ни неоплаченного нового труда; третья часть будет содержать только *неоплаченный* труд, но не будет содержать в себе ни прошлого, ни оплаченного труда.

[130] Без этой основы, на которой покоится различие между постоянным и переменным капиталом и которая подробнее рассмотрена в книге I, гл. II, остается действительно непонятным, как говорит Прудон, что рабочий покупает продукт,

* — также. *Ред.*

в котором, кроме его заработной платы, содержится прибыль и, как добавляет Форкад, постоянный капитал. Такая же непостижимость существовала и в отношении капиталиста, покупающего на свою прибыль товары, в которых заключена заработная плата и постоянный капитал. Без этой основы вообще не может быть понят весь процесс воспроизводства.

2) При рассмотрении процесса производства, ditto процесса обращения, поскольку речь идет только об изменениях формы, мы не имели никаких затруднений с формулой: $П = c + \widehat{v + m}$, и если $c = {}^2/_3\, c$, $v = {}^1/_3\, c$, то и с формулой $c = {}^1/_2\, П$, $v = {}^1/_4\, П$ и $m = {}^1/_4\, П$ (или $v + m = {}^1/_2\, П$). При рассмотрении процесса производства c является всегда отдельным капиталом; мы рассматриваем его превращение в деньги и его обратное превращение из денег в $c + v$ как *осуществленное,* не заботясь больше о процессе его осуществления. В процессе обращения мы фиксируем метаморфозы, которые он проделывает, не заботясь больше об их *условиях,* и как в одном, так и в другом случае мы имеем дело с отдельным капиталом, который представляет только капитал вообще.

Иначе обстоит дело при рассмотрении действительного процесса воспроизводства.

Здесь с самого начала перед нами возникает та трудность, что нам приходится рассматривать не отдельный капитал, а совокупный капитал общества в его движении. Мы знаем, что в $\widehat{v + m}$, или, скорее, в продуктах, в которых они реализуются, содержится элемент, представляющий прошлый труд. Мы знаем, с другой стороны, — и это самое главное, — что *постоянный капитал,* который потреблен в процессе производства товаров, должен быть произведен посредством нового *количества труда, дополнительного* количества труда, так же как средства производства, c сами должны постоянно воспроизводиться. Для того чтобы произвести средства производства, потребленные в процессе производства жизненных средств, должен затрачиваться труд; и кроме того, постоянно должны воспроизводиться средства производства этих средств производства.

В формуле $П = c + \widehat{v + m}$, напротив, предполагается, что после того как продукт $П$ превратился в деньги, эти деньги без затруднения обратно превращаются в c. Однако c можно будет найти только в том случае, если оно воспроизведено в результате затраты дополнительного труда. В формуле $П = c + \widehat{v + m}$ c представляет, однако, только прошлый труд, а $v + m$ —

только дополнительный труд. Весь дополнительный труд сводится к $v + m$; но где же тогда дополнительный труд, воспроизводящий c (постоянный капитал)? С другой стороны, продукт капиталов, воспроизводящих ту часть продукта, которая равна $\widehat{v + m}$, продукт, который может быть потреблен как доход, продукт этих капиталов, как и продукт всех других капиталов равен $c + \widehat{v + m}$. Каким образом, следовательно, возможно, что его стоимость сводится только к $v + m$, к новому труду? И если она не сводится к ним, то каким образом на $\widehat{v + m}$ может быть куплен товарный капитал, который равен $c + \widehat{v + m}$? Последняя трудность возникает из-за того, что $\widehat{v + m}$, продукт, в котором потребляется доход, выступает как продукт капитала, особенной части самого общественного капитала, равной $c + \widehat{v + m}$, в то время как первоначально, когда мы рассматривали только продукт *единичного* капитала, $\widehat{v + m}$ выступали как *отдельные* составные части продукта этого *единичного* капитала, в то время как в процессе воспроизводства $\widehat{v + m}$ представляются как *особенный* продукт, самостоятельный продукт значительной массы отдельных самостоятельных капиталов многих отраслей производства. Другая трудность возникает из-за того, что если $П = c + \widehat{v + m}$, то предполагается, что после обратного его превращения в деньги вновь имеется в наличии c. Но теперь возникает вопрос: какой новый *труд* создает нам c, если весь труд (новый) превращается в $\widehat{v + m}$? И, с другой стороны, каким образом могут $\widehat{v + m}$ *оплатить* продукты капиталов, которые равны $c + \widehat{v + m}$, как и продукты всех других капиталов?

Вопрос этот разрешается тем, что определенная часть *нового* труда расходуется на воспроизводство c, а потому только известная масса $\widehat{v + m}$ представляется в продуктах c, т. е. в средствах производства, но что созданная этим новым трудом стоимость не потребляется в самих продуктах c, часть которых, равная $v + m$, возмещает c капиталистов, производящих продукты для индивидуального потребления. Этот обмен дохода c на c капитала, который создает $\widehat{m + v}$, лишь отчасти разрешает трудность. С другой стороны, что касается средств производства c, которое в качестве продукта определенной массы капитала также равно $c + \widehat{v + m}$, то оно, хотя

и является *воспроизведенной* [131] потребительной стоимостью, тем не менее не представляет никакой вновь созданной стоимости, никакой кристаллизации вновь присоединенного труда. Эти продукты возмещают друг друга таким образом, что их возмещение определяется их стоимостной величиной, однако *П*, которое равно $v + m$, не возмещает их ни по стоимости, ни по их потребительной стоимости. Совокупный продукт общества делится, таким образом, на две части: на доход (равный стоимости переменного капитала + прибавочная стоимость) и на часть, которая возмещает капитал (постоянный капитал).

Таким образом, в воспроизводстве мы исследуем: как формула $П = c + \overbrace{v + m}$ проявляет себя и осуществляется в обмене веществ всего произведенного обществом товарного капитала; при каких условиях продукт каждого отдельного капитала, $П = c + \overbrace{v + m}$, *процессом воспроизводства которого предполагается,* что c воспроизводится в другой сфере, другим капиталом, становится все же продуктом общественного совокупного капитала, равным $c + \overbrace{v + m}$, в котором весь вновь присоединенный труд может быть воплощен в стоимости $\overbrace{v + m}$ и поэтому потреблен как доход.

2) ДОХОД И КАПИТАЛ. ДОХОД И ДОХОД. КАПИТАЛ И КАПИТАЛ (ОБМЕН МЕЖДУ НИМИ)

Мы видели, что *обмен веществ товарного капитала,* — когда он выступает как момент процесса воспроизводства, — или *обращение товарного капитала,* если мы включаем в него изменения формы, которыми сопровождается этот обмен веществ, включает в себя обмен дохода на доход, постоянного капитала на постоянный капитал и товарного капитала ($= c + \overbrace{v + m}$) на доход и постоянный капитал (как, например, продажа холста покрывает весь вошедший в него товарный капитал прядильщика, его доход + содержащийся в пряже постоянный капитал).

Во-первых, несмотря на различные определения, которые характеризуют обмен различных частей товарного капитала — т. е. годового совокупного продукта — как обмен дохода на доход, обмен дохода на капитал и взаимное возмещение капиталов, здесь речь идет всегда только об обменах товарных капиталов, их купле и продаже, будь то производителям или потребителям. Реальные цели, которым служат покупки и

продажи, деление товарного капитала на фонд потребления и фонд производства, условия, в которых происходит это деление, ничего поэтому не меняют в простой определенности процесса обращения капитала, в которой они были представлены ранее.

Во-вторых, различия между доходом и капиталом выступают, с одной стороны, всего лишь *субъективно,* как нечто, имеющее место только с точки зрения соответствующих покупателей и продавцов и *для них.* Например, при обмене между *A* и *B* один и тот же обмен выступает для *A* как реализация и возмещение постоянного капитала, для *B* — как реализация и расходование дохода. Это субъективное различие и выступает здесь в противоположность объективному, при котором товары капиталиста *B,* реализующего свой доход, представляют собой объективно момент процесса воспроизводства постоянного капитала общества, а товары капиталиста *A,* реализующего вместе с их стоимостью свой постоянный капитал, представляют воспроизводство определенной части фонда потребления общества.

В-третьих, однако, эти различия являются в то же время *объективными.* Если не принимать во внимание отдельных капиталистов, то они выражают условия, при которых распределяются различные составные части совокупного товарного капитала, — т. е. годового продукта, — и должны распределяться для осуществления определенных функций, с тем, чтобы производство продолжалось в том же масштабе, т. е. представлялось как постоянный процесс воспроизводства.

Так как политическая экономия до сих пор не дала правильного анализа процесса воспроизводства, она с присущей ей поверхностностью, с одной стороны, утверждает, что по самому товару нельзя определить, что он не обладает *свойством* представлять доход или капитал (как будто продукты обладают свойством представлять *товары*), а с другой стороны, объявляет различия между доходом и капиталом чисто субъективными, будто то, что для одного является доходом, для другого есть капитал и т. д.

[132] 3) Прежде чем мы перейдем к накоплению, необходимо кое-что добавить о роли *основного капитала* в процессе воспроизводства.

То, что основной капитал изнашивается в процессе производства годового продукта и что он переносит свою стоимость на годовой продукт — и должен быть возмещен в натуре или по стоимости посредством годового воспроизводства, — это уже рассмотрено там, где речь шла о воспроизводстве постоянного капитала.

Однако *основной капитал,* поскольку он еще *не* изношен, а потому не перенес стоимости на продукт и поэтому не вошел в процесс воспроизводства, поскольку происходит воспроизводство или возмещение его *стоимости,* он *применяется, функционирует* в процессе труда и, следовательно, в процессе воспроизводства, постольку он действует в процессе производства потребительных стоимостей. Эта часть основного капитала действует безвозмездно, как чисто природная сила *).

Чем больше, следовательно, ежегодно *применяемый основной капитал* по отношению к *ежегодно потребляемому основному капиталу,* тем больше часть *произведенных производительных сил,* средств труда, которые являются продуктами *прошлого* труда, играют свою роль в процессе производства, увеличивают производительную силу примененного живого труда и тем самым массу годового продукта, в котором воплощается этот труд, не входя в процесс увеличения стоимости; которые, таким образом, увеличивают годовой продукт, возмещающий доход и капитал, не присоединяя к нему *стоимости* и поэтому не *удорожая* его. Они действуют подобно природным силам, которые подчинены целям производства, хотя они являются *общественными* производительными силами, созданы *общественным* трудом.

Величина ежегодно *применяемого* основного капитала (который входит в процесс труда, не входя в процесс увеличения стоимости) по отношению к основной части капитала, ежегодно *потребляемой,* а потому и подлежащей возмещению за счет продукта, определяется двумя обстоятельствами:

1) *Определенной в каждый данный момент величиной совокупного основного капитала* по отношению к *совокупному* авансированному *капиталу;*

---

*) Часть ежегодно потребляемого основного капитала не должна ежегодно возмещаться в натуре. Например, $^1/_{12}$ стоимости машины в течение года перенесена на продукт, однако машина продолжает функционировать и не нуждается в возмещении этой $^1/_{12}$ части в натуре. Так же обстоит дело со строениями и другим основным капиталом. Они оплачиваются продавцу, например, машин, деньгами и образуют для него денежный капитал. Они оплачиваются либо в металлических деньгах, либо всего лишь в знаках стоимости. В первом случае фабрикант снова депонирует их у банкира, который авансирует их другим производителям, а возможно, тому же самому фабриканту, как часть денежного капитала, который необходим ему для выплаты заработной платы и т. д. Во всяком случае часть годового продукта должна превращаться в такое количество денег, которое будет достаточным, чтобы покрыть эти расходы. Однако и в том случае, если обращаются только металлические деньги, фабрикант накопляет всего лишь знаки стоимости для будущего производства. Когда он должен заменить машины, он посылает чек банкиру, а возможно, отдает этот чек владельцу машин, который в свою очередь депонирует его у своего банкира, так что знак стоимости перешел от *A* к *B*, а машина перешла от *B* к *A*. Таким образом, независимо от того, находятся ли в обращении металлические или бумажные деньги, этот резервный фонд превращается в титул на будущее производство.

2) *Временем оборота основного капитала.*

К пункту 1). Чтобы решить этот вопрос, необходимо принять отношение *применяемой части основного капитала к потребляемой,* т. е. время оборота последней, как постоянное, в то время как *величина основного капитала* принимается как *переменная.*

Предположим, что среднее отношение ежегодно потребляемого основного капитала к ежегодно применяемому основному капиталу равно $^1/_{10}$. Тогда, если основной капитал составляет $^1/_{10}$ ежегодно авансируемого совокупного капитала, то в стоимости этого капитала ежегодно должны возмещаться $^9/_{10}$ оборотного капитала и $^1/_{100}$ основного капитала. Всего будут возмещены $^{90}/_{100} + {^1/_{100}} = {^{91}/_{100}}$; следовательно, в течение года даром функционируют $^9/_{100}$. Если же основной капитал составляет $^2/_{10}$ или $^1/_5$ авансируемого совокупного капитала, тогда в стоимости совокупного капитала должны быть возмещены за счет годового продукта $^4/_5$ или $^8/_{10}$ оборотного капитала, а основного капитала — $^1/_{50}$, или $^2/_{100}$. Следовательно, во всем капитале ежегодно должны возмещаться $^{80}/_{100} + {^2/_{100}} = {^{82}/_{100}}$ или на $^9/_{100}$ меньше, чем в первом случае, а в течение года функционируют даром $^{18}/_{100} = {^9/_{50}}$. Если основной капитал составляет $^1/_4$ совокупного капитала, тогда оборотный капитал составляет $^3/_4$. В этом случае подлежали бы возмещению $^1/_{40}$, или $^{10}/_{400}$ основного капитала и $^{30}/_{40}$, или $^{300}/_{400}$ оборотного капитала; всего, следовательно, $^{310}/_{400}$ и $^{30}/_{400}$, иначе говоря, $^9/_{40}$ функционировали бы даром.

Однако законом капиталистического способа производства является то, что *абсолютный* объем основного капитала постоянно растет. Чем *абсолютно больше* основная часть капитала, тем *абсолютно больше* та часть капитала, которая функционирует в производстве годового продукта в качестве производительной силы, не нуждаясь в возмещении за счет годового продукта. Однако оборотный капитал, т. е. оборотный *постоянный* капитал, растет так же; *оборотный* же *переменный капитал,* напротив, уменьшается по отношению к авансированному совокупному капиталу. Хотя увеличение основного капитала связано поэтому с еще большим относительным увеличением оборотного постоянного капитала, оно также связано с относительным уменьшением оборотного переменного капитала.

[133] Прежде всего ясно, что, если отношение потребленной части основного капитала к примененной его части остается *неизменным,* чем больше совокупный основной капитал, тем больше как та часть продукта, которая должна возместить основной капитал, так и та часть основного капитала, которая

функционирует даром. Если основной капитал равен 50 000, то должны быть возмещены 5 000, если основной капитал равен 100 000, то — 10 000, однако в одном случае действуют даром 45 000, в другом — 90 000 (следовательно, в два с лишним раза больше, хотя то, что должно быть возмещено, должно быть в два раза больше). Если основной капитал составляет 200 000, то возмещены должны были бы быть 20 000, в то время как при основном капитале в 100 000 — только 10 000. Однако в одном случае даром действовали бы 90 000, в другом — 180 000. Абсолютно бо̀льшая часть, которая должна быть возмещена, представляет собой лишь индекс большей абсолютной части, которая функционирует даром.

Следовательно, если таким образом при абсолютном росте основного капитала (хотя его *стоимость* отнюдь не должна возрастать в той же пропорции, как его *масса* и *сила действия*) и при *неизменном отношении* между его ежегодно применяемой и ежегодно потребляемой частью, годовой абсолютный рост той части продукта, которая должна возместить постоянный капитал, является только *индексом* годового роста функционирующего основного капитала, действующего даром, — абсолютного роста не потребленного, хотя и примененного основного капитала, — то при любых обстоятельствах отнюдь не является необходимым, чтобы *относительная часть* продукта, которая должна возместить основной капитал, возрастала, даже при *неизменном* отношении между примененным и потребленным основным капиталом. Если основной капитал возрастает с 50 000 до 100 000 и ежегодно $^1/_{10}$ часть потребляется, то из продукта для возмещения основного капитала предназначается в первом случае только 5 000, во втором — 10 000. Если же постоянный оборотный капитал (сырой материал и т. д.) в первом случае равен 10 000, а во втором (вследствие увеличения производительной силы труда) равен 30 000, а переменный капитал в первом случае равен 5 000, во втором — 5 500 ф. ст., тогда годовой продукт в первом случае $= \overbrace{5\,000}^{c} + \overbrace{10\,000}^{c} + \overbrace{5\,000}^{v} + \overbrace{5\,000}^{m}$ (если $m' = 100$ процентам), следовательно, равен 25 000, из которых $^1/_5$ возмещает основной капитал. Во втором же случае: $\overbrace{10\,000}^{c} + \overbrace{30\,000}^{c} + \overbrace{5\,500}^{v} + \overbrace{5\,500}^{m} = 51\,000$, из которых $^1/_6$ возмещает основной капитал, следовательно, хотя абсолютно бо̀льшая, но относительно меньшая часть совокупного продукта. Это, говорим мы, *возможно*.

И зависит оно как от *строения примененных капиталов*, так и от степени, в которой примененный основной капитал увеличивает *производительную силу* (а потому и массу переработанного сырого материала). Там, где сырой материал входит в производство, увеличение производительной силы будет выражаться в увеличении массы и стоимости этой части постоянного капитала. Однако, чем больше эта часть, тем относительно меньше будет, несмотря на свой абсолютный рост, ежегодно потребляемая часть основного капитала. Переменный капитал, с другой стороны, относительно уменьшается, как по сравнению с основным, так и с оборотным постоянным капиталом, и в зависимости от отношения, в котором он сам уменьшается, а оборотная часть постоянного капитала увеличивается, *относительная величина* ежегодно потребляемого основного капитала, т. е. относительная часть совокупного продукта, которую он должен возместить, может увеличиваться или уменьшаться.

В отраслях промышленности (добывающая промышленность, транспортная индустрия и т. д.), в которых нет сырого материала, последний, правда, заменяется *вспомогательными материалами*, но они играют небольшую роль по сравнению с авансированным основным капиталом, и хотя они абсолютно увеличиваются, но не в той же самой мере, в какой возрастает применение, а потому и потребление основного капитала. Кроме того, переменный капитал уменьшается с ростом применения основного капитала, во всяком случае, относительно. Следовательно, в силу обеих причин возрастает часть продукта, которая должна возмещать ежегодно потребляемую часть возрастающего основного капитала. Однако этот рост является показателем абсолютного роста примененной, а не потребленной части. *Масса* продукта растет быстрее, чем его стоимость, а потому также растет и та масса продукта, в которой выражается часть стоимости, представляющая вновь присоединенный труд.

К пункту 2). Ранее мы предположили, что соотношение примененного и потребленного основного капитала является постоянным, а величина совокупного основного капитала — переменной. Теперь же предположим, что постоянной является его величина, а указанное соотношение — переменным. Это соотношение есть лишь другое выражение *времени оборота основного капитала*. Если основной капитал равен 100 000 ф. ст., а его время оборота равно 5 годам, то ежегодно он присоединяет к продукту 20 000 ф. ст.; если его время оборота = 10 годам, то — только 10 000 ф. ст.; если оно равно 20 годам, тогда — 5 000 ф. ст. ежегодно. Таким образом, потребленная в течение одного года часть основного капитала, по сравнению с приме-

ненной, *уменьшается* прямо пропорционально его времени оборота.

[134] Чем больше увеличиваются размеры основного капитала, тем более колоссальными становятся формы его существования, а время оборота — более продолжительным. Тем самым удлиняется его среднее время оборота. Поэтому, хотя вместе с абсолютной величиной основного капитала возрастает абсолютная величина его воспроизводства, — или его износа, — последняя, по сравнению с удлинением среднего времени оборота, относительно уменьшается.

Нота бене. (Приведенные выше замечания под пунктом 3) лучше отнести к гл. II этой книги, в которой рассматривается оборот капитала.)

В основном капитале представлена часть *наличного капитала* — произведенная масса производительных сил, которая в качестве наличного базиса может служить для расширения воспроизводства, расширения масштаба воспроизводства, или накопления, причем не обязательно сначала создавать сам этот базис. В этом случае лишь ускоряется оборот основного капитала, сокращается время его оборота, или время, в течение которого он потребляется. Или таким образом увеличивается лишь его годовой износ, но увеличивается не пропорционально данному масштабу производства или данной массе продуктов, а пропорционально равномерно (чаще всего ускоренно) растущей массе продуктов. Он *потребляется* в более ускоренной мере, но только потому, что он в большей мере *применяется* или вообще больше (интенсивнее или экстенсивнее) функционирует в процессе производства. Чем больше развивается капиталистический способ производства, тем больше увеличиваются размеры *основного капитала*. Тем больше, следовательно, *латентная сила*, которая, в известных пределах, допускает *расширение процесса производства* без того, чтобы расширялся сам этот базис. Если железной дорогой больше пользуются, она скорее изнашивается, однако тем больше развивается транспортная индустрия, которой служит *эта самая* наличная железная дорога. Так же обстоит дело с рабочими машинами, покупка которых ускоряется или которые продолжают функционировать в том же самом процессе труда в течение более длительного времени. Имеющийся в наличии основной капитал может, следовательно, служить базисом *весьма различных степеней* процесса воспроизводства. Это — условие, созданное самой новейшей промышленностью и допускающее большое разнообразие в экстенсивности и интенсивности процесса воспроизводства; и чем больше развит капиталистический

способ производства, тем больше эта *латентная сила,* или этот *наличный* капитал, могущий служить воспроизводству в расширенном масштабе.

Если подумать, какую весьма значительную роль играет основной капитал (в виде машин, кораблей и т. д.) в *добывающей промышленности* (горнорудной промышленности, угольной промышленности, рыболовстве, лесозаготовках и т. д.), следовательно, как раз в тех сферах производства, которые доставляют эти важнейшие сырые материалы (металлы, дерево) и вспомогательные материалы (уголь и т. д.) для производства *дополнительного* основного капитала, особенно также машин, тогда становится само собой разумеющимся, в какой значительной степени уже существующий масштаб его развития облегчает, стимулирует производство *дополнительного* основного капитала, т. е. этой части *накопления* или воспроизводства в расширенном масштабе. Совершенно абстрагируясь от того упомянутого выше момента, что уже *существующий* основной капитал, в форме строений, рабочих машин, средств транспорта и связи, способен функционировать в качестве элемента расширяющегося процесса производства.

Кроме этой *способности* основного капитала *к расширению* и его действия в качестве элемента производства сюда относилось бы то, что с непрерывными успехами науки и ее применением часть основного капитала, подлежащая постоянному или ежегодному возмещению, воспроизводится в *более производительных* формах; так что его простое *воспроизводство* связано с постоянным расширением его производительной силы (это относится по крайней мере к одной его части). Это относится, как первый момент, не к тому, что в виде основного капитала имеется налицо *известный фонд,* который потребляется быстрее или медленнее, который, следовательно, может служить производству большего или меньшего масштаба, а к *росту производительной силы* основного капитала, или, скорее, производительной силы труда, которому он содействует.

Однако это *развитие производительной силы* является одним из решающих моментов накопления или воспроизводства в расширенном масштабе.

[135] Наряду с *основным капиталом* (*земледелия* мы здесь не касаемся, хотя оно в действительности является значительным элементом при рассмотрении изменений в ходе процесса расширенного воспроизводства) существует другое главное условие производства, уже произведенная производительная сила, которая может быть применена и использована в *различной,* экстенсивной или интенсивной, *степени,* имеющаяся налицо

рабочая сила. (Мы здесь оставляем в стороне естественный *прирост* населения, который одновременно представляет собой *природную* основу накопления; превращение непроизводительных рабочих в производительных, включение ранее *не* работавшей части населения в число работающих и т. д.) Она может использоваться экстенсивно или интенсивно, в большей или меньшей степени; относительно избыточное население, постоянно производимое капиталистическим способом производства, может быть реализовано в большей или меньшей степени; при данной продолжительности и интенсивности рабочего дня занятость может быть более или менее полной; в действительности работают большее или меньшее количество дней в неделю и т. д., в зависимости от условий рынка. *Данная рабочая сила* — элемент, на который обменивается *переменный капитал,* обмен, образующий базис капиталистического способа производства — может, следовательно, эксплуатироваться в различной степени и образует, таким образом, удлиняющийся или сокращающийся переменный базис процесса производства, а поэтому также процесса воспроизводства, ditto * *процесса расширенного воспроизводства* или накопления. Если не вся имеющаяся в наличии рабочая сила используется до крайних пределов, то всегда возможно ее применение в большей или меньшей степени.

Таким образом, хотя *основной капитал* и *рабочая сила* являются величинами данными *(стоимость последней* равна стоимости *авансированного переменного капитала),* тем не менее они являются в то же время величинами *переменными,* если иметь в виду их способность функционировать в процессе производства. Они могут служить в качестве базиса более узкого и более широкого производства. В этом *переменном* характере их способности действовать *накопление* обладает естественным базисом (что одновременно опровергает представление об абсолютном *постоянстве* наличного *более производительного капитала*).

В качестве другого *переменного* элемента производства следует назвать *науку,* и не только в том смысле, что она постоянно меняется, совершенствуется, развивается и т. д. Этот ее процесс или это ее движение само может рассматриваться как один из моментов процесса накопления. Однако *имеющийся объем технологических знаний* никогда не *применяется* (реализуется) в равной мере во всех сферах производства, в отдельных видах капиталовложений в каждой сфере произ-

---

* — также. *Ред.*

водства. Если совершенно оставить в стороне процесс накопления или *расширение* процесса воспроизводства, то имеющийся основной капитал, подлежащий годовому возмещению, — как это обнаруживается, например, при постепенном введении усовершенствований, — воспроизводится, возмещается в *более производительных* формах, или, как в земледелии, последовательно вводятся в процесс воспроизводства вообще усовершенствованные методы, как, например, лучшие севообороты и т. д. И все это происходит постоянно в *большем или меньшем* масштабе; количественные границы весьма эластичны. Данное количество рабочей силы и капитала, если рассматривать страну в целом, применяется вообще при постоянно меняющихся условиях, большей или меньшей целесообразности, экономии, и при меняющемся уровне производительных сил, хотя изменения более заметны, то в одной сфере производства, то в другой; то в одной местности (например, в земледельческой), то в другой; захватывают то один, то другой отдельный капитал внутри одной и той же сферы производства или осуществляются постепенно всюду. Это изменение является непрерывным, происходит на базе капиталистического производства и является более действенным принципом (осуществляемым в той же степени, которой уже достигло в своем развитии капиталистическое производство).

Хотя поэтому в данный момент количество фактически применяемого капитала и труда представляет собой данную величину, или может рассматриваться как *постоянная* величина, тем не менее оно 1) по своей *латентной способности к применению* — или по *объему своего применения*, в определенных границах — является переменной величиной, так как существующий *основной капитал, стоимость* которого, как и он *сам* (как вещь) величина *постоянная, данная*, в зависимости от его *применения* может увеличиться (будь то в результате удлинения процесса труда или в результате большей интенсивности этого процесса), *прежде чем* увеличится *он сам*. (Если машина работает в два раза быстрее, то она быстрее потребляется; ее время воспроизводства сокращается; однако она действует как вдвое большее количество машин, действующих вдвое медленнее.) *Одно и то же количество основного капитала* — в качестве действительного фактора процесса производства — может, *в зависимости от условий применения*, действовать в весьма различном объеме, представлять весьма *различные количества основного капитала*, хотя он сам представляет собой данную постоянную величину, капитал данного размера. Но поскольку одна и та же *рабочая сила*, на которую обмени-

вается переменный [136] капитал, может доставлять *весьма различные количества труда*, то основной капитал может функционировать в весьма различном объеме в качестве действительного фактора процесса воспроизводства.

2) Если эта переменная масса основного капитала и рабочей силы, изменяющаяся в зависимости от *ее способности к применению*, применяется при постоянно меняющихся условиях — quo ad * и в отношении производительности труда, — то постоянно меняется величина ее *производительности*. (И именно это особенно важно для накопления, воспроизводства в расширенном масштабе, потому что именно *масса* средств производства и жизненных средств, а не их *стоимость*, представляет собой материальный базис процесса расширенного воспроизводства.) Что же касается *сохранения имеющихся стоимостей*, благодаря тому, что товары, в которых они существуют, превращаются в элементы новых товаров, что касается этого *сохранения стоимостей* посредством процесса воспроизводства, то уже было показано, что оно возрастает *вместе с производительностью труда* и соответствующим ей более крупным массовым производством.

(Так как *заработная плата* уже с самого начала включает в себя *увеличение населения*, т. е. воспроизводство рабочего в расширенном масштабе, то этот элемент является данным.)

Другой момент изменяемости проистекает из *природы процесса воспроизводства*, поскольку последний является одновременно *процессом обращения*.

Удлинение сверх среднего или *сокращение* ниже среднего *времени оборота* (отличного от времени производства) — следовательно, более продолжительное или менее продолжительное пребывание капитала в качестве товарного капитала на рынке, по сравнению с его средним пребыванием на рынке, — либо делает возможным *воспроизводство* более значительных размеров с одним и тем же *авансированным* капиталом (в результате чего возрастает норма прибавочной стоимости и поэтому прибыль, следовательно, один из источников накопления), либо позволяет применять существующий *основной капитал* и существующую *рабочую силу* более интенсивно (не говоря о поглощении большего количества рабочей силы). Условия, ускоряющие или замедляющие процесс воспроизводства, обстоятельства, вследствие которых складываются рыночные конъюнктуры, оказывающие воздействие в ту или другую сторону, здесь в нашем исследовании не рассматри-

* — то же. *Ред.*

ваются. Для целей, поставленных в этой части работы, достаточно подчеркнуть, что механизм воспроизводства учитывает *изменяемость* в объеме годового продукта как один из своих законов. Это вытекает из простого обстоятельства, что 1) время обращения образует предел для той части капитала, которая фактически включена в процесс непосредственного производства или воспроизводства, и что 2) сам этот предел является не постоянной, а *переменной* величиной, величиной определенной эластичности, так что этот предел может играть роль предела в большей или меньшей степени.

Основной капитал, хотя его стоимость является данным количеством, представляет собой *переменное* количество, поскольку речь идет о степени его фактического применения и поскольку продолжается фактическое сохранение его стоимости в течение определенного времени, скажем, года; *рабочая сила* (не говоря о ее постоянном возрастании и несмотря на то, что она рассматривается как величина данная и поэтому *постоянная,* стоимость которой определяется стоимостью переменного авансированного капитала) представляет собой *переменную* величину, если иметь в виду степень ее фактического сохранения в течение года.

Технологическое применение науки (если не говорить о его непрерывном развитии, если принимать во внимание только фактическую степень его развития и не рассматривать его как данную или постоянную величину) может быть различным, более или менее всеобщим, в меняющихся пределах; и то же самое остается верным в отношении всех *производительных сил* труда, посредством которых одно и то же количество капитала и труда может воспроизводить товары; наконец, *время обращения* одного и того же авансированного капитала может меняться в весьма широких пределах, по сравнению со средними пределами, для всякого оборотного капитала, который оборачивается различное число раз в год, и даже там, где имеют дело с продуктами земли, где воспроизводство осуществляется в его естественных пределах; оно может в известных пределах запаздывать или опережать сроки (в зависимости от времени года), и когда к делу присоединяются внешние коммерческие обстоятельства, и в той же степени, в какой расширяется мировой рынок, даже возвращение этих продуктов может быть более или менее ускорено отчасти путем их импорта из-за границы.

Из всего этого мы приходим к заключению, что если не говорить о накоплении и превратностях времен года, то количество продукта, воспроизводимого ежегодно данным коли-

чеством *капитала* и *рабочей силы,* представляет собой величину *переменную,* а не *постоянную,* оно может расширяться или сокращаться. Эта гибкость или изменяемость образует в то же самое время *естественный базис* накопления, с тех пор как существует *базис,* делающий возможным *расширение воспроизводства* без всех элементов того воспроизводства, которое совершается благодаря приведенному в движение *добавочному* капиталу и добавочной рабочей силе.

Наконец, в книге I, гл. VI уже было показано, что естественные элементы, земля и т. д., не образующие никакой части капитала, — поскольку речь идет об их *стоимости,* — но включенные в него в качестве средств производства, образуют постоянный базис расширенного воспроизводства, до известной степени независимого ни от какого увеличения фактического капитала.

[137] 3) НАКОПЛЕНИЕ ИЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВО В РАСШИРЕННОМ МАСШТАБЕ

Если воспроизводство в данном масштабе, простое воспроизводство, представляется как круг, то накопление или воспроизводство в расширенном масштабе, как справедливо замечает Сисмонди, представляется как спираль.

В книге I, гл. V мы рассмотрели формулу накопления. После того как продукт капитала продан, следовательно, также и *прибавочный продукт* или часть продукта, представляющая *прибавочный продукт,* часть стоимости прибавочного продукта покупает жизненные средства для капиталиста как потребителя, или расходуется как доход. На другую *часть стоимости прибавочного продукта* покупают вновь *те элементы,* из которых он как производительный капитал состоит и в который эта *часть стоимости* прибавочного продукта должна быть поэтому превращена обратно для того, чтобы функционировать как производительный капитал. *Отношение* между частью реализованного *прибавочного продукта,* которая расходуется как доход, и частью, которая обратно превращается в капитал, является *переменным,* различным в различные эпохи у одного и того же народа и различным у различных народов в одну и ту же эпоху. Поэтому при *одинаковой прибавочной стоимости* у различных народов или в различные времена у одного и того же народа производство *добавочного капитала,* ибо к этому сводится превращение прибавочной стоимости в капитал, может быть весьма различным [a]. С другой стороны,

---

a) *Th. Malthus.* [Principles of Political Economy. London, 1836, p. 113.]

степень накопления может также *меняться* при *постоянном соотношении* между этими обеими частями прибавочной стоимости. А именно, при различной *производительной силе труда,* которая, следовательно, если оставить в стороне различную производительность в различных естественных условиях труда, или различия в естественной продуктивности этих естественных условий, зависит от уже достигнутой степени капиталистического развития. В зависимости от степени производительности труда одно и то же количество труда, следовательно, *одна и та же стоимость,* следовательно, также и *соответствующая доля* прибавочной стоимости, которая превращается обратно в капитал, будет представляться в большей или меньшей массе потребительных стоимостей, — средств производства и жизненных средств, — и их функционирование в качестве капитала зависит, если судить по *объему,* от их массы, но не от их стоимости. С другой стороны, то же самое развитие производительной силы решает вопрос о том, какие массы средств производства может привести в движение одно и то же количество производительного труда. Для нынешних наших целей производительная сила труда рассматривается как *данная.*

В книге I, гл. V мы предположили, что на превращенную обратно в капитал часть прибавочной стоимости покупают элементы производительного капитала; элементы, в которых она только и может функционировать как производительный капитал. Теперь мы должны ознакомиться с *реальными* условиями этого обратного превращения.

Часть прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в производительный капитал, должна быть превращена в *переменный* и *постоянный капитал* и притом в пропорциях, соответствующих различным отраслям производства.

Для ее превращения в переменный капитал необходим прежде всего *добавочный труд,* безразлично, будет ли это *та же самая рабочая сила,* которая подвергнется большей эксплуатации, но зато и выше будет оплачена (иначе отпала бы предпосылка, необходимость добавочного переменного капитала) или добавочный труд будет поступать из *избыточного населения,* или будет использоваться *прирост населения,* или *непроизводительные рабочие* превратятся *в производительных,* т. е. части населения, имевшие отношения к наемному труду, теперь будут включены в него. Мы *предполагаем,* что этот добавочный труд доставляется, и знаем, что на ступени развитого капиталистического производства он всегда имеется в наличии (находится в распоряжении капитала). Добавочный переменный капитал в вещественном отношении состоит из

добавочных жизненных средств для рабочего класса и представляется для него как добавочный доход. Следовательно, часть прибавочного продукта, в котором представлена прибавочная стоимость, не потребляется капиталистами как доход, а авансируется ими как капитал; часть же *прибавочного продукта*, в которой тоже представлена прибавочная стоимость, должна *производиться* в такой *форме*, в которой она входит в потребление рабочих, или, что сводится к тому же, если она производится не в такой форме, ее нужно обменять за рубежом на предметы первой необходимости.

Эта часть прибавочной стоимости должна, следовательно, 1) воспроизводиться в форме предметов первой необходимости (прямо или косвенно); 2) она потребляется как доход рабочими, а не капиталистами, или, если последние потребляют свой доход на непроизводительные цели, не на производительных, а на непроизводительных рабочих. Единственное заблуждение, которого здесь следует избегать [138] и которое было показано ранее, состоит в том, что *та часть прибавочной стоимости*, которая превращается в добавочный переменный капитал, смешивается со *всей* прибавочной стоимостью, которая превращается частью в добавочный переменный капитал, частью в постоянный капитал. Добавочный переменный капитал потребляется как доход *рабочими* индивидуально, добавочный *постоянный капитал* потребляется самим *трудом* промышленно.

В отношении же той части прибавочной стоимости, которая должна быть превращена в добавочный *постоянный капитал*, имеет силу общий закон. Для того, чтобы это превращение было возможно, *прибавочный продукт* должен быть *воспроизведен* в *форме добавочных средств производства*, т. е. в такой форме, в которой он может функционировать в качестве постоянного капитала, в форме орудий, машин, основного капитала во всех его формах, сырых материалов и вспомогательных материалов. Или, что сводится к тому же, если он не воспроизводится непосредственно в этой форме, его нужно будет обменять у других народов на такие товары. Внешняя торговля, — которую поэтому мы здесь можем не принимать во внимание, — ничего не меняет в существе дела. С одной стороны, она, правда, нарушает строгое соотношение, в котором без нее находились бы элементы воспроизводства. С другой стороны, она тем самым упраздняет имманентную меру воспроизводства.

Если не принимать во внимание внешнюю торговлю, то при обратном превращении прибавочной стоимости в капитал не происходит обмена дохода (стоимости, которая должна быть потреблена им как потребителем) одного капиталиста на посто-

янный капитал другого. Происходит только обмен капитала на капитал, поскольку именно обеими сторонами прибавочная стоимость авансируется как капитал, расходуется как капитал. Однако прибавочный продукт капиталиста сферы *А* может составлять *переменный капитал* для капиталиста сферы *В*, т. е. вещественный элемент капитала, который должен быть авансирован рабочему, так же как прибавочный продукт капиталиста сферы *В* — постоянный капитал для капиталиста сферы *А*. Например, прибавочный продукт фермера может составлять переменный капитал для машиностроителя, а прибавочный продукт машиностроителя — постоянный капитал для фермера и т. д. Существующий в тканях прибавочный продукт может быть обменен непосредственно на гуано, а гуано в свою очередь — на зерно фермера и т. д.

Часть *прибавочного продукта* может входить непосредственно как добавочный постоянный капитал (может быть, так же и как переменный капитал, однако переменный капитал авансируется всегда в виде денег) в процесс производства, из которого он выходит как продукт, например, зерно как семена у фермера, скот у скототорговца, машина у машиностроителя и т. д. Другая часть может входить в процесс производства только постольку, поскольку она опосредствуется обменом между капиталистами.

Мы предполагаем, что вся прибавочная стоимость присваивается промышленным капиталистом. (Если не присваивается, то она должна вернуться к нему для того, чтобы функционировать в качестве добавочного производительного капитала.) *Весь добавочный* капитал, переменный и постоянный, представляет прибавочную стоимость, является, следовательно, *кристаллизацией* (рассматривая его с точки зрения стоимости) исключительно *вновь присоединенного* в течение года *труда* (прибавочного труда). Следовательно, он есть обратно превращенная в капитал прибавочная стоимость. (Прибыль, процент, рента — лишь различные формы этой прибавочной стоимости.) Однако так как эта часть прибавочной стоимости, выступающая непосредственно как часть дохода капиталистов, превращается в капитал, то из этого ни в коем случае не следует обратное, что этот добавочный капитал превращается в прибавочную стоимость, т. е. в форму, в которой прибавочная стоимость выступает как доход. Однажды превращенная обратно в капитал, она перестает как таковая составлять для кого-либо доход. Она функционирует теперь только как капитал и может в своей большей массе из-за самой формы, в которой она существует, функционировать *только* как капитал. Она служит для произ-

водства нового дохода, однако сама она не образует его. Впрочем, в конечном счете это обратное превращение прибавочной стоимости или дохода в капитал означает не что иное, как только то, что часть *неоплаченного, избыточного труда* рабочих реализуется в средствах производства, которые снова выступают по отношению к тем же самым рабочим как капитал, или что капиталист часть присвоенного им прибавочного труда преподносит населению в виде *капитала;* вместо того чтобы потребить ее как доход, применяет ее для создания добавочного капитала. Он обогащается тем самым как капиталист, не как потребитель.

[139] В отраслях производства, в процессе производства которых время оборота капитала превышает среднюю величину, т. е. продолжается более года, как, например, в животноводстве, лесоводстве, производстве некоторых видов основного капитала, таких как железные дороги, каналы и т. д., процесс производства которых продолжается больше года, воспроизводство в расширенном масштабе, или накопление, совпадает непосредственно с простым процессом производства. Иными словами, содержащаяся в продукте прибавочная стоимость, или часть ее, которая образует прибавочный продукт, не превращается сначала в деньги, а полностью и непрерывно входит в продукт до его полного изготовления. Процесс накопления и простой процесс производства совпадают здесь поэтому *непосредственно*. Однако поскольку эти отрасли производства, в течение их удлиненного процесса производства, постоянно изымают с товарного рынка 1) средства производства, 2) жизненные средства для занятых в них капиталистов и рабочих, без того, следовательно, чтобы выбрасывать обратно на рынок в течение того же года продукты в другой форме, то их вывоз и их объем зависят, очевидно, от объема и производительности других отраслей производства, которые постоянно в течение года доставляют продукты, следовательно, зависят от степени развития и производительности других отраслей производства, от общественного производства вообще, и от уже существующего богатства данной страны (мы оставляем в стороне кредит, который сам в свою очередь предполагает существование такого же богатства другой страны), зависят от уже достигнутой ступени богатства; т. е. от объема и производительности национального процесса воспроизводства зависит то, в каком объеме могут быть израсходованы этим путем часть имеющихся средств производства и часть жизненных средств.

Таким образом, всякое накопление или *воспроизводство в расширенном масштабе* сводится к постоянному относитель-

ному перепроизводству, т. е. перепроизводству по сравнению с воспроизводством, которое воспроизводит только имеющийся в наличии капитал (пусть и на различных ступенях его производительности). Причем это *перепроизводство* представляет собой постоянно продолжающийся, непрерывный и имманентный момент капиталистического способа производства, так же как и само накопление, являющееся — если рассматривать процесс с вещественной точки зрения — лишь другим его наименованием.

На базисе всякого *более или менее развитого способа производства* это *перепроизводство,* или накопление, образует имманентный момент воспроизводства, 1) потому что расширение процесса производства обусловлено естественным приростом населения; 2) потому что необходимо создание *резервного фонда* из-за опасностей, случайностей и т. д., которым подвержены существующие средства производства (производственный риск), которые поэтому не могут возмещать сами себя, а должны возмещаться добавочным производством [a]. Однако этот род перепроизводства представляет собой при прежних способах производства ничтожную величину по сравнению с его величиной на базе капиталистического способа производства,

1) потому что при этих *менее развитых* способах производства *образование сокровищ,* как таковое, является отчасти целью перепроизводства; т. е. *эта форма прибавочного продукта* считается конечной целью;

2) потому что вследствие существования общественных организаций, соответствующих этим способам производства или вырастающих из них, огромная часть прибавочного труда и прибавочного продукта, как в древней Азии, Африке и т. д., расходуется на непроизводительных лиц, занятых государственной и религиозной службой;

3) потому что при капиталистическом способе производства прирост населения и образование избыточного рабочего населения происходят в несравненно большей мере, и в силу этого здесь больше резервный фонд для этого населения;

4) потому что при капиталистическом способе производства необходимый *резервный фонд* для воспроизводства самого капи-

---

[a] Всюду общество должно выполнять определенный *прибавочный труд,* отчасти как фонд для растущего населения, отчасти как резервный фонд для пополнения существующего капитала. В капиталистическом производстве рабочий выполняет этот прибавочный труд *бесплатно,* в то время как кажется наоборот, будто капиталист, — вследствие того, что часть прибавочной стоимости, которую он присваивает, используется для этой цели, — отказывая себе, «сберегает» средства для образования этого резервного фонда. И потому достопочтенный Рошер также упоминает, будто общество едва сводило бы концы с концами, если бы капиталист не делал сбережений!

тала в прежнем масштабе должен увеличиваться, поскольку вследствие применения колоссальных сил природы и т. д., и появления производства, покоящегося на связи с мировым рынком, чрезвычайно возрастает опасность уничтожения существующего капитала; кроме того, совершенно неизвестный при прежних способах производства резервный фонд становится необходимым вследствие постоянных переворотов в способе производства, [140] принуждающих к постоянному расширению масштаба производства, с одной стороны, к постоянной замене еще не изношенных средств производства более новыми и лучшими, с другой, и это как закон, подчиняющий себе каждого отдельного капиталиста;

5) потому что движущие силы капитализма развиваются полностью только на базе самого этого способа производства;

6) наконец, потому что *средства*, которые должны реализовать эти движущие силы, развиваются здесь полностью лишь с развитием производительных сил труда, средств, позволяющих держать на рынке больше товарные капиталы в форме запасов, с расширением самих рынков, с переплетением производства всех народов, с постоянным приумножением отраслей производства, с развитием основного капитала во всех формах, с созданием условий для того, чтобы избыточный капитал, произведенный в одной сфере, мог легко функционировать в другой (вообще капитализировать накопления).

Следовательно, в том же отношении, в каком капиталистический способ производства развивается в стране, в этом же отношении увеличиваются необходимость накопления, стремление к накоплению и средства для его реализации, или для производства *нового капитала;* или *постоянное перепроизводство* (в том смысле, в каком мы рассматривали его до сих пор) в *непрерывно расширяющемся масштабе* становится *имманентным моментом процесса воспроизводства.*

В дополнение необходимо заметить еще следующее. Добавочный постоянный капитал, как и добавочный переменный капитал, представляет лишь вновь присоединенный труд. Однако для того, чтобы привести его в движение, в качестве базиса служит старый капитал в форме основного капитала (как это было изложено в предыдущем параграфе). Чем больше этот основной капитал, тем легче производить новые машины, строения, вспомогательные материалы и т. д. Часть добавочного капитала — в той мере, в какой она при посредстве старых рабочих машин и орудий не может быть превращена в продукт, а требует сначала создания добавочного основного капитала — вкладывается, следовательно, прежде всего в те отрасли про-

изводства, в которых старый основной капитал, машины, производящие машины и т. д., может войти в качестве элемента производства.

4) ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, ОПОСРЕДСТВУЮЩЕЕ НАКОПЛЕНИЕ

Необходимо выяснить: представляет ли денежное обращение, опосредствующее накопление, какую-либо проблему, требующую еще особого рассмотрения? До сих пор предполагалось, что капиталисты вместе взятые должны обладать денежной суммой, достаточной для того, чтобы 1) выплачивать их переменный капитал, т. е. авансировать рабочим *стоимость* заработной платы в определенные, более или менее короткие или продолжительные сроки, 2) чтобы обмениваться между собой своими доходами, т. е. чтобы производить свои расходы в качестве потребителей. Тогда само собой выходило, что авансированные рабочим деньги притекают обратно к капиталистам, рассматриваемым как класс, в результате продажи их товаров рабочим; что касается денег, авансированных для обращения их доходов между ними, то они постоянно снова и снова распределяются между капиталистами.

Теперь de prime abord * не составляет никакой разницы, используются ли предназначенные для *обращения доходов* деньги 1) не между капиталистами, а прежде всего для оплаты дополнительных рабочих, которые, в свою очередь, покупая жизненные средства, возвращают эти деньги снова капиталистам; часть денег, которая, если бы капиталисты израсходовали весь свой доход, обращалась бы только между ними как деньги, теперь обращается как деньги между ними и рабочими; 2) часть денег, совершенно необходимая для обращения доходов между капиталистами, если они израсходовали всю свою прибавочную стоимость, теперь обращается между ними для осуществления взаимной купли и продажи добавочного постоянного капитала. Все это не представляет никакой новой проблемы.

[141] Однако при неизменном масштабе производства было бы достаточно уже находящейся в обращении денежной массы, в которую мы включаем имеющиеся в наличии сокровища для выравнивания отклонений, как во внутреннем, так и во внешнем обращении. Однако вследствие накопления, или воспроизводства в расширенном масштабе, увеличивается как стоимость подлежащего авансированию переменного капитала, так

* — с самого начала. *Ред.*

и стоимость части продукта, подлежащей ежегодному обращению в качестве дохода, а также оборот стоимости между различными капиталами. Если мы оставим в стороне обстоятельства, противодействующие расширению обращения, или развитию денег как платежного средства, развитию кредитного дела и его форм, ускоренному денежному обращению в связи с увеличением плотности населения и улучшением средств связи и транспорта, и предположим, кроме того, *чисто металлическое обращение,* то ясно, что часть годового национального прибавочного продукта, которая обменивается на золото и серебро, сначала возвращается как *денежная форма* проданных товарных капиталов отдельных капиталистов, затем вступает в обращение как средство обращения, будь то дохода или капиталов. Само собой разумеется, что при расширенном воспроизводстве, при *более богатом воспроизводстве* трудность приобретения добавочного золота и серебра должна быть *меньше,* чем при менее богатом воспроизводстве и при меньшей величине годового национального продукта.

Теперь осталось еще исследовать *денежное накопление* как таковое, как особую форму накопления капитала.

Прежде всего, что касается так называемого *денежного капитала,* который представляет собой всего лишь *скопление титулов собственности* на существующий капитал или на будущие доходы (как, например, государственные долги и т. д.), — а как раз эти ценные бумаги и составляют наибольшую часть так называемого денежного рынка и денежного капитала, — то это в действительности *вовсе не капитал,* как совершенно справедливо говорит Рикардо о денежном капитале государственных кредиторов. Несколько более подробно следует сказать о форме этого «идеального капитала» при рассмотрении капитала, приносящего проценты. (Книга III, гл. IV.) Упомянутое место у *Рикардо* гласит:

«Капитал владельца ценных бумаг никогда не может быть сделан производительным — это в действительности вовсе не капитал. Если бы владелец ценных бумаг захотел продать их и употребить полученный за них капитал производительно, он мог бы это сделать, только отвлекая капитал покупателя его ценных бумаг от какого-нибудь производительного употребления» (*Ricardo.* On the Principles of Political Economy. [London, 1821], p. 289, примечание [Русский перевод, том I, стр. 207]).

Это, следовательно, первая вещь, которую нужно поставить на место.

Поскольку под *накоплением денежного капитала* понимается часть дохода, которая должна быть обратно превращена в капитал, а пока что лежит без употребления как сокровище, то этот

вопрос следует рассмотреть подробнее в главе IV, ditto о капитале, приносящем проценты.

О действительном *накоплении* золота или денег нацией, на базе капиталистического производства, речь может идти лишь постольку, поскольку с расширением процесса воспроизводства вообще расширяется также и обмененная на золото или серебро часть дохода, как та часть, которая находится в обращении, так и та, которая постоянно образует сокровища для различных функций, для тех функций, которые, как было показано ранее, требуют образования сокровищ.

[142] 5) ПАРАЛЛЕЛИЗМ, ПОСТЕПЕННОСТЬ, ВОЗРАСТАНИЕ, КРУГООБОРОТ ПРОЦЕССА ВОСПРОИЗВОДСТВА

В общем мы видим, что при непрерывности процесса воспроизводства (или процесса производства) одна часть товаров находится в процессе производства, в то время как другая часть находится в процессе обращения и здесь снова проходит две фазы — как товарный капитал, который должен обратно превратиться в деньги или денежный капитал, а последний, в свою очередь, должен превратиться в товары, составляющие элементы производительного капитала. Исключение составляют все виды *транспортной индустрии*, т. е. все виды индустрии, в которых капитал находится постоянно в процессе производства. Собственно продуктом этой индустрии является перемещение, т. е. перемена места товара (или также человека), который транспортируется. Товары, до тех пор пока они находятся в руках транспортной индустрии, постоянно находятся в обращении. Стоимость, которую транспортная индустрия присоединяет к товарам, оплачивается поэтому по мере перевозок товаров. И из этих денег она постоянно оплачивает уголь, рабочих и т. д., короче говоря, средства потребления отраслей транспортной индустрии (так же ремонт и т. д.). Одна часть этой стоимости находится, разумеется, постоянно в процессе обращения, в то время как другая продолжает находиться в процессе производства. Однако железная дорога сама находится постоянно в процессе производства, как часть вложенного в транспортную индустрию основного капитала. Дело обстоит не так, как, скажем, при прядении, где одна часть хлопка в качестве сырого материала находится в процессе производства, а другая в качестве пряжи — на рынке. В той форме, в какой железная дорога находится в процессе производства, или в процессе совершения перемещения, она находится так же на рынке, т. е. она

продается. Но то, что постоянно продается у нее, так это — производительная услуга, которую она совершает, как, например, арендуемый двигатель. Продается движение, которое она помогает производить. Железная дорога, паровозы и т. д. находятся в процессе обращения не как товары. Так же обстоит дело с кораблем или омнибусом. То, что продается, так это — их продукт, перемещение транспортируемых предметов. Однако этот продукт, в отличие от других товаров, продается, в то время как он еще находится в процессе производства, а не после того как он выходит из него, как, скажем, пряжа — из процесса прядения. Я покупаю не омнибус, а оплачиваю его движение, *пребывание* в его процессе производства, который для меня является процессом обращения, передвижением. Сам омнибус, поскольку он функционирует, никогда не покидает процесса производства; но в своем процессе производства он потребляется товарами и людьми, которые им перевозятся. Поэтому транспортная индустрия есть индустрия sui generis * и отличается она от других отраслей индустрии тем, что ее продукт, потребительная стоимость, которую она создает, не может быть отделена от ее процесса производства, следовательно, не может обращаться как товар вне этого самого процесса производства.

Она отличается тем, что часть одного и того же капитала находится в процессе производства, в то время как другая его часть пребывает как *товарный капитал* на рынке, следовательно, двусторонним и вместе с тем одновременным способом существования в двух различных формах и фазах; эта отличительная черта есть *параллелизм* процесса воспроизводства, рассматриваемого как целое.

При рассмотрении процесса воспроизводства обнаружилось, что процесс производства товаров может происходить только непрерывно, или что товар может только непрерывно превращаться обратно в элементы его производства (и в этой форме вновь входить в процесс производства), потому что *одновременно воспроизводятся* их элементы производства.

В своей *конечной форме* товар входит либо в индивидуальное потребление, а он всегда имеет свою конечную форму, когда входит в фонд потребления, и он обретает эту конечную форму в процессе производства. С другой стороны, товар может снова войти в процесс производства, не сохраняя своей конечной формы, а это имеет место всегда, когда он входит

* — особого рода. *Ред.*

в качестве сырого материала (полуфабриката любой степени) в новый процесс производства.

Процесс воспроизводства в целом сводится к существованию *рядом друг с другом* и к *одновременности процессов производства,* которые доставляют различные элементы производства всякого товара, а это и есть то, что мы называем *параллелизмом.*

Прежде всего, если рассматривать процесс воспроизводства *отдельного* товара, то он представляется как *кругооборот.* Товар существует сначала в форме элементов своего производства; потом — в процессе производства; затем — как товар; после этого — как деньги; затем снова в форме элементов своего производства и т. д.

Во-вторых, однако, если рассматривать *различные товары,* процессы производства которых связаны друг с другом и взаимно друг друга обусловливают, то имеет место *возрастающая постепенность* его течения. Лен, например, есть *товар,* который выходит из определенного процесса производства или определенного капиталистического предприятия; в другом процессе производства лен функционирует как сырой материал и превращается в пряжу; пряжа является готовым продуктом или *товаром* этого второго процесса производства. Сама *пряжа,* в свою очередь, входит как сырой материал в *ткацкое производство.* Готовым продуктом или товаром этого процесса производства является *холст.* Холст, в свою очередь, служит в качестве сырого материала при отбеливании и т. д. Отсюда готовый холст поступает, наконец, в качестве сырого материала в различные промыслы, где он превращается в пригодные к потреблению товары или в средства производства.

[143] Здесь товар дошел до того момента, когда он достигает своей конечной формы, в которой он либо входит в потребление, либо в своей конечной форме как *средство труда* (уже не как материал труда) входит в новый процесс производства, переходя по очереди из одной фазы производства в другую, притом в более высокую, т. е. более опосредствованную и приближающую товар к его окончательной форме. Эти различные процессы производства различных товаров связаны друг с другом, обусловливают друг друга и представляют в действительности, если рассматривать продукт в его конечной форме, ряд *следующих друг за другом фаз производства по восходящей линии,* так что более поздняя ведет вперед более раннюю и обусловливается ею. *Прошлый труд,* например, труд, реализованный в льноводстве, здесь постоянно выступает в качестве условия труда *теперешнего,* например, прядения. Различные процессы производства, которые последовательно проходит

продукт, образуют столько фаз его совокупного процесса производства и воспроизводства, фаз реального ряда метаморфозов, сколько нужно для того, чтобы он приобрел свою окончательную форму в качестве потребительной стоимости. Его воспроизводство в более высокой фазе постоянно обусловлено тем, что его производство в предыдущей фазе уже имело место, уже совершилось. Если нет, то имеет место перерыв. Если на рынке находится недостаточное количество пряжи, то процесс ткацкого производства прерывается, не может продолжаться в прежних размерах [1].

Кроме *этой возрастающей последовательности* связанных друг с другом процессов производства, в которой продукт поднимается со ступени на ступень, между другими связанными друг с другом процессами производства имеет место переплетение или взаимодействие, кругооборот, но не возрастающая последовательность. Это происходит в том случае, если различные процессы производства взаимно доставляют друг другу средства производства. Например, уголь входит как вспомогательный материал в производство машин, а машина как средство труда — в производство угля. Продукты обеих сфер производства замещают друг друга. И здесь *теперешний* труд в одном процессе производства обусловлен прошлым в другом процессе производства. Этот случай отличается, однако, от предыдущих тем, что в то время как ткацкое производство предполагает только *прошлый прядильный труд*, производство машин предполагает предварительное производство угля, а производство угля — предварительное производство машин; *теперешний труд* в обоих одновременных процессах производства взаимно предполагает прошлый труд в обоих процессах производства.

Помимо этой связи и движения производства, — где либо продукт проходит последовательный ряд фаз (процессов производства), покидая постепенно каждый из них, чтобы вступить в более высокую фазу, либо продукты различных фаз, взаимодействуя, взаимно входят друг в друга в качестве условий производства, без того чтобы между ними имела бы место эта последовательность, — происходит, поскольку весь процесс производства является вместе с тем *процессом воспроизводства, одновременное воспроизводство* продуктов во всех его различных фазах.

---

[1] Этот воплощенный в льне прошлый труд для прядильщика существует постоянно, потому что в то время как он прядет, в это же время постоянно производится лен. Различные ступени процесса производства товара являются, следовательно, *одновременными*, параллельными, несмотря на то, что какая-то партия товара на различной ступени его завершенности постоянно представляет одновременно прошлый труд.

Здесь характерным является постоянная одновременность, постоянное прохождение рядом друг с другом *или параллелизм всех процессов производства,* в каком бы отношении господства и подчинения или взаимной зависимости их продукты ни находились друг к другу. В то время как, например, лен переходит из одной фазы в другую, из земледелия на прядильную фабрику, из прядильной фабрики на ткацкую фабрику, из ткацкой фабрики в белильню и т. д., в то время как лен совершает эти реальные метаморфозы, одновременно с этим лен, пряжа, холст и т. д. непрерывно производятся рядом друг с другом. Товар производится *одновременно* в его начальных формах, его последующих формах и в его конечных, заключительных формах рядом друг с другом. И их *следование друг за другом* и *проникновение друг в друга* обусловливаются этим их существованием рядом друг с другом или *параллелизмом* процессов производства в различных фазах. Если бы одновременно с тем, как ткач превращает пряжу в холст, не прялась бы пряжа, и одновременно с тем, как прядется пряжа, не производился бы лен, то ткач не смог бы превратить обратно свой холст в пряжу, прядильщик свою пряжу в лен и т. д., или после того как соответствующие продукты проданы как товары, последние не могли бы быть превращены обратно в условия их производства или в жизненные условия. Это, следовательно, — не только кругооборот, не только последовательное движение продукта различных процессов, а одновременное *параллельное производство* во всех его фазах, относящихся к особым сферам производства, составляющих особые отрасли труда. Отдельный *товар* не мог бы продолжать свой процесс производства, или не мог бы быть воспроизведен без *одновременного непрерывного производства* во всех тех сферах, которые доставляют элементы его производства.

Таким образом, если, рассматривая процесс производства отдельного товара, применяемый в настоящее время в этом производстве, труд зависит от *прошлого* производства в других сферах и покоится на нем (кооперация взаимосвязанных отраслей труда выступает здесь всегда как тенденция, и эта тенденция как таковая является условием теперешнего труда), то, [144] если рассматривать непрерывный процесс производства или сам процесс воспроизводства отдельного товара, то же самое относится и к одновременному живому труду, воспроизводящему условия его производства. Всякий прошлый труд, все предметное богатство, фиксируемое капиталистическим воззрением, выступает лишь как исчезающий момент совокупного процесса воспроизводства, вообще только как момент какого-нибудь процесса.

(Для того чтобы снова начать воспроизводство, все содержащиеся в товарах элементы должны быть возмещены в течение времени, когда вновь должно начаться их воспроизводство. Время производства одного товара определяет поэтому время обращения, а потому и время воспроизводства другого.)

(При воспроизводстве исходным пунктом является *продукт*, при простом *производстве* продукт еще только должен возникнуть. Предположение производства выступило в воспроизводстве как его прошлый результат, а результат производства — как его предпосылка. Во всяком воспроизводстве всякая предпосылка выступает как результат, а всякий результат как предпосылка.)

(Хорошо говорит *Бодо* [89]: что в производстве выступает как *avances* *, при воспроизводстве выступает как *reprises* ** для производства.)

Реальный метаморфоз капитала при воспроизводстве

Помимо ранее указанной *изменчивости* процесса воспроизводства, поскольку речь идет о его объеме (даже в том же самом *масштабе производства*) и если рассматривать его с точки зрения авансированной *стоимости* (например, поскольку способность к применению рабочей силы и основного капитала различна, а с другой стороны, один и тот же труд, авансированный для производства сырых материалов, реализуется в различные времена года в различных количествах, что может иметь место и в том случае, если элементы воспроизводства применяются *более эффективно*, стало быть, производительная сила труда повышается без *дополнительных* расходов), то следует отметить *изменчивость* натуральной формы, в которой капитал, в известных пределах, может быть воспроизведен.

Во-первых: капитал (первоначальный, старый или *добавочный* капитал) воспроизводится не в форме *того же самого продукта*, а в форме *другого, уже существовавшего ранее продукта*. Это является *перенесением* капитала из одной сферы производства в другую, происходит ли это таким путем, что старый капитал распределяется неодинаково между различными сферами производства, или таким путем, что добавочный капитал, прибавочный капитал вместо того, чтобы быть вложенным в ту сферу производства, из которой он происходит, вкладывается в другую, существующую рядом с ним. Это

* — аванс. *Ред.*
** — обратное поступление. *Ред.*

является также метаморфозом капитала и притом весьма важным, так как на этом метаморфозе *основывается выравнивание общей нормы прибыли.*

Самая изменчивая часть капитала есть сам *переменный капитал,* который обменивается на живой труд. Для того чтобы эта часть капитала изменила свою натуральную форму, необходимо лишь применить рабочую силу в определенной форме, а не в какой-либо другой. Она базируется на *изменяемости* человеческой рабочей силы. Чем проще труд, — а во всех ведущих отраслях производства труд прост, — чем меньше требуется специфического обучения, тем легче это превращение различных видов конкретного труда. Так как тенденция капиталистического способа производства постоянно направлена на то, чтобы упрощать труд во всех отраслях производства, он сам производит эту необходимую для него способность к изменению, хотя вместе с разделением труда появляется также противодействующий фактор.

Что касается *денежного капитала,* то его абсолютная способность к метаморфозу лишь *формальна* и потому эта способность к превращению только иллюзорна, так как она ограничена *действительным* разнообразием процессов производства.

Существующая машина может быть использована (так же как и строения и другие части основного капитала, такие, как транспортные средства, поскольку они представляют собой двигательные и передаточные машины) для различных процессов производства.

Новые дополнительные машины могут воспроизводиться в различной форме.

Один и тот же фураж может быть в значительной степени применен для производства различного скота; одно и то же удобрение — для производства различных продуктов земледелия. Один и тот же сырой материал может быть переработан в различные формы. Один и тот же вспомогательный материал может служить в различных отраслях производства.

Во-вторых: старый или добавочный капитал вкладывается в *новые* отрасли производства. Для этого требуется либо новое *сырье* (как, например, каучук, гуттаперча), либо вновь открытая потребность в старом сырье (как в гальванопластике и т. д.).

[145] *Процесс потребления* образует имманентный момент процесса воспроизводства.

Поскольку процесс потребления представляет собой *производительный* или *промышленный процесс потребления,* он *идентичен* с процессом производства. Следовательно, здесь речь идет не об этом.

Что же касается *индивидуального* потребления, то prima facie * оно не включается в процесс воспроизводства *отдельного* товара. Если товар по своей натуральной форме предназначен для того, чтобы входить в индивидуальное потребление, то *Т — Д*, первая часть его метаморфоза в конце концов действительно идентична с его вхождением в процесс потребления и поэтому предполагает его. Однако товар не обязательно должен быть потребляемым предметом, или, если он является таковым, он снова может войти в какой-либо другой процесс в качестве средства производства; с другой стороны, если он входит в индивидуальное потребление, он не должен входить в индивидуальное потребление своего производителя. Для производителя речь идет только о том, чтобы осуществить акт *Т — Д*. Дальнейшее движение *Т* в сфере обращения не касается метаморфоза самого капитала. Товар в этой форме, напротив, выталкивается из кругооборота капитала, который произвел его.

Если рассматривать воспроизводство в целом, то потребление является его имманентным моментом.

Вся *постоянная* часть товарного капитала *А* не может быть возмещена его средствами производства, если производители товарного капитала *В* не обменяют свой доход на указанную часть капитала *А*, следовательно, не потребят ее индивидуально.

Обмен переменного капитала на рабочую силу является непрерывным только потому, что рабочий сам воспроизводит и сохраняет себя путем потребления предметов первой необходимости.

Вся часть годового товарного капитала *А*, которая по своей природе не может функционировать в качестве средств производства, или только та часть его, которая может функционировать в качестве средств производства, может проделать только акт *Т — Д*, как только она будет извлечена с рынка и включена в фонд потребления; это, во-первых, должно совершиться во избежание ее порчи, через более или менее продолжительное время, в зависимости от природы ее потребительной стоимости. Во-вторых, вследствие более продолжительного пребывания *Т* на рынке задерживается его воспроизводство, которое может продолжаться только тогда, когда *Т* превращено в *Д*. Или, если имеющийся в распоряжении капитал достаточно велик для того, чтобы, вопреки этой заминке, продолжать производство, то рынок переполняется товарами, что должно привести к затору в процессе воспроизводства.

* — на первый взгляд. *Ред.*

Однако, хотя индивидуальное потребление является необходимым и имманентным моментом процесса воспроизводства, потребление и производство никоим образом не идентичны, и индивидуальное потребление никоим образом не представляет собой определяющий мотив капиталистического способа производства. Последнее может иметь место только в том случае, если производитель и потребитель идентичны, в то время как капиталистический способ производства основывается как раз на том, что потребление и производство непосредственных производителей, большой массы производителей, рабочих совершенно не пропорциональны друг другу; напротив, они расходятся в той же пропорции, в какой развивается капиталистический способ производства. *Отчуждение* этих моментов друг от друга и их внутренняя связь или их принадлежность друг другу, с другой стороны, проявляется в *насильственном приведении* их *в соответствие,* в *кризисах.* Довод *против* кризисов, заключающийся, следовательно, в том, что производство и потребление находятся в определенной имманентной соразмерности и в определенном отношении друг к другу, а масса производства в конечном итоге все же должна регулироваться массой потребления, является как раз доводом *в пользу* неизбежности кризисов, потому что на базе капиталистического производства это взаимное регулирование существует *не непосредственно.*

Процесс потребления входит непосредственно в процесс воспроизводства постольку, поскольку отходы процесса потребления в различных формах вновь образуют элементы нового производства. Но потребление происходит для того, чтобы производить эти его отходы.

[146] 6) НЕОБХОДИМЫЙ ТРУД И ПРИБАВОЧНЫЙ ТРУД (ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ)

Мы видели, что независимо от того, рассматриваем ли мы отдельный капитал или общественный капитал, *необходимый труд* воплощается для рабочих в той части совокупного продукта, которая обратно выкупается рабочими на заработную плату (предполагается, что заработная плата равна стоимости рабочей силы или стоимости труда), а *неоплаченный труд* воплощается в той части продукта, которая равна стоимости, в которой выражается этот неоплаченный труд. Для самого рабочего необходимый труд представляется в *предметах первой необходимости,* для капиталиста *прибавочный продукт* представляется в продуктах, которые состоят частью из предметов

первой необходимости, частью из предметов роскоши, частью образуют фонд накопления для расширенного воспроизводства. (Капиталисты, как и рабочие, могут снова обменять получаемую ими и расходуемую как доход часть продукта на *услуги,* которые они должны добровольно или недобровольно оплачивать.) Обе эти части совокупного продукта, вместе взятые, представляют только ту его часть, которая определяется стоимостью, вновь присоединенной вновь присоединенным трудом. Уменьшается та часть совокупного продукта, которая представляет только произведенную прошлым трудом часть его стоимости.

Вновь присоединенный (в течение года) труд сохраняет по *стоимости и потребительной стоимости* ту часть продукта, которая представляет только постоянный капитал.

Хотя для рабочего его необходимый труд представляется только в предметах первой необходимости, а для капиталиста прибавочный труд — только в прибавочном продукте, одна часть этого вновь присоединенного труда, если рассматривать сам процесс воспроизводства, представляется в средствах производства, а другая часть — в жизненных средствах.

С точки зрения всего процесса воспроизводства суть дела можно выразить и по-иному.

Для рабочих, которые производят непосредственно предметы первой необходимости, вместе с рабочими, которые воспроизводят потребленный в производстве этих предметов первой необходимости постоянный капитал (и сохраняют поэтому также и ту часть постоянного капитала, которая потребляется при воспроизводстве постоянного капитала), одна часть их труда представляет собой оплаченный (необходимый), а другая — неоплаченный или прибавочный труд. Если рассматривать общество в целом, то его труд является *необходимым трудом;* т. е. представляется в совокупном продукте (и в относящихся к нему средствах производства), который необходим для постоянного воспроизводства *всего* рабочего класса плюс класса капиталистов (включающего в себя в данном случае всех прочих неработающих и их слуг) в прежних размерах. Уже этот с точки зрения общества необходимый труд включает в себя *весь прибавочный труд* занятой в нем части рабочих и представляется в *прибавочном продукте,* за счет которого живут как другие рабочие (которые не дают указанной части рабочих *ничего* в обмен на труд, так как их производство ни косвенно, ни прямо не входит в производство предметов первой необходимости), так и *капиталисты и их слуги,* которые получают свои предметы первой необходимости, необходимые жизненные средства.

Что же касается самого рабочего класса, то мы не можем его оплаченный и неоплаченный, или необходимый и прибавочный труд принимать в расчет дважды, если рассматривать процесс воспроизводства всего общества. Предположим, к примеру, что 200 рабочих работают по 12 часов каждый, следовательно, вместе — 2 400 часов, или 200 рабочих дней по 12 часов. Пусть $^1/_2$ из них будет оплаченный и $^1/_2$ неоплаченный труд. Если далее 100 рабочих заняты в производстве предметов первой необходимости (косвенно и прямо, в непосредственном производстве жизненных средств и в производстве сырья, вспомогательных материалов и основного капитала, необходимых для производства этих предметов первой необходимости), а 100 рабочих — в производстве *прибавочного продукта,* то это то же самое, как если бы 100 рабочих, или 100 рабочих дней, доставляли исключительно необходимый труд, так как весь оплаченный труд равен 50 рабочим дням одной части рабочих плюс 50 рабочих дней другой части рабочих, а 100 рабочих были бы заняты только в производстве *прибавочного продукта.* То же имеет место, если взять 200 рабочих как класс, как целое, как если бы одна их половина, 100 человек, ежедневно вместе работала 1 200 часов только для воспроизводства своих предметов первой необходимости, а другие 100 человек ежедневно 1 200 часов работали только для воспроизводства прибавочного продукта. Первые производили бы предметы первой необходимости, совершали бы необходимый труд для себя и для других 100 рабочих, а вторые 100 рабочих совершали бы *прибавочный труд* за себя и за других 100 рабочих; одни совершали бы необходимый, оплаченный труд всего класса, а другие — прибавочный, неоплаченный труд всего класса. Предположим, наконец, что 100 рабочих заняты, чтобы производить предметы первой необходимости для самих себя и для всего класса капиталистов. В этом случае 150 рабочих = 150 рабочим дням были бы ежедневно заняты исключительно в производстве предметов первой необходимости для рабочего класса, а [147] 150 работали бы бесплатно (только для капиталистов), так что $^1/_3$ их *прибавочного продукта* представляла бы предметы первой необходимости, потребленные капиталистами, и $^2/_3$ — остаток. Так как мы предположили, что вторые 100 рабочих производят только *предметы первой необходимости* для самих себя и для всего класса капиталистов, то для последующего изложения мы можем их совершенно не принимать в расчет (только не следует забывать, что, кроме прибавочного продукта 100 рабочих дней, который представляется в предметах роскоши и фонде накопления, существует другой *прибавочный продукт*

50 рабочих, который представляется в предметах первой необходимости капиталистического класса, не имеющих, однако, отношения к нашему исследованию).

Теперь, для того чтобы исследовать, какой способ потребления этого прибавочного продукта соответствует капиталистическому способу производства, предположим сначала, что *фонд накопления* равен нулю, так что в него вообще не входит прибавочный продукт, и, во-вторых, что предметы роскоши равны нулю, так что весь продукт образует фонд накопления.

Если весь прибавочный продукт потребляется в форме предметов роскоши, то в таких предметах, которые в конечной форме, как жизненные средства, не образуют никакой части *переменного* капитала и постольку, поскольку они являются средствами производства для изготовления этих предметов роскоши, большей частью таких, как жемчуг, золото и т. д., они не могут служить в качестве средств производства для других продуктов; если же они и могут служить этой цели, они ей не служат. Фонд накопления, следовательно, равен нулю. Однако фонд накопления необходим, частью как фонд дохода на случай опасностей, которым подвергается производство, частью для растущего населения, частью он необходим потому, что капиталистический способ производства покоится на постоянном расширении масштабов производства. Без такого фонда не только было бы поставлено под угрозу простое воспроизводство, но и угас бы дух капиталистического производства, который служит побудительной причиной и мотивом *процесса увеличения стоимости* как таковОГО, а потому и *производства ради производства* (в определенных пределах). Вместо этого наслаждение как таковое считается конечной целью. Такое употребление прибавочного продукта противоречит, следовательно, условиям и духу капиталистического способа производства. Отсюда ясно, что чем больше употребление прибавочного труда и прибавочного продукта приближается к той крайности, когда фонд накопления равен нулю, тем меньше оно соответствует капиталистическому способу производства. Однако у *меркантилистов* и *физиократов,* первых истолкователей капиталистического способа производства, мы находим восхваление такого потребления. Это объясняется следующим образом. *Во-первых, что касается меркантилистов.* Капиталистический класс был тогда еще слаб и не вышел из детского возраста. Основное богатство находилось еще в руках феодалов и абсолютных монархов. Их *расточительство* — прямое средство обогащения купцов, фабрикантов и финансистов, средство превращения класса феодалов во вновь образующийся класс

капиталистов и в то же время — средство потери классом феодалов *политической* власти и перехода этой политической власти к капиталистам. Отсюда пока верный инстинкт у меркантилистов. В протестантских странах, особенно в таких, как Англия и Голландия, где торговым духом пропитана вся нация, где расцвет экономики покоится на вновь создающемся мировом рынке, а обогащение считалось самоцелью, меркантилисты проповедуют трезвость, бережливость и гневно выступают против расточительства, стремятся способствовать мотовству лишь других стран, а сами хотят быть собирателями сокровищ. Особенно проповедовали расточительство *французские* меркантилисты, и это связано с развитием капиталистического класса во Франции.

У *физиократов* дело обстоит совершенно иначе. Согласно их доктрине, весь *прибавочный продукт* находится в руках *земельных собственников,* а не капиталистов. Они получают прибавочный продукт сначала как аванс в форме денег. Если они потребляют его не полностью, то часть товарного капитала арендаторов и т. д. не продается и тем самым затрудняется *годовое воспроизводство,* которое, по их мнению, образует подлинное богатство. Далее следует принять во внимание, что в физиократической системе из прибавочного продукта, который находится в руках земельного собственника, 1) должны быть покрыты все государственные расходы; 2) расходы на церковь (школу); 3) что функцией земельных собственников являлось и то, что часть своего прибавочного продукта они должны были расходовать на долговечный основной капитал в земледелии; 4) что арендаторы отбирают у них часть прибавочного продукта в форме процента.

Только у Ж. Гарнье [90] (человек Директории и Бонапарта) и у Ганиля [91] меркантилисты и физиократы сближаются в своих взглядах о (непроизводительном) потреблении.

А. Смит выражает истинный дух *капиталистического производства,* когда провозглашает накопление (воспроизводство в постоянно расширяющемся масштабе) высшим законом; однако он делает это еще так (в известной мере благонамеренно и в старомодной манере), как это соответствует той степени развития общества, когда капиталистический способ производства еще только начал создавать свои специфические средства производства (машины и т. д.), государство еще не было подчинено ему полностью, а необходимые для ведения крупной [148] промышленности капиталы еще переживали период младенчества; их *рост* являлся поэтому sine qua non *; когда, кроме

* — непременным условием. *Ред.*

того, торговый капиталист еще имел большой перевес над промышленным капиталистом. А. Смит проповедует бережливость. Он негодует против расточительности государства. Он рассматривает максимально возможное увеличение числа *производительных рабочих,* как конечную цель всякой здоровой экономики. Тем самым он рисует свою благосклонность к производительному рабочему, которая распространяется у него вплоть до быка, как производительного рабочего. В частности, он полагает, и это *отчасти верно* для тогдашнего уровня развития, что по мере того как прибавочный продукт превращается в производительный капитал, следовательно, в соответствии с накоплением, возрастает спрос на труд, а потому повышается заработная плата, улучшается положение производительных рабочих, в то время как капиталист вознаграждается благодаря постоянному увеличению производительной силы труда.

Если А. Смит — экономист мануфактурного периода в момент перехода к крупной промышленности, и поэтому он рассматривает накопление главным образом с точки зрения среднего буржуа, то Рикардо — *экономист крупной промышленности* и рассматривает вещи с точки зрения крупного буржуа. Производство ради производства, максимально возможный рост воспроизводства, в особенности производительной силы труда есть конечная и определяющая цель. Однако для этой цели Рикардо считал излишним проповедовать бережливость. Поскольку капиталистический способ производства для него есть естественная и абсолютная форма общественного производства, а потребление — естественная цель всякого производства, то свободное развитие производства необходимо включает в себя развитие потребления во всех формах и, подобно капиталу, делится поэтому на потребление предметов роскоши и потребление других продуктов, определяется природой капиталистического производства, т. е. выравниванием нормы прибыли между различными капиталами. Рикардо больше не разделяет предубеждения А. Смита о том, что спрос на труд возрастает пропорционально накоплению, и поэтому заработная плата и, следовательно, жизненные условия рабочего класса улучшаются в той же пропорции. Напротив, он показал, что если вместе с накоплением и сопровождающим его развитием крупной промышленности спрос на труд возрастает абсолютно, то относительно он уменьшается и образуется постоянное избыточное население. (Люди становятся излишними.) Производительный рабочий класс существует здесь вообще только как машина, которая производит прибавочную стоимость или прибавочный продукт для владельца условий труда, т. е. для част-

ных нужд капиталистов и лендлордов — и для коллективных нужд государства, т. е. для *национального богатства*, которым может располагать государство. В отличие от А. Смита, который видит богатство в максимально возможной численности производительных рабочих, Рикардо, наоборот, видит в возможно меньшем производительном населении по отношению к тому же самому прибавочному продукту и к живущей за его счет другой части населения лишь свидетельство максимального развития производительной силы труда. Что касается расходования предметов роскоши, то он доказывает даже, что их расходование лендлордами благоприятнее для рабочих, чем их расходование капиталистами, потому что потребление этих товаров приводит в движение большое количество рабочих, так как лендлорд потребляет их с большей массой нахлебников, прислуги и т. д., в то время как трезвый капиталист скорее приобретает долговечные предметы роскоши. Первый, следовательно, своим спросом действует на рынках труда также и в интересах непроизводительных рабочих, повышает спрос на труд своим потреблением в большей степени, чем второй. Боязнь А. Смита, что непозволительно большая часть производительных рабочих превратится в непроизводительных, уже не существует для Рикардо, который знает, что крупная промышленность постоянно создает избыточное население, который, следовательно, постоянно имеет перед собой переполненный рынок труда.

С другой стороны, однако, вместе с накоплением развивается *рента*, доход лендлордов, и это затрудняет воспроизводство и развитие производительной силы труда. В особенности (в Англии времен Рикардо) *национальное* ограничение (посредством хлебных законов) земледелия искусственно повышает этот фактор, воздействующий на накопление. Следовательно, первой заповедью является — убрать с пути эту государственную основу повышения ренты и ввести свободную торговлю хлебом и т. д. Таким способом Рикардо борется с собственностью на землю во имя капитала и стремится таким образом обеспечить как можно больше поступление прибавочного продукта в руки промышленных капиталистов. Прибыль есть стимул производства, а с повышением ренты падает норма прибыли. Следовательно, путем устранения искусственных средств повышения ренты разжигается стремление к накоплению [149] и оно сохраняется на надлежащей высоте. Здесь Рикардо последователен. Но он становится непоследовательным и отходит назад к А. Смиту, когда пытается изобразить осуществленное таким образом известное оживление процесса накопления как выгоду для рабочего класса.

«Однако относительно низкая цена хлеба всегда приносит ту выгоду, что при такой цене распределение наличного продукта имеет больше шансов привести к *увеличению фонда на содержание труда,* так как более значительная доля, под наименованием прибыли, достанется производительному классу (капиталистам) и менее значительная, под наименованием ренты, — *непроизводительному классу»* (лендлордам) (*Ricardo*. On the Principles of Political Economy, [and Taxation. Third edition. London, 1821], p. 317 [Русский перевод, том I, стр. 224]).

Сисмонди чувствует противоречия крупной промышленности и решительно выступает против *производства ради производства* и абсолютного развития производительной силы на базе способа производства, при котором увеличение стоимости имеющихся в наличии капиталов является, с другой стороны, конечной целью. Он хотел бы поэтому данное в определенных условиях потребление сделать регулятором производства. Поэтому его особенно занимает отношение между капиталом (а потому производительным потреблением) и доходом; хотя ничего экономически сколько-нибудь значительного он по этому вопросу нигде не открывает. Однако обмен дохода на капитал и дохода на доход, а потому и вся соразмерность воспроизводства, постоянно нарушается чрезмерно большим обратным превращением прибавочного продукта в капитал, накоплением, сопровождаемым концентрацией, постоянно расширяющимся применением машин и основного капитала, а потому — постоянным ухудшением положения рабочего класса.

Мальтус отчасти примыкает к Сисмонди; отчасти у него прорывается физиократическая традиция, согласно которой *фонд потребления* неработающих классов в действительности представляет собой фонд, совершенно отличный от фонда производства, и он должен быть потреблен, чтобы не произошло остановки в его воспроизводстве. Что̀, однако, у него (в отличие от физиократов и в противоположность Рикардо) является решающим, так это следующее: стремление взять земельную аристократию, государственную церковь и олигархическую чиновничью свору со всеми их приспешниками под защиту против другого индустриализма и *экономически* оправдать. Это происходит так, как будто «Ах, две души живут в его груди, и обе не в ладах друг с другом!»[92], а именно, в груди капиталиста сосуществуют страсть к накоплению и страсть к потреблению. Обе эти страсти нужны для воспроизводства в постоянно расширяющемся масштабе. Однако объединенные в одном и том же лице они взаимно портят друг другу игру. Если страсть к накоплению одерживает победу над страстью к потреблению, тогда — перепроизводство. Если страсть к потреблению одерживает победу над страстью к накоплению, тогда угасают дух

и огонь капиталистического производства. Обе эти страсти должны быть, следовательно, разделены, и тогда стремление капиталистов к накоплению будет поддерживаться тем усерднее, чем скорее страсть лендлордов, церкви и государства к потреблению получит средства для ее удовлетворения. Впрочем, так как перепроизводство на этой базе должно сочетаться с перепотреблением, то в этом мальтузианском парадоксе есть кое-что верное. Только он забывает, что 1) государство в руках буржуазии еще расточительнее, чем в руках олигархии; 2) что из промышленного класса капиталистов постоянно выделяется «денежный класс», постоянно склонный к потреблению; 3) что естественный рост ренты обеспечен классу лендлордов; 4) что по мере роста цивилизации промышленный капиталист научается быть расточительным, несмотря на мудрость политической экономии и т. д.

Рассмотрим, во-вторых, другую крайность, когда (если оставить в стороне предметы первой необходимости, как выше) весь прибавочный продукт воспроизводится в форме производительного капитала (или, что то же самое, напротив, обменивается с помощью внешней торговли), следовательно, предполагается, что потребление предметов роскоши равно нулю.

Здесь было бы неизбежно и значительное *перепроизводство* предметов первой необходимости и, следовательно, остановка воспроизводства. Ни одна часть прибавочного продукта не производилась бы в форме предметов роскоши (или же, если бы производилась, то была бы обменена на иностранные предметы первой необходимости, хотя нелепо, что необходимый для производства предметов роскоши вкус и т. д. может развиться в стране, в которой нет самого потребления предметов роскоши). Разумеется, значительная часть годового прибавочного продукта могла бы быть превращена — что всегда имеет место на высокой ступени капиталистического производства — в основной капитал, производство которого длится больше года и который, возможно, будет функционировать производительно только через несколько лет. Однако в конце концов он должен функционировать. И поскольку такое превращение происходило бы из года в год, оно должно было бы в конечном счете увеличить ущерб *перепроизводства* предметов первой необходимости. Другая часть могла бы быть обменена на деньги и т. д. чужих стран. Однако простое образование сокровищ противоречит существу капиталистического производства. Прежде всего повысился бы спрос на труд и тем самым возросла бы заработная плата. Однако развитие производительной силы

труда вскоре явилось бы преградой этому росту и один кризис последовал бы за другим.

Без значительной роскоши невозможен в течение длительного срока никакой способ производства, основанный на противоположности между рабочим классом и владельцами средств труда.

Затем необходимо превалирование стремления к накоплению над стремлением к потреблению, и оно соответствует капиталистическому способу производства, хотя оно частично и проявляется в форме страсти к внезапному обогащению путем спекуляции и т. д., чтобы *затем* наслаждаться.

7) НАРУШЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Рассмотреть в гл. VII, книги III.

Разделы этой главы III, таким образом, следующие:
1) *Реальные условия обращения* (воспроизводства).
2) *Гибкость воспроизводства.*
3) *Накопление или воспроизводство в расширенном масштабе.*
3[a]) *Денежное обращение, опосредствующее накопление.*
4) *Параллелизм, последовательность по восходящей линии. Кругооборот процесса воспроизводства.*
5) *Необходимый труд и прибавочный труд?*
6) *Нарушения процесса воспроизводства.*
7) *Переход к книге III.*

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Рукопись К. Маркса «Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства» представляет собой часть того текста первого тома «Капитала», который написал Маркс в период с июля 1863 по июнь 1864 г., придерживаясь в основном плана, составленного в январе 1863 года. Этот план содержится в XVIII тетради (на странице 1140) экономической рукописи 1861—1863 годов и предусматривает следующую структуру указанного тома:

1) Введение: Товар, Деньги;
2) Превращение денег в капитал;
3) Абсолютная прибавочная стоимость;
4) Относительная прибавочная стоимость;
5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости;
6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал;
7) Результат процесса производства;
8) Теории прибавочной стоимости;
9) Теории о производительном и непроизводительном труде.

Однако в процессе работы отпало «Введение» и поэтому изменилась намеченная нумерация, в частности, седьмой раздел стал фигурировать как шестая глава.

В самом тексте «Главы шестой» имеются прямые характеристики основной темы и, следовательно, содержания некоторых предыдущих глав. Так, о второй главе говорится, что она излагает всеобщие моменты процесса труда, например, разделение вещных условий труда на материал и средства труда в их отношении к живой деятельности рабочего независимо от специфических общественно-исторических особенностей процесса производства. О третьей главе сообщается, что она содержит подробное изложение производства относительной прибавочной стоимости.

Впервые рукопись «Глава шестая» опубликована Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1933 г. в издании «Архив Маркса и Энгельса», том II (VII). — *1*.

2 Эта и последующие цифры в квадратных (редакционных) скобках обозначают авторскую пагинацию рукописи. Предыдущие страницы рукописи данной книги до нас не дошли. — *3*.

3 Возможно, Маркс имеет в виду примечания Уэйкфилда (на стр. 95—96, 157—158 и др.) к его изданию книги А. Смита «An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations». London, 1843, vol. I. — *8*.

4 Какое именно сочинение имел в виду Маркс, установить пока не удалось. — *8*.

5 В данном месте рукописи имеется пометка Маркса: «Переход от 2) и 3) разделов главы к разделу 3), который мы здесь пока рассматриваем как раздел 1)». — *22*.

6 Здесь, как и в других местах этой рукописи, Маркс при упоминании книги I и ее отдельных частей (глав) имеет в виду к тому времени уже готовую вчерне рукопись первой книги (I тома) «Капитала». Сохранилась лишь публикуемая в данном томе VI глава. Судьба других глав неизвестна. Как VI глава, так и предыдущие главы книги I, не отражают еще той окончательной структуры труда, которая была реализована в первом его издании (1867 г.). — *25*.

7 В этом месте рукописи имеется пометка Маркса: «смотри на обороте!». На обороте страницы 457 рукописи (в настоящем томе — стр. 28—30) Маркс подвергает критическому разбору концепцию Прудона по этому вопросу («Прудоновские экономические парадоксы»). — *26*.

8 Здесь Маркс имеет в виду то место из статьи французского вульгарного экономиста Э. Форкада «Война социализма» (статья вторая), напечатанной в журнале «Revue des deux Mondes», nouvelle serie, tome XXIV, Paris, 1848, p. 998—999), где Форкад критикует тезис Прудона о том, что «рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта» (тезис этот фигурирует в книге Прудона «Qu'est-ce que la propriété?». Paris, 1840, глава IV, § 5). (См. также настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 412—413, примечание 53; т. 26, ч. I, стр. 89; т. 47, стр. 382—383.)

«Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал; начал издаваться в Париже с 1829 года. — *29*.

9 Обстоятельная критика Форкада по данному вопросу дана Марксом в рукописи 1861—1863 гг. и в III томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 47, стр. 382, 383; т. 26, ч. I, стр. 89; т. 25, ч. II, стр. 412—413). — *30*.

10 Здесь Маркс иронически называет Вильгельма Рошера именем знаменитого древнегреческого историка Фукидида, так как этот вульгарный экономист в предисловии к первому изданию своей книги «Die Grundlagen der Nationalökonomie» («Основы политической экономии») «скромно» объявил себя «Фукидидом политической экономии» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 229; т. 26, ч. III, стр. 528). — *30*.

11 См. W. Roscher. «System der Volkswirtschaft». Band I: «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858, S. 133. — *30*.

12 *Флюксия* и *флюента* — понятия разработанной И. Ньютоном ранней формы дифференциального и интегрального исчисления. Систему величин, изменяющихся одновременно и непрерывно, И. Ньютон назвал *флюентами* (от латинского fluens — текущий), а скорости, с которыми изменяются *флюенты*, — *флюксиями* (от латинского fluxio — истечение). — *32.*

13 Имеется в виду третий раздел данной работы — «Капиталистическое производство есть производство и воспроизводство специфически капиталистического производственного отношения» (настоящий том, стр. 114—119). — *41.*

14 См. примечание 12. — *51.*

15 Согласно этому указанию Маркса редакция включает в данное место текста обе подготовленные им вставки; страницы первой вставки, имевшие первоначально авторскую нумерацию с 96 по 107, были позднее изменены Марксом на страницы 469а — 469m. Вторая вставка, следующая непосредственно за первой, охватывает страницы 262—264 рукописи. — *52.*

16 См. *Aristoteles.* «De Republica». In: «Aristotelis opera ex recensione Immanuelis Bekkeri». Tomus X. Oxonii, 1837, Lib. 1, cap. 2. Взгляд Аристотеля на рабский труд, выраженный в книге I, глава 2, его «Политики», рассматривается Марксом в первой главе I тома «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 91—92). — *54.*

17 «Semper aliquid haeret» («что-нибудь да останется!») — часть латинского изречения «Audacter calumniare, semper aliquid haeret» («Клевещи смело, что-нибудь да останется!»). — *55.*

18 *Ситник* — растение, стебли которого используются для изготовления различных плетеных изделий. — *55.*

19 *Общество по распространению полезных знаний* — очевидно, имеется в виду «Society for Promoting the Diffusion of Useful Knowledge»; основано в Англии в 1827 году Генри Брумом. Общество ставило своей целью распространение знаний среди широких масс народа путем издания популярной и недорогой литературы. — *55.*

20 Критический разбор взглядов Росси дан Марксом в экономической рукописи 1857—1858 годов (настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 87 — 91) и в рукописи 1861—1863 годов (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 287—295); см. также настоящий том, стр. 199. — *60.*

21 Имеется в виду *Гражданская война в США* между прогрессивными в экономическом и социальном отношении северными штатами и рабовладельческими южными штатами, продолжавшаяся с апреля 1861 г. по апрель 1865 года. Со стороны северных штатов война носила прогрессивный и революционный характер. Она прошла в своем развитии два этапа: период конституционной войны за сохранение Союза и период революционной войны за уничтожение рабства. Важным моментом в ходе войны явилось издание правительством Линкольна в сентябре 1862 г. прокламации об освобождении негров-рабов. Большое значение имели также принятие закона о гомстеде (бесплатном земельном на-

деле), чистка армии и государственного аппарата от предательских элементов, допуск в армию негров, закрытие реакционных газет и другие мероприятия революционно-демократического характера. Переход к революционным методам ведения войны привел к коренному перелому в ходе военных действий и обеспечил победу Севера. Решающую роль в военном разгроме рабовладельцев-южан сыграли народные массы — рабочие, фермеры, негритянское население. Победа северных штатов расчистила путь для развития капитализма в США. — *62.*

22 Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Ауэрбаха в Лейпциге»). — *63.*

23 Критические высказывания Маркса об этой «аксиоме» Прудона содержатся в «Нищете философии» (настоящее издание, т. 4, стр. 117—127), а также в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» (настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 111) и в первом томе «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 523). — *67.*

24 Здесь заканчивается первая вставка, включающая страницы 469a — 469m рукописи. Согласно указанию К. Маркса (см. примечание 15), вслед за первой вставкой мы помещаем вторую вставку, охватывающую страницы 262—264 рукописи Маркса. Страница 262 в рукописи, которой мы располагаем, отсутствует. — *72.*

25 Здесь заканчивается вторая вставка, включающая страницы 263—264 рукописи. Далее следует продолжение текста, прерванного двумя вставками (см. примечания 15 и 24). — *74.*

26 Вероятно, имеются в виду тетради, в которых содержится экономическая рукопись 1861—1863 годов. — *80.*

27 Цитата, приведенная Марксом после этой оговорки, написана на отдельном листе, который не пронумерован. — *82.*

28 *Йомены* — независимые (свободные) английские крестьяне, исчезнувшие приблизительно к 1750 г. в результате процессов первоначального накопления капитала, в частности, в результате так называемого огораживания общинных земель, насильственной узурпации этих земель лендлордами. Место йоменов заняли мелкие фермеры — арендаторы. Йомены были искусными лучниками и до широкого распространения огнестрельного оружия обычно составляли основную силу английских войск; славились своей стойкостью и бесстрашием в бою. Маркс писал, что в период английской буржуазной революции XVII века они служили главной силой Оливера Кромвеля — вождя буржуазии и обуржуазившегося дворянства. В художественной и научной литературе Англии отмечалось личное мужество йоменов, их военное искусство, их роль, как действительной опоры и защитников независимости «английской нации».

Выражение «гордые йомены Англии» («proud yeomenry of England») представляет собой, по-видимому, парафраз выражений В. Шекспира: «добрые йомены», «боевые джентльмены Англии», «боевые смелые йомены» («good yeomen», «fight gentlemen of England», «fight boldly yeomen»). См. W. Shakespeare. «King Henry V etc.», t. III, Scene 1. In: «The Works of W. Shakespeare in 12 vol.», Edinburgh, 1856, vol. V, p. 264, и W. Shakespeare. «King Richard III». Act V, Scene III; там же, том VI, стр. 442 (Русский перевод: «Избранные сочинения», т. III,

стр. 488). См. также настоящее издание, т. 2, стр. 485; т. 16, стр. 151. — *88*.

29 Имеется в виду J. E. Cairnes. «The Slave power: its character, career and probable designs». London, 1862. — *89*.

30 Взгляды Аристотеля на искусство делать деньги («Хрематистику») Маркс более подробно рассмотрел в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 163). — *96*.

31 Здесь Маркс употребил четыре формулы договорных отношений по римскому праву: «даю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты сделал», «делаю, чтобы ты дал», «даю, чтобы ты дал» (ср. настоящее издание, т. 23, стр. 550—551; т. 26, ч. I, стр. 413). — *102*.

32 В действительности эти слова принадлежат не Мальтусу, а редактору второго (посмертного) издания данной книги Мальтуса. — *103*.

33 *D. Ricardo*. «On the Principles of Political Economy, and Taxation». Third edition. London, 1821, p. 416—417 [Русский перевод, том I, стр. 284—285]. — *105*.

34 На страницу 490 рукописи Маркс наклеил вырезанную из XXI тетради рукописи 1861—1863 годов страницу 1318 (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 396—400, а также примечание 159). — *109*.

35 Вероятно, имеется в виду A. Ure. «The Philosophie of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain». London, 1835 (см. также настоящее издание, т. 23, стр. 398, примечание; т. 26, ч. I, стр. 399 и 449, примечание 158). — *111*.

36 Этой фразой обрывается текст третьего, т. е. последнего раздела главы. — *119*.

37 Эти страницы сохранились вместе с рукописью «Главы шестой», но относятся, судя по их содержанию и пагинации, не только к данной главе, но и к другим не сохранившимся главам рукописи первого тома «Капитала». Дату написания этих страниц установить не удалось; отдельные приводимые здесь цитаты фигурируют в рукописном наследии Маркса, начиная с 50-х годов. — *119*.

38 Здесь в рукописи указан номер авторского примечания (51), однако текст этого примечания в дошедшей до нас рукописи отсутствует. — *119*.

39 К этой цитате из работы Торренса, приведенной в сокращенном виде в первом томе «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 182), Маркс сделал следующую приписку: «Здесь неправильно употреблено слово «труд» вместо «рабочая сила»». — *122*.

40 Имеется в виду обзорная статья анонимного автора «Тайная организация тред-юнионов», напечатанная в октябрьском номере трехмесячного журнала «The Edinburgh Review» (стр. 525—563). Маркс датировал эту статью 1860 годом, видимо, потому, что книжка Даннинга «Тред-юнионы и стачки», в которой критикуется эта статья, вышла в 1860 году.

«The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал») — английский буржуазный литературно-политический журнал, выходил с 1802 по 1929 год. С 20—30-х годов XIX века был органом партии вигов; выпускался раз в 3 месяца. В 50-х годах XIX в. имел либеральное направление. — *123.*

41 Здесь обрывается текст страницы 25. — *124.*

42 Какой именно пункт имеется в виду под пометкой Маркса «к пункту в)», по дошедшей до нас рукописи установить не удалось. — *124.*

43 Число 75, как и нижеследующие 76, 77, 79 являются номерами примечаний Маркса; текст, к которому относятся примечания, в имеющейся у нас рукописи, отсутствует. — *132.*

44 «Exodus» («Исход») — латино-греческое название одной из книг библии, где говорится об уходе (исходе) еврейского народа из Египта. В данном случае Маркс имел в виду массовую эмиграцию ирландского населения в США после 1848 года. — *133.*

45 Имеется в виду эпидемия чумы, свирепствовавшая в Европе в 1347—1350 годах. По некоторым данным, от чумы тогда погибло около 25 млн. человек — примерно $^1/_4$ часть всего населения Европы того времени. — *133.*

46 «Exoriare aliquis ultor» («Пусть родится некий мститель») — выражение из Вергилия. «Энеида», книга четвертая, стих 625. — *133.*

47 Берз (Bere) — разновидность ячменя. — *134.*

48 Работа К. Маркса «Форма стоимости» написана 17—22 июня 1867 г. и впервые опубликована в качестве приложения к первому немецкому изданию первого тома «Капитала», вышедшему в свет в сентябре 1867 года. Для второго и последующих изданий Маркс заново переработал в единое целое как основной текст раздела о форме стоимости, так и приложение к нему (см. настоящее издание, т. 23, стр. 56—80). Многие слова и даже целые предложения в приложении, как и в основных главах первого издания I тома, были напечатаны курсивом, вразрядку. В дальнейших изданиях Маркс от этого отказался, чтобы облегчить тем самым и набор книги и пользование ею. Поэтому и в данной публикации сняты всюду курсив и разрядка. — *137.*

49 Структура первого немецкого издания I тома «Капитала» отличается от структуры, которую Маркс ввел, начиная со второго немецкого издания. То, что в первом издании фигурировало как «первая глава» («Товар и деньги»), превратилось в «первый отдел», состоящий из трех глав. А первый раздел первой главы первого издания превратился в «первую главу» («Товар»). В этой первой главе второго немецкого и последующих изданий «Приложение» в переработанном виде воспроизведено в третьем разделе под заглавием: «Форма стоимости, или меновая стоимость». — *139.*

50 Маркс цитирует здесь сочинение Аристотеля «Никомахова этика» по книге: «Aristotelis opera ex recensione Immanuelis Bekkeri». Tomus IX,

Oxonii, 1837, p. 99, 100 (Аристотель. Сочинения. Издание Иммануила Беккера. Том IX, Оксфорд, 1837, стр. 99, 100).

Говоря о «ложах», Аристотель, по-видимому, имеет в виду те роскошные мягкие ложа, на которых античные греки располагались во время пиров и обедов. — *149.*

51 Первое, авторизованное французское издание I тома «Капитала», фрагменты из которого публикуются в настоящем томе, было осуществлено в Париже отдельными выпусками (частями) в период с сентября 1872 по ноябрь 1875 года. — *165.*

52 Здесь и ниже в конце каждого фрагмента указываются соответствующие страницы оригинала. — *173.*

53 О «параллелограммах» Оуэна Рикардо упоминает в своей работе «On protection to agriculture». Fourth ed., London, 1822, p. 21 («О покровительстве земледелию». 4-е издание, Лондон, 1822, стр. 21). Развивая свой утопический проект социальных преобразований, Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселков в форме параллелограмма или квадрата. Отсюда появилось выражение «параллелограммы г-на Оуэна». — *178.*

54 Согласно взглядам древнегреческого философа Эпикура, в общем материалиста и атеиста, имеется бесчисленное множество миров. Эти миры возникают и существуют по своим собственным, естественным законам. Боги же, хотя и существуют, но находятся вне миров, в пространствах между ними, и не оказывают никакого влияния ни на развитие вселенной, ни на жизнь человека. — *181.*

55 См. примечание 16. — *183.*

56 Шекспир. «Много шума из ничего», акт III, сцена третья. — *185.*

57 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 516—517. — *190.*

58 См. «The Economist», 19 июля 1851 г. «The Economist» («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *210.*

59 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 602—604. — *211.*

60 Имеется в виду работа: J. St. Mill. «A System of Logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation». In two volumes (Дж. Ст. Милль. «Система логики, силлогистической и индуктивной, изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В двух томах). Первое издание вышло в Лондоне в 1843 году. Маркс отмечает, что Дж. Ст. Милль, претендовавший на изложение «системы логики», как экономист был поверхностен и не соблюдал элементарных требований логического анализа. — *213.*

61 «Экономическая таблица» — разработанная физиократом Кенэ схема воспроизводства и обращения совокупного общественного продукта. Более подробно о ней говорится в «Теориях прибавочной стоимости» Маркса (часть I, глава 6), в написанной Марксом десятой главе второго отдела книги Энгельса «Анти-Дюринг», а также во втором томе «Капитала» (глава девятнадцатая). — *214.*

62 Вергилий. «Энеида», книга третья, стих 57. — *216*.

63 Перефразированные слова Фауста из одноименной трагедии Гёте, часть I, сцена вторая («За городскими воротами»). — *216*.

64 См. примечание 21. — *221*.

65 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 659. — *226*.

66 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 770—773. — *227*.

67 См. C. Pecqueur. «Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Études sur l'organisation des sociétés». Paris, 1842, p. 435. — *228*.

68 Рукопись Маркса, озаглавленная «Вторая книга. Процесс обращения капитала», представляет собой первый вариант второго тома «Капитала». По свидетельству Ф. Энгельса, Маркс оставил «два варианта» всего второго тома «Капитала» и «шесть вариантов» отдельных его частей (см. настоящее издание, т. 36, стр. 227).

Первый вариант второго тома (второй книги) «Капитала» или «Рукопись I» (по нумерации Ф. Энгельса) написан Марксом, скорее всего, в период со второй половины 1864 г. по весну 1865 года. Этот вариант является частью экономической рукописи 1863—1865 гг., в которой Маркс дал новую, систематическую разработку проблем всех трех теоретических томов «Капитала». В дальнейшем он интенсивно занимался проблемами I и II томов, по существу и по форме совершенствовал их изложение для печати.

Второй же вариант второй книги, или второго тома, «Капитала» («Рукопись II») написан Марксом в период с августа 1867 по июль 1870 года.

Первый вариант второй книги «Капитала», хотя и «обработан по существу», как отмечал Ф. Энгельс, однако «не отделан стилистически», местами носит характер «записи мыслей в той форме, в какой они в том или ином случае развивались в голове автора. Наряду с отдельными, обстоятельно изложенными частями, другие, не менее важные, только намечены...» (настоящее издание, т. 24, стр. 3).

Можно было бы отметить наличие повторений, многочисленных и пространных, хотя в целом весьма глубоких и содержательных, отклонений от главной темы книги — «обращение капитала» — к общим вопросам процесса капиталистического производства.

При подготовке к печати текста второго тома «Капитала» Энгельс использовал примерно одну треть рукописи II, однако из рукописи I, как писал он, «ничем не пришлось воспользоваться» (настоящее издание, т. 24, стр. 7). Данная публикация «Рукописи I» является первой. — *231*.

69 Названия третьей главы и ее параграфов даны Марксом в тексте главы: на первой странице — название главы, а на последней — названия параграфов (см. настоящий том, стр. 411 и 498). — *233*.

70 Энтелехия (греч. entelecheia) — термин философского учения Аристотеля, означающий достигнутую цель или деятельное, формирующее начало. Позднее этот термин употреблялся в философии витализма, идеалистическом учении о сущности жизни, обозначая особое животворящее начало. — *236*.

71 См. примечание 12. — *238.*

72 Имеется в виду Институт Франции — высшее научное учреждение, состоящее из нескольких отделений, или академий; существует с 1795 года. Дестют де Траси был членом Академии моральных и политических наук. — *255.*

73 В своей работе «Des systèmes d'économie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus fovorable aux progrès de la richesse». Paris, 1821. Ганиль развивал по существу меркантилистский взгляд на меновую стоимость, обмен, труд и богатство, поэтому Маркс и называет этого автора реставратором собственно меркантилистской системы (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 189—190). — *261.*

74 См. Th. Corbet. «An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or, the Principles of trade and speculation explained». London, 1841, p. 104. — *293.*

75 Видимо, имеется в виду доклад *Джона Ч. Мортона* «On the Forces used in Agriculture» («О силах, применяемых в земледелии»), прочитанный в Обществе искусств и ремесел 7 декабря 1859 г. и опубликованный в еженедельнике «The Journal of the Society of Arts» (London), N 368, vol. VII, December 9, 1859 («Журнал Общества искусств и ремесел», (Лондон), № 368, том VII, 9 декабря 1859 года).

«Общество искусств и ремесел» (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в Лондоне в 1754 году. — *310.*

76 Автор этой работы неизвестен. — *311.*

77 Имеется в виду работа К. Маркса «К критике политической экономии. Первый выпуск» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 1—167). — *322.*

78 См. J. B. Say. «Traité d'économie politique». Troisième édition, Paris. 1817, tome II, p. 433. — *328.*

79 См. A. Smith. «An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations». Ed. E. G. Wakefield. A new edition in four volumes. London, 1843, vol. II, p. 204. — *372.*

80 См. R. Jones. «Text-book of lectures on the political economy of nations». Hertford, 1852, p. 16, 21 и др. — *373.*

81 См. A. Ure. «The philosophy of manufactures; or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain». London, 1835, p. 19—23, 367—370 и др. — *373.*

82 Речь идет о работе: Adam H. Müller. «Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809.

Свое намерение процитировать соответствующее место из этой работы Маркс осуществил во второй редакции рукописи «книги II», помеченной 1870 годом и вошедшей в изданный Ф. Энгельсом II том «Капитала».

В соответствующем месте «Рукописи II» Маркс приводит следующее примечание: «Городское производство связано с оборотом, охватывающим несколько дней; сельское, напротив, с оборотом, охватывающим годы» (Adam H. Müller. «Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809, Th. III, S. 178). «Таково наивное представление романтиков о промышленности и земледелии» (см. настоящее издание, т. 24, стр. 208). — *373.*

83 A. Smith. «An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations», Ed. E. G. Wakefield. A new edition in four volumes. London, 1843, Vol. II, p. 188 (см. также настоящее издание, т. 24, стр. 234). —*376.*

84 В ходе дальнейшей работы над рукописью «Книги II» Маркс в «Рукописи IV» сделал к аналогичному месту текста следующее примечание: «Ввиду того, что определить основной и оборотный капитал трудно, господин Лоренц Штейн полагает, что различие это вводят лишь для того, чтобы сделать изложение более понятным». Эта часть «Рукописи IV» вошла во II том «Капитала», изданный Ф. Энгельсом (см. настоящее издание, т. 24, стр. 182). — *381.*

85 Видимо, имеется в виду Адам Андерсон, шотландский экономист, автор работы «An historical and chronological deduction of the origin commerce, from the earliest accaunt's to the present time». Первое издание книги вышло в Лондоне в 1764 году. — *382.*

86 Маркс, возможно, имеет в виду книгу: James Lauderdale. «An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth, and into the Means and Causes of its Increase». London, 1804. — *392.*

87 См. Th. Corbet. «An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or, the Principles of trade and speculation explained». London, 1841. — *400.*

88 См. Th. Tooke. «An Inquiry into the Currency Principle». London, 1844, p. 34—36 passim (см. также настоящее издание, т. 24, стр. 540—541). — *433.*

89 Очевидно, Маркс имеет в виду комментарий физиократа Бодо: «Explication du Tableau Économique» в книге: «Physiocrates». Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxième partie. Paris, 1846, p. 822—867. — *486.*

90 Вероятно, имеются в виду примечания Ж. Гарнье к его изданию сочинения А. Смита. Garnier, G. Notes du traducteur. In.: Smith, A. Recherches sur la nature et les causes de la richesse de nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tome cinquième. Paris, 1802. — *493.*

91 См. Ш. Ганиль. «Des systèmes d'économie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui parait la plus favorable aux progrès de la richesse». Tomes I—II. Paris, 1821. — *493.*

92 См. примечание 63. — *496.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Б

К

Л

М

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Agricultural statistics, Ireland. Dublin, 1866 (Сельскохозяйственная статистика. Ирландия. Дублин, 1866). — 134.

Anderson, A. An Historical and chronological deduction of the origin of commerce, from the earliest accounts to the present time (*Андерсон, А.* Исторический и хронологический очерк торговли от самых ранних сведений о ней до настоящего времени). Первое издание вышло в Лондоне в 1764 году. — 382, 387.

[Arbuthnot, J.] An Inquiry into the connection between the present price of provisions, and the size of farms. With remarks on population as affected thereby. By a farmer. London, 1773 (*[Арбатнот, Дж.]* Исследование связи между теперешними ценами на продовольствие и размерами ферм. С замечаниями о влиянии всего этого на народонаселение. Сочинение фермера. Лондон, 1773). — 14.

**Aristoteles.* Ethica Nicomachea. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus IX. Oxonii, 1837 (*Аристотель.* Никомахова этика. В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том IX. Оксфорд, 1837). — 149.

**Aristoteles.* De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (*Аристотель.* Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель.* Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 54, 96, 183.

[Bailey, S.] A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the formation and publication of opinions. London, 1825 (*[Бейли, С.]* Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости; главным образом в связи с работами г-на Рикардо и его последователей. Сочинение автора «Очерков о формировании и опубликовании мнений». Лондон, 1825). — 184, 307, 341.

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной работы пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 28, 56, 57, 112.

Bastiat, Fr. Harmonies économiques. 2-me édition, augmentée des manuscrits laissés par l'auteur. Paris, 1851 (*Бастиа, Фр.* Экономические гармонии. Издание второе, пополненное из оставленных автором рукописей. Париж, 1851). Первое издание вышло в Париже в 1850 году. — 62.

Baudeau, N. Explication du Tableau économique (1767). In: Physiocrates. Avec une introduction et des commentaires par E. Daire. Deuxième partie. Paris, 1846 (*Бодо, Н.* Объяснение экономической таблицы (1767). В книге: Физиократы. С вступительной статьей и комментариями Э. Дэра. Часть вторая. Париж, 1846). — 486.

**Bray, J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the Age of might and the age of right. Leeds, 1839 (*Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. Лидс, 1839). — 55.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career, and probable desings. London, 1862 (*Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Лондон, 1862). — 70, 89.

Carey, H. C. Principles of political economy. Part the first: of the laws of the production and distribution of wealth. Philadelphia, 1837 (*Кэри, Г. Ч.* Начала политической экономии. Часть первая: о законах производства и распределения богатства. Филадельфия, 1837). — 57.

Carey, H. C. The Slave trade, domestic and foreign: why it exists, and how it may be extinguished. London, 1853 (*Кэри, Г. Ч.* Внутренняя и внешняя торговля рабами: почему она существует и как ее можно устранить. Лондон, 1853). — 328.

Cazenove, J. Preface, notes, and supplementary remarks to a new edition of Malthus' Definitions in political economy — см. *Malthus, Th. R.* Definitions in political economy.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 (*Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). Первое издание вышло там же в том же 1832 году. — 58, 265.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» («Богатый или бедный»). — 53, 113, 209.

Children's employment commission (1862). First report of the commissioners. London, 1863 (Комиссия по обследованию условий детского труда (1862). Первый отчет членов комиссии. Лондон, 1863). — 128.

Committee of 1855 on the Adulteration of Food — см. First report from the select committee on adulteration of food, & c.; with the minutes of evidence, and appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 27 July 1855.

Considerations concerning taking off the bounty on corn exported. In some letters to a friend. London, 1753 (Размышления относительно отмены экспортных премий на зерно. Письма к другу. Лондон, 1753). — 69.

Corbet, Th. An Inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals; or the Principles of trade and speculation explained.

London, 1841 (*Корбет, Т.* Исследование о причинах богатства отдельных лиц и способах его приобретения, или Объяснение принципов торговли и спекуляции. Лондон, 1841). — 211, 293, 306, 326, 400.

Destutt de Tracy, A. L. C. Elémens d'idéologie. IV-e et V-e parties: Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826 (*Дестют де Траси, А. Л. К.* Элементы идеологии. Части IV и V: Трактат о воле и ее действиях. Париж, 1826). Первое издание вышло в Париже в 1815 году. В 1823 г. IV часть «Элементов идеологии» вышла в Париже отдельным изданием под заглавием «Traité d'économie politique» («Трактат по политической экономии»). — 113, 182, 255—256.

Dombasle, M. Annales agricoles de Roville, ou Mélanges d'agriculture, d'économie rurale et de législation agricole. Paris, 1824—1837 (*Домбаль, М.* Ровильский сельскохозяйственный ежегодник, или Различные материалы о сельском хозяйстве, о его экономике и об относящемся к нему законодательстве. Париж, 1824 — 1837). — 125.

Dunning, T. J. Trades' Unions and Strikes: their philosophy and intention. London, 1860 (*Даннинг, Т. Дж.* Тред-юнионы и стачки: их философия и назначение. Лондон, 1860). — 123—124, 129.

Dureau de La Malle, A. J. Economie politique des Romains. Tomes I—II. Paris, 1840 (*Дюро де Ла Маль, А. Ж.* Политическая экономия римлян. Тома I — II. Париж, 1840). — 121.

Edmonds, T. R. Practical, Moral and Political Economy. London, 1828 (*Эдмондс, Т. Р.* Практическая, моральная и политическая экономия. Лондон, 1828). — 82—83.

**Engels, F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845 (*Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Лейпциг, 1845). — 70.

**Engels, F.* Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie. In: «Deutsch-Französische Jahrbücher» herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844 (*Энгельс, Ф.* Наброски к критике политической экономии. В журнале «Немецко-французский ежегодник», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. 1-й и 2-й выпуск. Париж, 1844). — 63, 177.

First report from the select committee on adulteration of food, & c.; with the minutes of evidence, and appendix. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 27 July 1855 (Первый отчет особого комитета о фальсификации пищевых продуктов и пр.; с протоколами показаний и приложением. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 27 июля 1855 г.). — 121.

Forcade, E. La guerre du socialisme. II: L'économie politique révolutionnaire et sociale. In: «Revue des deux Mondes», nouvelle série, tome XXIV. Paris, 1848 (*Форкад, Э.* Война социализма. Статья вторая: Революционная и социальная политическая экономия. В журнале: «Обозрение Старого и Нового света», новая серия, том XXIV. Париж, 1848). — 29—30.

Franklin, B. A Modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency. In: The Works of *B. Franklin*. By Sparks. Volume II. Boston, 1836 (*Франклин, Б.* Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег. В книге: Сочинения *Б. Франклина*. Издание Спаркса. Том II. Бостон, 1836). — 182.

Freytag, G. Neue Bilder aus dem Leben des deutschen Volkes. Leipzig, 1862 (*Фрейтаг, Г.* Новые картины из жизни немецкого народа. Лейпциг, 1862). — 134—135.

Galiani, F. Della moneta. Libri I—V (1750). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi III—IV. Milano, 1803 (*Галиани, Ф.* О деньгах. Книги I—V (1750). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома III—IV. Милан, 1803). — 176.

Ganilh, Ch. Des systèmes d'économie politique, de la valeur comparative de leurs doctrines, et de celle qui paraît la plus favorable aux progrès de la richesse. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1821 (*Ганиль, Ш.* О системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной для роста богатства. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1821). Первое издание вышло в Париже в 1809 г. — 261, 493.

**Garnier, G.* Notes du traducteur. In: *Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tome cinquième. Paris, 1802 (*Гарнье, Ж.* Примечания переводчика. В книге: *Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Том пятый. Париж, 1802). — 493.

Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 — см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850.

Grievances complained of by the journeymen bakers etc. — см. Report adressed to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, relative to the grievances complained of by the journeymen bakers; with appendix of evidence.

Hassall, A. H. Adulterations detected; or, Plain instructions for the discovery of frauds in food and medicine. Second edition. London, 1861 (*Хасселл, А. Х.* Обнаружение фальсификации, или Общепонятные инструкции относительно вскрытия фальсификации продуктов питания и лекарств. Издание второе. Лондон, 1861). — 121.

**[Hodgskin, Th.]*. Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 (*[Годскин, Т.]* Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 55—56, 201.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 (*Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 329.

Income and Property Tax Return. 7. August, 1866 (Отчет о подоходном и поимущественном обложении. 7 августа 1866 г.). — 134.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conductive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 120, 291, 310—311.

**Jones, R.* Text-book of lectures on the political economy of na-

tions, delivered at the East India College, Haileybury. Hertford, 1852 (*Джонс, Р.* Лекции по политической экономии народов, прочитанные в Ост-индском колледже в Хейлибери. Хартфорд, 1852). — 66—67, 196, 210, 373.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 (*Ленг, С.* Национальное бедствие; его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 132.

Lalor, J. Money and morals: a book for the times. London, 1852 (*Лалор, Дж.* Деньги и нравы. Книга для нашего времени. Лондон, 1852). — 56.

**Lauderdale, J.* An Inquiry into the nature and origin of public wealth, and into the means and causes of its increase. Edinburgh and London, 1804 (*Лодердель, Дж.* Исследование о природе и происхождении национального богатства и о способах и причинах его увеличения. Эдинбург и Лондон, 1804). — 392.

**Liebig, J.* Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie. In zwei Theilen. Siebente Auflage. Theil I: Der chemische Proceß der Ernährung der Vegetabilien. Braunschweig, 1862 (*Либих, Ю.* Химия в приложении к земледелию и физиологии. В двух частях. Издание седьмое. Часть I: Химический процесс питания растений. Брауншвейг, 1862). Первое издание вышло в Брауншвейге в 1840 году. — 200.

Macleod, H. D. The Theory and practice of banking: with the elementary principles of currency, prices, credit, and exchanges. Volume I. London, 1855 (*Маклеод, Г. Д.* Теория и практика банкового дела с основными началами средств обращения, цен, кредита и вексельных курсов. Том I. Лондон, 1855). — 188.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 (*Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнениями Джона Кейзнова. Лондон, 1853). Первое издание вышло в Лондоне в 1827 году. — 58, 195, 200, 202.

Malthus, Th. R. An Inquiry into the nature and progress of rent, and the principles by which it is regulated. London, 1815 (*Мальтус, Т. Р.* Исследование о природе и возрастании ренты, а также о принципах, ее регулирующих. Лондон, 1815). — 121.

Malthus, Th. R. The Measure of value stated and illustrated. London, 1823 (*Мальтус, Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация. Лондон, 1823). — 66.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Издание второе, со значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). Первое издание вышло в Лондоне в 1820 году. — 103, 202, 210, 212, 265, 269, 472.

**Marx, K.* Le Capital. Traduction de M. J. Roy, entièrement revisée par l'auteur. Editeurs Maurice Lachâtre et Cie. Paris, 1872—1875 (*Маркс, К.* Капитал. Перевод г-на Ж. Руа, полностью переработанный автором. Издатели Морис Лашатр и К°. Париж, 1872 — 1875). — 167—230.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 (*Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 4, 8, 183, 322.

Marx, K. Misère de la philosophie. Réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 (*Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 67, 183.

*[*Marx, K.* und *Engels, F.*] Manifest der kommunistischen Partei. London, 1848 ([*Маркс, К.* и *Энгельс, Ф.*] Манифест коммунистической партии. Лондон, 1848). — 64, 90, 97.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 66, 188.

Mill, J. Elémens d'économie politique. Traduits de l'anglais par J. T. Parisot. Paris, 1823 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Ж.Т. Паризо. Париж, 1823). — 194, 198, 200.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 113.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848 (*Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. В двух томах. Лондон, 1848). — 54, 213—214.

**Mill, J. St.* A System of logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation. In two volumes. London, 1843 (*Милль, Дж. Ст.* Система логики, силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. В двух томах. Лондон, 1843). — 213.

Morton, J. Ch. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts». (London), № 368, Vol. VII, December 9, 1859 (*Мортон, Дж. Ч.* О силах, используемых в земледелии. В еженедельнике «Журнал Общества искусств и ремесел» (Лондон) № 368, том VII, 9 декабря 1859 г.). — 310.

Müller, A. H. Die Elemente der Staatskunst. Theil III. Berlin, 1809 (*Мюллер, А. Г.* Основы искусства государственного управления. Часть III. Берлин, 1809). — 373.

Necker, J. De l'administration des finances de la France (1784). In: Oeuvres de *Necker*. Tome deuxième. Lausanne et Paris, 1789 (*Неккер, Ж.* Об управлении финансов Франции (1784). В книге: Сочинения *Неккера*. Том второй. Лозанна и Париж, 1789). — 212.

Observations on certain verbal disputes in political economy, particularly relating to value, and to demand and supply. London, 1821 (Замечания по поводу некоторых споров о словах в политической экономии, особенно по поводу тех, которые относятся к стоимости и к спросу и предложению. Лондон, 1821). — 113, 184, 185.

Pecqueur, C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique, ou Études sur l'organisation des sociétés. Paris, 1842 (*Пеккёр, К.* Новая теория социальной и политической экономии, или Исследования об организации обществ. Париж, 1842). — 228.

**Petty, W.* The Political anatomy of Ireland. 1672. To which is added Verbum sapienti. London, 1691 (*Петти, У.* Политическая анатомия Ирландии. 1672. С приложением: «Слово мудрым». Лондон, 1691). — 121.

**Proudhon, P. J.* Qu' est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1840 (*Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1840). — 30.

Proudhon, P. J. Système des contradictions économiques, ou Philo-

sophie de la misère. Tomes I—II, Paris, 1846 (*Прудон, П. Ж.* Система экономических противоречий, или Философия нищеты. Тома I — II. Париж, 1846). — 67, 183.

Public economy concentrated; or, a Connected view of currency, agriculture, and manufactures. Carlisle, 1833 (Сжатое изложение общественной экономии, или Рассмотрение средств обращения, сельского хозяйства и промышленности. Карлайл, 1833). — 91—92.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836).— 53, 194.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 (*Рейвнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 136.

Reasons for the late increase of the poor-rates: or, a Comparative view of the price of labour and provisions. London, 1777 (Причины недавнего увеличения налогов в пользу бедных, или Сравнительное рассмотрение цен на труд и продукты питания. Лондон, 1777). — 198.

Reasons for a limited exportation of wooll. London, 1677 (Причины ограничения вывоза шерсти. Лондон, 1677). — 198.

Report addressed to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, relative to the grievances complained of by the journeymen bakers; with appendix of evidence. London, 1862 (Отчет министру внутренних дел ее величества по поводу жалоб пекарей-подмастерьев, с приложением показаний. Лондон, 1862). — 120.

Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department. (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества).

— for the half year ending 31st Oktober 1855. London, 1856 (за полугодие, истекшее 31 октября 1855 г. Лондон, 1856). — 124—125, 127.

**Ricardo, D.* On protection to agriculture. Fourth edition. London, 1822 (*Рикардо, Д.* О покровительстве земледелию. Издание четвертое. Лондон, 1822). — 178.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 53, 64, 66, 104, 105, 113, 132, 200, 212, 328, 383, 391, 480, 496.

**Roscher, W.* System der Volkswirtschaft. Band I: Die Grundlagen der Nationalökonomie. Dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Stuttgart und Augsburg, 1858 (*Рошер, В.* Система народного хозяйства. Том I: Основы политической экономии. Издание третье, дополненное и исправленное. Штутгарт и Аугсбург, 1858). Первое издание вышло в Штутгарте и Тюбингене в 1854 году. — 30, 66.

Rossi, P. Cours d'économie politique. Année 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'édition de Paris). In: Cours d'économie politique. Bruxelles, 1843 (*Росси, П.* Курс политической экономии. Прочитан в 1836—1837 году (содержит оба тома парижского издания). В сборнике: Курс политической экономии. Брюссель, 1843). Первое издание книги Росси вышло в Париже в двух томах в 1840—1841 годах. — 53.

**Say, J. B.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tomes I — II. Paris, 1817 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 57, 188, 328.

Senior, N. W. Principes fondamentaux de l'économie politique, tirés de leçons édites et inédites de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene. Paris, 1836 (*Сениор, Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Арривабене из лекций г-на Н. У. Сениора, как изданных, так и неизданных. Париж, 1836). — 53.

Senior, N. W. Three lectures on the rate of wages. With a preface on the causes and remedies of the present disturbances. London, 1830 (*Сениор, Н. У.* Три лекции об уровне заработной платы. С предисловием о причинах и мерах по устранению имеющихся извращений. Лондон, 1830). — 72.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. De la richesse commerciale, ou Principes d'économie politique, appliqués à la législation du commerce. Tome I. Genève, 1803 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* О торговом богатстве, или О началах политической экономии в их применении к торговому законодательству. Том I. Женева, 1803). — 66.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Etudes sur l'économie politique. Tomes I—II. Bruxelles, 1837—1838 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Тома I—II. Брюссель, 1837 — 1838). — 57.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Tome I. Paris, 1819 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Том I. Париж, 1819). — 193, 201, 205, 208—209.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 7, 57, 72, 228.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. In three volumes. With notes, and an additional volume, by David Buchanan. Edinburgh, 1814 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. В трех томах. С примечаниями и дополнительным томом Давида Бьюкенена. Эдинбург, 1814). — 112.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835 — 1839). — 66, 294.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Ed. E. G. Wakefield. A new edition in four volumes. London, 1843 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Издание Э. Г. Уэйкфилда. Новое издание в четырех томах. Лондон, 1843).— 8, 330, 372, 376—380.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tomes I—IV. Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 196, 433—434.

The Source and remedy of the national difficulties. In a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей. Письмо

лорду Джону Расселу. Лондон, 1821). — 210.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political economy. In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 году в двух томах. — 83.

Storch, H. Cours d'économie politique, ou Exposition des principes, qui déterminent la prospérité des nations. Tomes I—III. St.-Pétersbourg, 1815 (*Шторх, Г.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. Тома I—III. С.-Петербург, 1815). — 120, 214.

Storch, H. Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). Первое издание вышло в С.-Петербурге в 1815 году. — 53.

Storch, H. Considérations sur la nature du revenu national (tome V du «Cours d'économie politique»). Paris, 1824 (*Шторх, А.* Соображения о природе национального дохода (том V «Курс политической экономии»). Париж, 1824).— 436, 440.

Tooke, Th. An Inquiry into the currency principle; the connection of the currency with prices, and the expediency of a separation of issue from banking. Second edition. London, 1844 (*Тук, Т.* Исследование закона денежного обращения; связи денежного обращения с ценами и целесообразности отделения выпуска банкнот от банкового дела. Издание второе. Лондон, 1844). Первое издание вышло в Лондоне в том же 1844 году. — 433.

Torrens, R. An Essay on the external corn trade. London, 1815 (*Торренс, Р.* Опыт о внешней торговле хлебом. Лондон, 1815). — 122, 129.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 (*Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 53, 66.

**Turgot, A. R. J.* Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766). In: Oeuvres de *Turgot.* Nouvelle édition par E. Daire. Tome I. Paris, 1844 (*Тюрго, А. Р. Ж.* Размышления о создании и распределении богатств (1766). В книге: Сочинения *Тюрго.* Новое издание Э. Дэра. Том I. Париж, 1844). — 121.

Ure, A. The Philosophy of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain. London, 1835 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Лондон, 1835). — 111, 373.

Vanderlint, J. Money answers all things; or, an Essay to make money sufficiently plentiful amongst all ranks of people. London, 1734 (*Вандерлинт, Дж.* Деньги соответствуют всем вещам, или Опыт о том, как сделать, чтобы у всех слоев населения было достаточно денег. Лондон, 1734). — 121.

Wade, J. History of the middle and working classes. Third edition. London, 1835 (*Уэйд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Издание третье. Лондон, 1835). Первое издание вышло в Лондоне в 1833 году. — 64, 112.

Wakefield, E. G. A Commentary to Smith's wealth of nations — см. *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary,

by the author of «England and America».

[Wakefield, E. G.] England and America. A comparison of the social and political state of both nations. In two volumes. London, 1833 (*[Уэйкфилд, Э. Г.]* Англия и Америка. Сравнение социального и политического положения обоих народов. В двух томах. Лондон, 1833). — 206, 322.

Wayland, Fr. The Elements of political economy. Boston, 1843 (*Уэйленд, Фр.* Основы политической экономии. Бостон, 1843). — 56.

Young, A. Political arithmetic. Containing observations on the present state of Great Britain. London, 1774 (*Юнг, А.* Политическая арифметика, содержащая замечания о современном положении Великобритании. Лондон, 1774). — 90, 105.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

«Deutsch-Französische Jahrbücher» (Немецко-французский ежегодник). Париж, 1844. — 63, 177.

«The Economist» («Экономист»), Лондон. — 310, 384, 387.
— т. IX, 19 июля 1851 г. — 210.

«The Edinburgh Review, or Critical Journal» («Эдинбургское обозрение, или Критический журнал»), 1860. — 123.

«The Journal of the Society of Arts» («Журнал Общества искусств и ремесел»). Лондон.
— том VII, 9 декабря 1859. — 310.

«Revue des deux Mondes», nouvelle serie, tome XXIV. Paris, 1848, стр. 998—999 («Обозрение Старого и Нового света», новая серия, том XXIV. Париж, 1848, стр. 998—999). — 29.

«Reynolds's Newspaper» («Газета Рейнольдса»). Лондон, 29 ноября 1863 г. — 136.

«The Times» («Времена»). Лондон, 13 марта 1862. — 124.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бальзак. Гобсек. — 211.

Вергилий. Энеида. — 133, 216.

Гёте. Фауст. — 63, 216, 496.

Дефо. Робинзон Крузо. — 178—180.

Мильтон. Потерянный рай. — 99—100.

Сервантес. Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский. — 183.

Шекспир. Король Генрих V. — 88.

Шекспир. Много шума из ничего. — 185.

Шекспир. Ричард III. — 88.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ *

Аристотель. Политика. Перевод с греческого С. А. Жебелева. Москва, 1911. — 54, 96, 183.

Аристотель. Этика. Перевод с греческого Э. Радлова. СПб., 1908. — 149.

**Брей, Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости. М., 1956. — 55.

Годскин, Т. Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938. — 55—56, 201, 329.

**Джонс, Р.* Экономические сочинения. Перевод с английского. Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1937. — 66—67, 210.

Либих, Ю. Химия в приложении к земледелию и физиологии растений. Перевод проф. Ильенкова. М., 1870. — 200.

**Либих, Ю.* Химия в приложении к земледелию и физиологии. Комментарии и редакция перевода проф. А. Н. Лебедянцева. М. — Л., 1936 (перевод с сокращениями). — 200.

Мальтус, Т. Р. Исследование о природе и развитии ренты, а также о началах ее регулирующих. Перевод А. Миклашевского (в «Ученых записках императорского Юрьевского университета», № 2 и 3. Юрьев, 1908). — 121.

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми из их применений к общественной философии. Второе полное издание в двух томах. [Перевод Н. Г. Чернышевского]. СПб., 1874. Том I. — 54, 113.

Милль, Дж. Ст. Основания политической экономии (в книге: *Н. Г. Чернышевский.* Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Том IX. Под редакцией И. Д. Удальцова. М., 1949) (перевод с сокращениями). — 54, 113.

* Настоящий указатель содержит только последние из имеющихся русских переводов цитируемых и упоминаемых Марксом книг. Однако для работ, которые были выпущены в сокращенном виде, сделано исключение. В этом случае приводится также и предыдущий, более полный перевод.

Звездочкой отмечены те русские издания, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц этих изданий (самый перевод цитируемых Марксом мест, даваемый в тексте тома, в необходимых случаях уточнен и исправлен).

Милль, Дж. Ст. Система логики, силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Перевод с английского под ред. В. Н. Ивановского. М., 1914. — 213.

**Петти.* Политическая анатомия Ирландии 1672 г. (в книге: *В. Петти.* Экономические и статистические работы. Перевод под редакцией М. Смит. М., 1940). — 121.

**Рикардо, Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I). — 53, 64, 66, 104, 105, 113, 132, 200, 212, 391, 480.

Рошер, В. Система народного хозяйства. Том I. Начала народного хозяйства. Перевод И. Бабста. Том I. Отделение первое. М., 1860; отделение второе. М., 1862. — 66.

**Сисмонди, Ж. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I — II. М., 1937. — 7, 57, 72, 193, 201, 205, 208—209, 228.

Смит, А. Исследования о природе и причинах богатства народов. С примечаниями Бентама, Бланки, Буханана (в настоящем издании: Бьюканен), Гарнье, Мак-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сэя, Сисмонди и Тюрго. Перевел П. А. Бибиков. Тома I — III. СПб., 1866 (перевод с французского издания Гарнье 1843 года). — 112.

**Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. — Л., 1935. Тома I — II. — 196.

**Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. — 112, 196.

Сэ, Ж. Б. (в настоящем издании: *Сэй, Ж. Б.*). Трактат политической экономии. Перевод Е. Н. Каменецкой. М., 1896 (перевод отдельных глав). — 57, 188, 328.

**Тюрго, А. Р.* Избранные экономические произведения. М., 1961. — 121.

Шторх, Г. Курс политической экономии, или Изложение начал, обусловливающих народное благоденствие. Перевод с французского под редакцией и с заметками И. В. Вернадского. Том I. СПб., 1881. — 53, 120, 214, 436, 440—441.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Б

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

СОДЕРЖАНИЕ

К. МАРКС

[ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОРИЗОВАННОГО ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАНИЯ I ТОМА «КАПИТАЛА»]

К. МАРКС

[КАПИТАЛ] ВТОРАЯ КНИГА

ПРОЦЕСС ОБРАЩЕНИЯ КАПИТАЛА

Том подготовили к печати
С. М. Григорьян и *А. И. Малыш*

В подготовке части переводов участвовали *Л. В. Мишин* и *Л. Г. Чурбанов*

Помощник подготовителей
И. А. Дмитриева

В оформлении рукописи для набора участвовала *Е. М. Овсянникова*

Редактор *А. И. Малыш*

Технический редактор *А. П. Агафошина*

Корректоры
Т. И. Андрианова, Е. Н. Балабаева

★

Сдано в набор 27 сентября 1973 г. Подписано в печать 20 апреля 1974 г. Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 36,0. Учетно-изд. л. 36,72. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 1054. Цена 1 руб.

★

Издательство политической литературы. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.